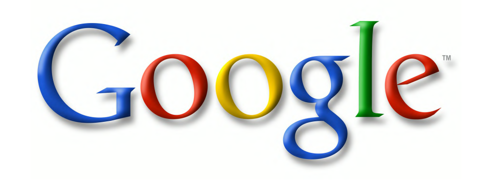
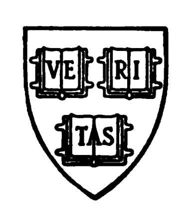
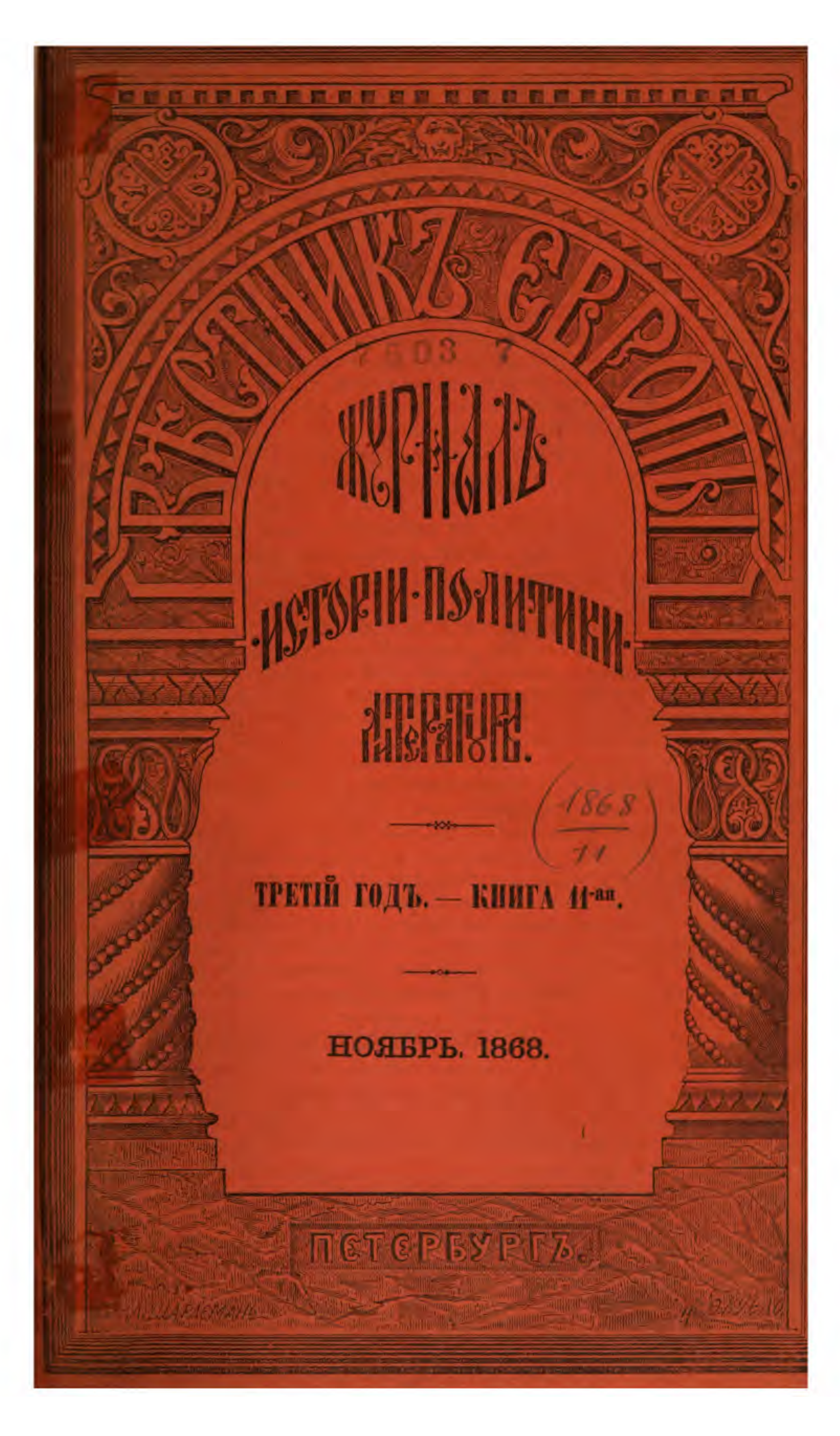

VE RI
TAS

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
·ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
1868
11
ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 11-ая.
НОЯБРЬ. 1868.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 11-ая. — НОЯБРЬ, 1868.

Стр.

Объявленіе о подписной цѣнѣ на 1869 годъ и объ увеличеніи Почтамтомъ платы за пересылку отъ 1 руб. 50 к. до 2 руб. 80 к. прилагается особо.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРЕТІЙ ГОДЪ.—ТОМЪ VI.

ГОДЪ XXXII. — ТОМЪ CLXXXVIII. — 1/13 НОЯБРЯ 1868.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ 2.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

ТОМЪ VI.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

С САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

1.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler.
U. S. Consul
at Birmingham, Eng.

НАТАНЪ МУДРЫЙ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ *).

(1779 г.)

(Лессинга)

Introite, nam et heic dii sunt!
Apud Gellium.

ЛИЦА.

САЛАДИНЪ, султанъ.

ЗИТТА, сестра его.

НАТАНЪ, богатый еврей въ Іерусалимѣ.

РЭХА, его пріемная дочь

ДАЙА, христіанка, живущая въ домѣ еврея, какъ собесѣдница Рэхи.

МОЛОДОЙ ХРАМОВНИКЪ.

ДЕРВИШЪ.

ПАТРІАРХЪ Іерусалимскій.

МОНАСТЫРСКІЙ СЛУЖКА.

ЭМИРЪ и МАМЕЛЮКИ Саладина.

Дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ.

---

*) См. выше, т. V, стр. 493—614.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Въ сводчатыхъ переходахъ монастыря.

СЛУЖКА и вскорѣ потомъ ХРАМОВНИКЪ.

СЛУЖКА.

Да, да.... Онъ правъ, нашъ патріархъ.... Конечно,
Изо всего, что онъ мнѣ поручалъ,
Не удавалось многое.... Зачѣмъ же
Даетъ онъ мнѣ такія порученья?
Я не хочу быть хитрымъ, не люблю
Оспаривать, совать свой носъ повсюду,
За все, за все хвататься! И затѣмъ ли
Я для себя отъ міра удалился,
Чтобъ тутъ-то и запутаться сильнѣе
Въ дѣла мірскія для другихъ.

ХРАМОВНИКЪ — поспѣшно подходя къ нему.

А! вотъ вы!
Мой добрый братъ. Я васъ давно ищу.

СЛУЖКА.

Вы, господинъ, меня искали?

ХРАМОВНИКЪ.

Развѣ
Ужъ вы меня не узнаете?

СЛУЖКА.

Да.
О, да! — я знаю васъ; я только думалъ,
Что никогда мнѣ не придется снова
Встрѣчаться съ вами, я, какъ передъ Богомъ,
Надѣялся на это; потому что

Извѣстно Господу, какъ непріятно
Мнѣ было предложеніе, съ которымъ
Меня заставили къ вамъ обратиться.
Извѣстно Господу — желалъ ли я,
Чтобъ выслушали вы его охотно;
Какъ въ глубинѣ души я былъ доволенъ,
Когда, безъ дальнихъ размышленій, сразу
Вы оттолкнули отъ себя все то,
Что недостойно рыцаря. И что же,
Вы все-таки приходите?! Теперь
Оно-таки подѣйствовало, рыцарь?!

ХРАМОВНИКЪ.

Ужъ вамъ извѣстно, почему пришелъ я?
Объ этомъ я едва-ли знаю самъ.

СЛУЖКА.

Вы передумали, вы убѣдились,
Что патріархъ былъ не совсѣмъ не правъ,
Что предпріятіе его могло бы
Вамъ принести и честь и деньги? Такъ ли?
Что врагъ нашъ — все-таки нашъ врагъ, хотя бы
Намъ ангеломъ-хранителемъ онъ былъ.
Все это вы обдумали, все это
Вамъ въ плоть и кровь вошло, и вы пришли,
Чтобъ предложить.... Ахъ! Господи!...

ХРАМОВНИКЪ.

Утѣшьтесь,
Мой честный братъ, мой добрый, не затѣмъ
Я прихожу сюда, и не объ этомъ
Хочу я съ патріархомъ говорить.
Еще на этотъ счетъ своихъ воззрѣній
Я не мѣнялъ, и ни за что на свѣтѣ
Мнѣ не хотѣлось бы лишиться мнѣнья
Хорошаго, которымъ удостоилъ
Меня такой прямой, благочестивый
И добрый человѣкъ. Я прихожу,
Чтобъ только кой-о-чемъ спросить совѣта
У патріарха.

СЛУЖКА — робко оглядываясь.

Вы? у патріарха?
Вы, рыцарь, у попа?

ХРАМОВНИКЪ.

Само-то дѣло
Порядочно поповское.

СЛУЖКА.

Ну, попъ
Совѣтоваться съ рыцаремъ не станетъ,
Хотя-бъ и рыцарское дѣло было.

ХРАМОВНИКЪ.

За то скорѣй онъ смѣетъ провиниться;
Но преимуществу такому много
Завидовать иной изъ насъ не будетъ.
Конечно, еслибъ только о себѣ
Я хлопоталъ; когда-бъ я былъ обязанъ
Отчетомъ одному себѣ, не сталъ бы
Справляться съ вашимъ патріархомъ; но,
Въ извѣстныхъ случаяхъ, я поступаю
Скорѣе дурно по чужимъ желаньямъ,
Чѣмъ хорошо, — но не сносясь ни съ кѣмъ.
Притомъ, теперь я вижу это ясно,
Религія есть партія — и кто
Себя воображаетъ чуждымъ партій,
Тотъ все-таки, не замѣчая самъ,
Права своихъ отстаиваетъ только.
А если разъ оно ужъ таково,
Такъ, вѣроятно, это справедливо.

СЛУЖКА.

Я лучше промолчу. Мнѣ, господинъ мой,
Такія рѣчи не совсѣмъ понятны.

ХРАМОВНИКЪ.

И все-таки....

Про себя.

Да собственно-то что же

Мнѣ нужно? что? совѣтъ иль приговоръ?
Совѣтъ прямой и ясный — иль ученый?

Служкѣ.

Спасибо вамъ за добрый вашъ намекъ,
Мой братъ. Чтò патріархъ!? Нѣтъ, патріархомъ
Мнѣ будьте вы. Вѣдь патріарха больше,
Какъ христіанина хочу спросить я,
Чѣмъ христіанина, какъ патріарха, —
Такъ дѣло въ томъ....

СЛУЖКА.

Нѣтъ, нѣтъ, ни слова больше.
Зачѣмъ? Вы ошибаетесь во мнѣ.
Кто много знаетъ, у того и много
Заботъ, а я всегда хвалился только
Одной заботой.... Слушайте. Вотъ кстати!
Смотрите, какъ я счастливъ! вонъ, идетъ онъ.
Останьтесь здѣсь, ужъ онъ замѣтилъ васъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПАТРІАРХЪ выходитъ изъ сводчатаго перехода, во всемъ великолѣпіи обстановки духовнаго лица, и ПРЕЖНІЕ.

ХРАМОВНИКЪ.

Отъ этого я лучше ускользнулъ бы.
Онъ не совѣтчикъ мнѣ. Румяный, толстый,
Веселенькій прелатъ. И что за роскошь!

СЛУЖКА.

Взглянули бы вы на него, когда
Онъ во дворецъ сбирается; теперь же
Ходилъ къ больному.

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ тутъ Саладина
Ему не пристыдить?!

ПАТРІАРХЪ — подходя ближе, зоветъ служку рукой.

Сюда. — Вѣдь это
Храмовникъ? Что̀ ему?

СЛУЖКА.

Не знаю.

ПАТРІАРХЪ — подходитъ къ храмовнику, свита и служка отступаютъ въ глубину.

Ну —
Я очень радъ васъ видѣть, храбрый рыцарь,
И молодой — да, очень молодой!...
Такъ съ Божьей помощью — кой-что могло бы
И выйти изъ того.

ХРАМОВНИКЪ.

Едва ли больше,
Отецъ достопочтенный, — чѣмъ ужъ есть.
Скорѣе меньше.

ПАТРІАРХЪ.

Я, по крайней мѣрѣ,
Желаю, чтобъ еще вы долго, долго,
Благочестивый рыцарь, процвѣтали —
На пользу дѣла Божьяго, — на славу
И честь любезнаго намъ христіанства.
И если только мужество младое
Совѣтамъ зрѣлымъ старости съ умѣньемъ
Послѣдуетъ, — надѣюсь, такъ и будетъ.
Но чѣмъ могу вамъ услужить?

ХРАМОВНИКЪ.

Тѣмъ самымъ,
Въ чемъ молодость нуждается: совѣтомъ.

ПАТРІАРХЪ.

Я очень радъ. — Но примутъ ли совѣтъ мой?

ХРАМОВНИКЪ.

Не слѣпо.

ПАТРІАРХЪ.

Кто же это говоритъ?!
Конечно, долженъ пользоваться всякій
Разсудкомъ, даннымъ Господомъ, — но тамъ,
Гдѣ слѣдуетъ. Всегда ли онъ умѣстенъ?
Примѣрно: если Богъ — чрезъ одного
Изъ ангеловъ своихъ — въ лицѣ, положимъ,
Служителя его святого слова —
Насъ удостоиваетъ знать то средство,
Которымъ процвѣтанье нашей церкви —
На благо христіанству — мы могли бы
Упрочить, укрѣпить, какимъ-нибудь
Особымъ способомъ, — тогда — кто смѣетъ
Изслѣдовать разсудкомъ произволъ
Того, кѣмъ созданъ былъ разсудокъ?... Кто
Осмѣлится — по правиламъ ничтожнымъ
Какой-то чести суетной — провѣрить
Законъ небеснаго величья? — вѣчный
Законъ? Но будетъ съ насъ объ этомъ. Въ чемъ же
Вы требуете нашего совѣта?

ХРАМОВНИКЪ.

Положимъ, праведный отецъ, что есть
Дитя единственное у еврея, —
Что это — дѣвушка, — что съ величайшей
Заботливостью воспиталъ еврей
Ее на все прекрасное, что любитъ
Ее онъ больше жизни, что она
Ему любовью кроткой отвѣчаетъ.
И вотъ, кому-нибудь изъ насъ доносятъ,
Что эта дѣвушка — не дочь еврея,
Что будто онъ ее еще младенцемъ
Нашелъ, купилъ, похитилъ, — что̀ хотите.
И знаютъ, будто, что она родилась
Отъ христіанъ и крещена, что только
Еврей ее воспитывалъ еврейкой,
И до сихъ поръ еврейкой оставляетъ,
Какъ дочь свою. Отецъ достопочтенный,
Скажите, что̀ тутъ дѣлать?

ПАТРІАРХЪ.

Я сраженъ!

Но прежде объяснитесь: этотъ случай —
Гипотеза иль фактъ? — Сказать иначе:
Все это такъ лишь вами, господинъ,
Сочинено, иль точно совершилось
Оно и продолжаетъ совершаться.

ХРАМОВНИКЪ.

Я думалъ: если хочешь только мнѣнье,
Отъ вашего святѣйшества, узнать,
Такъ это все равно.

ПАТРІАРХЪ.

Равно? — Смотрите,
Какъ можетъ гордый разумъ человѣка
Въ духовномъ дѣлѣ ошибаться. Нѣтъ!
Коль вамъ угодно только забавляться
Игрою остроумія, не стоитъ
Труда серьезно говорить о томъ,
И я къ театру отсылаю васъ,
Гдѣ могутъ этакія pro et contra
Съ успѣхомъ представляться. Но когда
Не шутку театральную въ насмѣшку
Вы разсказали мнѣ, и этотъ случай
Есть фактъ, который совершился даже
Въ любезномъ нашемъ Іерусалимѣ,
Въ епархіи у насъ — тогда....

ХРАМОВНИКЪ.

Ну, что же?

ПАТРІАРХЪ.

Жида сейчасъ подвергнуть наказанью,
Которымъ — за такое святотатство
И злодѣяніе — велятъ казнить
Законы императора и папы.

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ вотъ что?!

ПАТРІАРХЪ.

А помянутымъ закономъ

Повелѣно жечь на кострѣ еврея,
Коль христіанина онъ совращаетъ
Въ религіи.

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ вотъ оно?!

ПАТРІАРХЪ.

Тѣмъ больше
Еврея, — оторвавшаго насильно
Младенца христіанскаго отъ церкви,
Съ которой связанъ онъ своимъ крещеньемъ. —
И чтожъ, какъ не насиліе все то,
Что̀ дѣлаютъ съ безпомощнымъ младенцемъ?
Ну — такъ сказать — конечно, исключая
Того, что церковь дѣлаетъ.

ХРАМОВНИКЪ.

А еслибъ
Средь бѣдствій нищеты дитя погибло,
Когда-бъ надъ нимъ не сжалился еврей?

ПАТРІАРХЪ.

Вздоръ! — Ничего не значитъ! Сжечь еврея
Затѣмъ, что лучше въ бѣдствіяхъ погибнуть,
Чѣмъ къ вѣчному грѣху спастись. Притомъ же,
Зачѣмъ еврей предупреждаетъ Бога? —
Захочетъ Богъ — спасетъ и безъ него.

ХРАМОВНИКЪ.

И вопреки ему, какъ надо думать,
Богъ можетъ дать и вѣчное блаженство?

ПАТРІАРХЪ.

Не значитъ ничего — еврея сжечь.

ХРАМОВНИКЪ.

Мнѣ это жаль. Особенно, какъ слышно,
Еврей ее воспитывалъ не столько

Въ своей, какъ вовсе безо всякой вѣры.
О Богѣ же не больше и не меньше
Онъ говорилъ, какъ только то, чѣмъ разумъ
Довольствоваться можетъ.

ПАТРІАРХЪ.

Все равно!
Еврея сжечь. Да за одно за это
Онъ долженъ быть сожженъ три раза. Что?!
Безъ всякой вѣры выростить ребенка?
Не научить его святѣйшей нашей
Обязанности вѣровать? — Ну, нѣтъ!
Ужъ это слишкомъ. Удивляюсь, рыцарь,
Какъ сами вы....

ХРАМОВНИКЪ.

Честной отецъ! — Коль Богу
Угодно будетъ, такъ объ остальномъ
На исповѣди...

Хочетъ идти.

ПАТРІАРХЪ.

Что?! — не дать мнѣ даже
Отчета? — не назвать жида злодѣя?
Его ко мнѣ не привести? — Но знаю,
Чтò сдѣлать. Я сейчасъ иду къ султану.
Султанъ обязанъ охранять насъ въ силу
Капитуляціи, въ которой клятву
Онъ далъ, — во всѣхъ правахъ насъ охранять,
Во всѣхъ ученіяхъ, какія только
Причислить смѣемъ къ нашей пресвятѣйшей
Религіи. Увидимъ. — Слава Богу,
Оригиналъ у насъ, и мы имѣемъ
Печать его и подпись. Мы, — притомъ,
Я объяснить ему легко съумѣю,
Какъ и для государства самого
Безвѣріе опасно, какъ всѣ узы
Гражданскія порвутся и погибнутъ,
Коль ни во что не будутъ вѣрить люди.
Прочь! прочь! съ подобнымъ святотатствомъ!

ХРАМОВНИКЪ.

Жаль,

Что недосугъ мнѣ дольше насладиться
Прекраснымъ поученьемъ. Къ Саладину
Я позванъ....

ПАТРІАРХЪ.

Да? — Итакъ — тогда — конечно....

ХРАМОВНИКЪ.

Коль вашему святѣйшеству угодно, —
Султана приготовлю я....

ПАТРІАРХЪ.

О! — знаю,
Что вы снискали милость Саладина.
Прошу васъ, у него припоминайте
Вы обо мнѣ хорошее одно.
Мной только ревность къ Богу руководитъ,
И если дѣлаю я слишкомъ много,
Такъ для него же. Взвѣсьте это, рыцарь.
Помянутый же случай объ евреѣ,
Не правда ли, была проблема? — да?
И, такъ сказать....

ХРАМОВНИКЪ.

Проблема.

Уходитъ.

ПАТРІАРХЪ.

Про себя.

Но въ которой
Я долженъ глубже розыскать основы....
И это будетъ снова порученье —
Для брата Бонафида.

Служкѣ.

Слушай, сынъ мой....

Уходитъ, разговаривая со служкой.

ЯВЛЕНІЕ III.

Комната во дворцѣ Саладина, куда рабы приносятъ множество мѣшковъ и ставятъ ихъ на полъ одинъ подлѣ другого.

САЛАДИНЪ, и вскорѣ потомъ ЗИТТА.

САЛАДИНЪ — входя.

Ну, право, и конца имъ нѣтъ.... А много
Еще осталось тамъ?

РАБЪ.

Не меньше половины.

САЛАДИНЪ.

Такъ отнесите остальное Зиттѣ.
Да гдѣ-жъ Ал-Гафи? Пусть возьметъ онъ деньги.
Иль отослать ихъ лучше всѣ къ отцу?
Здѣсь все-таки сквозь пальцы ихъ пропустишь,
Хоть, правда, станешь черствымъ наконецъ.
Теперь придется быть весьма искуснымъ,
Чтобъ у меня порядкомъ поживиться; —
И бѣдность пусть справляется, какъ хочетъ,
Пока, по крайней мѣрѣ, изъ Египта
Не пришлютъ деньги. Только сбыть бы съ рукъ
Раздачу подаянія у гроба....
Паломниковъ не отпустить съ пустыми
Руками.... Только-бъ я....

ЗИТТА.

Что-жъ это значитъ?
Мнѣ деньги принесли?

САЛАДИНЪ.

Ты заплати
Себѣ изъ нихъ мой долгъ, а остальное
Оставь въ запасѣ.

ЗИТТА.

Нàтанъ и храмовникъ
Еще не приходили?

САЛАДИНЪ.

Нàтанъ ищетъ
Его вездѣ.

ЗИТТА — показывая ему маленькій рисунокъ.

Смотри, что̀ я нашла,
Перебирая старыя вещицы.

САЛАДИНЪ.

Мой братъ!!...—Таковъ онъ! Ахъ! Такимъ онъ былъ....
О милый, храбрый юноша, какъ рано
Я потерялъ тебя!—Чего-бъ мы вмѣстѣ,
Другъ подлѣ друга не свершили?! Зитта,
Оставь рисунокъ мнѣ. Я помню, братомъ
Онъ подаренъ былъ нашей Лиллѣ, старшей
Сестрѣ твоей, когда однажды утромъ
Она упорно изъ своихъ объятій
Не соглашалась отпустить Ассада.
Въ послѣдній разъ онъ выѣхалъ!—Онъ мною
Отпущенъ былъ! — одинъ! — и Лилла, съ горя
Скончавшись, никогда мнѣ не простила,
Что одного его я отпустилъ.
Онъ не вернулся.

ЗИТТА.

Бѣдный братъ!

САЛАДИНЪ.

Довольно!
Когда-нибудь и всѣхъ насъ здѣсь не будетъ.
Къ тому-жъ—кто знаетъ? Юношу такого,
Какъ онъ—не смерть одна съ пути сбиваетъ;
Враги его безчисленны, и часто
Изнемогаетъ сильный, какъ и слабый.
Объ немъ довольно. Я хочу сравнить
Съ храмовникомъ его изображенье.
Посмотримъ, много ли я былъ обманутъ
Моимъ воображеньемъ.

ЗИТТА.

Я затѣмъ-то

Портретъ и принесла. — Давай сюда.
Объ этомъ я скажу тебѣ, — на это
Нѣтъ глазъ пригоднѣй женскихъ.

САЛАДИНЪ — входящему привратнику.

Кто? Храмовникъ? —
Впустить.

ЗИТТА.

Чтобъ любопытствомъ не смущать,
Чтобъ не мѣшать вамъ...
Садится въ сторонѣ на диванъ и опускаетъ покрывало.

САЛАДИНЪ.

Хорошо. — Про себя. Послушать,
Каковъ-то голосъ? — Вѣдь и голосъ брата
Пожалуй спитъ еще въ моей душѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХРАМОВНИКЪ и САЛАДИНЪ.

ХРАМОВНИКЪ.

Я — плѣнникъ твой, султанъ.

САЛАДИНЪ.

Мой плѣнникъ? нѣтъ.
Кому я жизнь дарю, тому могу-ли
Не подарить свободу.

ХРАМОВНИКЪ.

Что тебѣ
Пристало дѣлать, мнѣ пристало слушать,
Не предъугадывать. Но не согласно
Съ моимъ характеромъ и положеньемъ,
Чтобъ началъ увѣрять я — что за жизнь
Тебѣ необычайно благодаренъ.
Во всякомъ случаѣ, она отнынѣ
Опять къ твоимъ услугамъ.

САЛАДИНЪ.

Нѣтъ. Но только
Не пользуйся ты ею мнѣ во вредъ,
Хоть я врагамъ моимъ отдамъ охотно
Двѣ лишнія руки, но тяжело бы
Мнѣ было имъ отдать такое сердце.
Мой храбрый юноша, я не ошибся
Въ тебѣ: ты братъ мой и душой и тѣломъ.
Я даже могъ-бы, кажется, спросить:
Куда ты пропадалъ все это время?
Въ какой пещерѣ спалъ? въ какой чудесной
Странѣ, какой волшебницею доброй
Такой цвѣтокъ такъ сохраненъ прекрасно?
Я могъ-бы пожелать тебѣ напомнить:
Что̀ здѣсь и тамъ мы вмѣстѣ совершали.
Поссориться съ тобою могъ бы я
За то, что отъ меня имѣлъ ты тайну,
И приключенье скрылъ. Я могъ-бы, — если-бъ
Съ тобою рядомъ я себя не видѣлъ.
Пускай! и въ этой сладостной мечтѣ —
Настолько правды все-таки найдется,
Что мнѣ приходится на осень жизни
Опять Ассада увидать цвѣтущимъ.
Вѣдь ты доволенъ этимъ, рыцарь?

ХРАМОВНИКЪ.

Все,
Что̀ для меня рѣшается тобою —
Что̀-бъ ни было оно — въ моей душѣ
Хранилось, какъ желанье.

САЛАДИНЪ.

Такъ давай-же
Мы это испытаемъ. Ты-бъ остался
Здѣсь у меня? остался-бы при мнѣ?
Какъ христіанинъ или мусульманинъ —
Мнѣ все равно. Въ твоемъ плащѣ съ крестомъ —
Иль въ нашемъ платьѣ, въ шляпѣ-ли, въ чалмѣ-ли,
Какъ хочешь — все равно. Я никогда
Не требовалъ, чтобъ всѣ деревья всюду
Росли-бы съ одинаковой корой.

ХРАМОВНИКЪ.

Иначе ты-бы не былъ тѣмъ, что̀ есть:
Герой, которому пріятнѣй было-бъ
Господень садъ лелѣять и ростить.

САЛАДИНЪ.

Ну, если я кажусь тебѣ не хуже,
То мы почти поладили.

ХРАМОВНИКЪ.

Совсѣмъ.

САЛАДИНЪ — протягивая руку.

И слово...

ХРАМОВНИКЪ — ударяя по рукѣ.

Мужа — нѐизмѣнно. Съ этимъ
Получишь больше, чѣмъ ты могъ бы взять.
Я твой душой и тѣломъ.

САЛАДИНЪ.

Слишкомъ много
Мнѣ прибыли для нѣсколькихъ часовъ.
А онъ? — съ тобой онъ не пришелъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Кто?

САЛАДИНЪ.

На̀танъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, я одинъ пришелъ.

САЛАДИНЪ.

Какой прекрасный
Поступокъ твой! Какая мудрость въ счастьи,
Что выпалъ-же такой поступокъ въ пользу
Такого человѣка.

ХРАМОВНИКЪ.

Правда — правда.

САЛАДИНЪ.

Такъ холодно?! нѣтъ, рыцарь, если Богъ
Чрезъ насъ добро являетъ, не должны мы
Не только быть холодными, но даже
Изъ скромности холодными казаться.

ХРАМОВНИКЪ.

Вѣдь вотъ—на свѣтѣ въ каждомъ дѣлѣ сыщешь
Такія стороны, что часто вовсе
Понять нельзя: что̀ общаго въ нихъ есть.

САЛАДИНЪ.

Всегда старайся лучшаго держаться;
И Бога восхваляй. Онъ знаетъ, что̀
Въ нихъ общаго. Но если затрудняться
Ты будешь, такъ и мнѣ съ тобой придется
Быть осторожнымъ; и во мнѣ найдутся,
Къ несчастью, стороны, которыхъ часто
На взглядъ нельзя порядкомъ согласить.

ХРАМОВНИКЪ.

Мнѣ это слышать больно: я бываю
Такъ рѣдко подозрительностью грѣшенъ.

САЛАДИНЪ.

Скажи мнѣ, кто-жъ тебѣ ее внушаетъ?
Казалось, будто На̀танъ? Какъ? ты можешь
Подозрѣвать его? Такъ объяснись!
Дай испытать, что ты ко мнѣ довѣрчивъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Я На̀тана ни въ чемъ не обвиняю
Я на себя сержусь.

САЛАДИНЪ.

И почему?

ХРАМОВНИКЪ.

Что сдуру бредилъ: будто есть возможность
Еврею разучиться быть жидомъ,
Что бредилъ на-яву.

САЛАДИНЪ.

Но въ чемъ-же дѣло?

ХРАМОВНИКЪ.

У Нȁтана есть дочь. Ты слышалъ, чтȍ
Я сдѣлалъ для нея. Я это сдѣлалъ
Ну—потому, что сдѣлалъ. Слишкомъ гордъ я,
Чтобъ видѣть благодарность гдѣ не стȍю:
И вотъ день ото дня я уклонялся
Отъ новой встрѣчи съ дѣвушкой. А Нȁтанъ
Былъ далеко. Онъ пріѣзжаетъ, слышитъ,
Меня сыскалъ, меня благодаритъ,
Онъ хочетъ, чтобы дочь мнѣ полюбилась,
Болтаетъ про надежды, про веселье
Грядущихъ дней.... Ну... я развѣсилъ уши,
Иду къ нему, гляжу, и вижу, точно,
Что дѣвушка.... Стыдиться долженъ я....

САЛАДИНЪ.

Стыдиться? — Не того-ль, что впечатлѣнье
Произвела еврейка на тебя?
О! никогда!

ХРАМОВНИКЪ.

Что молодое сердце,
Плѣняясь болтовней отца, такъ мало
Противилось такому впечатлѣнью.
Я въ пламя снова бросился, безумецъ!
Я сватался—и получилъ отказъ.

САЛАДИНЪ.

Отказъ?!

ХРАМОВНИКЪ.

Отецъ-философъ, ужъ конечно,

Не отказалъ мнѣ на̀чисто, но прежде
Онъ долженъ разузнать и пообдумать...
О!... непремѣнно!.. Я вѣдь такъ-же дѣлалъ!
Разузнавалъ, обдумывалъ вѣдь тоже
Когда она кричала изъ огня!
По истинѣ — ей Богу — это нѣчто
Прекрасное, настолько мудрымъ быть
И разсудительнымъ.

САЛАДИНЪ.

Ну!.. Будь немножко
Поснисходительнѣе къ старику.
Не можетъ онъ отнѣкиваться долго.
Не станетъ-же онъ требовать, чтобъ ты
Евреемъ сдѣлался?

ХРАМОВНИКЪ.

Кто знаетъ?

САЛАДИНЪ.

Знаетъ —
Кто лучше съ этимъ На̀таномъ знако̀мъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Вѣдь оттого, что сами мы призна̀емъ
То суевѣріе, въ которомъ съ дѣтства
Мы выросли, еще не потеряетъ
Оно надъ нами власти, — и не всякій
Свободенъ, кто смѣется надъ своими
Цѣпями.

САЛАДИНЪ.

Замѣчанье очень здраво,
Но ты....

ХРАМОВНИКЪ.

И худшее изъ суевѣрій:
Считать свое — терпимѣй всѣхъ.

САЛАДИНЪ.

Пожалуй!
Но На̀тана....

ХРАМОВНИКЪ.

И только *своему*
Тупое человѣчество довѣритъ,
Пока оно привыкнетъ къ свѣтлымъ днямъ
Безспорной правды.

САЛАДИНЪ.

Да, но эту слабость
Не встрѣтишь въ Нàтанѣ.

ХРАМОВНИКЪ.

Я такъ-же думалъ.
Что-жъ? если онъ, обманщикъ этотъ наглый,
Не что иное, какъ завзятый жидъ,
Сбирающій младенцевъ христіанскихъ,
Чтобъ ихъ жидами дѣлать? что̀ тогда?

САЛАДИНЪ.

Кто въ этомъ упрекнетъ его?

ХРАМОВНИКЪ.

И даже
Та дѣвушка, которой заманилъ онъ
Меня, и самъ, казалось, такъ охотно
Хотѣлъ мнѣ отплатить ея надеждой,
Что для нея, какъ онъ сказалъ, не даромъ
Я сдѣлалъ, — эта дѣвушка ему
Совсѣмъ не дочь: пріемышъ! христіанка!

САЛАДИНЪ.

И все-таки не хочетъ онъ отдать
Ее тебѣ.

ХРАМОВНИКЪ.

Не хочетъ или хочетъ,
Но сорвана личина съ лицемѣра!
Но онъ открытъ! болтунъ вѣротерпимый!
И я съумѣю напустить собакъ —
Подъ философскою бараньей шкурой

На волка хищнаго жидовской крови...
Онѣ его взъерошатъ.

САЛАДИНЪ.

Христіанинъ!
Спокойнѣй!

ХРАМОВНИКЪ.

Христіанинъ! Какъ? — но если
И жидъ и мусульманинъ за свое
Стоятъ, — такъ вѣрно, только христіанинъ
Не смѣетъ христіаниномъ являться.

САЛАДИНЪ.

Спокойнѣй, христіанинъ! —

ХРАМОВНИКЪ.

Саладинъ!
Я въ этомъ словѣ чувствую всю тяжесть
Упрека твоего. Ахъ! — еслибъ зналъ я,
Какъ тутъ Ассадъ — Ассадъ твой поступилъ бы.

САЛАДИНЪ.

Немногимъ лучше и навѣрно съ той же
Горячностью. Но гдѣ-жъ ты научился
Такъ подкупать меня, какъ онъ, бывало,
Однимъ намекомъ? — Да, конечно, если
Все вышло такъ, какъ ты мнѣ разсказалъ,
Я Нàтана и самъ не понимаю.
Покамѣстъ онъ мнѣ другъ — и не должны
Мои друзья сердиться другъ на друга.
Дай разъяснить себѣ. Будь остороженъ.
Не подвергай его сейчасъ гоненью
Мечтателей народа твоего.
Смолчи о томъ, съ чѣмъ ваше духовенство
Ко мнѣ пристало бы, ему отмщая.
Не стой за христіанство — только нà-зло
Жиду иль мусульманину.

ХРАМОВНИКЪ.

А скоро

Мнѣ это поздно было бы. Спасибо,
Что патріархъ такъ кровожаденъ, — ужасъ
Бѐретъ — ему орудіемъ служить.

САЛАДИНЪ.

Какъ? — Прежде, чѣмъ ко мнѣ, ты къ патріарху
Отправился.

ХРАМОВНИКЪ.

Меня смутила страсть
И нерѣшительность.... Прости. Боюсь я,
Что узнавать ты больше не захочешь
Во мнѣ черты Ассада твоего.

САЛАДИНЪ.

Я узнаю его въ такой боязни.
Мнѣ кажется, извѣстно, изъ какихъ
Пороковъ выростаетъ добродѣтель;
И впредь объ ней заботься, и порокъ
Въ моихъ глазахъ тебѣ вредить не будетъ.
Ступай. Ищи мнѣ На̀тана, какъ онъ
Искалъ тебя, и оба приходите.
Я долженъ вмѣстѣ вразумить васъ. Если
Ты искренно объ дѣвушкѣ хлопочешь —
Она твоя — не безпокойся. Мы
И На̀тана почувствовать заставимъ,
Что выростить дерзнулъ онъ безъ свинины
Ребенка христіанскаго. Ступай.

Храмовникъ уходитъ и Зитта встаетъ съ дивана.

ЯВЛЕНІЕ V.

САЛАДИНЪ и ЗИТТА.

ЗИТТА.

Какъ странно!

САЛАДИНЪ.

Ну, сестра! — Ассадъ мой не былъ
Прекрасный, храбрый витязь?

ЗИТТА.

Если былъ онъ

Такимъ — и тутъ въ его изображеньи
Сказался больше онъ, а не храмовникъ.
Но какъ забылъ ты выспросить: кто были
Его родители?

САЛАДИНЪ.

И особливо
Про мать его? — Была ли здѣсь она
Когда-нибудь? — Не правда ли?

ЗИТТА.

Хорошъ ты!

САЛАДИНЪ.

Возможнѣе нѣтъ ничего. Ассада
Красотки христіанскія любили,
И самъ онъ былъ до нихъ настолько падокъ,
Что даже какъ-то рѣчь была... Но полно,
Я не люблю объ этомъ говорить.
Теперь онъ снова мой, и мнѣ онъ дорогъ —
Со всѣми недостатками — со всѣми
Причудами души прекрасной, мягкой.
О! — Нàтанъ долженъ дѣвушку отдать
Ему. Не правда ли?

ЗИТТА.

Отдать? — оставить.

САЛАДИНЪ.

Конечно. — Если Нàтанъ не отецъ ей,
Какое-жъ право на нее имѣетъ? —
Въ права того, кто далъ ей жизнь, вступаетъ
Лишь тотъ одинъ, кто такъ ей сохранить
Могъ эту жизнь.

ЗИТТА.

Что̀, если-бъ ты сейчасъ-же,
Отнявъ у незаконнаго владѣльца,
Взялъ дѣвушку къ себѣ?

САЛАДИНЪ.

Да нужно-ль это?

ЗИТТА.

Оно не то что нужно, — но одно
Ужъ любопытство милое мнѣ шепчетъ
Такой совѣтъ. Меня иной мужчина
Вотъ такъ и подстрекаетъ знать скорѣй,
Какую дѣвушку любить онъ можетъ.

САЛАДИНЪ.

Пошли за ней.

ЗИТТА.

Позволишь, братъ?

САЛАДИНЪ.

Но только
Ты Нàтана щади мнѣ. Онъ никакъ
Не долженъ думать, что хотятъ насильно
Ихъ разлучить.

ЗИТТА.

Не безпокойся.

САЛАДИНЪ.

Я же
Пойду взглянуть, куда Ал-Гафи дѣлся.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прихожая комната въ домѣ Нàтана, какъ въ первомъ явленіи перваго дѣйствія. Часть товара разобрана изъ тюковъ; объ немъ и идетъ рѣчь.

НАТАНЪ и ДАЙА.

ДАЙА.

Ахъ, это все прелестно! превосходно!
Такъ только вы умѣете дарить.
Серебрянная ткань-то дорога ли?
Гдѣ дѣлаютъ ее? — Вотъ это можно
Назвать вѣнчальнымъ платьемъ. Королевѣ
Не нужно лучшаго.

НАТАНЪ.

А почему бы
Вѣнчальнымъ?

ДАЙА.

Ну, конечно, вы объ этомъ
Не думали, когда вы покупали;
Но право, именно вотъ эта ткань —
Какъ по заказу платье для невѣсты:
Тутъ поле бѣлое изображаетъ
Невинность, а побѣги золотые —
Разсыпанные по полю — богатство.
Премило. — Посмотрите.

НАТАНЪ.

Остроумно.
А для какой невѣсты расписала
Ты символы такъ мудро? — Развѣ ты
Невѣста?

ДАЙА.

Я?

НАТАНЪ.

Да кто же?

ДАЙА.

Я? — Творецъ мой!

НАТАНЪ.

Кто-жъ больше? — Чье же свадебное платье?
Вѣдь это все тебѣ принадлежитъ.

ДАЙА.

Все это мнѣ? — мое? а не для Рэхи?

НАТАНЪ.

Что̀ я привезъ для Рэхи — уложилъ я
Въ другомъ тюкѣ. Бери и уноси
Свои богатства.

ДАЙА.

Искуситель! — Нѣтъ же, —
Будь это всѣ сокровища вселенной,
Я все таки не трону ничего,
Коль вы сейчасъ же мнѣ не поклянетесь
Воспользоваться случаемъ, какого
Дважды небо не пошлетъ вамъ, Натанъ.

НАТАНЪ.

Воспользоваться случаемъ? — какимъ?

ДАЙА.

Не знаете? — Не притворяйтесь! Словомъ:
Храмовникъ любитъ Рэху, — такъ отдайте
Ему ее и прекратите грѣхъ,
Который дольше не могу скрывать я.
Пускай она вернется къ христіанамъ
И будетъ тѣмъ, что есть и чѣмъ была.
Тогда на вашу голову сготовитъ
Не уголья горящіе одни —
Все доброе, чѣмъ вы такъ много, много
Насъ обязали.

НАТАНЪ.

Старая погудка
На новый ладъ. Боюсь я, чтобъ она
Въ разладъ не зазвучала.

ДАЙА.

Какъ?

НАТАНЪ.

Храмовникъ
Годился бы, и никому на свѣтѣ
Не отдалъ бы я Рэху такъ охотно.
Но.... Будемъ терпѣливы.

ДАЙА.

Терпѣливы?
Вотъ это ваша старая погудка.

НАТАНЪ.

Еще немного дней терпѣнья.... Кто тамъ
Идетъ? — Смотри-ка! — Служка монастырскій!
Поди спроси, что̀ надобно ему?

ДАЙА.

Извѣстно, что̀ за надобность!

НАТАНЪ.

Подай же —
И прежде, чѣмъ попроситъ.

Про себя.

Если-бъ только
Я приступить къ храмовнику съумѣлъ,
Не высказавъ причины любопытства.
Сказать ему? — А если подозрѣнье
Неосновательно, тогда напрасно
Запутаю отца я въ это дѣло.

Дайѣ.

Ну что?

ДАЙА.

Онъ хочетъ съ вами говорить.

НАТАНЪ.

Зови-жъ его и уходи покамѣстъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

НАТАНЪ и СЛУЖКА.

НАТАНЪ — про себя.

Съ какимъ бы счастьемъ, Рэха, я остался
Твоимъ отцомъ. Но развѣ не могу я
Остаться имъ, когда я перестану
Имъ называться. Ты сама, узнавши,
Какъ сильно быть отцомъ тебѣ хочу я,
Меня отцомъ считать не перестанешь.

Служкѣ.

Чѣмъ я могу служить вамъ, братъ честной?

СЛУЖКА.

Не то чтобъ многимъ! Радуюсь душевно,
Что господина Нàтана я вижу
Еще благополучнымъ.

НАТАНЪ.

Такъ меня
Вы знаете?

СЛУЖКА.

Да кто же васъ не знаетъ?
Не одному изъ насъ вы ваше имя
Съумѣли втиснуть въ руку, и моей
Оно давнымъ-давно знакомо.

НАТАНЪ — хватаясь за кошелекъ.

Такъ давайте,
Мы память освѣжимъ.

СЛУЖКА.

Благодарю васъ.
Я это у бѣднѣйшаго укралъ бы, —
Не надо ничего. Позвольте вамъ
Поосвѣжить мое мірское имя;
Я тоже вѣдь похвастаться могу,
Что кое-что, чѣмъ вы не погнушались,
Вамъ въ руки положилъ.

НАТАНЪ.

Скажите: что?
Простите! я стыжусь, я отплачу вамъ
Мой долгъ съ избыткомъ.

СЛУЖКА.

Слушайте сперва,
Кàкъ самъ сегодня только я припомнилъ —
Объ этомъ вамъ довѣренномъ закладѣ.

НАТАНЪ.

Закладѣ? — мнѣ довѣренномъ!

СЛУЖКА.

Недавно
Я жилъ еще отшельникомъ смиреннымъ
Близъ Іерихона въ Карантанѣ. Тамъ
Пришли толпой разбойники арабы,
Снесли мою часовеньку и келью —
И за собой меня угнали. Къ счастью,
Я спасся, и бѣжалъ я къ патріарху,
Чтобъ выпросить себѣ другое мѣсто,
Гдѣ можно бы мнѣ было до кончины
Въ уединеньи Господу служить.

НАТАНЪ.

Но это пытка, добрый братъ! — Кончайте
Скорѣй. Закладъ! довѣренный закладъ!

СЛУЖКА.

Сейчасъ. Ну патріархъ нообѣщалъ мнѣ,
Что поселитъ меня онъ па Ѳаворѣ,
Какъ только тамъ очистится мѣстечко,
А между тѣмъ, велѣлъ остаться служкой
Въ монастырѣ. Вотъ, господинъ, теперь
Я здѣсь живу, и въ день сто разъ навѣрно
Вздыхаю по Ѳаворѣ. Патріархъ
Мнѣ поручаетъ многое, къ чему я
Питаю отвращенье. Напримѣръ....

НАТАНЪ.

Прошу васъ!

СЛУЖКА.

Мы подходимъ къ дѣлу. Кто-то
Ему шепнулъ сегодня, будто здѣсь
Живетъ еврей, который христіанку
Воспитываетъ — какъ родную дочь.

НАТАНЪ.

Что?

СЛУЖКА.

Выслушайте. Этимъ святотатствомъ

Онъ сильно былъ разгнѣванъ; онъ призналъ
Въ немъ настоящій грѣхъ противу Духа
Святого. Мы считаемъ этотъ грѣхъ
Важнѣе всѣхъ грѣховъ, хотя порядкомъ
Не знаемъ сами, слава Богу, въ чемъ
Онъ состоитъ. Такъ патріархъ велѣлъ мнѣ
Гдѣ-бъ ни было, но выслѣдить сейчасъ же
Того еврея. Тутъ внезапно совѣсть
Моя проснулась: мнѣ пришло на умъ,
Что я и самъ способствовалъ когда-то
Незамолимому и страшному
Грѣху. Скажите, восемнадцать лѣтъ
Назадъ, не приносилъ ли нѣкій конюхъ
Вамъ дѣвочку недѣль шести?

НАТАНЪ.

Но какъ же?!
Конечно! безъ сомнѣнья.

СЛУЖКА.

Такъ вглядитесь
Въ меня получше, этотъ конюхъ — я.

НАТАНЪ.

Вы?

СЛУЖКА.

Господинъ, приславшій къ вамъ младенца
Былъ, помнится, фонъ-Фильнекъ? Вольфъ фонъ-Фильнекъ?

НАТАНЪ.

Да!

СЛУЖКА.

Такъ какъ незадолго передъ этимъ
Скончалась мать и долженъ былъ случайно
Отецъ спѣшить, мнѣ думается, въ Гаццу,
Куда съ собой малютку взять не могъ:
Онъ къ вамъ ее послалъ. Я не въ Дарунѣ-ль
Засталъ васъ?

НАТАНЪ.

Такъ!

СЛУЖКА.

Хоть не было бы чуда,
Когда-бъ меня и обманула память,
Такъ много я имѣлъ господъ отважныхъ,
А этому служилъ я слишкомъ мало:
Онъ вскорѣ палъ въ бою при Аскалонѣ,
А, впрочемъ, былъ прекрасный господинъ.

НАТАНЪ.

Прекрасный! да! Ему я много, много
Обязанъ, и не разъ изъ-подъ меча
Онъ вырывалъ меня.

СЛУЖКА.

О! превосходно!
Такъ вамъ тѣмъ болѣе пріятно было
Заботиться объ дочери его.

НАТАНЪ.

Вы это можете понять....

СЛУЖКА.

Ну, гдѣ же
Она? Не умерла? О, нѣтъ! пусть лучше
Не умерла. Коль кромѣ насъ объ этомъ
Никто не знаетъ — вы не бойтесь....

НАТАНЪ.

Такъ ли?

СЛУЖКА.

Довѣрьтесь мнѣ. Вотъ видите ли, Натанъ,
Я полагаю такъ: когда къ добру,
Которое хочу я сдѣлать, близко
Граничитъ что-нибудь весьма дурное,
Добра такого я не стану дѣлать.
Дурное мы довольно вѣрно знаемъ,
Но доброе — далеко нѣтъ. Понятно,
Что если дѣвочку какъ можно лучше
Вы воспитать хотѣли — то ее,

Какъ дочь свою родную, воспитали.
Вы это сдѣлали со всей любовью,
Со всею вѣрностью, — и отплатить вамъ
Такой наградой! — это непонятно.
Конечно, вы умнѣй бы поступили,
Когда бы христіанку христіанкой
Воспитывали чрезъ вторыя руки; —
Но вами не былъ бы тогда любимъ
Ребенокъ друга вашего, а дѣтямъ,
Въ ихъ нѣжномъ возрастѣ, по мнѣ, любовь, —
Хоть звѣря дикаго любовь — нужнѣе,
Чѣмъ христіанство. Для него всегда
Еще найдется время. Если только
Дитя взросло здоровымъ, благонравнымъ,
Предъ вашими очами, такъ ужъ вѣрно
Предъ Божьими оно осталось тѣмъ же,
Чѣмъ было. Да и все-то христіанство
Основано не на еврействѣ развѣ?
Частенько я таки-сердился, много
Я пролилъ слезъ объ томъ, что христіане
Ужъ какъ-то слишкомъ могутъ забывать,
Что самъ Господь Спаситель былъ евреемъ.

НАТАНЪ.

Вы, добрый братъ, ходатаемъ мнѣ будьте,
Коль на меня вражда и лицемѣрье
Подымутся за мой поступокъ. — Вы
Одни должны узнать объ немъ, но послѣ
Его съ собой въ могилу схороните.
Еще ни разу суетность меня
Не побуждала разсказать объ этомъ
Кому-нибудь другому. Вамъ однимъ
Я разскажу! Я буду откровененъ
Съ одной лишь простотой благочестивой.
Она одна пойметъ, въ какихъ дѣлахъ
Мы въ состояньи, съ преданностью къ Богу,
Одерживать побѣду надъ собой.

СЛУЖКА.

Вы тронуты? вы плачете?...

НАТАНЪ.

Въ Дарунѣ

Вы отдали мнѣ дѣвочку; но вѣрно
Не знаете, что въ Гатѣ христіане
Предъ этимъ незадолго всѣхъ евреевъ,
Съ дѣтьми и женщинами, истребили.
Не знаете, что въ томъ числѣ погибли
Моя жена и семь цвѣтущихъ, бодрыхъ,
И много обѣщавшихъ сыновей, —
Что въ домѣ брата, гдѣ я ихъ припряталъ,
Они всѣ вмѣстѣ были сожжены.

СЛУЖКА.

Творецъ мой правосудный!

НАТАНЪ.

Какъ пришли вы,
Три дня, три ночи я въ золѣ, во прахѣ
Предъ Богомъ пролежалъ, проплакалъ. — Плакалъ!
Я Бога укорялъ! — въ негодованьи
Въ ожесточеньи проклиналъ себя
И цѣлый міръ! — Я клялся къ христіанству
Въ непримиримой ненависти!...

СЛУЖКА.

А!
Я этому повѣрю.

НАТАНЪ.

Понемногу
Вернулся мнѣ разсудокъ; онъ пріятно
Шепнулъ мнѣ: «все-таки есть Богъ, и все,
Что сдѣлано — его опредѣленье.
Итакъ, иди, свершай, что ты постигъ
Давно, что совершить, когда захочешь,
Навѣрно не труднѣе, чѣмъ постичь.
Возстань!» — и всталъ я, къ Господу взывая:
Хочу! хочу! — была бы только воля
Твоя на то, чтобъ я хотѣлъ. Тогда-то
Явились вы и, съ лошади сойдя,
Мнѣ передали милаго ребенка,
Завернутаго въ плащъ. Что я сказалъ вамъ,
Что вы мнѣ говорили, — я не помню.

Я знаю только то, что, взявъ дитя,
Я снесъ его къ себѣ, и на колѣняхъ,
Рыдая, цѣловалъ мою малютку.
О, Господи! — изъ семерыхъ дѣтей
Хотя одно возвращено мнѣ.

СЛУЖКА.

Нàтанъ!
Вы христіанинъ! христіанинъ, Нàтанъ!
И лучшаго на свѣтѣ не бывало.

НАТАНЪ.

Да! благо намъ! Въ чемъ видите во мнѣ
Вы христіанина, въ томъ я въ васъ вижу
Еврея. Но довольно намъ другъ друга
Растрогивать. Теперь тутъ нужно дѣло!
И хоть въ семь разъ сильнѣйшая любовь
Меня давно ужъ привязала къ этой
Одной, чужой мнѣ дѣвушкѣ, хотя
Мнѣ даже мысль убійственна, что снова
Семь сыновей моихъ я долженъ буду
Въ ней потерять; но если осторожность
Изъ рукъ моихъ потребуетъ ее —
Я покорюсь.

СЛУЖКА.

И дѣло! Такъ и думалъ
Я посовѣтовать. Вамъ подсказала
Совѣтъ мой ваша добрая душа.

НАТАНЪ.

Но не позволю я, чтобъ первый встрѣчный
Задумалъ у меня ее отнять.

СЛУЖКА.

Конечно, нѣтъ.

НАТАНЪ.

Кто на нее не можетъ
Представить права бòльшаго, чѣмъ я,

Пусть болѣе давнишнее докажетъ, —
По мѐньшей мѣрѣ.

СЛУЖКА.

Безъ сомнѣнья.

НАТАНЪ.

Право
Природы, крови —

СЛУЖКА.

Я согласенъ съ вами.

НАТАНЪ.

Такъ назовите-жъ вы мнѣ поскорѣй
Кого-нибудь, кто братъ ей или дядя,
Иль вообще ея родной, и я
Удерживать себѣ ее не стану.
Ее! которая сотворена,
Которая взросла на украшенье
Любой семьи и вѣры! Я надѣюсь,
Что вамъ объ этомъ вашемъ господинѣ
И объ семьѣ его извѣстно больше,
Чѣмъ мнѣ.

СЛУЖКА.

Ну, это врядъ ли, добрый Нàтанъ.
Вѣдь вы ужъ слышали, что я служилъ
Недолго у него.

НАТАНЪ.

По крайней мѣрѣ,
Не знаете ли вы, къ какому роду
Принадлежала мать ея? Не къ Штауфенъ?

СЛУЖКА.

Возможно. Да! — мнѣ кажется.

НАТАНЪ.

У ней
Былъ братъ храмовникъ? Назывался Конрадъ
Фонъ-Штауфенъ? Да?

СЛУЖКА.

Коль я не ошибаюсь...
Постойте! Вспомнилъ: у меня осталась
Отъ господина книжечка; ее
Я снялъ съ груди его при Аскалонѣ,
Во время похоронъ.

НАТАНЪ.

Ну?

СЛУЖКА.

Въ ней молитвы.
Мы требникомъ ее зовемъ. Она,
Подумалъ я, Христову человѣку
Еще послужитъ, — хоть не мнѣ, конечно,
Я не читаю.

НАТАНЪ.

Что же въ этомъ? Къ дѣлу.

СЛУЖКА.

Въ той книжечкѣ, такъ сказывали мнѣ,
Въ началѣ и въ концѣ собственноручно
Мой господинъ записывалъ родныхъ
Супруги и своихъ.

НАТАНЪ.

Исходъ желанный!!...
Ступайте поскорѣй! — несите книжку!
Я на̀ вѣсъ золота готовъ у васъ
Купить ее! Сто разъ скажу спасибо.
Бѣгите же! — спѣшите!...

СЛУЖКА.

Радъ служить вамъ.
Но господинъ писалъ въ ней по-арабски.

Уходитъ.

НАТАНЪ.

Давайте только, все-равно. Ахъ! еслибъ

Я могъ еще себѣ оставить Рэху,
И этимъ прикупить такого зятя!
Едва ли! Ну, пусть будетъ, какъ угодно.
Но кто-жъ бы это былъ, что патріарху
Донесъ? Я долженъ распросить объ этомъ.
Что, если Дайа разглашаетъ?!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДАЙА и НАТАНЪ.

ДАЙА — входя поспѣшно, взволнованная.

Натанъ!
Подумайте!

НАТАНЪ.

Ну?

ДАЙА.

Бѣдное дитя
Совсѣмъ перепугалось. Присылаетъ....

НАТАНЪ.

Не патріархъ ли?

ДАЙА.

Нѣтъ. Сестра султана,
Принцесса Зитта.

НАТАНЪ.

А не патріархъ?

ДАЙА.

Нѣтъ, — Зитта! Слышите? — принцесса Зитта
За ней прислала. Требуетъ къ себѣ.

НАТАНЪ.

За Рэхой? Зитта къ намъ за ней прислала?
Ну, ежели зоветъ ее принцесса,
Не патріархъ....

ДАЙА.

Кàкъ вспомнился онъ вамъ?

НАТАНЪ.

Такъ ничего объ немъ ты не слыхала,
Не такъ давно? Навѣрно? Ничего ты
Ему не доносила?

ДАЙА.

Я? ему?

НАТАНЪ.

Гдѣ посланные?

ДАЙА.

Ждутъ въ передней.

НАТАНЪ.

Надо
Ихъ изъ предосторожности спросить
Мнѣ самому. И только-бъ тутъ не крылось
Чего-нибудь отъ патріарха.

Уходитъ.

ДАЙА.

Я-же
Боюсь еще другого: спорить буду,
Что мнимая единственная дочь
Такого богатѣйшаго еврея
И мусульманину годится. Мигомъ
Ее храмовникъ потеряетъ, если
Я не рѣшусь второго шага сдѣлать,
И ей самой открыть ея рожденье.
Смѣлѣй! смѣлѣй! Для этого мнѣ надо
Воспользоваться первой-же минутой,
Когда я съ ней одна, а это будетъ
Пожалуй-что теперь, какъ провожать
Ее пойду. По крайней мѣрѣ, первый
Намекъ дорòгой — повредить не можетъ.
Итакъ — смѣлѣй! теперь иль никогда.

Уходитъ вслѣдъ за нимъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната во дворцѣ Саладина, въ которую принесены мѣшки съ деньгами. Они еще лежатъ на прежнемъ мѣстѣ.

САЛАДИНЪ и вскорѣ МАМЕЛЮКИ.

САЛАДИНЪ — входя.

А деньги все еще лежатъ; никто
Не можетъ дервиша сыскать, и вѣрно
Онъ гдѣ-нибудь за шахматной доской
Забылъ себя и всѣхъ, — не мудрено,
Что и меня забылъ.... Ну что-жъ? Потерпимъ!
Что новаго?

МАМЕЛЮКЪ.

Желанное извѣстье,
Султанъ! и радость!... Къ намъ благополучно
Явился изъ Каира караванъ,
И за семь лѣтъ намъ пòдать присылаетъ
Богатый Нилъ.

САЛАДИНЪ.

Прекрасно — Ибрагимъ!
По истинѣ ты вѣстникъ мнѣ пріятный.
А! наконецъ-то! наконецъ! спасибо
За доброе извѣстье.

МАМЕЛЮКЪ — дожидаясь, про себя.

Ну — кончай.

САЛАДИНЪ.

Чего-жъ ты ждешь? Ступай.

МАМЕЛЮКЪ.

И ничего
Такому вѣстнику?

САЛАДИНЪ.

Чего-же больше?

МАМЕЛЮКЪ.

Не дать на хлѣбъ за доброе извѣстье?!
Такъ, наконецъ, султанъ на мнѣ на первомъ
Да выучился награждать словами.
И этимъ можно славиться! я первый,
Съ которымъ онъ скупится.

САЛАДИНЪ.

Такъ возьми
Одинъ изъ тѣхъ мѣшковъ.

МАМЕЛЮКЪ.

Теперь не надо,
Хотя-бъ ихъ всѣ дарилъ ты мнѣ.

САЛАДИНЪ.

Упрямецъ!
Вотъ два,—бери-же! Не шутя уходитъ!
Да онъ великодушнѣе меня:
Отказываться для него навѣрно
Не такъ легко, какъ для меня дарить.
Эй! Ибрагимъ! Съ чего и я то вздумалъ
Вдругъ пожелать совсѣмъ перемѣниться,
Теперь, такъ незадолго передъ смертью?
Ужъ если Саладиномъ умереть
Не хочетъ Саладинъ, такъ Саладиномъ
Не долженъ былъ и жить.

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Султанъ! султанъ!

САДАДИНЪ.

Коль ты приходишь извѣстить....

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Что транспортъ
Явился изъ Египта.

САЛАДИНЪ.

Я ужъ знаю.

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Такъ опоздалъ я?...

САЛАДИНЪ.

Почему-же? нѣтъ!
Возьми себѣ за доброе желанье
Вонъ тамъ мѣшокъ иль два.

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Такъ значитъ три.

САЛАДИНЪ.

Пожалуй, если сосчитать съумѣешь.
Бери.

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Придетъ еще и третій, если
Онъ сможетъ дотащиться.

САЛАДИНЪ.

Какъ?

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Пожалуй,
Сломалъ онъ шею. Видишь-ли, какъ только
Мы трое разузнали достовѣрно,
Что прибылъ транспортъ, мигомъ поскакали.
Передній съ лошади упалъ; и такъ
До города переднимъ оставался
Все время—я; но тутъ ужъ Ибрагиму —
Гулякѣ, лучше улицы знакомы.

САЛАДИНЪ.

А тотъ, упавшій? другъ! упавшій? Что-жъ ты?
Скачи къ нему на встрѣчу.

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Поскачу;
И ежели онъ живъ, то половину
Твоей награды я отдамъ ему.

Уходитъ.

САЛАДИНЪ.

Смотрите, что за добрый, честный малый!
Кто можетъ похвалиться лучшей стражей?
И стало быть—кто запретитъ мнѣ думать,
Что мой примѣръ такими сдѣлалъ ихъ?
Такъ прочь-же мысль, чтобъ напослѣдокъ я-же
Къ другимъ примѣрамъ сталъ ихъ пріучать.

ТРЕТІЙ МАМЕЛЮКЪ.

Султанъ!

САЛАДИНЪ.

Не ты-ль упавшій?

ТРЕТІЙ МАМЕЛЮКЪ.

Нѣтъ. Я только
Докладываю, что эмиръ твой, Мансоръ,
Слѣзаетъ съ лошади.

САЛАДИНЪ.

Веди его!
Сейчасъ! Да вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЭМИРЪ МАНСОРЪ, САЛАДИНЪ.

САЛАДИНЪ.

Мой привѣтъ эмиру!
Ну—какъ идутъ дѣла? Ахъ Мансоръ, Мансоръ!
Ты долго насъ заставилъ дожидаться.

МАНСОРЪ.

Изъ этого письма узнаешь ты,

Какіе безпорядки въ Өиваидѣ
Смирить пришлось Абулкассему, прежде —
Чѣмъ смѣли мы отправиться. Потомъ
Я ускорялъ, на сколько можно было,
Передвиженья наши.

САЛАДИНЪ.

Вѣрю, Мансоръ.
Возьми-же, добрый мой, возьми сейчасъ-же, —
Но только, если сдѣлаешь охотно, —
Возьми прикрытье свѣжее сейчасъ
И дальше поѣзжай. Изъ этихъ денегъ
Ты долженъ на Ливанъ, къ отцу, доставить
Часть наибольшую.

МАНСОРЪ.

Охотно.

САЛАДИНЪ.

Только
Смотри, чтобъ не было прикрытье слабо.
Теперь не такъ надежно вкругъ Ливана.
Ты слышалъ-ли? Храмовники опять
Придвинулись. Будь очень остороженъ.
Пойдемъ-ка! гдѣ остановился транспортъ?
Я на него хочу взглянуть и всѣмъ
Распорядиться самъ. А послѣ къ Зиттѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Пальмы передъ домомъ На̀тана. Храмовникъ ходитъ взадъ и впередъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, въ домъ я не пойду. Вѣдь, наконецъ,
Онъ долженъ выйти самъ. Меня, бывало,
Такъ скоро, такъ охотно замѣчали.
Пожалуй доживу и до того,
Что онъ попроситъ перестать усердно
Показываться передъ этимъ домомъ.
Гм! Все-таки я слишкомъ золъ и желченъ.
За что я на него такъ разсердился?

Онъ мнѣ еще ни въ чемъ не отказалъ,
И Саладинъ взялся его настроить.
Какъ? Неужли дѣйствительно гнѣздится
Во мнѣ гораздо глубже христіанство,
Чѣмъ въ немъ еврейство. Кто вполнѣ съумѣетъ
Понять себя? Иначе, какъ-же могъ я
Оспаривать пичтожную добычу,
Которую отнять у христіанъ
Ему такъ было лестно. О! конечно,
Созданье чудное — добыча эта.
Но чье созданье? Вѣрно, не раба,
Который глыбу мрамора забросилъ
На бѣдный, на пустынный берегъ моря
Житейскаго и скрылся тотчасъ; нѣтъ,
Скорѣй художника, который даже
И въ камнѣ брошенномъ задумалъ образъ
Божественный — и выполнилъ его.
Пускай отъ христіанъ родилась Рэха,
Но истинный отецъ ея на-вѣки
Останется еврей. Когда-бъ я видѣлъ
Въ ней христіанку, только христіанку,
Безо всего, что могъ ей дать одинъ
Такой еврей, какъ этотъ, — сердце! сердце,
Скажи мнѣ, что-жъ бы въ ней тебя плѣняло?
Ничто, бездѣлица! Улыбка даже,
Хотя-бъ она была красивымъ, нѣжнымъ
Движеньемъ мускуловъ, хоть было-бъ то,
Что вызвало улыбку, — недостойно
Всей прелести украсившей ее;
Улыбка даже не плѣняла-бъ. Часто
И болѣе красивую видалъ я,
Когда ее насмѣшка, пустословье
И лесть, и любострастье расточали;
Обворожала-ли она меня?
Выманивала-ли во мнѣ желанье
До самой смерти нѣжно пригрѣвать
Въ ея лучахъ мое существованье!
Нѣтъ — никогда. И все-таки сердился
Я на того, кто далъ одинъ ей это
Великое достоинство? Но какъ?
Но почему? Что если въ самомъ дѣлѣ,
Я заслужилъ насмѣшку Саладина?
Ужъ дурно-то, что могъ онъ это думать.

Какимъ ничтожнымъ и какимъ презрѣннымъ
Я долженъ былъ ему казаться. Кто-же
Всему причиной? — дѣвушка! Курдъ, Курдъ!
Не хорошо. Вернись. Быть можетъ, Дайа
Мнѣ наболтала кое-что, чему
Едва-ли доказательства отыщешь.....
А! — наконецъ-то изъ дому онъ вышелъ
И занятъ разговоромъ. Съ кѣмъ-же? съ нимъ?
Мой служка монастырскій! А! такъ вѣрно
Всѐ знаетъ! — и пожалуй патріарху
Ужъ выданъ! что надѣлалъ я, безумецъ!
Какъ сильно мнѣ разсудокъ сжечь могла
Единственная искра этой страсти.
Что-жъ дѣлать мнѣ теперь? рѣшай скорѣе!
Я пережду въ сторонкѣ, можетъ быть
Его оставитъ служка.

ЯВЛЕНІЕ IV.

НАТАНЪ и СЛУЖКА.

НАТАНЪ.

Такъ еще разъ
Большое вамъ спасибо, добрый братъ.

СЛУЖКА.

И вамъ спасибо.

НАТАНЪ.

Мнѣ? отъ васъ? за что-же?
Не за упрямство-ли, съ которымъ я
Навязывалъ вамъ то, что вамъ не нужно.
Да, еслибъ вы мнѣ уступили, еслибъ
Насильно не хотѣли быть богаче
Меня —

СЛУЖКА.

И безъ того вѣдь эта книжка
Не мнѣ, а дочери принадлежитъ —
И составляетъ все, что остается
Ей отъ отца въ наслѣдство. Но — пускай!

Она имѣетъ васъ! И дай-то Боже,
Чтобъ только никогда вамъ не пришлось
Раскаяться, что для нея такъ много
Вы сдѣлали.

НАТАНЪ.

Могу-ли? Никогда! —
Не безпокойтесь.

СЛУЖКА.

Ну — а патріархи,
Храмовники...

НАТАНЪ.

Не въ силахъ сдѣлать мнѣ
Такого зла, чтобъ я, не только въ этомъ,
Но въ чемъ нибудь раскаяваться сталъ. —
Такъ вы вполнѣ увѣрены, что это
Храмовникъ натравляетъ патріарха?

СЛУЖКА.

Едва-ли кто другой. — Съ нимъ незадолго
Передо мной бесѣдовалъ храмовникъ —
И нѣчто въ этомъ родѣ слышалъ я...

НАТАНЪ.

Да вѣдь теперь во всемъ Іерусалимѣ
Одинъ храмовникъ — и его я знаю,
Съ нимъ друженъ: юноша открытый, честный.

СЛУЖКА.

Онъ, — онъ и есть. — Но то, чѣмъ мы бываемъ —
И то, чѣмъ слѣдуетъ намъ быть на свѣтѣ, —
Одно съ другимъ согласно не всегда.

НАТАНЪ.

Къ несчастью. — Впрочемъ, дѣлай кто-бы ни былъ
И худшее, и лучшее свое. —
Я съ вашей книжкой всѣмъ пренебрегаю
И съ ней прямымъ путемъ иду къ султану.

СЛУЖКА.

Дай Богъ успѣха. — Намъ пора проститься.

НАТАНЪ.

И даже не взглянули на нее! —
Такъ приходите снова, да скорѣе,
И чаще. — Если только патріархъ
Сегодня не узнаетъ... Что за важность! —
Скажите хоть сегодня патріарху —
И что хотите.

СЛУЖКА.

Нѣтъ, не я. — Прощайте.

Уходитъ.

НАТАНЪ.

Смотрите-же, не забывайте насъ. —
О Господи! — Зачѣмъ сейчасъ-же, здѣсь-же —
Я не могу колѣни преклонить
Передъ тобой подъ этимъ чистымъ небомъ.
Какъ самъ собою вдругъ распутанъ узелъ,
Которымъ я тревожился такъ часто!
Какъ мнѣ легко, что болѣе на свѣтѣ
Мнѣ нечего скрывать, — что предъ людьми
Я наконецъ могу ступать свободно,
Какъ предъ тобою, Боже! — Ты одинъ
Не судишь человѣка по поступкамъ; —
Ты знаешь, какъ они бываютъ рѣдко
Его дѣяньями.

ЯВЛЕНІЕ V.

НАТАНЪ и ХРАМОВНИКЪ, который идетъ къ нему на встрѣчу со стороны.

ХРАМОВНИКЪ.

Постойте, Нàтанъ.
Возьмите и меня съ собой.

НАТАНЪ.

Кто кличетъ? —

А — рыцарь! — это вы? — Да гдѣ-жъ вы были,
Что у султана я не встрѣтилъ васъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Мы разошлись дорогой. — Вы за это
Ужъ не прогнѣвайтесь.

НАТАНЪ.

О — я нисколько,
Но Саладинъ —

ХРАМОВНИКЪ.

Вы только-что ушли....

НАТАНЪ.

Такъ все-таки и вы съ нимъ говорили? —
Ну это хорошо.

ХРАМОВНИКЪ.

Но онъ желаетъ
Обоихъ вмѣстѣ видѣть пасъ.

ПАТАНЪ.

Тѣмъ лучше. —
И такъ я шелъ къ нему. — Пойдемте вмѣстѣ.

ХРАМОВНИКЪ.

Позвольте мнѣ спросить васъ, Нàтанъ, кто
Сейчасъ прощался съ вами?

НАТАНЪ.

Вы, конечно,
Его не знаете?

ХРАМОВНИКЪ.

Не онъ-ли это —
Тотъ добрый малый, служка монастырскій,
Которымъ пользуется патріархъ
Для дѣлъ сыскныхъ.

НАТАНЪ.

Да, можетъ быть.—Онъ служитъ
Во всякомъ случаѣ у патріарха.

ХРАМОВНИКЪ.

Уловка недурная поручать
Невинной простотѣ свой первый приступъ
Къ интригѣ.

НАТАНЪ.

Да.—Но простотѣ-то глупой,
А не благочестивой.

ХРАМОВНИКЪ.

Патріархи
Въ благочестивую не вѣрятъ.

НАТАНЪ.

Ну,
За этого могу я поручиться,
Что онъ ни въ чемъ порочномъ не поможетъ
Затѣямъ патріарха своего.

ХРАМОВНИКЪ.

Хоть приступаетъ къ нимъ.—Но вамъ ни слова
Онъ про меня не говорилъ.

НАТАНЪ.

Про васъ?
Нѣтъ—именно про васъ—ни слова.—Врядъ-ли
Онъ знаетъ ваше имя.

ХРАМОВНИКЪ.

Врядъ-ли.

НАТАНЪ.

Правда—
Онъ мнѣ разсказывалъ про одного
Храмовника.

ХРАМОВНИКЪ.

И что? —

НАТАНЪ.

Чего, конечно,
Никакъ не могъ бы онъ про васъ подумать.

ХРАМОВНИКЪ.

Кто знаетъ?! — Что-же?

НАТАНЪ.

Будто патріарху
Храмовникъ жаловался на меня.

ХРАМОВНИКЪ.

На васъ? — и жаловался? — Какъ угодно,
Но это лгалъ онъ. Выслушайте, Натанъ! —
Не мнѣ отнѣкиваться въ чемъ нибудь:
Что сдѣлалъ я — то сдѣлалъ; — не таковъ я,
Чтобъ захотѣть отстаивать усердно —
Какъ дѣло доброе — свой каждый шагъ.
Зачѣмъ стыдиться мнѣ ошибки? — Развѣ
Я не хочу вполнѣ ее исправить? —
И развѣ я не знаю, до чего
Насъ можетъ довести желанье это? —
Итакъ — сомнѣнья нѣтъ я — тотъ храмовникъ,
Который по словамъ монаха, Натанъ,
На васъ пожаловался патріарху.
Вы знаете, что взорвало меня,
И отъ чего вся кровь моя вскипѣла: —
Безумецъ! — Я пришелъ, чтобъ всей душой,
Всѣмъ существомъ вамъ броситься въ объятья.
О — ежели хочу я оставаться
Спокойнымъ, я не смѣю даже вспомнить,
Какъ холодно вы встрѣтили меня, —
Какъ безучастно — а вѣдь это хуже
Холодности, — какъ отъ меня старались
Расчитанно отдѣлаться, — какими
Ненужными вопросами хотѣли
Отвѣтить мнѣ. Послушайте, я былъ
Взволнованъ, золъ, — какъ вдругъ подкралась Дайа

И въ голову мнѣ заронила тайну,
Которой объяснялось — такъ я думалъ —
Загадочное ваше обращенье.

НАТАНЪ.

Но какъ-же это? —

ХРАМОВНИКЪ.

Выслушайте все.
Вообразилось мнѣ, что вѣроятно —
Какъ христіанину — вы не хотите
Мнѣ уступить похищенное вами
У христіанъ. Я вздумалъ хорошенько
Къ вамъ тотчасъ приступить съ ножемъ къ груди.

НАТАНЪ.

И хорошенько?! — Такъ-ли? — Что-же въ этомъ
Хорошаго?

ХРАМОВНИКЪ.

Послушайте — согласенъ:
Я былъ не правъ. Тутъ вы не виноваты,
И эта Дайа, можетъ быть, не знаетъ,
Что говоритъ. Вы ненавистны ей,
Такъ васъ она старается запутать
Въ дурное дѣло. Можетъ — можетъ быть! —
Я сумасбродъ, и только — вѣчно крайность
Въ моихъ мечтахъ — я вѣчно поступаю,
То слишкомъ ревностно, то слишкомъ вяло.
И это можетъ быть — простите, Нàтанъ.

НАТАНЪ.

Конечно, если тàкъ вы говорите...

ХРАМОВНИКЪ.

Ну, словомъ — да, я былъ у патріарха,
Но васъ не называлъ я — это ложь.
Я только вообще ему про случай
Разсказывалъ, чтобъ знать его сужденье,
Хотя и въ этомъ не было нужды.

Какъ будто ужъ не зналъ я патріарха,
Какъ негодяя? — Развѣ я не могъ
Сейчасъ-же прямо съ вами объясниться,
И развѣ нужно было, чтобы Рэху
Я подвергалъ опасности разстаться
Съ такимъ отцомъ. Однако, что-же въ этомъ?!
Во-вѣки неизмѣнное себѣ
Одно пронырство патріарха сразу —
Ближайшею дорогою — вернуло
Меня къ моей живѣйшей мысли. Натанъ,
Прошу васъ, выслушайте все: — Положимъ:
Онъ знаетъ ваше имя. Что-же больше?
Ну что-же больше? — Дѣвушку отнять
У васъ онъ можетъ, если только ваша
Она — и болѣе ничья, — вѣдь только
Изъ дома вашеко ее увлечь
Онъ можетъ въ монастырь! — итакъ отдайте,
Отдайте мнѣ ее, — тогда пускай
Приходитъ онъ! — увидимъ, какъ посмѣетъ
Онъ у меня отнять мою жену!
Отдайте мнѣ ее! — сейчасъ отдайте —
И будь она вамъ дочерью иль нѣтъ,
Жидовкой, христіанкой, чѣмъ угодно! —
Мнѣ все равно — я ни теперь, ни послѣ,
Ни разу въ жизни не спрошу объ этомъ.
Какъ будетъ — такъ и будь.

НАТАНЪ.

Вы, вѣроятно,
Считаете, что правду мнѣ скрывать
Необходимо?

ХРАМОВНИКЪ.

Будь — какъ будетъ, Натанъ.

НАТАНЪ.

Но я ни вамъ, ни всякому другому,
Кому объ этомъ не излишне знать,
Не отрицалъ, что Рэха христіанка,
Что мнѣ она пріемышъ, а не дочь.
А если ей самой я не открылся,

Такъ въ этомъ только передъ ней и долженъ
Я оправдаться.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, и передъ ней
Вы не должны. И впредь вы ей желайте,
Чтобъ никогда на васъ она другими
Глазами не глядѣла, и ее
Отъ этого открытія избавьте.
Еще покамѣстъ ею вы одни
Располагаете, — итакъ отдайте,
Отдайте мнѣ ее; прошу васъ, Нàтанъ.
Вѣдь я одинъ спасти ее для васъ
Могу вторично — и хочу.

НАТАНЪ.

Могли-бы,
Но только не теперь, — тепѐрь ужъ поздно.

ХРАМОВНИКЪ.

Ужъ поздно? — Почему?

НАТАНЪ.

Спасибо патріарху...

ХРАМОВНИКЪ.

Спасибо патріарху? — какъ? — ему? —
Чѣмъ заслужилъ онъ благодарность вашу? —
За что спасибо?

НАТАНЪ.

Что теперь мы знаемъ
Ея родныхъ; — что знаемъ мы въ чьи руки
Ее надёжно можемъ передать.

ХРАМОВНИКЪ.

Пускай благодаритъ его за это,
Кто чѣмъ нибудь другимъ ему обязанъ.

НАТАНЪ.

Изъ этихъ рукъ должны вы получить
Ее, — не изъ моихъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Бѣдняжка — Рэха! —
Чего — чего не испытала ты?! —
Что для другихъ сиротъ бываетъ счастьемъ,
Твоимъ несчастьемъ будетъ. Гдѣ они,
Ея родные?

НАТАНЪ.

Гдѣ?!

ХРАМОВНИКЪ.

И кто такіе?

НАТАНЪ.

Пока одинъ лишь братъ ея сыскался.
Вы у него посватаетесь.

ХРАМОВНИКЪ.

Братъ? —
Но кто-же этотъ братъ? — духовный? — воинъ? —
Послушаемъ — чего могу я ждать? —

НАТАНЪ.

Я думаю ни то и ни другое; —
А можетъ — и обоихъ онъ не чуждъ.
Я хорошо и самъ его не знаю.

ХРАМОВНИКЪ.

Но вообще? —

НАТАНЪ.

Онъ честный человѣкъ,
И Рэхѣ у него не будетъ худо.

ХРАМОВНИКЪ.

Онъ христіанинъ?! — Не сердитесь, Натанъ,

Я право иногда не въ состояньи
Понять васъ. Развѣ не придется ей
Разыгрывать съ родными христіанку; —
Такъ развѣ наконецъ на самомъ дѣлѣ
Она не станетъ тѣмъ, — что представляла, —
И въ ней пшеницу, сѣянную вами,
Не заглушитъ негодная трава? —
И это васъ такъ мало безпокоитъ?
Вы сами все-таки мнѣ говорите,
Что ей у брата будетъ хорошо?

НАТАНЪ.

Я думаю, — надѣюсь. — А пришлось-бы
Ей въ чемъ-нибудь нуждаться у него,
Такъ вѣдь меня и васъ она имѣетъ.

ХРАМОВНИКЪ.

О—въ чемъ-же у него нуждаться ей?
Какъ будто братецъ не снабдитъ обильно
Сестрицу угощеньемъ и одеждой? —
Не будетъ лакомить и наряжать? —
Чтожъ болѣе сестрицѣ нужно? — Правда,
Еще ей нуженъ мужъ.—Ну, братецъ сыщетъ
Ко времени и мужа, — какъ всегда
Находятъ ихъ: изъ христіанъ вѣрнѣйшій —
И лучшій изъ людей. — Ахъ! Нàтанъ! Нàтанъ!
Какого ангела вы сотворили —
И какъ вамъ исказятъ его другіе!

НАТАНЪ.

Что нужды? — все-таки онъ будетъ вѣчно
Достоинъ нашей искренней любви.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, про мою любовь не говорите.
Моя не дастъ похитить ничего, —
Ни даже самой малости ничтожной,
Ни даже имени! — Постойте! — Рэха
Подозрѣваетъ, чтò съ ней происходитъ?

НАТАНЪ.

Быть можетъ. — Но откуда, — я пе знаю.

ХРАМОВНИКЪ.

И я не больше вашего. — Теперь-же,
Во всякомъ случаѣ, она должна, —
И прежде отъ меня должна услышать,
Какой бѣдой судьба ея грозитъ.
Я не хотѣлъ съ ней говорить, встрѣчаться,
Пока не назову ее моею, —
Я передумалъ — и спѣшу.

НАТАНЪ.

Останьтесь. —
Куда вы?

ХРАМОВНИКЪ.

Къ ней! — Посмотримъ-же: довольно-ль
Въ душѣ дѣвичьей мужества, чтобъ тотчасъ
Рѣшиться на единственный исходъ
Ея достойный.

НАТАНЪ.

А какой? —

ХРАМОВНИКЪ.

Ни разу
Ужъ болѣе объ васъ, объ этомъ братѣ
Не спрашивать....

НАТАНЪ.

И?...

ХРАМОВНИКЪ.

Слѣдовать за мной.
Хотя-бы сдѣлаться пришлось при этомъ
Женою мусульманина.

НАТАНЪ.

Останьтесь.

Теперь вы не застанете ее.
Она у Зитты — у сестры султана.

ХРАМОВНИКЪ.

Зачѣмъ? — давно-ли?

НАТАНЪ.

Если вы хотите
И брата вмѣстѣ съ нею тамъ застать, —
Пойдемте.

ХРАМОВНИКЪ.

Брата Зитты или Рэхи? —

НАТАНЪ.

Обоихъ, можетъ быть, — идемте только.
Онъ его уводитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Въ гаремѣ Зитты.

ЗИТТА и РЭХА бесѣдуютъ между собой.

ЗИТТА.

О милая, — какъ рада я тебѣ.
Не будь-же такъ застѣнчива, печальна, —
Такъ боязлива, — будь повеселѣй —
Довѣрчивѣй.

РЭХА.

Принцесса!

ЗИТТА.

Не принцесса,
Нѣтъ, просто Зиттой называй меня, —
Своей сестрой, своей подругой. — Знаешь:
Зови ты матерью меня. — Вѣдь я
Гожусь быть матерью тебѣ. — Дружекъ мой,
Какъ молода, умна, чиста душою, —

Чего-чего не прочитала ты?
Чего не знаешь?

РЭХА.

Я читала? — Зитта,
Надъ глупенькой сестрой ты такъ смѣешься.
Вѣдь я читать едва могу.

ЗИТТА.

Едва?
Обманщица.

РЭХА.

Что мой отецъ напишетъ.
Я думала, ты говоришь про книги.

ЗИТТА.

Про книги, разумѣется.

РЭХА.

Ну, ихъ-то
Читать мнѣ тяжело.

ЗИТТА.

И ты не шутишь?

РЭХА.

Нисколько. — Мой отецъ не очень любитъ
Холодную начитанность; — она
Безжизненными знаками тѣснится
Въ разсудокъ.

ЗИТТА.

Что̀ ты говоришь? — Но впрочемъ
Онъ не совсѣмъ не правъ. Такъ значитъ все,
Что̀ знаешь ты?...

РЭХА.

Я отъ него узнала.
Про многое могу еще сказать:
И гдѣ, и почему, и какъ училъ онъ.

ЗИТТА.

Конечно, этакъ все усвоить легче, —
Тутъ всей душою учишься и вругъ.

РЭХА.

А Зитта вѣрно тоже очень рѣдко
Читала.

ЗИТТА.

Почему? — Я не горжусь
Начитанностью. — Но твоя основа? —
Твоя основа? — Говори мнѣ прямо.

РЭХА.

Она такъ справедлива и проста,
Такъ безъискуственна, такъ совершенна,
Своеобразна.

ЗИТТА.

Ну?

РЭХА.

А книги рѣдко
Такими оставляютъ насъ — сказалъ
Отецъ мой.

ЗИТТА.

Твой отецъ! — вотъ человѣкъ-то!

РЭХА.

Не правда-ли? —

ЗИТТА.

Какъ близко къ цѣли онъ
Всегда попасть умѣетъ.

РЭХА.

Да! — не правда-ль?
И этого отца....

ЗИТТА.

Но что̀ съ тобою?
Дружокъ мой!

РЭХА.

Этого отца....

ЗИТТА.

Ты плачешь?

РЭХА.

Оно должно-же вырваться наружу! —
Ахъ! воздухъ нуженъ сердцу моему!
Бросается въ слезахъ передъ ней на колѣни.

ЗИТТА.

Дитя мое! — да что съ тобою? — Рэха!

РЭХА.

И этого отца должна — должна я
Лишиться!

ЗИТТА.

Ты? — лишиться? — Никогда.
Нѣтъ. — Успокойся! — встань....

РЭХА.

Вѣдь не напрасно
Ты вызвалась мнѣ быть сестрой и другомъ.

ЗИТТА.

Я другъ тебѣ. — Но встань-же! — мнѣ придется
Позвать на помощь....

РЭХА — ободренная встаетъ.

Ахъ! — Прости! — Прости,
Что съ горя забывать я стала — кто̀ ты.
Отчаянье и стонъ предъ Зиттой лишни —

Одинъ холодный и спокойный разумъ
Надъ ней имѣетъ силу; — чьи дѣла
У ней ведутся имъ, тотъ побѣждаетъ.

ЗИТТА.

Ну что-же?

РЭХА.

Нѣтъ, мой другъ, моя сестра!
Ты никогда не допускай, родная,
Чтобъ навязали мнѣ отца другого.

ЗИТТА.

Тебѣ? — Отца другого? — Навязали? —
Но кто-же, милая, кто могъ-бы даже
Тебѣ другого только пожелать? —

РЭХА.

Она — и добрая и злая — Дайа
Желать мнѣ это можетъ, и желаетъ,
Чтобъ это можно было. — Да, — вѣдь ты
Не знаешь этой злой добрѣйшей Дайи.
Прости ей Богъ и награди ее.
Она мнѣ оказала много — много
Добра и зла.

ЗИТТА.

И зла? — тебѣ? — такъ вѣрно
Въ ней мало добраго?

РЭХА.

Нѣтъ, очень много.

ЗИТТА.

Но кто-же эта Дайа?

РЭХА.

Христіанка, —
Она съ младенчества меня взростила; —
И какъ взростила! — Вѣришь-ли? — Она
Мнѣ замѣняла мать; — воздай за это

Господь ей, — но не мало отъ нея-же
Я вынесла мученій и тревогъ.

ЗИТТА.

Изъ-за чего? — и почему? —

РЭХА.

Бѣдняжка, —
Какъ я тебѣ сказала, — христіанка,
И мучить изъ любви меня должна.
Она изъ тѣхъ мечтательницъ, которымъ
Вообразилось, что они узнали
Единственный и вѣрный, общій путь
Къ престолу Бога.

ЗИТТА.

А! — теперь понятно.

РЭХА.

И чувствуютъ онѣ необходимость
По этому пути направить всѣхъ,
Кто миновалъ его. — Едва-ли могутъ
Онѣ иначе дѣлать, потому-что —
Коль точно вѣренъ только этотъ путь —
Нельзя имъ видѣть равнодушно друга,
Идущаго инымъ путемъ на гибель,
На вѣчныя мученья; — какъ нельзя
Въ одно и то-же время человѣка
Любить и ненавидѣть. — Да не это
И вызываетъ, наконецъ, во мнѣ
Такія жалобы. — Охотно-бъ дольше
Я вынесла ея предохраненья,
Мольбы, угрозы, — это всякій разъ
Меня на размышленья наводило,
Въ которыхъ есть и польза и добро.
Да для кого-же въ сущности не лестно
Почувствовать себя кому-нибудь
На столько дорогимъ, что даже думать: —
Ему невыносимо, чтобъ на вѣкъ
Отъ насъ пришлось отказываться

ЗИТТА.

Правда.

РЭХА.

Но слишкомъ далеко она заходитъ.
И этому не въ силахъ ничего
Я противопоставить: ни терпѣнья,
Ни размышленій, — ничего.

ЗИТТА.

Чему?

РЭХА.

Что вздумала она открыть — какъ тайну —
Мнѣ только-что.

ЗИТТА.

Теперь открыла?

РЭХА.

Да.
Идя сюда, мы проходили мимо
Развалинъ христіанской церкви. — Вдругъ
Она остановилась и — какъ будто
Въ борьбѣ съ собою — взглядывала молча
Глазами влажными то на меня,
То на небо. — «Пойдемъ!» — она сказала
«Чрезъ этотъ храмъ пойдемъ прямой дорогой».
Она идетъ, — я слѣдую за ней,
Среди развалинъ робко озираюсь, —
Но вотъ она опять остановилась, —
И вижу я себя предъ ступѣнями
Полуобрушеннаго алтаря. —
Такъ посуди-же, каково мнѣ было,
Когда она къ ногамъ моимъ упала,
Горячими слезами заливаясь,
Ломая руки....

ЗИТТА.

Доброе дитя! —

РЭХА.

И ради Божества, которымъ часто
Молитвы тамъ услышаны бывали —
И чудеса свершались, — заклинала,
Съ какимъ-то непритворнымъ состраданьемъ,
Чтобъ надъ собой я сжалилась сама.
Чтобъ я, по крайней мѣрѣ, ей простила,
Но что она обязана открыть:
Какое право на меня имѣетъ
Ея религія. —

ЗИТТА — про себя.

Ну такъ и есть!
Несчастная!

РЭХА.

Что будто я родилась
Отъ христіанъ, — и будто крещена.
Что Натану не дочь! — Не онъ отецъ мнѣ! —
О Боже, не отецъ онъ мнѣ! — Я снова
У ногъ твоихъ....

ЗИТТА.

Ну, полно, Рэха, встань!
Мой братъ идетъ, скорѣе....

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ же и САЛАДИНЪ.

САЛАДИНЪ.

Чтò случилось?

ЗИТТА.

Она себя не помнитъ.

САЛАДИНЪ.

Кто?

ЗИТТА.

Ты знаешь....

САЛАДИНЪ.

Дочь Нàтана? — а что?

ЗИТТА.

Приди въ себя,
Дитя мое, — султанъ....

РЭХА — подвигаясь къ султану на колѣняхъ и склонивши голову.

Нѣтъ, я не встану.
Нѣтъ, я въ лицо султану не взгляну!
Не буду восхищаться отраженьемъ
И справедливости, и доброты —
Въ его глазахъ, въ его улыбкѣ....

САЛАДИНЪ.

Встань же!

РЭХА.

Пока не обѣщаетъ онъ....

САЛАДИНЪ.

Довольно!
Чтò-бъ ни было оно — я обѣщаю.

РЭХА.

Не больше и не меньше: только то,
Чтобъ у меня отца не отнимали —
И чтобъ меня оставили ему.
Еще не знаю, кто другой желаетъ
Мнѣ быть отцомъ, — кто можетъ пожелать;
Но не хочу я знать объ этомъ. Развѣ
Права отца даются только кровью?!...

САЛАДИНЪ — поднимая ее.

Я понимаю. Кто-жъ былъ такъ жестокъ,
Что и тебѣ, тебѣ самой въ головку
Вложилъ такія мысли? Такъ оно
Доказано? — оно неоспоримо?

РЭХА.

Должно быть. Мнѣ сказала Дайа, будто
Узнала отъ кормилицы моей.

САЛАДИНЪ.

Кормилицы?

РЭХА.

Которая скончалась
И, умирая, тайну передать
Считала долгомъ.

САЛАДИНЪ.

Даже умирая!
Ужъ не въ бреду ли? — Будь все это правда,
Но кровь одна, конечно, не даетъ
Отцовскаго значенья; мы, по крови,
Едва у звѣря узнаемъ отца, —
И много, если кровь даетъ намъ право
Добыть названье это прежде̂ всѣхъ.
Не бойся же! — и знаешь ли, что̀ сдѣлай,
Какъ объ тебѣ отцы вдвоемъ заспорятъ,
Оставь обоихъ, — третьяго возьми:
Меня возьми отцомъ.

ЗИТТА.

О, сдѣлай это!

САЛАДИНЪ.

Отцомъ я буду добрымъ, очень добрымъ.
Постой-же! я придумалъ кое-что
Гораздо лучшее: — и вообще-то,
На что̀ тебѣ отцы? — умрутъ, пожалуй!
Ты подъищи кого-нибудь заранѣ,
Кто могъ бы спорить съ нами въ дѣлѣ жизни....
Такого нѣтъ?

ЗИТТА.

Смотри, она краснѣетъ.

САЛАДИНЪ.

На это я разсчитывалъ, пускай!

Румянецъ украшаетъ и урода,
Такъ тѣмъ прелестнѣй онъ у красоты.
Сейчасъ придетъ отецъ твой, Натанъ,—
Я звалъ его, — и кое-кто еще.
Не угадала кто? — Сюда — ты, Зитта,
Позволишь?...

ЗИТТА.

Братъ!

САЛАДИНЪ.

Ну, милая, смотри же,
При немъ изволь краснѣть какъ можно больше.

РЭХА.

Краснѣть? при комъ?

САЛАДИНЪ.

Плутовка! ну блѣднѣй!
Какъ хочешь и какъ можешь....

Входитъ раба и говоритъ съ Зиттой.

Не они ли?

ЗИТТА.

Пускай сюда введутъ ихъ. Брату. Да, они.

ПОСЛѢДНЕЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣ же, НАТАНЪ и ХРАМОВНИКЪ.

САЛАДИНЪ.

А! добрые друзья мои! Но прежде
Всего, ты, Нàтанъ, долженъ знать, что можешь
За деньгами прислать когда угодно.

НАТАНЪ.

Султанъ....

САЛАДИНЪ.

Теперь я самъ къ твоимъ услугамъ.

НАТАНЪ.

Султанъ....

САЛАДИНЪ.

Къ намъ караванъ сюда пришелъ.
Богатъ я вновь, какъ не бывалъ давно.
Скажи мнѣ: сколько-жъ надобно тебѣ?
Да что-нибудь громадное задумай.
Вѣдь у купца въ наличныхъ деньгахъ тоже
Излишка не бываетъ никогда.

НАТАНЪ.

Теперь ли намъ заботиться и думать
Объ этихъ мелочахъ. Я вижу слезы —
И осушить ихъ для меня покамѣстъ
Важнѣй всего. *Подходитъ къ Рэхѣ.* Ты плакала? Объ чемъ же?
Дитя мое, ты все еще мнѣ дочь.

РЭХА.

Отецъ мой!

НАТАНЪ.

Мы другъ друга понимаемъ.
Довольно. Будь спокойна. Если только
Своимъ сердечкомъ ты еще владѣешь,
И не грозитъ оно другой потерей, —
Отца ты не теряешь.

РЭХА.

Кромѣ этой,
Я никакой не знаю.

ХРАМОВНИКЪ.

Никакой?
Такъ я ошибся. Чтò терять не страшно,
Тѣмъ никогда и обладать — ни мысли,
И ни желанья не было. Прекрасно!
Прекрасно! — это все мѣняетъ, Нàтанъ.
Ты, Саладинъ, прійти намъ приказалъ,
Но я тебя напрасно впуталъ въ дѣло.
Теперь ужъ больше не трудись.

САЛАДИНЪ.

Опять
Такъ быстро! — юноша. Ты хочешь, вѣрно,
Чтобъ все тебѣ навстрѣчу шло? чтобъ все
Тебя угадывало?

ХРАМОВНИКЪ.

Ты вѣдь слышишь!
Ты видишь самъ, султанъ.

САЛАДИНЪ.

Конечно дурно,
Что больше не былъ ты увѣренъ въ дѣлѣ.

ХРАМОВНИКЪ.

За то теперь увѣренъ.

САЛАДИНЪ.

Кто въ надеждахъ
Разсчитываетъ на благодѣянье,
Тотъ самъ беретъ его назадъ. Спасая,
Ты въ собственность еще не получаешь
Спасеннаго; иначе и разбойникъ,
Который загнанъ жадностью въ огонь,
Герой такой же, какъ и ты.

Идетъ къ Рэхѣ, чтобы подвести ее къ храмовнику.

Пойдемъ же,
Прелестная! — не будь къ нему строга.
Когда-бъ онъ былъ другимъ, когда бы не былъ
Горячъ и гордъ, не спасъ бы онъ тебя.
Такъ за одно зачти ему другое.
Пойдемъ же, пристыди его, и сдѣлай,
Что̀ сдѣлать самъ онъ долженъ былъ давно:
Открой ему свою любовь, свой выборъ, —
И если онъ тебя отвергнетъ, если
Забудетъ хоть когда-нибудь, насколько
Ты сдѣлала неизмѣримо больше
Подобнымъ шагомъ для него, чѣмъ онъ
Когда-то для тебя... и что̀-жъ онъ сдѣлалъ?
Понюхалъ дыму — велика заслуга! —

Тогда нисколько общаго въ немъ нѣтъ
Съ моимъ Ассадомъ, — подъ личиной этой
Не бьется сердце брата моего!
Пойдемъ же, милая.

ЗИТТА.

Иди, дружокъ мой,
И все-таки признательность твоя
Еще мала, еще ничтожна будетъ.

НАТАНЪ.

Стой, Саладинъ! стой, Зитта!

САЛАДИНЪ.

Какъ? — и ты?...

НАТАНЪ.

Тутъ кой-кого еще прослушать надо.

САЛАДИНЪ.

Кто станетъ отрицать? — безспорно, Нàтанъ,
Такой, какъ ты, ей близкій воспитатель
Имѣетъ голосъ; — первый, если хочешь.
Ты видишь, все я знаю.

НАТАНЪ.

Не совсѣмъ.
Я не себя имѣлъ въ виду; далеко,
Далеко не себя. Я попрошу,
Чтобъ вы сперва прослушали другого.

САЛАДИНЪ.

Кого же?

НАТАНЪ.

Брата.

САЛАДИНЪ.

Брата Рэхи?

НАТАНЪ.

Да.

РЭХА.

Такъ есть и братъ, — и братъ у вашей Рэхи?

ХРАМОВНИКЪ — слушавшій ихъ мрачно и разсѣянно, внезапно вспыхнулъ.

Да гдѣ-жъ онъ, этотъ братъ? Еще не здѣсь?
Мнѣ сказано, что здѣсь его я встрѣчу.

НАТАНЪ.

Терпѣнье.

ХРАМОВНИКЪ.

Онъ отца ей навязалъ,
Такъ отчего же брата не подыщетъ?

САЛАДИНЪ.

Недоставало этого! Какъ низко
Такое подозрѣнье, христіанинъ!
Оно никакъ бы съ языка Ассада
Не сорвалось. Прекрасно! — продолжай!

НАТАНЪ.

Прости ему. Охотно я прощаю.
Кто знаетъ, что̀ подумали бы мы
Въ его лѣта и положеньи.

Дружески подходя къ храмовнику.

Рыцарь!
Конечно, недовѣріе всегда
Рождаетъ подозрительность. И еслибъ
Вы имя настоящее свое
Сказали прямо....

ХРАМОВНИКЪ.

Что?

НАТАНЪ.

Вѣдь вы не Штауфенъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Не Штауфенъ? — кто же я?

НАТАНЪ.

Вѣдь васъ зовутъ
Не Курдъ фонъ-Штауфенъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ же?

НАТАНЪ.

Левъ фонъ-Фильнекъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Но....

НАТАНЪ.

Вы удивлены?

ХРАМОВНИКЪ.

Признаться! — Кто же
Все это заявляетъ?

НАТАНЪ.

Я. — И могъ
Сказать гораздо больше; — хоть во лжи
Я васъ не уличаю.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ?

НАТАНЪ.

Быть можетъ
И то — другое имя — тоже ваше.

ХРАМОВНИКЪ.

Я думаю. Про себя. — Самъ Богъ въ немъ говоритъ.

НАТАНЪ.

Вѣдь ваша мать была изъ рода Штауфенъ,
А воспиталъ васъ братъ ея, вашъ дядя.
Родители васъ отдали ему,
Когда суровый воздухъ ихъ заставилъ
Вернуться изъ Германіи сюда.
Такъ дядю-то и звали Курдъ фонъ-Штауфенъ;
Но можетъ быть онъ васъ усыновилъ? —
Онъ живъ еще? — Давно вы съ нимъ разстались? —

ХРАМОВНИКЪ.

Не знаю, что̀ сказать. Все это правда.
Мой дядя умеръ. И сюда недавно
Пріѣхалъ я — съ послѣднимъ подкрѣпленьемъ
Храмовниковъ. Но — но какое дѣло
До этой родословной брату Рэхи?

НАТАНЪ.

Отецъ вашъ....

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ? — вы знали и его?

НАТАНЪ.

Онъ былъ мнѣ другъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Вашъ другъ? возможно-ль? На̀танъ.

НАТАНЪ.

Его мы называли Вольфъ фонъ-Фильнекъ,
Но былъ онъ не германецъ....

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ и это
Извѣстно вамъ?

НАТАНЪ.

А только на германкѣ
Онъ былъ женатъ — и ѣздилъ не на-долго
За вашей матерью въ ея отчизну.

ХРАМОВНИКЪ.

Довольно. Я прошу васъ. Назовите
Мнѣ брата Рэхи: гдѣ онъ?—Кто онъ?

НАТАНЪ.

Вы!

ХРАМОВНИКЪ.

Я братъ ея? —

РЭХА.

Мой братъ?

ЗИТТА.

Они родные?

САЛАДИНЪ.

Родные?

РЭХА — бросаясь къ храмовнику.

Братъ!

ХРАМОВНИКЪ — отступая.

Я братъ ея? —

РЭХА — останавливается и обращается къ Натану.

О нѣтъ!
Не можетъ быть, иначе сердце брата
Отозвалось бы, знало бы объ этомъ.
О, Господи! — обманщики мы всѣ! —

САЛАДИНЪ — храмовнику.

Обманщики? — и могъ ты это думать?
Ты самъ обманщикъ; — все въ тебѣ чужое —
Все лживо — все: лицо, походка, голосъ.

Не захотѣть признать такой сестры!
Ступай....

ХРАМОВНИКЪ — спокойно подходя къ нему.

Султанъ! — Зачѣмъ и ты такъ дурно
Толкуешь изумленіе мое.
Ты врядъ-ли видѣлъ твоего Ассада
Когда-нибудь въ подобную минуту.
Такъ и во мнѣ и въ немъ не ошибись.

Нàтану поспѣшно.

Вы, Нàтанъ, у меня берете много —
И много мнѣ даете. Нѣтъ! — вы больше,
Вы безконечно больше мнѣ даете.

Обнимая Рэху.

Сестра моя! — родная! —

НАТАНЪ.

Бланда Фильнекъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Зачѣмъ же Бланда? — Отчего не Рэха? —
Не ваша Рэха? — Господи! — и вы
Хотите оттолкнуть ее? — вы снова
Ей имя христіанское даете?
Но если я причиной, такъ за чтò-же
Она должна расплачиваться, — Нàтанъ?

НАТАНЪ.

Вы оба дѣти милыя мои.
И брата дочери моей могу ли
Я не считать роднымъ, коль самъ онъ хочетъ.

Онъ обнимаетъ ихъ. Саладинъ, взволнованный и удивленный, подходитъ къ своей сестрѣ.

САЛАДИНЪ.

Ну что? — сестра.

ЗИТТА.

Я тронута до слезъ.

САЛАДИНЪ

А я почти со страхомъ жду, что больше
Придется намъ растрогаться — и ты,
Насколько можешь, будь къ тому готова.

ЗИТТА.

Но какъ же?

САЛАДИНЪ.

На два слова, Нàтанъ!

Нàтанъ подходитъ къ Саладину. Зитта отступаетъ къ молодымъ людямъ, чтобъ высказать имъ свое участье. Нàтанъ и Саладинъ говорятъ тихо.

Слушай:
Вѣдь, кажется, сейчасъ ты между прочимъ
Сказалъ намъ....

НАТАНЪ.

Чтò такое?

САЛАДИНЪ.

Будто не былъ
Германцемъ по рожденью ихъ отецъ.
Но кто-жъ онъ былъ? — откуда онъ?

НАТАНЪ.

Объ этомъ
Ни слова отъ него я не слыхалъ.
Ни слова не хотѣлъ онъ мнѣ довѣрить.

САЛАДИНЪ.

Но вообще не западный? — не франкъ?

НАТАНЪ.

Что онъ имъ не былъ, — всѣмъ онъ сознавался.
Его языкъ любимый былъ персидскій.

САЛАДИНЪ.

Персидскій?! — такъ чего же мнѣ?! — такъ это
Навѣрно онъ! — навѣрно!

НАТАНЪ.

Кто?

САЛАДИНЪ.

Мой братъ!
Ассадъ!—

НАТАНЪ — подавая ему требникъ.

Ужъ если самъ ты догадался,
Возьми и подтвержденье въ этой книгѣ.

САЛАДИНЪ—жадно раскрывая книгу.

Его рука! — И почеркъ узнаю я!

НАТАНЪ.

Они еще не знаютъ ничего —
И отъ тебя отъ одного зависитъ
Насколько знать о томъ они должны.

САЛАДИНЪ — перелистовавъ книгу.

Чтобъ дѣти брата не были мнѣ близки,
Чтобъ за своихъ дѣтей я не призналъ
Племянниковъ?! — тебѣ ихъ что-ль оставить? —
Снова громко.
Да, Зитта, да — они родные наши!
Вотъ сынъ и дочь Ассада моего
И твоего Ассада!
Спѣшитъ обнять ихъ.

ЗИТТА — слѣдуя за нимъ.

Что̀ я слышу?
Могло-ль оно иначе быть? — могло-ли?

САЛАДИНЪ — храмовнику.

Ну, голова упрямая, теперь
Ты долженъ полюбить меня!

РЭХѢ.

Какъ хочешь!
А все-таки же сталъ я, чѣмъ недавно
Себя навязывалъ.

ЗИТТА.

И я! — и я!

САЛАДИНЪ — опять храмовнику.

Мой сынъ! — Ассадъ!

ХРАМОВНИКЪ.

Итакъ одной мы крови?
Итакъ тѣ сны, въ которыхъ съ колыбели
Бывалъ я убаюканъ — не совсѣмъ
Пустые сны.

Падаетъ къ его ногамъ.

САЛАДИНЪ — поднимая его.

Смотри, каковъ! — Объ этомъ
Онъ зналъ ужъ кое-что — и могъ меня
Своимъ убійцей сдѣлать! — Погоди же!

Занавѣсъ падаетъ.

В. Крыловъ.

КНЯЗЬ М. Н. ВОЛКОНСКІЙ

И

ЕГО ДОНЕСЕНІЯ ИЗЪ ПОЛЬШИ [1]).

(1764—1780 гг.).

I.

Въ концѣ 1763 года, Петербургъ, а за нимъ вся Европа узнала, что главное управленіе дипломатическими дѣлами Россіи поручено графу Никитѣ Ивановичу Панину.

---

[1]) Настоящіе матеріалы были обязательно доставлены мнѣ княземъ Александромъ Өедоровичемъ Голицынымъ-Прозоровскимъ, правнукомъ князя Михаила Никитича Волконскаго. Они состоятъ изъ писемъ и донесеній князя Волконскаго и отвѣтовъ на нихъ графа Никиты Ивановича Панина и самой императр. Екатерины II. Принося искреннюю благодарность владѣльцу этихъ любопытныхъ матеріаловъ, я считаю необходимымъ сказать предварительно о значеніи и важности ихъ.

Хотя исторія Польши въ ту эпоху, къ которой относятся эти матеріалы, казалось бы, и достаточно разработана, хотя мы находимъ любопытный очеркъ этой эпохи въ книгѣ С. М. Соловьева «Исторія паденія Польши», тѣмъ не менѣе, вышеупомянутые матеріалы полезны для пополненія пробѣловъ, оставшихся непоясненными за отсутствіемъ печатныхъ свѣдѣній.

Поясню примѣромъ: П. К. Щебальскій, печатавшій въ «Русскомъ Вѣстникѣ» много статей о Польшѣ, въ одной изъ нихъ, (см. «Французская политика въ Польшѣ въ 1768 и 1769 г.» Русск. Вѣст. 1863 г. № 7 стр. 208), упоминая о секретной конвенціи, заключенной между Россіею и Пруссіею, и ссылаясь на иностранные источники, говоритъ, что текста конвенціи этой не нашелъ въ Пол. Соб. Зак. Конечно, конвенція эта, считавшаяся весьма секретною, не могла войти въ Пол. Соб. Закон. и до сихъ поръ нигдѣ не была напечатана. Кн. П. П. Вяземскій, въ своей статьѣ «Политика Фридриха

Графъ Панинъ, если не былъ діаметрально противоположенъ своимъ предшественникамъ, относительно политическаго направленія Россіи, тѣмъ не менѣе онъ значительно отличался отъ нихъ, въ своихъ взглядахъ и видахъ на предстоявшій дипломатическій путь нашего отечества. — Онъ былъ приверженцемъ и сторонникомъ извѣстной сѣверной системы, которая одна могла, по его мнѣнію, доставить Россіи роль державы перваго класса, вмѣсто того, что Россія, при всемъ своемъ могуществѣ, не выходила изъ второго [1]).

Въ Берлинѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, радовались назначенію новаго министра иностранныхъ дѣлъ. Съ вѣнцомъ побѣднымъ, Фридрихъ II, по собственному сознанію, стоялъ одинокъ посреди Европы, окруженный со всѣхъ сторонъ завистниками и непріятелями. Истощенный семилѣтнею войною, король прусскій нуждался въ отдыхѣ и искалъ для того союза съ Россіею, какъ съ единственною державою, не имѣвшею причины ни завидовать королю, ни опасаться его.

Графъ Сольмсъ, посланникъ прускаго короля въ С.-Петербургѣ, получилъ приказаніе содѣйствовать такому сближенію обоихъ дворовъ. Еще въ январѣ 1763 года, Сольмсъ писалъ Фридриху, что гр. Панинъ сообщилъ ему о готовности императрицы сблизиться съ королемъ прусскимъ, такъ какъ сближеніе это можетъ служить залогомъ мира. Между двумя кабинетами, петербургскимъ и берлинскимъ, открылись переговоры, окончившіеся союзнымъ договоромъ, скорому заключенію котораго способствовали весьма много подоспѣвшія къ тому времени польскія дѣла.

5-го октября (нов. ст.) 1763 года, скончался польскій король Августъ III. Онъ оставилъ Польшу на прямой дорогѣ къ слабости и безсилію. Поляки глумились надъ прежними строгими нравами. Пышный дворъ Августа III, испорченный интри-

---

Великаго» (см. «Восьмнадцатый вѣкъ» изд. Бартенева), за неимѣніемъ подъ рукою подлинныхъ документовъ, основываетъ свои выводы на догадкахъ или иностранныхъ источникахъ, весьма часто не достовѣрныхъ по пристрастію или искаженію фактовъ.

Наконецъ, о дѣйствіяхъ Россіи въ Польшѣ въ 1764 г. и объ участіи ея въ возведеніи на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, я не нашелъ ни въ книгѣ Соловьева, ни въ другихъ русскихъ сочиненіяхъ, ни даже въ изданіяхъ русскихъ историческихъ обществъ.

Во избѣжаніе повтореній, не приводя разсказа о томъ, что было уже напечатано въ другихъ сочиненіяхъ и статьяхъ, я считаю необходимымъ привести подлинныя слова нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ рескриптовъ Екатерины, и преимущественно тѣ, которыя до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчалъ напечатанными. — *Авт.*

[1]) Панинъ Волконскому 30 октяб. 1769 г. Объ этомъ письмѣ мы еще скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

гами, представлялъ собою борьбу партій, гдѣ король дѣйствовалъ противъ вельможъ, вельможи противъ дворянства, а дворянство противъ короля и противу вельможъ.

Въ силу существовавшаго liberum veto (свободное несогласіе) никакая общественная и полезная мѣра не могла быть проводима въ королевствѣ. Въ Польшѣ не стало болѣе правительства. Вся законодательная власть исходила изъ государственнаго сейма. Сеймъ собирался каждые два года и, для рѣшеніо его, для признанія постановленій его законными, необходимъ было единогласіе. Каждый отдѣльный членъ сейма, провозгласившій veto (свое несогласіе) уничтожалъ постановленіе сейма. Отъ этого произошло то, что ни одинъ сеймъ, изъ 47-ми бывшихъ въ послѣднее время, не могъ состояться. Крайнее развитіе личности дошло до того, что поляки не могли и не умѣли справиться со своимъ собственнымъ *я*. Каждый хотѣлъ повелѣвать, никто не хотѣлъ повиноваться. Полякъ, имѣвшій за собою нѣсколькихъ приверженцевъ, разсчитывалъ на возможность сѣсть на тронъ и сдѣлаться королемъ Польши. Надежды каждаго казались тѣмъ болѣе возможными, что престолъ польскій не былъ наслѣдственнымъ и король избирался одною шляхтою.

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, кому быть королемъ, послѣ смерти Августа III, волновалъ Варшаву и поляковъ. Образовались двѣ главныя партіи: одна держала сторону саксонскихъ принцевъ и была подкрѣплена въ этомъ дворами французскимъ и австрійскимъ. Другая партія, на сторонѣ которой былъ почти весь народъ и наибольшая часть польской шляхты, была болѣе склонна къ избранію въ короли природнаго поляка и поддерживалась Россіею и Пруссіею. Во главѣ первой партіи стояли: бывшій министръ короля Брюль, зять его Мнишекъ и коронный гетманъ гр. Браницкій, а во главѣ другой были князья Чарторыскіе, искавшіе поддержки въ русскомъ правительствѣ.

Обѣ партіи, находясь во враждѣ, ссорились и спорили между собою. Саксонская партія, рѣшившаяся употребить всѣ усилія къ избранію короля изъ саксонскаго дома, думала, въ случаѣ неудачи, содѣйствовать избранію короннаго гетмана графа Браницкаго, съ тѣмъ, чтобы онъ послѣдовательно уступилъ корону саксонскому принцу или какой-либо другой особѣ, поддерживаемой Франціею и Австріею [1]). Такой исходъ былъ бы для этой партіи весьма выгоденъ, ибо гетманъ гр. Браницкій былъ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ.

---

[1]) Донесеніе императрицѣ Обрескова, нашего посла въ Константинополѣ отъ 6 марта 1764 г.

Вопросъ о томъ, кому быть королемъ Польши, занималъ всѣхъ и въ Петербургѣ. Здѣсь мнѣнія также раздѣлились; одни были въ пользу саксонскаго дома, другіе же стояли за избраніе пяста, природнаго поляка. Гр. Панинъ хотя и не участвовалъ въ этихъ совѣщаніяхъ, но, имѣя значительное вліяніе на умъ императрицы, былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, настаивавшихъ въ возведеніи на тронъ пяста. — «Въ Польшѣ король пястъ для насъ способнѣе и полезнѣе — писалъ онъ впослѣдствіи—нежели король изъ сильныхъ владѣтельныхъ князей. Пястъ, какой бы фамиліи онъ ни былъ и сколько бы ни имѣлъ богатства, партикулярный человѣкъ, не будетъ онымъ въ короляхъ богатъ, ни страшенъ націи, а еще менѣе кромѣ насъ однихъ, яко авторовъ возвышенія и цѣлости его,—зависимъ отъ постороннихъ дворовъ въ политикѣ своей, ибо она въ тѣсныхъ предѣлахъ собственной только безопасности ограничиваться должна будетъ, буде мы сами не дозволимъ ей когда пространнѣйшихъ, смотря по обстоятельствамъ и по собственнымъ нашимъ интересамъ. Напротивъ того, король изъ владѣтельныхъ принцевъ, имѣя собственныя земли, а съ ними и силы, можетъ скорѣе сдѣлаться властительнымъ, если только имѣть будетъ искуство пользоваться выгодами своими, а покрайней мѣрѣ особливыми своими интересами заводить Польшу въ зависимость другихъ державъ» [1]).

Графъ Панинъ, одержавъ побѣду и получивъ въ свои руки управленіе дипломатическими дѣлами, направилъ ихъ къ осуществленію своихъ цѣлей. Онъ шелъ быстрыми шагами къ тѣснѣйшему сближенію съ Пруссіею и нашелъ въ этомъ поддержку въ самомъ королѣ ея, Фридрихѣ II.

31-го марта 1764 года, былъ заключенъ уже въ Петербургѣ союзный договоръ между Россіею и Пруссіею. Собственно говоря, въ этотъ день, кромѣ договора, были заключены: секретная конвенція, нѣсколько секретныхъ и самыхъ секретныхъ параграфовъ.

«Трактатъ самъ по себѣ — писала Екатерина II князю Волконскому [2]), — будучи отъ насъ разнымъ дворамъ сообщенъ, не требуетъ храненія тайны, а напротивъ того четыре секретныя и одинъ сепаратный онаго артикулы, да секретную конвенцію съ двумя ея артикулами секретнѣйшимъ и сепаратнымъ, ввѣряемъ мы не больше какъ вамъ однимъ персонально».

По союзно-оборонительному трактату, обѣ договаривающіяся стороны обязались, за себя и за своихъ преемниковъ, сохранять

---

[1]) Графъ Панинъ кн. Волконскому 30 октября 1769 г. Архивъ Волконскаго.

[2]) Въ указѣ отъ 1-го мая 1764 г. Арх. Волконскаго.

союзъ истинныхъ друзей, соблюдать взаимные интересы, устраняя все то, что̀ можетъ быть вредно другъ другу. На этомъ основаніи объявлена между обѣими державами совершенно свободная торговля, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.

Положивъ въ основаніе своего союза всеобщее спокойствіе и тишину, Россія и Пруссія взаимно гарантировали другъ другу безопасность своихъ владѣній въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ настоящій союзный актъ засталъ обѣ договаривающіяся стороны. Въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій съ европейскими державами, или вторженія непріятеля въ предѣлы Россіи и Пруссіи, каждая изъ договаривающихся сторонъ обязалась, не далѣе какъ черезъ три мѣсяца, послѣ перваго требованія, выставить вспомогательный корпусъ изъ 10,000 человѣкъ пѣхоты и 2,000 кавалеріи, съ тѣмъ, чтобы войска эти содержались на счетъ двора требующаго себѣ пособія.

Оба кабинета, петербургскій и берлинскій, обязались, безъ взаимнаго соглашенія, не только не заключать мира, но и не входить въ отдѣльныя другъ отъ друга соглашенія [1]).

Таковы были главныя основанія союзнаго трактата между Россіею и Пруссіею.

Одновременно съ заключеніемъ этого договора и въ тотъ же день, между обоими дворами была заключена секретная конвенція относительно Польши.

Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Берлинѣ, были теперь одинаково хорошо убѣждены, что польза обѣихъ державъ заключается въ воспрепятствованіи избранію на польскій престолъ, послѣ смерти Августа III, кого-либо изъ лицъ саксонскаго дома.

Оба союзные кабинета опасались того, чтобы польскіе короли изъ одной и той же фамиліи не уничтожили въ конецъ конституцію и основные законы польскаго королевства.

Опасеніе относительно уничтоженія правъ и вольностей поддерживалось и нѣкоторыми поляками, болѣе другихъ, какъ сказано было въ конвенціи, привязанныхъ къ своему отечеству и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ своихъ согражданъ. Справедливыя опасенія эти заставили оба двора принять мѣры къ тому, чтобы избраніе польскаго короля было сдѣлано добровольно, согласно желанія самихъ поляковъ и непремѣнно въ пользу пяста.

Король прусскій предоставилъ императрицѣ Екатеринѣ II, какъ уже прежде принявшей къ тому мѣры и согласившейся съ

---

[1]) Traité d'alliance défensive entre sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies et sa Majesté le Roi de Prusse.

здравою частью народа, поддерживать того изъ кандидатовъ на польскій престолъ, котораго признаетъ она за лучшее. Обѣщая согласоваться, въ этомъ отношеніи, во всемъ съ русскимъ дворомъ, Фридрихъ II особымъ секретнымъ параграфомъ [1]) обязался поддерживать и стараться объ избраніи королемъ графа Станислава Понятовскаго, стольника литовскаго.

На этомъ основаніи берлинскій кабинетъ долженъ былъ въ самомъ непродолжительномъ времени отправить въ Варшаву своего акредитованнаго министра, для совокупнаго дѣйствія съ представителями Россіи, и «чтобы они могли доказать республикѣ (польской) солидарность мѣръ, принятыхъ обоими дворами», петербургскимъ и берлинскимъ.

Для большаго успѣха въ дѣлѣ рѣшено двинуть къ границамъ какъ русскія, такъ и прусскія войска.

Оба договаривающіеся двора обязались при этомъ соблюдать самую тщательную справедливость и принять всѣ мѣры къ поддержанію мира и тишины въ польской республикѣ. Нельзя было, впрочемъ, не предвидѣть того, что постороннія державы, которыхъ интересы далеко не сходились съ интересами договаривающихся, употребятъ всѣ свои усилія къ воспрепятствованію такого избранія и станутъ поддерживать партію противную той, которая держалась стороны Россіи. Въ Петербургѣ опасались, что противная намъ партія составитъ конфедерацію, съ цѣлію избрать короля по своему желанію и видамъ.

Поэтому, чтобы предупредить зло въ самомъ началѣ, Екате-

---

[1]) Copie d'un Article séparé et plus secret à la suite de la Convention secrète.

Comme il est dit dans l'article second de la Convention secrète faite aujourd'hui que sa Majesté L'Impératrice de toutes les Russies avoit déjà pris d'avance certains arrangemens avec la partie de la nation la plus considérée sur le choix d'une personne pour Candidat de la couronne de Pologne, et que sa Majesté le Roi de Prusse promêt d'y adhérer et d'y coopérer avec toute la bonne foi et cordialité imaginable, et de la manière la plus propre, pour en assurer le succès.—Ainsi pour ne laisser aucun doute dans le Concert des hautes Parties contractantes, elles sont jugé à propos d'insérer dans cet article séparé de la convention, le nom du Candidat qui est le Comte Stanislas Poniatowsky, Stolnick de Lithuanie, en faveur de qui Sa Majesté Impériale a pris les susdits arrangemens.

Les deux Parties contractantes réconnoissant en lui toutes les qualités les plus propres, pour s'assurer du répos et de l'amitié de la République de Pologne, s'engagent encore plus particulièrement et de la meilleur foi par ce présent article, de réunir de la manière la plus forte leurs bons offices et efforts, pour lui procurer l'unanimité possible des suffrages et le placer sur le trône de Pologne.

Ce présent article séparé et plus secret aura la même force que s'il etoit inséré môt pour môt dans la convention secrète signée aujourd'hui et sera ratifié en même temps.

En foi de quoi il en a été fait deux exemplaires, que nous les ministres plenipotentiaires de Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies et de Sa Majesté le Roi de Prusse, en vertû de nos plein-pouvoirs avons signé et scellé du cachet de nos armes.

рина и Фридрихъ приказали своимъ министрамъ, находившимся въ Варшавѣ, зорко слѣдить за ходомъ дѣлъ по вопросу объ избраніи короля. Имъ приказано было, какъ только узнаютъ, что избраніе состоялось въ пользу Станислава Понятовскаго, тотчасъ же объявить формальною декларацiею, «что если они встрѣтятъ между націею такихъ лицъ, которыя осмѣлятся нарушить спокойствіе и образовать конфедерацію противъ ихъ короля, законно возведеннаго, то ея величество императрица и король прусскій сочтутъ ихъ непріятелями отечества и за возмутителей общественнаго спокойствія; что прикажутъ ихъ войскамъ занять Польшу и употребятъ безъ всякой пощады всѣ жестокости войны, какъ противъ ихъ особъ, такъ и противъ имущества».

Въ случаѣ, если бы объявленная декларація не произвела своего дѣйствія, и конфедерація, вызванная частными видами и интересами, все-таки состоялась, то Екатерина взяла на себя подавить ее, если представится возможность, то при посредствѣ своихъ собственныхъ силъ, не требуя отъ короля прусскаго никакой помощи ни войсками, ни дипломатическими сношеніями. Но если бы движеніе русскихъ войскъ въ Польшу возбудило опасеніе въ другихъ европейскихъ державахъ и вызвало, съ ихъ стороны, такое же движеніе, для поддержанія конфедератовъ, съ цѣлію помѣшать выбору или свергнуть короля, уже возведеннаго и признаннаго въ этомъ достоинствѣ, то тогда Фридрихъ II обязанъ былъ двинуть двадцати-тысячный корпусъ войскъ, для совокупнаго дѣйствія съ русскими войсками.

Основываясь на этомъ, если театръ военныхъ дѣйствій былъ бы перенесенъ на границы или въ самыя владѣнія Россіи, прусскій король долженъ былъ, сверхъ этого двадцати-тысячнаго корпуса, прислать другой такой же корпусъ, въ подкрѣпленіе нашихъ войскъ. Этотъ послѣдній отрядъ императрица властна употреблять по своему личному усмотрѣнію, для собственной защиты и безопасности. Равномѣрно, и точно на такомъ же основаніи, Россія обязалась дать то же число войскъ и королю прусскому, въ случаѣ, если бы онъ былъ атакованъ на границѣ или внутри своихъ владѣній.

Послѣднее вспомоществованіе могло быть одинаково тягостно для обоихъ договаривающихся; если бы войска одной державы были отправлены для дѣйствія въ очень отдаленныя провинціи другой, то оба кабинета согласились сдѣлать на такой случай исключеніе. Особымъ секретнымъ параграфомъ положено, что если военныя дѣйствія будутъ происходить для Россіи въ областяхъ пограничныхъ съ Турціею и Крымомъ, а въ Пруссіи, — въ областяхъ, расположенныхъ по ту сторону Везера, то замѣ-

нить въ этомъ случаѣ помощь войсками ежегодною денежною платою. Во избѣжаніе же всякихъ недоразумѣній приняли, разъ навсегда, плату за 10,000 человѣкъ пѣхоты и 2,000 кавалеріи 400,000 руб. въ годъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы 100,000 р. вносились черезъ каждые три мѣсяца [1]).

Въ заключеніе, относительно Польши, оба договаривающіеся двора, въ виду собственныхъ интересовъ, положили употребить всѣ заботы и усилія, чтобы поддержать польскую республику въ своемъ правѣ свободнаго избранія короля и не допускать никого изъ такихъ лицъ, которыя могли бы овладѣть польскимъ престоломъ по правамъ наслѣдства и сохранить его въ своей фамиліи или же сдѣлать его самостоятельнымъ. Императрица и король согласились предупредить и уничтожить въ самомъ началѣ всѣ такія желанія, какъ только открыты будутъ подобные происки и откуда бы они ни появились.

Въ случаѣ необходимости, они обязались обоюдно, силою оружія, защитить и гарантировать польскую республику отъ нисproверженія конституцій и основныхъ ея законовъ [2]).

---

[1]) Вотъ этотъ параграфъ: Comme il pourroit devenir également onereux à l'une et à l'autre des deux hautes Parties contractantes si le secours de troupes stipulé dans le Traité d'alliance signé aujourd'hui devoit être envoyé dans des provinces trop éloignées, elle sont convénues de faire une exception à cet égard, savoir, par rapport aux provinces, de Sa Majesté l'Impératrice limitrophes de la Turquie et de la Crimée, et par rapport aux provinces de Gueldres, Clève, Ostfrise, et en général tous les états de S. M. le roy de Prusse, situés au-delà de Weser, et de convertir en ce cas le secours de trouppes en secours annuels d'argent, de manière qu'au cas que des côtés ci-dessus mentionnés, on vint à déclarer la guerre à Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies, ou que Sa Majesté le roy de Prusse fut attaqué dans les Etats ci-dessus mentionnés, Leurs dites Majestés ne s'assisteront pas en trouppes, mais en argent, et pour empêcher que cette stipulation ne puisse donner lieu à quelque discussion dans la suite, Leurs Majestés conviennent de payer pour les dix mille hommes d'infanterie et les deux mille hommes de cavalérie, quatre cents mille roubles par an, de façon, que le payement de cent mille roubles se fasse ponctuellement tous les trois mois.

Ce présent article secret aura la même force et vigueur que s'il étoit inséré môt pour môt dans le Traité Principal d'alliance défensive signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps.

[2]) Comme il est de l'intérêt de Sa Majesté L'Impératrice de toutes les Russies, et de Sa Majesté le roy de Prusse, d'employer tous leurs soins et efforts pour que la Republique de Pologne soit maintenue dans son droit de libre Election, et qu'il ne soit loisible et permis à personne de rendre le dit Royaume héréditaire dans la famille, ou de s'y rendre absolu, Sa Majesté Impériale et Sa Majesté le roy de Prusse ont promis et se sont engagés mutuellement et de la manière la plus forte, par cet article secret, non seulement à ne point permettre que qui que ce soit entreprenne de dépouiller la republique de Pologne de son droit de libre élection, de rendre ce Royaume héréditaire, ou de s'y rendre absolu, dans tous les cas où cela pourrait arriver, mais encore à prevenir et à anéantir par tous les moyens et voyes possibles et d'un commun accord les

Покончивъ переговоры относительно Польши, гр. Панинъ не остановился на этомъ, но пошелъ далѣе къ осуществленію своихъ видовъ. Онъ съумѣлъ воспользоваться союзомъ Россіи съ Пруссіею настолько, что Фридрихъ, по особымъ секретнымъ параграфамъ, обязался не только гарантировать области, которыми владѣлъ наслѣдникъ русскаго престола въ Германіи, на правахъ герцога голштинскаго, но употребить все возможное стараніе къ тому, чтобы доставить справедливое удовлетвореніе въ переговорахъ, которые могли возникнуть съ датскимъ дворомъ, по поводу недоразумѣній, касающихся шлезвигскаго герцогства [1]).

Наконецъ, Фридрихъ II обязался еще дѣйствовать совокупными силами и во всемъ согласно съ русскимъ дворомъ относительно Швеціи.

Интриги иностранныхъ державъ, при стокгольмскомъ дворѣ, заставили императрицу Екатерину, въ видахъ сохраненія общаго мира, обезпечить себя и съ этой стороны. Съ этою цѣлію императрица и король прусскій условились дать одинаковыя инструкціи своимъ резидентамъ въ Стокгольмѣ.

Почти каждая изъ болѣе или менѣе значительныхъ европейскихъ державъ имѣла свою партію въ Швеціи, и смотря по количеству и многочисленности своихъ приверженцевъ, пользовалась бо̀льшимъ или меньшимъ вліяніемъ на дѣла этого государства.

Интриги европейскихъ дворовъ и желаніе пріобрѣсти большее вліяніе на дѣла Швеціи, вели къ постоянной борьбѣ партій и къ частымъ волненіямъ, происходившимъ въ этой странѣ. Постоянное постороннее вмѣшательство во внутреннія дѣла этого государства заставляли весьма часто опасаться за сохраненіе мира. Для прекращенія волненій и для устраненія на будущее время подобныхъ опасеній, Екатерина и Фридрихъ условились приказать своимъ резидентамъ въ Стокгольмѣ взаимно стараться

---

vues et desseins qui pourroient tendre à ce bût, aussitôt qu'on les aura decouverts, et à avoir même en cas de besoin récours à la force des armes pour garantir la republique du renversement de la Constitution et de ses loix fondamentales.

[1]) Sa Majesté le Roy de Prusse pour donner à Sa Majesté Impériale une marque de sa sincère amitié, non seulement garantit de la manière la plus solemnelle, en vertû de cet article secret, les Etats que son Altesse Impériale le grand Duc de toutes Russies possede actuellement en Allemagne en qualité de Duc de Holstein, mais promet encore d'employer de son coté dans les négociations qui pourroient se faire à l'avenir avec la cour de Dannemarck, au sujet des differents qui subsistent par rapport au Duché de Slesvic, tous les bons offices possibles à la dite cour, pour procurer à son Altesse Impériale une entière satisfaction sur ses justes pretentions.

и работать надъ ослабленіемъ волнующихся партій, вмѣсто того, чтобы поддерживать тѣхъ шведовъ, которые, зная сами всю тяжесть ихъ ига, «осмѣливаются сопротивляться и думать о возвращеніи къ старому порядку вещей [1])».

II.

Союзъ Россіи съ Пруссіею крайне не нравился многимъ европейскимъ дворамъ, и въ особенности дворамъ французскому и австрійскому. Извѣстіе о кончинѣ польскаго короля Августа III привело въ движеніе почти всѣ континентальные дворы и преимущественно потому, что избраніе въ Польшѣ короля было съ давнихъ временъ дѣломъ международнымъ.

Французскій дворъ, обязанный, въ силу договора съ Австріею, заключеннаго въ 1758 году, поддерживать избраніе саксонскаго курфирста, рекомендовалъ полякамъ курфирста, поддерживалъ на-

---

[1]) Въ статьѣ «Политика Фридриха Великаго» въ разсказѣ самого короля, требованіе Россіи гарантировать тогдашній образъ правленія въ Швеціи отнесенъ въ первый разъ къ 1769 году (см. «Восемнадцатый вѣкъ» изд. Бартенева ч. I стр. 177). Вотъ что сказано въ § 2 секретнаго договора 31-го марта 1764 года:

Il est parfaitement connû aux deux parties contractantes que la forme du gouvernement établie et confirmée par les serments de tous les quatre etats du Royaume de Suède est souvent ebranlée dans les parties les plus essentielles par les différentes altérations qu'une faction dans la nation a faites à l'équilibre du pouvoir partagé entre le roy, le senat, et les susdit Etats; et comme la dite faction à été formée et entretenue par certaines puissances, et s'est acquis au moien de leur appui une grande supériorité dans les affaires de sa patrie, en travaillant principalement et sans cesse suivant leur convenance mutuelle à tenir les concitoyens dans une agitation continuelle et à les animer à le mêler dans tous les troubles du dehors, ainsi que cela se prouve par une expérience de plusieurs années, et se mettant fort peu en peine de véritables intérêts de la Suède qui lui rendent le répos si nécessaire. Sa Majesté l'Imperatrice et Sa Majesté le roy pour prévenir les facheuses suites qui pourroient en resulter, s'accordent et s'engagent par cet article secret à donner dès àprésent à Leurs ministres résidents à Stockholm desinst ructions suffisantes, pour qu'agissant en confidence et dans les mêmes principes entre eux, ils travaillent de concert tant à affaiblir ce parti turbulent par des moyens convénables, qui pourront être mieux choisis sur les lieux mêmes, qu'à appuyer et à assister ceux parmi les Suédois qui connoissant eux mêmes la pesanteur de leur joug osent encor y resister et songer à remettre les affaires dans leurs ordre naturel, afin que du moins l'équilibre puisse être maintenû entre eux et les autres. Si toutes fois la coopération de ces ministres ne suffisoit pas pour atteindre le but désiré, alors eû égard aux circonstances et particulièrement dans le cas où l'on aurait à craindre un renversement tôtal de la forme du gouvernement de la Suède; Leurs Majestés se reservent la liberté de se concerter plus particulièrement sur les moyens de détourner un événement si dangereux et de maintenir la susdite forme de gouvernement en son entière, afin de conserver par là la tranquilité générale et principalement celle du Nord».

дежды Браницкаго и въ тоже время велъ переговоры съ преданною Россіи партіею Чарторыскихъ. По своему нерасположенію Шуазель готовъ былъ на все, чтобы только уничтожить или ослабить вліяніе Россіи на дѣла Польши. Онъ отправилъ въ Варшаву своихъ агентовъ, число которыхъ доходило до тридцати двухъ человѣкъ. Представители французскаго двора при европейскихъ дворахъ получили одинаковыя приказанія Шуазеля, противодѣйствовать желанію Россіи—возвести на польскій тронъ природнаго поляка, и если бы послѣдней удалось достигнуть того, то стараться, чтобы европейскія державы не утверждали выбора и не признавали выбраннаго королемъ Польши.

Французскій посланникъ въ Константинополѣ отличался особенною ревностію въ исполненіи приказаній своего министра.

Видя, что турецкое министерство согласно на избраніе польскимъ королемъ пяста, онъ нашелъ возможнымъ дѣйствовать непосредственно на самого султана, когда тотъ предавался наслажденіямъ гарема. Посѣщавшій гаремъ и пользовавшій прекрасныхъ женщинъ султана, одинъ докторъ неаполитанецъ былъ подкупленъ французскимъ посланникомъ. Имѣя свободный доступъ во всякое время туда, куда не могъ входить ни одинъ смертный, докторъ служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ султана съ французскимъ посломъ. Послѣдній, передавая ему состояніе польскихъ дѣлъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они были выгодны французскому двору, льстилъ самолюбію султана. Докторъ по наущенію французскаго посла увѣрялъ султана, что онъ можетъ безъ всякаго затрудненія поставить королемъ Польши того, кого захочетъ, «и ни которая держава всемѣрно не посмѣетъ такому его предпріятію упорствовать, а черезъ то пріобрѣтетъ онъ имени его безсмертную славу, а имперіи предастъ отличную знатность [1]).»

Повелитель Турціи колебался; онъ потребовалъ отъ своего министерства «многія объясненія на разные пункты, сходственные французскимъ видамъ». Въ тоже самое время находившійся въ Константинополѣ полякъ, полковникъ Станкевичъ, представилъ Портѣ грамату примаса къ султану и отъ короннаго гетмана верховному визирю письмо, извѣщающее о смерти Августа III и вмѣстѣ съ тѣмъ акредитующее Станкевича въ качествѣ резидента польской республики при константинопольскомъ дворѣ. 10-го февраля онъ имѣлъ аудіенцію у верховнаго визиря. Станкевичъ предъявилъ визирю прошеніе, подписанное коронным гетманомъ и нѣкоторыми изъ польскихъ вельможъ, въ которомъ тѣ

---

[1]) Донесеніе Обрѣзкова императрицѣ 28-го февраля 1764 г. Арх. князя А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

просили помощи и защиты «въ нынѣшнемъ республики недовѣдомомъ состояніи».

Французскій посланникъ распускалъ по Константинополю точно такіе же слухи, какіе распускали французскіе агенты въ Польшѣ, что саксонскіе принцы, какъ дѣти покойнаго польскаго короля, могутъ считаться природными поляками и имѣютъ законное право на польскій престолъ. Нашъ резидентъ Обрѣзковъ возражалъ противъ этого, и говорилъ, что природными поляками могутъ считаться только тѣ, которые родились отъ отца и матери польскаго поколѣнія; которые имѣютъ недвижимыя имѣнія и чины въ республикѣ «или натурализовану быть въ генеральной діэтѣ (сеймѣ) общими гласными голосами». Ничего этого, говорилъ Обрѣзковъ, саксонскіе принцы не имѣютъ, и хотя бы, отъ покойнаго короля ихъ родителя, даны имъ были въ Польшѣ какія помѣстья, чего однакожъ они отнюдь не имѣютъ, а оная дача діэтою (сеймомъ) неопробована, то не даетъ правъ и преимуществъ природному поляку принадлежащихъ». Въ доказательство справедливости своихъ словъ, резидентъ нашъ приводилъ изгнаніе дѣтей перваго саксонскаго министра графа Бриля изъ «залы» во время состоявшагося, въ прошломъ 1763 году, въ Гродно генеральнаго сейма.

Между тѣмъ, 7-го февраля, переводчикъ Порты, по приказанію визиря, явился къ нашему резиденту Обрѣзкову съ вопросомъ: не получилъ-ли онъ отъ своего двора, въ теченіи послѣднихъ двадцати дней, курьера съ точнымъ изложеніемъ намѣреній императрицы относительно Польши?

Обрѣзковъ удивился такому вопросу и изъ разговора съ переводчикомъ узналъ, что султанъ перемѣнилъ свой взглядъ на избраніе короля Польши и склоняется въ этомъ отношеніи на сторону Франціи.

«Я, по выслушаніи всего вышеизложеннаго — доносилъ Обрѣзковъ — узналъ черезъ эксперіенцію, что въ подобныхъ случаяхъ здѣсь твердый отвѣтъ не въ примѣръ полезнѣе бываетъ мягкаго, отвѣтствовалъ, что курьеръ ко мнѣ пріѣхалъ токмо передъ четырнадцатью днями, съ которымъ о польскихъ дѣлахъ никакого наставленія не имѣю и ниже имѣть ожидаю, ибо я отъ высочайшаго вашего императорскаго величества двора достаточно уже наставленъ и повелѣніе имѣю блистательную Порту наиточнѣйше увѣрить, съ одной стороны, что ваше императорское величество въ избраніи польскаго короля пяста, сходственно регуламъ и конституціямъ республики польской, вмѣшиваться и оному избранію препятствовать отнюдь не будетъ. Съ другой же, если бы недоброхотными къ отечеству, поляками, или какою ни-

будь постороннею державою, помущенъ былъ покой республики польской, то также всемѣрно съ индеферентностію смотрѣть не будете, но употребите всѣ мѣры и силы ваши, къ защищенію республики и къ возстановленію покоя въ оной».

Нашъ резидентъ объявилъ переводчику Порты, что, во всякомъ случаѣ, покушеніе султана сдѣлать польскимъ королемъ *свою креатуру* не обойдется ему такъ дешево, какъ увѣряютъ его французы. Обрѣзковъ удивлялся тому, что турецкое министерство не видитъ, откуда происходитъ перемѣна въ образѣ мыслей султана. Посланный увѣрялъ, что визирь давно уже знаетъ объ этомъ, но видя «что оный докторъ лечитъ всю императорскую фамилію и у его величества въ хорошемъ кредитѣ, визирь до удобнаго случая о томъ вызываться не смѣетъ».

Не смѣлъ и переводчикъ передать въ точности разговоръ свой съ Обрѣзковымъ. Онъ донесъ визирю—писалъ Обрѣзковъ,—«что при самомъ его отъ меня выходѣ, примѣтя меня быть весьма смутнаго, спросилъ о причинѣ, и что я, съ крѣпкимъ вздохомъ, и почти со слезами въ глазахъ, отвѣтствовалъ, что весьма сожалѣю объ употребленіи всевозможныхъ раченій, черезъ цѣлые четырнадцать лѣтъ, и потеряніи всего здоровья, отъ заботы, настоящую между сими двумя имперіями дружбу наивящше укрѣпить и распространить, ибо вижу что всѣ тѣ мои труды и заботы тщетными остаются, и есть такіе люди, которые устремилися сіи имперіи до явной остуды привести».

Обрѣзкову говорили потомъ, что будто бы визирь приказалъ все сказанное ему переводчикомъ изложить на бумагѣ, которую и передалъ муфтію. На слѣдующее утро въ общемъ засѣданіи совѣта, записка эта была подана султану.

— Развѣ подлинно виды другихъ державъ клонятся къ поссориванію меня съ Россіею? спросилъ султанъ по прочтеніи ея.

Визирь и муфти отвѣчали молчаливымъ наклоненіемъ головы.

Такъ разсказывали это происшествіе въ Константинополѣ, и 14 февраля стало извѣстнымъ достовѣрно, что неаполитанецъ докторъ получилъ запрещеніе ходить въ гаремъ и женскіе покои. Для лѣченія тяжко больной старшей дочери султана былъ приглашенъ другой докторъ.

Крутой поворотъ, отъ милости и довѣрія султана, къ столь сильному нерасположенію къ неаполитанцу не давалъ еще надежды Обрѣзкову возвратить султана на прежній путь, согласный совершенно съ видами русскаго и прусскаго дворовъ. Поэтому нашъ резидентъ счелъ необходимымъ убѣдить представителя послѣдняго двора подать совокупную ноту: что ни русская императрица, ни прусскій король одинаково не допустятъ на поль-

скій престолъ никого другого, кромѣ пяста, родившагося отъ отца и матери національныхъ поляковъ.

Вмѣстѣ съ этою нотою Рексинъ, посланникъ Пруссіи, представилъ письмо къ верховному визирю.

«Его величество король, мой всемилостивѣйшій государь — писалъ онъ [1])—имѣетъ всегда обыкновеніе, въ предосторожность, присылать ко мнѣ дупликаты писемъ его. На сихъ же дняхъ получилъ я дупликаты всѣхъ тѣхъ, которые имѣлъ честь блистательной Портѣ недавно представить, а въ прибавокъ повелѣваетъ мнѣ его величество сообщить вашему сіятельству, что точное желаніе его—быть въ вѣчномъ съ блистательною Портою соединеніи, добромъ согласіи и истинной дружбѣ. Что же касается до дѣла избранія короля польскаго, то его величество навсегда постояненъ и готовъ содержать конституціи и польскую вольность, во всей ея полности, слѣдственно и избраніе короля Пяста, родившагося отъ отца и матери польскаго шляхетскаго поколѣнія, о чемъ его величество обще съ россійскимъ дворомъ польскую республику наиточнѣйше обнадежить не преминули, какъ и о томъ, что всѣми ихъ силами воспрепятствуютъ избранію принца саксонскаго дома, да и всякой другой персонѣ, принадлежащей австрійскому дому или Франціи.

«Въ тоже время получилъ я отъ нашего резидующаго въ Варшавѣ министра письма, которыми увѣдомляетъ меня, что между прочими претендентами наисильнѣйшая партія есть дѣтей покойнаго короля, то-есть принцевъ саксонскаго дома, которыхъ сестра будучи супругою дофина бо̀льшаго (старшаго) сына короля французскаго и наслѣдника оной короны, то оная принцесса, всенаивозможнѣйшими средствами и употребленіемъ великаго иждивенія, старается пріобрѣсть въ пользу оныхъ большинство голосовъ, посредствомъ французскаго министра пребывающаго въ Варшавѣ, и великаго короннаго гетмана, совсѣмъ Франціи преданнаго и креатуры саксонскаго дому. Помянутой домъ будучи прежде протестантскаго закону и напослѣдокъ для обдержанія короны польской принялъ католическій, то безъ сомнѣнія римской дворъ, со всѣмъ духовенствомъ, всѣми силами стараться не преминетъ подкрѣплять помянутый саксонскій домъ къ обдержанію короны польской, и, сходственно оному закону, имѣть оной всегда подъ своею австрійскою и бурбонскою домовъ зависимостію, потому что въ Польшѣ духовная партія гораздо сильнѣе прочихъ и архіепископъ, будучи нынѣ въ достоин-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 11 (22) февраля 1764 г. Арх. князя А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

ствѣ примаса, и есть наипредпочтительнѣйшая особа въ республикѣ; почему оставляя разсужденію и проницанію вашего сіятельства, его величество король мой государь обще съ россійскимъ дворомъ не имѣютъ ли справедливой причины безпокоиться?

«Блистательной Портѣ довольно извѣстно, что австрійскій домъ находится соединеннымъ и въ союзѣ безъ изъятія съ бурбонскимъ дворомъ, то есть съ французскимъ, слѣдственно и съ испанскимъ и сициліанскимъ, яко родственники, почему не возможно быть, чтобъ оные не искали привести злые ихъ виды, между ими соглашенные, въ исполненіе, и явно видно что Австрія и Франція, имѣя главнымъ инструментомъ римскій дворъ, а чрезъ посредство его и все духовенство польское, не упустятъ всевозможное употребить для исполненія своихъ видовъ,—какъ уже и нынѣ посредствомъ своихъ министровъ вымышляетъ,—разныя лжи къ раздраженію тѣхъ дворовъ, которые имъ подаютъ вѣру.

«При томъ помянутый же министръ въ Варшавѣ между прочимъ увѣдомляетъ меня, что министры противной партіи, какъ и принадлежащіе Саксоніи, въ великомъ числѣ въ Варшавѣ находятся, и перемѣня свой первый штиль, начали нынѣ изъясняться такимъ образомъ, что саксонскіе принцы, яко дѣти покойнаго короля польскаго, будучи и они поляки піясты и патріоты, слѣдственно такожъ законные и правдивые претенденты короны польской. Такому образу изъясняться, несомнѣнно, подала причину принятая блистательною Портою, по сему дѣлу согласная съ его величествомъ моимъ государемъ и россійскимъ дворомъ, резолюція, и его величество мой государь ясно изъяснился, что чужестранной особы изъ помянутаго ли саксонскаго дома или какого другого отнюдь терпѣть не будетъ. Такія идеи противной партіи, уповаю столько же противны благоволенію и интересамъ блистательной Порты, сколько королю моему государю и россійскому двору; и какъ его величество желаетъ пребывать съ блистательною Портою въ вѣчномъ и крѣпкомъ соединеніи, то я за должность мою призналъ представить всѣ вышеписанныя примѣчанія прозорливости ея, дабы увидя прямые виды и умышленія противниковъ нашихъ, и безъ точнѣйшаго изслѣдованія дѣла, не подавала никакой вѣры, но полагалась бы на дружескія увѣренія его величества моего государя, какъ и его величество, полагаясь на письменное данное ему отъ блистательной Порты обнадеживаніе, иного не желаетъ какъ только жить съ нею въ совершеннѣйше искреннѣйшей дружбѣ, и сходственно желанію ея бдѣть о сохраненіи конституціи и вольности польской. Однакожъ въ случаѣ если будетъ стараніе прилагаться со

стороны французской, австрійской или отъ какой другой державы пріобрѣсть корону польскую, принцу изъ саксонскаго дома, или кому другому изъ ихъ креатуръ, въ такомъ случаѣ принужденъ блистательной Портѣ представить, что его величество мой государь, противъ своего желанія и мирной резолюціи, принужденъ будетъ препятствовать силою, всякое покушеніе предосудительное польской вольности, противное содержанію резолюціи порученной мнѣ письменно блистательною Портою, клонящейся ко вреду его величества и блистательной Порты, съ которою всегда его великое желаніе есть жить въ совершенномъ соединеніи и доброй дружбѣ.

«Ото дня въ день ожидаю новыхъ наставленій, которыя, какъ скоро получу, блистательной Портѣ сообщить не премину.»

Прочтя это письмо рейсъ-эффенди увѣрялъ Рексина, что, по дѣлу объ избраніи польскаго короля, Порта, совершенно согласная съ намѣреніями обоихъ дворовъ, будетъ стараться о сохраненіи такого согласія и на будущее время.

Дѣйствительно, совокупное представленіе обоихъ дворовъ имѣло успѣхъ настолько, что когда 17-го февраля явился къ рейсъ-эффенди переводчикъ французскаго двора Дюваль и представилъ ему «польскую меморію» о правахъ саксонскаго дома на польскую корону, то рейсъ-эффенди принялъ его весьма сухо и грубо.

— Какъ послу не стыдно, говорилъ онъ, швырнувъ ноту чуть не въ глаза переводчику, такими пустяками безпрестанно утруждать министерство. Неужели онъ считаетъ насъ за дѣтей или ничего не смыслящихъ. Порта умѣетъ отличить правду отъ неправды, и ему, послу, по сему дѣлу Порта дала свой отвѣтъ единожды и навсегда.

Послѣ такого категорическаго заявленія казалось, что взглядъ Порты на польскія дѣла окончательно опредѣлился. Въ конференціяхъ, происходившихъ въ турецкомъ министерствѣ относительно польскихъ дѣлъ, «по разнымъ разсужденіямъ заключено, что для декору и знатности оттоманской имперіи испрашиваемое вспоможеніе поляками обѣщать хотя и надлежитъ, однакоже какъ избраніе короля касается и до окружныхъ державъ и дѣло подвержено разнымъ интригамъ и недовѣдомствамъ, то всемѣрно престерегаться должно въ поведеніяхъ Порты и отзывахъ ея отнюдь не окомпрометироваться и съ сосѣдями неостудиться; да и не только не справедливо, но и закону противно было бы, чтобы для примиренія христіанъ, и возстановленія между ними покоя, жертвовать магометанами и навлещи на себя недовѣдомыя слѣдствія. Правда, блистательная Порта должна стараться о прира-

щеніи славы имперіи, однакоже безъ навлеченія на себя никакого непріятнаго обязательства, да и къ хану крымскому послать надлежитъ наиточнѣйшіе указы, чтобы и съ его стороны въ семъ случаѣ не сдѣлано было какого поступка, противнаго намѣренію блистательной Порты».

26-го февраля, переводчикъ Порты привезъ Станкевичу отвѣтныя граматы. Султанъ не согласился снизойти до того, чтобы написать собственноручный отвѣтъ примасу. Онъ поручилъ отвѣчать отъ себя визирю. «Отвѣтъ его султанова величества, писалъ верховный визирь примасу [1]), что дозволяется соблюденіе прибывающей между блистательною Портою и Польшею дружбы утвержденной карловицкимъ трактатомъ, такожъ и соблюденіе вольности ея, а притомъ его императорское величество требуетъ, чтобы такожъ и республика польская поступала сходственно соблюденію вольности ея и для оказанія склонности или угодности какой-нибудь изъ постороннихъ державъ, не учинила бы какого такого поступка, который бы помянутой ея вольности предосудителенъ быть могъ и дабы же ваша ясневельможность о семъ его султанова величества соизволенія, были свѣдомы, написано сіе мое дружеское письмо, для увѣдомленія васъ, что въ самой истинѣ дѣло будетъ весьма удобное для республики, особливо же для подданныхъ королевства польскаго, избраніе и возстановленіе королемъ кого-нибудь между вами съ такою однакожъ кондиціею, чтобы былъ сущій и природный полякъ, и кое посылается черезъ резидента Станкевича, по полученіи котораго увѣдомится, что изобильно дозволены неоцѣненны императорскія милости поспѣшествовать къ соблюденію древней и искренней дружбы и состоянія вольности республики польской, почему и надѣемся мы, что и друзья наши поляки, соблюдая состояніе вольности ихъ, не станутъ опираться на какой-нибудь посторонней державѣ и имѣть склонность во угожденіе постороннимъ навести предосужденіе вольности ихъ.»

Точно такой же, отъ слова и до слова, отвѣтъ былъ написанъ и коронному гетману графу Браницкому. Такимъ образомъ Порта уклонилась отъ прямого обнадеживанія поляковъ и обѣщалась соблюдать дружбу на основаніи карловицкаго трактата, которымъ она была вовсе не связана съ Польшею никакими обѣщаніями.

Резидентъ нашъ въ Константинополѣ боялся теперь только одного, чтобы польское правительство не воспользовалось проѣздомъ черезъ Польшу, находившагося въ Берлинѣ, турецкаго посланника Ахметъ-эффендія, «ибо я опасаюсь, писалъ Обрѣзковъ,

[1]) Всепод. донесеніе Обрѣзкова, 6-го марта 1764 г.

чтобы противная сторона подъ какимъ-нибудь вымышленнымъ претекстомъ или же черезъ подкупленіе его Ахметъ-эффендія не задержала его въ Варшавѣ для импонированія противникамъ ихъ, якобы оный при генеральномъ сеймѣ и избраніи королевскомъ быть отъ Порты опредѣленъ [1]).»

Для предупрежденія этого, точно также, какъ и на случай того, чтобы французскій посланникъ вмѣстѣ съ Станкевичемъ не позадержали отвѣта визиря, съ цѣлію не обезкуражить своей партіи, Обрѣзковъ сообщилъ обо всемъ происходящемъ въ Константинополѣ нашимъ министрамъ въ Варшавѣ.

III.

«Между подданными народами вашего императорскаго величества, о всерадостнѣйшей коронаціи торжествующими, приноситъ и бѣлорусскій народъ черезъ меня подданника вашего величества всеподданнѣйшее поздравленіе. Знаю, какъ далече отстоитъ благословенная Богомъ Палестина отъ тѣснаго Израилю Египта; состояніе, сказую, людей предѣлами россійскими огражденныхъ, отъ состоянія людей, хотя и единовѣрныхъ но въ польской области заключенныхъ. Здѣсь свѣтильникъ вѣры отъ дней Владиміровыхъ зажженный блистаетъ доселѣ; у насъ свѣтильникъ оный свирѣпствующіе отъ запада вихри, во многихъ мѣстахъ, совсѣмъ прекратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ: у насъ храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласы издаютъ. Здѣсь, чѣмъ кто благочестивѣе тѣмъ и честнѣе: у насъ благочестивымъ именоваться въ стыдъ ставятъ; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ раззореніе, а не рѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ. Однако, въ толикихъ египетскихъ озлобленіяхъ и столько отстоя отъ благополучія подданныхъ вашего императорскаго величества, не хотимъ уступить имъ въ разсужденіи настоящей радости. Смѣемся и сквозь слезы утѣшаемся и въ горести души торжествуемъ въ послѣднемъ утѣсненіи....»

Такъ, въ день коронаціи императрицы Екатерины II, извѣстный бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій рисовалъ положеніе православнаго населенія польскаго королевства. Положеніе это было, дѣйствительно, невыносимо и находилось гораздо въ худшемъ видѣ, чѣмъ рисовалъ его епископъ.

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Обрѣзкова императрицѣ, 28-го февраля 1764 г.

Католическое духовенство, съ давнихъ поръ составивъ отдѣльную корпорацію, исказившую своими поступками прямое назначеніе пастырей церкви, образовало въ Польшѣ сильную политическую партію. Оно подвергло преслѣдованію послѣдователей другихъ вѣроисповѣданій, и не смотря на крики и неодобреніе всей польской націи, стремилось къ отнятію у иновѣрцевъ всѣхъ правъ, какъ гражданскихъ такъ и духовныхъ.

Всѣ иновѣрцы, жившіе въ Польшѣ, получили названіе *диссидентовъ* или разномыслящихъ въ вѣрѣ (dissidentes de religione). Насчитывая въ своихъ рядахъ многихъ сенаторовъ и большинство дворянства, диссиденты протестовали противъ подобнаго насилія, сопряженнаго весьма часто съ устраненіемъ ихъ отъ гражданскихъ должностей въ Польшѣ. На сеймѣ, происходившемъ въ Вильнѣ 16-го іюня 1563 года, было постановлено, что дворянство литовское и русское, такъ какъ и они христіане, должны имѣть одинаковыя права на почести, достоинства и занятія мѣстъ въ сенатѣ; постановлено, что никто не можетъ быть наказываемъ и преслѣдуемъ за вѣру, но всѣ епископіи и церковныя имѣнія должны оставаться во владѣніи католической партіи.

Хотя постановленіе это сильно не нравилось католическому духовенству, но оно не могло возстать открыто противу диссидентовъ, значительно превышавшихъ числомъ партію католиковъ. Послѣдніе, по необходимости, въ теченіи многихъ лѣтъ и цѣлыхъ столѣтій, должны были смотрѣть недоброжелательно на то, что почти каждый изъ польскихъ королей, при своемъ восшествіи на престолъ, обязанъ былъ торжественно подтверждать права диссидентовъ.

Въ противодѣйствіе этимъ подтвержденіямъ ксендзы пріискали другой способъ дѣйствій. Они раздѣлили своихъ противниковъ по вѣроисповѣданіямъ и, стараясь поссорить одно исповѣданіе съ другимъ, обратили свое преслѣдованіе сначала на слабѣйшихъ числомъ, и кончили притѣсненіемъ сильнѣйшихъ, а затѣмъ и всѣхъ гражданъ не-католическаго исповѣданія.

Надъ диссидентами насмѣхались; что̀ обѣщали на сеймикахъ, въ томъ отказывали на сеймахъ. Побѣда была на сторонѣ католиковъ. Дѣйствуя единодушно и стремясь къ одной цѣли, они достигли того, что перессорили между собою диссидентовъ всѣхъ вѣроисповѣданій и окончательно поработили ихъ. Мало-по-малу отъ диссидентовъ начали отнимать гражданскія права, не допускали ихъ къ занятію должностей въ государствѣ, что̀ заставило многихъ честолюбивыхъ лицъ принять католическое вѣроисповѣданіе. Католическая религія стала господствующею вѣрою при дворѣ

польскихъ королей. Диссиденты хотя и старались возстановить свои права, но дѣйствія ихъ были мало успѣшны.

Каждый польскій король при вступленіи своемъ на престолъ хотя и подтверждалъ законъ о вѣротерпимости, но диссиденты мало отъ того выигрывали.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи они нѣсколько разъ обращались съ просьбою о защитѣ къ иностраннымъ державамъ, которыя и принимали на себя обязанность слѣдить за неприкосновенностію ихъ правъ.

Такъ Оливскимъ трактатомъ въ 1660 году и черезъ 25-ть лѣтъ спустя Московскимъ договоромъ, обезпечена лицамъ православнаго населенія, свобода исповѣданія и равенство передъ закономъ.

Не смотря на то, дѣло диссидентовъ не подвигалось впередъ: обиды и притѣсненія съ каждымъ днемъ все увеличивались. Имъ дозволено совершать богослуженіе тамъ только, гдѣ они имѣли церкви; вновь же строить церкви имъ не было дозволено. Не только свѣтскихъ, но и духовныхъ лицъ силою заставляли переходить въ унію; кто не соглашался на это, того били палками и тиранили. Священниковъ заключали въ тюрьмы, раздѣвали до нага, привязывали къ четыремъ столбамъ на крестъ и мучили до тѣхъ поръ, пока несчастный не соглашался сдѣлаться уніятомъ. Георгій Кониській насчитываетъ слишкомъ пятьдесятъ различныхъ, ему извѣстныхъ, случаевъ оскорбленій, нанесенныхъ православнымъ священникамъ. Онъ говоритъ, что священникамъ рубили пальцы на рукахъ, навязывали на шею веревку и, ведя у лошади, погоняли плетью.

Православныя церкви запечатывались; буйная шляхта входила въ нихъ и забирала силою церковную утварь и драгоцѣнныя украшенія на иконахъ. Православнымъ приказывали звонить въ колокола, при всякомъ крестномъ ходѣ католиковъ. Каждый изъ исповѣдующихъ католическую вѣру имѣлъ право, взлѣзши на колокольню, звонить сколько хотѣлъ, хотя бы то было и во время отправленія церковной службы. «Умершихъ православныхъ погребать не даютъ, для своего прибытка, но у себя погребаютъ силою; также къ исповѣди и къ вѣнчанію нагло привлекаютъ благочестивыхъ».

При церковныхъ процессіяхъ шляхта нападала на священниковъ, срывала съ нихъ ризы, вырывала изъ рукъ свѣчи и отнимала хоругви, которыя держала у себя по полугоду. Если при этомъ православные оказывали сопротивленіе, то были судимы самымъ жестокимъ образомъ. Такъ, Данило Коженникъ, за то, что не отдалъ уніятскому священнику церковныхъ сосудовъ,

былъ приговоренъ региментаремъ украинской партіи, Вороничемъ, къ смертной казни: «живому ему руки смолою и пенькою обверчены и зажжены были, потомъ голова отрублена и на колъ воткнута, и наконецъ все тѣло сожжено»[1]).

Помѣщики силою отнимали мѣста у православныхъ священниковъ и поставляли на ихъ мѣсто поповъ-уніятовъ.

«Миссіонеры доминиканскіе, ксендзъ Овлочинскій съ помѣщиками, ѣздя по городамъ и согласясь съ властями мірскими, сгоняли народъ благочестивыхъ церквей въ города, и тутъ, заключивъ ихъ недѣль на шесть, гоняли отъ костела до костела, принудивши ихъ носить въ рукахъ большіе деревянные кресты, на головахъ вѣнцы и на шеи веревки, также исповѣдаться у себя, и ежели кто имъ сопротивлялся, на устрашеніе тѣхъ столбы вкопывали, розгъ и тернія большія кучи раскладывали, огни разводили, а на нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ то въ мѣстечкѣ Улѣ, въ самой вещи тѣми орудіями стращали, да еще матерей отъ дѣтей, а дѣтей отъ матерей разлучали.» — «Христіане отъ христіанъ угнетаемы — говорилъ Конисскій[2]) — и вѣрные отъ вѣрныхъ болѣе, нежели отъ невѣрныхъ озлоблены бываемъ. Затворяются наши храмы, гдѣ Христосъ непрестанно восхваляется: отверсты же и безнавѣтны жидовскія синагоги, въ коихъ Христосъ непрестанно поруганъ бываетъ. Что мы человѣческихъ преданій въ равной съ вѣчнымъ Божіимъ закономъ важности имѣть и землю мѣшать съ небомъ не дерзаемъ, за то раскольниками, еретиками, отступниками насъ называютъ, а что гласу совѣсти безстыдно противорѣчить страшимся, — за то въ темницы на раны, на мечъ, на огонь осуждаемы бываемъ....»

Столь стѣсненное положеніе заставило диссидентовъ православнаго исповѣданія обращаться съ мольбою о защитѣ къ единовѣрной имъ Россіи.

Въ силу Оливскаго и Московскаго трактатовъ, Екатерина не могла отказать имъ въ своемъ покровительствѣ. При заключеніи союза съ Пруссіею, императрица имѣла въ виду обезпечить существованіе и диссидентовъ въ Польшѣ.

«Видя, съ большимъ прискорбіемъ — сказано въ отдѣльномъ параграфѣ союзнаго договора Россіи и Пруссіи — тяжелое угнетеніе, въ которомъ находится населеніе Польши и Литвы, исповѣдующее греческую и лютеранскую религіи, ихъ величества согласились и обѣщаютъ покровительствовать сказанныхъ лицъ, т. е. всѣхъ тѣхъ жителей Польши и Литвы, которые испов-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, объ уніи, стр. 367.

[2]) Станиславу Понятовскому, 27 іюля 1765 г.

дуютъ греческую и лютеранскую религію и извѣстны подъ именемъ диссидентовъ».

Договаривающіяся стороны обѣщались употребить всѣ ихъ усилія къ тому, чтобы склонить короля и республику возстановить права и свободу, которыя были предоставлены сначала диссидентамъ въ дѣлахъ духовныхъ и гражданскихъ, но которыя были впослѣдствіи отняты или ограничены несправедливо. Въ томъ случаѣ, еслибы представленія союзныхъ дворовъ не получили скораго и полнаго удовлетворенія, то Екатерина и Фридрихъ согласились на первый разъ довольствоваться обѣщаніемъ, что диссиденты будутъ ограждены отъ несправедливости и угнетенія, отъ которыхъ страдаютъ [1]).

IV.

Въ то время, когда въ Петербургѣ происходили переговоры между Россіею и Пруссіею, относительно заключенія оборонительнаго трактата и предстоящихъ дѣйствій въ Польшѣ, — въ Варшавѣ шла ожесточенная борьба партій и споры о томъ, кому быть королемъ польскимъ.

Во главѣ одной партіи стояли Чарторыскіе, во главѣ другой, противной имъ, были: коронный гетманъ, графъ Браницкій, самъ мечтавшій о коронѣ, первый богачъ Литвы, кн. Карлъ Радзивиллъ и кіевскій палатинъ гр. Потоцкій. Въ Литвѣ противъ Радзивилла дѣйствовали два Масальскихъ, одинъ, отецъ—гетманъ, другой, сынъ — епископъ виленскій.

Вражда эта и споры могли быть прекращены только постороннимъ вмѣшательствомъ и иностраннымъ оружіемъ. Партія

---

[1]) Вотъ этотъ параграфъ: «Sa Majesté L'Impératrice de toutes les Russies et sa Majesté le roi de Prusse voyant avec beaucoup de chagrin la dure oppression, où se trouvent les personnes attachées aux mêmes religions de Leurs Majestés, tant dans le Royaume de Pologne que dans le grand Duché de Lithuanie, sont convenues et s'engagent à protéger de la manière la plus avantageuse les susdites personnes savoir, tous les habitans de la Pologne et de la Lithuanie qui professent les réligions grecque, réformée, et luthérienne et qui y sont connus sous le nom de dissidens; et à faire tous leurs efforts pour déterminer par des réprésentations fortes et amiables le roi et la République de Pologne à restituer à ces personnes les droits, privilèges, libertés et prérogatives qu'elles y ont acquises, et qui leur ont été accordées par le passé tant dans les affaires Ecclesiastiques que civiles, mais lesquelles ensuite ont été pour la plupart restreintes, ou injustement enlevées. Mais s'il n'etoit pas possible d'y parvénir tout de suite à l'heure qu'il est, les deux parties contractantes se contenteront d'effectuer qu'en attendant des temps et des conjonctures plus favorables les susdites personnes soient du moins mises à l'abris des injustices et de l'oppression où elles gémissent à présent».

Чарторыскихъ и оба Масальскіе просили защиты императрицы Екатерины и призывали къ себѣ русскія войска. Екатерина согласилась удовлетворить ихъ просьбу.

«При настоящемъ въ Польшѣ междуцарствіи—писала императрица князю Волконскому [1])—государственный интересъ нашъ требуетъ необходимо, чтобъ мы приняли главное участіе, какъ во всѣхъ тамошнихъ публичныхъ дѣлахъ вообще, такъ особливо въ выборѣ новаго короля, дабы, съ одной стороны, удержать покой и тишину толь сосѣдней намъ земли въ цѣлости и безъ помущенія, а съ другой пріобрѣсть въ персонѣ будущаго коронѣ преемника сосѣда надежнаго и государя, намъ, за возвышеніе свое, обязаннаго, слѣдовательно же сердцемъ и благодарностію навсегда преданнаго. По употребленнымъ нами благовременно мѣрамъ, можно, правда, не безъ основанія предполагать, что исполненіе намѣреній нашихъ не встрѣтитъ въ одномъ и другомъ предметѣ большихъ препонъ, и что наипаче король нами желаемый, если не совсѣмъ единодушно, по крайней мѣрѣ знатныхъ голосовъ превосходствомъ, отъ здравой части народа, выбранъ и на престолъ возведенъ будетъ. Но какъ и тутъ однако могутъ еще, сверхъ чаянія, непредвидимыя случиться препятствія, на которыя нельзя было, по неизвѣстности, опредѣлить заранѣе удобныхъ къ отвращенію способовъ, то, дабы въ такомъ случаѣ не предать ничего на внезапность, разсудили мы за нужно собрать на границахъ при Смоленскѣ корпусъ войскъ нашихъ, который бы, находясь въ готовности къ выступленію въ походъ и обуздывая потому противныхъ намъ поляковъ страхомъ оружія, придавалъ собственнымъ нашимъ дѣйствіямъ большую важность и тѣмъ сугубо ободрялъ единомысленныхъ съ нами вельможъ, которые и безъ того, сами по себѣ, въ отечествѣ своемъ сильнѣйшія».

Назначивъ главнымъ начальникомъ этого корпуса князя Михаила Никитича Волконскаго, императрица поручила ему сосредоточить войска у Смоленска къ концу апрѣля 1764 года, т. е. ко времени созывательнаго сейма, «который долженъ нѣкоторымъ образомъ рѣшить тамъ сохраненіе тишины и жребій будущаго избранія» короля.

Расположившись неподалеку отъ границы, войска были приготовлены къ походу настолько, что могли выступить въ походъ въ границы польской республики не позже какъ черезъ два дня послѣ полученія приказанія. Военной коллегіи приказано снаб-

---

[1]) Рескриптъ отъ 26 февраля 1764 г. Архивъ Волконскаго.

дить смоленскій корпусъ всѣмъ необходимымъ и привести въ совершенную исправность.

Чтобы не было ни въ чемъ остановки, императрица приказала отпустить изъ коммиссаріата, серебрянною монетою, двѣ трети жалованья, а изъ провіантской канцеляріи 100,000 руб. на покупку за границею провіанта и фуража. Волконскому лично отпущено 5,000 руб. на чрезвычайные расходы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приведена на военное положеніе сѣвская дивизія, обязанная, съ выступленіемъ смоленскаго корпуса за границу, занять его мѣста и подкрѣплять въ случаѣ нужды [1]).

Находившіеся въ Варшавѣ наши министры, дѣйств. тайный совѣтн. гр. Кейзерлингъ и генералъ-маіоръ кн. Репнинъ, получили приказаніе установить частую переписку съ княземъ Волконскимъ, какъ обязаннымъ направлять свои дѣйствія по ихъ требованіямъ, «дабы общіе ваши поступки — писала Екатерина II — всегда согласно и всегда по одинакимъ правиламъ размѣряемы быть могли». Гр. Кейзерлингу и кн. Репнину поручено склонить «друзей нашихъ на учрежденіе почты отъ Смоленска до Варшавы, по деревнямъ своимъ, или гдѣ отъ противныхъ наѣздовъ безопасность быть можетъ».

Въ мартѣ кн. Волконскій отправился въ Смоленскъ, гдѣ собирался его отрядъ.

Въ апрѣлѣ онъ получилъ новый указъ императрицы, въ которомъ Екатерина II писала, что «польскія дѣла, въ смущеніе болѣе приходя, требуютъ и требовать повидимому будутъ такихъ мѣръ, чтобы, удѣляя изъ назначенныхъ вамъ полковъ, отдѣльными корпусами въ разныя времена за границы высылать» [2]).

На первый разъ былъ отдѣленъ отрядъ въ 6,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рененкампфа, которому и приказано было сначала расположиться около Великихъ-Лукъ и Опочки, а потомъ двинуться и слѣдовать по направленію къ Вильнѣ, гдѣ въ это время составилась конфедерація.

«Мы, чины духовные и свѣтскіе, сказано въ манифестѣ, объявленномъ конфедератами 16 апрѣля 1764 года [3]), сенаторы, чиновники и урядники земскіе, градскіе и рыцарство провинціи великаго княжества литовскаго, на обыкновенную тойже провинціи конфедерацію для принятія мѣръ къ пользѣ отечества, въ Вильну собранные.

---

[1]) Указъ военной коллегіи 24 февраля 1764 г.

[2]) Указъ Волконскому 2 апрѣля 1764 г.

[3]) Изъ бумагъ кн. Волконскаго. Арх. кн. А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго. — Мы помѣщаемъ современный переводъ манифеста, оригиналъ котораго неизвѣстенъ намъ, и потому темныя мѣста остаются, по необходимости, необъясненными.

«Всѣмъ обще и каждому особливо объявляемъ, что мы, укрѣпивъ себя надеждою и терпѣніемъ ожидали, въ молчаніи и жалости, если не конца, то, по крайней мѣрѣ, облегченія въ наглыхъ нарушеніяхъ правъ, вольностей, нашу мѣрность погубляющихъ.

«Будучи удалены еще отъ послѣдней опасности, предвидя благополучную тишину, оставалися въ терпѣніи, и съ удивленіемъ только смотрѣли на начинающуюся посреди отечества послѣдовавшаго неблагополучія свирѣпость, которая свободою будучи укрѣплена, послѣднею нынѣ уже угрожаетъ насъ гибелью.

«Возвышенное надмѣнностію свободнаго народа и почитаніемъ правъ, отъ многочисленныхъ надворныхъ и гарнизонныхъ командъ людей, которые (къ вящшей жалости) на всемъ коштѣ республики были содержаны, благородному сердцу не обыкновенное и не пристойное предпріятіе собрало въ разныхъ воеводствахъ и уѣздахъ въ негодное общество своевольныхъ силу и преимущество правъ, за ничто вмѣняющихъ и больше неукротимою злобою, нежели числомъ превосходящихъ и стремящихся на жизнь человѣческую, обывателей, и какъ бы къ непріятельскому сопротивленію и бою вооруженной, среди покоя вывелъ народъ, которой, стараясь уничтожить вольной голосъ, дерзнулъ въ нарушеніе утвержденнаго многочисленными правами сеймоваго спокойствія, всѣхъ честныхъ патріотовъ, угрожать страхомъ и порочить срамнымъ ругательствомъ.

«Многократно наши братья принуждены были молчать и сносить свои обиды предъ тѣмъ народомъ, которому тогда не столько его искуство, сколько вооруженная къ тому отвага говорить позволяла.

«Въ другихъ же мѣстахъ помянутое, нарушающее права необузданныхъ мыслей, общество разрывало сеймовые дѣла, производимые въ воеводствахъ и уѣздахъ, на секретныхъ собраніяхъ отъ депутатовъ и пословъ, и многократно безчувственно устремлялось на собраніяхъ сеймовыхъ къ пролитію братской крови, къ чему способствовали ему изъ другихъ воеводствъ приглашенные, а при томъ и надворные люди, по своему неукротимому свирѣпству, которые нетокмо нарушеніемъ общаго спокойствія взбунтовали вольной народъ, но и во многихъ мѣстахъ и священные осквернили храмы.

«Симъ-то безправымъ поступкомъ пресѣчено теченіе дѣлъ, изъ котораго, какъ права на сеймахъ, такъ и дѣйствія въ трибуналахъ, первое свое имѣютъ начало, а напослѣдокъ вышепоказанное беззаконное общество устремилось на основаніе трибу-

нала верховныхъ судовъ, гдѣ одна только справедливость съ пріятною тишиною обитать должна.

«Съ жалостію мы смотрѣли на умножающіеся, въ посвященныхъ справедливости мѣстахъ, неправости, а особливо на допущеніе къ присягѣ безъ малѣйшаго вольныхъ голосовъ соизволенія тѣхъ, которые по одной наглости, и несправедливо въ чины сеймовые удостоены.

«Такъ же многократно мы смотрѣли на тѣхъ депутатовъ, которые будучи по согласію и соизволенію изъ одного воеводства или уѣзда утверждающей трибуналы юрисдикціи выбраны, раздѣлились на двѣ партіи, и одни только несогласія обывателей представляли.

«Не безъ сожалѣнія мы смотрѣли и на то, что сочиненными тайно, а на сеймахъ не бывалыми протестаціями и разно вымышленными препятствіями, отрѣшены отъ должности депутаты тѣ, которые къ тому надлежащимъ порядкомъ были выбраны.

«А особливо съ крайне чувствительною жалостію смотрѣли мы, что при учрежденіи послѣдняго предъ королевскою смертію трибунала, въ судовую палату пресѣченъ былъ путь, чрезъ постановленіе подъ виленскою крѣпостію пушекъ и опредѣленныхъ къ тому вооруженныхъ людей, которые, не только слѣдовавшихъ туда съ манифестами и декретами шляхтичей, но и многихъ, по общему согласію и правильному порядку выбранныхъ, депутатовъ не допущали.

«Сіе толь великое нарушеніе правъ отечества нашего, усмотря братья наши возбуждены ревностію, и въ первые предъ начатіемъ трибунальскаго дѣйствія, 17 апрѣля 1763 года о приготовленіи, а потомъ для лучшаго въ своемъ намѣреніи успѣха, другимъ того жъ года и мѣсяца 18 дня, о послѣдовавшихъ уже наглыхъ предпріятіяхъ, торжественно протестовали своими манифестами.

«Въ ужасное, владѣющая тамъ несправедливость, привела насъ смятеніе, когда увидѣли мы, что наглостію и боемъ принуждаемы были наши братья, къ уничтоженію депутатскаго мнѣнія, и что всѣ уже нарушены основательные отечества нашего права, а декреты трибунальскіе, ассесорскіе, маршальскіе и прочихъ приказныхъ мѣстъ, совсѣмъ стали недѣйствительными.

«Потомъ послѣдовали очевидныя преступленія тѣ, которыя не только осталися безъ всякаго наказанія, но еще многократно въ судебныхъ мѣстахъ и невинностію называемы были; чѣмъ пользуясь своевольные люди, собрались многочисленно, бродили безпрестанно почти,—а особливо во время публичныхъ съѣздовъ, въ явное нарушеніе общаго покоя, — не токмо по градскимъ

улицамъ, обывательскимъ домамъ, судебнымъ палатамъ, но и по освященнымъ храмамъ съ ружьемъ и прочими воинскими припасами, и дѣлая нападеніе стрѣляли въ окна простыхъ и министерскихъ домовъ, и убивали злодѣйскимъ образомъ людей, о чемъ и главному судебному мѣсту было извѣстно; но за то оные не только ни мало ни наказываемы, но ниже словесно были когда оштрафованы.

«Намъ подали случай самимъ охранять себя. Отданные подъ судъ трибунальской, убійцы, которые мучительскимъ образомъ предали смерти сейвейскаго старосту господина Струтинскаго, да маринборгскаго старосту господина Пищалу, а при томъ и прочія въ разныхъ мѣстахъ послѣдовавшія шалости, отъ своевольныхъ же людей, которые на минскомъ сеймикѣ въ судовой палатѣ господина Богушевича, а на лицскомъ сеймикѣ господина Янковскаго, убили, и не малое число другихъ шляхтичей перестрѣляли и перерубили; прочихъ же въ разныхъ воеводствахъ и уѣздахъ находящихся шляхтичей здравія лишили, въ чести обругали, и раззорили, а церковные права и декреты, равно какъ бы отступники вѣры, совсѣмъ уничтожили.

«Пріятная всякому тишина удерживала всѣхъ всегда, съ болѣзнію воздыхающихъ обывателей, отъ принятія заблаговременно обыкновенно въ таковыхъ случаяхъ бываемыхъ въ отечествѣ мѣръ, для отвращенія таковыхъ неблагополучій.

«Слѣдуетъ какъ видно уже и намъ претерпѣвать несчастіе, ибо тѣ первые худые поступки представляютъ намъ весьма худыя слѣдствія.

«Представляютъ намъ крайнее неблагополучіе послѣдовавшіе предъ конвокаціоннымъ сеймомъ происшествіи, изъ коихъ первое въ Вильнѣ на сеймѣ, по избраніи отъ показаннаго воеводства пословъ, господина Горайна, виленскаго подкомораго, и господина Гнедройца виленскаго стольника, а при томъ и каптуровыхъ судей, отозвалися нѣкоторые въ томъ же сеймикѣ показанные обыватели, и объявили избраніе другихъ пословъ и каптурныхъ судей, изъ коихъ одни подъ декретами находились, а прочіе и на томъ сеймѣ не были. Другое подобное сему въ упитскомъ уѣздѣ, гдѣ по избраніи каптурныхъ судей и пословъ, какъ-то господина Лепарскаго, упитскаго подстолія, и Шукшту, также объявлены другіе послы и судьи отъ таковыхъ людей, которые въ томъ же сеймикѣ показаны.

«Въ Оршѣ, по избраніи пословъ оршинскаго старосты господина Юзефовича, и оршинскаго-жъ старосты господина Забрижскаго, а при томъ и каптуровыхъ въ томъ же сеймѣ пока-

занныхъ судей, такое же какъ и вышепоказано дѣйствіе, а сверхъ того и пролитіе братской крови, послѣдовало.

«Въ Ржечицѣ, по избраніи пословъ подкомораго ржечицкаго господина Халецкаго, и господина Прушановскаго, а при томъ и каптуровыхъ въ томъ же сеймикѣ написанныхъ судей, толь свирѣпое отъ вооруженныхъ людей учинено нападеніе, на состоящій уже подъ правленіемъ подкомораго ржечицкаго господина Халецкаго судъ, что при томъ и человѣкоубійство послѣдовало.

«Въ Минскѣ два раза устремлялася вооруженная сила, чтобы изгнать изъ среды собранія, клятвою уже обязанныхъ, каптурныхъ судей, а на ихъ мѣста отъ себя представить другихъ. И такъ когда сіи противозаконныя дерзновенія, видимо ввергаютъ насъ въ анархію, то чего мы впредь ожидать можемъ изъ сей невоздержной, на все беззаконно стремящейся свирѣпости, которая неусыпно стараясь истребить въ отечествѣ все священное и законами утвержденное преимущество, дерзнула отъ предковъ нашихъ намъ неслыханныхъ,—а даровалъ бы Богъ, чтобы и потомкамъ нашимъ было, — неизвѣстнымъ образомъ, съ ругательствомъ нарушать честь, на превысокую по провинціи нашей степень чиномъ и достоинствомъ возвышенной особы.

«Нарушенная непріятельскимъ нападеніемъ перваго нашей провинціи сенатора власть, такъ же возмущенная чрезъ учиненное публично угроженіе на собственное здравіе и жизнь пастыря духовнаго дому вольность, и прочіе противные духовнымъ и гражданскимъ правамъ послѣдовавшіе противные происшествіи, подаютъ примѣръ всякому себя беречь, представляемымъ жалостнымъ видомъ чуждаго приключенія.

«Однако не только вышепоказанныя, требующія успокоенія и исправленія наглости, но прочіе многіе раззоренные до основанія, въ сеймахъ и другихъ поведеніяхъ отечества нашего порядки, какъ-то: оставленная въ небреженіи, и въ самыхъ источникахъ публичныхъ доходовъ испорченная, внутренняя отечества нашего экономія; долгое производженіе дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ; приведеніе въ нищету отечества, вывозомъ доброй, а умноженіемъ негодной монеты; чинъ рыцарской лишенной своихъ преимуществъ, и многія общія обиды, которыя умножились по причинѣ находящейся чрезъ столь долгое время безъ согласія и совѣта республики, возбуждать должны въ доброжелательныхъ сердцахъ охоту и ревность, къ изобрѣтенію конечныхъ лучшаго порядка мѣръ.

«Мы надѣялись, что чрезъ имѣющій вскорѣ быть сеймъ, сыщемъ средство къ защищенію себя отъ худыхъ случаевъ; но

какъ видно въ томъ мы обманулись, ибо чинимое для возмущенія того сейма, вездѣ явно и безъ всякаго законнаго страха, воинское приготовленіе въ Варшаву и на самихъ насъ, больше наводитъ опасности нежели спокойствія.

«Итакъ, будучи мы нынѣ въ опасности между гибелью и послѣднимъ къ защищенію себя средствомъ, взываемъ предъ Богомъ, всѣхъ нашихъ сердецъ и намѣреній свидѣтелемъ, и предъ цѣлымъ отечествомъ, что мы неумышленно и не по ненависти, но по единому къ отечеству нашему усердію, для защищенія правъ вольности, мѣрности, чести, такъ же для сохраненія жизни, здравія и имѣнія, а притомъ и для учрежденія добраго порядка, тѣсное между собою, для всегдашняго совѣтованія и охраненія, заключили согласіе, и каждой себя взаимно другъ предъ другомъ обязалъ присягою въ томъ, что какъ одинъ другого особливо, такъ и всѣ всегда каждаго до послѣдней капли крови оберегать, защищать и мужественно при правахъ и вольности стоять должны, противъ всякаго (какого бъ онъ чина и достоинства ни былъ) такого обывателя, которой только станетъ нарушать общее спокойствіе, порядокъ совѣтовъ, вольность судовъ, или какую либо намъ учинить обиду; такъ же на всякомъ преступникѣ искать справедливаго исполненія по силѣ правъ, и во всемъ такъ поступать, чрезъ что намъ защищеніе, преступникамъ же наказаніе, а отечеству тишина и благополучіе послѣдовать могли.

«А какъ имѣющій вскорѣ быть сеймъ легко можетъ намъ къ сему способствовать, то мы въ постановленіи онаго, нынѣшнею нашею конфедераціею, не только не будемъ препятствовать, но еще и рекомендовать не оставимъ нашей провинціи господамъ посламъ, чтобъ они на томъ сеймѣ и наше о томъ объявили стараніе, а для лучшаго впредь успѣха, полагаемся въ томъ на господина нашей генеральной конфедераціи маршалка, который пословъ назначить и уполномочить ихъ имѣетъ съ тѣмъ, чтобъ они почтеннымъ членамъ республики, о семъ добромъ намѣреніи и благополезномъ дѣлѣ, а притомъ и о нашемъ попеченіи, обстоятельно изъяснили, а притомъ старались бы склонить и прочихъ братій нашихъ, въ коронныхъ провинціяхъ находящихся, къ общему согласію для защищенія отечества и въ томъ ихъ утвердить присягою. Чувствительна намъ кажется цѣлому отечеству та обида, которую оно отъ малой своей части претерпѣваетъ.

«Каптуровые суды въ воеводствахъ и уѣздахъ по прежнему обыкновенію отправлять не только не воспрещаемъ, но еще силу ихъ и преимущество подкрѣплять имѣемъ.

«А чтобъ сіе наше для сохраненія и распространенія римской католической вѣры и законовъ святого храма, а притомъ для общаго добра и благополучія, учиненное согласіе, желаемой успѣхъ получить могло, то мы взаимно другъ предъ другомъ въ томъ себя обязали, чтобъ оное согласіе безъ нарушенія навсегда сохранялось, и другъ отъ друга ни въ какихъ случаяхъ не отступать; причемъ мы несомнѣнно надѣемся, что и тѣ братья наши, которые нынѣ въ отсутствіи находятся, къ сему согласятся, и въ томъ намъ вспомоществовать не оставятъ. Однако, сверхъ того, еще каждаго доброжелательнаго отечеству патріота прилежно просимъ съ нами согласиться, и принять всевозможное стараніе, для приведенія къ окончанію нами начатаго благополезнаго и потребнаго дѣла.

«А ежели кто къ сему нашему обществу несогласится, то мы такого недоброжелателемъ отечеству признавать, и при всякихъ случаяхъ яко противу непріятеля, нарушителя правъ и вольности, до потерянія нашей чести, здравія, жизни, и всего имѣнія, всегда сопротивляться будемъ.

«Воспоминая сіи евангельскія слова, кто не въ согласіи съ нами, тотъ противу насъ.

«А напослѣдокъ станемъ себя увѣрять только тѣмъ, отъ которыхъ полнаго совѣта и помоществованія ожидать и надѣяться должны.

«А для лучшаго въ семъ нашемъ предпріятомъ дѣлѣ успѣха, поручили мы господину маршалку, отправить изъ нашего общества нарочныхъ заблаговременно пословъ, къ господину гетману великаго княжества литовскаго, съ тѣмъ, чтобъ и онъ согласясь съ нами, по присяжной своей къ республикѣ вѣрности, насъ подкрѣплялъ, а худыя предпріятія всевозможно отвращалъ бы.

«По окончаніи же сей нашей по примѣру предковъ нашихъ, на основаніи законовъ, учиненной провинціальной конфедераціи, и по избраніи для общаго добра и благополучія, отъ воеводствъ и уѣздовъ маршалковъ и совѣтниковъ, согласилъ бы опредѣлить къ сей нашей генеральной конфедераціи доброжелательнаго отечеству, и довольно знающаго въ исправленіи дѣлъ, Михаила Бржестовскаго, господина конюшаго великаго княжества литовскаго, а для помощи придать ему со всякаго воеводства и уѣзда по два совѣтника.

«Помянутые жъ совѣтники при засѣданіяхъ своихъ оному господину маршалку, яко главному своему президенту, во всемъ согласовать и всѣ проэкты и дѣла, къ пользѣ общаго благополучія, обращать и учреждать должны».

Для поддержанія-то этой конфедераціи и былъ сначала от-

правленъ отрядъ Ренненкампфа, которому въ своихъ дѣйствіяхъ приказано сообразжаться съ требованіями Масальскихъ: епископа виленскаго и отца его гетмана литовскаго.

Со вступленіемъ этого отряда въ польскія границы, Екатерина приказала Ренненкампфу о причинѣ его похода отзываться такимъ образомъ: «Что мы, будучи по сосѣдству и по обязательствамъ имперіи нашей интересованы въ сохраненіи вольности законовъ и тишины республики, не можемъ нынѣ видѣть оные угрожаемы возженіемъ, отъ противниковъ, гражданской войны, обойтится, чтобы для отвращенія сей крайней напасти, собственно для пользы республики не ввести часть войскъ нашихъ въ предѣлы ея и тѣмъ охранить оную отъ предстоящей гибели, которая конечно и воспослѣдуетъ, если пламя гражданскаго нестроенія и войны благовременно утушено и упреждено не будетъ.

«А какъ въ семъ самомъ и состоитъ точное наше намѣреніе, то и не оставите вы употреблять всевозможное стараніе, чтобы по насылаемымъ къ вамъ наставленіямъ, скорое и лучшее дѣлать исполненіе, имѣя всегда за первый предметъ ограду и защиту преданныхъ намъ патріотовъ и друзей, отъ насильствъ и утѣсненій противной партіи, въ которой главными предводителями: гетманъ коронный графъ Браницкой, воевода кіевскій графъ Потоцкій, а особливо въ Литвѣ воевода виленскій князь Радзивиллъ» [1]).

Гораздо прежде отряда Ренненкампфа отправлены въ Варшаву отдѣльные отряды подъ начальствомъ подполковника Кашкина и вице-полковника князя Дашкова. Двѣ гренадерскія роты съ 2-мя орудіями, одинъ эскадронъ лейбъ-кирасиръ, и 40 гусаръ подъ начальствомъ подполковника Бока, составили летучій отрядъ посланный въ Вильну, въ распоряженіе виленскаго епископа Масальскаго, до прибытія туда шеститысячнаго отряда генералъ-маіора Ренненкампфа. По прибытіи послѣдняго въ Вильну, подполковникъ Бокъ долженъ былъ слѣдовать далѣе на соединеніе съ отрядомъ князя Дашкова.

Князь Дашковъ выступилъ въ походъ въ самомъ началѣ апрѣля. Бывшіе въ Варшавѣ наши министры просили его поторопиться походомъ и придти въ столицу Польши не позже 24 апрѣля (5 мая), — времени, около котораго было назначено собраніе конвокаціоннаго сейма. Князь Дашковъ шелъ форсированнымъ маршемъ, дѣлая дневки черезъ пять дней въ шестой.

«Правда, доносилъ онъ, почасту виномъ вселялъ въ нихъ

[1]) Указъ генералъ-маіору Ренненкампфу 19 апрѣля 1704 г. Арх. кн. А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

(солдатахъ) бодрость, къ чему много жъ мнѣ счастіемъ вашего императорскаго величества хорошая погода соотвѣтствовала».

При самомъ выступленіи изъ Гродно князь Дашковъ получилъ просьбу отъ виленскаго епископа графа Масальскаго и графа Флеминга, въ которой они просили подкрѣпить виленскій гарнизонъ хотя тремя ротами пѣхоты, ибо бывшій тамъ отрядъ подполковника Бока, по ихъ словамъ, находится въ крайней опасности отъ приближающихся къ Вильнѣ войскъ князя Радзивилла. Подполковникъ Бокъ, въ свою очередь, доносилъ, что передовой отрядъ князя Радзивилла, числомъ до 600 человѣкъ, стоитъ отъ него въ шести миляхъ, а что остальные войска, числомъ до 7,000 человѣкъ, сосредоточиваются для нападенія на Вильну.

Отправивъ тотчасъ же въ помощь Боку двѣ роты пѣхоты, въ числѣ 334 человѣкъ, князь Дашковъ самъ отправился къ гетману литовскому князю Масальскому, бывшему на этотъ разъ въ Гроднѣ.

Дашковъ представилъ ему, въ какой опасности находится сынъ гетмана, епископъ виленскій, а въ особенности при той ненависти, которую питаетъ къ нему князь Радзивиллъ.

— Для безопасности сего вамъ кровнаго, говорилъ онъ гетману, я посылаю триста человѣкъ пѣхоты и прошу только отъ литовскаго войска, — состоящаго въ полной вашей зависимости,— присоединить къ нимъ немного легкой конницы, для развѣдыванія по дорогѣ.

— Подумаю, отвѣчалъ растроганный и растерявшійся старикъ.

Лишь только князь Дашковъ оставилъ гетмана и вышелъ за двери, какъ былъ остановленъ догонявшимъ его адъютантомъ князя Масальскаго.

— Гетманъ будетъ писать о томъ примасу, сказалъ онъ, а безъ того послать своихъ войскъ не смѣетъ.

Князь Дашковъ вернулся опять къ гетману. «Съ удивленіемъ нашелъ уже его—доносилъ Дашковъ [1])—прохолодѣла, можетъ быть отъ чрезмѣрной набожности и старости, безчувствительному къ сыновней опасности, разсуждающаго о правилахъ узаконенныхъ войскамъ рѣчи посполитой, которыми онъ удерживается безъ воли примаса не только съ деташаментомъ отъ себя послать, но и находящимся въ Вильнѣ литовскимъ войскамъ обще съ нашими дѣйствовать позволить не смѣетъ».

---

[1]) Императрицѣ, 11 (22) апрѣля 1764 г. № 9. Арх. кн. А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

— Да и какъ Радзивиллъ осмѣлится, говорилъ князь Масальскій, разогнать шляхтичей собранныхъ на сеймъ?

— Вѣдь пьяный воевода виленскій, отвѣчалъ князь Дашковъ, не побоялся отбранить священную особу вашего сына, какъ пастыря церкви. Слѣдовательно, сами можете разсудить, какъ легко можно шляхтичей нашей партіи саблями изрубить!

Князь Масальскій, казалось, убѣдился въ справедливости этихъ словъ.

— Я бы радъ помочь, проговорилъ гетманъ, послѣ нѣкотораго молчанія, только точно (открыто) повелѣть непристойно. Если придумаете на то средство политическое, то можетъ быть я и соглашусь.

Политическаго средства Дашковъ не нашелъ, но видя, что на прямое содѣйствіе гетмана разсчитывать нечего, призналъ лучшимъ сообщить подполковнику Боку, чтобы онъ разгласилъ, что слѣдомъ за нимъ идетъ въ Польшу главная армія, и что онъ пришелъ въ Вильну только для того, чтобы устроить магазины для главныхъ силъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Дашковъ приказалъ капитану Батурину, посланному съ двумя ротами въ помощь подполковнику Боку, избѣгать стычки съ войсками князя Радзивилла, а въ особенности слѣдить за тѣмъ, чтобы не быть имъ отрѣзаннымъ[1]. «Нахожу за нужное—писалъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ [2])—симъ дополнить упомянутую инструкцію, сообщая виды ея императорскаго величества, чтобы въ здѣшней землѣ спокойство и тишина не нарушимо соблюдаема была, съ чѣмъ войско россійское въ Польшу введено, и потому надлежитъ весьма умѣренно дѣйствовать, уважая *деликатное положеніе, въ которомъ вы находитесь*, и безъ крайней опасности войскъ нашихъ и партизановъ отнюдь не извольте атаковать, развѣ въ такомъ положеніи случитесь, что со стороны князя Радзивилла оружіемъ задраны будете, тогда только въ защищеніе по необходимости атаковать позволяю, по повелѣнію епископа виленскаго. И то рекомендую съ размышленіемъ, имѣя въ предметѣ цѣлость вашего деташамента патріотическимъ правиломъ, потомъ нераздраженіе по напрасну противниковъ, а за тѣмъ вѣрность въ удачѣ, дабы не понесло стыда оружіе россійской столь славной арміи.»

Разглашеніе о немедленномъ вступленіи въ Вильну главнаго отряда подѣйствовало. Радзивиллъ не предпринялъ ничего рѣши-

---

[1]) Инструкція капитану Батурину 5-го (16-го) апрѣля. Тамъ же.

[2]) Подполковнику Боку 5-го (16-го) апрѣля 1764 г. Ibid.

тельнаго и не успѣлъ захватить въ свои руки непримиримыхъ враговъ своихъ, обоихъ Масальскихъ и графа Флеминга, искавшихъ поддержки въ русскомъ правительствѣ.

V.

Прибытіе въ Варшаву, въ самомъ началѣ апрѣля, отряда Кашкина, крайне не нравилось противникамъ Россіи и въ особенности партіи гетмана Браницкаго. Кашкинъ пришелъ туда какъ разъ въ то время, когда въ Польшѣ происходили волненія и ожесточенная борьба партій. Общій въ Грауденцѣ прусскій сеймикъ, какъ и многіе другіе, не состоялся по проискамъ противной намъ партіи. Таже партія, при помощи насильствъ, воспрепятствовала продолженію генеральной литовской конфедераціи.

Графу Браницкому и его приверженцамъ хотя и удалось помѣшать собраніямъ сеймиковъ, но они видѣли однакоже, что большинство далеко не на ихъ сторонѣ. Зная, что въ самомъ непродолжительномъ времени долженъ открыться конвокаціонный сеймъ; видя, что съ каждымъ днемъ усиливается число приверженцевъ Россіи и что, слѣдовательно, нельзя ожидать отъ сейма какого-либо постановленія въ пользу партіи гетмана, графъ Браницкій и его приверженцы готовы были на крайнія мѣры. Они стали изыскивать теперь всѣ средства къ тому, чтобы воспрепятствовать совершенно собранію конвокаціоннаго сейма.

Для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній, коронный гетманъ собиралъ разные полки въ Варшаву, желая «какъ будто превратить это мѣстопребываніе сейма въ поле битвы (als ob er diesen sitz der Reischstage in einem sitz des Krieges verwandeln wollten [1]).

Графъ Браницкій отправилъ приглашеніе—принять его сторону, ко всѣмъ сенаторамъ, жившимъ въ Варшавѣ и успѣлъ склонить къ тому семь человѣкъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ изъ числа 126-ти членовъ сената. Впослѣдствіи партія ихъ усилилась еще тремя лицами, а именно, къ нимъ присоединились: епископъ кіевскій, палатинъ и кастелянъ Потоцкіе.

Сговорившись вмѣстѣ, и сопровождаемые многочисленною свитою, они внезапно явились къ примасу и потребовали отъ него: 1) На мѣстѣ, не теряя ни минуты времени, подписать приготовленныя уже ими письма для отправленія къ иностраннымъ дворамъ, касательно вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы коро-

---

[1]) Реляція гр. Кейзерлинга и кн. Репнина, отъ 9-го (10-го) апрѣля 1764 г.

левства. 2) Отложить до другого времени собраніе конвокаціоннаго сейма; и 3) Призвать къ оружію все дворянство, для чего и выпустить особыя письма, извѣстныя у поляковъ подъ названіемъ: Wici [1]).

Пораженный новостію этихъ требованій, примасъ старался внушить имъ, что такая поспѣшность неумѣстна въ дѣлахъ подобной важности, и что вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу никакъ не можетъ быть сочтено за нападеніе или за непріязненныя дѣйствія со стороны Россіи. Примасъ находилъ болѣе сообразнымъ спросить сначала объясненія у русскихъ посланниковъ, чѣмъ писать письмо къ императрицѣ, которое не могло быть отправлено иначе, какъ черезъ тѣхъ же пословъ.

— Было-бы несоотвѣтственно моему званію, прибавилъ примасъ королевства, присоединиться къ заявленіямъ такого малаго числа сенаторовъ, въ дѣлахъ столь близко касающихся до цѣлой республики.

Тогда отъ него потребовали отложить собраніе конвокаціоннаго сейма.

— Не отъ меня зависитъ—отвѣчалъ примасъ—ни перенести на другое мѣсто, ни отсрочить до другого времени конвокаціонный сеймъ. Собраніе чиновъ республики само можетъ исполнить это, если оно пожелаетъ продлить то несчастное время, когда королевство находится безъ короля.

— Я не могу быть убѣжденъ—отвѣчалъ примасъ на третье предложеніе—примѣромъ конфедераціи 1733 года, которая дала право, при совершенно другихъ обстоятельствахъ, всѣмъ тѣмъ, которые не послѣдовали за тогдашнимъ примасомъ, призывать дворянство къ оружію—право, которымъ и сами короли не всегда могутъ пользоваться. Въ противномъ случаѣ, прибавилъ онъ, не было бы причины предоставлять королю этого права, на всякомъ генеральномъ сеймѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ пользовался имъ до послѣдующаго сейма.

Слова примаса, какъ и слѣдовало ожидать, вызвали полное неодобреніе со стороны посѣтившихъ его лицъ. Разгоряченный сопротивленіемъ, кіевскій палатинъ, надѣвъ шляпу на голову, кричалъ, что онъ *одинъ совмѣщаетъ въ себѣ всю польскую республику*, и что тѣ лица, которыя не подписываютъ предлагаемыхъ ими писемъ, не имѣютъ никакого понятія о чести. Столь рѣзкій

---

[1]) Relation de la manière de proceder de quelques sénateurs envers le Primat relativement aux lettres à expedier aux cours etrangères et à d'autres propositions de l'année 1764. — Приложеніе къ реляціи гр. Кейзерлинга и кн. Репнина отъ 9-го (20-го) апрѣля 1764 г.

приговоръ вызвалъ возраженія. Палатинъ подляхскій Годцкій (Godzcki) выказался особенно задѣтымъ подобными возраженіями.

— Примасъ, а также и я самъ—говорилъ Годцкій—считаемъ себя людьми честными и въ силу этого-то мы никогда не подпишемъ этихъ писемъ.

Отвѣтъ этотъ при упорствѣ примаса далъ наконецъ понять сенаторамъ, что они теряютъ время понапрасну. Они ушли съ своими письмами, не подписанными примасомъ.

На слѣдующій день, епископъ каменецкій съ нѣсколькими лицами снова явились къ примасу. Съ большею умѣренностію чѣмъ наканунѣ, они пробовали еще разъ убѣждать примаса подписать письма, но получили отъ него тотъ же отвѣтъ, причемъ онъ не скрылъ своего неудовольствія на епископа каменецкаго. Упорство примаса заставило одуматься многихъ сенаторовъ, и ихъ предводителямъ съ большимъ уже трудомъ удалось получить подписи, и то отъ каждаго порознь, нося письма по домамъ. Это послѣднее затрудненіе ясно обнаруживается самою неурядицею подписей, изъ которыхъ видно, что подписи сдѣланы не обращая вниманія ни на достоинство, ни на чины различныхъ личностей. При другихъ условіяхъ ни одинъ полякъ не согласился бы подписать имя послѣ того, который стоялъ ниже его по достоинству или чину, но теперь объ этомъ не заботились, а торопились изъ боязни, чтобы кто-нибудь не одумался. Такъ, подпись епископа кіевскаго, котораго принудилъ къ тому французскій посланникъ угрозою, что, въ противномъ случаѣ, онъ можетъ лишиться аббатствъ, находящихся во Франціи,—очутилась ниже подписи епископа каменецкаго и кастеляна краковскаго. Подпись референдарія указывала на отсутствіе варшавскаго секретаря (du secretaire de Varsovie), тогда какъ всѣмъ извѣстно было, что онъ находится на лице.

Заручившись подписями, партія Браницкаго протестовала противъ вступленія русскихъ войскъ въ Польшу и требовала того же отъ примаса, какъ человѣка обязаннаго, по своему званію, «соблюдать, чтобы въ теченіи настоящаго междуцарствія не случилось ничего предосудительнаго законамъ и національной вольности». Примасъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ уступить обстоятельствамъ. Находясь въ необходимости—какъ самъ писалъ—онъ, 5-го (16-го) апрѣля, передалъ графу Кейзерлингу и князю Реппину ноту, въ которой просилъ только успокоить націю относительно цѣли и намѣреній, съ которыми двинуты русскія войска въ Польшу, послѣ столь точныхъ и часто повторяемыхъ заявленій, что императрица не желаетъ ограничивать ни въ чемъ свободу и за-

коны республики, а что, напротивъ того, намѣрена ихъ поддерживать.

«Ея величество императрица россійская, отвѣчали на это наши послы [1]), весьма далека отъ того, чтобы нарушать покой республики и ограничивать законы, привилегіи и ея свободныя избранія, которыя она намѣрена защищать и поддерживать отъ всѣхъ нападеній, какъ и объявила о томъ предъ лицемъ всей Европы. Выводъ корпуса Салтыкова, въ прошедшемъ году, служилъ тому доказательствомъ. За тѣмъ, по настояніямъ примаса, ея величество императрица рѣшилась, въ прошломъ году, вызвать изъ территоріи республики корпусъ войскъ, бывшій подъ начальствомъ генерала Хомутова, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы тоже самое было сдѣлано и другими иностранными державами. Изъ уваженія къ правамъ и вольности независимаго народа, Россія не стѣсняла собраніе дворянства на сеймикахъ, какъ въ Польшѣ такъ и въ Литвѣ, сознавая, что они должны быть свободными. Императрица никогда не старалась вооруженною рукою содѣйствовать къ устройству каптуральныхъ судовъ, потому что это бы значило попирать законы республики. Совершенно въ такомъ же духѣ поступалъ и генералъ Хомутовъ. Онъ очистилъ всѣ мѣста, гдѣ должны были засѣдать прусскіе сеймики, и городъ Грауденцъ, назначенный подъ генеральное собраніе, былъ имъ очищенъ отъ войскъ, за нѣсколько дней прежде открытія собранія, и въ немъ оставлены даже всѣ его магазины. Все это нисколько не подѣйствовало. однако же на тѣхъ, которые стали выше законовъ. Послѣдніе положительно запрещаютъ присутствіе войскъ на сеймикахъ, а между тѣмъ войскъ тамъ много и для того, чтобы дѣйствовать силою тамъ, гдѣ нельзя получить большинствомъ свободныхъ голосовъ (par la pluralité de libres suffrages). Было бы безполезно и излишне приводить тому примѣры; они слишкомъ часты и сеймикамъ извѣстны. Вступленіе русскихъ войскъ въ королевство не имѣетъ другой цѣли, какъ поддержаніе спокойствія, правъ и свободныхъ выборовъ республики. Только и думаютъ о томъ, чтобы потушить искры, прежде чѣмъ они обратятся въ пожаръ.

«Точно также мы далеки отъ того, чтобы мѣшать преніямъ на сеймахъ, какъ это дѣлали относительно сеймиковъ».

Партія гетмана Браницкаго, не удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ, нашла, что теперь самое удобное время передать на-

---

[1]) Приложеніе къ реляціи гр. Кейзерлинга и кн. Репнина отъ 9-го (20-го) апрѣля 1764 г. Арх. кн. Голицына-Прозоровскаго.

шимъ посланникамъ то письмо, на имя императрицы, о которомъ мы говорили выше.

«Торжественною декларацiею—писали они—ваше императорское величество объявили рѣшенiе поддерживать польскую республику во всѣхъ ея правахъ, свободѣ, конституцiи и владѣнiяхъ. Ваше величество, объявивъ, что не потерпите, чтобы кто-нибудь посягнулъ на нихъ, подали тѣмъ надежду всѣмъ патрiотамъ свободы на полное спокойствiе въ предстоящихъ республиканскихъ пренiяхъ, которыхъ требуютъ законы.

«Съ большимъ прискорбiемъ увидѣли мы, что надежды эти, столь хорошо основанныя, исчезли. Генеральный сеймикъ въ Пруссiи прерванъ присутствiемъ войскъ вашего императорскаго величества, которыя позволили себѣ поступки не совмѣстимыя съ свободою; другiя войска распространяются по Литвѣ съ одной стороны, а съ другой приближаются къ столицѣ, и часть ихъ уже заняла выгодныя позицiи въ ея окрестностяхъ. Это заставило насъ справедливо опасаться за предстоящее собранiе сейма, который не можетъ состояться до тѣхъ поръ, пока иностранныя войска будутъ въ государствѣ. Попытки, которыя были сдѣланы передъ лицемъ вашего императорскаго величества, чтобы вывести войска, остались до сихъ поръ безъ послѣдствiй, не смотря на ихъ увѣренiя, данныя даже письменно объ ихъ удаленiи. Намъ не остается ничего болѣе, какъ обратиться прямо къ вашему императорскому величеству съ полнымъ довѣрiемъ, которое внушаетъ ваша справедливость, правосудiе и чувство дружбы, которыя вы благоволили всегда показывать къ нашей республикѣ, и просить самымъ настоятельнымъ образомъ, вывести войска, которыхъ присутствiе должно неминуемо задерживать публичныя пренiя республики [1]).

Узнавъ о передачѣ этого письма, партiя Чарторыскихъ, искавшая поддержки въ русскомъ правительствѣ, также составила свое письмо, которое и было отправлено, въ свою очередь, къ императрицѣ Екатеринѣ II.

«Ревнуя о званiи патрiота (Jaloux du titre de patriote)—писали они—ревностно заботясь о нашемъ отечествѣ и въ такой же степени о каждомъ гражданинѣ, мы съ прискорбiемъ узнали, что находятся между нами такiя лица, которыя думаютъ отличиться неудовольствiемъ, выказываемымъ къ приходу войскъ вашего императорскаго величества въ наше отечество, и что они нашли даже приличнымъ принести вамъ жалобы особымъ письмомъ.

---

[1]) Письмо императрицѣ, отъ 2-го (13-го) апрѣля 1764 г.

«Мы съ грустью видимъ уже давно, что законы нашего отечества были недостаточны для того, чтобы воздержать попытки мнимыхъ радѣтелей въ тѣхъ предѣлахъ, кои предписываются законами. Съ собственною опасностію, мы испытали съ ихъ стороны притѣсненія нашей свободы на послѣднихъ сеймикахъ, гдѣ во многихъ случаяхъ, противъ точнаго смысла законовъ, военная сила мѣшала избирательнымъ голосамъ самымъ чувствительнымъ образомъ. Мы были угрожаемы, что злоупотребленіе этой власти будетъ простираться до слѣдующихъ собраній конвокаціоннаго сейма и выборовъ, во время которыхъ у насъ не было бы войска, могущаго опозировать коронному войску (которое угнетаетъ, вмѣсто того, чтобы защищать насъ), какъ вдругъ увидѣли вступленіе войскъ вашего императорскаго величества, въ силу декларацій, которыми вамъ угодно было обезпечить самымъ точнымъ образомъ наши конституціи и вольности. Цѣль, съ которою они явились, и образъ ихъ поведенія не могутъ не возбудить благодарности самой искренней всѣхъ благонамѣренныхъ поляковъ, заботящихся о сохраненіи законовъ и спокойствія ихъ отечества.

«Мы считали своимъ долгомъ заявить это вашему императорскому величеству, вмѣстѣ съ нашею почтительнѣйшею благодарностію, за тотъ дѣйствительно дружескій образъ дѣйствія, съ которымъ вы до сихъ поръ поступали въ отношеніи Польши, присоединяя къ этому наши живыя и усиленныя просьбы, чтобы вы соблаговолили его продолжить до полнаго счастливаго окончанія междуцарствія. Великое Княжество Литовское составило конфедерацію, которая не желаетъ никакой другой помощи, ни опоры, кромѣ войскъ вашего императорскаго величества.

«Въ ожиданіи того времени, когда обстоятельства позволятъ гражданамъ короны выразить вашему величеству ихъ чувства самымъ формальнымъ образомъ, и съ соблюденіемъ установленныхъ формъ, да позволено намъ будетъ заявить теперь наши чувства и увѣдомить, что съ давняго времени коронный гетманъ настоятельно приглашалъ въ Варшаву, ко времени своего пріѣзда, всѣхъ тѣхъ, кого онъ считалъ принадлежащимъ своей партіи. Такимъ образомъ, онъ собралъ туда всѣхъ тѣхъ, кои подписали письмо вашему императорскому величеству отъ 13-го числа этого мѣсяца. Одинъ только случай собралъ въ Варшаву раньше сейма тѣхъ, которые имѣютъ честь подписывать настоящее письмо, съ тѣмъ чувствомъ почтенія и преданности, въ которомъ мы полагаемъ свою славу [1])».

Графъ Кейзерлингъ и князь Репнинъ, получившіе почти одно-

[1]) Письмо императрицѣ, отъ 9 (20) апрѣля 1764 г.

временно оба письма, отвѣчали: что конституціи 1632, 1648, 1669 и 1674 года говорятъ, что только на разстояніи трехъ миль отъ Варшавы, какъ мѣста выборовъ, не должны находиться ни иностранныя, ни другія войска.

«Отсюда естественнымъ образомъ слѣдуетъ—говорили они—что иностранныя войска могутъ находиться на бо̀льшемъ разстояніи отъ мѣста выборовъ».

Во время перваго выбора королемъ Станислава, шведскій король стоялъ съ своею арміею близъ Блони (Błonie), отстоящей отъ Варшавы только на четыре мили.

Когда Августъ II опять занялъ тронъ, тогда русскія войска находились въ Польшѣ. Трактатъ 1717 года, заключенный при медіаціи Россіи, и послѣдовавшій затѣмъ въ 1718 году сеймъ, были счастливо окончены, когда русскія войска не покидали польскихъ границъ.

Избраніе и восшествіе на престолъ Августа III и воспослѣдовавшіе затѣмъ сеймы происходили при тѣхъже условіяхъ. Съ 1756 г. и до 1762 года были въ Польшѣ многочисленныя иностранныя арміи. Въ теченіи этого времени собирались сеймы, которые не могли бы имѣть мѣста, еслибы присутствіе иностранныхъ войскъ было противно свободѣ. «Какъ въ то время, вышесказанныя обстоятельства не противорѣчили свободѣ сейма, такъ будетъ и теперь.» Оба представителя Россіи, бывшіе въ Варшавѣ, не соглашались на выводъ русскихъ войскъ, которыя вступили съ единственною цѣлію огражденія спокойствія и свободы. Партія Браницкаго требовала вывода войскъ съ желаніемъ самой нарушить спокойствіе страны и попрать ногами права и привилегіи дворянства, надѣясь силою заставить ихъ говорить и дѣлать то, что̀ ей захочется. Браницкій и его сообщники хотѣли продлить деспотію, введенную въ прошлое царствованіе и, очень естественно, желали, чтобы имъ не препятствовала въ томъ посторонняя сила. «Какимъ же образомъ, спрашивали графъ Кейзерлингъ и князь Репнинъ, можетъ устоять свобода народа противъ напора такого противузаконнаго господства?»

— Стѣсненная свобода, говорили они, останется всегда стѣсненной, будетъ ли это происходить отъ чужой или отечественной силы.

Противники русской партіи повторяли, что присутствіемъ русскихъ войскъ считаютъ оскорбленными законы, свободу и честь республики, за которую готовы положить свою жизнь. Князь Репнинъ и графъ Кейзерлингъ отвѣчали, что, «конечно, пріятно умирать за отечество, *но вѣдь еще пріятнѣе жить для него* [1])».

---

[1]) Копія съ реляціи пословъ графа Кейзерлинга и князя Репнина, 9 (20) апрѣля 1764 г.

«Приближеніе корпуса войскъ русской императрицы—писали наши послы въ деклараціи [1])—не можетъ и не должно причинять недовѣрія республикѣ, ни произвести безпокойства за свободу и спокойствіе. Ихъ число не настолько велико, чтобы они въ состояніи были посягнуть на права и прерогативы націи, столь же свободныя и могущественныя, какъ и польская нація.

«Это служитъ, въ тоже время, убѣдительнымъ доказательствомъ, что намѣренія ея величества императрицы русской чисты и не заключаютъ ничего, кромѣ желанія сохранить національную свободу, на которую всѣ сограждане, безъ различія, имѣютъ равныя и неоспоримыя права.

«Границы, которыя отдѣляютъ Польшу отъ Россіи, простираются свыше 200 миль. Чтоже можетъ быть болѣе естественнымъ и болѣе выгоднымъ для Россіи, какъ не пещись объ устраненіи всего того, что можетъ поколебать свободу и нарушить внутреннее спокойствіе республики?

«Ея величество русская императрица желала бы имѣть возможность обойтись безъ движенія войскъ, которое она приказала сдѣлать, но въ этомъ случаѣ ей не слѣдовало уступать обстоятельствамъ, когда ни законы, ни голосъ разсудка, ни любовь къ родинѣ, ни желаніе общественнаго спокойствія, не производили болѣе вліянія надъ умами.

«Войска республики, которыхъ прямое назначеніе состоитъ въ защитѣ и обезпеченіи границъ отечества, были употреблены на сеймикахъ для того, чтобы препятствовать свободѣ избирательныхъ голосовъ и чтобы установить основанія каптуральныхъ судовъ твердою рукою. Все, что произошло въ Грауденцѣ, еще слишкомъ свѣжо для того, чтобы быть забытымъ. Приказанія, которыя были даны войскамъ республики приблизиться къ Варшавѣ, даютъ мѣсто опасеніямъ, что они желаютъ предпринять теперь то же, что было ими предпринято прежде. Ея величество императрица не желаетъ ничего, кромѣ сохраненія общественнаго спокойствія, и не допуститъ никогда, чтобы какая-либо партія, какова бы она ни была, угнетала другую превосходствомъ силъ, которое можетъ служить предлогомъ къ оправданію насилія.

«Почему, мы подписавшіеся—чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ,—именемъ ея величества императрицы увѣряемъ и объявляемъ, самымъ торжественнымъ образомъ, примасу и высокой республикѣ, что русскія войска не окажутъ никакого препятствія свободѣ республики; что они не вмѣшаются ни во

[1]) Отъ 4 мая 1764 г. Арх. кн. А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

что, что касается до конвокаціоннаго сейма, и что они не приступятъ къ дѣйствію до тѣхъ поръ, пока членамъ республики угодно будетъ воздержаться отъ всякаго насилія, направленнаго противъ общественнаго спокойствія и безопасности каждаго.»

Заявленій этихъ оказалось недостаточно. Волненія въ Польшѣ все болѣе и болѣе усиливались, такъ что Екатерина вынуждена была двинуть въ Польшу новыя войска, съ цѣлью потушить волненія и ободрить преданныхъ намъ поляковъ.

VI.

Между тѣмъ, императрица, все еще надѣявшаяся на мирное и успѣшное окончаніе избранія польскаго короля, начинала разубѣждаться въ возможности такого исполненія.

«Фамиліи князей Чарторыскихъ,—писала Екатерина Кейзерлингу и князю Репнину,—[1]) и ихъ друзьямъ имѣете вы равномѣрно засвидѣтельствовать особливое удовольствіе наше, и сильнѣйше увѣрить ихъ притомъ, что какъ мы и прежде, зная ихъ патріотическія мнѣнія, всегда съ охотою подавали имъ существительные опыты нашего благоволенія и покровительства, тѣмъ паче нынѣ намѣрены усугубить имъ оныя, видя крайность, къ которой доводятъ ихъ утѣсненія и насильства противниковъ; что мы теперь довольны настоящею ихъ реквизиціею, доколѣ дѣла въ отечествѣ ихъ не объяснятся, и доколѣ не придутъ они въ состояніе повторить намъ ея въ свое время торжественнымъ образомъ и со всѣми обрядами законной формы; что на первомъ началѣ, какъ прежде уже повелѣли мы 6-тыс. корпусу войскъ нашихъ, подъ командою генералъ-маіора Ренненкампфа, со всевозможною поспѣшностію идти къ Вильнѣ, на подкрѣпленіе начатой въ Литвѣ конфедераціи, которая, конечно, сею защитою одержитъ поверхность, а особливо когда и гетманъ литовскій Масальскій умножитъ оную, по обѣщанію своему, арміею сего великаго княжества. Такъ нынѣ, по поводу реквизиціи ихъ, предписали мы и генералу князю Волконскому вступить со всею его арміею немедленно въ границы республики, что, конечно, по принятымъ на всѣ случаи благовременнымъ и достаточнымъ мѣрамъ, отъ сего числа въ двѣ, а по большой мѣрѣ, въ три недѣли последовать имѣетъ, и что впрочемъ мы отъ нихъ взаимно ожидаемъ, что они какъ сами собою всѣми силами стараться будутъ утверждать себя въ кредитѣ любви и довѣренности у сограж-

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 22 апрѣля 1764 г. Арх. кн. А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

данъ своихъ, дабы главное дѣло, сколько можно, народнымъ согласіемъ къ желаемому концу приводить, такъ съ другой стороны и о томъ попеченіе свое прилагать будутъ, дабы войска наши, по извѣстному предварительному плану, въ деревняхъ ихъ потребное пропитаніе находить, и тѣмъ меньше въ походѣ останавливаемы быть могли.

«Мы не сомнѣваемся, что всѣ сіи увѣренія друзьямъ нашимъ весьма пріятны будутъ, и что они теперь, полагаясь надежно на скорую и сильную отъ арміи нашей помощь, возьмутъ съ своей стороны всѣ потребныя мѣры, дабы не токмо литовская конфедерація доброе свое начало съ успѣхомъ продолжать могла, но чтобы и въ коронѣ духи совершенно приготовлены были къ соединенію себя съ нашими войсками, коль скоро оныя вступятъ съ предѣлы отечества ихъ.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица сообщала князю Волконскому [1]):

«По неудачливомъ обращеніи въ Грауденцѣ—писала она—гетманъ коронный и сообщники его, видя, что всѣ ихъ замыслы и предпріятія остаются тщетны, и что такимъ образомъ конечно не будутъ имѣть на сеймѣ конвокаціи равенства голосовъ, коего для содержанія партіи своей, толь много всякими непозволительными средствами искать принуждены были, выдумали употребить послѣднее, т. е. стараться обратить самый сеймъ въ пользу свою, во что-бы то ни стало; почему, не находя въ народѣ склонности, начали собирать къ Варшавѣ всѣ свои войска, не только домовыя, но и коронныя, вопреки точной силѣ законовъ республики и присяги гетманской, дабы по крайней мѣрѣ исторгнуть у сограждanъ своихъ, оружіемъ и насильствомъ, то, чего они доброю волею отъ нихъ получить не могли.

«Сіи, напротивъ того, усмотря наступающую грозу и не полагаясь на собственныя свои силы, прибѣгли къ намъ съ прошеніемъ о защитѣ ихъ персонъ и вольности отечества ихъ, нѣкоторымъ числомъ войскъ нашихъ, кои бы, противниковъ въ дерзости обуздывая, сохраняли при будущихъ ихъ государственныхъ совѣтахъ порядокъ и тишину.

«Въ семъ намѣреніи повелѣли мы, какъ вамъ уже отчасти извѣстно, деташаментомъ генералъ-маіора Хомутова, вице-полковника князя Дашкова и подполковника Кашкина приближиться къ Варшавѣ, которые теперь всѣ уже тамъ и быть должны.

«Противники, увидя тутъ паки новыя замысламъ своимъ препоны, и воздерживаясь можетъ быть не столько дѣйствительнымъ

[1]) Въ указѣ отъ 1-го мая 1764 г.

началомъ нашего, истиннымъ патріотамъ покровительства, и послѣдующимъ за онымъ вступленіемъ большаго числа войскъ нашихъ, хватились нынѣ за другія, не меньше однако намъ досадительныя мѣры.

«Главный ихъ теперь видъ состоитъ въ томъ, чтобы удалить на нѣсколько времени сеймъ конвокаціи, подъ предлогомъ близости войскъ нашихъ и выигравъ черезъ то больше свободы, натянуть вновь разстроенныя свои струны.

«Первое ихъ покушеніе было привлечь примаса къ своей сторонѣ, дабы онъ 1) подписалъ обще съ ними къ намъ письмо съ просьбою о выводѣ войскъ нашихъ отъ земель республики; 2) чтобы онъ всему дворянству велѣлъ сѣсть на коня и сбираться для службы отечества; 3) чтобы онъ отсрочилъ сеймъ конвокаціи. Но какъ сей благонамѣренный вельможа не допустилъ уловить себя представленіями и ухищреніями противниковъ, то они и безъ примаса сами собою прислали къ намъ вышеупомянутое свое письмо за подписомъ малаго числа сенаторовъ, отправя въ тоже время другія съ просьбами, а именно къ королю прусскому о употребленіи его при нашемъ дворѣ посредства, а къ императрицѣ королевѣ (австрійской), королю французскому и Портѣ оттоманской о поданіи имъ помощи.

«Симъ оскорбительнымъ поступкомъ гетмана Браницкаго и его сообщниковъ, кои, въ удовлетвореніе прихотямъ своимъ, на всѣ крайности безразсудно отваживаются, весьма удостовѣряемся мы, что теперь наступило время, отмѣнивъ по перемѣнѣ дѣлъ и послѣдній нами принятый планъ дѣйствованія, сначала удѣльными въ разныхъ мѣстахъ корпусами, принять рѣшительную резолюцію о введеніи корпуса вашего въ польскія границы тѣмъ больше, 1-ое, что противная сторона, непремѣнно настоя въ упорствѣ своемъ, готовится испытать силы свои и конечно не прежде уступитъ, какъ по усмотрѣніи невозможности противиться съ успѣхомъ; 2-ое, что она никакого больше не заслуживаетъ менажемента, пренебрегши къ намъ всѣ мѣры уваженія: ибо явнымъ уже образомъ старается подвигнуть на насъ вѣнской и французскій дворы, а особливо Порту оттоманскую, которой всѣ наши дѣйствія описываетъ ненавистными красками; 3-е что въ самомъ дѣлѣ угрожается въ Польшѣ тишина и цѣлость законовъ крайними бѣдствіями, а благонамѣренные граждане и именно друзья наши — явною для персонъ ихъ опасностію; напослѣдокъ 4-ое, что мы интересами имперіи нашей и собственными нашими, съ достоинствомъ и славою короны, сопряженными декларацiями точно обязаны не допускать ни того, ни другого.

«Къ симъ натуральнымъ побужденіямъ присовокупляются

нынѣ важнѣйшія еще политическія, ибо какъ съ одной стороны предъусматриванная въ Литвѣ генеральная конфедерація возъимѣла уже начало свое, такъ съ другой и преданные намъ поляки, въ соотвѣтствіе поступку противниковъ, а особливо убѣдясь и предстоящею имъ опасностію, прислали къ намъ формальное прошеніе, о вящшемъ и сильнѣйшемъ защищеніи ихъ и отечества ихъ войсками нашими, которое и даетъ уже намъ неоспоримое передъ свѣтомъ право ввести корпусъ арміи нашей въ земли республики.

«Для подкрѣпленія литовской конфедераціи, повелѣли уже мы генералъ-маіору Рененкампфу идти прямо въ Литву, къ Вильнѣ, гдѣ центръ ея обращеній и быть тамъ подъ приказами министровъ нашихъ въ Варшавѣ, а вамъ черезъ сіе равномѣрно повелѣваемъ:

1) Какъ можно скорѣе по полученіи сего указа, исправя въ корпусѣ вашемъ всѣ потребности, вступить съ онымъ въ земли республики польской.

2) По вступленіи вашемъ за границы имѣете вы о причинахъ похода отзываться словесно, что какъ теперь въ Польшѣ тишина, порядокъ и цѣлость законовъ, да и самая вольность дворянства повреждаются въ драгоцѣннѣйшихъ своихъ частяхъ, насильствами нѣкоторой отечеству своему недоброжелательной факціи, которая на сеймикахъ употребляла всевозможныя наглости и насильства, для обращенія ихъ въ свою пользу, вопреки собственнымъ вольнаго дворянства склонностямъ, которая тамъ, гдѣ каптурные законно избранные суды не согласовали ея прихотямъ, установляла самовластно силою оружія другихъ себѣ слѣпо преданныхъ судей; которыя мѣста, для общихъ совѣтовъ и справедливости опредѣленныя, обагрила кровію гражданъ; которая въ Грауденцѣ, при бывшемъ генеральномъ прусскомъ сеймикѣ, тѣ же бѣдствія истиннымъ патріотамъ готовила, еслибъ не воспрепятствовала ей случайная тутъ бытность россійскихъ войскъ, и которая напослѣдокъ нынѣ, употребляя во зло ввѣренную нѣкоторымъ изъ членовъ ея власть, собираетъ при Варшавѣ, т. е. въ центрѣ общихъ государственныхъ совѣтовъ, при собственныхъ своихъ и коронныя войска, дабы способомъ оныхъ уничтожить дѣйствія сейма конвокаціи, толь нужнаго для республики, при нынѣшнемъ ея осиротѣломъ состояніи, утѣснить тѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ, кои за цѣлость законовъ и пользу отечества бодрствуютъ еще противъ насильствъ и на разореніи ихъ утвердить удачу своихъ корыстливыхъ и властолюбивыхъ намѣреній, то мы какъ ближайшимъ сосѣдствомъ и собственными имперіи нашей отъ онаго существительными интересами, такъ особливо формальными

трактатами и всегдашнимъ нашимъ о сохраненіи республики польской въ законномъ ея положеніи прилагаемомъ попеченіемъ, будучи обязаны не допускать до того, чтобы одна часть гражданъ другую по своимъ страстямъ утѣснять, а народную тишину произвольно помущать могла, — не могли при настояніи всѣхъ опасныхъ случаевъ обойтиться, чтобъ не ввести часть войскъ въ границы польскія, не для того, чтобъ общіе республики совѣты о благѣ и будущемъ выборѣ новаго престолу преемника сколько ни есть ограничивать, но единственно для того, чтобъ ненавистниковъ отечества своего, если они не уймутся въ насильствахъ, сокращать, истинныхъ патріотовъ защищать, разгарающее въ пеплѣ пламя гражданской войны въ самомъ началѣ утушить, возстановить силу законовъ и вольность вольнаго народа; словомъ охранять республику отъ угрожаемыхъ ей напастей и конечной гибели.»

Отправляя свои войска въ Польшу, Екатерина не связывала рукъ князю Волконскому. Она предоставила ему самому избрать тотъ путь для похода, который найдетъ онъ болѣе удобнымъ, но приказала располагать однакоже движеніемъ такъ, чтобы всегда имѣть подъ рукою литовскую конфедерацію и быть въ состояніи подкрѣплять, въ случаѣ нужды, отрядъ генералъ-маіора Рененкампфа.

Екатерина поручила кн. Волконскому отправить впередъ, въ видѣ авангарда, отрядъ въ 3 или 4000 человѣкъ войска, всѣхъ родовъ оружія, которому приказать слѣдовать какъ можно скорѣе въ Варшаву, гдѣ и поступить въ распоряженіе нашихъ пословъ, дабы они могли имѣть при себѣ больше войска, а слѣдовательно и опоры противъ противной намъ партіи гетмана Браницкаго.

За авангардомъ императрица приказала идти и главнымъ силамъ Волконскаго, не торопясь, не изнуряя по напрасну войскъ и платя за все наличными деньгами, «дабы поляки прибытіемъ войскъ не только не отревожены, но паче обрадованы были и ихъ за своихъ защитителей почитать могли.»

Со вступленіемъ въ Польшу, князю Михаилу Никитичу приказано принять начальство надъ всѣми войсками тамъ расположенными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по представленію Волконскаго и по просьбѣ фамиліи кн. Чарторыскихъ, Екатерина рѣшилась, вслѣдъ за его корпусомъ, отправить изъ нашей Украины въ польскую украину до 2 тысячъ человѣкъ войска. Этотъ послѣдній отрядъ назначался для занятія деревень: воеводы кіевскаго Потоцкаго, надворнаго короннаго маршала гр. Мнишка, брацлавскаго—князя Яблоновскаго и подстолія короннаго кн. Любомирскаго, «который

представилъ себя недавно кандидатомъ къ коронѣ, по наущенію противной стороны.»

Занятіе этихъ деревень признавалось необходимымъ для «удержанія тамошнихъ казаковъ, дабы оныя инако оттуда взяты и въ срединѣ Польши, противу нашихъ войскъ или по крайней мѣрѣ противу доброжелательныхъ намъ поляковъ употреблены быть не могли» [1]).

Преданная намъ партія поляковъ просила, чтобы отрядъ кн. Волконскаго вступилъ въ Польшу восемью колоннами, обѣщаясь заготовить для нихъ провіантъ и фуражъ. Князь Репнинъ сообщалъ ему же [2]), что отъ нихъ писано «какъ во свои собственныя деревни, такъ и въ пріятельскія, чтобы хлѣбъ тамъ всякій сберегали и готовымъ имѣли для поставленія туда, куда ваше сіятельство, черезъ передовыя свои команды прикажете, однако отвѣтовъ еще объ исполненіи сего учрежденія не получено». Получивъ указъ 1 мая, Волконскій 8 мая составилъ передовой отрядъ подъ начальствомъ ген.-маіора князя Долгорукаго. Въ составъ этого отряда вошли с.-петербургскій и апшеронскій пѣхотные полки, рязанскій карабинерный, 1 эскадронъ гусаръ и 3 орудія [3]).

Мая 20, Долгоруковъ былъ уже въ Оршѣ, гдѣ остановился для заготовленія себѣ провіанта и фуража, въ которыхъ ощущалъ значительный недостатокъ. Запасшись всѣмъ необходимымъ, кн. Долгорукій доносилъ, что пойдетъ уже безостановочно въ Варшаву.

Самъ кн. Волконскій съ главными силами также выступилъ изъ Смоленска. Пройдя шестьдесятъ верстъ, онъ остановился у Шелеговскаго форпоста, находившагося на самой границѣ Польши. Здѣсь онъ получилъ приказаніе остановиться и не двигаться далѣе. Политическія дѣла и поворотъ происшествій въ Польшѣ въ нашу сторону измѣнили намѣренія императрицы и заставили ее остановить движеніе своихъ войскъ въ границы польской республики. Волконскій съ отрядомъ оставался у Шелеговскаго форпоста и простоялъ тамъ все время до самаго роспуска войскъ по своимъ постояннымъ квартирамъ.

---

[1]) Указъ Волконскому, мая 1-го 1764 г.

[2]) Въ письмѣ, отъ 14 (25) мая 1764 г.

[3]) Всепод. рап. Волконскаго, 9 мая 1764 г.

VII.

26-го апрѣля (7-го мая нов. ст.) въ Варшавѣ былъ открытъ конвокаціонный сеймъ.

Не смотря на значительныя замѣшательства въ началѣ и борьбу партій, онъ былъ доведенъ до окончанія безъ всякаго кровопролитія. Коронный гетманъ и его приверженцы приготовили манифестацію и вновь протестовали, противъ нарушенія правъ свободы засѣданіямъ сейма, въ виду непріятельскихъ орудій. Манифестація была обнародована генераломъ Макроновскимъ и возставала противъ продолженія сейма.

«Мы, сенаторы, сказано въ манифестѣ [1]), короны и герцогства литовскаго, духовные и свѣтскіе, прибывшіе, по приглашенію примаса, на конвокаціонный сеймъ 7-го мая, протестуемъ и жалуемся передъ Богомъ, всею вселенною и республикою, а также передъ лицемъ иностранныхъ державъ, что мы нашли не только наши законы, но и постановленія всѣхъ націй, попранными русскими войсками, которыя явились въ виду Варшавы и вступили туда сегодня съ артиллеріею. Такъ какъ по всѣмъ законамъ и обычаямъ королевства и великаго герцогства литовскаго, равно какъ и всѣхъ другихъ націй, не дозволяется держать совѣтъ (tenir des Conseils) подъ вліяніемъ посторонняго оружія, то существованіе такимъ образомъ сейма не законно и не обычно. Такъ какъ присутствовавшіе сенаторы еще прежде написали и подписали письма къ дружественнымъ державамъ, въ которыхъ они жаловались на вступленіе русскихъ войскъ, — то мы всенародно объявляемъ теперь нашу справедливую жалобу. Мы возлагаемъ несомнѣнную надежду, что вся Европа, узнавши о притѣсненіи свободной націи и презрѣніи къ нашимъ законамъ и вольностямъ, не останется равнодушною и не откажется помочь нашей отчизнѣ, — чтобы показать всему свѣту и нашей милой родинѣ, которая подавлена вмѣстѣ съ нами, нашу невинность съ одной стороны, а съ другой наши желанія и стремленія, избавиться отъ чрезвычайнаго опасенія, видѣть наши законы попранными и нашу свободу превращенную такъ-сказать въ рабство. Прежде всего объявляемъ передъ всею нашею родиною, что мы сами не призывали русскихъ, не просили никого, чтобы они пришли и не благодарили за ихъ приходъ (que nous n'avons point fait venir ici les Russes, ni n'avons prié qu'on

---

[1]) Manifeste fait à Varsovie 7 May 1764. — Арх. кн. Александ. Θедор. Голицына-Прозоровскаго.

les fit venir, ni n'avons remercié de leur arrivée). Мы протестуемъ передъ всѣми сосѣдними державами, также передъ тѣми, которыя находятся съ нами въ союзѣ и даже передъ лицемъ самой императрицы, что мы не подавали ей никакого повода къ вступленію ея войскъ въ наши границы. Объявляемъ передъ Богомъ, — который знаетъ всѣ человѣческіе помыслы, — что мы не имѣемъ никакой другой цѣли, какъ защитить нашу свободу, отечество, и готовы пожертвовать, по примѣрамъ нашихъ предковъ, богатствомъ, имѣніемъ и самою жизнію для поддержки нашего отечества и вѣры.

«Впрочемъ, многіе изъ сенаторовъ и уполномоченныхъ лицъ (personnes en charge), равно какъ и другіе уважаемые (très dignes) граждане великаго герцогства литовскаго, намъ заявляютъ за достовѣрный фактъ (nous annoncent pour nouvelle sure et certaine), что русскія войска, тамъ находящіяся, заставили и принудили нашихъ собратій подписать заявленіе опасное (dangereux) для націи и вредное для старшинства фамилій (à l'ancienneté des familles) относительно услугъ, которыя они оказали родинѣ и службѣ, которую они приносили отечеству.

«Вотъ причина, почему мы возстаемъ противу сказанныхъ насилій, а также и противу тѣхъ насилій, которыя дѣлались въ другихъ мѣстахъ, также какъ и противъ декларацій Россіи, преимущественно противъ объявленной 4-го мая и переданной примасу, въ которой коронная армія, ни во что не вмѣшивавшаяся, противъ всякой справедливости, скомпрометирована и очернена.

«На основаніи всего этого мы протестуемъ. И такъ какъ черезъ присутствіе русскихъ войскъ генеральный сеймикъ въ Грауденцѣ не состоялся, и слѣдовательно мы не можемъ надѣяться, чтобы прибыли сюда земскіе прусскіе депутаты (des Nonces de Prusse), для принятія участія въ настоящемъ сеймѣ, то мы приглашаемъ этихъ господъ, которые пріѣдутъ сюда, не отдѣляясь отъ корпуса республики, быть соединенными съ нею умственно и душевно. Вотъ чего тѣмъ болѣе ожидаемъ, ибо знаемъ, что они чувствуютъ оскорбленія и несправедливости, которыя они испытали въ Грауденцѣ».

Манифестація Макроновскаго привела всѣхъ представителей, бывшихъ на сеймѣ, въ такое волненіе и ярость, что они обнажили сабли. Самому Макроновскому грозила явная опасность. Благодаря только заступничеству кн. Любомирскаго и другихъ друзей Чарторыскихъ, старавшихся избѣжать кровопролитія, Макроновскій остался цѣлъ и невредимъ.

Засѣданія сейма, не смотря на манифестацію, продолжались.

Конвокаціонный сеймъ отличался отъ прочихъ сеймовъ тѣмъ, что въ немъ не имѣло мѣста столь извѣстное liberum veto. Поэтому, на конвокаціонномъ сеймѣ, гдѣ преобладало большинство голосовъ, простая манифестація не могла задержать засѣданій сейма, ибо, въ противномъ случаѣ, большинство голосовъ не имѣло бы никакого значенія.

Пренія, происходившія въ собраніи сейма, были весьма шумны.

«Счастье еще, доносили гр. Кейзерлингъ и кн. Репнинъ, что кн. Дашковъ во-время подоспѣлъ со своимъ отрядомъ. Такъ какъ люди и лошади его были въ отличномъ состояніи, то и можно было употребить ихъ тотчасъ же въ дѣло для поддержанія спокойствія».

Противная Россіи партія поляковъ утверждала, при помощи манифестацій, что существованіе сейма и его продолженіе обезпечиваются единственно только прибытіемъ нашихъ войскъ въ Варшаву. Какъ бы то ни было, но сеймъ приступилъ къ избранію маршала и выборъ палъ единодушно на князя Адама Чарторыскаго.

«Со времени открытія конвокаціоннаго сейма—писали наши послы [1])—который имѣетъ желаемый ходъ, дѣла здѣсь перемѣнились значительно къ лучшему. Республика удалила отъ командованія арміею короннаго гетмана графа Браницкаго и вручила ихъ кн. Чарторыскому, воеводѣ русскому. Этимъ распоряженіемъ силы республики находятся въ рукахъ тѣхъ, на которыхъ мы можемъ смотрѣть, какъ на главныхъ представителей нашей партіи.

«Направленіе дѣлъ, измѣнившееся вслѣдствіе такой перемѣны, не дѣлаетъ необходимымъ вступленія нашей арміи въ Польшу, какъ казалось то въ началѣ. Въ настоящее время будетъ достаточно, если В. П. отдѣлите три или четыре тысячи войскъ, которыя должны будутъ служить авангардомъ для вашей арміи».

Графъ Кейзерлингъ и кн. Репнинъ говорили, что они въ состояніи теперь удержать въ повиновеніи поляковъ тѣми войсками, которыя были въ ихъ распоряженіи. Число это состояло въ шести тысячахъ бывшихъ въ Литвѣ, и десяти тысячахъ, — въ Подоліи [2]).

Сосредоточеніе всевозможныхъ войскъ въ Варшавѣ было причиною того, что враждебныя партіи сознали невозможность борьбы и шаткость своего положенія.

8-го мая, коронный гетманъ, воевода виленскій, воевода кра-

---

[1]) Кн. Волконскому, 14 (25) мая 1764 г.

[2]) Письмо гр. Кейзерлинга и кн. Репнина Волконскому, 19 (30) мая 1764 г.

ковскій и другіе ихъ приверженцы, вмѣстѣ съ своими войсками оставили Варшаву.

За два дня до открытія засѣданій сейма прибылъ въ столицу Польши посланный крымскаго хана.

— Вы видите, въ какихъ обстоятельствахъ мы находимся, сказалъ ему коронный гетманъ гр. Браницкій, не поможетъ ли намъ крымскій ханъ?

— Когда состоится выборъ, отвѣчалъ татаринъ, тогда только видно будетъ, стѣснена ли была ваша свобода и была ли дѣлаема вамъ какая-либо несправедливость [1]).

«Поверхность нашихъ партизановъ, писалъ кн. Репнинъ [2]), на настоящемъ созывательномъ сеймѣ обстоятельства здѣсь весьма перемѣнило. Гетманъ коронный, лишившись команды черезъ повелѣніе сейма, бѣжитъ къ сторонѣ Львова, удерживая однако при себѣ, насильствомъ, нѣкоторую часть коронныхъ войскъ, тожъ и нѣсколько своей партіи собственныхъ. Вслѣдъ ему посланы какъ здѣшніе деташаменты, такъ и часть корпусовъ кн. Дашкова и Кашкина, которые между Казимиромъ и Сендомиромъ, достигнувъ гетманскій арріергардъ, небольшую стычку съ нимъ имѣли, обратившуюся въ совершенный нашъ успѣхъ. У нихъ взято 24 человѣка улановъ и товарищей при одномъ ротмистрѣ въ полонъ, между коими 7 раненыхъ и нѣсколько на мѣстѣ осталось убитыхъ. Съ нашей стороны ни одного не убито, ни ранено, ни въ полонъ не взято. Я самъ нечаянно свидѣтелемъ тому былъ, ѣздивши туда изъ любопытства посмотрѣть того деташамента.

«Ваше сіятельство посему изволите видѣть, что и малое число россійскихъ войскъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, намъ преимущества даютъ, и тако довольно-бъ кажется весьма было вступленія авангарднаго В. С. корпуса, которымъ однимъ, съ тѣмъ, что мы въ Литву и на Подолъ отъ высочайшаго двора требовали, всѣ дѣла уповаю успѣхъ возьмутъ, если какихъ новыхъ и неожидаемыхъ препятствій не произойдетъ. Въ томъ же случаѣ смотря по онымъ мѣры свои принять будетъ нужно, и заранѣе установить ихъ невозможно».

Такимъ образомъ, для достиженія видовъ русскаго правительства не было болѣе нужды въ отправленіи значительнаго числа новыхъ войскъ въ Польшу. Въ Литвѣ составилась генеральная конфедерація, которая, по выраженію кн. Репнина, *все то вели-*

---

[1]) Всепод. реляція гр. Кейзерлинга и кн. Репнина, 28 апр. (9 мая) 1764 г.

[2]) Волконскому, 14 (25) мая 1764 г.

кое княжество въ нашу партію привела. Конвокаціонный сеймъ продолжался съ желаемымъ успѣхомъ и согласно съ видами нашего правительства.

«Титулъ императорскій нашей всемилостивѣйшей государыни, писалъ Репнинъ [1]), онымъ (сеймомъ) торжественно признанъ; тожъ герцогъ курляндскій Биронъ и его наслѣдники во владѣніи томъ рѣшительно утверждены, а принцъ Карлъ саксонскій отъ того герцогства отрѣшенъ».

Получивъ такія свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Варшавѣ, Екатерина тотчасъ же остановила движеніе отряда Волконскаго въ Польшу.

«Изъ приложенной здѣсь копіи, писала она [2]), съ одной изъ послѣднихъ реляцій министровъ нашихъ въ Варшавѣ, усмотрите вы, что сеймъ конвокаціи, не смотря на всѣ вопреки, противной стороны происки, приведенъ въ законное положеніе и дѣйствительность, такъ что гетманъ коронный графъ Браницкій и сообщники его, видя надъ собою превосходство благонамѣренной стороны, принуждены были для укрытія стыда своего удалиться отъ Варшавы, оставя тамъ по себѣ общую ихъ протестацію, которая однако по законамъ республики не можетъ препятствовать теченію и совершенію сейма, ибо рѣшенія онаго зависятъ отъ большинства голосовъ.

«Сіе доброе начало отмѣняетъ, нѣкоторымъ образомъ, нужду поспѣшнаго вашего выступленія въ границы польскія, ибо можетъ быть и однихъ удѣльныхъ деташаментовъ достаточно будетъ къ одержанію друзей нашихъ, при ихъ поверхности; и для того съ одной стороны, чтобъ не изнурять напрасно войскъ и миновать еще большихъ убытковъ, а съ другой и въ разсужденіи новыхъ нынѣ, хотя изъ далека открывающихся обстоятельствъ, нѣкотораго отъ хана крымскаго движенія, повелѣваемъ мы вамъ, въ случаѣ если вы не перешли еще границы, остановиться на оныхъ со всѣмъ корпусомъ, а если уже переступили, то какъ можно ближе къ нашимъ и стараться въ обоихъ случаяхъ довольствовать людей и лошадей изъ смоленскихъ магазейновъ, а не покупкою, отправляя однако, гдѣ бы вы ни стали, въ слѣдствіе послѣдняго нашего указа отъ 1-го числа сего мѣсяца, деташаментъ до трехъ тысячъ человѣкъ, подъ именемъ авангарда, къ прежде опредѣленному предмету, т. е. къ Варшавѣ, въ диспозицію нашихъ тамъ министровъ, съ такимъ однако командиру

---

[1]) Волконскому, 28 мая (8 іюня) 1764 г.

[2]) Въ секретномъ указѣ, отъ 10 мая 1764 г.

онаго предписаніемъ, чтобы онъ идучи отъ васъ небольшими маршами, размѣрялъ потомъ поспѣшность похода своего, по насылаемымъ къ нему въ дорогѣ отъ помянутыхъ министровъ приказамъ, и для того бы не только вамъ обо всемъ подробно рапортовалъ, но и съ ними имѣлъ нужную переписку.

«Вамъ же самимъ оставаясь при границахъ надлежитъ по часту посылать для рекогносцированія въ тѣ мѣста, на которыя бы собственному вашему походу быть, нарочныхъ офицеровъ, показывая черезъ то видъ, что и сами вы скоро за авангардомъ слѣдовать имѣете, а особливо содержать съ министрами нашими въ Варшавѣ частую, откровенную и надежную переписку, дабы вы о всѣхъ ихъ намѣреніяхъ и подвигахъ благовременно свѣдомы быть и по онымъ согласное съ вашей стороны исполненіе чинить могли, не ожидая отъ насъ, въ случаѣ ихъ требованія, новаго къ походу указа, чѣмъ натурально много времени выиграно будетъ, если бы новыя въ дѣлахъ перемѣны и новыя въ намѣреніяхъ нашихъ препоны, принудили ихъ употребить сіе послѣднее средство».

Одновременно съ этимъ, гр. Кейзерлингъ и кн. Репнинъ получили точно такое же распоряженіе относительно движенія отряда кн. Волконскаго. Между тѣмъ дѣла шли весьма удовлетворительно, и, не смотря на происки и интриги посторонних европейскихъ дворовъ, подвигались къ концу.

Французское правительство сколько ни хлопотало о томъ, чтобы не допустить на сеймѣ превосходства русской партіи, не успѣло въ этомъ. Французскій посланникъ, 28 мая, оставилъ съ неудовольствіемъ Варшаву. Наканунѣ онъ словесно заявилъ примасу, что король Франціи, получивши извѣстія о томъ, что нѣкоторая часть сенаторовъ и земскихъ пословъ оставили Варшаву, «не можетъ въ семъ сеймѣ собранные штаты республики признать, и тако посла своего отзываетъ» [1]).

— Если посолъ, отвѣчалъ примасъ, не признаетъ республику въ семъ созывательномъ сеймѣ, то и я не могу признать его за посла и никого въ ихъ званіяхъ изъ французскихъ акредитованныхъ лицъ.

Разговоръ этотъ кончили неудовольствіемъ съ обѣихъ сторонъ. Примасъ назвалъ посланника маркизомъ де-Польміемъ и при отъѣздѣ его не приказалъ своему караулу бить въ барабанъ.

— Прощай, M-r L'archeveque, проговорилъ оскорбленный и разгоряченный посланникъ.

---

[1]) Кн. Репнинъ Волконскому, 28 мая (8 іюня) 1764 г.

Вскорѣ за тѣмъ всѣ лица, акредитованныя французскимъ дворомъ, были отозваны. Посолъ и резидентъ цесарскаго (австрійскаго) двора также располагали въ непродолжительномъ времени оставить Варшаву. Резидентъ намѣренъ былъ ѣхать черезъ Венгрію, для того, чтобы на пути повидаться съ гетманомъ Браницкимъ [1]).

12 (23) іюня кончился конвакоціонный сеймъ. Заключеніемъ его было объявленіе коронной генеральной конфедераціи, маршаломъ которой былъ избранъ кн. Чарторыскій, воевода русскій. Надѣясь соединить въ одно цѣлое конфедераціи коронную и литовскую генеральную, графъ Кейзерлингъ и кн. Репнинъ ожидали отъ такого соединенія еще бо̀льшаго успѣха для нашихъ дѣлъ.

Хотя полная побѣда осталась на сторонѣ партіи, преданной Россіи, тѣмъ не менѣе противники этой партіи пытались еще разъ заявить о своемъ существованіи въ Польшѣ. Такъ, князь Радзивиллъ, воевода виленскій, долго сидѣвшій безъ дѣйствія въ своемъ мѣстечкѣ Бялѣ, въ іюнѣ вышелъ оттуда съ своими войсками и разорилъ нѣсколько окружныхъ деревень. Болѣе другихъ досталось въ этомъ отпошеніи Терасполю. Имѣніе это, принадлежавшее графу Флемингу, непримиримому врагу кн. Радзивилла, было разграблено до основанія.

Великій коронный гетманъ, гр. Браницкій, съ бывшими при немъ людьми и войсками, находился въ воеводствѣ русскомъ, неподалеку отъ венгерскихъ границъ, между м. Замборъ и Дукла.

Имѣя въ своемъ распоряженіи войска, состоящія преимущественно изъ легкой кавалеріи, кн. Радзивиллъ и гр. Браницкій обладали всѣми средствами къ внезапному нападенію на разные пункты, тогда какъ въ распоряженіи нашихъ министровъ въ Варшавѣ не было такихъ легкихъ войскъ, которыя могли бы ихъ преслѣдовать и предупреждать.

Поэтому, они просили кн. Волконскаго прислать къ нимъ тысячу казаковъ, направивъ ихъ изъ Чернигова, черезъ волынское воеводство, къ мѣстечку Хелму [2]).

Въ Черниговѣ стоялъ отрядъ генералъ-поручика Штофельна. Въ его распоряженіи было только 400 человѣкъ казаковъ. Кн. Волконскій, отправивъ отъ себя 500 человѣкъ, приказалъ Штофельну изъ его отряда выслать 300 человѣкъ. Эти послѣдніе казаки не были, однакоже, отправлены, потому что самъ Што-

[1]) Письмо гр. Кейзерлинга и кн. Репнина Волконскому, отъ 12 (23) іюля 1764 г.
[2]) Письмо Репнина и Кейзерлинга Волконскому, 14 (25) іюня.

фельнъ, со всѣмъ своимъ корпусомъ, по приказанію императрицы, выступилъ въ Польшу 23 іюня [1]).

«Вы не можете быть неизвѣстны вообще — писала ему Екатерина [2]) — какое, по существительному интересу нашей имперіи, мы принимаемъ участіе въ дѣлахъ республики польской при настоящемъ ея междуцарствіи. Введенные въ тамошніе предѣлы войскъ нашихъ корпусы, а именно: одинъ подъ командою генералъ-маіора Рененкампфа, а другой подъ командою нашего камеръ-юнкера и вице-полковника кн. Дашкова, съ деташаментомъ легкихъ войскъ, перемѣнили уже тамошнія дѣла въ пользу общихъ патріотическихъ намѣреній той республики, — такимъ образомъ, что теперь вооружившіеся противу правъ и вольности своего отечества, злонамѣренные и постороннимъ видамъ преданные поляки, принуждены оставить спокойному по законамъ теченію дѣлъ настоящаго въ Варшавѣ созывательнаго сейма, а сами, съ имѣющими при себѣ войсками, ретировалися въ отдаленныя отъ той столицы мѣста, къ границамъ венгерскимъ и украинскимъ.

«Но дабы съ тѣмъ сеймомъ узаконенную національную поверхность нашихъ тамошнихъ друзей и благонамѣренныхъ партизановъ укрѣпить и обнадежить до времени избранія польскаго короля, слѣдовательно, до самаго окончанія тамъ настоящихъ дѣлъ, мы за нужно разсудили дать указъ нашей военной коллегіи, о немедленномъ васъ отправленіи въ польскіе предѣлы, съ корпусомъ отъ семи до девяти тысячъ человѣкъ разнаго нашего войска.

«А какъ главное намѣреніе отправленія вашего туда въ томъ состоитъ, чтобы дать помощь и подкрѣпленіе тѣмъ мѣрамъ и операціямъ, въ которыхъ нынѣ находятся уполномоченный отъ сейма, подъ именемъ генеральнаго региментара, командиръ коронныхъ войскъ, воевода русскій кн. Чарторыскій, для приведенія не только польскими теперь, въ диспозиціи его находящимися войсками, но и способомъ чужестранныхъ помочныхъ, каковыми названы отъ республики наши, въ собственное къ себѣ послушаніе тѣхъ, кои, вопреки сеймовому опредѣленію, послѣдовали гетману коронному Браницкому. То какъ для сего перваго предмета, такъ и для того, чтобы противники, напримѣръ самъ гетманъ, воевода кіевской Потоцкій, подстолій князь Любомирскій, воевода виленской князь Радзивиллъ, коронный надворный маршалъ гр. Мнишекъ и протчія, имѣя по близости нашихъ границъ знат-

---

[1]) Письмо Штофельна Волконскому, 28 іюня 1764 г.

[2]) Указъ Штофельну, 9 іюня 1764 г.

нѣйшія свои деревни, не могли изъ оныхъ умножать своихъ войскъ, и, получая еще оттуда способы къ продолженію своего упорства, утвердиться гдѣ ни есть въ скрытномъ мѣстѣ, и тѣмъ протянуть надолго нужное для нихъ въ отечествѣ ихъ нестроеніе, повелѣваемъ мы вамъ, съ ввѣреннымъ командѣ вашей корпусомъ, какъ можно скорѣе вступить въ польскія границы и именно въ воеводство подольское, волынское и брацлавское, учреждая въ оныхъ походъ вашъ на городъ Лемберхъ или Львовъ».

Не зная, какое направленіе въ дальнѣйшемъ примутъ польскія дѣла, Екатерина приказала Штофельну въ его дѣйствіяхъ согласоваться съ требованіями нашихъ пословъ, бывшихъ въ Варшавѣ *и съ политическими ихъ операціями.* Генералу Штофельну предписано исполнять все то, что̀ сами послы «или съ вѣдома ихъ польскіе наши друзья, а особливо регементарь, кн. Чарторыскій, отъ васъ когда-либо требовать будутъ, ибо общему ихъ на мѣстѣ усмотрѣнію и опредѣленіямъ предоставили мы главное дѣло руководство и употребленіе разныхъ войскъ нашихъ корпусовъ».

Во время похода, генералу Штофельну приказано соблюдать строгую дисциплину въ войскахъ, принимать мѣры къ тому, чтобы жителямъ не было дѣлаемо никакихъ обидъ и притѣсненій, и чтобы войска платили за все чистыми деньгами.

«О причинѣ похода вашего — писала ему Екатерина — отзываться, что какъ нѣкоторые неспокойные и хвастливые граждане, жертвуя благополучіемъ отечества страстямъ своимъ и постороннимъ видамъ, начали утѣснять силою истинныхъ патріотовъ, да и всю республику въ драгоцѣннѣйшихъ вольнаго народа правостяхъ, то мы, снисходя, какъ по дружбѣ и праву сосѣдства, такъ особливо и по свойственнымъ имперіи нашей обязательствамъ, на прошеніе самой республики, объ огражденіи ея нашею помочью, не хотѣли, да и не могли оставить, чтобы не внести въ польскія границы, съ разныхъ сторонъ, гдѣ нужда потребовала, части нашихъ войскъ, не въ обиду жителямъ, но въ защиту тѣмъ, кои, бодрствуя за общій покой и благосостояніе, подвигли на себя ненависть и гоненіе нарушителей законовъ и вольности; что при всемъ томъ, вы, равно какъ и прочіе наши генералы, не имѣете повелѣнія кого-либо озлоблять, развѣ кто самъ васъ атакуетъ или же дерзнетъ уничтожать законную власть нынѣшняго созывательнаго сейма, противиться законнымъ его опредѣленіямъ и помущать общую безопасность и тишину, кои ввѣрены попеченію вашему, и что, впрочемъ, уполномочены вы отъ насъ защищать и охранять всѣхъ тѣхъ, кои, признавая дѣйстви-

тельность сейма и генеральную литовскую конфедерацію, возъимѣютъ иногда въ помощи и защищеніи вашемъ нужду.

«Если ханъ крымскій, по легкомыслію своему, отревожась дѣйствительно, а скоряе и притворно, вступленіемъ вашимъ въ границы польскія, станетъ у васъ требовать изъясненія, въ такомъ случаѣ имѣете вы отвѣтствовать ему, что введеніе войскъ нашихъ воспричинствовано многими и явными насильствами нѣкоторыхъ польскихъ вельможъ, кои не уважая сущей отечества своего пользы, но слѣпо руководствуясь странными своими и посторонними видами, дерзнули не только отщепиться отъ республики, сеймомъ конвокаціи законно соединенной, но и возжечь еще пламя гражданской войны; что для пресѣченія сего зла въ самомъ корени, дабы оно послѣ и на прочія окрестныя земли не распространилося, не могли мы уклониться, чтобъ, какъ по точнымъ нашимъ съ республикою польскою обязательствамъ, такъ и по формальному ея намъ о помощи и защищеніи нашемъ учиненному прошенію, не принять въ нестроеніи ея дѣйствительнаго участія; что мы имѣемъ удовольствіе видѣть, что исполненіе такой просьбы почитаетъ себѣ республика, на сеймѣ собранная, за величайшее отъ насъ одолженіе; что равномѣрно блистательная Порта отдаетъ непорочнымъ нашимъ намѣреніямъ и поступкамъ совершенную справедливость, будучи удостовѣрена, что сохраненіе Польши при ея правахъ, вольности и формѣ правительства, оба императорскіе двора равно интересуемы, и что напослѣдокъ мы надѣемся, что и его свѣтлость ханъ крымскій, похвальному примѣру Порты подражать будетъ» [1]).

Штофельнъ вступилъ въ границы Польши тогда, когда партія князя Радзивилла значительно уменьшилась числомъ. Большая часть его приверженцевъ перешла на нашу сторону, а тѣмъ болѣе тогда, когда приказано было имѣнія противниковъ секвестровать и продовольствовать въ нихъ войска безденежно.

Воевода равскій, два князя Любомирскихъ: одинъ подстолій, а другой мечникъ коронные, сдѣлались вдругъ нашими партизанами, изъ боязни лишиться своихъ деревень. «Да и другіе многіе колеблются — писали гр. Кейзерлингъ и кн. Репнинъ [2]) — и вскорѣ, можетъ быть, также къ намъ приступятъ, въ которомъ числѣ и воеводу кіевскаго считаемъ. Итакъ, чтобы суровостью кого не отвратить, оставляемъ непріятельскій трактаментъ учинить до совершеннаго познанія ихъ мнѣнія, которое совсѣмъ объявится на сеймикахъ de relation и на сеймѣ избранія».

---

[1]) Волконскому, отъ 12 (23) іюля.

[2]) Тамъ же.

Кн. Радзивиллъ, преслѣдуемый между тѣмъ отрядомъ кн. Дашкова, отступалъ черезъ Волынь къ Молдавіи. Генералъ Ренненкампфъ овладѣлъ главною его резиденціею Несвижемъ [1]). Такимъ образомъ, послѣдній противникъ партіи Чарторыскихъ былъ уничтоженъ. Русское правительство могло считать, что польскія дѣла окончены согласно его желаніямъ. Дѣйствительно, 27 августа (7 сентября), со всѣми предписанными законными порядками, единогласно и безъ всякаго прекословія выбранъ былъ королемъ польскимъ графъ Станиславъ Понятовскій. «Согласіе и единодушіе — писали наши послы въ Варшавѣ [2]) — были въ семъ случаѣ столь совершенны, что тому въ исторіяхъ польскихъ примѣру не имѣется».

«Единогласный выборъ короля польскаго мало противниковъ оставляетъ въ здѣшней землѣ, а которыя и есть, то по малу приходятъ въ надлежащее повиновеніе» [3]).

Съ окончаніемъ королевскаго выбора, по мнѣнію пословъ нашихъ въ Варшавѣ, присутствіе значительнаго числа войскъ въ Польшѣ, кромѣ ненадобности, могло быть оскорбительно для тамошняго дворянства, которое теперь *«не усиливать, но ласкать надлежитъ»*. Тѣхъ войскъ, которыя были въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ, признавалось достаточнымъ. Король требовалъ отъ графа Кейзерлинга и кн. Репнина, чтобы по крайней мѣрѣ корпусъ князя Волконскаго былъ выведенъ изъ польскихъ границъ. Понятовскій говорилъ, что оставленіе отряда этого въ Польшѣ повлечетъ за собою оскорбленіе народа и можетъ обратиться ему во вредъ, а впослѣдствіи будетъ служить препятствіемъ къ достиженію видовъ русскаго правительства. Король говорилъ со словъ своихъ дядей, князей Чарторыскихъ, которые, одержавъ побѣду надъ противниками, не нуждались уже болѣе въ поддержкѣ Россіи. Преслѣдуя личные свои интересы, они впослѣдствіи тяготились этою поддержкою и были весьма недовольны вмѣшательствомъ Россіи въ дѣла Польши. Король же, съ первыхъ дней возведенія своего на престолъ, попалъ во власть своихъ тонкихъ дядей, говорилъ и думалъ по ихъ совѣтамъ. По ихъ желанію, онъ и требовалъ вывода русскихъ войскъ изъ Польши. Графъ Кейзерлингъ и кн. Репнинъ, надѣясь, что съ избраніемъ короля установится покой и тишина въ королевствѣ,

---

1) Волконскому, отъ 12 (23) іюля.

2) Волконскому, отъ 2 (13) и 4 (15) сент.

3) Письмо гр. Кейзерлинга и кн. Репнина къ кн. Волконскому, 4 (15) сентября 1764 г.

согласились на требованіе короля и писали о томъ императрицѣ [1]).

«Вамъ прямо изъ Польши — писала Екатерина кн. Волконскому [2])—несумнѣнно уже извѣстно о учиненномъ тамъ, по нашему желанію, спокойномъ и единодушномъ избраніи короля. Почему мы, не находя болѣе надобности для нашихъ интересовъ, какъ въ вашемъ пребываніи, такъ и въ содержаніи на границахъ оставшихъ при васъ войскъ корпуса вашего, повелѣваемъ вамъ, если вы при полученіи сего нашего указа, не имѣете какихъ-либо особливыхъ изъ Варшавы, отъ нашихъ министровъ, увѣдомленій, о которыхъ здѣсь предвидѣть невозможно и которыя-бъ требовали дальнѣйшаго вашего при командѣ пребыванія, и другихъ особливыхъ распоряженій войскамъ вашимъ: то оныя войска отпустить съ границъ въ ихъ обыкновенныя квартиры, а вамъ, распорядя все къ тому потребное, возвратиться къ нашему двору, для исправленія другихъ на васъ положенныхъ должностей».

Поручивъ командованіе войсками генералъ-поручику Нумерсу, и сдѣлавъ всѣ распоряженія, Волконскій отправился въ Петербургъ и возвратился въ Варшаву снова только въ 1769 году.

Н. Дубровинъ.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Въ указѣ, отъ 16 сент. 1764 г.

ДАЧА НА РЕЙНѢ.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I*).

УТРО ВЪ ЭДЕМѢ.

По рѣкѣ внизъ и вверхъ ходятъ суда; издали, по обѣимъ сторонамъ, видны катящіеся поѣзды, и глядятъ на все это, глядятъ съ наслажденіемъ люди изъ всякихъ странъ, люди различныхъ состояній. «Вотъ тутъ или тамъ — думаетъ не одинъ изъ зрителей—славно было бы жить, жизнью ровною, въ созерцаніи природы, работая на свободѣ,—славно бы со своими, хорошо бы и одному».

Берега Рейна — благословенное мѣсто отдыха, но въ то же время это — нѣчто вѣчно-движущееся. Передъ порогомъ вашего дома разостлалась скатертью великая дорога всесвѣтныхъ сообщеній; изъ уединенія, въ каждый часъ, легко примкнуть къ непрестанному движенію, и оно тотчасъ унесетъ васъ съ собою.

По берегамъ чистенькіе городà и села, съ ихъ зàмками и виноградниками, а между ними густо набросаны, заботливо обдѣланные, выхоленныя виллы; онѣ идутъ цѣпью, которая почти не прерывается.

---

*) См. выше, т. V, 5-56, и 615-640.

Отъ города до города, отъ дома до дома можно бы много разсказать о судьбахъ живущихъ тутъ людей; какъ одни силою твердой воли спаслись изъ пучины, или послѣднимъ, напряженнымъ усиліемъ выплыли къ берегу; какъ другіе не своею, грубою силою были выброшены на̀-берегъ.

Незнакомый, всѣмъ чужой человѣкъ, который здѣсь поселится, можетъ быть увѣренъ, что онъ воленъ завязать сосѣдскія отношенія съ коренными жителями или остаться уединеннымъ; непрерывное теченіе прибывающихъ и отбывающихъ не нарушитъ себялюбиваго одиночества.

— Чья это красивая дача съ башнею, что̀ виднѣется издалека плывущему по рѣкѣ? Точно бѣлая лебедь расположилась въ зелени.

Вопросъ этотъ часто слышится на тѣхъ судахъ, которыя поднимаются или спускаются по рѣкѣ. Отвѣчаютъ на него, примѣрно, такъ:

«Эта вилла называется «Эдемъ», и она заслуживаетъ свое названіе; только Эдемъ этотъ можно видѣть не иначе, какъ извнѣ. Все заперто, и вдоль стѣны, которою обнесенъ садъ, устроены капканы и самострѣлы. Только во время отсутствія владѣльца, прислугѣ дозволено впускать постороннихъ въ домъ и паркъ, и прислугѣ это доставляетъ порядочныя деньги. Хозяинъ виллы— богатый американецъ; домъ этотъ онъ выстроилъ самъ, онъ же устроилъ и тѣнистый паркъ, а изъ луга, который прежде тянулся къ берегу,—заброшеннаго, заплеснѣвѣвшаго въ болотѣ, сдѣлалъ фруктовый садъ. Теперь въ этомъ саду созрѣваютъ такіе фрукты, что, по величинѣ и вкусу, ничего подобнаго прежде здѣсь и не видывали. А за̀мокъ, что̀ тамъ, наверху, онъ отстроилъ вновь изъ развалины.

«А какъ зовутъ этого человѣка?

«Зонненкампъ. Прислуга у него почти вся изъ другихъ мѣстъ, а самъ онъ посѣщаетъ очень немногихъ, и гости бываютъ у него рѣдко. Никто хорошенько не знаетъ, кто̀ онъ такой, что̀ онъ за человѣкъ. У него отличныя лошади, но и самъ онъ, и его жена, и компаньонка, если иногда и выѣдутъ на открытую дорогу, то сейчасъ же поворачиваютъ назадъ....»

Въ то утро, когда Эрихъ направился къ виллѣ верхомъ, тамъ, на половинѣ, обращенной къ западу, слуги, въ утренней ливреѣ, вынесли большой и толстый коверъ на широкое, усыпанное пескомъ, мѣсто. Подлѣ душистой, богатой красками пирамиды изъ цвѣтовъ, поставленъ былъ круглый столъ, накрытый штофною скатертью, на которую помѣстили сперва большую вазу

изъ граненаго хрусталя, полную артистически-смѣшанныхъ цвѣтовъ и вѣтвей, а затѣмъ четыре прибора.

На сторонѣ, возлѣ цвѣтущаго кустарника и разноцвѣтной сирени, установили столъ съ серебрянымъ самоваромъ, и слуга затѣмъ зажегъ спиртовую лампочку. Вскорѣ тонкое облачко пара поднялось надъ самоваромъ. Потомъ были еще принесены два большія, качельныя кресла.

Молодой человѣкъ стоялъ тутъ же, но не прикасался ни къ чему, а смотрѣлъ вдаль, черезъ фруктовый садъ и прудъ съ фонтаномъ и двумя парами лебедей, черезъ луга и пастбища, туда, гдѣ открывался видъ внизъ, по теченію рѣки. Онъ перенесъ, наконецъ, взглядъ на предметы ближайшіе, осмотрѣлъ оконченныя приготовленія въ саду, и сказавъ: «хорошо», ушелъ вмѣстѣ со слугами.

Самоваръ кипѣлъ, столы и кресла какъ-будто ждали общества. На спинку одного изъ качельныхъ креселъ присѣлъ смѣльчакъ-зябликъ и сталъ насвистывать. Точно разсказывалъ подругѣ, сидѣвшей на деревѣ, что все это очень комфортабельно, и что онъ тоже имѣетъ въ виду, современемъ, обзавестись такимъ хозяйствомъ.

Но смѣлаго и домовитаго зяблика скоро спугнули; послышались шаги; зябликъ взлетѣлъ, но неосторожно направился какъ разъ на самоваръ; тутъ его, должно быть, обдало паромъ, онъ сдѣлалъ острый уголъ назадъ, и пролетѣлъ совсѣмъ близко надъ головою подходившаго господина, чуть не задѣвъ его шляпы.

Это былъ широкоплечій, высокаго роста мужчина, въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ, съ бѣлымъ галстукомъ и стоячимъ воротничкомъ на рубашкѣ, по-англійски.

Казалось, онъ сдѣлалъ все, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить впечатлѣніе, какое должна была произвести его геркулесовская фигура, чтобы умалить и укротить себя. Изящность одежды достигала этой цѣли, хотя и несовсѣмъ. Соломенная шляпа съ широкими полями оттѣняла его лицо, такъ что на нѣкоторомъ разстояніи оно даже почти не было видно. Онъ прихрамывалъ на правую ногу, но этотъ недостатокъ обратился у него какъ бы въ особенность походки, и онъ воспользовался имъ все для той же цѣли смягченія своего богатырскаго вида, способнаго внушить нѣчто въ родѣ страха.

За нимъ шелъ тотъ молодой человѣкъ, который только-что одобрилъ приготовленія; въ рукахъ у него былъ большой портфель. Господинъ въ соломенной шляпѣ сѣлъ на одно изъ качельныхъ креселъ, а молодой человѣкъ сталъ передъ нимъ въ выжидательномъ положеніи.

Господинъ снялъ шляпу и молодой человѣкъ.... назовемъ его по имени — камердинеръ Іозефъ.... поспѣшно принялъ ее отъ него. Тогда сидѣвшій провелъ нѣсколько разъ мясистою рукою по своему гладко выбритому, крѣпко изваянному подбородку. Страннымъ образомъ носилъ онъ на толстомъ пальцѣ руки кольцо, простое кольцо, какъ бы изъ цѣпи, золотое, а посрединѣ желѣзное.

Человѣкъ этотъ — господинъ Зонненкампъ. Лицо его было красновато, лобъ широкъ и на лбу гладко причесана прядь посѣдѣвшихъ волосъ. Темныя брови стояли щетинами и въ замѣчательно-большомъ разстояніи одна отъ другой; казалось, будто онѣ насильственно раздвинуты. Кто видѣлъ это лицо разъ, уже не забывалъ его.

Водянисто-голубые, глубоко лежавшіе глаза его, пожалуй, свидѣтельствовали о рѣшительности характера, пожалуй и о хитрости; широкія скулы нѣсколько выдавались впередъ. Носъ его былъ великъ, но довольно-благородной формы. Въ губахъ, своевольно-стянутыхъ, отражалась повелительность. Все лицо представляло нѣчто увядшее, но заботливость о себѣ сохранила за нимъ выраженіе повелительной энергіи. Съ перваго взгляда на него можно было сказать себѣ, что имѣть его врагомъ не желательно.

— Дайте сюда, сказалъ онъ вдругъ, и вынулъ изъ жилетнаго кармана кольцо съ крохотнымъ ключемъ. Камердинеръ ловко подставилъ ему портфель, который Зонненкампъ тотчасъ открылъ; затѣмъ камердинеръ вынулъ изъ портфеля и подалъ Зонненкампу нѣсколько писемъ, которыя тотъ началъ располагать въ порядкѣ. Онъ отложилъ особо письма съ заграничными марками, а остальныя собралъ въ кучу. Тогда Іозефъ, положивъ шляпу и портфель на другое кресло, началъ надрѣзывать каждый конвертъ съ двухъ угловъ.

Зонненкампъ бѣгло просмотрѣлъ открытыя письма, и въ тѣхъ изъ нихъ, которыя были изъ-заграницы, осмотрѣлъ только печать и почеркъ на адресахъ; потомъ велѣлъ всѣ такія письма положить назадъ, въ портфель. Изъ заграничныхъ же писемъ два онъ взялъ къ себѣ, а другія самъ сунулъ въ портфель и опять его заперъ.

Въ эту минуту отворились обѣ боковыя двери, выходившія на террасу; Зонненкампъ поднялся со стула и взялъ въ руки свою широкую шляпу. На террасу явились двѣ женскія фигуры. Одна изъ вошедшихъ была стройная женщина, съ продолговатымъ, блѣднымъ лицемъ, носившимъ отпечатокъ страданія; на ней былъ утренній чепчикъ съ ярко-красными лентами и ярко-

красная шаль; другая—была небольшая, гладенькая фигурка, съ лицомъ угловатымъ и совсѣмъ какъ бы безкровнымъ, съ гладко-причесанными, черными какъ смоль, волосами, съ глазами темными, проницательными.... Это было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя, очевидно, никогда не бывали молоды, но на которыя зато и приближающаяся старость остается безъ вліянія. На ней было черное шелковое платье, а на шеѣ висѣлъ плотно повязанный перламутровый крестъ, который блисталъ на самомъ верху груди.

Зонненкампъ приблизился навстрѣчу этимъ дамамъ до самой лѣстницы, благосклонно кивнулъ той, которая была одѣта въ черномъ, а другой, въ красной шали, подалъ руку и спросилъ ее о здоровьи, по-англійски.

Дама въ шали — это была госпожа Церера Зонненкампъ — повидимому, сочла лишнимъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Она подошла прямо къ своему мѣсту за столомъ, приготовленнымъ для завтрака; камеристка положила ей на колѣни салфетку, а лакей подставилъ ей подъ ноги обитую скамейку.

Дама въ черномъ — это синьора Боромея Пэрини — приблизилась къ чайному столу; лакей подалъ ей чайницу, откуда она черпнула ложкою горсточку чаю.

— А гдѣ Роландъ? спросила утомленнымъ голосомъ Церера.

— Сейчасъ придетъ, отвѣчалъ Зонненкампъ и далъ знакъ позвать его.

Госпожа Пэрини подала первую чашку госпожѣ Зонненкампъ, которая, и то какъ-будто съ трудомъ, налила туда капли двѣ сливокъ. Голосомъ, полнымъ подобострастія, Зонненкампъ обратился къ ней:

— Скушай же что-нибудь, мой другъ.

Церера поднесла къ губамъ ложку чаю, потомъ еще полложки, и посмотрѣла кругомъ себя, какъ бы скучая. Ей, казалось, надоѣдало даже глотать.

— Гдѣ же Роландъ? — спросила она еще разъ. Непростительно, что онъ никакъ не можетъ привыкнуть къ порядку. Что-о, M-lle Пэрини? Вы, кажется, что̀-то сказали.

— Нѣтъ-съ.

Тутъ Зонненкампъ обратился къ Церерѣ, и опять мягкимъ, покорнымъ голосомъ просилъ ее имѣть еще немного терпѣнія, такъ какъ Роландъ получитъ теперь, надо надѣяться, такого воспитателя, который пріучитъ его къ порядку. Затѣмъ, онъ снова разсказалъ ей о письмѣ Отто фонъ-Пранкена. Когда было произнесено это имя, то дѣвица Пэрини вдругъ упустила свой сухарь въ чай и потомъ принялась добывать его ложкою. Въ это

время Зонненкампъ объявилъ, что онъ рѣшился даже и не читать предложеній другихъ лицъ, пока не повидается съ тѣмъ, кого рекомендовалъ г. Пранкенъ.

— Онъ — дворянинъ? — спросила Церера.

— Не знаю, — отвѣчалъ Зонненкампъ — хотя очень хорошо зналъ; — онъ — капитанъ.

Церера продолжала глядѣть въ пространство, какъ бы въ ожиданіи все-таки узнать, дворянинъ-ли тотъ господинъ, о которомъ шла рѣчь.

Дѣвица Пэрини, должно быть, отгадала, что̀ думала Церера, и обратясь къ ней съ улыбкою, какъ бы желая выразить ея мысль, замѣтила:

— Трудно встрѣтить такого истиннаго кавалера, какъ баронъ фонъ-Пранкенъ,—въ Германіи едва-ли есть равные ему; у него еще почти больше, чѣмъ у графини Беллы...

— Прошу никого не хвалить насчетъ графини, — прервалъ Зонненкампъ, и лицо его приняло такое выраженіе, какъ бываетъ у бульдога, если бы онъ сталъ нѣжничать... дамы увлекаются г. фонъ-Пранкеномъ, а я — графинею Вольфсгартенъ.

Церера сдѣлала едва замѣтное движеніе плечами; золотую ложку она прижала къ губамъ и на минуту задумалась. Навѣрно она думала: вотъ хвастается, будто увлеченъ, и все это дѣлаетъ только съ цѣлью сказать любезность.

— Да гдѣ же это, наконецъ, Роландъ?... вдругъ спохватилась она и толкнула ногами скамейку, такъ что покачнулся столъ и посуда зазвенѣла.

Вошедшій въ эту минуту слуга доложилъ, что Роландъ совсѣмъ не хочетъ придти къ завтраку, а желаетъ остаться у Норки, которая въ прошлую ночь выкинула пятерыхъ щенятъ.

— Такъ скажи же ему, — вмѣшался Зонненкампъ, и лицо его побагровѣло до самой пряди волосъ на лбу, — что если онъ не будетъ здѣсь сію же минуту, я велю тотчасъ утопить въ Рейнѣ всѣхъ этихъ щенятъ.

Слуга поспѣшно ушолъ, и скоро затѣмъ показался необыкновенно-красивый мальчикъ, одѣтый въ голубой бархатъ; онъ былъ блѣденъ, и его чудно обрисованныя губы дрожали. Видно было, что онъ только что вынесъ тяжкую борьбу.

Это былъ стройный мальчикъ, съ лицомъ такой необычайной красоты и чистоты контуровъ, что невольно приходилъ на мысль рѣзецъ скульптора. Онъ снялъ свою жокейскую фуражку, и тогда стали видны его изящно причесанные темные волосы, расположенные густыми кудрями вокругъ лба.

— Поди ко мнѣ, — позвала его мать, — поцѣлуй меня, Роландъ. Ты такъ блѣденъ, что̀ съ тобою?

Мальчикъ поцѣловалъ мать, покачалъ головою отрицательно и произнесъ голосомъ, занимавшимъ средину между дѣтскимъ сопрано и возмужавшимъ органомъ:

— Я такъ же здоровъ, какъ мои маленькія собачки? При этомъ, въ щекахъ его показалась едва замѣтная краска, но губы окрасились въ пурпуръ.

— Ну, ужъ не хочу тебя наказывать въ день пріѣзда твоего новаго воспитателя, — сказалъ Зонненкампъ, уловивъ взглядъ жены.

— Моего? Еще новый воспитатель? Не хочу его; а если ты дашь его мнѣ, то я ужъ такъ устрою, что онъ поскорѣе уберется.

Зонненкампъ улыбнулся. Ясно было, что ему, въ сущности, нравилась эта слишкомъ смѣлая выходка.

Роландъ не хотѣлъ ѣсть ничего, однакоже принялся за завтракъ очень исправно, а тогда и мать, съ радости, что у дѣтища такой славный аппетитъ, послѣдовала его примѣру.

Тутъ г-жа Пэрини не утерпѣла, чтобы не замѣтить:

— Вотъ видите ли, г. Роландъ, вамъ бы уже для маменьки слѣдовало акуратнѣе приходить къ столу. Она можетъ кушать только тогда, когда и вы кушаете.

Мальчикъ бросилъ на нее странный взглядъ и ничего не отвѣчалъ ей; видно было, что между нимъ и компаньонкою его матери отношенія не были удовлетворительны. Тѣмъ неменѣе, дѣвица Пэрини продолжала свою любезность къ Роланду, и вызвалась сходить, послѣ завтрака, взглянуть на щенятъ.

— Не знаете-ли, отчего собаки родятся слѣпыми? — спросилъ ее мальчикъ.

— Потому, что такъ это устроилъ Богъ.

— Да для чего же Богъ устроилъ такъ?

Г-жа Пэрини нѣсколько смутилась, но г. Зонненкампъ вывелъ ее изъ этого положенія, замѣтивъ, что кто все спрашиваетъ зачѣмъ, да зачѣмъ, — тотъ ничего не узнаетъ порядкомъ, и что Роландъ привыкъ постоянно задавать вопросы потому именно, что не хочетъ учиться путемъ.

Мальчикъ сталъ смотрѣть въ землю; въ выраженіи его лица появилось нѣчто въ родѣ жесткости или тупости, пожалуй то и другое.

Г-жа Зонненкампъ вышла изъ-за стола, сѣла на одно изъ качельныхъ креселъ и стала разсматривать свои ногти, обдѣланные въ форму орѣховой скорлупы, съ длинными, прозрачными кончиками.

Мужъ сталъ разсказывать, какъ много писемъ, на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ, онъ получилъ въ отвѣтъ на свою публикацію. Вызывавшіеся по большей части даже приложили свои фотографическія карточки, что, по мнѣнію Зонненкампа, было резонно, такъ какъ внѣшность тоже не послѣднее дѣло.

Церера слушала его будто сонная и, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько разъ закрывала глаза. Зонненкампъ распространился насчетъ того, какъ много на свѣтѣ бѣдныхъ людей, вѣчно выжидающихъ счастливой судьбы, и притомъ всегда думающихъ, что для этого достаточно имѣть деньги; тутъ Церера, полуоборотясь, посмотрѣла на него, какъ бы съ удивленіемъ, что вотъ живутъ же люди, у которыхъ нѣтъ средствъ къ жизни.

Дѣвица Пэрини была полезною посредницей въ разговорахъ. Такъ какъ Церера, какъ казалось, или и въ самомъ дѣлѣ, была вообще безучастна къ ходу разговора, то г-жѣ Пэрини приходилось поддерживать его краткими замѣчаніями или заявленіями участія; при этомъ она только изрѣдка поднимала взглядъ съ вышиванья, которымъ была занята... Взглядъ этотъ былъ монастырскій, изподлобья, робкій и добродушный. Это давало Церерѣ возможность слушать, не вмѣшиваясь въ разговоръ.

Отношеніе между г. Зонненкампомъ и г-жею Пэрини были отмѣчены крайней вѣжливостью. Можно, пожалуй, сказать, что она служила ему для упражненій въ вѣжливости. Впрочемъ, сказать правду, онъ давно отослалъ бы ее, но она пристала къ нему также плотно, какъ-то кольцо «противъ ревматизма», которое онъ носилъ на пальцѣ. При ней можно было имѣть увѣренность, что за Церерой постоянно кто-нибудь ухаживаетъ. Когда они выѣзжали втроемъ, то дѣвицу Пэрини г. Зонненкампъ сажалъ рядомъ съ женою, а самъ садился на переднюю скамейку. Онъ не могъ отъ нея отдѣлаться, а потому старался быть какъ можно вѣжливѣе и обходился съ нею съ наружнымъ уваженіемъ. Надо, однако сказать, что у нея были въ самомъ дѣлѣ хорошія качества, и едва ли не лучшимъ изъ нихъ было полное отсутствіе капризовъ. Она была всегда одинакова, ровна, никогда не выскакивала впередъ, не навязывалась, но когда ее спрашивали, у ней всегда оказывалось мнѣніе, именно такое, которое ничего не разстроивало. Еще ни разу она не обижалась; если на нее не обращали вниманія, то она умѣла такъ держать себя, какъ будто вовсе того не замѣчаетъ; если съ ней вступали въ разговоръ, она вела его пріятно, даже остро; она постоянно трудилась, старалась для другихъ, а о себѣ не говорила вовсе.

Каждое утро, лѣтомъ и зимою, она ходила въ церковь и

всегда была одѣта, готова, хоть къ отъѣзду. Дома она знала все, гдѣ что̀ лежитъ, на дорогѣ не дѣлала никакихъ хлопотъ. Она постоянно что-нибудь вязала или вышивала, и скоро, въ районѣ часа ходьбы, не осталось ни одной церкви, гдѣ бы не было какой-нибудь ея работы, для алтаря или для ризницы.

Она прекрасно говорила на всѣхъ главныхъ языкахъ европейскаго континента, но увѣряла, что все еще не можетъ совладать съ нѣмецкимъ. Зонненкампъ, однако, былъ убѣжденъ, что она отлично понимала и по-нѣмецки, а только притворялась, будто не понимаетъ, съ цѣлью легко понятною.

Относительно Роланда, она держала себя холодно; она обращалась съ нимъ, какъ съ сыномъ хозяина, но не шла далѣе; даже отказалась исполнить желаніе Зонненкампа, чтобы давать мальчику уроки изъ иностранныхъ языковъ. Она не хотѣла выходить изъ роли, которая была ей назначена; она была воспитательницей Манны, а затѣмъ сдѣлалась компаньонкою Цереры; она была этимъ, не хотѣла быть ничѣмъ больше, и это-то давала ей прочное и почтенное положеніе.

Итакъ, чѣмъ дальше распространялся Зонненкампъ о воспитателѣ, котораго рекомендовалъ Пранкенъ, тѣмъ внимательнѣе слушала его госпожа Пэрини; при этомъ, она однакоже не произнесла ни слова, и только на вопросъ Зонненкампа, что̀ она подумала въ то время, когда въ первый разъ, въ Ниццѣ, представлялась ихъ семейству, — она сказала:

— Я была такъ счастлива, что меня представилъ мой почтенный опекунъ, соборный пріоръ.

Роландъ выказывалъ нетерпѣніе и давалъ г-жѣ Пэрини знаки, чтобы она шла съ нимъ. Но Зонненкампъ попросилъ ее остаться у жены, и желая выказать сыну участіе къ его удовольствію, самъ пошелъ съ нимъ.

Собака подпускала къ дѣтенышамъ только Роланда; когда хотѣлъ подойти къ ней Зонненкампъ, то она заворчала и показала ему зубы. Онъ разсердился, но нечего было дѣлать, какъ пойти прочь.

Тогда Роландъ сбѣгалъ за своимъ лукомъ и сталъ стрѣлять во дворѣ по голубямъ и воробьямъ.

Вдругъ онъ остановился. Къ воротамъ подъѣхалъ всадникъ и ловко остановилъ своего коня.

ГЛАВА II.

ПОЙМАННАЯ СТРѢЛА.

— Стрѣляй, мой милый! не бойся, я поймаю стрѣлу, крикнулъ всадникъ съ лошади. Мальчикъ остановился, какъ бы пораженный чудомъ.

Эрихъ много слышалъ о красотѣ Роланда, но все-таки былъ удивленъ при видѣ этого прелестнаго мальчика.

Какъ лукъ былъ натянутъ въ его рукахъ, такъ самъ мальчикъ стоялъ въ напряженномъ чувствѣ боязни и волненія. Всадникъ любовался этой картинкой. Мальчикъ стоялъ съ непокрытою головой, и фуражка его была брошена на большую собаку, которая лежала у его ногъ и въ эту минуту повернула голову къ нему, точно спрашивая, не слѣдуетъ-ли вскочить и прогнать этого незнакомца.

— Ну, чтожъ? Понудительно сказалъ пріѣзжій, стоя у воротъ; спускай же стрѣлу! Трусишь, что-ли?

Стрѣла взвизгнула съ лука, пріѣзжій наклонился въ сторону и поймалъ ее на-лету вѣрнымъ махомъ.

— Ты или плохой стрѣлокъ, или нарочно промахнулся, сказалъ онъ.

Мальчикъ смотрѣлъ на него въ удивленіи, и неподвижно держалъ предъ собою лукъ. Пріѣзжій подъѣхалъ ближе и слѣзъ съ лошади. Тогда мальчикъ спросилъ его:

— Ты не богатырь-ли Зигфридъ?

— Что-о̀, возразилъ Эрихъ весело; такъ ты знаешь о немъ? Нѣтъ, братъ. Онъ подалъ Роланду руку и тотъ взялъ ее. — Богатырь Зигфридъ, продолжалъ онъ, не ходилъ въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ. Однако, помоги-ка мнѣ пристроить куда-нибудь лошадь.

— А лошадь эта похожа на верховую графа Вольфсгартена...

— Она и есть.

— Иванъ! крикнулъ мальчикъ, и на его зовъ появился конюхъ, который повелъ лошадь въ конюшню. Вслѣдъ за нею пошли Эрихъ съ Роландомъ. Скоро изъ ближняго сарайчика послышался имъ визгъ и что-то въ родѣ попытки лаять.

— У тебя тутъ гдѣ-то вблизи молодыя сен-бернардскія собаки, сказалъ Эрихъ.

— Да; а ты узналъ ихъ по визгу?

— Ну нѣтъ; по визжанью не узнаешь породы; я сейчасъ

видѣлъ здѣсь такую собаку; но по визгу я слышу, что онѣ еще слѣпы, и имъ должно быть менѣе двухъ сутокъ.

Мальчикъ посмотрѣлъ на Эриха, какъ будто бы тотъ былъ колдунъ; потомъ онъ отворилъ сарайчикъ и подозвалъ Эриха, но предупредилъ его не подходить слишкомъ близко, такъ какъ самка очень зла, и щенята теперь сосутъ ее.

Эрихъ все-таки подошелъ близко, и собака, посмотрѣвъ на него, не заворчала.

Мальчикъ опять удивился.

— Вотъ ты, вѣрно, можешь сказать мнѣ, отчего собаки родятся слѣпыми? спросилъ онъ.

Эрихъ улыбнулся. Охота задавать вопросы свидѣтельствуетъ о любознательности и понятливости ребенка; надо только чаще наводить его на такіе предметы, которые вызываютъ на вопросъ.

— Слѣпыми родятся, отвѣчалъ онъ, не однѣ собаки, а также кошки, орлы, коршуны. Можетъ быть у тѣхъ именно животныхъ, которымъ нужно особенно-проницательное зрѣніе, оно и развивается не вдругъ, такъ что про нихъ нельзя сказать, что они прямо родятся на свѣтъ. Да и человѣкъ, когда только-что родился, хоть и открываетъ глаза, но не видитъ.

На мальчика объясненіе незнакомца произвело сильное впечатлѣніе, тѣмъ сильнѣе, что незнакомецъ говорилъ какимъ-то особеннымъ, непосредственно захватывавшимъ вниманіе голосомъ.

Эрихъ и самъ находился уже нѣсколько дней въ состояніи напряженномъ, и теперь ему самому казалось, какъ будто онъ видитъ сонъ, именно одинъ изъ тѣхъ сновъ, въ которыхъ человѣкъ сознаетъ свое усыпленіе и говоритъ себѣ: это я во снѣ; надо проснуться! Все, что онъ видѣлъ, конечно, было дѣйствительность, однако ему казалось, будто онъ самъ, среди всего этого, только зритель. Онъ преодолѣлъ это чувство, такъ сказать отрезвился и спросилъ:

— Ты сынъ г. Зонненкампа, не правда-ли? Тебя зовутъ Роландъ?

— Роландъ-Франклинъ Зонненкампъ. А тебя?

— Эрихъ Дорнэ.

Мальчикъ задумался. Ему казалось, что имя это онъ уже слышалъ, и слышалъ недавно, но онъ не помнилъ хорошенько, какъ и когда.

— Вы капитанъ артиллеріи? спросилъ онъ, указывая на мундиръ Эриха.

— То-есть, я былъ. А ты знаешь мундиры?

— Да, знаю... а г. фонъ-Пранкенъ говоритъ мнѣ *вы*.

— Ну, а мы съ тобой, я думаю, ужъ будемъ на *ты*, какъ

начали, только и ты говори мнѣ также, сказалъ Эрихъ, и подалъ мальчику руку.

Рука эта была холодна; ясно было, что кровь прилила къ его сердцу. Онъ былъ удивленъ, покоренъ, независимо отъ своей воли.

— Если хочешь, началъ опять мальчикъ, я и тебѣ уступлю одну изъ моихъ собакъ. Двухъ я оставлю себѣ, одну буду выкармливать для сестры моей, Манны, четвертую дамъ барону Пранкену, а пятая, если хочешь, достанется тебѣ.

Эрихъ взглянулъ на мальчика съ удовольствіемъ. Эта охота дарить обнаружила хорошую натуру.

— Ты вѣрно помнишь обычай гомеровскаго времени давать всякому гостю почетный подарокъ на память? спросилъ онъ.

— Ничего я не знаю о Гомерѣ.

— Развѣ никто изъ учителей не говорилъ тебѣ о немъ?

— Они не только-что говорили, но еще ужасно хвалили его; только это — скучно.

Эрихъ перемѣнилъ разговоръ на прежнее, спрашивая:

— А кто тебѣ помогаетъ выкармливать собакъ?

— Есть ужъ такой мастеръ, егерь Клаусъ, который смотритъ за собаками; онъ будетъ доволенъ, когда я скажу ему, что ты по голосу щенковъ узналъ, сколько имъ дней.

Эрихъ на это кивнулъ. Ему казалось, что мальчика, который такъ сознательно усвоиваетъ себѣ новый фактъ, легко расположить къ пріобрѣтенію свѣдѣній, лишь бы только завладѣть его вниманіемъ.

Наконецъ, Эрихъ попросилъ мальчика, чтобы онъ велъ его къ отцу. Когда они выходили изъ конюшни, — одна пони, бѣлоснѣжной масти, наклонила голову и заржала.

— Это—мой Пукъ, сказалъ мальчикъ. Ясно, что онъ былъ въ восхищеніи отъ случая показывать незнакомому человѣку всѣ свои сокровища, какъ ребенокъ, который всегда приноситъ любимому «большому» свои игрушки, чтобы тотъ любовался ими. Эрихъ могъ только похвалить красивое животное, которое смотрѣло на него своими большими, добродушно-глуповатыми глазами.

Дорнэ взялъ мальчика за руку, и они пошли такъ черезъ большой садъ.

— А ты знаешь различать растенія? спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ не умѣю.

— Ну, и я тоже! воскликнулъ мальчикъ, точно радуясь, что и умный товарищъ его все-таки чего-нибудь не зналъ. Это общее незнаніе одного предмета какъ-будто сближало ихъ еще болѣе.

Когда они шли мимо одной гряды, на которой очищалась и подготовлялась земля для цвѣтовъ, — работавшій тутъ старичокъ, съ подслѣповатыми, но хитрыми глазами, снялъ шапку и поклонился.

— Не видалъ ли ты папеньки? спросилъ Роландъ.

— Онъ — вотъ тамъ, отвѣчалъ садовникъ, указывая въ ту сторону, гдѣ находились оранжереи.

Вотъ они и у длинныхъ оранжерей, сдѣланныхъ изъ матово-голубыхъ стеколъ. Въ открытую дверь былъ видѣнъ фонтанъ, бившій посреди бассейна, обложеннаго сѣрымъ мраморомъ и усѣяннаго камнями въ видѣ скалъ, обросшихъ водорослями. Деревья, зимовавшія въ оранжереѣ, стояли еще тутъ; спереди видны были нѣкоторыя захирѣвшія, заботливо обвязанныя по стволу и вѣтвямъ. Слышенъ былъ чей-то голосъ.

— Вонъ онъ тамъ, въ холодной оранжереѣ, сказалъ Роландъ.

Теперь Эрихъ попросилъ его, чтобы онъ шелъ назадъ, такъ какъ надо переговорить съ отцомъ его наединѣ. Мальчикъ стоялъ какъ вкопанный. Но тутъ Эрихъ велѣлъ ему идти, съ такимъ твердымъ выраженіемъ въ голосѣ, что Роландъ не зналъ, что̀ съ нимъ дѣлается. Когда Дорнэ пошелъ далѣе,—мальчикъ все еще стоялъ неподвижно; но скоро онъ повернулся, щелкнулъ пальцами и засвисталъ.

На минуту Эрихъ остановился, чтобы собраться съ мыслями, и протяжно дохнулъ. Что̀, если этотъ мальчикъ былъ ему родной? Если онъ встрѣтитъ тутъ пропавшаго дядю? Тихими, задумчивыми шагами направился онъ далѣе и вошелъ въ открытую дверь холодной оранжереи.

ГЛАВА III.

ПОДНЯТО ЗНАМЯ.

— Кто тамъ? Что̀ вамъ угодно? спросила какая-то фигура, поднимаясь съ гряды чернозема. Отъ шеи до ногъ она была облечена въ блузу изъ сѣрой парусины, нѣчто въ родѣ мѣшка, похожее на одежду арестантовъ или умалишенныхъ.

— Что̀ вамъ угодно? Кто вы? Къ кому вы? повторялъ вопрошающій.

— Мнѣ бы нужно господина Зонненкампа.

— А что̀ вамъ угодно отъ него?

— Хочу ему представиться.

— Ну, такъ это — я. А кто же вы?

— Мое имя Эрихъ Дорнэ. Господинъ фонъ-Пранкенъ былъ такъ обязателенъ, третьяго дня вамъ....

— А! Вотъ вы кто! произнесъ Зонненкампъ, переводя дыханіе съ нѣкоторымъ усиліемъ. Руки его дрожали, когда онъ растегивалъ свою блузу. Принужденно улыбаясь, онъ сказалъ:

— Вы застали меня врасплохъ, въ моей рабочей одеждѣ. Онъ сложилъ блузу сверткомъ и бросилъ ее отъ себя; потомъ спросилъ:

— Развѣ не было по близости никого изъ слугъ? А вы постоянно бываете въ мундирѣ?

Стало быть, мундиръ испугалъ его? мелькнуло въ умѣ Эриха, и вглядываясь въ этого человѣка, онъ убѣждался, что это не можетъ быть его дядя.

— Мнѣ очень жаль, что я вамъ такъ помѣшалъ, началъ Эрихъ; онъ сознавалъ, что первое впечатлѣніе было неудачно, и это было ему непріятно.

— Убѣдительно прошу извинить меня, продолжалъ онъ, запинаясь; графъ Вольфсгартенъ, у котораго я гостилъ и который вручилъ мнѣ письмо къ вамъ, говорилъ мнѣ....

— Письмо отъ графа Вольфсгартена? Очень пріятно. Милости просимъ, сказалъ Зонненкампъ, принимая письмо. Наша первая встрѣча сопровождалась нѣкоторымъ испугомъ, но между нами, мужчинами, это не подастъ повода къ предчувствіямъ — я хотѣлъ сказать предразсудку, неловкому чувству....

При этихъ словахъ Зонненкампъ совсѣмъ перемѣнилъ тонъ; онъ говорилъ вкрадчиво, любезно, нѣжнымъ, даже какъ-будто умоляющимъ голосомъ.

Быстро пробѣгая строки Клодвига, онъ бормоталъ вполголоса: «очень радъ, очень пріятно»! Потомъ онъ поднялъ глаза съ письма на Эриха, и сдѣлавъ нѣчто въ родѣ поклона, сказалъ ему тономъ увѣренности, что мнѣнія ихъ будутъ согласны:

— Вотъ дворянинъ, — да; графъ Вольфсгартенъ именно таковъ, каковъ долженъ бы быть дворянинъ. Графиня Белла также, какъ и онъ, благоволитъ къ вамъ?

Въ послѣднихъ словахъ уже былъ оттѣнокъ ироніи.

Эрихъ отвѣчалъ ему съ нѣкоторою строгостью въ тонѣ и во взглядѣ:

— Оба супруга почтили меня любезнымъ вниманіемъ въ равной степени.

— Прекрасно, очень хорошо, заговорилъ снова Зонненкампъ. Однако выйдемте на воздухъ. Вы не знатокъ ли въ растеніяхъ?

Эрихъ выразилъ сожалѣніе, что пропустилъ время сколько-нибудь ближе ознакомиться съ ботаникою.

Когда они вышли изъ оранжереи, Зонненкампъ еще разъ осмотрѣлъ посѣтителя съ головы до ногъ. Тутъ только Эрихъ замѣтилъ, что, забывъ о своемъ мундирѣ, онъ снялъ фуражку. Осмотръ, которому его подвергалъ Зонненкампъ, заставилъ его почувствовать, что̀ значитъ, однако, частная служба, предоставленіе всей своей личности въ подчиненность одному человѣку.

Во взглядѣ Зонненкампа было нѣчто такое, что Эриху показалось, будто онъ стоитъ на невольничьемъ рынкѣ. Сознаніе это проявилось въ немъ еще опредѣленнѣе, когда Зонненкампъ вытянулъ руку и вдругъ какъ-то особенно сжалъ ее; Эриху подумалось, что этотъ человѣкъ вдругъ возьметъ его за подбородокъ, раздвинетъ губы, да и удостовѣрится, всѣ ли зубы цѣлы.

Но вскорѣ Эрихъ покачалъ головой, подумавъ, откуда это взялись такія странныя фантазіи, и съ гордостью выпрямилъ станъ; онъ видѣлъ, что передъ этимъ человѣкомъ нужно поддержать себя.

Зонненкампъ тотчасъ кликнулъ лакея и приказалъ приготовить завтракъ у фонтана.

— Вы пріѣхали верхомъ? спросилъ онъ.

— Да. Графъ Вольфсгартенъ любезно одолжилъ мнѣ лошадь.

— Съ сыномъ моимъ вы уже говорили?

— Да.

— Я радъ, что вы пріѣхали въ мундирѣ, замѣтилъ Зонненкампъ, и не счелъ нужнымъ спрашивать, каковъ Эриху показался мальчикъ.

Затѣмъ, Зонненкампъ, относясь къ Эриху, какъ-будто бы тотъ былъ не кто иной, какъ почетный, хорошо рекомендованный гость, сталъ показывать ему важнѣйшее свое сокровище, именно, рѣдкую по полнотѣ коллекцію induced вересковъ. Онъ толковалъ Эриху о разновидностяхъ, и въ концѣ прибавилъ:

— Я былъ тамъ, откуда происходитъ большая часть этихъ вересковъ; именно на Столовой-горѣ, на мысѣ Доброй-Надежды.

— Жалѣю, сказалъ Эрихъ, что вмѣсто меня здѣсь не стоитъ моя матушка; она бы полюбовалась на это великолѣпіе.

— А матушка ваша интересуется растеніями?

— Нашъ профессоръ ботаники хвалилъ ея познанія, но сама она всячески старается отклонить отъ себя и тѣнь ученой женщины. А вѣдь должно быть трудно содержать вмѣстѣ эти произведенія разныхъ климатовъ.

— Да, тѣмъ болѣе, что вereски требуютъ умѣренной темпе-

ратуры и вмѣстѣ ровной степени влажности. Вамъ, вѣроятно, случалось замѣчать, что это растеніе, съ его нѣжными цвѣтами, засыхаетъ чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ его пересадятъ въ горшокъ, для подарка дамѣ. Растеніе это не сноситъ сухого комнатнаго воздуха.

Однако Зонненкампъ вдругъ остановился и улыбнулся про себя. Гость, повидимому, прибѣгалъ къ обыкновенному пріему, чтобы понравиться: онъ предоставлялъ богачу говорить о любимомъ предметѣ и выказывать познанія. «На такую грубую приманку меня не поймаешь», подумалъ Зонненкампъ.

— Сдѣлайте милость, снимите этотъ горшокъ съ подставки на землю, сказалъ онъ, указывая на верескъ, имѣвшій видъ деревца.

Быстрый взглядъ Эриха упалъ на него, взглядъ, который показалъ Зонненкампу, что Эрихъ проникъ его мысль — испытать, умѣетъ ли Эрихъ служить, готовъ ли онъ покоряться.

Эрихъ исполнилъ просьбу съ большой готовностью, но Зонненкампъ уже рѣшилъ въ умѣ не принимать его къ себѣ въ домъ, несмотря на горячую рекомендацію Вольфсгартена. На это были двѣ причины. Незнакомецъ видѣлъ его въ чрезвычайномъ испугѣ, чѣмъ едва ли могъ похвалиться кто-нибудь другой; уже поэтому надо было сбыть его; но сверхъ того, оказывалось еще, что онъ претендовалъ на такое уваженіе, которое было бы стѣснительно.

Но во вниманіе къ отличной рекомендаціи, онъ хотѣлъ оказать Эриху у себя самый почетный пріемъ, какъ гостю. Онъ уже впередъ радовался при мысли, что подвергнетъ Эриха всестороннему испытанію, дастъ ему надуться сознаніемъ вѣрнаго успѣха и потомъ безъ всякаго объясненія отпуститъ его.

Вотъ что̀ происходило въ умѣ Зонненкампа, въ то время, какъ онъ пошелъ назадъ и сталъ вставлять въ замо̀къ затворку двери отъ оранжереи. Рѣшеніе это было также крѣпко въ умѣ Зонненкампа, какъ ручка двери въ замкѣ.

— Вы, конечно, говорите по-англійски? спросилъ Зонненкампъ Эриха, когда увидѣлъ свою жену, сидѣвшую въ качельномъ креслѣ. Красной шали на ней уже не было; она была въ одномъ платьѣ, изъ блестящаго, золотистаго атласа.

— Капитанъ, докторъ... Виноватъ, какъ же ваше имя? спросилъ Зонненкампъ, представляя Эриха.

— Дорнэ.

Церера поклонилась едва замѣтно и, какъ будто бы Эриха тутъ и не было, замѣтила мужу досаднымъ тономъ, что онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія, не сказалъ ни слова о ея новомъ платьѣ. Въ безпомощномъ недоумѣніи стоялъ Зоннен-

кампъ; онъ не могъ понять, что̀ бы значило это внезапное обращеніе жены. Считала ли она хорошимъ тономъ выказать такимъ образомъ свое пренебреженіе къ незнакомцу? Но такой искусной манерницей она не была. Какъ бы желая извинить эту выходку, Зонненкампъ обратился къ Эриху съ сообщеніемъ, что жена его любитъ яркіе цвѣта.

Эрихъ отвѣчалъ, въ тонѣ строгой правдивости, что̀ онъ въ этомъ отношеніи согласенъ съ г-жею Зонненкампъ; что и среди природы умѣстны яркіе цвѣта, что человѣкъ долженъ одѣваться яркими лучами, какъ цвѣты.

Церера улыбнулась на эту любезность, и Эрихъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, что однимъ изъ печальныхъ послѣдствій свѣтской манеры выражаться, онъ считаетъ склонность людей видѣть одну вѣжливость и лесть, въ выраженіяхъ правдивыхъ, когда они сколько нибудь пріятны. Онъ замѣтилъ, что такимъ образомъ слова лишались своей полной цѣны. Языкъ свѣта онъ сравнилъ съ запиской, приглашающей на вечеръ, въ которой зовутъ къ восьми часамъ, разумѣя въ половинѣ десятаго, такъ что тотъ, кто въ самомъ дѣлѣ явился бы въ восемь, только привелъ бы хозяевъ въ замѣшательство.

Взглядъ Цереры переходилъ съ мужа на Эриха и опять на мужа, и такъ какъ никто не говорилъ ничего, то Эрихъ продолжалъ въ краткихъ, но характеристичныхъ словахъ излагать свое мнѣніе о естественности гармоніи между цвѣтами одежды человѣка и окружающей его природы. Однакоже вскорѣ онъ замѣтилъ, что въ изложеніи своемъ зашолъ слишкомъ далеко, особенно, когда у него вырвалось сравненіе между легкими, облачными тканями, въ которыя одѣваются женщины, и одеждою птицъ.

Вдали показался Роландъ, и мать зна̀комъ подозвала его къ себѣ. Приближаясь, мальчикъ показалъ на башню. Мать посмотрѣла вверхъ и улыбнулась; отецъ тоже посмотрѣлъ туда и увидѣлъ, что на башнѣ развѣвалось знамя Сѣвероамериканскихъ Штатовъ.

— Кто это сдѣлалъ? — спросилъ Зонненкампъ.

— Я, — отвѣчалъ Роландъ, улыбаясь съ выраженіемъ полнаго самодовольства.

— А когда?

Тутъ физіономія мальчика быстро измѣнилась, и онъ указалъ, мигая глазами, украдкою, на Эриха. Зонненкампъ сжалъ свою нижнюю губу между большимъ и указательнымъ пальцами руки, вытянулъ ее въ полукругъ, и кивнулъ самъ себѣ.

Взглядъ Роланда былъ замѣченъ Эрихомъ и сердце его радостно шевельнулось. Онъ спросилъ мальчика:

— Ты вѣрно гордишься тѣмъ, что ты — американецъ?

— Да.

Въ эту минуту явилась дѣвица Пэрини; когда ей представили Эриха, она взяла въ лѣвую руку свой перламутровый крестъ и сжала его, сама между тѣмъ очень церемонно кланяясь. По приглашенію Цереры, обѣ онѣ пошли въ домъ, а Зонненкампъ, Эрихъ и Роландъ остались одни.

ГЛАВА IV.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ И СПРОСЪ.

— Дай мнѣ руку, Роландъ, — сказалъ Эрихъ. Мальчикъ протянулъ руку, обращая на Эриха довѣрчивый и веселый взглядъ.

— Мой юный другъ, продолжалъ Эрихъ, — благодарю тебя за то, что ты былъ такъ милъ; но теперь оставь насъ вдвоемъ; твоему отцу нужно переговорить со мною.

Отецъ и сынъ съ удивленіемъ посмотрѣли на этого человѣка, который распоряжался такъ свободно и незастѣнчиво. Мальчикъ пошолъ, еще разъ кивнувъ Эриху на прощанье.

Зонненкампъ и Эрихъ, оставшись одни, довольно долго молчали. Хозяинъ предложилъ гостю большую, темную, кривую сигару; сигары у него всегда лежали непосредственно въ карманѣ. Эрихъ взялъ сигару, и когда Зонненкампъ предложилъ ему огня, — онъ не взялъ спички у него изъ руки, а прямо поспѣшилъ закурить. Едва потянувъ дымъ, онъ сказалъ:

— Вы вѣрно согласитесь, что вѣжливость, побуждающая человѣка просить передать ему зажженную спичку, неумѣстна; изъ-за нея обыкновенно обжигаютъ себѣ пальцы.

Какъ ни незначительно само по себѣ было это замѣчаніе, оно, повидимому, должно было вести къ дальнѣйшему объясненію, а потому Зонненкампъ развалился въ креслѣ, подержалъ дымъ долго во рту, потомъ сложилъ губы въ кругъ и сталъ пускать дымъ на воздухъ правильными кольцами, которые, постепенно расширяясь, наконецъ исчезали.

— Вы уже теперь имѣете немалое вліяніе на мальчика, — сказалъ онъ наконецъ.

— Мнѣ кажется, что мы нравимся другъ другу, а это подаетъ мнѣ надежду, что я здѣсь могъ бы быть воспитателемъ. Только любовь можетъ воспитывать, какъ одна любовь создаетъ и образуетъ. Если художникъ не любитъ свое искусство, то онъ не создастъ ничего живого. Можетъ быть, иной способенъ полю-

бить всякаго ребенка потому именно, что его учитъ, но я могъ бы учить только того, кого полюбилъ.

— Прекрасно, превосходно, благородно. Но съ Роландомъ нужна строгость.

— Любовь строгости не исключаетъ, а напротивъ, включаетъ ее въ себя; кто любитъ, тотъ требуетъ совершенства и отъ себя, и отъ того, кого любитъ, стало-быть бываетъ очень требователенъ.

Зонненкампъ очень любезно кивнулъ на это, но въ выраженіи его лица проглядывало нѣчто саркастическое. Онъ положилъ руки на колѣни и, устремивъ глаза въ землю, сказалъ:

— О подобныхъ вещахъ найдемъ время поговорить и послѣ; теперь коснемся ближе личнаго вопроса. Итакъ, вы?..

— По спеціальности, я — филологъ, но посвятилъ себя преимущественно педагогикѣ.

— Знаю, знаю, — сказалъ Зонненкампъ, продолжая говорить какъ бы въ землю; но я просилъ бы коснуться именно личнаго вопроса.

Онъ не подымалъ глазъ и Эриху было крайне тяжело возвращаться къ описыванію самого себя. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ чувствуетъ себя человѣкъ, который съ бесѣды съ близкими товарищами, разгоряченный виномъ, приходитъ къ другому, совсѣмъ трезвому, да еще пытливому. Вчера онъ изложилъ свое положеніе Вольфсгартену свободно и отъ всей души, сегодня же ему приходилось дѣлать тоже самое для того, чтобы найти покупщика на рынкѣ. И оно такъ и есть! Продавцу всегда приходится болѣе заявлять и выставлять себя, чѣмъ покупщику. Сила богатства представлялась тутъ совсѣмъ въ новомъ видѣ, какъ тиранническая власть.

Эрихъ взглянулъ на широкій затылокъ и шею этого человѣка, который даже не удостоивалъ его взгляда, но скоро успѣлъ одолѣть почти обидное сознаніе, что долженъ просить работы. Вѣдь въ дѣйствительности не онъ искалъ, а онъ могъ дать. Гордость, самосознаніе выразились въ его тонѣ, когда онъ сказалъ коротко:

— Я предлагаю вамъ мой свободный трудъ.

При этихъ словахъ, Зонненкампъ, не перемѣняя своего положенія, быстро поднялъ голову и устремилъ на собесѣдника взглядъ, впрочемъ только на одно мгновеніе; потомъ онъ опять наклонилъ голову.

— Я хочу сказать, — продолжалъ Эрихъ, — что предлагаю вамъ и вашему сыну силу всего того, что̀ во мнѣ есть, что̀ я до сихъ поръ старался усвоить себѣ изученіемъ и опытомъ. При

этомъ, я думаю прежде всего только о томъ вознагражденіи, которое найду въ удовлетвореніи моей потребности дѣйствовать, и сознаю себя свободнымъ, такъ какъ то, что̀ я могу здѣсь сдѣлать, я дѣлаю и для себя, стараясь осуществить все, къ чему я стремился, и на что̀ признаю себя способнымъ.

— Мнѣ извѣстно, что̀ такое свободный трудъ, — проговорилъ Зонненкампъ, смотря опять въ землю. Потомъ онъ выпрямился и сказалъ, съ улыбающимся лицомъ:

— Передъ вами — человѣкъ неученый. Полагаю, что мы скорѣе придемъ къ цѣли, если вы обратитесь ко мнѣ, какъ къ человѣку простому, которому прежде всего желательно знать сторону фактическую.

— Я надѣялся, — прервалъ его Эрихъ, — что рекомендація графа Вольфсгартена...

— Графа Вольфсгартена я цѣню высоко, болѣе чѣмъ кого-либо, — возразилъ Зонненкампъ, — однако...

— Вы правы, — согласился Эрихъ, — я разскажу вамъ все.

Была ли тому причиною сигара или непріятное положеніе, въ какомъ онъ находился, но Эрихъ почувствовалъ, что на лбу у него выступилъ потъ томленія. На всякій случай, онъ отложилъ сигару и теперь опять какъ будто съ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ въ мундирѣ. Итакъ, онъ снова началъ разсказывать, что мундиръ онъ надѣлъ сегодня только потому, что такъ посовѣтовалъ графъ.

Тутъ Зонненкампъ опять совсѣмъ выпрямился; онъ чувствовалъ, что приготовился дать отпоръ этому человѣку, который, явившись незнакомымъ, попытался подчинить себѣ и жену его, и сына и даже его самого, такъ что самъ онъ, Зонненкампъ, казалось, былъ чужой въ своемъ домѣ. Но ему хотѣлось, чтобы проситель наговорился вдоволь, до утомленія.

— Продолжайте, г. капитанъ, — сказалъ онъ, кладя на столъ руку съ полусогнутыми пальцами и тотчасъ отнимая ее назадъ, какъ будто положилъ ставку въ игрѣ.

Эриху въ это время уже удалось призвать къ себѣ всю свою энергію и продолженіе его рѣчи было оттѣнено бойкимъ юморомъ, запечатлѣно совсѣмъ другимъ тономъ.

— Извините во мнѣ — началъ онъ — трудность для ученаго выйти изъ его привычныхъ пріемовъ. Въ литературныхъ произведеніяхъ развитію характера самого героя всегда предшествуетъ описаніе положенія его родителей; хоть я не герой, и дѣло мнѣ предстоящее не требуетъ особенной доблести, но, съ вашего позволенія, я все-таки предложу вамъ свѣдѣніе о моемъ отцѣ и матери.

Затѣмъ Эрихъ коротко и ясно изложилъ еще разъ свою біографію. Помня совѣтъ Вольфсгартена, онъ не коснулся своего влеченія къ воспитанію арестантовъ, но за то ему припомнился теперь случай изъ жизни, про который онъ, непонятно почему, совсѣмъ было забылъ. Онъ разсказалъ, что однажды ему случилось испросить себѣ назначеніе состоять при приготовленіи пороха на заводѣ...

— И я ушелъ оттуда, потому что былъ возмущенъ слѣдующею выходкою моего начальника: когда вслѣдствіе какой-то, и до сихъ поръ неизслѣдованной причины, взорвало мельницу и при этомъ погибло четыре человѣка, то какъ вы думаете, что̀ сказалъ мой начальникъ? Онъ ни словомъ не выразилъ сожалѣнія объ участи погибшихъ, а сказалъ только: какъ жаль, порохъ былъ отличный!

— А какъ зовутъ его? спросилъ Зонненкампъ. Эрихъ назвалъ фамилію одного изъ знатнѣйшихъ людей въ княжествѣ. Къ немалому его удивленію Зонненкампъ произнесъ:

— Чудный человѣкъ; замѣчательная и сильная личность! Послѣ этого перерыва, Эрихъ съ трудомъ могъ спокойно продолжать свой разсказъ. Кончивъ его, онъ прибавилъ:

— Прошу только не счесть меня за человѣка вѣчно-колеблющагося, нигдѣ не находящаго спокойствія, на томъ основаніи, что я такъ часто мѣнялъ свое призваніе.

— Наоборотъ, замѣтилъ Зонненкампъ. Я довольно пожилъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, и могъ убѣдиться, что наиболѣе дѣльными людьми и бываютъ тѣ, которые сами создаютъ себѣ назначеніе. Кто мѣняетъ дѣятельность, тотъ побуждается или дѣйствительнымъ призваніемъ къ иному, или внѣшнею необходимостью... Позволите мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ: считаете-ли вы возможнымъ, чтобы человѣкъ, который въ сущности изъ нужды или скажемъ, пожалуй, изъ покорности къ судьбѣ, принимаетъ такое положеніе—мнѣ бы не хотѣлось сказать положеніе служащаго, скажу — зависимость... Я ужъ нѣсколько разучился по-нѣмецки... то есть подобное мѣсто, думаете-ли вы, чтобы такой человѣкъ былъ способенъ къ занятію его? Не будетъ-ли онъ всегда чувствовать себя слишкомъ связаннымъ, тяготиться службою, сознавать себя несчастнымъ?

— Ваше открытое возраженіе дѣлаетъ мнѣ честь, отвѣчалъ Эрихъ; мнѣ хорошо извѣстно, что роль воспитателя связана съ готовностью къ услугамъ, отъ пробужденія и до новаго сна. Мнѣ особенно пріятно, что вы смотрите на это дѣло такъ глубоко и серьёзно.

Опять что-то мелькнуло въ лицѣ Зонненкампа, но Эрихъ, по-

видимому, не замѣтилъ этого, такъ какъ продолжалъ говорить голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе:

— Меня побуждаетъ искать мѣста воспитателя въ вашемъ домѣ не покорность судьбѣ. Я согласенъ съ вами, что тотъ, кто принялъ бы такую должность изъ нужды, не могъ бы исполнять ее, хотя этимъ я все-таки не хочу безусловно отрицать, что изъ самой нужды можетъ возникнуть и искреннее влеченіе, или, какъ говорятъ, и нужда обращается въ добродѣтель. Мои познанія не велики, но я учился такъ, какъ слѣдуетъ учиться, а потому считаю себя способнымъ учить. Въ доброй волѣ я не уступлю никому, и насколько могу судить самъ о себѣ, полагаю, что будь я поставленъ и въ самыя лучшія обстоятельства, я все-таки избралъ бы съ радостью для свободнаго труда именно преподаваніе.

— Почтенныя чувства, очень почтенныя; продолжайте, вставилъ Зонненкампъ и почти испугалъ Эриха: ему еще какъ бы слышалось эхо его собственныхъ, глубоко - прочувствованныхъ словъ, которыя были неожиданно прерваны такимъ образомъ. Зонненкампъ прибавилъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго тріумфа:

— Трудъ по влеченію, трудъ любительскій — хорошая вещь, но я предпочитаю педагога по ремеслу.

— Я въ этомъ убѣжденъ, возразилъ Эрихъ, и только удивляюсь такой практической увѣренности, которую, конечно, можно пріобрѣсть только въ Новомъ Свѣтѣ.

Съ принужденною развязностью онъ началъ снова:

— Въ интересѣ дѣла, я хотѣлъ бы выразить только одно желаніе, одно требованіе.

— То есть?

Зонненкампъ опять положилъ руку на столъ, какъ будто предстояло пустить ставку.

— Я бы желалъ, чтобы вы согласились, если это вамъ не будетъ непріятно, видѣть во мнѣ сперва, на нѣсколько дней, только гостя въ вашемъ домѣ.

Эрихъ замолчалъ. Онъ надѣялся, что Зонненкампъ тотчасъ отвѣтитъ утвердительно, но тотъ вынулъ изъ кармана новую сигару, и такъ какъ она трудно закуривалась, съ сердцемъ сломалъ ее и бросилъ въ кусты. На лицѣ его снова выступила краска и на губахъ его прошла ѣдкая усмѣшка. Онъ думалъ: какая самоувѣренность! этотъ молодой человѣкъ думаетъ, что если ему только удастся пріютиться въ гнѣздѣ на нѣсколько дней, то онъ обворожитъ всѣхъ, такъ что ужъ невозможно будетъ его и уволить. Посмотримъ.

Такъ какъ онъ упорно молчалъ, то Эрихъ прибавилъ:

— И для васъ, и для меня было бы всего удобнѣе до положительнаго соглашенія ближе познакомиться другъ съ другомъ; въ особенности же я желалъ бы этого по отношенію къ Роланду.

Зонненкампъ улыбнулся и сталъ слѣдить за двумя бабочками, которыя гонялись другъ за другомъ съ одного цвѣтка на другой; онъ едва слушалъ то, что Эрихъ говорилъ далѣе; а тотъ объяснялъ, что, какъ ему кажется, мальчикъ въ нѣкоторомъ смыслѣ не по лѣтамъ зрѣлъ, а въ другихъ отношеніяхъ еще слишкомъ не зрѣлъ, чтобы можно было допустить какое-либо его участіе, въ особенности же его голосъ въ выборѣ воспитателя. Поэтому, какъ доказывалъ Эрихъ, надо было, чтобы мальчикъ видѣлъ въ немъ сперва только гостя, а потомъ уже узналъ учителя; сверхъ того, Эрихъ выразилъ желаніе, чтобы для Роланда оставалось всегда тайною денежное вознагражденіе учителя, или, по меньшей мѣрѣ—самая цифра этого вознагражденія.

Какъ только упомянуто было о деньгахъ, Зонненкампъ, повидимому, тотчасъ пробудился отъ своего наблюденія за бабочками.

— А какую сумму вы бы потребовали? спросилъ онъ, и зажегъ новую сигару, которая уже давно была у него въ рукѣ.

Эрихъ отвѣчалъ, что опредѣлить цифру дѣло не его, а отца ученика. Зонненкампъ сталъ быстро раскуривать сигару, такъ что на концѣ ея вспыхнулъ даже огонекъ, и тутъ же объявилъ въ тонѣ умиленія, что, по его убѣжденію, въ сущности никакая сумма не можетъ быть признана достаточною платою за трудную должность воспитанія и ученія. Потомъ, углубившись въ кресло, онъ лѣвою рукою приподнялъ лѣвую ногу, переложилъ ее черезъ правую, и продолжалъ поддерживать ее, повидимому наслаждаясь самъ проявленіемъ своего великодушія.

— Не можете-ли вы объяснить мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ, какого принципа и какой методы вы намѣрены держаться при воспитаніи моего сына?

— Какой методы буду держаться, этого я пока и самъ не знаю.

— Какъ? Вы еще сами не знаете?

— Методу укажетъ мнѣ самъ Роландъ, такъ какъ метода опредѣляется свойствами воспитанника. Позвольте мнѣ объяснить сравненіемъ, которое я заимствую изъ окружающей насъ обстановки: видите рѣку—чтобы управлять на ней судномъ, лоцманъ долженъ знать свойства ея дна и всѣ въ ней мели, тогда онъ можетъ избѣгать ихъ. Такъ и мнѣ предстоитъ прежде всего изслѣдовать буквально, каково у Роланда нравственное русло.

Эрихъ осмотрѣлся кругомъ, и продолжалъ:

— Или возьмемъ примѣръ еще больше близкій. Если вы замѣтите, что ваши слуги, ходя между вашимъ домомъ и службами, охотнѣе направляются прямо по двору черезъ лужайку, выложенную дерномъ, то вѣроятно вы — если только есть возможность — уступите этому естественному пути, а не станете своевольно и упорно настаивать на охраненіи формы вашей лужайки, какъ бы она ни соотвѣтствовала правиламъ садоустройства. По всей вѣроятности, вы воспользуетесь этою природною тропинкою и обратите ее въ правильную. Такова именно та метода, которую внушаютъ сами факты. А въ человѣкѣ есть тоже такіе пути.

Зонненкампъ усмѣхнулся; ему самому стоило сперва не мало труда и строгихъ подтвержденій охранять клумбу, усаженную кустарниками, посреди перваго двора, пока онъ, наконецъ, дѣйствительно, не провелъ тамъ дорожку.

— Согласенъ съ методою, отвѣчалъ онъ; — но принципъ?

При этомъ онъ самодовольно улыбнулся, сознавая всю проницательность своего анализа; противникъ далъ ему весьма удобный случай показать, что и самъ онъ довольно силенъ для умственной борьбы.

— Тутъ мнѣ придется начать нѣсколько издалека, отвѣчалъ Эрихъ. Та великая борьба, которая тянется чрезъ всю исторію человѣчества и чрезъ всю жизнь человѣка, нигдѣ не проявляется такъ рѣзко, какъ именно въ воспитываніи одного человѣка другимъ. Элементарныя силы, между которыми идетъ эта борьба, здѣсь являются одна передъ другой въ живыхъ лицахъ. Назовемъ это мы правомъ индивидуальности и авторитетомъ, или природою и исторіею...

— Я понимаю, понимаю, проговорилъ Зонненкампъ, когда Эрихъ немного остановился, боясь, не слишкомъ ли далеко зашелъ онъ въ общіе взгляды. Продолжайте, ободрилъ его Зонненкампъ. Эрихъ продолжалъ:

— Воспитатель долженъ представлять собою авторитетъ, воспитанникъ является тутъ какъ личность, одаренная отъ природы. Итакъ, задача въ томъ, чтобы постоянно установлять соглашенія, перемирія между обѣими борющимися силами, съ тѣмъ, чтобы изъ соглашеній этихъ возникла гармонія. Воспитывать ребенка совершенно индивидуально, значило бы ставить его внѣ условій общественной жизни и, ради свободы, лишать его солидарности въ жизни съ обществомъ или затруднять ему доступъ къ такой солидарности; поставить его безусловно подъ вліяніе дѣйствующихъ законовъ общества — значило бы лишить его прирожденныхъ ему правъ. Каждый человѣкъ, когда родится,

приноситъ съ собою свой законъ, но сверхъ того самъ поступаетъ подъ прежніе законы. Жанъ-Жакъ Руссо̀ и французская революція сдѣлали именно ту большую ошибку, что, изъ отвращенія къ противо-разумнымъ преданіямъ, сочли возможнымъ, чтобы отдѣльный человѣкъ и отдѣльный періодъ могли все создать себѣ сами изъ себя. Человѣкъ-ребенокъ не вмѣщаетъ въ себѣ всего, что̀ ему нужно, но и не можетъ все заимствовать извнѣ. Вотъ почему я полагаю необходимымъ, чтобы постоянно, ежечасно, дѣйствовала смѣсь обоихъ элементовъ, именно природнаго и историческаго, и дѣйствовала незамѣтно. Дѣло въ томъ, что человѣкъ есть продуктъ природы и исторіи вмѣстѣ. Только послѣднимъ онъ и отличается отъ животныхъ и назначается наслѣдникомъ всей силы, выработанной и собранной до него.

Зонненкампъ наклоненіемъ головы выразилъ удовольствіе. Этотъ человѣкъ уже очень свободно пересаживаетъ сегодня ту мудрость, которой вчера наслушался съ каѳедры,—подумалъ онъ въ то время, какъ Эрихъ говорилъ далѣе:

— Только человѣкъ въ природѣ — наслѣдникъ; а наслѣдовать съ пользою — это самое трудное для человѣка искусство.

— Это мнѣ ново, позвольте попросить объясненія.

— Позвольте мнѣ изложить эту мысль подробнѣе: животное не получаетъ отъ природы и отъ произведшихъ его на свѣтъ ничего кромѣ личной силы и вѣчно-одинаковой степени способностей. Человѣкъ же получаетъ, кромѣ того, отъ родителей и человѣчества, силу, выработанную для него прежде его появленія на свѣтъ, силу, которая не тождественна съ его личностью, но которую онъ усвоиваетъ, въ которую онъ вступаетъ. Итакъ, одинъ человѣкъ наслѣдуетъ. И здѣсь, позвольте мнѣ сказать вамъ прямо, что я не знаю, чѣмъ — напримѣръ, вашему сыну — труднѣе распорядиться разумно: тѣмъ ли, что принадлежитъ ему какъ человѣку, или тѣмъ, что переходитъ къ нему наслѣдственно, какъ къ вашему сыну. А вѣдь значеніе большинства людей опредѣляется именно только тѣмъ, чѣмъ они обладаютъ. Какъ вы видите, я не мало цѣню и послѣднее, но...

— Богатство не преступленіе и бѣдность — не добродѣтель, прервалъ Зонненкампъ. Я хорошо понимаю, какъ глубоко и прекрасно вы разбираете все это. Признаюсь, мнѣ это воззрѣніе ново, и я полагаю, что вы рѣшаете вопросъ вѣрно, но спрашивается, можете ли вы, съ этими убѣжденіями, примѣниться къ воспитанію даннаго мальчика...

— Разумѣется, успокоилъ его Эрихъ, при воспитаніи я не стану безусловно замыкаться въ общіе принципы; тутъ все должно прійти само собою. Въ то время, когда заряжаешь ружье,

прицѣливаешься и стрѣляешь, конечно, не толкуешь себѣ теоретическихъ законовъ, которые обусловливаютъ все это, но надо быть знакомымъ съ ними, чтобъ операція была вѣрна.

Это изъясненіе утомило Зонненкампа, которому подобныя вещи были непривычны, и который, сверхъ того, находился подъ непріятнымъ сознаніемъ, что ему не только не удалось заявить себя съ особеннымъ достоинствомъ передъ гостемъ, но что тотъ даже порядочно умалилъ его.

— Извините, прервалъ тутъ конюхъ, появившись какъ разъ въ минуту, когда Эрихъ снова хотѣлъ подняться высоко. Зонненкампъ быстро всталъ, сказавъ, что это — часъ его прогулки верхомъ, и съ барской важностью простившись съ Эрихомъ, сдѣлалъ знакъ рукою, означавшій, что дальнѣйшее онъ откладываетъ до другого времени.

Затѣмъ онъ поспѣшно ушелъ. Въ эту минуту показался Роландъ и крикнулъ:

— Папаша, вѣдь мнѣ можно поѣздить верхомъ съ г. Дорнэ?

Зонненкампъ махнулъ утвердительно головою, и вскорѣ было видно, какъ онъ на бодрой лошади поѣхалъ по бѣлой дорогѣ вдоль берега. На конѣ онъ казался въ полной силѣ лѣтъ. Слѣдомъ за нимъ ѣхалъ конюхъ.

ГЛАВА V.

НОВЫЙ БАЛОВНИКЪ И НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ.

По распоряженію Роланда, для него и Эриха были осѣдланы пони и другая верховая лошадь. Они тотчасъ сѣли и поѣхали сперва шагомъ мимо деревни, которая начиналась тутъ же. На самомъ краю ея стоялъ домикъ съ закрытыми ставнями. Эрихъ спросилъ, чей это домъ и почему онъ запертъ. Роландъ разсказалъ, что домъ этотъ принадлежитъ его отцу; здѣсь жилъ архитекторъ, который строилъ виллу, а порою и самъ Зонненкампъ, когда пріѣзжалъ изъ Швейцаріи или Италіи во время постройки виллы и устройства парка.

— Ну, теперь скорою рысью! сказалъ Эрихъ; бери поводья лучше въ лѣвую руку. Вотъ такъ.

Весело неслись они рядомъ другъ съ другомъ. Вдругъ, лошадь Эриха испугалась и поднялась на дыбы, Роландъ вскрикнулъ, но Эрихъ его успокоилъ, и прибавивъ: «я съ нею слажу!» выпустилъ стремена и задалъ лошади такую работу, что отъ нея

повалилъ паръ; лошадь смирилась. Тогда онъ опять подъѣхалъ къ Роланду, который со страхомъ ждалъ на дорогѣ.

— Зачѣмъ же ты опустилъ стремена? спросилъ онъ.

— Потому, что я не хотѣлъ повиснуть па нихъ, еслибы лошадь бросилась нà-земь.

Послѣ этого они опять спокойно поѣхали рядомъ. Эрихъ спросилъ:

— Какую поѣздку ты любишь больше: когда ѣдешь съ цѣлью, или когда просто скачешь, чтобы опять вернуться назадъ?

Роландъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Ты не понялъ моего вопроса?

— Понялъ.

— Ну, что-жъ ты думаешь?

— Я лучше люблю ѣздить куда-нибудь въ гости.

— Я такъ о тебѣ и думалъ.

— Представь себѣ, сказалъ Роландъ, мнѣ опять хотятѣ дать гувернера.

— Ага!

— Да мнѣ его не надо.

— А что-жъ тебѣ надо?

— Мнѣ хочется вонъ изъ дому, вонъ отсюда — въ кадетскій корпусъ. Отчего же Манну пустили въ монастырь? Они все толкуютъ, что маменька не станетъ ничего кушать, когда меня не будетъ; но вѣдь должна же она кушать и тогда, когда я буду офицеромъ.

— А ты хочешь быть офицеромъ?

— Да, а то чѣмъ же?

Эрихъ промолчалъ.

— А чтò, ты — дворянинъ? вдругъ спросилъ мальчикъ послѣ этой паузы.

— Нѣтъ.

— А тебѣ тоже хотѣлось бы сдѣлаться дворяниномъ?

— Сдѣлаться дворяниномъ нельзя.

Мальчикъ игралъ длинной гривою своей лошади; тутъ онъ оглянулся и увидѣлъ, что на башнѣ спускали флагъ. Онъ показалъ это Эриху и прибавилъ съ гордостью, что опять-таки подниметъ его. Тонкія, пластически-прекрасныя и безцвѣтныя, казавшіяся порою истомленными, черты мальчика оживились напряженіемъ и краскою. Лицо его приняло вызывающее выраженіе.

Не касаясь обнаруженной имъ склонности къ своеволію, Эрихъ похвалилъ, что Роландъ гордится своимъ званіемъ американца.

— Въ Германіи я отъ тебя перваго слышу, что я въ этомъ

правъ! воскликнулъ мальчикъ въ живѣйшей радости. Господинъ фонъ-Пранкенъ и госпожа Пэрини постоянно насмѣхаются надъ Америкою; только ты.... Но извини меня, вѣдь это въ самомъ дѣлѣ не годится, что говорю вамъ — ты.

— Ну, ничего, говори ужъ по-прежнему, будемъ друзьями.

Мальчикъ протянулъ ему руку, и Эрихъ пожалъ ее съ теплымъ участіемъ.

— Вотъ и наши лошади — тоже друзья между собою, продолжалъ Роландъ. А что̀, у тебя дома много лошадей?

— У меня нѣтъ ни одной; я бѣденъ.

— Тебѣ хотѣлось бы быть богатымъ?

— Конечно; въ богатствѣ большая сила.

Роландъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ. Этого не говорилъ мальчику ни одинъ изъ его воспитателей. Всѣ они или выставляли богатство ничтожною, даже какъ-будто предосудительною вещью, или выхваляли его съ подобострастіемъ.

Послѣ молчанія, которое продолжалось не мало,—ясно, что мальчикъ усиленно думалъ объ Эрихѣ. Онъ опять обратился къ нему съ вопросомъ:

— По имени, ты, должно быть, французъ?

— Нѣтъ, я нѣмецъ. Мои предки переселились изъ Франціи. А сколько тебѣ было лѣтъ, когда ты пріѣхалъ въ Европу?

— Четыре года.

— Ты помнишь что-нибудь объ Америкѣ?

— Нѣтъ, но Манна помнитъ много. Мнѣ только помнится, точно какое-то жужжанье, пѣсня одного негра; но вспомнить ее хорошенько я не могу, и никто здѣсь не можетъ пропѣть мнѣ ее.

Они поднимались по горной дорогѣ, и тутъ имъ встрѣтился тотъ человѣкъ, котораго Эрихъ замѣтилъ еще прежде, когда тотъ работалъ надъ садовою землею. Человѣкъ этотъ сошелъ съ дороги и поклонился очень почтительно.

Они пріостановились, и Роландъ спросилъ Николая — такъ звали садовника — зачѣмъ онъ такъ рано возвращается домой.

Садовникъ отвѣчалъ, что онъ идетъ теперь домой только къ обѣду и потомъ пойдетъ въ лѣсъ, чтобы принесть той новой земли, которую нашелъ г. Зонненкампъ. Онъ разсказалъ далѣе, что тамъ, наверху, въ лѣсу, есть желѣзистый ключъ, у котораго г. Зонненкампъ велѣлъ раскопать почву и нашелъ желѣзистую землю. Въ эту-то землю онъ садитъ теперь гортензіи, и цвѣты ея перемѣняютъ свою тѣлесную краску на небесно-лазоревую. Садовникъ не могъ нахвалиться, что̀ за необыкновенный человѣкъ г. Зонненкампъ: все-то онъ знаетъ и изъ всего умѣетъ

извлечь пользу; вотъ такъ-то немудрено сдѣлаться богатымъ, разсуждалъ садовникъ, потому что остальные, глупые люди ходятъ-себѣ по-бѣлу свѣту, въ которомъ разбросаны милліоны, да не знаютъ, гдѣ они лежатъ.

Когда они поѣхали дальше, и Эрихъ сталъ выражать свое удивленіе къ человѣку, который въ этомъ, какъ кажется, уже исчерпанномъ свѣтѣ, все еще дѣлаетъ открытія, точно Колумбъ. Узнавая такимъ образомъ изъ одного примѣра значеніе своего отца въ этомъ смыслѣ, Роландъ даже приподнялся въ стременахъ отъ удивленія; никогда еще ему не случалось слышать, чтобы кто-нибудь именно такъ хвалилъ его отца.

— Можетъ быть, ты хотѣлъ бы заѣхать къ кому-нибудь по близости? спросилъ Эрихъ.

— Нѣтъ, то-есть — да, я бы хотѣлъ повидать майора, но онъ теперь въ зàмкѣ. Смотри — вонъ, тамъ, наверху, въ деревнѣ, живетъ егерь Клаусъ, его называютъ также собачникомъ; у него наши собаки. Хочешь къ нему? Мнѣ надо же сказать ему, каковы щенки у Норки; за часъ передъ тѣмъ, какъ ты пріѣхалъ, онъ былъ у меня.

Эрихъ охотно согласился, и они, мелкою рысью, стали взбираться по отлогому склону, потомъ повернули въ сторону, остановились подлѣ небольшого домика и сошли съ лошадей.

Къ нимъ выбѣжали собаки разныхъ породъ и стали подскакивать къ Роланду. У Пука также оказались здѣсь знакомые, и онъ сталъ заигрывать съ однимъ бурымъ терріеромъ. Изъ дому вышелъ старикъ и приложилъ руку къ фуражкѣ, по военному. На немъ была короткая, свѣтлосѣрая, шерстяная куртка, какую обыкновенно носитъ народъ на Рейнѣ, и которая даетъ прирейнскимъ жителямъ свободный и развязный видъ. Онъ курилъ изъ фарфоровой трубки, на которой яркими красками изображено было нѣчто въ родѣ апоѳеоза Наполеона.

Пріемъ, употребленный Роландомъ для представленія собачнику новаго своего друга, показалъ, что онъ съ подчиненными людьми умѣлъ обращаться повелительно.

— Ну-ка, снимай шапку еще разъ! сказалъ онъ егерю; представь себѣ, вотъ господинъ капитанъ тотчасъ узналъ, по одному виду, какой породы щенки Норки и сколько имъ времени.

— Это можно! Лай и визгъ собакъ бываетъ различенъ, смотря по тому, какова порода: умная или глупая; глупые люди тоже кричатъ и плачутъ совсѣмъ иначе, чѣмъ умные.

Сказавъ это, егерь самодовольно посмотрѣлъ на Эриха, держа трубку въ рукѣ.

— Вы правы, сказалъ Эрихъ, и, какъ мнѣ сдается, не мало испытали въ жизни, не мало и продумали про себя.

— Тоже можетъ быть, отвѣчалъ старикъ.

Онъ ввелъ посѣтителей въ комнату, и засмѣялся на вопросъ Эриха, какого святого былъ образъ, висѣвшій на стѣнѣ.

— У меня только и есть одинъ святой, сказалъ онъ; это — святой Рохъ, изъ тамошней стороны, за рѣкою; люблю я его потому, что при немъ собака.

Въ комнатѣ было много птицъ въ клѣткахъ; щебетанье и пѣнье на разные лады было такъ громко, что едва можно было разслышать свой собственный голосъ. Съ видимымъ удовольствіемъ старикъ сталъ разсказывать Эриху, какъ онъ умѣетъ пріучать птицъ, живущихъ насѣкомыми, къ зерновому корму, какъ онъ разводитъ мучныхъ и другихъ червей для корма; наконецъ, онъ сталъ ворчать на Роланда за то, что тотъ не интересовался птицами.

— Да, я не люблю птицъ, — подтвердилъ мальчикъ.

— А я знаю почему, — сказалъ Клаусъ.

— Знаешь? Ну, почему-жъ?

— Тебя не занимаютъ птицы, когда онѣ летаютъ на волѣ, и не принадлежатъ тебѣ, а держать ихъ взаперти ты тоже не любишь. Вотъ собаки тебѣ нравятся больше, потому что онѣ бѣгаютъ на волѣ, а все-таки привязаны къ намъ.

Клаусъ кивнулъ Эриху, какъ будто хотѣлъ сказать: мы тоже не совсѣмъ глупы.

— Да, вы мнѣ нравитесь больше! — обратился Роландъ къ двумъ молодымъ лягавымъ собакамъ, которыхъ держалъ у себя на колѣняхъ, въ то время, какъ ихъ матка стояла подлѣ прижимаясь къ нему головою, и другія собаки тоже тѣснились къ нему.

— Все-таки, первое свойство собакъ — зависть и ревность, — замѣтилъ Эрихъ; — приласкай одну, тотчасъ и другія требуютъ ласки.

— Вонъ тамъ одна такая, что ей до этого и дѣла нѣтъ, — сказалъ Клаусъ, смѣясь.

Въ углу лежала маленькая собачка бурой шерсти; она только изрѣдка открывала глаза и мигала. Эрихъ замѣтилъ, что, судя по наружности, это должна быть гончая для лисицъ.

— Дѣло! Да, онъ знаетъ толкъ въ собакахъ! — воскликнулъ Клаусъ, обращаясь къ Роланду. Дѣло! Этого лѣсовика я вытащилъ изъ лисьей норы; невѣрный и недобродушный звѣрь; ему вѣрить нельзя; что ему ни давай, онъ никогда не будетъ благодаренъ и привязанъ.

Собака, лежавшая въ углу, тутъ опять открыла глаза, мигнула, и снова закрыла ихъ, какъ будто выказывая полное равнодушіе къ людскимъ толкамъ.

Роландъ вынулъ изъ клѣтки своихъ африканскихъ хорьковъ, чтобы показать ихъ Эриху; они, повидимому, узнали своего хозяина. Про одного изъ нихъ, золотисто-желтаго, онъ сказалъ, что это отчаянный бездѣльникъ; ему онъ далъ кличку Бухананъ. Клички другого онъ не хотѣлъ сказать; онъ въ самомъ дѣлѣ звался Кнопфъ; но на этотъ разъ Роландъ сказалъ только, что онъ зовется «Магистръ», и объяснилъ это тѣмъ, что онъ всегда надумывается прежде чѣмъ войдетъ въ клѣтку и подергиваетъ губами, точно собирается прочесть длинное нравоученіе.

Когда они вышли въ садъ, собачникъ показалъ Эриху свои колоды съ ульями. Потомъ, оборотясь къ Роланду, онъ прибавилъ:

— Да, Роландъ, цвѣты твоего папеньки служатъ и для моихъ пчелъ; жаль только, что добрымъ пчеламъ приходится летать такъ далеко, въ вашъ садъ. Дурного тутъ нѣтъ; мое стадо кормится на чужой пастьбѣ, а вѣдь до того еще не дошло на свѣтѣ, чтобы богатые могли запретить пчеламъ бѣднаго человѣка сосать медъ изъ своихъ цвѣтовъ.

Онъ сказалъ это съ рѣзкимъ взглядомъ, взглядомъ, въ которомъ выразилось все озлобленіе бѣднаго на богатаго. Потомъ онъ сталъ жаловаться, что Зонненкампъ держитъ только соловьевъ. Соловьи, правда, поютъ хорошо, но съѣдаютъ у пчелъ медъ, то-есть съѣдаютъ пчелъ вмѣстѣ съ медомъ; Клаусъ называлъ соловья, къ которому люди такъ благоволятъ, свирѣпымъ убійцей пчелъ.

— Но, — возразилъ Эрихъ, — соловей не знаетъ, что пчелы даютъ медъ, и его нельзя обвинять за то, что онъ считаетъ пчелу вредной тварью, за истребленіе которой люди должны-молъ благодарить его. А впрочемъ, онъ пожираетъ пчелъ не намъ въ угоду, а себѣ въ сласть.

Клаусъ взглянулъ нѣсколько разъ то на Эриха, то на Роланда, и наконецъ кивнулъ, какъ будто соглашаясь, что оно пожалуй и такъ.

Тутъ Роландъ спросилъ, какъ идетъ дрессировка водолаза «Грейфа», и получилъ въ отвѣтъ, что онъ будетъ хорошо ходить на человѣка, но покамѣстъ еще слишкомъ дикъ и скачетъ неправильно, хотя уже хватаетъ. Роланду хотѣлось попробовать, но поденьщика, который служилъ для этого испытанія, не было дома. Тутъ Роландъ вспомнилъ, что старикъ садовникъ пошелъ домой и что онъ тоже согласится на пробу. Онъ побѣжалъ и привелъ съ собою садовника.

Въ то время, когда Роланда не было, Клаусъ быстро схватилъ Эриха за руку и сказалъ:

— Я хочу помочь вамъ, вы приберете его къ рукамъ, я ловко отдамъ вамъ его.

Эрихъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и тутъ старикъ сталъ объяснять, что онъ очень хорошо понялъ, зачѣмъ Эрихъ явился сюда, и что, взявшись за дѣло съ умѣньемъ, можно еще сдѣлать изъ Роланда порядочнаго человѣка. Онъ кончилъ, намекнувъ, съ хитрымъ взглядомъ, что Эрихъ вѣрно отблагодаритъ его за помощь.

Прежде, чѣмъ Эрихъ успѣлъ возразить что-нибудь, возвратился Роландъ съ садовникомъ, который далъ навязать себѣ на шею подушку и сталъ къ забору сада, взявшись за рѣшетины обѣими руками. Затѣмъ выпустили изъ кануры большую ньюфаундлендскую собаку, которая начала тяжело прыгать туда-сюда, но на свистокъ Клауса стала позади его.

Тутъ Клаусъ крикнулъ:

— Бери! Хватай!.. На̀ его!

Собака въ нѣсколько прыжковъ пронеслась черезъ садъ къ человѣчку, стоявшему у забора, подскочила на него, схватила зубами за подушку на его шеѣ и стала теребить несчастнаго до тѣхъ поръ, пока тотъ не упалъ; тогда она встала правою лапою ему на грудь и посмотрѣла назадъ, на Клауса.

— Браво, браво! — закричалъ тотъ; — ишь какой, настоящій сатана!

— Правда! — воскликнулъ Роландъ. — Сатана!... вотъ ему самое настоящее имя... Пусть онъ такъ и зовется! Сатана! Теперь во всемъ околодкѣ будутъ меня бояться.

Эрихъ испугался этой смѣлой самоувѣренности и этой способности быстро схватывать каждый случай. Поэтому онъ присоединился къ Клаусу, когда тотъ сталъ доказывать, что собакѣ, у которой уже есть всѣ зубы, нельзя перемѣнять клички.

— Это точно, — прибавилъ Клаусъ; — собака, которой перемѣняютъ имя, не слушаетъ клика.

— Къ тому же, — замѣтилъ Эрихъ, — такъ называть собаку и неправильно. Въ кличкѣ собаки долженъ быть звукъ «э» и названіе должно быть по возможности односложное; «э» удобно кричать громко.

— Вы ученый знатокъ, такой ученый, какого я еще не встрѣчалъ; вы знаете все, — умилялся Клаусъ въ похвалахъ Эриху, и при этомъ чрезвычайно самодовольно и немного украдкою мигалъ.

Между тѣмъ «Сатана» — Роландъ все-таки настаивалъ на этомъ имени — не хотѣлъ оставить упавшаго садовника, несмо-

тря на призывы Клауса и Роланда. Это было не въ порядкѣ, и собака отстала, но только тогда, когда ей показали плетку.

Роландъ наградилъ садовника деньгами, такъ что тотъ былъ очень доволенъ, униженно благодарилъ, и высказывалъ желаніе, чтобы ему по три раза въ день приходилось подвергаться такому нападенію собаки. Съ раздумьемъ смотрѣлъ на это Эрихъ. Можетъ ли такой богатый мальчикъ научиться любить людей, трудиться и дѣйствовать для свѣта, когда свѣтъ съ такою готовностью повергаетъ себя на его распоряженіе?

Когда Эрихъ съ Роландомъ уходили изъ избы, Клаусъ провожалъ ихъ нѣкоторое время, съ цѣлою сворой собакъ. Лошадей они вели на поводьяхъ, а Клаусъ обращался исключительно къ Эриху и выкладывалъ передъ нимъ всю свою премудрость въ воспитаніи собакъ.

Онъ считалъ себя чрезвычайно умнымъ, а всѣхъ ученыхъ— глупыми. Съ плутовскою миною, онъ принялся поучать самого Эриха. Поучительный разсказъ его состоялъ въ томъ, что съ собакою стòитъ заниматься только тогда, когда она уже вполнѣ владѣетъ своими членами и не спотыкается о собственныя свои лапы. По словамъ учителя, въ воспитаніи собаки очень важная статья, чтобы обращаться къ ней только съ короткими словами, просто кричать ей: пошолъ! сюда! — а никакъ не баловать ее длинными рѣчами; не слѣдуетъ пріучать ее, чтобы она думала, что она что-нибудь значитъ, цѣлые дни надо оставлять ее безъ вниманія и не принимать ея ласкъ; потому что какъ только начнешь слишкомъ возиться съ собакой, она тотчасъ станетъ надоѣдливою. Онъ прибавилъ, что на охотѣ собакѣ можно внушить уваженіе только удачною стрѣльбою, и это необходимо особенно на первый разъ, когда берешь съ собою собаку на охоту; если вы подстрѣлите что-нибудь и собакѣ есть чтò принести, она станетъ привязана, вѣрна; если же будете давать промахи, то собака никогда не станетъ уважать васъ.

— Вы знакомы съ господиномъ Кнопфомъ? вдругъ спросилъ Клаусъ. Эрихъ отвѣчалъ отрицательно.

— Да, вотъ г. Кнопфъ, воскликнулъ Клаусъ, онъ говаривалъ мнѣ разъ сто, что школьные учителя всѣ должны бы идти ко мнѣ въ ученье. Собаки и люди схожи между собою, только собаки честнѣе; онѣ даютъ дрессировать себя и кусаются только тогда, когда хозяинъ приказываетъ.

Эрихъ съ удивленіемъ на него поглядѣлъ. Въ этомъ человѣкѣ проглядывала какая-то странная горечь, казавшаяся загадочной, и въ тоже время онъ-то именно и былъ другомъ мальчика. Эрихъ повернулъ лошадь назадъ, а Клаусъ съ улыбкой

слушалъ, какъ онъ ему говорилъ, что на животныхъ отчасти отражается разумъ тѣхъ людей, съ которыми они живутъ.

Клаусъ былъ очень доволенъ. Дойдя до равнины, онъ сталъ прощаться и, отведя Роланда въ сторону, сказалъ ему:

— Слушай, ты, шалунъ! Всѣ твои крѣпкоголовые учителя да наставники никуда не годятся. Вотъ для тебя человѣкъ! Такого слѣдовало бы твоему отцу пріобрѣсти, тогда изъ тебя, пожалуй, еще могло бы что-нибудь выдти. Но его вамъ, конечно, ни за какія деньги не добыть!

Клаусъ, повидимому, говорилъ это одному Роланду, но съ явнымъ намѣреніемъ быть услышаннымъ Эрихомъ, для того, чтобъ тотъ зналъ, что онъ долженъ быть ему благодаренъ.

Пока садились на лошадей, Клаусъ еще сказалъ:

— Извѣстно ли тебѣ, что твой отецъ покупаетъ вонъ всю ту гору? Проклятое стремленіе округлять свои владѣнія! Твой отецъ покупаетъ еще и всю Поповскую улицу. Черезъ сто лѣтъ ни одинъ клочекъ земли на этихъ покрытыхъ виноградомъ горахъ не останется во власти тѣхъ, которые теперь тамъ роютъ и гребутъ. Должно ли быть такъ? Справедливо ли это?

И онъ указалъ на далеко растилающіяся прибрежья Рейна.

Они легкой рысью поѣхали обратно къ виллѣ. Эрихъ рѣшился.

Онъ себѣ говорилъ: — Не слѣдуетъ болѣе покидать мальчика!—какъ вдругъ въ саду обвитаго виноградными лозами домика передъ нимъ мелькнула женская фигура и мгновенно скрылась за угломъ.

Увидѣлъ ли онъ въ дѣйствительности свою мать, или только живо себѣ ее вообразилъ? Въ немъ внезапно возникла мысль, что здѣсь непремѣнно должны жить его мать и тетка; этотъ домикъ съ садикомъ, кустарниками и прекраснымъ видомъ на далекій ландшафтъ, — все было какъ будто для нихъ приготовлено.

— Видѣлъ ты тамъ, въ саду, женщину? спросилъ онъ Роланда.

— Да, это фрейленъ Мильхъ.

— Кто такая фрейленъ Мильхъ?

— Ключница маіора.

ГЛАВА VI.

ЗАРАБОТАННЫЙ КУСОКЪ ХЛѢБА И ГУГЕНОТСКОЕ СЧАСТЬЕ.

Возвратясь съ прогулки, Эрихъ и Роландъ узнали о пріѣздѣ Пранкена. Чемоданъ Эриха былъ уже отнесенъ въ его комнату. Камердинеръ Іозефъ отрекомендовался Эриху, какъ сынъ университетскаго слуги при анатомическомъ кабинетѣ, и въ выраженіяхъ трогательной благодарности разсказалъ, какъ отецъ Эриха подарилъ ему французскую грамматику, по которой онъ, состоя при бильярдѣ академическаго казино, въ свободныя минуты, заучивалъ вокабулы. То было первымъ шагомъ къ его настоящему положенію, и онъ изъявлялъ радость, что могъ наконецъ высказать свою признательность сыну человѣка, котораго считалъ своимъ благодѣтелемъ.

Іозефъ, помогая Эриху устроиться въ его комнатѣ, сообщилъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія объ установленномъ въ домѣ порядкѣ. Обѣдъ, между прочимъ, считался главнымъ событіемъ дня, и къ нему всѣ являлись парадно одѣтыми, собираясь—лѣтомъ въ *Pleasurground*, а весной въ *Nizza*: такъ называлась прилегавшая къ террасѣ галлерея со сводами, куда солнце ударяло съ особенной силой.

Эрихъ снялъ мундиръ и отправился въ галлерею, гдѣ уже засталъ Пранкена, гуляющаго взадъ и впередъ съ фрейленъ Пэрини. Пранкенъ дружески подошелъ къ Эриху и привѣтствовалъ его ласковой улыбкой, съ одинаковой быстротой появлявшейся и исчезавшей на его лицѣ. Исполненный сознанія своего высокаго положенія въ свѣтѣ, онъ умѣлъ, когда хотѣлъ, выказывать безукоризненную учтивость, какъ будто даже не лишенную извѣстной доли добродушія. Но вскорѣ онъ опять присоединился къ фрейленъ Пэрини и возобновилъ съ ней прогулку и разговоръ.

Эрихъ стоялъ одинъ, и въ немъ боролась гордость съ сознаніемъ, что онъ, въ качествѣ наемщика, не долженъ быть слишкомъ взыскателенъ и легко обижаться. Къ тому же молчаніе Пранкена на счетъ того, въ какомъ положеніи находится дѣло Эриха о занятіи имъ желаемой должности, могло быть съ его стороны только утонченной деликатностью.

Вскорѣ явился и Роландъ, тоже въ другомъ костюмѣ; увидя Эриха въ статскомъ одѣяніи, онъ очень удивился.

— Твою сестру дѣйствительно зовутъ Манной? спросилъ Эрихъ.

— Да, то-есть ея настоящее имъ Германна, но обыкновенно всѣ называютъ ее Манной. А что?

Эрихъ хотѣлъ отвѣтить, что слышалъ, какъ это имя безпрестанно упоминалось въ разговорѣ Пранкена съ фрейленъ Пэрини, но не успѣлъ. Въ комнату вошелъ господинъ Зонненкампъ въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстукѣ и туго натянутыхъ палевыхъ перчаткахъ. Онъ бодро, какъ-то особенно благодушно, раскланивался на всѣ стороны, точно намѣреваясь сказать: желаю вамъ хорошаго аппетита! Никогда не бывалъ господинъ Зонненкампъ такъ веселъ, какъ въ теченіи четверти часа, предшествовавшей обѣду.

Общество отправилось въ столовую — прохладную, четырехугольную со сводами комнату, которая освѣщалась сверху. Рѣзная, дубовая мебель здѣсь отличалась преимущественно прочностью. Вь большомъ буфетѣ красовались старинныя чаши и кубки, изящное венеціянское стекло и прекрасное массивное серебро. Что же касается до слуховъ, будто господинъ Зонненкампъ ѣстъ не иначе, какъ съ золотыхъ тарелокъ, то были чистыя сказки.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, въ столовой растворились настежъ обѣ половинки дверей. Два лакея въ кофейнаго цвѣта ливреяхъ, какъ почетная стража, остановились на порогѣ, черезъ который, съ величіемъ принцессы, переступила госпожа Церера. Она нѣсколько принужденно поклонилась присутствующимъ, а Пранкенъ поспѣшилъ къ ней на встрѣчу и повелъ ее къ столу.

На каждаго гостя было по лакею, который, когда тотъ намѣревался сѣсть, пододвигалъ ему стулъ. Фрейленъ Пэрини на минуту остановилась у своего мѣста, облокотилась на спинку стула и, сжимая въ сложенныхъ рукахъ перламутровый крестъ, произнесла про себя молитву, перекрестилась и тогда уже сѣла.

Госпожа Церера и за обѣдомъ не снимала своихъ палевыхъ перчатокъ. Она едва прикасалась къ блюдамъ и вообще держала себя такъ, какъ будто явилась къ столу только затѣмъ, чтобъ не разстроить обѣда. При каждой новой перемѣнѣ она ожидала, чтобъ господинъ Зонненкампъ сказалъ:

— Скушай же что̀-нибудь, дитя мое.... прошу тебя!

Въ тонѣ, какимъ онъ это произносилъ, звучалъ двойной смыслъ, который не легко было опредѣлить. Иногда въ немъ слышался суровый укротитель звѣрей, дозволяющій укрощенному звѣрю насытиться лежащей передъ нимъ пищей, — а иногда заботливый отецъ, ласково уговаривающій своенравное дитя отвѣ-

дать кушанья, ради собственной пользы. Госпожа Церера ѣла только жаркое, да пирожное.

Пранкенъ велъ себя за столомъ, какъ прилично почетному гостю, на обязанности котораго лежитъ быть снисходительнымъ и сообщительнымъ съ хозяиномъ дома. Онъ живо описалъ Мангеймскую конную ярмарку, гдѣ купилъ бѣлую кобылу, которую теперь съ удовольствіемъ соглашался уступить господину Зонненкампу. Затѣмъ онъ нашелъ способъ сдѣлать пріятное и госпожѣ Церерѣ. Она питала сильную ненависть къ семейству «кавалера бутылки», которое вело себя очень сдержанно въ отношеніи къ ея дому. Пранкенъ разсказалъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ изъ жизни этого господина, гдѣ чванство и хвастливость играли главную роль, что̀, однако, не помѣшало ему избрать его себѣ въ спутники. Пранкенъ еще обладалъ способностью подражать голосу и манерамъ нѣкоторыхъ людей, и такъ смѣшно изображалъ ихъ особенности, что даже вызвалъ легкую веселость на утомленное лице госпожи Цереры и раза два заставилъ ее улыбнуться.

Разговоръ шелъ на италіянскомъ языкѣ, довольно хорошо знакомомъ Пранкену, но на которомъ Эрихъ не совсѣмъ свободно изъяснялся.

Въ первый разъ въ жизни приходилось Эриху сидѣть за столомъ и молчать, почти наравнѣ со слугами.

Наконецъ, госпожа Церера, вѣроятно считая своей обязанностью не оставлять совсѣмъ безъ вниманія новаго гостя за своимъ столомъ, обратилась къ Эриху съ вопросомъ, живы ли еще его родители?

Пранкенъ поспѣшилъ съ покровительственной похвалой отозваться о личностяхъ отца и матери Эриха, особенно напирая на то обстоятельство, что послѣдняя происходила изъ древняго рода.

— Судя по вашей фамиліи, я приняла бы васъ за француза, замѣтила фрейленъ Пэрини.

Эрихъ еще разъ повторилъ, что его предки уже два столѣтія тому назадъ, какъ переселились въ Германію, и онъ самъ чувствуетъ себя вполнѣ нѣмцемъ, что̀, однако, не мѣшаетъ ему радоваться своему происхожденію отъ гугенотовъ.

— Что значитъ гугеноты?... Ахъ, да — это тѣ, что поютъ! воскликнула госпожа Церера, дѣтски радуясь тому, что сама съумѣла отвѣчать себѣ на свой вопросъ.

Всѣ съ трудомъ удержались отъ смѣха.

— Вы какъ будто гордитесь тѣмъ, что происходите отъ гугенотовъ? сказалъ Зонненкампъ.

— Горжусь, — не есть настоящее слово, возразилъ Эрихъ. Но вамъ извѣстно, что отъ пуританъ, гонимыхъ за вѣру, произошли доблестные граждане, нынѣ населяющіе Новый Свѣтъ. Подобно тому, какъ въ древнія времена греки, поселяясь въ Сициліи и Италіи, приносили туда съ собой и водворяли тамъ свое образованіе, такъ точно и пуританскіе выходцы распространили въ Новомъ Свѣтѣ свою цивилизацію.

Способъ, какимъ выражался Эрихъ, смѣлость, съ какой онъ коснулся одного изъ важнѣйшихъ историческихъ событій, дали разговору совершенно новое направленіе. Изъ легкой, шутливой, блестящей остроумными выходками и наполненной личностями, рѣчь внезапно перешла въ серьезную и коснулась вопросовъ важныхъ и общихъ. Роландъ понялъ это, съ гордостью посмотрѣлъ на Эриха и былъ счастливъ тѣмъ, что образъ мыслей и возвышенное настроеніе духа его друга имѣли такое вліяніе на всѣхъ.

Зонненкампъ, со своей стороны, призналъ въ Эрихѣ натуру исключительную, которая привыкла вращаться въ высшихъ сферахъ ума; онъ почти невольно почувствовалъ къ нему уваженіе и спросилъ:

— Но что̀ же, по вашему, есть общаго между переселившимися въ Америку пуританами и гугенотами?

— Позвольте мнѣ сдѣлать еще одно коротенькое замѣчаніе, возразилъ Эрихъ. Новѣйшее время уничтожило строгое разграниченіе между національностями; такъ, напримѣръ, мы видимъ, что евреи, разсѣянные по всѣмъ странамъ, мало-по-малу входятъ въ составъ различныхъ народностей. Гордый, деспотическій король изгналъ изъ Франціи гугенотовъ, и гугеноты переселились въ Германію. Англійскіе переселенцы внесли въ Америку свое образованіе, — переселенцы изъ гугенотовъ, поселяясь среди образованнаго народа, должны были подчиниться образованію своего новаго отечества. Вы мнѣ позволите, господинъ Зонненкампъ, привести здѣсь въ примѣръ васъ самихъ?

— Меня? Какимъ образомъ?.

— Вы — нѣмецъ и переселились въ Америку: переселяющіеся нѣмцы въ Новомъ Свѣтѣ становятся членами своего новаго отечества, и ваши дѣти сдѣлались американцами.

У Роланда заблистали глаза. За то Пранкенъ, — считалъ ли онъ себя оскорбленнымъ тѣмъ, что внезапное вмѣшательство въ разговоръ Эриха, его самого какъ бы отодвинуло на второй планъ, или онъ просто хотѣлъ смутить молодого человѣка, только, со смѣсью мнимаго добродушія и сожалѣнія въ голосѣ, онъ воскликнулъ:

— Съ вашей стороны очень любезно ставить евреевъ на одну ногу съ гугенотами, большинство которыхъ къ тому же было знатнаго происхожденія.

— Были мои предки знатны, или нѣтъ — мнѣ рѣшительно все равно, возразилъ Эрихъ: гугеноты посвятили себя торговлѣ и ремесламъ, и не далѣе, какъ мои предки, были золотыхъ дѣлъ мастерами. Но моя параллель между евреями и гугенотами требуетъ объясненія. На каждомъ обществѣ, гонимомъ за вѣру и переселяющемся на чужбину, лежатъ двѣ обязанности. Оно прежде всего должно выше всякой національности ставить интересы всего человѣчества, стремиться къ объединенію его и потому самому всѣми силами противодѣйствовать фанатизму или какому-бы то ни было распаденію. Нѣтъ въ мірѣ религіи, которая сама по себѣ давала бы людямъ святость, такъ точно нѣтъ и національности, которая одна, сама по себѣ, дѣлала бы людей лучше и счастливѣе.

Пранкенъ и фрейленъ Пэрини въ изумленіи переглянулись, госпожа Церера ничего не поняла, а Зонненкампъ въ недоумѣніи покачалъ головой на гостя, который въ легкую застольную бесѣду съ такой смѣлостью внесъ свои широкіе, историческіе взгляды и идеи. Тѣмъ не менѣе имъ все сильнѣе овладѣвало впечатлѣніе, что передъ нимъ находится человѣкъ, далеко не дюжинный и привыкшій къ серьёзнымъ размышленіямъ.

— Вы мнѣ послѣ растолкуете это яснѣе, сказалъ онъ, стараясь отклонить дальнѣйшія пренія о томъ же предметѣ. Но Роландъ спросилъ:

— Людовикъ XIV, преслѣдовавшій твоихъ предковъ, тотъ же самый, который разорялъ города на Рейнѣ?

— Точно такъ.

Казалось разговору не суждено было возвратиться въ прежнюю колею, какъ вдругъ онъ былъ прерванъ появленіемъ на столѣ какого-то кушанья съ очень острой приправой. Роландъ хотѣлъ его взять, но отецъ ему запретилъ. Мать, замѣтивъ это, вдругъ рѣзко произнесла:

— Оставь его ѣсть, что̀ онъ хочетъ!

Но взглядъ Эриха остановилъ мальчика; онъ положилъ на тарелку кусокъ, который уже подносилъ ко рту и сказалъ:

— Я лучше не стану ѣсть.

Зонненкампъ сдѣлалъ знакъ лакею, чтобъ онъ вторично наполнилъ стаканъ Эриха виномъ, какъ будто этимъ хотѣлъ выразить благодарность, которую въ настоящую минуту къ нему чувствовалъ.

Разговоръ послѣ этого шелъ вяло. Пранкенъ молчалъ, по-

тому-ли, что не находилъ болѣе ничего сказать, или потому, что хотѣлъ своимъ молчаніемъ внушить Эриху, какъ неумѣстна была его педантическая рѣчь, нарушившая всеобщую веселость.

Обѣдъ кончился. Фрейленъ Пэрини опять тихо помолилась про себя. Всѣ встали, лакеи быстро отодвинули стулья, и общество отправилось на веранду пить кофе изъ крошечныхъ чашекъ.

Церера покормила бисквитомъ своего бѣлаго попугая, который пронзительно вскрикнулъ: «На здоровье, на здоровье»! а затѣмъ опустилась въ кресло. Пранкенъ помѣстился на низенькомъ табуретѣ, почти у самыхъ ногъ ея.

Фрейленъ Пэрини выбрала себѣ мѣсто достаточно близкое къ нимъ, чтобъ въ случаѣ, если они того пожелаютъ, принять участіе въ ихъ разговорѣ, и настолько отдаленное, чтобъ въ противномъ случаѣ не мѣшать имъ бесѣдовать наединѣ.

Зонненкампъ знакомъ вызвалъ Эриха въ садъ, а Роландъ, не дожидаясь приглашенія, послѣдовалъ за ними.

Пришелъ слуга и доложилъ, что полевой сторожъ Клаусъ, находившійся въ эту минуту при недавно родившихся щенятахъ, проситъ молодого барина пожаловать къ нимъ.

— Иди! сказалъ отецъ.

— Я хотѣлъ бы остаться съ вами, произнесъ Роландъ съ дѣтской мольбой въ голосѣ и во взглядѣ, и быстро схватилъ Эриха за руку.

— Когда отецъ приказываетъ, ты долженъ повиноваться, спокойно замѣтилъ Эрихъ.

Роландъ пошелъ прочь отъ нихъ медленными шагами, по временамъ останавливался, но тѣмъ не менѣе все-таки оставилъ ихъ.

ГЛАВА VII

ЭКЗАМЕНЪ, ОКАНЧИВАЮЩІЙСЯ СМѢХОМЪ.

Оба въ теченіи нѣсколькихъ минутъ шли молча. Эрихъ былъ недоволенъ самимъ собой; онъ еще слишкомъ много жилъ въ своихъ мечтахъ и не умѣлъ сопротивляться побужденію, которое заставляло его со всѣми и каждымъ дѣлиться своими мыслями, стараясь при этомъ излагать ихъ какъ можно яснѣе и доступнѣе для своихъ собесѣдниковъ. Онъ дѣлалъ это подъ впечатлѣніемъ минуты, съ неподдѣльной наивностью, которая, однако, не исключала въ немъ сознанія своихъ богатыхъ мыслительныхъ силъ. Но въ слушателяхъ, вслѣдствіе всего этого, неизбѣжно должны были возникать сомнѣнія на счетъ степени приготовленности къ

жизни молодого человѣка, а также и подозрѣнія въ навязчивости.

Такъ полагалъ, по крайней мѣрѣ, самъ Эрихъ и минуту спустя послѣ своего увлеченія всегда впадалъ въ уныніе, а затѣмъ все-таки опять принимался за старое, опять выставлялъ себя въ двусмысленномъ свѣтѣ и мучился своей несостоятельностью. Какъ по волшебству угадывалъ Эрихъ, что нѣчто подобное теперь бродило въ головѣ у Зонненкампа, но при всемъ томъ онъ еще не зналъ, до какой степени казался Зонненкампу забавнымъ молодой мечтатель, который такъ усердно всѣхъ угощалъ своей вновь испеченной университетской ученостью. А впрочемъ и ему самому все это отчасти было знакомо. Восторженные юноши, сидя въ маленькихъ университетскихъ городкахъ и не имѣя передъ собой живыхъ людей, по неволѣ предаются фантастическимъ воззрѣніямъ на человѣчество и являются въ собственныхъ глазахъ великими мудрецами, способными управлять міромъ, но не призываемыми къ этой дѣятельности только вслѣдствіе неблагодарности. Подобно имъ и шедшій теперь съ нимъ рядомъ капитанъ-докторъ, казалось, долженъ былъ имѣть въ своемъ распоряженіи только ограниченный кругъ идей.

Зонненкампъ шелъ, тихо посвистывая, — такъ тихо, что никто, кромѣ его самого, не слыхалъ его свиста. И онъ умѣлъ при этомъ такъ складывать губы, что даже по движенію ихъ нельзя было угадать, что онъ свиститъ.

На небольшомъ возвышеніи онъ сѣлъ самъ и указалъ Эриху на стулъ возлѣ себя.

— Вы, безъ сомнѣнія, замѣтили, сказалъ онъ — что фрейленъ Пэрини ревностная католичка, да и весь домъ мой принадлежитъ къ одному съ ней исповѣданію. Смѣю васъ спросить, къ чему вы такъ настойчиво выставляли на показъ ваше гугенотское происхожденіе?

— Для того, чтобы съ самаго начала вполнѣ высказаться передъ вами; никто не долженъ во мнѣ ошибаться.

Зонненкампъ снова довольно долго помолчалъ, потомъ сказалъ, опрокидываясь на спинку стула:

— Я господинъ въ своемъ домѣ и объявляю, что ваша исповѣдь не воспрепятствуетъ вамъ вступить въ него. Но — онъ опять наклонился впередъ, сложилъ руки на колѣняхъ и устремилъ на Эриха пристальный взглядъ — но сегодня со мной случилось то, чего еще никогда не случалось: я чуть не свалился съ лошади, обдумывая во время прогулки все, что вы мнѣ передали...... словомъ, главный вопросъ. Какъ, вы полагаете, слѣдуетъ воспитывать мальчика, который уже знаетъ, что ему нѣтъ на-

добности ни къ чему готовиться, такъ какъ онъ со временемъ будетъ обладателемъ цѣлаго, — или лучше сказать, — нѣсколькихъ милліоновъ?

— На это я вамъ могу отвѣчать самымъ положительнымъ образомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я васъ слушаю.

— Отвѣтъ очень простъ: такого мальчика совсѣмъ нельзя воспитывать.

— Какъ! совсѣмъ нельзя?

— Да. Его воспитать можетъ одна судьба. Намъ же остается только упражнять его и пріучать настоящимъ образомъ распоряжаться и управлять своей силой.

— Распоряжаться и управлять, — повторилъ про себя Зонненкампъ. Такъ и я долженъ сказать, что вы не болѣе, какъ подтверждаете заключеніе, къ которому я уже не разъ приходилъ. Только боецъ, — человѣкъ выработавшій въ себѣ мужество и энергію, одинъ можетъ въ наше время произвести что-нибудь значительное: проповѣдями да книгами ничего не пріобрѣтешь, не одолѣешь стараго и не создашь новаго порядка вещей.

Измѣнившимся, почти вкрадчивымъ голосомъ Зонненкампъ продолжалъ:

— Вамъ можетъ показаться забавнымъ, что я, человѣкъ съ малыми свѣдѣніями, посреди тревогъ дѣловой жизни неимѣвшій времени пріобрѣсти прочныхъ познаній, повидимому, экзаменую васъ. Но будьте увѣрены, я васъ расправшиваю гораздо болѣе въ видахъ собственной пользы. Я уже вижу, что мнѣ самому придется учиться у васъ даже больше чѣмъ Роланду. Сдѣлайте милость, скажите, какъ бы вы... вообразите себя отцемъ въ моемъ положеніи... Какъ бы вы воспитали вашего сына?

— Я полагаю, — возразилъ Эрихъ — что мы, съ помощью вображенія, многое можемъ себѣ представить, но положеніе, созданное таинственнымъ процессомъ природы, возможно постигнуть только однимъ опытомъ: на это не хватитъ никакой фантазіи. Позвольте же отвѣчать вамъ съ точки зрѣнія человѣка посторонняго.

— Извольте.

— Отецъ мой былъ воспитателемъ принцевъ, и я нахожу, что его задача была легче.

— Однако вы не ставите богатства выше власти?

— Нисколько. Но въ каждомъ принцѣ уже съ самаго ранняго возраста пробуждается сознаніе долга, и то гордость, то чувство чести побуждаютъ поступать сообразно съ его высокимъ саномъ. Представительность, играющая столь важную роль въ жизни го-

сударей, съизмала является имъ обязанностью, а потомъ превращается у нихъ въ привычку. Подчиняющееся силѣ, въ свою очередь становится силой.... Простите студенческую привычку.... улыбаясь сдѣлалъ оговорку Эрихъ.

— Продолжайте пожалуста: мнѣ очень любопытно...

Зонненкампъ снова откинулся назадъ и приготовился слушать дальнѣйшее развитіе идей Эриха съ такимъ же вкусомъ, съ какимъ люди ѣдятъ лакомыя блюда. Поневолѣ человѣкъ станетъ фантазировать, когда не можетъ назвать своимъ ни стула, на которомъ сидитъ, ни клочка земли, на которомъ стоитъ. Другое дѣло онъ, Зонненкампъ: онъ съ гордостью называетъ своею всю окружную мѣстность и, по словамъ собачника, въ состояніи скупить всѣ берега Рейна.

— Продолжайте, — сказалъ онъ, закуривая сигару.

— Какъ оно ни странно съ перваго взгляда — началъ опять Эрихъ — а то обстоятельство, что принцамъ уже въ колыбели даютъ военные чины, далеко не лишено смысла. Лишь только въ ребенкѣ пробуждается сознаніе, онъ уже видитъ отца, всегда покоряющагося предписаніямъ долга. Я не намѣренъ опровергать, что этотъ долгъ иногда принимается очень легко, если не вовсе оставляется безъ вниманія, — но тѣмъ не менѣе онъ существуетъ, и хоть тѣнь его постоянно на виду. Иное дѣло сынъ богатаго человѣка: ему обязанности, налагаемыя богатствомъ, не представляются съ такой неотразимой силой. Онъ видитъ благотворительность, стремленіе къ общему благу, гостепріимство, но все это въ его глазахъ не имѣетъ значенія непремѣнныхъ обязанностей, а является только въ видѣ личныхъ наклонностей.

— Вы... вступаете на почву историческихъ обязанностей.... У васъ положительный талантъ воспитателя: я это испытываю на себѣ и мнѣ только остается благодарить васъ и графа Клодвига.

Зонненкампъ съ наслажденіемъ—было задался задачей вполнѣ выпытать у Эриха его образъ мыслей и тѣмъ самымъ доставить ученому идеалисту случай высказаться. Его пріятно щекотало то, что Эрихъ все это говоритъ единственно для его удовольствія, а не потому, чтобы онъ, Зонненкампъ, въ этомъ нуждался. Онъ былъ не прочь заглянуть въ страну идеаловъ: тамъ все такъ чисто и прибрано, — но для этого достаточно было одного часа, пожалуй, половины дня. И вдругъ онъ, сверхъ всякаго ожиданія, почувствовалъ себя заинтересованнымъ. Онъ взялъ Эриха за руку и сказалъ:

— Вы дѣйствительно отличный учитель!

Эрихъ оставилъ похвалу безъ отвѣта и продолжалъ:

— Я высоко цѣню богатство; оно громадная сила, доставляющая свободу и самостоятельность.

— Вы правы — отвѣчалъ Зонненкампъ. — Но знаете ли вы, чего можно всего сильнѣе желать и чего нельзя купить ни за какія деньги?

Эрихъ отрицательно покачалъ головой. Зонненкампъ продолжалъ:

— Вѣры! Третьяго дня здѣсь хоронили одного бѣднаго виноградаря. Я отдалъ бы половину моего состоянія, чтобъ пріобрѣсти на послѣдніе годы моей жизни вѣру, подобную той, какая воодушевляла его. Сначала я недовѣрчиво слушалъ доктора, когда тотъ утверждалъ, будто бѣдный виноградарь представляетъ изъ себя цѣлый лазаретъ болѣзней, но потомъ убѣдился. И посреди всѣхъ этихъ страданій онъ неизмѣнно твердилъ: — Спаситель нашъ еще болѣе моего страдалъ, и Господь вѣдаетъ, къ чему мнѣ все это посылаетъ! — Такая вѣра не стòитъ ли всѣхъ милліоновъ въ мірѣ? А затѣмъ я васъ спрашиваю: чувствуете ли вы себя въ состояніи внушить ее моему сыну, не дѣлая его въ тоже время рабомъ обрядовъ и поповъ?

— Едва-ли. Но есть другого рода душевное спокойствіе, которое достигается посредствомъ разума.

— Вы думаете? Въ чемъ же оно состоитъ?

— По моему мнѣнію—въ счастливомъ сознаніи, что по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствуешь благосостоянію ближнихъ.

— Какимъ счастіемъ было бы для меня имѣть въ дѣтствѣ наставника, подобнаго вамъ! — воскликнулъ Зонненкампъ уже совсѣмъ другимъ тономъ.

Эрихъ отвѣчалъ:

— Вы не могли мнѣ сказать ничего пріятнѣе, — ничего, чтò могло бы меня болѣе ободрить.

Быстрое движеніе рукой, какъ будто онъ отъ себя что-нибудь отталкиваетъ, служило знàкомъ, что Зонненкампомъ овладѣвало не совсѣмъ-то пріятное расположеніе духа. Постоянныя возраженія Эриха утомляли его: онъ ни къ чему подобному не привыкъ, и самолюбіе его начинало страдать отъ этой игры, въ которой Эрихъ никогда не оставался у него въ долгу, но постоянно держалъ его въ ожиданіи сдачи.

Въ теченіи довольно долгаго промежутка времени слышно было только журчанье ручья, тихій плескъ волнъ Рейна и щелканье соловьевъ, которые неутомимо пѣли въ кустахъ.

— Были вы когда-нибудь игрокомъ? — неожиданно спросилъ Зонненкампъ?

— Нѣтъ.

— Или страстно влюблены?.. Вы удивляетесь, что я допрашиваю васъ съ цѣлью узнать, откуда у васъ эта зрѣлость?

— Можетъ быть, я обязанъ заботливому воспитанію и серьезному занятію наукой тѣмъ, что вы такъ снисходительно называете во мнѣ зрѣлостью.

— Такъ. Но вы болѣе нежели воспитатель.

— Если это правда, то мнѣ остается только радоваться. Я полагаю, лишь тотъ человѣкъ можетъ произвести что̀-нибудь дѣйствительно дѣльное и полезное, который видитъ нѣсколько дальше, чѣмъ того требуетъ непосредственно ближайшій кругъ его дѣятельности.

Опять легкая тѣнь пробѣжала по лицу Зонненкампа, и онъ сдѣлалъ прежнее движеніе рукой. Столь быстрые и прямо идущіе къ цѣли отвѣты изумляли и смущали его.

Вдругъ въ боковой аллеѣ послышались голоса Пранкена и фрейленъ Пэрини.

— Вы должны постараться, — сказалъ Зонненкампъ, поднимаясь съ мѣста—стать въ хорошія отношенія съ фрейленъ Пэрини. Она тоже.... она особа съ вѣсомъ, и ее не легко узнать. Къ тому же она имѣетъ одно важное преимущество надъ большинствомъ мнѣ извѣстныхъ людей, — а именно: она обладаетъ въ высшей степени ровнымъ характеромъ.

— Къ сожалѣнію, я не могу тѣмъ же похвастаться и заранѣе прошу извиненія, если....

— Не надо. Но вашъ другъ Пранкенъ отлично умѣетъ ладить съ фрейленъ Пэрини.

Эриху показалось нечестнымъ скрыть отъ Зонненкампа то, что онъ не считаетъ себя вправѣ называться другомъ Пранкена. Они, правда, сначала въ корпусѣ, а потомъ въ гарнизонѣ были довольно близки между собой, но никогда не сходились вполнѣ во мнѣніяхъ и взглядахъ, и стремленія его, Эриха, далеко не соотвѣтствовали стремленіямъ наслѣдника маіоратства. Онъ чувствовалъ доброту, съ какой Пранкенъ облегчилъ ему вступленіе въ домъ господина Зонненкампа, но истина всегда должна имѣть преимущество надъ благодарностью.

Зонненкампъ снова про себя засвисталъ: онъ былъ до крайности пораженъ такого рода искренностью и началъ подозрѣвать въ Эрихѣ опытнаго дипломата, который считаетъ мудрымъ отвергать всякую благодарность. Этотъ человѣкъ или благороднѣйшій изъ идеалистовъ, или тончайшій изъ хитрецовъ.

Эрихъ мгновенно почувствовалъ всю несвоевременность своего признанія, но какъ было ему предвидѣть, что этимъ онъ уничто-

житъ благопріятное впечатлѣніе, которое передъ тѣмъ успѣлъ произвести на Зонненкампа.

Между тѣмъ они встрѣтились съ Пранкеномъ и съ фрейленъ Пэрини. Зонненкампъ дружески взялъ перваго подъ руку и отошелъ съ нимъ въ сторону.

Эрихъ остался вдвоемъ съ фрейленъ. Она держала въ рукахъ миніатюрную работу и, съ помощью крошечныхъ инструментовъ и тончайшей нитки, съ изумительной быстротой выводила кружевную гирлянду. Эрихъ говорилъ съ ней въ первый разъ и въ первый же разъ замѣтилъ, съ какой любовью она занималась своей работой. Вообще они держали себя въ отношеніи другъ друга какъ по взаимному договору: мы будемъ по возможности другъ друга избѣгать, а когда случай столкнетъ насъ, сдѣлаемъ видъ, будто никогда прежде не встрѣчались.

Въ противоположность полному, звучному голосу Эриха, фрейленъ Пэрини говорила нѣсколько глухо и хрипло. Замѣтивъ при этомъ выразившееся на лицѣ Эриха удивленіе, она сказала:

— Я вамъ очень благодарна, что вы у меня не спрашиваете, не охрипла ли я? Вы себѣ представить не можете, до какой степени мнѣ надоѣло всѣмъ и каждому съизнова объяснять, что я такъ говорю съ самаго дѣтства.

Эрихъ отвѣчалъ въ томъ же дружелюбномъ тонѣ и разсказалъ анекдотъ объ одномъ изъ своихъ друзей, который родился 28-го февраля. Всякій, кто объ этомъ узнавалъ, непремѣнно замѣчалъ ему: «Счастье ваше, что вы родились не 29-го февраля, а то вамъ приходилось бы праздновать день вашего рожденія только разъ въ четыре года». Другъ, наконецъ, самъ привыкъ говорить при каждомъ удобномъ случаѣ: «Я родился двадцать восьмого февраля: счастье для меня, что не двадцать девятаго, а то мнѣ приходилось бы праздновать день моего рожденія только разъ въ четыре года».

Фрейленъ Пэрини отъ души захохотала, и Эрихъ послѣдовалъ ея примѣру.

— О чемъ вы смѣетесь? спросилъ Зонненкампъ, подходя къ нимъ. Ничего въ мірѣ не любилъ онъ такъ, какъ смѣхъ.

Фрейленъ Пэрини повторила ему разсказъ Эриха о его другѣ, и Зонненкампъ въ свою очередь разсмѣялся.

Такимъ образомъ день былъ вышелъ какъ будто веселый.

ГЛАВА VIII.

ГЛАЗА РАСКРЫВАЮТСЯ.

Пока Эрихъ съ Зонненкампомъ разговаривали въ саду, Роландъ съ Клаусомъ сидѣлъ у щенятъ. Клаусъ спросилъ, все ли уже покончено съ капитаномъ? Роландъ не понялъ, въ чемъ дѣло. Клаусъ про себя усмѣхнулся и подумалъ, что можетъ изо всего этого извлечь себѣ двойную выгоду.

— Что̀ ты мнѣ дашь, если я устрою такъ, что капитанъ останется здѣсь въ качествѣ твоего пріятеля и учителя?.. — У-у! внезапно прервалъ онъ себя: у него лицо точно у собакъ, когда они въ первый разъ открываютъ глаза.... Ну, говори.... что̀ ты мнѣ дашь?

Роландъ молчалъ; въ мысляхъ его все смѣшалось и перепуталось, а щенята вокругъ запрыгали и завертѣлись.

Между тѣмъ, подошелъ Іозефъ; онъ отозвался о родителяхъ Эриха какъ о святыхъ, и въ заключеніе сказалъ:

— Вы правы гордиться, господинъ Роландъ: отецъ Эриха былъ воспитателемъ принцевъ, а самъ онъ будетъ — вашимъ.

Роландъ все еще не могъ говорить.

— Скорѣй затвори ставни! вдругъ закричалъ Клаусъ.

Іозефъ исполнилъ его приказаніе. Клаусъ взялъ въ руки одного изъ щенятъ, приподнялъ ему вѣки и воскликнулъ:

— Теперь я видѣлъ: у нихъ только-что открылись глаза! Не надо впускать сюда свѣта, иначе собаки испортятся.

Занявшись собаками, Клаусъ забылъ свой двойной и хитро-задуманный планъ. Онъ вмѣстѣ съ Роландомъ и Іозефомъ вышелъ на дворъ, а Роландъ вскорѣ совсѣмъ ихъ оставилъ. Онъ увидѣлъ отца, сидящаго съ Эрихомъ, и ему стало досадно на послѣдняго. Зачѣмъ онъ ему съ самаго начала не сказалъ, кто онъ такой?

Но досада его скоро разсѣялась, и онъ охотно поспѣшилъ бы къ Эриху, чтобъ обнять его, однако превозмогъ свое желаніе и показался только послѣ того, какъ услышалъ смѣхъ.

Довѣрчиво подошелъ мальчикъ къ Эриху, и взглядъ его какъ-бы говорилъ:

— Благодарю тебя: я знаю кто ты.

Эрихъ не понялъ взгляда. Наконецъ, Роландъ не утерпѣлъ:

— Довольно былъ ты съ другими, сказалъ онъ, теперь пойдемъ со мной.

Онъ проводилъ Эриха въ его комнату и ожидалъ, чтобъ тотъ

съ нимъ заговорилъ, но Эрихъ только попросилъ мальчика оставить его одного. Имъ овладѣла страшная усталость. Тяжестью лежало у него на сердцѣ его зависимое положеніе. Человѣкъ, взявшій на себя обязанность воспитывать, сдерживать и руководить другого — думалъ онъ — теряетъ право жить для себя: онъ не смѣетъ говорить: «оставь меня».... ему предстоитъ всегда думать о другомъ.

Измученный видъ Эриха сильно опечалилъ Роланда. Мальчикъ не могъ знать, что Эрихъ страдалъ отъ недовольства самимъ собой. То не было утомленіе послѣ тяжелыхъ объясненій, не рѣдко оставляющихъ по себѣ душевную пустоту,—но настоящая скорбь отъ того, что онъ допустилъ себя увлечься слишкомъ обширной программой, имѣя цѣлью воспитаніе одного ребенка. Болѣе всего тревожило Эриха сомнѣніе насчетъ своей собственной несостоятельности; онъ чувствовалъ, что прежде, чѣмъ другому внушать твердость и мужество, онъ самъ долженъ нѣсколько болѣе сосредоточиться. Терзаемый такого рода мыслями, онъ едва замѣчалъ присутствіе мальчика, который безъ умолку болталъ о необыкновенной понятливости собакъ и въ то же время, съ любовью и вопросомъ въ глазахъ, безпрестанно взглядывалъ ему въ лицо.

Явился слуга и доложилъ, что подана карета.

Эрихъ просто испугался. Что же это за жизнь?! Прогуливаться по саду, ѣздить верхомъ и въ экипажѣ, ѣсть, потомъ опять гулять, наслаждаться.... Когда же углубиться въ самого себя и собраться съ мыслями? Возможно ли при такихъ условіяхъ дать молодому уму правильное развитіе и поддержать его всегда на одинаковой высотѣ?

Гордость заговорила въ Эрихѣ: не къ тому онъ себя готовилъ. Не для того онъ такъ много трудился и подвергалъ себя лишеніямъ, чтобъ теперь наполнять свое время однѣми прогулками, да лакомыми обѣдами. Онъ находилъ это невозможнымъ и хотѣлъ самъ распредѣлить свое время такъ, чтобъ это соотвѣтствовало его наклонностямъ.

Эрихъ вышелъ съ Роландомъ на дворъ и въ учтивыхъ выраженіяхъ попросилъ освободить его отъ прогулки, говоря, что чувствуетъ потребность въ нѣсколькихъ часахъ уединенія.

Эти слова были встрѣчены различно. Господинъ Зонненкампъ рѣзко сказалъ, что онъ никогда не налагаетъ на своихъ гостей никакого рода принужденій; Пранкенъ и фрейленъ Пэрини быстро обмѣнялись взглядомъ, въ которомъ выражалась злая радость по случаю того, что Эрихъ своеволіемъ, доведеннымъ до безтактности, самъ себѣ вредилъ.

Роландъ поспѣшилъ сказать, что онъ останется дома съ Эрихомъ, но Пранкенъ съ торжествомъ въ голосѣ возразилъ:

— Господинъ Дорнэ хочетъ быть одинъ, если вы останетесь съ нимъ, милый Роландъ, вы ему помѣшаете.

Слово «господинъ» онъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ.

Одинъ экипажъ приказали отложить, въ другой сѣли фрейленъ Пэрини, Пранкенъ и Роландъ. Зонненкампъ помѣстился на козлахъ. Онъ очень любилъ самъ править, и ничто не могло доставить ему бо̀льшаго удовольствія, какъ одной рукой сдерживать четырехъ лошадей. Многіе видѣли въ этомъ хвастовство и смѣялись надъ его четверней, въ сущности же ему просто нравилось такъ ѣздить. Церера тоже оставалась дома: она въ этотъ день уже довольно сдѣлала для общежитія.

Эрихъ подождалъ, пока они уѣхали, а затѣмъ вернулся къ себѣ въ комнату.

Онъ сидѣлъ одинъ; вокругъ все было тихо. Не мудрено, если онъ чувствовалъ себя утомленнымъ. Весь настоящій день прошелъ для него въ усиліяхъ принаровиться къ совершенно новому порядку вещей, и казалось почти невѣроятнымъ, чтобъ столько различныхъ впечатлѣній могло умѣститься въ такомъ короткомъ промежуткѣ времени.

Чего онъ только сегодня не пережилъ! Не далѣе еще, какъ утромъ, онъ былъ у Клодвига и разсматривалъ римскія древности, — но ему казалось, будто съ тѣхъ поръ прошли цѣлые годы. Затѣмъ онъ попалъ въ совершенно чуждую для него сферу, впервые вкусилъ трудового хлѣба, испыталъ чувство обманутой дружбы и неблагодарности, — но все это, равно какъ и нѣчто загадочное, поразившее его въ Зонненкампѣ, Роландѣ, фрейленъ Пэрини и госпожѣ Церерѣ, являлось ему какъ бы въ далекомъ прошломъ, лишь только онъ вспоминалъ о матери.

Имъ начала овладѣвать тоска по родинѣ, но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и не поддался ей. Привычка къ военной дисциплинѣ помогла ему въ этомъ: стой на своемъ посту, внимательно слѣди за всѣмъ, что̀ у тебя происходитъ передъ глазами и не смѣй уставать!...

— Не смѣй уставать! громко произнесъ онъ, и сознаніе въ себѣ молодыхъ силъ подкрѣпило его. Онъ чувствовалъ, что на завтра будетъ въ состояніи дать мужественный отпоръ всякаго рода загадкамъ. Всего болѣе успокоивала и утишала его мысль, что онъ остался вѣренъ истинѣ. Онъ давалъ себѣ обѣщаніе и впередъ никогда ей не измѣнять, понимая, что это единственная почва, на которой онъ не могъ быть ни униженъ, ни побѣжденъ.

Вдали, на другомъ берегу Рейна, на станціи желѣзной дороги слышалось пыхтѣніе локомотива, изъ котораго выпускали пары. Онъ свистѣлъ и шипѣлъ, какъ какое-нибудь чудовище, а Эрихъ думалъ: эта машина сегодня тащила за собой вагонъ, а въ нихъ сотни людей; теперь ее отпускаютъ на покой и освобождаютъ отъ паровъ. Онъ улыбнулся и въ головѣ у него мелькнуло сравненіе самого себя съ этимъ локомотивомъ, который теперь охлаждали, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующее утро снова нагрѣть.

Вдругъ его пробудили отъ сна: онъ самъ не замѣтилъ, какъ заснулъ.

Передъ нимъ стоялъ слуга и докладывалъ, что хозяйка дома желаетъ съ нимъ говорить.

ГЛАВА IX.

ЗАГАДКА ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Солнце уже зашло, но на долинѣ, на рѣкѣ и на горахъ лежала еще жаркая полоса свѣта, когда Эрихъ, идя съ лакеемъ по корридору, выглянулъ въ окно.

Его провели черезъ нѣсколько комнатъ; въ послѣдней изъ нихъ, гдѣ висѣла зажженная лампа подъ матовымъ колпакомъ, онъ услышалъ голосъ, говорившій:

— Благодарю васъ. — Садитесь.

Онъ увидалъ госпожу Цереру на диванѣ, а передъ ней кресло.

Эрихъ сѣлъ.

— Я собственно для васъ осталась дома, начала госпожа Церера. У нея былъ нѣжный, робкій голосъ, и она видимо съ трудомъ говорила. Эрихъ не зналъ что̀ ей отвѣчать. Вдругъ она выпрямилась и спросила:

— Вы знакомы съ моей дочерью?

— Нѣтъ.

— Однако вы были въ монастырѣ на островѣ?

— Да. Я отвозилъ настоятельницѣ поклонъ отъ моей матери.

— Я вѣрю вамъ. Не я причиной тому, что она будетъ монахиней, — не думайте этого.

Эрихъ молчалъ, не зная, что̀ ему отвѣчать. А госпожа Церера, снова опускаясь на подушки, продолжала:

— Не оставайтесь у насъ, капитанъ, — предупреждаю васъ...

Я ничему не училась, — онъ не далъ мнѣ ничему выучиться, — но не оставайтесь у насъ, если только вы имѣете возможность иначе существовать. Зачѣмъ хотите вы поступить въ нашъ домъ?

— Затѣмъ, что я думалъ, — не далѣе еще какъ часъ тому назадъ, — что могу быть хорошимъ наставникомъ для вашего сына.

И Эрихъ разсказалъ ей о возникшихъ въ немъ сомнѣніяхъ и о томъ, какъ онъ не считаетъ себя достаточно готовымъ для роли руководителя. Впрочемъ, осмѣливался онъ думать, врядъ ли и кто другой болѣе для нея годенъ, а развѣ только легче посмотритъ на дѣло. Онъ открылъ передъ ней всю душу, жалуясь на то, какъ быстро разбиваются о дѣйствительность всѣ идеальныя воззрѣнія на жизнь и дѣятельность.

— Я ничему не учена и васъ не понимаю, возразила госпожа Церера. Но вы такъ прекрасно говорите.... у васъ такія хорошія слова.... я вѣкъ бы васъ слушала.... нужды нѣтъ, что не понимаю.... Вы ему не скажете, что я васъ къ себѣ звала, не правда-ли?

— Кому ему? — хотѣлъ спросить Эрихъ, но госпожа Церера опять быстро привстала и сказала:

— Онъ иногда бываетъ ужасенъ.... онъ опасный человѣкъ.... Никто этого не знаетъ и не подозрѣваетъ. Да, онъ опасный человѣкъ!.... А вы меня полюбили?

Эрихъ задрожалъ. Что все это означаетъ?

— Ахъ, я сама не знаю, что̀ говорю, продолжала госпожа Церера. — Онъ правъ: я полуумная.... Зачѣмъ я васъ сюда позвала?.... Ахъ, да, помню! Разскажите мнѣ что̀-нибудь о вашей матушкѣ. Дѣйствительно ли она такъ умна и знатна, какъ говорятъ? Я тоже когда-то была знатной дамой, — право была!

Эриха бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Возможно ли, чтобъ это странное, полусонное существо дѣйствительно было не въ полномъ разсудкѣ, и только посредствомъ неутомимой бдительности до нѣкоторой степени обуздывалось въ присутствіи людей постороннихъ.

Еще утромъ собирался онъ писать матери, что попалъ въ какую-то сказочную страну, — и вотъ страна эта является ему все болѣе и болѣе населенною чудесами.

Съ безпристрастіемъ, какое только доступно сыну, Эрихъ изобразилъ свою мать, ея нравы и привычки, говоря, что она счастлива, потому что постоянно заботится о счастіи другихъ. Затѣмъ онъ описалъ смерть отца, брата и разсказалъ о величіи души, съ какимъ она перенесла всѣ эти испытанія.

Госпожа Церера зарыдала и вдругъ воскликнула:

— Благодарю васъ, благодарю!

Она протянула ему свою бѣлую, тонкую руку и не переставала повторять:

— Благодарю васъ!.... Со всѣми своими деньгами онъ не могъ дать мнѣ слезъ: я думала, что уже совсѣмъ разучилась плакать!.... О, какъ меня это облегчаетъ!.... Останьтесь съ нами.... останьтесь при Роландѣ!.... Онъ не можетъ плакать.... не говорите ему ничего.... Какъ желала бы я тоже имѣть мать!... Останьтесь у насъ!.... Я всегда буду это помнить.... благодарю васъ!.... А теперь, идите, идите прочь, пока онъ еще не вернулся!.... Идите!.... Доброй ночи!....

Эрихъ возвратился въ свою комнату. Все это казалось ему сномъ. Таинственность, окружавшая въ его глазахъ домъ Зонненкампа, когда онъ смотрѣлъ на него отъ Вольфсгартена, все болѣе и болѣе сгущалась. Здѣсь происходили самыя странныя вещи.

Роландъ явился съ прогулки бодрый и свѣжій. Короткая разлука заставила его и Эриха свидѣться съ новымъ удовольствіемъ.

Роландъ присталъ къ Эриху, чтобъ тотъ ему разсказалъ что-нибудь о гугенотахъ: безъ сомнѣнія, о нихъ шла рѣчь во время прогулки. Эрихъ отказался, говоря, что ему еще рано знать всю жестокость, съ какой люди преслѣдуютъ другъ друга изъ-за религіозныхъ вопросовъ.

Роландъ сообщилъ Эриху, что Пранкенъ на слѣдующій день отправляется въ монастырь къ его сестрѣ Маннѣ.

Эрихъ колебался: запретить мальчику передавать ему все слышанное, значитъ испугать его довѣрчивость и положить границы его искренности, а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что ему не приходится выслушивать вещи, которыя, можетъ быть, желаютъ отъ него скрыть. Наконецъ, онъ рѣшился, въ случаѣ своего дальнѣйшаго пребыванія въ домѣ, попросить Зонненкампа не говорить въ присутствіи Роланда о такихъ предметахъ, которые не должны быть извѣстны его наставнику.

Эриха пригласили кушать чай. Церера болѣе не выходила изъ своей комнаты.

Эрихомъ овладѣло безпокойство. Слѣдуетъ ему, или нѣтъ разсказать Зонненкампу о своемъ свиданіи съ его женой? Въ такомъ случаѣ, ему надо передать и свой разговоръ съ ней. Правда, въ немъ не много заключалось: глухой намекъ, отдѣльныя слова, между которыми даже почти не существовало никакой связи.

Роландъ, съ своей стороны, все смотрѣлъ на Эриха съ какой-то мольбой въ глазахъ. Мальчикъ чувствовалъ, что въ его

новомъ другѣ происходитъ что-то грустное, и желалъ всячески разсѣять его. Между тѣмъ, къ любви Эриха къ нему присоединилось еще состраданіе. Здѣсь явно существовали тяжелыя семейныя отношенія, отъ которыхъ мальчикъ неизбѣжно долженъ былъ пострадать. Счастье еще, что онъ не успѣлъ утратить юношеской бодрости духа.

Эриху безпрестанно приходило на память то, чему онъ былъ свидѣтелемъ въ смирительномъ домѣ. Самые закоренѣлые преступники съ торжествующимъ видомъ утверждали, что величайшимъ для нихъ удовольствіемъ было скрывать свои преступленія. Менѣе закоренѣлые, напротивъ, признавались, что рады были скорѣй подвергнуться наказанію, такъ какъ страхъ быть открытымъ и усилія скрыть свой проступокъ хуже всякаго наказанія.

Теперь на душѣ Эриха тоже лежала тайна. Что̀, если слуга выдастъ его, и онъ явится въ глазахъ другихъ недостойнымъ довѣрія?

Когда Эрихъ ложился спать, къ нему опять зашелъ Роландъ освѣдомиться, не имѣетъ ли онъ что-нибудь ему сказать?

Эрихъ отвѣчалъ отрицательно, и мальчикъ печально пожелалъ ему доброй ночи.

ГЛАВА X.

СВѢТЛЫЙ ДЕНЬ И МРАЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

Утренняя роса блистала на травѣ, цвѣтахъ и кустарникахъ, птицы весело пѣли, когда Эрихъ вышелъ въ паркъ. Всюду господствовалъ духъ порядка и заботливости.

На берегу Эрихъ услышалъ разговоръ двухъ женщинъ, которыя выгружали лодку съ черноземомъ.

— Благодареніе Богу, говорила одна, за то, что у насъ поселился такой человѣкъ. Теперь во всей окрестности не найдешь нуждающагося, если только кто можетъ работать.

— Да, отвѣчала другая: — а злые-то люди чего-чего о немъ не говорятъ!

— А что?

— Да вонъ, толкуютъ, будто онъ былъ портнымъ.

Эрихъ съ трудомъ удержался отъ смѣха. Тутъ подошла третья женщина и сказала гнусливымъ голосомъ.

— Портнымъ! нѣтъ, не портнымъ былъ онъ, а морскимъ разбойникомъ, и укралъ у султана въ Африкѣ золотой корабль.

— Пусть такъ, возразила первая, у людоѣдовъ еще много

золота осталось, да къ тому же они язычники, а господинъ Зонненкампъ со своими деньгами только добро дѣлаетъ.

Эрихъ слушалъ ихъ съ улыбкой, но въ тоже время ему было грустно отъ мысли, что богатство всегда вызываетъ злые толки.

Онъ пошелъ дальше. Остановясь на небольшомъ возвышеніи, Эрихъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, какая гармонія существовала между главнымъ корпусомъ зданія, флигелями, паркомъ и садомъ. Близъ самаго дома, выстроеннаго во вкусѣ renaissance, росли деревья съ темною зеленью, липы и вязы, на фонѣ которыхъ особенно отчетливо выдавалось все зданіе. Со всѣхъ сторонъ шли тѣнистыя аллеи и примыкали къ дому, который самъ казался здѣсь какимъ-то чудомъ, вызваннымъ изъ среды окружающей его природы. Каменныя галлереи съ колоннами, зеленыя лужайки, деревья, пригорки,—все какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало одно другому. Веранды казались корзинами съ вьющимися растеніями, а все вмѣстѣ составляло мастерское произведеніе сельской архитектуры, поэтическое цѣлое, вполнѣ согласное съ законами искусства. На всемъ лежалъ оттѣнокъ свѣжести и чистоты, какъ будто зданіе только-что вышло изъ рукъ работниковъ: все дышало дѣятельностью и довольствомъ, каждое дерево, каждый листокъ, каждый колышекъ въ заборѣ свидѣтельствовали, что находятся во власти человѣка богатаго и заботливаго.

Эрихъ не долго оставался одинъ; къ нему присоединился камердинеръ Іозефъ и любезно вызвался, въ качествѣ земляка, познакомить его со всѣмъ, что̀ касалось домашняго быта его господъ.

Эрихъ молчалъ, и Іозефъ снова повторилъ разсказъ о томъ, какъ въ университетѣ его звали Генрихомъ XXXII на томъ основаніи, что будто-бы всѣ маркёры называются Генрихами. Затѣмъ онъ былъ кельнеромъ въ одной изъ бернскихъ гостинницъ, гдѣ Зонненкампъ прожилъ почти два лѣта сряду, занимая весь первый этажъ или, какъ говорилъ Іозефъ, самыя лучшія комнаты въ мірѣ. Тамъ онъ впервые увидѣлъ его, понравился ему и поступилъ къ нему въ услуженіе. Не безъ юмора разсказывалъ Іозефъ, что прислуга Зонненкампа, который очень много путешествовалъ, представляла образчики всѣхъ націй, подобно тому, какъ его птичій дворъ заключалъ въ себѣ всевозможныя породы птицъ, не исключая и павлина. Кучеръ у него былъ англичанинъ, первый конюхъ — полякъ, поваръ — французъ, первая каммеръ-юнгфера—богемская изгнанница, а фрейленъ Пэрини полуфранцуженка, полуитальянка изъ Ниццы. Самъ баринъ отличался строгостью: садовникамъ крѣпко на-крѣпко запрещалось курить въ паркѣ, а конюхамъ свистать на конюшнѣ,

чтобъ не тревожить лошадей, привыкшихъ только къ свисту своего господина. Но во всемъ остальномъ Зонненкампъ любилъ, чтобъ слуги его, какъ можно менѣе, походили на слугъ и не имѣли въ себѣ ничего подобострастнаго. Онъ только недавно уступилъ желанію своей жены одѣть нѣкоторыхъ изъ лакеевъ въ ливрею. Слугáмъ предписывалось мало говорить; господинъ Зонненкампъ обращался къ нимъ только съ извѣстными вопросами, на которые у тѣхъ ужъ были заготовлены извѣстные отвѣты, а впрочемъ ихъ содержали очень хорошо.

Въ заключеніе, Іозефъ съ самодовольнымъ видомъ сказалъ, что уже распустилъ въ людскихъ молву о томъ, кто такіе родители Эриха. Это не лишнее, прибавилъ онъ, когда люди знаютъ кто вы, они всегда имѣютъ къ вамъ больше уваженія. Но настоящей главой хозяйства была мадамъ Пэрини: она въ сущности дѣвица, но госпожа Церера всегда называетъ ее мадамой.

— Ловчій правъ, — продолжалъ Іозефъ — утверждая, что фрейленъ Пэрини обладаетъ силой семи кошекъ.

Эрихъ попытался-было остановить этотъ потокъ откровенности, но Іозефъ упросилъ его дозволить ему высказаться и быть къ нему снисходительнымъ, ради ихъ университетскаго родства. Онъ сообщилъ еще, между прочимъ, что Пранкенъ собирается жениться на его молодой барышнѣ.

— А ужъ какая она красавица! Какая добрая и ласковая! И что за веселая была она прежде! Для нея не существовало ни слишкомъ бѣшеной лошади, ни слишкомъ сильной бури на Рейнѣ. Она охотилась не хуже любого браконьера, но за то теперь сдѣлалась такая печальная... все груститъ...

Эрихъ обрадовался, когда болтливый слуга вдругъ схватился за часы и воскликнулъ:

Черезъ минуту баринъ встанетъ: мнѣ надо идти къ нему. Онъ точенъ, какъ часы, — прибавилъ Іозефъ уже на-ходу.

Какъ отрывистые звуки отдаленной мелодіи, слагались въ мысляхъ Эриха всѣ свѣдѣнія, полученныя имъ о хозяйской дочери. Не та ли это самая дѣвушка, которая съ крыльями третьяго дня явилась ему въ монастырѣ? Онъ стоялъ неподвижно, устремивъ глаза на плетень, а передъ нимъ рисовалась картина цѣлой жизни. Тамъ, въ монастырѣ, далеко отъ свѣта и людей, воспитывается дѣвочка. Ей вдругъ говорятъ: ты баронесса Пранкенъ! Она счастлива и съ восторгомъ готова слѣдовать за прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, черезъ котораго получаетъ доступъ ко всѣмъ удовольствіямъ свѣта. Весьма вѣроятно, она и не знаетъ, что̀ за человѣкъ ея мужъ, — да и лучше, если она никогда этого не узнаетъ.

Эрихъ покачалъ головой: какое ему дѣло до маленькаго монастырскаго цвѣтка?

Всѣ прелести парка стушевались въ глазахъ Эриха. Опустивъ глаза въ землю, онъ быстрыми шагами безъ цѣли ходилъ по аллеямъ, пока, выйдя изъ чащи деревъ къ пруду, не наткнулся на Зонненкампа. Едва можно было узнать его въ коротенькой, сѣрой, выложенной снурками курткѣ. Подойдя къ Эриху, онъ изъявилъ удовольствіе, что видитъ его уже гуляющимъ, и предложилъ показать ему всѣ свои владѣнія.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе молодого человѣка на огромный кустъ папоротника и съ улыбкой слушалъ, какъ Эрихъ воображалъ себѣ укрывающагося тамъ буйвола. При этомъ онъ самъ, сопровождая свои слова сильными тѣлодвиженіями, разсказалъ, какъ ему не разъ случалось ловить буйволовъ съ помощью аркана.

Затѣмъ онъ повелъ Эриха на возвышеніе, усаженное великолѣпными кленами, и которое онъ считаетъ центромъ всего парка. Онъ очень гордился этими прекрасными, раскидистыми деревьями и замѣтилъ, что такое тѣнистое мѣстечко особенно пріятно имѣть для укрытія отъ лѣтняго зноя въ странѣ виноградниковъ, гдѣ обыкновенно не бываетъ защиты отъ солнца.

— Видите ли, — сказалъ онъ — я красоту своего парка перенесъ и на чужія владѣнія. Вонъ тамъ, на верху, есть группа деревьевъ: я ее купилъ, расчистилъ, провелъ къ ней дороги, устроилъ новые разсадники, и все это только для того, чтобъ получить хорошій видъ. Свой домъ я строилъ съ цѣлью доставить удовольствіе собственнымъ глазамъ, а не чужимъ. Эта хижина внизу выстроена по моему плану, что̀, конечно, не обошлось мнѣ даромъ, а тамъ, далѣе, зеленая изгородь скрываетъ каменоломни. Вонъ, ту изящную колокольню въ селѣ, на вершинѣ горы, выстроилъ тоже я. Меня за то не мало восхваляли и курили передо мной ѳиміамъ, но, — вамъ это можно сказать, — мною руководило единственно желаніе устроить себѣ хорошій видъ. Я хочу дать новый характеръ всей странѣ, но это не легко, такъ какъ приходится ежеминутно бороться съ корыстолюбіемъ людей. Вонъ теперь внизу одинъ корзинщикъ строитъ себѣ домъ и вздумалъ покрыть его отвратительной красной черепичной кровлей, которая мнѣ колетъ глаза всякій разъ, какъ я на нее взгляну. Я никакъ не могу сговориться съ этимъ молодцомъ: онъ требуетъ за свой домикъ слишкомъ высокую цѣну... но, — что̀ станете дѣлать? онъ ее получитъ, лишь бы согласился подчиниться моимъ предписаніямъ.

Зонненкампъ выражался съ энергіей, которая напомнила

Эриху отзывъ о немъ Беллы, назвавшей его завоевателемъ. Въ такомъ человѣкѣ всегда бываетъ доля деспотизма, побуждающая его устроивать свѣтъ по собственному произволу и управлять имъ согласно съ своими личными вкусами. Села, церкви, горы, лѣса существовали для него только, какъ части ландшафта, въ отношеніи которыхъ онъ ставилъ себя одного зрителемъ, который любуется ими съ той или другой точки зрѣнія.

Зонненкампъ повелъ своего гостя далѣе по парку, вездѣ объясняя его расположеніе. Онъ, въ одномъ мѣстѣ, пользовался тѣмъ, что̀ давала ему природа и только украшалъ и возвышалъ ее, а въ другомъ—самъ, посредствомъ насыпей и прорытій, сообщалъ мѣстности болѣе оживленный характеръ. Онъ указывалъ на искусное сочетаніе свѣта и тѣней. Кое-гдѣ возвышалась группа, цѣлая рощица, изъ деревъ одной и той же породы, которые не рѣзко, не вдругъ исчезали, а постепенно мельчали и потомъ уже не замѣтно пропадали, какъ-то бываетъ въ природѣ. Зонненкампъ любезно улыбался, слушая Эриха, когда тотъ говорилъ, что чѣмъ менѣе въ устройствѣ парка даютъ чувствовать свое присутствіе руки и умъ человѣческій, чѣмъ съ бо̀льшей простотой и естественностью онъ расположенъ, тѣмъ выше и чище является тамъ искусство.

Маленькій ручеекъ бѣжалъ съ горы и впадалъ въ рѣку. Онъ то исчезалъ, то снова, какъ бы невзначай пробивался сквозь землю и, казалось, говорилъ своимъ журчаніемъ: — я здѣсь.

Въ расположеніи мѣстъ для отдыха, виднѣлась особенная заботливость. Подъ одной плакучей ивой, густая зелень которой составляла непроницаемый сводъ, стоялъ стулъ для одной особы, какъ бы предупреждая, что здѣсь разсчитано на одного. Но стулъ былъ опрокинутъ и прислоненъ къ дереву.

— Это любимый уголокъ моей дочери, — сказалъ Зонненкампъ.

— И вы опрокинули стулъ, чтобъ въ ея отсутствіе никто на немъ не сидѣлъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Зонненкампъ,—это случайность, но вы правы, и впередъ пусть будетъ по вашему.

Оба пошли далѣе, но Эрихъ едва замѣчалъ удобныя скамейки, встрѣчавшіяся здѣсь въ большомъ количествѣ, и разсѣянно слушалъ Зонненкампа. А тотъ объяснялъ ему, что не всегда ставитъ скамьи на открытой мѣстности, а иногда прячетъ ихъ въ лѣсной чащѣ, предоставляя, такимъ образомъ, желающимъ — наслаждаться уединеніемъ.

Подъ великолѣпнымъ вязомъ стоялъ столъ съ двумя скамьями— одна противъ другой. Зонненкампъ сказалъ, что мѣсто это называется «школой», отъ того, что Роландъ часто беретъ здѣсь

уроки. Эрихъ замѣтилъ, что онъ никогда не занимается преподаваніемъ на воздухѣ. Можно, совершенно естественно, кое-чему научиться гуляя, но настоящее, серьезное ученіе, требующее строгой сосредоточенности ума, непремѣнно должно происходить въ замкнутомъ пространствѣ, гдѣ бы не терялся голосъ.

Зонненкампу представился тутъ удобный случай объявить Эриху свое рѣшеніе насчетъ главнаго вопроса, но онъ ничего не сказалъ. Подобно тому, какъ художникъ радуется проницательности воспріимчиваго зрителя, указывающаго ему на достоинства, сокрытыя въ его произведеніи, но существованіе которыхъ онъ самъ едва допускалъ, — такъ точно Зонненкампъ наслаждался яснымъ пониманіемъ, съ какимъ Эрихъ оцѣнивалъ его разнообразныя творенія и искусную сопостановку деревъ и кустарниковъ.

Долго стояли они передъ одной группой изъ кедровъ и сосенъ; легкій, утренній вѣтерокъ игралъ въ вѣтвяхъ бальзамной сосны, серебристая зелень которой струилась въ воздухѣ, точно блестящая зыбь на спокойной поверхности моря.

Вблизи лежалъ небольшой прудъ съ фонтанами, а нѣсколько далѣе, на пригоркѣ виднѣлась бесѣдка изъ розовыхъ кустовъ. Зонненкампъ разсказалъ, какъ она была выстроена вслѣдствіе сна, видѣннаго его женой, Церерой.

— Это было еще въ то время, — прибавилъ онъ, останавливаясь, — когда я, послѣ нашего переселенія сюда, чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, и все вокругъ меня сохраняло спокойное, трезвое настроеніе.

Эрихъ опять подумалъ про себя: не разсказать ли ему Зонненкампу о странномъ вчерашнемъ приключеніи. Зонненкампъ продолжалъ стоять неподвижно и произнесъ, какъ-то особенно переводя духъ, точно медленно и осторожно раздувая огонь:

— У моей жены часто бываютъ странныя фантазіи, но если ей не противорѣчить, она скоро забываетъ ихъ.

Вдругъ онъ какъ будто спохватился, что сказалъ лишнее и заговорилъ съ необыкновенной поспѣшностью:

— Теперь пойдемте, я вамъ покажу все, что составляетъ мою гордость. Но прежде—еще одинъ вопросъ. Вы—философъ, скажите же, не ужасно ли, что мы должны со всѣмъ этимъ разстаться, что намъ предстоитъ умереть и мы это знаемъ? Все здѣсь по прежнему будетъ зеленѣть и цвѣсти, а тотъ, кто это насадилъ и завоевалъ для этого средства, исчезнетъ, перестанетъ существовать?

— Не думалъ я, чтобъ васъ занимали подобныя мысли!

— Вы правы, давая мнѣ такого рода отвѣтъ. Не слѣдуетъ

дѣлать вопросовъ, на которые никто не можетъ отвѣчать, съ горечью произнесъ Зонненкампъ.

— Но еще одно слово: я хочу, чтобъ Роландъ получилъ вѣрное понятіе о томъ, что̀ мною здѣсь сдѣлано. Онъ долженъ продолжать мое дѣло. Такого рода садъ не то, что произведеніе скульптуры или живописи, для выполненія котораго достаточно одного художника. Онъ ростетъ и требуетъ постояннаго ухода. Для чего, по крайней мѣрѣ, не дана намъ увѣренность, что все нами созданное и завоеванное достанется въ наслѣдство нашему потомству, а не перейдетъ въ руки людей постороннихъ, которые, пожалуй, все это разорятъ?

— Если вы того мнѣнія, что я не съумѣлъ бы отвѣчать на вашъ первый вопросъ, то я долженъ сознаться, что̀ второго вовсе не понимаю.

— Хорошо, хорошо, мы послѣ еще объ этомъ поговоримъ... а не то такъ и совсѣмъ оставимъ этотъ разговоръ, перебилъ его Зонненкампъ: — а теперь пойдемте, я вамъ покажу все то, что̀ составляетъ мою гордость.

ГЛАВА XI.

ПРЕДМЕТЪ ГОРДОСТИ ЗОННЕНКАМПА.

Изъ тѣнистаго, густо насаженнаго парка, окаймленнаго толстыми и высокими пихтами, внезапно открывался входъ въ настоящій лабиринтъ плодовыхъ деревъ, которые занимали пространство нѣсколькихъ десятинъ и представляли въ полномъ смыслѣ слова волшебный видъ. Гряды были усажены грушами и яблонями, такими низенькими, что онѣ походили на тисовые кустарники. Стволъ едва достигалъ двухъ футовъ вышины, но отъ него шли по ту и другую сторону тщательно подвязанныя вѣтви въ тридцать футовъ, длинныя и буквально осыпанныя цвѣтомъ. Все это было въ высшей степени регулярно расположено и свидѣтельствовало о несокрушимости человѣческой воли, перехитрившей даже самую природу.

Деревья всевозможныхъ геометрическихъ формъ стояли, гдѣ кругами, гдѣ длинными рядами. Тамъ было, между прочимъ, одно дерево съ остроконечной верхушкой, украшенное всего четырьмя вѣтками съ равными между ними промежутками и изъ которыхъ каждая смотрѣла въ одну изъ четырехъ странъ свѣта. У стѣны стояли деревья, точь-въ-точь напоминавшія канделя-

бру о двухъ ручкахъ, у другихъ стволъ и вѣтви какъ бы составляли косой уголъ.

Эрихъ внимательно слушалъ, какъ Зонненкампъ ему толковалъ о необходимости подстригать деревья, для того, чтобы соки не разливались по стволу и вѣтвямъ, а всѣ уходили въ плоды.

— Вамъ какъ будто жаль этихъ подстриженныхъ вѣтвей? спросилъ Зонненкампъ.

— Не то, чтобы жаль, но натуральная и знакомая намъ форма плодовыхъ деревьевъ...

— Да, да, перебилъ его Зонненкампъ. До какой, право, степени люди подвержены предразсудкамъ! Вѣдь никто не находитъ жестокимъ и неестественнымъ, что виноградную лозу каждое лѣто трижды подстригаютъ? Никто не ожидаетъ отъ нея красоты, а всѣ требуютъ вкуснаго, сочнаго плода. Тоже самое и съ другими плодовыми деревьями. Съ прививкой деревъ ясно обозначился путь, по которому слѣдуетъ идти, и я только хочу быть послѣдовательнымъ! Садовое дерево имѣетъ одно назначеніе, фруктовое — другое. Эти яблони дожны имѣть только такое количество вѣтвей, какое необходимо для произведенія наиболѣе крупныхъ плодовъ. Отъ фруктового дерева я ничего и не требую, кромѣ плодовъ.

— Но природа...

— Природа!.... Природа!... быстро заговорилъ Зоненнкампъ. Девять десятыхъ изъ того, что̀ мы называемъ природой, суть не что иное, какъ дрессировка, изобрѣтеніе нашей фантазіи. Природа и народъ — вотъ два идеала, которыхъ вы, философы, себѣ создали. А по моему нѣтъ ни природы, ни народа, а если они и существуютъ, то въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ!

Эрихъ былъ пораженъ энергіей, съ какой все это говорилось. Но изумленіе его еще усилилось, когда Зонненкампъ продолжалъ:

— Настоящимъ воспитателемъ человѣчества назвалъ бы я того, кто съумѣлъ бы воспитывать людей такъ, какъ я воспитываю эти деревья: для ближайшей цѣли, отвергая все излишнее и постороннее. То, что̀ называютъ природой—миѳъ. Природа не существуетъ, или, по крайней мѣрѣ, ея очень мало на свѣтѣ. А у насъ, у людей — все дѣло привычки, воспитанія, обычая. Да, природы нѣтъ!

— Все это для меня въ высшей степени ново, замѣтилъ наконецъ Эрихъ:—люди традиціи называютъ насъ, людей науки, богоотступниками; но человѣка, отрицающаго природу, я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ, да и никогда не слышалъ, чтобъ такой существовалъ. Вы, безъ сомнѣнія, шутите.

— Конечно, я шучу! съ горечью возразилъ Зонненкампъ. Эрихъ былъ совершенно сбитъ съ толку; онъ нерѣшительно сказалъ:

— О тѣхъ, которые законы нашей жизни выводятъ изъ откровенія, пожалуй, и можно бы сказать, что они отрицаютъ природу, да и то не отрицаютъ, а только объявляютъ ее недѣйствительной...

— Я не ученый, а еще менѣе того богословъ, быстро перебилъ его Зонненкампъ. Всѣмъ управляетъ судьба. Въ лѣсу появляются гусеницы; рядомъ стоятъ два дуба: одинъ изъ нихъ весь изъѣденъ, другой совершенно цѣлъ — почему? мы не знаемъ. Вездѣ судьба. Вы видите эти деревья? Я изучилъ ихъ экономію, то, что̀ называютъ природой. Оказывается, что тысячу растительныхъ жизней въ зародышѣ должны погибнуть, чтобъ дать вполнѣ развернуться одной. Тоже самое и въ человѣческой жизни.

— Понимаю, сказалъ Эрихъ — все живущее, по отношенію своему къ погибающему, составляетъ аристократію. Цвѣтъ, превращающійся въ плодъ — богачъ; тотъ, изъ котораго ничего не выходитъ, бѣднякъ. Такъ ли я васъ понимаю?

— Отчасти, отвѣчалъ Зонненкампъ нѣсколько утомленнымъ голосомъ. Я хотѣлъ только вамъ сказать, что болѣе не вѣрю въ возможность найдти человѣка, который могъ бы воспитать моего сына такъ, какъ я того желаю, и потому я перестал искать.

Оба долгое время молча ходили по саду. Вокругъ все цвѣло и жужжали пчелы. Эрихъ подумалъ — это пчелы Клауса.

Страненъ міръ! въ немъ совершаются такія удивительныя вещи!

Солнце сіяетъ, цвѣты благоухаютъ, а на душѣ у Эриха мрачно и боязливо. Глаза его встрѣтили доску, прибитую къ стѣнѣ и онъ прочелъ:

«Предостереженіе: въ этомъ саду разставлены западни».

Онъ взглянулъ на Зонненкампа. Тотъ улыбнулся и сказалъ:

— Вашъ взглядъ спрашиваетъ, правду ли гласитъ эта надпись. Такъ: люди считаютъ невозможнымъ, чтобъ на это могло хватить духу. Однако совѣтую вамъ держаться поближе ко мнѣ.

Зонненкампъ, казалось, наслаждался смущеніемъ Эриха. Но онъ говорилъ неправду: въ саду не было ни одной западни.

На стѣнѣ виднѣлись геометрическія фигуры въ видѣ звѣздъ, круговъ и квадратовъ. Зонненкампъ положилъ руки на плечо Эриха, пока тотъ ему говорилъ, что цифра и геометрическая форма составляютъ исключительно принадлежность человѣка. Геометрическая форма есть базисъ всякаго явленія, которое никогда не представляется голой линіей, но всегда существуетъ въ

связи съ человѣкомъ. Это входитъ въ составъ таинственнаго ученія Пиѳагора.

— Я уже давно догадывался, замѣтилъ Зонненкампъ, смѣясь: что я послѣдователь Пиѳагора. Благодарю васъ за то, что вы меня удостоили этого названія. Итакъ, мы новѣйшее искусство садоводства окрестимъ Пиѳагоровымъ.

Тонъ его былъ шутливый, но въ тоже время въ немъ слышалось и удовольствіе.

Между тѣмъ они черезъ колоннаду въ Помпеевскомъ стилѣ, которая глубоко вдавалась во вторую террасу фруктоваго сада, пришли въ такъ-называемую «Ниццу».

— Теперь я вамъ покажу мой домъ, сказалъ Зонненкампъ, толкнулъ маленькую дверь, ведущую въ подземный ходъ, и повелъ своего гостя въ жилой домъ.

ГЛАВА XII.

ВНУТРЕННОСТЬ ДОМА И СЕРДЦА.

Внезапное появленіе Зонненкампа и Эриха въ подземномъ царствѣ испугало слугъ и служанокъ. Зонненкампъ, не обращая на нихъ вниманія, сказалъ Эриху по-англійски:

— Двѣ вещи, на которыя человѣкъ, подобно мнѣ удалившійся отъ дѣлъ, всего больше обращаетъ вниманія — это кухня и конюшня.

Онъ привелъ его въ кухню. Тамъ были цѣлыя дюжины различныхъ очаговъ, и каждое кушанье, мясо или зелень, имѣло свою отдѣльную сковороду или кострюлю, которыя ставились или прямо въ большой огонь или въ боковыя печурки. Физіологія приготовленія соусовъ и сироповъ была здѣсь возведена на высшую степень повареннаго искуства. Эрихъ не могъ на все это достаточно налюбоваться.

Тамъ же въ подземномъ пространствѣ Зонненкампъ сообщилъ своему гостю, что каждая печка въ домѣ имѣетъ свою отдѣльную трубу. Онъ считалъ это весьма важнымъ потому, что такимъ образомъ сдѣлалъ себя независимымъ отъ различнаго направленія вѣтра. Архитекторъ сначала сильно противился этому, и кромѣ того, это стоило большого труда и искусства, но за то доставило совершенно новыя удобства.

По всему дому проходили электрическія проволоки для звонковъ. Лѣстницы были устланы дорогими коврами и уставлены канделябрами; въ спальняхъ стояли вездѣ широкія кровати. Все

устройство отличалось роскошью и вкусомъ; позолота, мраморъ и шелкъ являлись въ искусномъ сочетаніи; ничто не бросалось въ глаза, но все было изящно и имѣло жилой видъ. Мебель не стояла такъ, какъ будто не зная гдѣ ей пріютиться, но вездѣ вполнѣ соотвѣтствовала остальному убранству комнатъ, казалась прочной и повидимому только ожидала людей, которые дѣйствительно тамъ жили, а не являлись на минуту, чтобъ посмотрѣть и уйдти.

Тяжелыя, шелковыя занавѣсы были одного цвѣта съ коврами; большіе часы въ залахъ шли вѣрно, а изящныя бездѣлушки на каминахъ и горкахъ стояли въ порядкѣ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ, однако, оказывалось, что убранство дома не выражало собой характера владѣтеля, но было просто дѣломъ искуснаго обойщика. Особенно чувствовалось здѣсь отсутствіе всего наслѣдственнаго, что̀ говорило бы о прошломъ. Эрихомъ овладѣло впечатлѣніе, что здѣсь, въ собственномъ домѣ, живутъ какъ въ наемномъ, и ему все казалось, что за нимъ слѣдомъ идетъ Роландъ, въ душу котораго ему надлежитъ вглядываться; а мальчикъ между тѣмъ уже знаетъ, что все это рано или поздно онъ назоветъ своимъ.

Зонненкампу казалось смѣшнымъ, когда люди отдѣлывали свои дома на средневѣковой ладъ и такимъ образомъ строили ихъ болѣе на показъ, нежели для собственнаго удобства. Когда Эрихъ замѣтилъ ему, что Гёте былъ такого же мнѣнія, онъ сказалъ:

— Мнѣ это очень пріятно. Я полагаю, Гёте хорошо понималъ жизнь.

Зонненкампъ произнесъ эти слова снисходительнымъ тономъ, который самъ собой давалъ уразумѣть, что всякій, заслужившій одобреніе господина Зонненкампа, долженъ считать себя счастливымъ.

Въ сѣверной части дома находилась огромная зала, посреди которой стоялъ великолѣпный малахитовый столъ, со стульями вокругъ него. Четыре окна въ человѣческій ростъ освѣщали ее, а между ними, въ половину ихъ вышины, были вдѣланы въ стѣну мраморныя фигуры, работы Ритчеля, изображающія четыре времени года. Потолокъ былъ украшенъ превосходной лѣпной работой. Спускавшаяся съ него серебрянная лампа, казалось, сама собой держалась на воздухѣ. Она состояла изъ летящаго Амура, который держалъ въ рукѣ факелъ, гдѣ, пояснилъ Зонненкампъ, и зажигался газъ.

— Это единственная комната, прибавилъ онъ улыбаясь: — гдѣ у меня есть произведенія искусства..... Я не хочу лгать ни

себѣ, ни другимъ..... У меня нѣтъ вкуса къ скульптурѣ. Вы, въ качествѣ сына профессора эстетики, назовете это варварствомъ?

— Нисколько. Это только честно, и вы, сколько мнѣ кажется, имѣете на то право!

— Честность есть обязанность, а не право.

— Извините: я дурно выразился. Я хотѣлъ только сказать, что искусства ревнивы. Кто имѣетъ такую опредѣленную способность къ искусству садоводства, тотъ долженъ довольствоваться ею и можетъ легко обойдтись безъ другихъ искусствъ.

Зонненкампъ усмѣхнулся: молодой человѣкъ всегда умѣлъ выдти изъ затруднительнаго положенія.

Далѣе, Зонненкампъ ввелъ своего гостя въ концертную залу. Здѣсь не было ни золота, ни бархата. Лѣпная работа на потолкѣ и зеленые обои на стѣнахъ составляли главное украшеніе комнаты. Въ нишахъ, между двумя маленькими каминами, стояли, съ выпуклыми спинками, кресла и диваны, обитые шелковой матеріей коричневаго цвѣта.

Зонненкампъ съ улыбкой выслушалъ замѣчаніе Эриха, который выразилъ свое одобреніе простотѣ, съ какой была убрана концертная зала. Отсутствіе въ ней излишнихъ украшеній, не развлекая глазъ, позволяло внимательнѣе слушать.

Удовольствіе Зонненкампа ежеминутно возрастало.

— Кто изъ вашего семейства занимается музыкой? спросилъ Эрихъ.

— Эта зала приготовлена для моей дочери.

— Чудесно! воскликнулъ Эрихъ. Тамъ, въ саду, ее ожидаетъ опрокинутый стулъ, а здѣсь — концертная зала.

Зонненкампъ, привычнымъ ему движеніемъ, взялъ нижнюю губу между указательнымъ и большимъ пальцемъ, какъ бы что-то припоминая или раздумывая.

— Кстати зашла рѣчь о моей дочери, я вамъ покажу ея жилище, сказалъ онъ внезапно, и отворилъ боковую дверь.

Они вошли въ маленькую комнатку, съ опущенными сторами. Зонненкампъ живо ихъ поднялъ, и изъ оконъ открылся видъ на галлерею изъ виноградныхъ лозъ и на гористые берега Рейна. Комната была безъ всякихъ украшеній, но очень мила. На стѣнѣ висѣлъ рядъ фотографическихъ изображеній, голубой лентой прикрѣпленныхъ къ вѣнку, посреди котораго помѣщался большой портретъ папы. Бѣлыя занавѣски у кровати были откинуты, и изъ-за нихъ выглядывало изящной работы распятіе изъ слоновой кости. Нѣсколько ниже висѣла раскрашенная литографія, родъ диплома Германны, называемой Манной Зонненкампъ, удостовѣрявшій, что она принята въ «союзъ непорочнаго дѣтства».

Письменный столикъ, маленькая полочка для книгъ, изящные стулья,—все говорило, что здѣсь жилище молодой дѣвушки, которая живетъ религіозной, самой въ себѣ замкнутой жизнью. Въ комнатѣ какъ-будто вѣялъ духъ молитвы. Вступая въ нее, всякій невольно оглядывался, ожидая, что вотъ войдетъ сама ея обитательница, взглянетъ своимъ невиннымъ дѣтскимъ взглядомъ и затѣмъ быстро опуститъ глаза при видѣ людей, которые осмѣлились проникнуть въ ея святилище.

Взоръ Эриха остановился на прекрасномъ каминѣ изъ зеленоватаго мрамора, полукруглая доска котораго была обвита плющемъ. Въ углубленіи стояли цвѣты и растенія. Горшки отъ нихъ были такъ искусно скрыты, что зелень и цвѣты, казалось, росли тамъ какимъ-то чудомъ.

— Вамъ это нравится? спросилъ Зонненкампъ. Дочь моя всегда лѣтомъ украшаетъ каминъ цвѣтами, и фрейленъ Пэрини, въ память ея, постоянно ихъ тамъ поддерживаетъ.

Эрихъ продолжалъ смотрѣть неподвижно: онъ надѣялся угадать характеръ молодой дѣвушки. Вдругъ Зонненкампъ положилъ ему на плечо свою тяжелую руку и сказалъ:

— Отвѣчайте мнѣ честно: вы сюда пріѣхали не ради моего сына, а ради моей дочери.

— Я васъ не понимаю.... началъ Эрихъ.

— Вы были въ монастырѣ? Вы видѣли мою дочь?

— Да. Но я тогда не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о васъ, ни о вашей дочери, ни о вашемъ сынѣ.

— Я вамъ вѣрю. Но не воображаете ли вы себѣ, что вамъ, оставаясь въ моемъ домѣ, удастся пріобрѣсти любовь моей дочери?

— Благодарю васъ за вашу откровенность, возразилъ Эрихъ. Мой отвѣтъ будетъ не менѣе искрененъ. Я счелъ бы себя несчастнымъ, еслибъ полюбилъ вашу дочь.

— Почему?

— Потому, что я считаю несчастіемъ любить такую богатую дѣвушку, не говоря уже о ея католическихъ убѣжденіяхъ. Никогда дѣвушка, обладающая такимъ богатствомъ, не будетъ моей женой, хотя бы мнѣ пришлось разбить сердце. Прошу васъ.... со-временемъ въ васъ, пожалуй, опять могутъ возникнуть подобнаго рода подозрѣнія.... и потому я васъ прямо прошу: не давайте мнѣ мѣста при вашемъ сынѣ. Пусть я все это время былъ вашимъ гостемъ, и мнѣ останется только благодарить васъ за ваше дружелюбіе.

— Молодой человѣкъ, вы не уѣдете!... Я вамъ вѣрю и вполнѣ на васъ полагаюсь. Благодарю васъ: вы мнѣ доказали,

что на свѣтѣ есть еще люди, которымъ можно вѣрить и которыхъ можно уважать. Останьтесь! Дайте мнѣ руку.... Останьтесь! Мы все порѣшимъ спокойно. Къ тому же, дочь моя.... и пусть это вамъ служитъ ручательствомъ моего довѣрія.... дочь моя уже почти помолвлена за барона фонъ-Пранкена.... Ну, теперь пойдемте въ мой кабинетъ.

Тамъ все было направлено къ тому, чтобъ достигнуть какъ можно болѣе удобствъ. Для каждаго настроенія духа, для каждаго времени года были свои отдѣльные стулья и диваны, а передъ ними столы. Казалось, что эта одна комната заключала въ себѣ нѣсколько другихъ. Въ ней въ большомъ пространствѣ, чувствовалось совершенно уютно. Окна выходили на югъ, и изъ нихъ, на первомъ планѣ, виднѣлись буки и клены, скрывавшіе нѣсколько обнаженный видъ холмовъ съ виноградниками. Далѣе шли лѣсистыя вершины горъ, и посреди нихъ, прямо противъ выхода на балконъ, возвышались развалины крѣпости, возведенныя, какъ вскорѣ узналъ Эрихъ, по распоряженію самого Зонненкампа и подъ непосредственнымъ надзоромъ маіора.

Здѣсь висѣла всего одна только, но очень хорошая картина. То былъ портретъ Роланда въ настоящую величину. Мальчикъ сидитъ на обломкѣ опрокинутой колонны; онъ смотритъ вдаль, а рука его покоится на головѣ красиваго водолаза. Пока Эрихъ осматривался, Зонненкампъ растворилъ двѣ двери въ стѣнѣ и ввелъ его въ комнату, которую называлъ своей библіотекой. Но тамъ не было ни одной книги, а всюду стояли ящички, глиняные и стеклянные сосуды, точно въ хорошо-снабженной аптекѣ. Зонненкампъ объяснилъ, что здѣсь у него хранятся сѣмена всевозможныхъ растеній въ мірѣ. Изъ этой комнаты вела прямо въ садъ лѣстница, поросшая китайскимъ глициномъ, на которомъ гроздами висѣли голубые цвѣтки, похожіе на бабочекъ. Затѣмъ Зонненкампъ и Эрихъ вернулись въ кабинетъ. Зонненкампъ заговорилъ о томъ, какъ его всегдашнимъ желаніемъ было, чтобъ Роландъ вступилъ въ тотъ обширный кругъ дѣятельности, изъ котораго онъ самъ только-что вышелъ. Рѣчь зашла, такимъ образомъ, о торговлѣ, и Эрихъ былъ пораженъ широтой взгляда Зонненкампа на этотъ предметъ. Онъ не допускалъ возможности отдѣльнаго существованія той или другой дѣятельности, той или другой производительности. Каждая часть свѣта, по его мнѣнію, существовала только съ помощью другой и въ связи съ ней; весь міръ являлся въ его глазахъ однимъ обширнымъ рынкомъ. Производства желѣза, табаку, шерсти и хлѣба, онъ одновременно разсматривалъ въ Швеціи, Шотландіи, Остъ-Индіи и Гаваннѣ, и вездѣ противопоставлялъ ихъ одно другому.

Зонненкампъ, казалось, хотѣлъ теперь отплатить Эриху за все, что̀ онъ прежде отъ него слышалъ. Эриха все болѣе и болѣе изумляли въ немъ быстрота соображенія, энергія, точность выраженій и какая-то спокойная самоувѣренность. Каждое свое мнѣніе и воззрѣніе онъ излагалъ съ необыкновенной полнотой. Онъ смотрѣлъ на свѣтъ съ зоркостью англичанъ и американцевъ, которые менѣе всѣхъ прочихъ народовъ употребляютъ очки. Онъ схватывалъ сущность дѣла, не затрудняясь подробностями и не стѣсняясь излишними мудрствованіями, а замѣчанія его отличались рѣдкой опредѣленностью, касались ли они того, что̀ онъ видѣлъ въ чужихъ краяхъ, или того, что̀ онъ перенесъ къ себѣ.

Зонненкампъ очень хорошо зналъ, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на Эриха, и съ улыбкой кивнулъ головой, когда тотъ замѣтилъ, какъ много счастія въ томъ, чтобъ не только пріобрѣтать, но и владѣть, и жить.

— Подумайте же хорошенько, сказалъ Зонненкампъ, о томъ, что̀ намъ сдѣлать изъ Роланда?... Вы настолько уже видѣли, прибавилъ онъ съ торжествущимъ взглядомъ, чтобъ убѣдиться, что, взявъ на себя воспитаніе моего сына, вы не измѣните ни меня, ни моего дома?

Это послѣднее замѣчаніе значительно разсѣяло впечатлѣніе, какое Зонненкампъ произвелъ-было на Эриха. Оно доказывало, что хозяинъ все показывалъ и говорилъ съ умысломъ.

Явился слуга и передалъ порученіе барона Пранкена, который желалъ передъ отъѣздомъ проститься съ господиномъ Зонненкампомъ.

ГЛАВА XIII.

САТАНУ ДѢЛАЮТЪ РУЧНЫМЪ.

На дворѣ стояла осѣдланная лошадь Пранкена, и самъ онъ ходилъ взадъ и впередъ, помахивая хлыстомъ. Съ любезной поспѣшностью и весело встрѣтилъ онъ Зонненкампа, говоря, что желаетъ съ нимъ проститься. Зонненкампъ замѣтилъ, что всѣ дѣйствія Пранкена отличаются неожиданностью; собираясь въ дорогу, онъ объ этомъ всегда объявляетъ только въ самую минуту отъѣзда. А Пранкенъ на это съ лукавой скромностью возразилъ, что онъ надѣется въ этомъ отношеніи заслужить одобреніе своего друга, Зонненкампа, такъ какъ ничто не можетъ быть непріятнѣе и ничто не дѣлаетъ жизнь такой блѣдной и скучной, какъ мелочные о ней толки и пренія, — однимъ сло-

вомъ, какъ переливаніе изъ пустого въ порожнее. Его, Пранкена, дѣло убить зайца, а приготовить его къ столу онъ предоставляетъ ученому повару.

Слова эти Пранкенъ произнесъ съ своей обычной развязностью, подергивая себя за кончики бѣлокурыхъ усовъ. Съ Эрихомъ онъ простился очень холодно и сказалъ, что надѣется, возвратясь изъ своего коротенькаго путешествія, еще застать его здѣсь.

— Вслучаѣ же, если вы отсюда раньше уѣдете, прибавилъ онъ, то прошу васъ передать мое почтеніе вашей матушкѣ.

Прощаясь съ Зонненкампомъ, онъ снялъ одну перчатку; теперь же снова ее надѣлъ, и тогда уже подалъ руку Эриху. Онъ это сдѣлалъ открыто и, видимо, не безъ намѣренія. Но Эриху такая холодность почти пришлась по сердцу: она снимала съ него часть благодарности. Чѣмъ болѣе Пранкенъ станетъ его чуждаться, тѣмъ независимѣе и миролюбивѣе могутъ быть ихъ отношенія въ будущемъ.

Пранкенъ еще разъ подозвалъ къ себѣ Зонненкампа и сказалъ, что хотя онъ ему и рекомендовалъ молодого ученаго, — слова: «молодой ученый» онъ произнесъ съ аристократической небрежностью, — однако проситъ его не слишкомъ скоро рѣшаться, чтобъ послѣ не упрекать себя.

— Господинъ баронъ, возразилъ Зонненкампъ, я тутъ купецъ.... и онъ остановился, — я знаю, что бываютъ отношенія.... что часто бываешь принужденъ.... и потому, объявляю вамъ, что я снимаю съ васъ всякую отвѣтственность. Что же касается до упрековъ самому себѣ.... то, господинъ баронъ, я — покупатель (новая остановка), молодой человѣкъ продавецъ, а продавцу всегда приходится больше высказываться, чѣмъ покупщику, особенно еще, если его товаръ заключается въ немъ самомъ.

Пранкенъ улыбнулся и назвалъ это самой тонкой дипломатіей. Онъ подошелъ къ лошади, вскочилъ въ сѣдло и поскакалъ галопомъ. Зонненкампъ закричалъ ему еще вслѣдъ, чтобъ онъ посмотрѣлъ, принялась ли магнолія на монастырскомъ дворѣ. Пранкенъ въ отвѣтъ снялъ шляпу, помахалъ ею въ воздухѣ и быстро скрылся изъ виду.

— Какой славный, милый наѣздникъ! Всегда бодръ и веселъ! сказалъ Зонненкампъ вслѣдъ Пранкену и распространился о его веселомъ, беззаботномъ нравѣ.

Эрихъ молчалъ. Онъ зналъ Пранкена, зналъ, что такое постоянно-оживленное обращеніе нравится, но находилъ, что въ основаніи его лежитъ ложь. Невозможно, безъ особенныхъ усилій, во всѣ часы дня находиться въ подобномъ настроеніи, ко-

торое какъ бы заставляетъ человѣка постоянно хвастаться своей энергіей и сознательно или безсознательно лгать.

Спокойно слушалъ Эрихъ дальнѣйшія разсужденія Зонненкампа, пока тотъ у него не спросилъ: не находитъ ли онъ, что только человѣкъ, съ дѣтства сознающій преимущества своего дворянскаго происхожденія, можетъ пріобрѣсти такой беззаботный взглядъ на жизнь? Тогда онъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, и другимъ сословіямъ не отказано ни въ одной изъ радостей жизни.

Зонненкампъ одобрительно кивнулъ головой. Между тѣмъ ему тоже подвели лошадь, онъ сѣлъ на нее и уѣхалъ.

Эрихъ пошелъ отыскивать Роланда и нашелъ его у собакъ.

— Вообрази себѣ, сказалъ ему мальчикъ: одна поденьщица мнѣ сейчасъ разсказала, что «Сатана» укусилъ бѣднаго садовника. По дѣломъ дураку! Зачѣмъ берется за то, чего не умѣетъ!

Эрихъ былъ непріятно пораженъ. Возможно ли, чтобы такое молодое сердце уже до такой степени зачерствѣло? Онъ началъ доказывать Роланду, какъ жестоко видѣть въ человѣкѣ только игрушку, которую, поигравъ съ ней, оставляютъ безъ вниманія. Онъ говорилъ съ жаромъ. Роландъ съ досадой тряхнулъ головой.

— Отчего ты мнѣ ничего не отвѣчаешь? спросилъ Эрихъ.

— Я не зналъ, что ты тоже умѣешь читать нравоученія.

Сначала красота мальчика и его отвага плѣнили Эриха и побудили его посвятить себя ему. Въ эту минуту рѣшимость его нѣсколько поколебалась, но вслѣдъ за тѣмъ возвратилась къ нему еще тверже. Ему захотѣлось во что бы то ни стало смягчить эту, черствую отъ природы, или зачерствѣлую отъ воспитанія, натуру.

Молча шелъ Роландъ возлѣ Эриха, а потомъ вдругъ попросилъ его съ нимъ поѣхать верхомъ. Они направились къ деревнѣ. Но Роландъ ни за что ни согласился навѣстить садовника, котораго Эрихъ засталъ больнымъ въ постелѣ; бѣдняга кряхтѣлъ и стоналъ. Зайдя потомъ къ Клаусу, Эрихъ уже не нашелъ тамъ Роланда. Мальчикъ ушелъ съ «Сатаной» въ лѣсъ на гору. Клаусъ встрѣтилъ Эриха не слишкомъ-то почтительно. Онъ, правда, снялъ шапку, но тотчасъ же снова надѣлъ ее на бекрень и приблизился къ нему съ тѣмъ довѣрчивымъ видомъ, который такъ свойственъ жителямъ верхняго Рейна: точно они собираются чокнуться стаканами и хотятъ побрататься.

— Господинъ капитанъ, вы покончили? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Могу ли я вамъ сказать одно дѣло?

— Почему нѣтъ, если это хорошее дѣло.

— Все зависитъ отъ того, какъ взглянешь на него. Вонъ,

живущій тамъ, внизу, онъ указалъ пальцемъ по направленію къ виллѣ — собирается скупить всѣ берега Рейна. Но видите ли, собака.....

— Довольно! воскликнулъ Эрихъ и рѣшительнымъ тономъ объявилъ Клаусу, что тотъ не имѣетъ права съ нимъ такъ говорить, да еще злословить.

Эрихъ почувствовалъ, что обращеніе его съ Клаусомъ было до тѣхъ поръ слишкомъ просто и дружелюбно, иначе тотъ никогда не посмѣлъ бы съ нимъ такъ довѣрчиво изъясняться. Поэтому онъ счелъ нужнымъ выговорить ему даже строже, чѣмъ самъ того желалъ.

Клаусъ съ особенной энергіей затянулся изъ своей наполеоновской трубки, а потомъ сказалъ:

— Да, да, я вижу, вы тамъ сами съумѣете справиться, а я для васъ недостаточно уменъ. Вы не хотите быть мнѣ благодарнымъ, но я не требую никакого вознагражденія.

И онъ тихонько пробормоталъ, что всѣ приближающіеся къ богатымъ непремѣнно портятся. Эриху пришлось снова поворотить въ другую сторону, такъ какъ Клаусъ одинъ могъ оспаривать у него вліяніе надъ Роландомъ. Смягченный опять новымъ дружелюбнымъ обращеніемъ Эриха, Клаусъ однако оставался молчаливъ.

Когда Роландъ вернулся, Эрихъ ему ни слова не сказалъ ни о его прогулкѣ въ лѣсъ, ни о своемъ посѣщеніи больного садовника. Онъ хотѣлъ, чтобъ Роландъ самъ у него о немъ освѣдомился, но мальчикъ ничего не спрашивалъ, и оба молча пришли домой.

Эрихъ немедленно отправился къ Зонненкампу и сказалъ, что отношенія его къ Роланду должны наконецъ быть приведены въ извѣстность.

— Значитъ, вы тоже находите Роланда отличнымъ юношей?

— Въ немъ много отваги и рѣшимости, но..... Я знаю, отцамъ бываетъ тяжело выслушивать нѣкоторыя вещи..... однако, сообразуясь съ вашими вчерашними словами, я полагаю въ васъ настолько благоразумія.....

— Конечно, конечно! Говорите прямо.

— Я нахожу въ немъ какую-то черствость сердца и удивительное въ его возрастѣ равнодушіе ко всему чисто человѣческому, сказалъ Эрихъ и передалъ ему слова Роланда о приключеніи съ садовникомъ. Улыбка пробѣжала по лицу Зонненкампа, и онъ сказалъ:

— А вы беретесь облагородить его испорченный характеръ?

— Извините, я не говорилъ, что характеръ его испорченъ. Роландъ теперь стоитъ на перепутьи; характеръ его долженъ

окончательно опредѣлиться, и потому онъ требуетъ особенно осмотрительнаго съ нимъ обращенія.

— А какого вы мнѣнія о талантахъ Роланда?

— У него, сколько мнѣ кажется, ихъ вовсе нѣтъ. Способности его не переходятъ за черту обыкновенныхъ. У него природный, прямой умъ, онъ все легко схватываетъ, но на сколько удерживаетъ схваченное..... это еще остается для меня вопросомъ. Я уже замѣтилъ, что сначала у него все идетъ гладко, затѣмъ мыслительныя силы у него вдругъ останавливаются, и онъ болѣе не двигается впередъ. Я еще не вполнѣ отдаю себѣ отчетъ въ такого рода умственномъ устройствѣ. Если намъ не удастся его улучшить, то, я боюсь, Роландъ никогда не будетъ счастливъ. Радости его всегда будутъ кратковременны, а удовольствіе и обязанность продолжать начатое дѣло останутся имъ непоняты... Но все это могутъ быть только мои фантазіи.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы правы. Я не имѣю ни малѣйшаго довѣрія къ характеру моего сына. Онъ живетъ только настоящимъ. Дѣло, надъ которымъ надо потрудиться, чтобъ позже вкусить плоды, кажется ему тягостнымъ и скучнымъ.

— Это свойство всѣхъ дѣтей вообще.

— Нѣтъ, изъ такихъ дѣтей никогда не выходятъ сильные люди. Поэтому-то мнѣ такъ и хочется, чтобъ Роландъ полюбилъ растенія и убѣдился въ томъ, что на свѣтѣ есть вещи, съ которыми нельзя обращаться небрежно, и которыхъ никогда не слѣдуетъ забывать.

— Меня радуетъ, что вы сами указываете на главные пункты. Богачъ и сынъ богача въ одномъ отношеніи похожи на принца и на сына принца: они имѣютъ около себя только услужливыхъ друзей. Я противъ моей воли сдѣлался товарищемъ въ играхъ и удовольствіяхъ Роланда, — когда настанетъ очередь серьезнаго дѣла, оно непремѣнно произведетъ на него отталкивающее дѣйствіе.

— А развѣ нельзя соединить серьезное съ пріятнымъ?

— Я надѣюсь этого достигнуть; однако необходимо пріучать и къ строго-серьезному.

Эрихъ замолчалъ, а Зонненкампъ спросилъ:

— Вы имѣете еще что̀-нибудь сказать?

— Да, и я уже объ этомъ упоминалъ. Необходимо, чтобы между Роландомъ и предметами внѣшняго міра установились постоянныя, такъ сказать родственныя отношенія: только тогда онъ почувствуетъ себя чѣмъ-то въ жизни. У кого нѣтъ воспоминаній дѣтства, глубокой привязанности къ прошлому, тотъ лишенъ настоящихъ радостей жизни. Спросите у самого себя и вы увидите..... ваше возвращеніе въ Германію служитъ тому до-

казательствомъ.....что главной пищей вашей души были именно эти воспоминанія дѣтства и юности.

Зонненкампъ пришелъ въ волненіе, а Эрихъ продолжалъ:

— У вашего сына нѣтъ родины, и это омрачаетъ его душу.

— Нѣтъ родины! въ изумленіи воскликнулъ Зонненкампъ. Онъ съ трудомъ сдержалъ въ себѣ негодованіе и произнесъ съ принужденной кротостью.

— Такъ ли я понялъ? Нѣтъ родины?

— Такъ точно. Для внутренней жизни ребенка необходимы привычки. Путешествіе, если оно не вредитъ ребенку, то во всякомъ случаѣ не приноситъ ему пользы, и онъ относится къ нему равнодушно. Быстрая перемѣна ландшафта не производитъ на ребенка должнаго впечатлѣнія; его радуетъ видъ локомотива на желѣзной дорогѣ, вѣтренной мельницы на горѣ. Только глубокія привязанности даютъ душѣ силу и твердость. Если людямъ необходимо имѣть цѣль въ жизни, то имъ не менѣе того нужна и исходная для нея точка, которую именно и составляетъ родина. Вы говорили мнѣ, да я и самъ это вижу, что Роланда ничто не радуетъ. Не отъ того ли это, что у мальчика нѣтъ родины, что онъ дитя постоялыхъ дворовъ и гостинницъ, — что ему негдѣ было пустить корней, что у него нѣтъ въ прошломъ картинъ, которыми бы онъ жилъ, и къ которымъ бы воображеніе всегда могло его переносить? Онъ мнѣ разсказывалъ, что, играя въ римскомъ Колизеѣ, въ парижскомъ Луврѣ, въ лондонскомъ Гайдъ-Паркѣ, на Женевскомъ озерѣ, и живя въ Европѣ, онъ всегда съ гордостью называлъ себя американцемъ. Скажите сами, развѣ не должно это поднимать въ душѣ безпокойства, которое всегда бываетъ причиною всѣхъ неудачъ?

— Я вижу, возразилъ Зонненкампъ, что вы воплощенный нѣмецъ, который можетъ въ воображеніи или дѣйствительности изъѣздить весь свѣтъ и постоянно будетъ съ самодовольствомъ приговаривать: — Ахъ, мнѣ такъ хорошо, а у васъ ни у кого этого нѣтъ..... Ба! А я вамъ скажу, что если я доставилъ моему сыну что̀-нибудь хорошее, такъ это, по моему мнѣнію, именно то, что онъ не будетъ имѣть сентиментальной, такъ называемой осѣдлости на родинѣ. Свистъ локомотива спугнулъ и прогналъ нѣкогда пресловутую тоску по родинѣ. Мы граждане міра, и въ американскихъ нравахъ именно и есть высокаго то, что они не признаютъ національныхъ ограниченій. Любовь къ родинѣ есть старое зло и предразсудокъ. Пусть Роландъ будетъ свободнымъ человѣкомъ!

Эрихъ долго молчалъ.

— Я полагаю, сказалъ онъ наконецъ, — что для насъ обоихъ

не хорошо и утомительно вдаваться въ столь общіе вопросы. Я только хотѣлъ сказать, что, подобно тому, какъ путешествіе, предпринимаемое безъ цѣли, доставляетъ мало удовольствія, такъ точно и жизнь, не имѣющая передъ собой никакой задачи, никакого сознательнаго дѣла или наслажденія, не можетъ дать человѣку ни счастія, ни удовлетворенія. Еслибъ у Роланда былъ къ чему-нибудь особенный талантъ.....

— Но вы находите, что его нѣтъ?

— По крайней мѣрѣ я до сихъ поръ еще ни одного не открылъ, да и не надѣюсь открыть: еслибъ онъ родился при другихъ условіяхъ, изъ него могъ бы выдти хорошій слесарь или конюхъ.... надѣюсь, что вы меня, какъ слѣдуетъ, поймете.... Я вижу лучшее доказательство равенства людей въ томъ, что вообще, или по бòльшей части, одни обстоятельства ставятъ ихъ въ то, или другое положеніе. Сотни судей, напримѣръ, при иныхъ условіяхъ, были бы уличными гуляками, и наоборотъ. Повторяю: въ этомъ я вижу полноту способностей, по-ровну распредѣленныхъ на все человѣчество. Только весьма немногимъ достается въ удѣлъ геній, который опредѣляетъ, чѣмъ именно человѣкъ долженъ быть.

— Понимаю, понимаю. И вы не колеблетесь взять на себя воспитаніе мальчика, о которомъ вы такого ничтожнаго мнѣнія?

— Я ничуть не ничтожнаго мнѣнія ни объ умѣ, ни о сердцѣ Роланда. Я даже полагаю, что онъ способенъ любить, только любовь для него наслажденіе, а не долгъ. Онъ обладаетъ качествами, которыя круглымъ числомъ выпадаютъ на долю каждаго человѣка, не выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ людей. И этого вполнѣ достаточно, чтобъ посредствомъ разумнаго и добросовѣстнаго воспитанія сдѣлать изъ него человѣка дѣльнаго, честнаго, счастливаго самого и доставляющаго счастіе другимъ. Болѣе того: я почти радуюсь, что не нахожу въ Роландѣ ничего геніальнаго.

— Я уважаю и цѣню вашу искренность, сказалъ Зонненкампъ: — но мнѣ теперь некогда. Потрудитесь сами объявить Роланду, кто вы.

Зонненкампъ казался раздосадованнымъ; онъ передвигалъ сигару изъ одного угла рта въ другой и началъ перебирать бумаги, какъ будто Эриха уже тамъ не было.

Выйдя отъ Зонненкампа, Эрихъ отправился къ Роланду. Мальчикъ жевалъ куски почти совсѣмъ сырой говядины и пережеванные давалъ ихъ вновь дрессированной собакѣ Сатанѣ. Это, по словамъ Клауса, должно было до такой степени привязать къ нему собаку, что она сдѣлается съ нимъ неразлучной.

Съ минуту Эрихъ смотрѣлъ молча, затѣмъ велѣлъ Роланду отослать собаку, такъ какъ онъ имѣетъ ему что-то сообщить.

— Развѣ нельзя при собакѣ?

Эрихъ не отвѣчалъ. Онъ видѣлъ, что ему прежде всего надо было отстранить всякое соперничество съ собакой. Когда же онъ вторично и очень серьезно взглянулъ на Роланда, тотъ сказалъ:

— Пойди, Сатана, и жди у дверей, а затѣмъ, обратясь къ Эриху, прибавилъ: — «Ну, теперь говори».

Эрихъ взялъ Роланда за руку и разсказалъ ему, что онъ сюда пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ сдѣлаться его воспитателемъ. Роландъ положилъ свою прелестную головку на слегка сжатую лѣвую руку и смотрѣлъ на говорившаго своими большими, блестящими, но нѣсколько блуждающими глазами.

— Я это зналъ, проговорилъ онъ наконецъ.

— А кто тебѣ сказалъ?

— Клаусъ и Іозефъ.

— Отчего же ты мнѣ этого не сказалъ?

Роландъ не далъ никакого отвѣта, но только взглянулъ на Эриха, какъ бы желая сказать: — Я могу ждать. Тогда Эрихъ объяснилъ ему, что онъ хотѣлъ прежде испытать самого себя и убѣдиться, годенъ ли онъ для этого дома. Роландъ все молчалъ. Собака начала царапаться въ двери, Роландъ обернулся, но не рѣшался отворить. Эрихъ сдѣлалъ это за него. Собака бросилась въ комнату, приласкалась къ Роланду, а затѣмъ приблизилась къ Эриху и стала лизать ему руки. Она какъ будто хотѣла служить между ними посредницей.

— Она *тоже* тебя полюбила! воскликнулъ Роландъ съ дѣтской радостью.

Слово: *тоже*—до сихъ поръ одно выразило то, что происходило въ Роландѣ. Вдругъ онъ вскочилъ и бросился на шею къ Эриху, который крѣпко обнялъ его. Собака лаяла и прыгала вокругъ нихъ.

— Мы будемъ съ тобой друзьями! воскликнулъ Эрихъ, освобождаясь изъ объятій мальчика. У меня былъ братъ твоихъ лѣтъ, теперь ты займешь его мѣсто.

Роландъ молча сжималъ въ обѣихъ рукахъ правую руку Эриха.

— Итакъ, мы весело и бодро немедленно начнемъ нашу новую жизнь.

— Да, отвѣчалъ Роландъ, — мы пошлемъ Сатану въ воду: онъ отлично умѣетъ вытаскивать разныя вещи.

— Нѣтъ, милый братъ, намъ надо работать. Покажи мнѣ все, чему ты до сихъ поръ учился.

Эрихъ замѣтилъ, что Роландъ изо всѣхъ предметовъ болѣе успѣлъ въ географіи. Онъ началъ его въ ней экзаменовать, и мальчикъ радъ былъ, что можетъ удовлетворительно отвѣчать. Мало-по-малу они перешли и на другіе предметы; въ нихъ Роландъ былъ очень слабъ, а къ латыни питалъ самую непримиримую вражду.

— Мы понемножку научимся всему необходимому, утѣшалъ его Эрихъ: — и въ тоже время будемъ гулять, ѣздить верхомъ, ходить на охоту, удить рыбу и кататься въ лодкѣ.

Въ виду стольких удовольствій, мальчикъ развеселился. На башнѣ пробили часы и онъ воскликнулъ:

— Черезъ часъ Пранкенъ будетъ у Манны. Какъ ты думаешь, могу ли я научиться ѣздить верхомъ, фехтовать и стрѣлять также хорошо, какъ Пранкенъ?

— Конечно, можешь.

— Я черезъ Пранкена послалъ письмо Маннѣ.

— На какомъ языкѣ?

— Конечно, на англійскомъ. Ахъ, мнѣ пришло въ голову.... Всѣ такъ хорошо говорятъ о твоей матери, скажи ей, чтобъ она также сюда пріѣхала. Она могла бы жить въ нашемъ виноградномъ домикѣ....

Мальчикъ ничего болѣе не успѣлъ сказать: Эрихъ приподнялъ его, обнялъ и крѣпко прижалъ къ сердцу. Мальчикъ высказалъ его собственное желаніе, то самое, которое возникло въ немъ при первомъ взглядѣ на домикъ. Къ тому же оказывалось, что мальчикъ охотно уступалъ, былъ способенъ дѣлать добро и доставлять радости. Жестокость его въ отношеніи къ тому садовнику стушевалась.

Тутъ пришли сказать, что поданъ обѣдъ, и Эрихъ съ Роландомъ рука объ руку отправились въ столовую.

ГЛАВА XIV.

СОПЕРНИКЪ.

Обѣдъ былъ такой же торжественный, какъ и наканунѣ. Хозяйка Церера опять присутствовала за нимъ, но ни словомъ, ни взглядомъ не дала замѣтить о своей вчерашней бесѣдѣ съ Эрихомъ. Она по временамъ обращалась къ нему съ коротенькими замѣчаніями, но разговоръ постоянно сбивался на одно: на упрашиванія ее чтò-нибудь скушать. Эрихъ удивлялся терпѣнію, съ какимъ Зонненкампъ опять и опять возвращался къ тому же.

Послѣ обѣда, за кофе, Зонненкампъ сказалъ Эриху, что у него появился соперникъ, котораго сильно рекомендовалъ послѣдній наставникъ Роланда, кандидатъ Кнопфъ. При этомъ онъ далъ замѣтить Эриху, что не всякаго, безъ разбора, допускаетъ къ своему столу, и затѣмъ приказалъ Іозефу пригласить къ нему незнакомца.

Въ комнату вошелъ худощавый, сильно загорѣлый мужчина. Его представили всему обществу, а Эриха отрекомендовали ему просто капитаномъ, на время оставивъ въ сторонѣ его докторское званіе. Незнакомецъ,—его звали профессоръ Крутіусъ,—былъ университетскимъ товарищемъ кандидата Кнопфа. Онъ не мало помыкался по свѣту и послѣднее время, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ въ West-point, близъ Ньюйорка. Онъ все это разсказалъ очень развязно, но съ оттѣнкомъ горечи въ тонѣ.

Зонненкампъ собирался доставить себѣ послѣ обѣда зрѣлище. Онъ хотѣлъ устроить между соперниками турниръ и самъ присутствовать при немъ, спокойно покуривая сигару. Ловко угадавъ пункты, на которыхъ ихъ можно было свести, онъ не мало удивился, когда Эрихъ, не вступая еще въ борьбу, сложилъ передъ противникомъ оружіе, говоря, что завидуетъ его обширной опытности и знанію свѣта. Самъ же онъ никогда не оставлялъ родины, постоянно вращался только въ тѣсномъ кругу и имѣлъ дѣло съ однѣми книгами.

Крутіусъ очень скоро открылъ, что фрейленъ Пэрини была главной спицей въ колесѣ всего домашняго устройства, и быстро нашелъ съ ней общія воспоминанія. Онъ сопровождалъ въ Италію одно американское семейство, съ которымъ и самъ пріѣхалъ изъ Новаго Свѣта. Съ большой искренностью и съ явнымъ знаніемъ дѣла изобразилъ онъ особенности американскаго мальчика образованнаго круга и изложилъ свои мнѣнія на счетъ того, какъ съ нимъ слѣдуетъ обращаться. Дѣлая видъ, что онъ говоритъ на-обумъ, безъ всякой цѣли, онъ, однако, видимо предназначалъ свои замѣчанія Роланду, который съ изумленіемъ на него смотрѣлъ.

Эрихъ стоялъ возлѣ Зонненкампа, облокотясь о перила балкона, и говорилъ ему, что сознаетъ себя далеко не готовымъ для дѣла, которое, было, хотѣлъ на себя взять, и указывалъ на вновь явившагося кандидата, какъ на человѣка, гораздо болѣе способнаго.

Зонненкампъ ничего не отвѣчалъ и быстро пускалъ въ воздухъ клубы сигарнаго дыма. — «Великодушіе! думалъ онъ про себя: — Великодушіе.... не болѣе, какъ одинъ чадъ и дымъ!»

Крутіусъ между тѣмъ усердно поддерживалъ разговоръ съ

госпожей Церерой и съ фрейленъ Пэрини. Роландъ подошелъ къ отцу и сказалъ ему тихо, но рѣшительно:

— Отошли его прочь... я не хочу его.

— Почему?

— Потому что у меня уже есть Эрихъ, а этого прислалъ Кнопфъ.

— Иди въ свою комнату, не твое дѣло здѣсь разсуждать, приказалъ ему Эрихъ. Мальчикъ взглянулъ на него, широко раскрывъ глаза и повиновался.

Эрихъ объяснилъ Зонненкампу, что одна изъ особенностей Роланда заключается въ горечи, какую онъ питаетъ ко всѣмъ своимъ бывшимъ учителямъ. Мальчикъ не успѣлъ самъ объяснить почему, но видимо желалъ себѣ въ наставники человѣка совершенно посторонняго.

Зонненкампъ былъ удивленъ дружескимъ соглашеніемъ между Роландомъ и Эрихомъ. Послѣдній замѣтилъ еще, какъ грустно должно быть мальчику постоянно переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія.

Крутіусъ распрашивалъ фрейленъ Пэрини о томъ, нѣтъ ли у Зонненкампа родственниковъ и часто ли онъ получаетъ письма. Онъ старался выпытать, что̀ въ этомъ домѣ думаютъ объ Америкѣ. Зонненкампъ энергически замѣтилъ, что желаетъ Америкѣ диктатора, который уничтожилъ бы въ ней безбожіе. Крутіусъ поспѣшилъ на это сказать, что въ Новомъ Свѣтѣ есть много людей, которые стремятся сдѣлать изъ нея монархическое государство; они не смѣютъ открыто выражать свои желанія, но въ душѣ питаютъ надежду на ихъ сбыточность.

Зонненкампъ кивнулъ головой и втихомолку засвисталъ.

— Гдѣ вы остановились? спросилъ онъ вдругъ у Крутіуса. Тотъ назвалъ гостинницу въ маленькомъ городкѣ.

— Тамъ отличное помѣщеніе.

Лице Крутіуса передернуло. Онъ явно ожидалъ, что немедленно пошлютъ за его вещами, а его самого пригласятъ остаться въ домѣ въ качествѣ гостя. Но Зонненкампъ вмѣсто того учтиво поблагодарилъ профессора за его посѣщеніе и попросилъ у него адресъ, чтобъ можно было къ нему написать. Крутіусъ, дрожащей рукой, вынулъ изъ кармана сильно потертый бумажникъ и подалъ свою карточку. Онъ распростился съ принужденной учтивостью.

Зонненкампъ попросилъ Эриха проводить Крутіуса часть дороги и, такъ какъ онъ, повидимому, нуждался, вручить ему поделикатнѣе нѣсколько золотыхъ монетъ.

— Чтò это—довѣріе, или обращеніе какъ съ слугой? задалъ себѣ вопросъ Эрихъ.

Онъ догналъ Крутіуса у стѣны парка и отрекомендовалъ себя тоже учителемъ. Обращеніе профессора мгновенно измѣнилось и онъ воскликнулъ!

— А! Вы тоже учитель и, безъ сомнѣнія, мой соперникъ?

Эрихъ отвѣчалъ утвердительно. Крутіусъ злобно на него взглянулъ. Онъ былъ пріятно пораженъ привѣтливымъ обращеніемъ капитана, котораго принялъ за друга дома, чувствовалъ къ нему благодарность за его похвалы, и теперь оказывалось, что онъ тоже учитель. Онъ заскрежеталъ зубами отъ того, что могъ вдаться въ такой обманъ.

Съ большой осторожностью вручилъ ему Эрихъ деньги. Онъ поставилъ себя совершенно на одну ногу съ нимъ, признался ему въ собственной бѣдности и сказалъ, что часто бываютъ случаи, когда ничего болѣе не остается, какъ принять подарокъ отъ тѣхъ, кто богаче насъ.

— Ха, ха! захохоталъ Крутіусъ: — онъ меня знаетъ, хочетъ меня связать одолженіемъ и такимъ образомъ отъ меня откупиться.

Эрихъ замѣтилъ, что онъ рѣшительно не понимаетъ, къ чему относятся эти слова.

— Въ самомъ дѣлѣ? со смѣхомъ сказалъ Крутіусъ: — Такъ значитъ, и невинность въ капитанскомъ чинѣ тоже можно подкупить? Весь міръ есть не что иное, какъ старая лавка съ ветошью. Чтожъ изъ этого? Логовище, въ которомъ тигръ пожираетъ свою добычу, очень красиво, съ большимъ вкусомъ убрано. Каменьщики и обойщики могутъ многое скрыть!... Извините меня, я утромъ выпилъ вина.... и къ этому не привыкъ.... Хорошо, давайте сюда деньги! Мой нижайшій поклонъ виллѣ Эдемъ!... Ха, ха, славное имячко!

И не сказавъ болѣе ни слова въ объясненіе, профессоръ схватилъ деньги, дотронулся до шляпы и удалился быстрыми шагами.

Эрихъ задумчиво возвратился къ Зонненкампу. Тотъ ласково попросилъ его сѣсть и спросилъ:

— Взялъ онъ деньги?

Эрихъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

— И, конечно, едва, едва поблагодарилъ? продолжалъ Зонненкампъ.

Эрихъ повторилъ признаніе Крутіуса на счетъ того, что онъ утромъ пилъ вино, и что это было для него вовсе непривычнымъ дѣломъ.

Указывая на большую пачку писемъ, Зонненкампъ сказалъ, что въ нихъ заключаются всѣ предложенія занять мѣсто, о которомъ было напечатано объявленіе. Онъ сдѣлалъ при этомъ очень забавныя замѣчанія на счетъ того, какъ много существованій всегда разсчитываютъ на одну и ту же добычу, посылаемую имъ судьбой. Стòитъ только открыть горшокъ съ медомъ и къ нему вдругъ слетится куча пчелъ, осъ и шмелей, которыхъ за минуту передъ тѣмъ никто не видалъ. Потомъ онъ сказалъ:

— Я могу прибавить одно новое свѣдѣніе къ вашему знанію людей.

— По поводу профессора Крутіуса?

— Нѣтъ, по поводу того бѣднаго садовника, о которомъ вы такъ сожалѣли. Весело право становится, когда подумаешь, какіе есть на свѣтѣ славные плуты. Я уже давно знаю, что онъ преловко воруетъ черноземъ изъ лѣсу на горѣ; теперь же оказывается, что укушеніе собаками во время ихъ дрессировки — чистая ложь. Я уже разсказалъ объ этомъ Роланду и меня радуетъ, что онъ съ дѣтства получаетъ вѣрное понятіе о лживости и негодности людей.

— Вы, конечно, послѣ этого не станете держать этого человѣка въ вашемъ услуженіи? спросилъ Эрихъ.

— Напротивъ. Мнѣ очень пріятно видѣть въ этомъ садовникѣ такъ много плутовства. Я люблю играть съ плутами и мошенниками и желалъ бы всегда имѣть ихъ съ полдюжины подъ рукой, чтобъ научить Роланда, какъ слѣдуетъ съ ними обращаться.

— Я бы его этому не училъ, сказалъ Эрихъ.

— И не надо. Вы здѣсь нужны для другого.

Съ грустными мыслями вышелъ Эрихъ отъ Зонненкампа. Слуга передалъ ему, что Роландъ ожидаетъ его на берегу рѣки. Онъ пошелъ туда, и Роландъ встрѣтилъ его просьбой покататься съ нимъ по Рейну. Мальчикъ отцѣпилъ отъ берега красивую лодку, ловко принялся грести, и они поплыли по рѣкѣ, которая теперь была ярко-зеленаго цвѣта; изъ изумрудныхъ волнъ ея безпрестанно выростали передъ глазами острова, покрытые виноградниками.

Свѣжій вѣтеръ поднялъ на рѣкѣ легкую зыбь. Роландъ былъ вполнѣ счастливъ. Онъ опустилъ парусъ и радовался, что можетъ показать свою ловкость. Въ каждомъ его движеніи было столько граціи, что Эрихъ не могъ имъ достаточно налюбоваться.

Эрихъ совсѣмъ не умѣлъ править лодкой и, къ великому удовольствію Роланда, просилъ его ему показать, какъ слѣдуетъ съ ней обращаться, чтобъ по произволу направлять ее. Лице Роланда дышало радостью, какой Эрихъ на немъ еще не видалъ.

Они плыли съ распущенными парусами, вокругъ лодки пѣнились и журчали волны, а Роландъ разсказывалъ, что своимъ искусствомъ въ управленіи лодкой обязанъ кандидату Кнопфу. Грести, спускать и подбирать паруса, править рулемъ и заставлять лодку описывать круги, Кнопфъ умѣлъ лучше самаго искуснаго лоцмана — нѣтъ, даже лучше самой лоцманши. Лоцманша была высокая, сильная женщина, которая ихъ въ эту самую минуту окликнула. Она правила большой лодкой, на которой вела буксирное судно, а мужъ ея, такой же рослый и сильный на видъ, стоялъ, прислонившись къ мачтѣ.

Роландъ обогнулъ буксирное судно и прицѣпилъ свою лодку къ той, которою правила лоцманша. Она съ нимъ весело болтала, но въ тоже время зорко слѣдила за направленіемъ, по какому плыло судно. Спустя нѣсколько времени, Роландъ опять отцѣпилъ свою лодку, и они понеслись обратно, внизъ по теченію рѣки.

Роландъ началъ забавно разсказывать о томъ, какъ лоцманша командуетъ своимъ мужемъ, но Эрихъ свелъ рѣчь на кандидата Кнопфа. Роландъ, однако, отказался болѣе говорить о немъ, равно какъ и своихъ другихъ учителяхъ, къ которымъ ко всѣмъ относился съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Они точно были для него не больше, какъ кельнерà въ гостинницахъ, которые сегодня вамъ служатъ, а завтра вами отпускаются. Кому же интересно говорить объ отставленныхъ слугахъ? Только изъ нѣсколькихъ словъ Роланда можно было заключить, что кандидатъ Кнопфъ очень любилъ своего воспитанника.

Рѣчь зашла о садовникѣ, но и тутъ Роландъ высказалъ полное равнодушіе къ плутнямъ этого человѣка. Онъ былъ того мнѣнія, что всѣ бѣдные люди — плуты.

Во время этой прогулки Эрихъ ближе познакомился съ мальчикомъ и если еще больше полюбилъ его, то и почувствовалъ къ нему еще сильнѣйшее состраданіе. Роландъ уже научился презирать людей; у него, казалось, не было въ мірѣ существа, мысль о которомъ была бы ему особенно дорога и пріятна. Сестру, повидимому, онъ любилъ больше всѣхъ и когда они подходили къ виллѣ, онъ сказалъ:

— Какъ я теперь съ тобой иду, такъ Манна ходитъ теперь съ Пранкеномъ. Я увѣренъ, что когда Манна пріѣдетъ сюда, ты тоже ее полюбишь.

Б. Ауэрбахъ.

(*Окончаніе первой части слѣдуетъ.*)

РОССІЙСКОЕ
БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

III *).

Отношеніе образованныхъ людей и литературы къ библейской мистикѣ и обскурантизму: мнѣнія Уварова, Паррота, Карамзина. — Отношенія духовенства къ библейскому дѣлу: два противоположные взгляда и двѣ партіи; неудовольствія противъ кн. Голицына; его гоненія на приверженцевъ старины. — Интрига противъ кн. Голицына, и союзъ противъ Библейскаго Общества. — Разсказы о паденіи кн. Голицына.—Гр. Аракчеевъ, Шишковъ, митр. Серафимъ, архиман. Фотій.— Госнеровское дѣло.

Перечисляя обстоятельства, въ которыхъ совершалась у насъ библейская дѣятельность и складывался самый ея характеръ, мы должны упомянуть еще одно обстоятельство, одно изъ худшихъ и опять принадлежавшее чисто самой русской жизни. Это было совершенное *отсутствіе и невозможность критики.* Какъ скоро за Обществомъ утвердился оффиціальный авторитетъ, то общественному мнѣнію, или мыслящимъ людямъ какого бы то ни было оттѣнка понятій, уже не было возможности высказаться объ его дѣятельности, — если ихъ сужденія не сходились съ тѣмъ, что говорило о себѣ само Библейское Общество. Это отсутствіе гласной критики, столь обычное въ нашей жизни и литературѣ, и здѣсь принесло тѣже плоды, какіе приноситъ всегда. Библейская дѣятельность шла безъ всякихъ обсужденій и возраженій; ея недостатки и ошибки оставались неуказанными; ея противники должны были молчать, и потому ихъ неудовольствіе и мо-

*) См. выше, т. IV, стр. 639—712, и т. V, стр. 231—297.

гло наконецъ возрасти до такой степени, что превратилось въ озлобленную вражду, не гнушавшуюся никакими средствами, и самимъ властямъ приходилось прекращать то, что недавно называлось «видимымъ благословеніемъ Промысла». Накопилось только лицемѣріе и оффиціальная ложь... непривычка слышать свободныя сужденія и правду.

Возражать противъ дѣятельности Общества было трудно при господствовавшихъ нравахъ: высшая власть все покрывала своимъ сочувствіемъ; притомъ цензура была именно въ рукахъ князя Голицына. Обскурантизмъ библейскихъ дѣятелей легъ тяжелымъ камнемъ на литературу и науку.

Сдѣлаемъ впрочемъ одинъ разъ оговорку. Понятно, что не все Общество цѣликомъ отличалось этой тенденціей въ такихъ формахъ, какія мы указывали въ Магницкомъ. Даже въ пору сильнѣйшаго вліянія его дикаго мракобѣсія, онъ былъ непріятенъ самимъ членамъ министерства и Общества, напр. гр. Ливену — не смотря на весь его методизмъ, или Фусу—не смотря на всю его чрезмѣрную академическую осторожность. А. И. Тургеневъ, вообще, кажется, лавировавшій между противоположностями тогдашнихъ мнѣній, до самаго паденія кн. Голицына и своего собственнаго, оставался въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ и членами Арзамаса, очень непохожими на ту компанію, среди которой онъ занимался библейской пропагандой. Такихъ примѣровъ было, конечно, много: личные характеры, извѣстная порядочность, бо̀льшая степень образованія, дѣлали, въ этомъ пунктѣ, большую разницу между различными членами Библейскаго Общества и не допускали общей солидарности. Чтобы взять частный образчикъ,—извѣстно, наприм., какія добродушныя отношенія существовали между Пушкинымъ и И. Н. Инзовымъ, генераломъ и библейскимъ дѣятелемъ, къ которому онъ присланъ былъ подъ надзоръ, и какъ съ другой стороны смотрѣлъ на него Адеркасъ, псковской губернаторъ и библейскій дѣятель, у котораго онъ былъ подъ надзоромъ послѣ.

Въ самомъ Библейскомъ Обществѣ, въ его основной мысли, какъ мы видѣли, было много идей дѣйствительно благотворныхъ и просвѣтительныхъ, и эта сторона его дѣятельности не могла не возбуждать тогда сочувствія въ людяхъ образованныхъ, хотя бы сами они были очень далеки отъ мистическихъ воззрѣній и не отличались особымъ религіознымъ жаромъ. Эта лучшая сторона Общества, конечно, и не могла встрѣтить никакой вражды въ образованныхъ людяхъ того времени; но она была не единственная, и рядомъ съ ней Общество обнаружило свойства совсѣмъ иного рода, или иначе сказать, основную просвѣтитель-

ную идею Общество стало часто выражать и примѣнять такими странными способами, и присоединять къ ней такія дикія добавленія, которыя должны были оттолкнуть отъ него людей порядочныхъ.

Главнѣйшіе дѣятели, дававшіе тонъ и правившіе въ министерствѣ и въ цензурѣ—кн. Голицынъ, Магницкій, Руничъ, Лабзинъ и проч., были именно таковы, что время ихъ вліянія было истиннымъ бѣдствіемъ для науки и литературы. Гоненіе, воздвигнутое противъ Германа, Арсеньева, Галича, Раупаха, и еще раньше, гоненіе противъ Куницына достаточно характеризуютъ отношеніе библейскихъ дѣятелей къ университетамъ и литературѣ, въ которой упомянутые профессоры были представителями серьезнаго научнаго труда и благороднаго интереса къ общественному благу. Эти преслѣдованія, дошедшія до самой безобразной наглости и крайняго безстыдства, были одною изъ самыхъ печальныхъ невзгодъ, какія случалось и случается выносить русскому просвѣщенію, едва становящемуся на ноги, и они, конечно, надломили не мало силъ и уничтожили не мало благихъ начинаній, которыя могли бы быть благотворны для дѣла русскаго образованія.

Время съ 1819 года (или еще раньше) и до 1824 года—высшій пунктъ развитія библейскихъ обществъ, было и временемъ несноснѣйшей цензуры, въ царствованіе императора Александра. Въ настоящую минуту мы имѣемъ еще немного свѣдѣній о цензурныхъ порядкахъ этого времени: изуродованныя книги молчатъ о томъ, какъ ихъ уродовали, но частныя подробности, въ мемуарахъ и письмахъ того времени, теперь напечатанныхъ, даютъ уже нѣкоторое понятіе о свирѣпствахъ цензуры. Не только Пушкинъ приходилъ отъ нея въ отчаяніе; но и совсѣмъ умѣренные писатели, какъ Жуковскій, кн. Вяземскій, Дмитріевъ, Карамзинъ, самъ А. И. Тургеневъ, — находили, что литература становится невозможна, и жаловались съ одной стороны на крайнюю подозрительность и суровость цензурной полиціи, съ другой — на несказанное тупоуміе нѣкоторыхъ ея исполнителей. Цензура временъ кн. Голицына заставляла многихъ радоваться назначенію Шишкова въ министерство: Шишкова считали либеральнымъ!! Въ самомъ дѣлѣ, онъ, по крайней мѣрѣ, былъ безхитростенъ... Съ самимъ кн. А. Н. Голицынымъ Карамзинъ былъ, кажется, въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ съ человѣкомъ, по его мнѣнію, добрымъ и искреннимъ, но въ то время думали однако, что тогдашнія журнальныя вылазки противъ Карамзина дѣлались не безъ тайныхъ желаній и внушеній князя Голицына; коренннымъ обскурантамъ Карамзинъ былъ непріятенъ. Дмитріевъ,

упоминая въ своихъ запискахъ объ этихъ нападеніяхъ на Карамзина (особенно въ московскомъ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Казанскомъ Вѣстникѣ»), дѣлаетъ негодующее замѣчаніе: «Со временемъ выйдетъ и у насъ исторія нашей словесности: пускай же авторъ ея знаетъ, что въ это время министромъ просвѣщенія былъ князь А. Н. *Голицынъ*, попечителемъ въ Московскомъ университетѣ князь *Оболенскій*, а въ Казанскомъ *Магницкій;* ректорами—въ первомъ *Прокоповичъ-Антонскій*, а во второмъ *Никольскій*» [1]). Дмитріевъ передавалъ имена этихъ людей на осужденіе потомства.

Это негодованіе Дмитріева даетъ понятіе о томъ, какъ должны были смотрѣть на библейскихъ дѣятелей разсудительные люди даже самаго умѣреннаго разряда, каковъ былъ Дмитріевъ...

Какъ цензура ни давила свободной мысли въ литературѣ, образованные люди общества высказывали однако свою оппозицію—тѣми путями, какіе для нихъ оставались. Негодованіе выростало по мѣрѣ безобразій обскурантизма и еще съ тѣхъ поръ заклеймило многія имена, на которыхъ исторія конечно и оставитъ это клеймо. Такое негодованіе должны были чувствовать всѣ, кѣмъ не овладѣвала мистика и въ комъ сохранялся здравый смыслъ. Разсудительные люди понимали весь страшный вредъ, какимъ грозила владычествовавшая система обскурантизма, возмущались презрѣннымъ способомъ его дѣйствій, и, сколько могли, заявляли объ этомъ... Когда произошло знаменитое скандальное нашествіе обскурантовъ на петербургскій университетъ, то бывшій попечитель его Уваровъ счелъ своею обязанностью высказаться объ этомъ дѣлѣ въ письмѣ къ императору Александру: Уваровъ долженъ былъ видѣть, что вся интрига, устроившая это нашествіе, была направлена противъ него. Это письмо [2])—одинъ изъ самыхъ сильныхъ протестовъ, какіе были тогда подняты противъ инквизиціоннаго обскурантизма тогдашняго министерства. Университетъ (т. е. и самъ его попечитель) обвиненъ былъ въ распространеніи *обдуманной системы невѣрія*, понятій, *противныхъ христіанству* и *разрушительныхъ* для *общественнаго порядка* и благосостоянія [3]). Обвиненіе явнымъ образомъ выходило изъ обдуманныхъ плановъ библейскаго министерства, или точнѣе, плановъ Магницкаго. Уваровъ зналъ силу этой пар-

---

[1]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 103.

[2]) Напечатанное г. Сухомлиновымъ, въ его «Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I-го», въ Журн. Минист. Нар. Просв. 1865—66.

[3]) Эти обвиненія любопытны: впослѣдствіи *въ той же самой формѣ* они подняты были противъ самого министерства Голицына и Библейскаго Общества.

тіи и тогдашнее расположеніе императора, но въ своемъ письмѣ, объясняя дѣло, не усумнился поставить имп. Александру вопросъ о томъ, гдѣ надо скорѣе искать людей, угрожающихъ установленному порядку, — въ преслѣдуемомъ ли университетѣ, или среди самихъ преслѣдователей:

«...Нужно ли искать ихъ въ рядахъ людей глубоко религіозныхъ и монархическихъ, привязанныхъ къ сохраненію существующаго всѣми узами принциповъ, чувствъ, патріотизма, національной гордости, просвѣщенія, собственности и семьи, людей, которые могутъ знать только *одну дорогу* и, будучи вѣрны Богу безъ хвастовства и вашему императорскому величеству безъ холопства, готовы отдать за васъ свою жизнь,.... — или виновники безпорядка скорѣе эта горсть людей sans aveu, которые, съ злобой въ душѣ и съ человѣколюбіемъ на словахъ, исконные враги *всякаго положительнаго порядка* и слѣдовательно *друзья мрака*, присвоиваютъ себѣ самыя священныя имена, чтобы захватить власть и подкопать существующій порядокъ въ самомъ основаніи; эти хладнокровные фанатики, поочередно то заклинатели злыхъ духовъ, то иллюминаты [1]), квакеры, масоны, ланкастерьянцы, методисты, наконецъ все, что угодно, только не люди и не граждане, — которые утверждаютъ, что защищаютъ троны и алтари противъ нападеній несуществующихъ и въ тоже время набрасываютъ подозрѣніе на истинныя опоры алтаря и трона; — искусные актеры, надѣвающіе всевозможныя маски, чтобы смутить всѣ совѣсти, встревожить всѣ умы и которые теперь создаютъ вокругъ себя воображаемыя опасности, чтобы продолжить нѣсколькими минутами свое эфемерное существованіе?»...

Эта характеристика не могла быть пріятна императору Александру, — письмо Уварова и не имѣло успѣха. На первый взглядъ эти обратныя обвиненія Уварова могутъ показаться слишкомъ преувеличенными; но въ нихъ было однако не мало рѣзкой правды и смѣлости: въ этихъ «холодныхъ фанатикахъ» и «ловкихъ актерахъ», запугивающихъ воображаемыми опасностями и спасающими троны и алтари отъ небывалыхъ нападеній, нельзя было не узнавать пошлыя черты тѣхъ библейскихъ дѣятелей, которые всего больше отличались инквизиціоннымъ обскурантизмомъ. Эти слова могли быть вѣрны напр. относительно преслѣдованій, какимъ подвергся арх. Иннокентій отъ кн. Голицына (мы скажемъ объ этомъ дальше), и опять могли быть поразительно истинны въ ту минуту, когда шло гнусное дѣло

---

[1]) Уваровъ употребляетъ это слово въ томъ смыслѣ, какой давало ему употребленіе во французскомъ языкѣ: религіозные фантасты.

петербургскаго университета, систематически задуманное Магницкимъ и съ отвратительной наглостью выполненное его клевретами. «Это — государственный злодѣй»! говорилъ о Магницкомъ немного времени спустя Сперанскій [1]), который хорошо его зналъ. Общество было безсильно противъ этихъ дикихъ нашествій обскурантизма, и Магницкій, какъ ни былъ презрѣненъ и ничтоженъ самъ по себѣ, могъ казаться страшенъ по вреду, какой онъ имѣлъ возможность нанести и дѣйствительно нанесъ.

Письмо Уварова было только личной защитой отъ нападенія этихъ людей. Но императору Александру представлено было и болѣе систематическое и объективное обличеніе ужасной системы, которую вводило министерство народнаго просвѣщенія. Это была записка извѣстнаго дерптскаго профессора Паррота (Coup d'oeil moral sur les principes actuels de l'instruction publique). Парротъ пользовался особеннымъ дружескимъ расположеніемъ императора Александра и рѣшился открыто указать императору на страшное извращеніе понятій и на презрѣнное лицемѣріе, которыми проникнуты были составленныя въ министерствѣ знаменитыя инструкціи ректору и директору казанскаго университета. Парротъ писалъ свою записку еще при министерствѣ кн. Голицына и вѣрно предсказалъ непремѣнный результатъ этого фанатическаго и лицемѣрнаго мракобѣсія. «По внѣшности,—говорилъ онъ, — университетъ сохранитъ нѣкоторый порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой безнравственности, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, начальство не обратитъ на нее вниманіе» [2]). Парротъ вспоминаетъ о подвигахъ императора, освободившаго Европу, давшаго Польшѣ конституцію, сказавшаго нѣкогда слова: «Я не хочу, чтобы общественное воспитаніе лишало молодежь энергіи, точно также, какъ не хочу имѣть слабодушныхъ въ государственной службѣ», — и въ противоположность этому указываетъ на людей, которые, прикрываясь религіей, поставили себѣ задачей сдѣлать русскихъ рабами, — рабами въ правленіе государя, который всегда хотѣлъ царствовать надъ людьми, а не надъ машинами... Кн. Голицынъ, по мнѣнію Паррота, дѣйствовалъ, самъ того не зная, въ пользу іезуитовъ; своей системой народнаго просвѣщенія онъ приготовлялъ имъ путь къ возвращенію въ Россію, и какъ скоро система принесетъ свои плоды, они не замедлятъ низвергнуть его и во главѣ народнаго просвѣщенія поставятъ автора инструкцій, Магницкаго.

---

[1]) В. Евр. 1867, т. IV, отд. I, стр. 99.—Замѣтимъ, что эти слова были сказаны о Магницкомъ, уже тогда, когда онъ служилъ Шишкову и врагамъ Голицына.

[2]) *Ѳеокт.*, Магницкій, стр. 148 и далѣе.

Записка Паррота, проникнутая глубокимъ убѣжденіемъ и спокойной правдивостью, осталась также безъ успѣха. Онъ напрасно старался разъяснить великія понятія религіи, истиннаго народнаго блага и просвѣщенія; господство осталось по прежнему за тѣми извращеніями этихъ понятій, какія проповѣдывала іезуитская программа Магницкаго, принятая министерствомъ.

Въ кругу просвѣщенныхъ людей все это мракобѣсіе, какъ мы сказали, должно было возбуждать только негодованіе. Библейскіе обскуранты уже съ первыхъ годовъ Общества составили свою клику, или даже цѣлую партію, которая старалась давать ходъ людямъ своихъ мнѣній и, имѣя въ рукахъ власть, притѣсняла все, державшееся независимо. Люди, не надѣвавшіе на себя лицемѣрнаго благочестія и мистическаго фанатизма, по-неволѣ становились врагами этой партіи. Обращаясь къ запискамъ и письмамъ того времени, мы можемъ теперь видѣть мнѣнія людей, которые не могли открыто говорить тогда, за полной невозможностью. Нѣсколько фразъ изъ писемъ Карамзина достаточно покажутъ намъ, при всей сдержанности этихъ писемъ, какое презрѣніе чувствовалъ онъ къ фанатической библейской компаніи. «Я засмѣялся, читая о Кошелевѣ (пишетъ онъ въ 1817 году къ Дмитріеву): онъ будетъ министромъ развѣ *вышняго* просвѣщенія [1])! Соединеніе двухъ министерствъ [2]) послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ. Отнынѣ кураторами будутъ люди извѣстнаго благочестія... *Немудрено, если въ наше время умножится число лицемѣровъ*».... Оно дѣйствительно и умножилось.

Въ томъ же году, онъ пишетъ о кн. Голицынѣ и Кошелевѣ: «Князь Голицынъ хорошій человѣкъ... но я къ нему совсѣмъ не близокъ и съ Кошелевымъ не знакомъ; *даже и текстами не промышляю*. Иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ»...

О мистической литературѣ (въ 1819 году):—«Читаешь ли *Инвалида?* Въ послѣднемъ нумерѣ издатель пишетъ, что и Евангеліе не совсѣмъ хорошо, а хороша мистическая книга, переведенная Карнеевымъ: Philosophie divine. Многіе сердятся и *предсказываютъ бѣды нашему просвѣщенію*» [3])...

Издателемъ «Инвалида» былъ тогда основатель его Пезаровіусъ, секретарь и директоръ библейскаго комитета, мистикъ по

---

[1]) Былъ, конечно, слухъ о назначеніи Р. А. Кошелева министромъ народнаго просвѣщенія.

[2]) Народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

[3]) «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 204, 218, 258.

своимъ мнѣніямъ. «Божественная философія», о которой идетъ здѣсь рѣчь, есть одинъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ мистической фантастики; авторомъ ея былъ одинъ изъ самыхъ крайнихъ и знаменитыхъ мистиковъ прошлаго вѣка, Дютуа-Мамбрини, а переводчикомъ уже извѣстный намъ Карнѣевъ, нѣкогда розенкрейцеръ, а тогда одинъ изъ вице-президентовъ Библейскаго Общества и попечитель харьковскаго университета.

Въ 1822 г., кіевскій митрополитъ Евгеній пишетъ къ типографщику Селивановскому: «Если наименованный вами ревизоръ [1]) пріѣдетъ въ вашъ университетъ, то *будутъ хлопоты.* Нравъ его и владычествующій нынѣ вкусъ извѣстенъ. *Дожили мы время*» [2])!.. Рѣчь идетъ конечно о «вкусѣ» библейскихъ обскурантовъ, и слова замѣчательны въ письмѣ митрополита Евгенія.

Для кружковъ литературныхъ, всѣхъ сколько-нибудь здравомыслящихъ оттѣнковъ, господство библейскихъ дѣятелей было господствомъ дикой цензуры, которое угнетало и кастрировало литературу до невозможности. До чего простиралось это угнетеніе литературы, можно судить по тому, что впослѣдствіи даже молодое, весьма либеральное поколѣніе съ радостью встрѣчало назначеніе защитника стараго слога и самаго тяжеловѣснаго классика Шишкова въ министерство народнаго просвѣщенія; это давало надежду на освобожденіе отъ вавилонскаго плѣненія: «Съ перемѣною министерства — писалъ Пушкинъ въ іюнѣ 1824 г.—ожидаю и перемѣны цензуры. А *жаль... la coupe était pleine*» [3])... Пушкина, такимъ образомъ, тогда начинало уже интересовать— до чего могло наконецъ дойти это безобразіе. Говорить о немъ было уже нечего: вещи говорили за себя сами, и молодая литература Арзамаса, Пушкинскаго кружка, Полярной Звѣзды находила для нихъ только эпиграммы. Вспомнимъ напр. «Второе посланіе къ Аристарху» (1824), гдѣ послѣ извѣстныхъ стиховъ о Шишковѣ:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года, —

Пушкинъ продолжаетъ:

Одинъ, среди вельможъ, онъ русскихъ музъ любилъ...,
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ [4]),
Омара да Али принявъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,

---

[1]) Т. е. изъ министерства народнаго просвѣщенія.
[2]) Библ. Зап. 1859, ст. 73.
[3]) Библ. Записки 1858, ст. 45.
[4]) Конечно, кн. Голицынъ.

Усердно заглушать старался просвѣщенье;
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный...

Желчныя эпиграммы Пушкина: «Полу-фанатикъ, полу-плутъ», — «Вотъ Хвостовой покровитель», не вошедшія и досихъ поръ въ собранія сочиненій Пушкина, и др. достаточно рисуютъ отношеніе новаго литературнаго поколѣнія къ кружку или партіи кн. Голицына [1]).

Такимъ образомъ, библейскіе дѣятели окончательно возстановляли противъ себя лучшую образованную часть общества; но эта часть общества, заподозрѣнная тогда императоромъ Александромъ въ крайнемъ либерализмѣ, была совершенно безсильна противъ кн. Голицына; и какъ ни справедливо было ея негодованіе противъ обскурантизма, она ничего не могла сдѣлать противъ него. Представленія Паррота и Уварова были напрасны, потому что аргументы этого рода, вообще, имѣли и имѣютъ за собой слишкомъ мало вліянія въ русскомъ обществѣ.

Успѣшнѣе боролась противъ Библейскаго Общества другая сила, — изъ другихъ общественныхъ сферъ и понятій. Это были приверженцы старины. Имъ ненавистно было все Библейское Общество: и то, что̀ людямъ просвѣщеннымъ казалось обскурантизмомъ, и то, что̀ было въ Обществѣ хорошаго и полезнаго, представлялось этимъ людямъ совсѣмъ съ особой точки зрѣнія. Они возопили о *низверженіи вѣры* и о *революціи!*..

По всѣмъ, извѣстнымъ теперь разсказамъ, виной паденія Общества были съ одной стороны—личная интрига Аракчеева противъ кн. Голицына, вліянію котораго онъ завидовалъ и котораго желалъ свергнуть; съ другой—вражда одной части духовенства,

[1]) Одну эпиграмму на Магницкаго читатель найдетъ въ запискахъ Панаева. Вотъ другая, написанная княземъ Вяземскимъ и относящаяся, конечно, къ нему же:

NN, вертлявый по природѣ,
Модницкій, глядя по погодѣ,
То ходитъ въ красномъ колпакѣ,
То въ рясахъ, въ черномъ клобукѣ.
Когда безбожье было въ модѣ,
Онъ былъ безбожья хвастуномъ;
Теперь въ прихожей и въ приходѣ
Онъ щеголяетъ ханжествомъ.

Р. Архивъ, 1866, № 11—12. Въ современныхъ рукописяхъ встрѣчаются еще другія эпиграммы на Магницкаго, Рунича и проч.

представителемъ которой явился въ особенности извѣстный архимандритъ Фотій. Голосъ этого духовенства имѣлъ за себя и всѣ ультра-консервативные элементы, всѣхъ людей, которымъ всякое нововведеніе съ самаго начала казалось «развратомъ» и подкопомъ подъ церковь, престолъ и отечество. Самому Аракчееву, по всей вѣроятности, не было ни малѣйшаго дѣла до Библейскаго Общества; но ненависть къ Обществу отъ приверженцевъ старины показалась Аракчееву удобнымъ средствомъ для низверженія кн. Голицына. Чтобы объяснить ближе важную роль, которую играла въ паденіи Библейскаго Общества упомянутая часть духовенства, приписывавшая себѣ храненіе и защиту православія, — Фотій, митр. Серафимъ, митр. Евгеній, — мы остановимся нѣсколько на отношеніи духовенства къ библейскому дѣлу.

Это отношеніе было весьма различно, смотря по складу понятій и личному развитію разныхъ членовъ этого сословія.

Библейское Общество явилось къ намъ совершенно нежданно. По своей непосредственной религіозной цѣли, оно, собственно говоря, прежде всего должно бы стать дѣломъ духовенства, которому, повидимому, должны быть всего ближе духовные интересы народа; на дѣлѣ, первые приверженцы Общества явились не въ средѣ духовенства, и едва ли можно сомнѣваться, что наше духовенство, въ цѣломъ, не было приготовлено къ той библейской дѣятельности, какъ она открывалась въ Обществѣ. Задача религіознаго воспитанія націи, посредствомъ обширнаго распространенія Библіи въ народной массѣ и разъясненія самыхъ источниковъ христіанской вѣры, — такая грандіозная задача не могла представиться ему сама собой. Чтобы она могла явиться, для этого нужна была бо́льшая степень образованія и умственнаго развитія, чѣмъ владѣло тогда большинство духовенства. Это образованіе было дѣйствительно не велико. Люди, дѣйствовавшіе теперь, воспитались въ XVIII-мъ столѣтіи на той школьной схоластикѣ, которая отжила свой вѣкъ и уже давно не была сколько-нибудь дѣйствительнымъ знаніемъ при тѣхъ успѣхахъ мысли, какіе сдѣланы были скептическимъ XVIII-мъ вѣкомъ. Наше духовное образованіе давало, правда, извѣстную выдержку умамъ, давало большія схоластическія свѣдѣнія, но по общему развитію понятій оно все болѣе и болѣе отставало отъ умственнаго движенія въ другихъ классахъ общества. Какъ въ началѣ Петровской реформы, старые представители духовенства отнеслись къ преобразованію враждебно, такъ и послѣ въ духовенствѣ продолжалось враждебное отношеніе къ тѣмъ нововведеніямъ, какія приносило дальнѣйшее развитіе реформы и европейскія вліянія.

Его собственная школа, продолжавшая традиціи XVII-го вѣка, постоянно оставалась назади новой литературы и новыхъ научныхъ свѣдѣній. Духовенство замѣчало наконецъ, что это умственное движеніе идетъ въ какія-то новыя страны, напр., въ скептицизмъ, но не могло противопоставить этому ничего, кромѣ схоластическихъ возраженій или голословнаго порицанія; и то, и другое, конечно, не было убѣдительно для тѣхъ, кого оно хотѣло исправлять. Всего чаще, впрочемъ, оно и не пыталось на исправленіе и смотрѣло безучастно на то, чтò дѣлалось въ жизни. Умственное движеніе шло мимо. Въ XVIII-мъ столѣтіи, напр., нѣкоторые возражали на Коперникову систему, — но Коперникова система вошла въ школьное образованіе даже безъ тѣхъ споровъ, какіе были въ школахъ католическихъ... Правда, въ этомъ общемъ положеніи дѣла были исключенія: были отдѣльныя лица, стоявшія надъ общимъ уровнемъ по уму и свѣдѣніямъ, лица, которыя съ интересомъ слѣдили за общественнымъ движеніемъ, сочувствовали успѣхамъ образованія и литературы, даже сами въ нихъ участвовали и вообще были свободны отъ вражды къ тому новому, чтò другимъ казалось отступничествомъ и ересью. Еще Петръ В. находилъ себѣ сподвижниковъ въ средѣ духовенства; но это были исключенія.

Наконецъ, въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ явился и религіозно-нравственный вопросъ: развивалось масонство, началась дѣятельность Новикова. Одинъ изъ умнѣйшихъ представителей духовенства, митр. Платонъ вполнѣ сочувствовалъ образовательнымъ тенденціямъ масонскаго кружка и если самъ не одобрялъ крайностей мистики, то все-таки находилъ возможнымъ не обвинять мистиковъ въ ереси, и даже уважать ихъ. Мистическое движеніе нашло въ духовенствѣ отголосокъ, который продолжался и теперь, въ періодъ Библейскаго Общества. Правда, сочувствіе къ мистицизму, собственно говоря, вовсе не было большимъ пріобрѣтеніемъ для духовнаго образованія, но сравнительно съ прежней схоластикой и это былъ нѣкоторый успѣхъ, какъ начало нѣкоторой пытливости и какъ сближеніе съ нравственно-религіозными интересами, занимавшими общество.

Но этотъ успѣхъ сдѣланъ былъ, конечно, только немногими. Людямъ стараго вѣка и старыхъ преданій, новый мистицизмъ не нравился; это было слишкомъ мудреное нововведеніе, неизвѣстное отцамъ и дѣдамъ; притомъ нововведеніе почерпалось изъ иноземныхъ источниковъ, которые казались подозрительны, и потому оно тѣмъ скорѣе могло быть обвинено въ неправославіи. Этимъ людямъ не могла быть понятна и библейская дѣятельность, которая, какъ и мистическое движеніе, открылась опять не въ

средѣ духовенства. При тѣхъ ограниченныхъ понятіяхъ и образованіи, какими отличалось большинство [1]), мысль о распространеніи Библіи для религіознаго воспитанія народа должна была казаться еще болѣе страннымъ нововведеніемъ... До сихъ поръ какое-нибудь особенное религіозное воспитаніе народа и въ голову никому не приходило; обычное обрядовое благочестіе считалось для него совершенно достаточнымъ воспитаніемъ,—какія бы невообразимыя суевѣрія ни скрывались подъ этимъ обрядовымъ благочестіемъ... Мысль библейской дѣятельности могла быть вполнѣ доступна только для лучшихъ, наиболѣе развитыхъ членовъ духовенства: для людей старыхъ преданій она была вреднымъ вольнодумствомъ, даже измѣной православію.

Эти мнѣнія, за или противъ распространенія Библіи, были конечно слишкомъ противоположны одно другому; но самое существованіе этого вопроса и этого разнорѣчія по его поводу не высказалось однако ни въ литературѣ, ни въ дѣятельности духовенства. Когда заявлено было объ основаніи Библейскаго Общества, духовенство приняло его какъ совершившійся фактъ,— безъ возраженій, какъ будто всѣ мнѣнія были въ этомъ согласны. Объясненіе этого заключается въ общественномъ положеніи духовенства.

Со временъ Петра Великаго и съ уничтоженія патріаршества, духовенство, какъ сословіе, стало въ извѣстное подчиненное государственной власти положеніе. У него не было той силы, какая нѣкогда давала церкви властительную роль въ государствѣ. Нѣсколько попытокъ оппозиціи, заявленныхъ въ теченіе XVIII-го вѣка, при Аннѣ, Елизаветѣ, Екатеринѣ, кончались самымъ неблагопріятнымъ образомъ для интересовъ духовенства, какъ сословія, и въ пользу свѣтской администраціи. Духовенство отвыкло отъ самостоятельности и наравнѣ со всѣмъ остальнымъ обществомъ подчинялось правительственнымъ вліяніямъ, которыя иной разъ касались и вопросовъ спеціально духовныхъ. Такъ случилось и въ библейскомъ дѣлѣ. Хотя, повидимому, библейское дѣло должно бы особенно вызвать самостоятельныя рѣшенія духовенства, — воля императора предрѣшила вопросъ и для духовенства, точно также какъ и для другихъ людей общества. Высшіе представители іерархіи наполнили вдругъ библейскій комитетъ, наряду съ иновѣрцами, когда оказалось, что библейское учрежденіе не только соотвѣтствуетъ взглядамъ императора Александра, но какъ будто даже выполняетъ прямую его волю. Правда, не всѣ члены духовенства вступали въ Общество вслѣдствіе одныхъ

[1]) См. примѣры въ книгѣ «Іезуиты въ Россіи», стр. 268—269.

подобныхъ побужденій, и между ними были люди, по собственному убѣжденію принимавшіе принципы Библейскаго Общества; но самый тотъ фактъ, что съ одного опредѣленнаго момента духовенство почти поголовно стало вступать въ библейскіе комитеты, — этотъ фактъ показываетъ, что упомянутыя побужденія имѣли здѣсь большое участіе. Вопросъ о распространеніи Библіи въ народѣ, о переводѣ ея на народный языкъ, — вопросъ, который потомъ былъ не только спорнымъ, но представляемъ былъ даже возмутительнымъ, — теперь принимался какъ рѣшенный, просто потому, что онъ уже былъ рѣшенъ высшею свѣтской властью.

Понятно, что когда библейское дѣло принято было въ Петербургѣ высшими представителями іерархіи, оно принято было и остальной массой духовенства. Она также точно пошла вслѣдъ за іерархіей, какъ эта послѣдняя исполнила желанія императора, или, можетъ быть, только оберъ-прокурора св. синода. Такимъ образомъ не обнаруживалось ни споровъ, ни партій, и дѣло казалось прочнымъ и единодушнымъ. Но, въ другихъ обстоятельствахъ, очевидно, такимъ же образомъ могло явиться и новое направленіе и вести опять въ другую сторону. Такъ это и случилось въ ту пору, когда дѣла Библейскаго Общества приняли дурной оборотъ и противъ него открыта была формальная война. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ духовныхъ членовъ Общества были тогда поставлены въ очень тяжелое и соблазнительное недоумѣніе: имъ мудрено было понять, почему прежде имъ «ставилось въ обязанность» распространеніе Библіи, а теперь это же самое ставилось въ преступленіе.....

Понятно также и то, что на первый разъ большинство не имѣло яснаго представленія о характерѣ библейскаго дѣла, которое теперь всѣмъ рекомендовали. Эти неясныя представленія у многихъ остались и послѣ: вся библейская дѣятельность у многихъ вѣроятно сводилась на одно исполненіе приказаній начальства и механическое распространеніе книгъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что пропаганда Библейскаго Общества производила и болѣе серьезное дѣйствіе. Самое дѣло представляло столько простыхъ и естественныхъ понятій, что оно уже вскорѣ пріобрѣло, въ средѣ духовенства высшаго и низшаго, искреннихъ и преданныхъ ревнителей. Для людей съ дѣйствительнымъ благочестіемъ, не страдавшихъ старовѣрческимъ фанатизмомъ, должны были казаться совершенно естественными самыя основанія библейскаго дѣла: желаніе имѣть книги писанія на вразумительномъ языкѣ, желаніе доставить эти книги всѣмъ вѣрующимъ, и особенно тѣмъ, кто всего больше нуждается въ религіозномъ на-

ставленіи или утѣшеніи, бѣднякамъ, несчастнымъ, заключеннымъ и т. п. Разъ искренно и разсудительно понятая библейская дѣятельность должна была доставлять глубокое удовлетвореніе людямъ религіознымъ, и особенно духовнымъ лицамъ, для которыхъ самое пренебреженіе этимъ дѣломъ въ прежнее время, должно было придавать ему новую привлекательность теперь. Рядомъ съ собственной библейской дѣятельностью, имѣла успѣхъ и мистическая литература: религіозное возбужденіе и пытливость нашли здѣсь пищу, завлекательную по своей новости, туманной возвышенности и апокалипсической фантазіи.

Мы видѣли, съ какимъ восторгомъ отчеты Общества говорили о появленіи св. писанія на русскомъ языкѣ; и нѣтъ сомнѣнія, что они въ большой мѣрѣ говорили правду, и что всѣ лучшіе люди въ духовенствѣ приняли его съ радостью. Нечего говорить о томъ, съ какимъ убѣжденіемъ въ своемъ дѣлѣ должны были работать сами переводчики св. писанія, во главѣ которыхъ стоялъ Филаретъ. Русская іерархія выражала переводу полное сочувствіе: она радовалась, что переводъ сдѣлалъ писаніе понятнымъ для всѣхъ и устранилъ причину, «мѣшавшую полному его дѣйствію на сердца»; это важное явленіе въ русской церкви сравнивали съ «занимающейся зарей славнаго дня свѣта», и находили его нужнымъ не только для народа, но и для самого духовенства; говорили (Амвросій, архіеп. казанскій), что его одобряютъ даже старовѣры, отъ которыхъ слѣдовало бы ожидать самаго сильнаго сопротивленія; что переводъ объясняетъ славянскій текстъ и принесетъ очевидную пользу тѣмъ, кто хочетъ идти по пути вѣчнаго спасенія, и т. д. [1]). Эти, случайно нами взятые примѣры, можно было бы легко увеличить множествомъ другихъ такихъ же выраженій сочувствія къ переводу писанія, изъ библейскихъ отчетовъ, современныхъ проповѣдей и т. д. Мы приведемъ еще только одинъ примѣръ. Гендерсонъ разсказываетъ, что во время своего путешествія по Россіи онъ между прочимъ посѣтилъ въ Бѣлгородѣ Евгенія, епископа курскаго и бѣлгородскаго [2]). «Когда я представилъ епископу экземпляръ (вышедшихъ тогда) Евангелій, Апостольскихъ Дѣяній

---

[1]) Это — мнѣнія Анатолія, архіеп. минскаго; Амвросія, еп. курскаго; Евгенія, архіеп. псковскаго (впосл. митр. кіевскаго); Амвросія, архіеп. казанскаго; архіеп. архангельскаго. Они собраны у Пинкертона, стр. 128—130.

[2]) Этотъ Евгеній (Казанцовъ) нѣкогда любимецъ митр. Платона, вызванный въ одно время съ другимъ его любимцемъ, Филаретомъ, въ Петербургъ, и съ тѣхъ поръ связанный съ Филаретомъ тѣсной дружбой, въ настоящую минуту есть старѣйшій изъ русскихъ іерарховъ. Онъ родился въ 1778 г., и въ нынѣшнемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе его архіерейства. Біографическая замѣтка о немъ была помѣщена въ «Моск. Вѣдом.»

и десяти Посланій на русскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, его радость была такъ велика, что онъ не могъ удержаться, и тотчасъ призвалъ на этотъ трудъ божіе благословеніе, и торжественно объявилъ, что если бы только ему удалось держать въ рукахъ полный переводъ Св. Писанія на родномъ языкѣ, какъ нѣкогда Симеонъ держалъ въ рукахъ благословенный предметъ ихъ свидѣтельства, то онъ, подобно ему, сказалъ бы: «Господи! нынѣ отпускаешь ты раба своего съ миромъ, потому что глаза мои видѣли твое спасеніе». Уже тридцать лѣтъ, по словамъ Евгенія, онъ усердно молился, чтобы сдѣланъ былъ такой переводъ, такъ какъ въ древнемъ славянскомъ переводѣ есть много мѣстъ совершенно непонятныхъ» [1]).

Этотъ успѣхъ библейскаго дѣла поражалъ англійскихъ миссіонеровъ, которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ удивляла и терпимость русскаго духовенства, и вообще отсутствіе духа преслѣдованія, отличавшее православную церковь сравнительно съ другими исповѣданіями. Все это казалось имъ слѣдствіемъ большой чистоты ученія, сохранившагося въ восточной церкви. Пинкертонъ, говоря объ упомянутыхъ выше изданіяхъ кн. Мещерской (взятыхъ въ особенности изъ англійскихъ религіозныхъ книгъ), замѣчаетъ: «Большая часть этихъ изданій были утверждены духовными цензорами, — замѣчательное доказательство того, въ *какой большой чистотѣ христіанское ученіе* до сихъ поръ *сохраняется въ русской церкви*. Въ самомъ дѣлѣ, если только вы удерживаетесь отъ спора относительно исхожденія Св. Духа, числа таинствъ, призыванія святыхъ, молитвы за умершихъ, и пр., вы можете выставлять всѣ жизненныя ученія Евангелія, безъ опасенія, чтобы вашъ трудъ былъ отвергнутъ духовными властями» [2]). Англійскіе миссіонеры испытывали это и въ частныхъ бесѣдахъ съ духовными лицами. — Ихъ свидѣтельства едва ли можно заподозрить, или, едва ли можно заподозрить искренность этихъ духовныхъ лицъ. Дѣло только въ томъ, что эти духовныя лица были тогда подъ вліяніемъ времени и его настроенія, либеральной терпимости и мистическихъ стремленій, удалявшихъ отъ догматическихъ препирательствъ, и не боялись тогда высказывать своихъ мыслей, которыхъ не рискнули бы обнаруживать въ другое время; — а миссіонеры англійскіе ошибались въ томъ, что эти отдѣльные (хотя, вѣроятно, въ то время и многочисленные) примѣры принимали за общій характеръ духовенства, и временную

---

[1]) Henderson, Biblical Researches, стр. 157.

[2]) Russia, стр. 359.

терпимость и сочувствіе къ тогдашнему религіозному движенію приняли за обыкновенный порядокъ вещей.

Дѣйствительно, въ средѣ духовенства и тогда были противники библейскаго дѣла, но они теперь молчали. Это были люди, стоявшіе за чистоту того, что̀ сами они считали старыми православными традиціями, хотя на дѣлѣ это была иногда только упрямая приверженность къ старой формѣ и буквѣ. Съ формальной церковной стороны, библейское дѣло могло достаточно обезпечиваться тѣмъ, что въ библейскомъ комитетѣ занимали мѣста лица высшей православной іерархіи, и русскія изданія св. писанія утверждались авторитетомъ синода. Но крайніе ревнители старины находили, что библейское дѣло нарушаетъ преданія. Новыя понятія,—до того времени совершенно неизвѣстныя въ русской жизни, особенно для массы,—которыя дѣйствительно вносило Библейское Общество, подвергались осужденіямъ ихъ уже потому, что старина не знала этихъ нововведеній. Имъ казалось профанаціей святыни переложеніе писаній на простонародный языкъ на которомъ онѣ еще никогда прежде не излагались; имъ казалось непозволительнымъ, что православные іерархи сидятъ въ библейскомъ комитетѣ рядомъ съ иновѣрцами, которыхъ старая церковная традиція считала прямо еретиками и отщепенцами; и они забывали, что это общее дѣло, которое русское духовенство дѣйствительно вело здѣсь вмѣстѣ съ иновѣрцами, не касалось вовсе православныхъ догматовъ и стояло на совершенно нейтральной почвѣ. Имъ странно было и то, что вопросами религіи занимаются свѣтскіе люди. Далѣе, людямъ стараго обрядоваго благочестія и мистики традиціонной были непонятны, а потому казались совсѣмъ недозволительны произведенія той новой мистической литературы, которыхъ появилось теперь очень много на русскомъ языкѣ и, наконецъ, имъ особенно были ненавистны тѣ сектаторскія нововведенія, которыя проводилъ новѣйшій мистицизмъ, религіозная экзальтація мистиковъ, ихъ квакерскія моленія, — чего, впрочемъ, невозможно было смѣшивать со *всѣмъ* Библейскимъ Обществомъ. Какъ ни было бы глупо смѣшивать пляски у Татариновой съ библейской дѣятельностью вообще — ревнители постоянно и намѣренно ихъ смѣшивали, и потому нерѣдко могли казаться правыми въ глазахъ простодушныхъ людей, которые въ ихъ фанатическихъ доносахъ и находили потомъ защиту православія и отечества. Дѣло въ томъ, что эти ревнители защищали старину во что̀ бы ни стало и во всемъ ея составѣ, а эта старина, какъ извѣстно, въ числѣ своихъ качествъ, отличалась и большой степенью невѣжества, считавшаго своимъ идеаломъ совершенную

неподвижность всѣхъ понятій и всѣхъ формъ жизни. Въ такомъ смыслѣ, съ этой стариной невозможно было не придти въ столкновеніе, и приверженцы старины собирали свои сплетни и обвиненія противъ Библейскаго Общества, отвергая въ немъ все, съ начала до конца; не умѣя или намѣренно не желая отличить въ библейскомъ дѣлѣ отдѣльныя слабости и крайности его приверженцевъ отъ того, что̀ было въ немъ живымъ религіозно-человѣколюбивымъ чувствомъ и потребностью времени, они возставали и доносили на все, что̀ превышало ихъ понятія. Неразумная ревность ихъ отличалась въ сущности тѣмъ же фанатизмомъ и обскурантизмомъ, какими отличались ихъ библейскіе противники, — быть можетъ, еще худшимъ.

Оттого эта борьба принимаетъ такой характеръ, что въ концѣ концовъ мы затрудняемся выбирать—къ которой изъ двухъ сторонъ можно имѣть сочувствіе.

Другой поводъ къ неудовольствію доставляли дѣйствія кн. Голицына. Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, по словамъ современниковъ, возбудило въ духовенствѣ «негодованіе» и «ропотъ»[1]). Въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, директоромъ котораго былъ А. И. Тургеневъ, дѣла православныя вѣдались на ряду съ дѣлами католическими, протестантскими, наконецъ магометанскими и еврейскими: — этотъ порядокъ, конечно, вовсе не былъ придуманъ съ какой-нибудь задней зловредной цѣлью, но онъ подавалъ поводъ говорить объ униженіи господствующей церкви, которая ставилась за урядъ съ иновѣрными исповѣданіями, даже нехристіанскими. Главныя мѣста въ двойномъ вѣдомствѣ князя Голицына были, конечно, заняты библейскими дѣятелями, и если Библейское Общество само по себѣ казалось слишкомъ либеральнымъ вмѣшательствомъ въ церковное дѣло, то для духовенства старыхъ понятій тѣмъ непріятнѣе было находиться подъ властью свѣтскихъ библейскихъ дѣятелей. Въ житейскомъ ходѣ вещей недружелюбныя отношенія возникали здѣсь совершенно естественно, и должны были еще больше усиливаться, когда свѣтскіе правители духовныхъ дѣлъ имѣли неосторожность обнаружить высокомѣрныя притязанія. А въ такихъ притязаніяхъ недостатка не было: аколиты кн. Голицына, надѣясь на его силу, позволяли себѣ рѣзкія сло̀ва и поступки, неоправдываемые благоразуміемъ и раздражавшіе противную партію. Въ вещахъ религіи библейскіе мистики выдавали себя за истинныхъ истолкователей религіи (какъ Лабзинъ) и слишкомъ пренебрегали господствующими нравами, когда отправлялись

---

[1]) Зап. Вигеля, III, ч. V, стр. 67.

слушать либеральныхъ католическихъ проповѣдниковъ въ родѣ Госнера, или устроивали свой особый культъ у Татариновой, или черезъ мѣру наводняли литературу мистическимъ туманомъ, въ которомъ проповѣдывалось объ основаніи какого-то новаго Христова царства. Самъ кн. Голицынъ подавалъ всему этому первый примѣръ. По общему обычаю сильнаго вельможества, онъ отличался деспотическими замашками, которыя здѣсь — въ церковныхъ дѣлахъ — могли гораздо скорѣе компрометтировать его, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ вѣдомствѣ. Мы разскажемъ дальше одинъ случай подобнаго рода — преслѣдованіе арх. Иннокентія, въ которомъ очень рѣзко выразился характеръ его дѣйствій и которое сильно вооружило противъ него многихъ. Исторія тѣхъ временъ еще мало извѣстна, и намъ приходится только упомянуть безъ дальнѣйшихъ подробностей другой разсказъ — объ его отношеніяхъ къ митр. Михаилу.

Говорятъ именно, что этотъ достойный и уважаемый человѣкъ даже умеръ отъ огорченій, причиненныхъ ему кн. Голицынымъ, вслѣдствіе ихъ личныхъ столкновеній. Разсказываютъ, что «при церемоніи выноса тѣла покойнаго митрополита даже гласно раздавались въ толпѣ голоса, что Голицынъ — убійца митрополита». Ихъ столкновеніе произошло, кажется, по тѣмъ же поводамъ, которые давали оружіе противъ кн. Голицына потомъ, — по библейскому дѣлу и религіознымъ нововведеніямъ. Не задолго передъ смертью митр. Михаилъ писалъ письмо къ императору, находившемуся тогда въ Лайбахѣ. Какъ разсказываютъ, «въ письмѣ своемъ митрополитъ Михаилъ, съ откровенностію изобразивъ опасности, которымъ подвергается православная церковь отъ слѣпотствующаго министра, въ заключеніи говоритъ: ««Государь, когда дойдетъ до васъ сіе писаніе, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего, кромѣ истины, не вѣщалъ я людямъ; наипаче же теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь дать отчетъ Высшему Судіи!»». Черезъ двѣ недѣли по полученіи этого письма государь получилъ извѣстіе о смерти митрополита. Аракчеевъ воспользовался внутреннимъ настроеніемъ государя и присовѣтовалъ избрать преемникомъ Михаилу московскаго митрополита Серафима. Его назначеніе было началомъ паденія Голицына» [1]).

Понятно, что въ подобныхъ столкновеніяхъ самовластіе Голицына должно было оскорблять не только отдѣльныя лица духовенства, а самый сословный духъ его, слѣд. тѣмъ больше умножать число его враговъ. И эта вражда могла становиться тѣмъ серьезнѣе, что своимъ покровительствомъ религіозному ли-

---

[1]) О. Морошкинъ, въ Р. Арх. 1868, ст. 1389 примѣч.

берализму, мистикѣ и сектаторскимъ затѣямъ, Голицынъ въ особенности былъ открытъ обвиненіямъ въ неправославіи, — обвиненіямъ, слишкомъ неудобнымъ для министра духовныхъ дѣлъ.

Наконецъ, какъ всегда случается въ такихъ случаяхъ, различный взглядъ на вещи бывалъ просто слѣдствіемъ побужденій чисто-личныхъ: разсчеты честолюбія и самолюбія заставляли однихъ искать успѣха въ одномъ лагерѣ, другихъ—въ другомъ, или покидать одну партію и присоединяться къ другой. Исторія русской іерархіи временъ императора Александра представляетъ не мало примѣровъ этого рода; тоже происходило, кажется, въ кругу отношеній Библейскаго Общества. Мы будемъ имѣть случай видѣть, что дѣйствія партіи, враждебной Обществу, далеко не были руководимы однимъ убѣжденіемъ; что въ нихъ слишкомъ много имѣли мѣста или чистая интрига у однихъ, или безхарактерность и робость, желаніе угодить сильнымъ людямъ, у другихъ. Средства, которыя пускались въ ходъ для «защиты православія», далеко не соотвѣтствовали возвышенности такого предпріятія, и главнѣйшіе ревнители, какъ Фотій, возбуждаютъ слишкомъ мало сочувствія....

Такова была почва, на которой должна была разъиграться интрига, приведшая къ закрытію Библейскаго Общества.

Прежде, чѣмъ разсказывать о ходѣ этой интриги, мы считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько примѣровъ того враждебнаго отношенія, въ какое стали защитники старины къ кн. Голицыну и Библейскому Обществу, и которое превратилось потомъ въ ожесточенную борьбу.

Эта вражда прежде всего обратилась, кажется, на тѣ мистическія тенденціи, которыя уже вскорѣ стали специфически отличать библейскихъ дѣятелей, и которыя уже давно не нравились консервативному духовенству и хранителямъ старыхъ нравовъ и обычаевъ. Какъ мы уже не разъ замѣчали, новый мистицизмъ былъ продолженіемъ мистицизма Новиковской школы. Непосредственный ученикъ Новикова, Лабзинъ, съ самыхъ первыхъ годовъ царствованія императора Александра началъ длинный рядъ своихъ мистическихъ изданій, и въ 1806 г. основалъ особый органъ для распространенія своихъ любимыхъ идей, «Сіонскій Вѣстникъ». Журналъ былъ, впрочемъ, скоро запрещенъ, но Лабзинъ продолжалъ издательскую дѣятельность въ томъ же духѣ, и издаваемыя имъ книги продолжали плодить любителей мистицизма. Открытіе Библейскаго Общества, въ которомъ Лабзинъ уже вскорѣ сталъ играть дѣятельную роль; расположеніе къ ми-

стицизму самого императора; рѣзкіе мистическіе вкусы очень сильнаго тогда кн. Голицына, дали этой литературѣ такія выгодныя условія, какихъ она не имѣла еще никогда. Мистическія книги чрезвычайно размножились; Лабзинъ, главный ихъ поставщикъ, выказывалъ неутомимую дѣятельность, и въ 1817 г. возобновилъ изданіе «Сіонскаго Вѣстника». Быть можетъ, для соблюденія приличій или избѣжанія столкновеній, книги эти стали миновать духовную цензуру и разрѣшаемы были свѣтскими цензорами, которые, въ угоду начальству, очень благопріятствовавшему этой литературѣ, не думали дѣлать ни малѣйшихъ возраженій, хотя въ книгахъ нерѣдко попадались вещи, непривычныя для слуха людей, воспитанныхъ на обиходномъ русскомъ чтеніи. Быть можетъ, впрочемъ, цензора, не сильные въ догматическихъ тонкостяхъ, и не замѣчали этого, или же считали свое вмѣшательство излишнимъ, когда книги поощрялись самимъ начальствомъ. Дѣло въ томъ, что этотъ мистицизмъ, искавшій «внутренней» церкви, нерѣдко нападалъ на то, что̀ онъ называлъ внѣшней или наружной церковью, осуждалъ ея недостатки и т. п., и эти осужденія можно было истолковать какъ осужденіе церкви православной. Эти книги большей частью были протестантско-мистическаго происхожденія: протестантскія мнѣнія, которыя сохранялись цѣликомъ въ русскихъ переводахъ, возмущали православныхъ ревнителей, которые не только заподозривали русскихъ издателей въ злонамѣренности, но утверждали иногда, что и самыя книги (нѣмецкія или французскія) написаны были именно для потрясенія православія. Лабзинъ и другіе переводчики, конечно, не имѣли въ виду этой цѣли, которую впослѣдствіи имъ стали упорно приписывать: ихъ вообще занимала больше мистическая, чѣмъ протестантская сторона дѣла, и ихъ заботы о «внутренней» церкви совершенно мирились съ ихъ православіемъ; они хотѣли только поднять религіозное развитіе общества, расширить (по своему, правда) пониманіе религіозныхъ вопросовъ, въ большинствѣ дѣйствительно довольно грубое. Но для людей, которымъ «печатный каждый листъ быть кажется святымъ», достаточно было нѣсколькихъ фразъ, не совсѣмъ обычныхъ, нѣсколькихъ смѣлыхъ выраженій протестантскаго автора, чтобы обвинить русскаго переводчика въ явномъ намѣреніи подрыть православіе и ввести въ Россіи реформацію. Такія обвиненія начались уже въ первые годы Библейскаго Общества, и вызвали первые доносы противъ него.

Мы видѣли прежде, что отчеты Библейскаго Общества уже съ первыхъ годовъ начинаютъ обличать людей, не хотящихъ понимать цѣли Общества и осуждающихъ его намѣренія и дѣй-

ствія.... Эти враги Общества прежде всего, кажется, возстали на литературную дѣятельность библейскихъ ревнителей, — ихъ мистическія книги. Доносы въ этомъ смыслѣ начинаются еще въ то время, когда личный интересъ императора Александра къ библейскому мистицизму не давалъ пока надежды на успѣхъ.

Такой доносъ былъ поданъ императору въ августѣ 1816 г.[1]. Авторомъ доноса былъ нѣкто Степанъ Смирновъ, губернскій секретарь, императорской московской медико-хирургической академіи переводчикъ,—по всей вѣроятности лицо, выдвинутое и поощренное другими.

Поводъ къ доносу составляютъ мистическія и другія книги, изданныя въ 1815—1816 годахъ, въ которыхъ доносчикъ видѣлъ отступничество отъ православія и крайнюю опасность для государства. «Не попусти въ богоспасаемой Россіи владычествовать завѣту беззаконниковъ,—обращается онъ къ императору,— съ вѣрою къ Богу исчезнетъ вѣрность и къ гражданскимъ уставамъ. Хаосъ смятеній и разстройство поглотитъ тогда народное благо. Появленіе *богоотступныхъ* и *возмутительныхъ* книгъ пронзаетъ горестію сердца благомыслящихъ твоихъ подданныхъ».... Книги, противъ которыхъ ратуетъ Смирновъ, были: «Побѣдная Повѣсть» Юнга Штиллинга; «Агаѳоклесъ или письма изъ Рима и Греціи», сочиненіе (романъ) г-жи Пихлеръ; «Наука числъ», Эккартсгаузена; «Приключенія по смерти», Юнга Штиллинга; «Угрозъ Свѣтовостоковъ», изъ его же сочиненій; «О истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей»; наконецъ «Мученики», Шатобріана; — всего больше доносчикъ останавливается на первой и на послѣдней изъ этихъ книгъ. Изъ «Мучениковъ» онъ выписываетъ слова *язычниковъ* о христіанствѣ и указываетъ въ нихъ униженіе христіанской вѣры; также поступаетъ онъ съ «Агаѳоклесомъ». Въ мистическихъ книгахъ онъ находитъ хулу противъ Бога и отрицаніе догматовъ православной церкви. Но сильнѣе всего онъ вооружается противъ «Побѣдной Повѣсти», которая казалась ему верхомъ еретичества. Въ ней, по словамъ доноса, «подъ видомъ изъясненія Апокалипсиса, содержатся *оскорбительныя хуленія христіанства*, наипаче *греческаго* исповѣданія. Всѣ *древнія ереси нагло проповѣдуются* въ сей книгѣ, именно: отрицается Божество Іисуса Христа, приписуя ему невѣдѣніе будущаго; христіанскіе храмы называются языческими, святыя иконы идолами, вселенскіе соборы и учители церкви почитаются преобразователями христіанства въ язычество. Сверхъ того, отвергается вѣчность мученій, магометанство смѣшивается съ христіанствомъ,

---

[1]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. 1858 г., кн. 4, стр. 139—142.

предвозвѣщаются революціи всему христіанству, подобныя французской; наконецъ, въ противность запрещенію Господа, назначается годъ, именно 1836, въ которой, якобы, воспослѣдуетъ второе пришествіе Господа; это доказывается коварными, но, по разсмотрѣнію, живыми (?) выкладками; а поелику сочинитель оказался деистомъ, то это прорицаніе есть одно посмѣяніе (?); всѣ важнѣйшіе гіероглифы Апокалипсиса Штиллингъ приспособилъ къ злонамѣреннымъ цѣлямъ своимъ».

Источникомъ этихъ зловредныхъ книгъ доносчикъ указываетъ *тайныя общества*, ведущія къ потрясенію христіанства, *а потому* и престоловъ. Обвиненіе, впрочемъ, совершенно неопредѣленно: «*Адская гордость* породила тайныя общества, кои, подъ видомъ братолюбія и самоотверженія, стремятся надъ всѣмъ владычествовать тайнымъ образомъ». Пророкъ Даніилъ называетъ ихъ беззаконниками; Апокалипсисъ — звѣремъ, имѣющимъ рога агнчи, а глаголъ змія; Христосъ — лжепророками, которые хотятъ, если можно, прельстить и избранныхъ. «Это обольщеніе производятъ они, наипаче изданіемъ коварныхъ книгъ, имѣющихъ благовидную наружность, но внутренность, постигаемую размышленіемъ, погибельную».

Доносчикъ объясняетъ при этомъ, что онъ сочинилъ опроверженіе противъ хуленій «Побѣдной Повѣсти», гдѣ онъ занялся также изъясненіемъ нѣкоторыхъ пророчествъ, которыя, «бывъ соображены и пояснены на основаніи св. писанія, *очевидно* указываютъ сами собой на *событія временъ нашихъ*, а по точному смыслу проявляютъ знаменіе *близкой кончины вѣка*». Такимъ образомъ и самъ доносчикъ ожидалъ скораго свѣтопреставленія [1]).

Итакъ, противъ дѣятелей Библейскаго Обществ уподнято было то самое обвиненіе въ потрясеніи религіи и престоловъ, какое они сами подняли потомъ противъ либеральнаго образованія. Такъ дешева была фраза и такъ легко ея употребленіе.

Доносъ Смирнова, повидимому, остался безъ всякаго дѣйствія,— императору Александру были еще слишкомъ близки первыя возбужденія мистицизма, и онъ еще очень недавно выражалъ свое благоволеніе автору этой самой «Побѣдной Повѣсти». Но эта

[1]) Тотъ же Смирновъ является и послѣ однимъ изъ мелкихъ прислужниковъ партіи, возставшей противъ Библ. Общества. «Смирновъ, послуживъ подъ начальствомъ кн. Голицына, вышелъ въ отставку, переселился въ Москву и сталъ сильнѣе производить свои набѣги и на переводъ Библейскимъ Обществомъ Новаго Завѣта и на проповѣдь, о которой упоминается въ письмѣ моск. архіепископа (къ Серафиму) и на катихизисы его» и пр. Сушк., 145; Прил., стр. 51. См. о немъ также Филарета Черниговскаго, «Обзоръ рус. дух. литер.» кн. 2. Черниговъ, 1863, стр. 238.

книга,—впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ обвинительныхъ пунктовъ противъ библейскихъ дѣятелей, — уже теперь сильно возбуждала многихъ противъ мистицизма и между прочимъ произвела раздоръ между Филаретомъ и арх. Иннокентіемъ, въ средѣ самого Библейскаго Общества, въ которомъ они оба были дѣятельными членами.

Архимандритъ Иннокентій (Смирновъ), впослѣдствіи епископъ Пензенскій (ум. 1819), въ то время ректоръ петербургской семинаріи, имѣлъ уже тогда большую славу, какъ проповѣдникъ и ученый (онъ составилъ «Начертаніе Церковной Исторіи», «Дѣятельное Богословіе» и др.). Еще молодымъ человѣкомъ, онъ наравнѣ съ Филаретомъ обращалъ на себя вниманіе своимъ дарованіемъ, строгостью жизни и трудами; и тотъ и другой имѣли много ревностныхъ почитателей; оба славились какъ «искренніе свѣтильники, подававшіе надежду собою во благо церкви», какъ выражается потомъ архим. Фотій, бывшій тогда ихъ ученикомъ. Съ 1815 г. Иннокентій былъ уже однимъ изъ директоровъ Библейскаго Общества, и участвовалъ въ комитетѣ, разсматривавшемъ переводы св. писанія, гдѣ засѣдали также митр. Михаилъ, Серафимъ, Филаретъ (тогда ректоръ академіи), Лабзинъ и Поповъ [1]). Такимъ образомъ онъ стоялъ у самаго средоточія библейской дѣятельности. Онъ былъ тогда въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ съ Филаретомъ, пользовался, кажется, и расположеніемъ кн. Голицына, который приглашалъ его къ участію въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія [2]); онъ и Филаретъ нерѣдко проповѣдывали въ домовой церкви кн. Голицына. Но мнѣнія его, кажется, уже рано приняли иное направленіе, чѣмъ у его друга. Иннокентій не одобрялъ мистическихъ тенденцій библейскаго кружка; и «Побѣдная Повѣсть» Штиллинга дала поводъ къ столкновенію, которое на первый разъ обошлось довольно мирно, а впослѣдствіи, повторившись, навлекло на Иннокентія гоненіе со стороны кн. Голицына.

По позднѣйшему разсказу Филарета, переданному въ книгѣ г. Сушкова [3]), онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Иннокентіемъ и, когда можно, предостерегалъ его, но часто «ревность увлекала Иннокентія за предѣлы осторожности». Когда вышла «Побѣдная Повѣсть или истолкованіе Апокалипсиса», Иннокентій (онъ былъ также духовнымъ цензоромъ) «возревновалъ» про-

---

[1]) Сушк., стр. 75. См. также отрывокъ изъ Записокъ Фотія, въ «Чтеніяхъ въ Моск. Общ. любителей дух. просвѣщенія», М. 1868, Прилож., стр. 104—111.

[2]) Воронова, Ист.-статист. Обозрѣніе Уч. Зав. Спб. Уч. Округа. Спб. 1849, стр. 196.

[3]) Стр. 109 — 111.

тивъ этой книги, находя ее противной православію; но Филаретъ успокоивалъ его тѣмъ, что книга пропущена была свѣтской цензурой и слѣдовательно находится не на ихъ отвѣтственности. Самъ Филаретъ судилъ о книгѣ снисходительнѣе (онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ издателемъ этой книги, Лабзинымъ) и находилъ еще впослѣдствіи, что сдѣланныя въ ней «изъясненія первыхъ пяти печатей были дѣйствительно замѣчательны, хотя вообще книга и была проникнута духомъ протестантства». Между тѣмъ Смирновъ, авторъ упомянутаго доноса, представилъ въ цензуру возраженіе на эту книгу, весьма рѣзкое, но по словамъ Филарета, мало толковое, подъ названіемъ «Вопль жены, облеченной въ солнце» [1]). Иннокентій хотѣлъ пропустить книгу, но Филаретъ удержалъ его, чтобы «не произвести напраснаго волненія», и митрополитъ одобрилъ его мнѣніе. Черезъ нѣсколько времени — въ отсутствіе Филарета — Иннокентій, вновь раздраженный нѣкоторыми статьями «Сіонскаго Вѣстника», Лабзина, написалъ рѣзкое письмо къ князю Голицыну и совѣтовалъ ему стараться «залечить раны, которыми онъ самъ уязвилъ церковь». Кн. Голицынъ принесъ письмо къ митрополиту, который только съ трудомъ убѣдилъ Иннокентія извиниться; но это конечно должно было разстроить отношенія Иннокентія съ кн. Голицынымъ, а вмѣстѣ и съ Филаретомъ, который, по словамъ Сушкова, съ Голицынымъ «жилъ душа въ душу». Новый поводъ къ несогласію представился скоро.

Возвратимся къ «Побѣдной Повѣсти».

Лабзинъ зналъ, конечно, какого рода мнѣнія породила эта книга и отвѣчалъ обвинителямъ въ томъ же 1816 г. въ предисловіи къ изданной имъ тогда «Жизни Генриха Штиллинга [2])». Упомянувъ о томъ, что Штиллингъ извѣстенъ повсюду своимъ благочестіемъ и уважается самими государями, русскій издатель говоритъ, что «нѣкто изъ нашихъ читателей, и въ глаза его (Штиллинга) не видавшій, благоизволилъ поставить его на ряду съ величайшими злодѣями; называетъ его вольтеріанцомъ и революціонистомъ, и приписываетъ ему злой умыселъ, изпровергнуть нашу Греко-Россійскую Церковь». Затѣмъ Лабзинъ опровергаетъ обвиненія, взведенныя этимъ «прозорливцемъ» на Штиллинга. По всей вѣроятности, это были тѣ самыя обвиненія, какія собраны были Смирновымъ въ его книгѣ «Вопль жены, облеченной въ солнце», а потомъ, когда книга не была дозволена,

---

[1]) Этотъ символическій образъ заимствованъ изъ Апокал. XII, 1.

[2]) Жизнь Генриха Штиллинга. Истинная повѣсть. Спб. 1816, 2 части.

повторенье въ его доносѣ; — быть можетъ также, что Лабзинъ имѣлъ въ виду и письмо Иннокентія къ кн. Голицыну.

Штиллинга обвиняютъ за то, говоритъ Лабзинъ, что онъ «въ *Побѣдной* своей *Повѣсти* призналъ за Апокалипсическую жену, облеченную въ солнце, не греческую церковь, и что онъ, изъясняя, кто, по его мнѣнію, принадлежитъ прямо къ церкви, названной въ Апокалипсисѣ Филадельфійскою (*Братолюбскою*), между прочимъ, на страницѣ 46, говоритъ: ««Не имѣешь ли ты какого предразсужденія противъ какой либо христіанской религіи, или церкви, или общества? И всѣ ли члены всякой секты тебѣ любезны, какъ скоро они окажутся истинными христіанами? Имѣя всѣ прочіе признаки, ежели ты не имѣешь сего послѣдняго, ты не принадлежишь еще къ филадельфійской церкви; ибо, не имѣя первой христіанской добродѣтели — братолюбія — ты будешь яко мѣдь звенящая, или кималъ звяцаяй»». Вотъ неоспоримая улика, что Штиллингъ есть вольтеріанецъ, революціонистъ, и имѣетъ намѣреніе изпровергнуть православную греко-каѳолическую церковь» (пред., IV—V).

Такимъ образомъ, столкновеніе двухъ взглядовъ произошло на томъ пунктѣ, который былъ однимъ изъ главнѣйшихъ положеній новой религіозной школы — на братской терпимости ко всѣмъ христіанскимъ сектамъ: одни видѣли въ этомъ необходимое условіе самого христіанства, другіе находили явное униженіе и подкапываніе православія.....

Дальше, Лабзинъ очень резонно указываетъ, что если уже «прозорливый испытатель» хотѣлъ обвинять кого-нибудь, то долженъ былъ обвинить переводчика, принадлежащаго къ греко-россійской церкви; а авторъ принадлежитъ — «по внѣшности» — къ реформатской церкви и естественно предпочитаетъ ее другимъ, такъ что, по здравому смыслу, отъ него и нельзя ожидать «такого же заключенія о нашей церкви, какое имѣетъ о ней нашъ прозорливецъ». Притомъ, книга писана для нѣмцевъ, а вовсе не для русскихъ; а протестанты вообще мало думаютъ о нашей церкви, и если спорятъ противъ другихъ исповѣданій, то развѣ противъ западнаго, а не восточнаго: «о нашемъ же авторѣ, кромѣ сочиненія его, издатель изъ бывшихъ къ нему отъ него писемъ по чести увѣряетъ, что онъ весьма уважаетъ греко-россійскую церковь, и ожидаетъ отъ нея много необыкновеннаго добра, когда она — (такъ писалъ авторъ къ издателю *лѣтъ за десять* предъ симъ) — *отъ сна воспрянетъ*». Наконецъ, Лабзинъ замѣчаетъ, какъ не по-христіански видѣть въ авторѣ только лицемѣріе и коварство, и что «обращать лучшія дѣянія другаго, по самомнѣнію, въ злые и гнусные умыслы, и по своимъ мечта-

ніямъ включать другаго въ число злодѣевъ, описанныхъ въ *Вольтеріанцахъ*» [1])—очень грѣшно, особенно когда дѣло идетъ о 77-тилѣтнемъ старцѣ, который «болѣе 40 лѣтъ извѣстенъ цѣлой публикѣ, въ самыхъ молодыхъ своихъ лѣтахъ сильною своею вѣрою и благочестіемъ плѣнялъ и невѣрующихъ,»—въ чемъ Лабзинъ ссылается на свидѣтельство Гёте [2]).

Изъ этого эпизода объясняется отчасти различіе двухъ сталкивавшихся тенденцій: съ одной стороны — желаніе внести въ обращеніе новыя религіозныя понятія, какъ болѣе соотвѣтствовавшія потребностямъ времени; съ другой — сопротивленіе, не хотѣвшее въ старыхъ религіозныхъ понятіяхъ никакой перемѣны. Это сопротивленіе было конечно болѣе или менѣе сознательно въ людяхъ, какъ арх. Иннокентій; но въ тоже время оно приняло и другой колоритъ, который выразился въ доносахъ Смирнова и который потомъ почти исключительно господствовалъ въ доносахъ на Библейское Общество. Нововводители не очень стѣснялись старыми понятіями, потому что въ издаваемыхъ ими (большей частью переведенныхъ съ нѣмецкаго) мистическихъ книгахъ встрѣчались иногда довольно рѣзкія нападенія на оффиціальную, «внѣшнюю» церковь; и хотя, собственно говоря, это были нападенія нѣмецкихъ мистиковъ на протестантскую ортодоксію, но русскій читатель могъ приложить эти нападенія и къ русскому православію. Наши приверженцы старины такъ это и дѣлали; съ ихъ стороны, конечно, нелѣпо и смѣшно было нападать, какъ дѣлалъ Смирновъ, на «Мучениковъ» и «Агаѳоклеса», — но въ другихъ случаяхъ они имѣли и болѣе основательные поводы смущаться за интересы своихъ убѣжденій. Противъ мистиковъ все-таки нечего было бы сказать, еслибы ихъ противники имѣли возможность тоже высказать свои мнѣнія; но, къ сожалѣнію, этого не было, и мистики были очень неправы въ томъ, что, чувствуя себя сильными въ данную минуту, не давали противникамъ даже этой возможности, и — *запрещали* ихъ возраженія. Эти возраженія — какъ книга Смирнова —

---

[1]) «Волтеріанцы, или Исторія о Якобинцахъ, открывающая всѣ противу-христіанскія злоумышленія и таинства Масонскихъ ложъ, имѣющихъ вліяніе на всѣ Европейскія державы,» соч. Барюеля; пер. съ франц. 12 частей. М. 1805—1809 (Смирд. № 908; другое изданіе № 914). Это—знаменитый въ свое время сборникъ всевозможныхъ обвиненій противъ якобинства, масонства, иллюминатства, будто бы произведшихъ французскую революцію и всѣ европейскія смуты.

[2]) Отзывъ Гёте приведенъ на стр. 277—285, примѣч. Здѣсь опять говорится:

«И сего-то практическаго христіанина, котораго *просвѣщенные* нѣмцы почитаютъ почти помѣшавшимся въ умѣ на вѣрѣ, нѣкоторые изъ нашихъ *православныхъ* называютъ противникомъ вѣры, имѣющимъ въ намѣреніи изпровергнуть оную», и проч.

могли, пожалуй, быть «мало толковы», но это конечно не былъ резонъ для запрещеній; за «мало толковымъ» могло бы явиться и болѣе толковое возраженіе. Понятно, что запрещенія должны были только еще болѣе раздражить противную партію. Если вслѣдъ за запрещеніемъ своей книги Смирновъ написалъ доносъ, наполненный самыми дикими обвиненіями, то библейскіе дѣятели не могли на это претендовать: они сами указывали эту дорогу... Впослѣдствіи, эти запрещенія возвратились имъ сторицею.

Нѣсколько времени спустя представился новый случай подобнаго рода.

Въ 1818 году явилась книга нѣкоего Станевича, подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души». Эта книга написана была въ обличеніе тогоже новаго мистицизма, противъ котораго ратовалъ Смирновъ. По разсказу Филарета, приведенному у г. Сушкова, исторія этой книги, надѣлавшая тогда много шуму и бросившая между прочимъ нѣкоторую тѣнь на Филарета, происходила такъ. Опровергая мистиковъ, книга Станевича заключала въ себѣ «много выраженій слишкомъ оскорбительныхъ для предержащей власти, и вообще для *духа правленія* того времени». Иннокентій былъ цензоромъ этой книги и, въ то время больной, онъ, по словамъ Филарета, мало обратилъ вниманія на книгу; самъ Филаретъ видѣлъ рукопись только мелькомъ. Черезъ нѣсколько дней она вышла, пропущенная Иннокентіемъ, и произвела тревогу. «Въ тотъ самый день», когда Филаретъ получилъ ее отъ автора, кн. Голицынъ потребовалъ Филарета къ себѣ и съ негодованіемъ показалъ ему экземпляръ, весь исчерченный замѣтками: кто-то успѣлъ доставить ему такой экземпляръ. Кн. Голицынъ былъ очень вооруженъ противъ книги, «исполненной непріязненныхъ мнѣній», и хотѣлъ доложить о ней государю. Филаретъ старался извинить Иннокентія его нездоровьемъ и просилъ, чтобы кн. Голицынъ не дѣлалъ доклада, далъ время просмотрѣть книгу и исправить ошибки, перепечатавъ листы. Взглянувъ на книгу, Филаретъ «изумился тому, что̀ нашелъ въ ней», но когда началъ говорить о ней съ Иннокентіемъ, тотъ отвѣчалъ коротко, что «готовъ претерпѣть за правду всякое гоненіе». Филаретъ обратился къ митрополиту (Михаилу); митрополитъ также осуждалъ ее, но пока онъ разсматривалъ книгу и медлилъ, кн. Голицынъ сдѣлалъ докладъ имп. Александру, а въ праздникъ Богоявленія объявилъ назначеніе арх. Иннокентія, во уваженіе его заслугъ, епископомъ оренбургскимъ. Это было почетное удаленіе; только по заступничеству митр. Михаила, Иннокентію, тогда уже очень больному, дана была епархія болѣе благопріятная по климату, и онъ назначенъ былъ въ

Пензу. Книга, какъ и слѣдовало ожидать, была запрещена и отобрана; авторъ, Станевичъ, былъ высланъ изъ города. Тогда было мнѣніе, приписывавшее удаленіе Иннокентія Филарету; по словамъ самого Филарета, Иннокентію, «кажется, внушили нѣкоторое чувство недовѣрчивости» къ нему, и княгиня Мещерская была тогда неблагосклонна къ Филарету, потому что подозрѣвала его въ гоненіи противъ Иннокентія. Въ запискахъ Фотія сказано прямо: «Дабы удалить его (Иннокентія), подъ благовиднымъ предлогомъ, дѣйствовалъ съ духовной стороны Филаретъ, ректоръ академіи. Онъ далъ свое мнѣніе о книгѣ» [1]).

Какъ бы то ни было, мнѣнія двухъ сторонъ опять столкнулись очень рѣзко, и споръ опять кончился насиліемъ и преслѣдованіемъ, которое въ этомъ случаѣ было еще тѣмъ болѣе неблаговидно, что Иннокентій пользовался вообще большимъ уваженіемъ.

Въ тотъ же день Богоявленія, когда объявлено было назначеніе Иннокентія въ Оренбургъ, кн. Голицынъ далъ коммиссіи духовныхъ училищъ, завѣдывавшей духовною цензурою, предложеніе, въ которомъ выразилъ свое мнѣніе о книгѣ Станевича и волю императора Александра. Въ этомъ предложеніи кн. Голицына предметъ спора двухъ направленій является въ такомъ видѣ:

Кн. Голицынъ выражалъ удивленіе, что книга, такого содержанія, могла быть одобрена духовной цензурой. «Авторъ къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца, привязалъ защищеніе нашей греко-россійской церкви, тогда какъ никто на нее не нападаетъ. Церковь *не имѣетъ нужды*, чтобъ *частный человѣкъ* бралъ ее подъ свое покровительство, особливо *съ той точки*, съ которой написано все сочиненіе. Защищеніе *наружной* церкви противъ *внутренней* наполняетъ всю книгу. Раздѣленіе, непонятное въ христіанствѣ! Ибо наружная безъ внутренней церкви, есть тѣло безъ духа. Вообще понятіе о церкви представлено въ превратномъ видѣ: ибо, гдѣ говорится о церкви, вездѣ видно, что одно духовенство принимается за оную. Между прочимъ упоминается о извѣстной распрѣ *между Боссюетомъ и Фенелономъ*, и сей послѣдній обвиняется въ лжеученіи. *Однимъ словомъ*, книга сія совершенно противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство, по гражданской и духовной части». По представленію кн. Голицына, императоръ Александръ выразилъ большое неудовольствіе и велѣлъ объявить строжайшій выговоръ архим. Иннокентію за его неосмотрительность

[1]) Зап. Фотія въ Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др. 1868, I, Смѣсь, стр. 264; Сушкова, Зап. стр. 109—111; Зап. Шишкова, стр. 18.

и внушить коммиссіи духовныхъ училищъ, «чтобъ подобныя сочиненія, стремящіяся истребить духъ внутренняго ученія христіанскаго, никакимъ образомъ не могли выходить изъ цензуры, находящейся въ ея вѣдомствѣ» [1]).

Но, какова бы ни была книга, логика кн. Голицына опять была неудовлетворительна. Станевичу, конечно, нельзя было ставить въ упрекъ, что онъ, какъ *частный человѣкъ*, взялся защищать церковь, когда другіе *частные* же люди, какъ Лабзинъ и другіе библейскіе друзья кн. Голицына, сами брались разсуждать о той же церкви и притомъ, что̀ едвали можно было скрыть, отзывались о ней не совсѣмъ благосклонно. Вмѣсто опроверженія, мистическая школа предпочла употребить насиліе, чтобъ заставить молчать своихъ враговъ. Кн. Голицынъ (или тотъ критикъ, замѣчаніями котораго онъ руководился) не безъ основанія замѣтилъ, что Станевичъ подъ церковью понимаетъ духовенство; Станевичъ дѣйствительно бралъ сторону той части духовенства, которая не была согласна съ новыми тенденціями — и книга его едва ли не была преднамѣреннымъ протестомъ именно въ этомъ смыслѣ. Авторъ поставилъ на книгѣ стихотворное посвященіе митрополиту Михаилу,—объ отношеніяхъ котораго къ князю Голицыну мы выше упоминали,—и въ этомъ посвященіи говорилъ о своемъ желаніи обличить «ереси» [2]).

Библейскіе дѣятели должны были бы понять, что при своихъ свободолюбивыхъ тенденціяхъ въ религіи, они должны бы дать свободу и мнѣніямъ противной стороны: но у нихъ не доставало для этого не только терпимости, но и обыкновенной порядочности... Странно наконецъ видѣть въ предложеніи русскаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, что онъ ставитъ въ преступленіе автору книги его мнѣнія о Фенелонѣ.

Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ самой книги: эти выдержки еще разъ дадутъ понятіе о предметахъ и тонѣ самаго спора двухъ партій [3]).

Вопросъ о безсмертіи души послужилъ Станевичу поводомъ къ рѣзкимъ выходкамъ противъ мистицизма, которыми книга дѣйствительно переполнена. Общая точка зрѣнія книги состоитъ

---

[1]) «Чтенія», 1861, кн. I, Смѣсь, стр. 201—202: «Запрещеніе одной книги».

[2]) Станевичъ, по словамъ Записокъ Фотія, служилъ прежде подъ начальствомъ статсъ-секретаря Кикина, который вообще былъ противъ мистиковъ, и въ этомъ дѣлѣ особенно вступался за Иннокентія.

[3]) Выписки приведены по 2-му изданію, вышедшему безъ перемѣнъ въ 1825 г.; исторію этого 2-го изданія мы упомянемъ дальше. Первое, какъ говорятъ, было уничтожено совершенно, кромѣ одного экземпляра, принадлежавшаго митр. Михаилу.

въ защитѣ обычныхъ понятій о церкви и церковныхъ догматахъ; нападая на хитросплетенія мистиковъ, авторъ иногда удачно, и всегда рѣзко изображаетъ ихъ слабыя стороны, — хотя и его собственный тонъ вовсе не способенъ возбудить къ себѣ сочувствіе: о мистикахъ онъ говоритъ не иначе, какъ о разорителяхъ церкви, слугахъ и ученикахъ дьявола, лжехристахъ и т. п. Правда, онъ говоритъ о мистикахъ и мистицизмѣ въ общихъ словахъ, и только два или три раза въ цѣлой книгѣ ссылается на русскія мистическія изданія, но русскіе мистики должны были видѣть, что слуги дьявола были именно они.

Станевичъ на первыхъ же страницахъ объясняетъ, что нельзя отдѣлять вѣры отъ церкви, что церковь и *послушаніе ей* необходимы—и обличаетъ библейскихъ мистиковъ, ставившихъ «внутреннюю» церковь выше внѣшняго раздѣленія различныхъ вѣроисповѣданій и церквей. «Отдѣляющій вѣру отъ церкви, можетъ имѣть вѣру, не споримъ, токмо *не вѣру Христову*. Сказано, и *бѣсы* вѣруютъ (Іак. II, 19), только они вѣруютъ по своему. О! и бѣсы обходятъ церковь истинную, и они желали бы не видѣть и слѣдовъ ея на лицѣ земли. Нѣтъ такихъ средствъ, коихъ бы они не употребляли на сокрушеніе ея. *Міръ и адъ ревутъ съ ними на святыню ея*: но она не подвижется... Спаситель въ Евангеліи повелѣваетъ грѣшника приводить къ церкви, когда уже всѣ средства, употребленныя на обращеніе его, окажутся безплодны по упорству его воли; но *къ какой церкви* приведутъ его, когда о церкви *воленъ всякой судить, какъ кто похочетъ*?» (стр. 9 — 10).

Внѣ церкви нельзя знать закона Господа. «Когда царь возбраняетъ излагать по своемыслію разумъ его закона, и не смотря на извѣстную ложь міра, избираетъ отъ среды онаго блюстителей законныя правды, имъ же ввѣряетъ судьбу и жребій подданныхъ своихъ: нечестивецъ ли станетъ посреди сыновъ церкви увѣрять, что каждый изъ нихъ *воленъ разсуждать о словѣ Божіемъ* по основанію своего разума? Что сего злоковарнѣе могъ бы придумать и *самъ ветхій змій* на разореніе слова животнаго въ душахъ человѣческихъ? О! не внимайте такой *лести нечестія*, и не давайте себѣ свободы инаковой на уразумѣніе истины, какъ по наставленію церкви»... (стр. 33).

«О Содомъ, о Египетъ духовнѣ нарицаемый; о градъ, исполненный смѣшенія христіанскаго прелюбодѣянія съ зміиною мудростію, подъ личиною лжемистики появляющеюся!»

«Не плѣняйтесь и вы духовною свободою, нынѣ въ нѣкоторыхъ мистическихъ книжкахъ проповѣдуемою. Подражайте Христу, который въ томъ первѣе явилъ духъ свободы, что покорилъ

себя закону. Духъ истинно Христовый не въ томъ заключается, чтобы какъ татю, какъ разбойнику вторгнуться въ церковь, и подъ предлогомъ очищенія вѣры низвратить таинства ея, уничтожить обряды, нарещи жертву жизни служеніемъ смерти, примѣнить церковь капищу, христіанство сравнять съ язычествомъ, обезславить память святыхъ угодниковъ, наругаться ихъ чествованію, отвергнуть лики ихъ, хотя они *доселѣ* молитвами своими *ограждали* (!) насъ отъ всякаго вражескаго навѣта......» (стр. 36—37).

Все это, по мнѣнію автора, дѣлали мистики. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ ближе излагаетъ ихъ мнѣнія, замѣтивъ предварительно, что «лжемудрые мистики не имѣютъ всѣмъ имъ общаго начала, но каждая сторона держится своего, какъ и своихъ учителей и защитниковъ. Общее у нихъ у всѣхъ то одно, чтобы разными путями идти къ одному концу, то есть, потрясти церковь, и низвратить истинное христіанство» (стр. 46, прим.).

Истинное безсмертіе даетъ только истинная церковь. Но нѣкоторые мистики, отвергая наставленія и предписанія церкви, увѣряютъ себя въ безсмертіи души однимъ внутреннимъ сознаніемъ, *совѣстью*, которая есть тотъ же Христосъ. «На что тогда (истинный) Христосъ, когда дѣло и безъ него обойтиться можетъ? Въ этомъ-то и состоитъ вся развязка хитрой мистики». Недавно и «самые гнуснѣйшіе по мерзости души своей философы» увѣряли не только себя, но и другихъ въ чистотѣ своей души. «Слѣдовательно, и мистику при всей своей *духовной мерзости* стоитъ только увѣрить себя въ правотѣ своей и воззвать: Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ: но ужели съ сими словами Богъ содѣлается для него въ самой вещи Богомъ его сердца и частію его во вѣкъ? *Что сего безстыдства срамнѣе, и что несмысленнѣе, какъ вѣрить таковымъ баснямъ?*» (стр. 46—48).

«Всякое мистическое сліяніе образовъ и видовъ добродѣтелей духовныхъ (т. е. мистическіе идеалы Божества и религіознаго совершенства) есть не добраго духа изобрѣтеніе: хотятъ остановить наше вниманіе на какой-то безобразной свѣтлости, но это будетъ свѣтлое ничто, чѣмъ точно и есть Божество у лжемудрыхъ мистиковъ. Это сліянная изъ всѣхъ цвѣтовъ свѣтлость, не имѣющая ни имени, ни образа, ни вида»... Это хитрость демона, которою онъ уловляетъ людей съ лукавой и робкой совѣстью: «подъ видомъ мнимаго совершенства вѣры, (демонъ) учитъ ихъ, всѣ ими не отвергаемыя вещи не уничтожать самихъ по себѣ, но сливать въ бездонной свѣтлости божества такъ, чтобы онѣ для нихъ были вовсе непримѣтны. Иной говоритъ откровенно, я не

признаю святыхъ за святыхъ, и сему подобное... Но онаго рода люди страшатся быть такъ наглы, а чтобы увѣрить себя въ привязанности къ церкви, то все признаютъ словомъ, но не сердцемъ». Діаволъ уже устроилъ однажды такую хитрость съ человѣческими понятіями «въ сердцахъ философовъ истекшаго вѣка: онъ слилъ у нихъ всѣ добродѣтели въ свѣтлое ничто»,—изъ чего и произошли повсемѣстныя потрясенія (т. е. революція). «*Страшусь,* чтобы еще горшаго чего-нибудь не воспослѣдовало съ безъимянною свѣтлостію лжемудраго мистическаго христіанства, и когда нёбо обносится на языкѣ, *адъ* не изрыгнулъ бы себя изъ сердецъ ихъ» (стр. 51—55).

«Цари ничѣмъ не причиняли толико бѣдъ народу, какъ забвеніемъ и уничиженіемъ должнаго въ лицѣ ихъ величія Божія». Ослабленіе вѣры (т. е. церкви) и нравовъ ставитъ всякое царство на край гибели. «А настоящія событія громогласно свидѣтельствуютъ, сколь дорого заплатили государи за то, что въ этомъ дѣлѣ повѣрили болѣе зміямъ философамъ, чѣмъ правдѣ Божіей», т. е. церкви (или духовенству, которое авторъ, по замѣчанію кн. Голицына, понимаетъ подъ этимъ словомъ).

Къ послѣдней своей фразѣ авторъ прибавляетъ примѣчаніе:

«Нынѣ *змій* сбросилъ съ себя кожицу, или личинку философіи, и *облекся въ мистическое христіанство,* почему и дѣйствіе *яда* его будетъ толико же опаснѣйшее, *казнь* Божія толико же *ужаснѣйшая,* колико христіанство есть выше философіи. Горестно слышать и читать, съ какою недоброю ревностію похваляются и у насъ сочиненія Дютуа и Сен-Мартена, изъ которыхъ перваго переведена на нашъ языкъ *Христіанская философія,* и еще обѣщаютъ передать и его Philosophie Divine, а послѣдній извѣстенъ по переведенной его книжкѣ *о Заблужденіяхъ и истинѣ. Не неизвѣстенъ* мнѣ духъ настоящаго времени, почему *очень знаю,* какъ многіе вознегодуютъ за такой отзывъ мой о сихъ нынѣ лелѣемыхъ у насъ писателяхъ, но... чувствуя лесть оныхъ писателей, уже-ли должно мнѣ быть столько безстыдну, чтобы убоясь человѣковъ, забыть судъ Божій, и измѣнить церкви и Богу?... Оныя писатели превращаютъ ученіе Христово.... ибо они совсѣмъ разумѣютъ *не то* подъ тѣми рѣченіями, заимствованными изъ Библіи, что мы, христіане. У нихъ подъ тѣми словами совсѣмъ особенная духовность, чуждая церкви и Христу. Они дѣлаютъ одно злоупотребленіе изъ Библіи... Поелику же они совсѣмъ противнаго духа, то во всѣхъ ихъ писаніяхъ болѣе или менѣе, прямо или косвенно, примѣчается *нѣкая потаенная ненависть противъ церкви и освященныхъ проповѣда-*

телей слова Божія, которая ненависть въ ихъ ученикахъ и того болѣе оказывается» (стр. 73—75).

«Съ того времени, какъ начали появляться христіанскія книги, написанныя мистиками,.. христіанство у многихъ стало *не тѣмъ*, чѣмъ оно есть по существу своему, но чѣмъ кому угодно, смотря по тому, у кого какое сердце. О церкви же и говорить не для чего; *у всякаго стала своя внутренняя*, гдѣ молятся какому-то Господу, о которомъ, ежели судить по наружнымъ ихъ дѣйствіямъ, производящимъ однѣ опустошенія, то сей Господь долженъ быть духомъ разрушенія и разоренія» (стр. 151—152).

Указавъ еще разъ, какимъ образомъ мистики пользуются словами и выраженіями св. писанія,—давая имъ другое значеніе, совсѣмъ противное христіанству, и отвергая указанія церкви,—авторъ находитъ, что мистики дѣломъ Божіимъ называютъ «темную въ себѣ *работу діавола*» (стр. 176).

«Мистики наполняютъ столицы, города, почти всѣ званія и состоянія, отъ высшихъ до низшихъ: но за то и *мерзость* въ народахъ *прибавляется*»... (стр. 247). «Нѣтъ церкви, нѣтъ и образа, нѣтъ и правила, нѣтъ потому и судіи, ибо не по чему судить: а священное писаніе можетъ учиниться игрушкою духа обѣихъ сторонъ»... «Безумные мистики тако нынѣ посмѣваются царямъ, что дерзаютъ увѣрять ихъ, якобы церковь была нѣчто наружное, не имущая своей внутренности, когда и древесная кожа не можетъ стоять безъ своего внутренняго, и когда она сама не изъ ничего взята, а изъ того же внутренняго. Можно ли безстыдство свое простирать такъ далеко, чтобы самую царскую власть возбуждать на разореніе церквей и *потребленіе священства*» (стр. 248 — 250). Авторъ приводитъ при этомъ какіе-то нѣмецкіе стихи, но, нѣтъ сомнѣнія, онъ имѣлъ въ виду и русскія обстоятельства.

Эти фанатическія обвиненія противъ мистиковъ достаточно показываютъ, съ какимъ озлобленіемъ уже въ это время извѣстная часть духовенства относилась къ библейскому мистицизму и какіе аргументы она приводила противъ него. Это были тѣ самыя обвиненія, которыя враги Библейскаго Общества выставили противъ него впослѣдствіи, когда получили верхъ и когда очередь преслѣдованія дошла до него самого. Но теперь мистики были сильны. Они должны были крайне раздражиться обвиненіями Станевича, и это раздраженіе очевидно въ отзывахъ кн. Голицына и въ принятыхъ имъ рѣзкихъ мѣрахъ, которыя справедливо можно было назвать гоненіемъ. Между тѣмъ самая книга Станевича могла бы указать мистикамъ, какія мнѣнія господствовали въ извѣстной части общества и духовенства относительно

ихъ тенденцій, и внушить нѣкоторую терпимость къ возраженіямъ. Но нравы не пріучали къ терпимости.

Ссылка Иннокентія должна была, конечно, еще больше ожесточить людей, мнѣнія которыхъ онъ представлялъ, и заставляла думать о «спасеніи церкви». Арх. Фотій, считавшій себя его ученикомъ, писалъ къ нему въ этомъ смыслѣ въ Пензу и, повидимому, очень сильно возставалъ противъ совершавшихся событій; Иннокентій въ своемъ отвѣтѣ совѣтуетъ ему умирить сперва себя и ближнихъ, чтобы умирилась и церковь, раздираемая раздорами [1]). Въ томъ же 1819 году Иннокентій умеръ въ своей Пензенской епархіи.

Запрещенія не давали выходить на свѣтъ мнѣніямъ противниковъ, но конечно не уничтожали ихъ; они продолжались на словахъ и въ рукописяхъ. Цѣлый сборникъ подобныхъ обличеній противъ мистической школы и министерства князя Голицына мы встрѣтили въ числѣ рукописей Публичной библіотеки. Это рядъ статей, принадлежащихъ, кажется, одному автору и писанныхъ въ 1817 — 1821 годахъ. Мы приводимъ въ приложеніи подробное обозначеніе этихъ статей и замѣтимъ здѣсь только, что онѣ написаны въ томъ же духѣ, какъ обличенія Станевича. Авторъ возстаетъ противъ мистическихъ книгъ, наполненныхъ вредными ученіями, вооружается противъ масоновъ, которымъ приписываетъ это «поруганіе истинной вѣры», обвиняетъ ихъ въ революціонныхъ замыслахъ, и наконецъ молится, чтобы «язвы церкви» открылись взору первороднаго ея сына, благочестивѣйшаго Вѣнценосца Россіи [2]).

Одинъ изъ людей александровскаго времени, испытавшій одно изъ тѣхъ крушеній общественной идеи, какихъ не мало произошло въ тотъ періодъ, замѣчаетъ въ своей апологіи, что «въ русской жизни, гдѣ все дѣлается по интригѣ и таинственно, гдѣ солнце публичности освѣщаетъ только результаты, никогда не проникая до причинъ, репутація человѣка зависитъ не столько отъ него самого, сколько отъ тѣхъ, кто беретъ на себя составить ему ее» [3]). Можно безъ преувеличенія прибавить, — даже репутація цѣлаго многочисленнаго общества, цѣлаго учрежденія. Съ Библейскимъ Обществомъ пало вмѣстѣ цѣлое обширное общественное учрежденіе, репутація его была подорвана, но дѣло его покрылось такимъ мракомъ, что общественное мнѣніе никогда не имѣло возможности видѣть актовъ изслѣдованія и обвиненія. Намѣреваясь те-

[1]) Письмо напечатано въ Р. Арх. 1868, ст. 945.

[2]) См. ниже, Приложеніе.

[3]) La Russie et les Russes. Paris, 1847, I, 151.

перь собрать сколько возможно факты его исторіи за послѣднее время его существованія, мы вынуждены почерпать ихъ изъ отрывочныхъ документовъ, или изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, и только предположительно опредѣлять истинный ходъ дѣла.

Всѣ разсказы согласно указываютъ, что рѣшительныя дѣйствія противъ Библейскаго Общества, нанесшія ему окончательный ударъ, главнымъ образомъ были дѣломъ Аракчеева. Извѣстны отношенія, въ какихъ стоялъ къ императору Александру этотъ ужасный человѣкъ. Онъ, конечно, былъ преданъ императору, но это была преданность дикаго фанатика, для котораго казалось удобнымъ средствомъ всякое насиліе. Человѣкъ мало образованный, не умѣвшій даже правильно написать нѣсколько строкъ, этотъ «безъ лести преданный» человѣкъ могъ своимъ деспотическимъ способомъ дѣйствій вводить извѣстную внѣшнюю дисциплину, въ своей собственной спеціальности—сдѣлать нѣкоторыя улучшенія; но это былъ человѣкъ совершенно неспособный понимать, и вѣроятно даже мало интересовавшійся тѣмъ, чтобы понимать тѣ проявленія общественной жизни, въ которыхъ тѣмъ или другимъ образомъ замѣшивалась идея: отвлеченные интересы были недоступны его разумѣнію, и до Библейскаго Общества ему, собственно говоря, не было вѣроятно ни малѣйшаго дѣла. Онъ только воспользовался враждой, которую питала къ Обществу одна часть духовенства, для чисто личныхъ цѣлей.

Эти личныя цѣли состояли въ желаніи подорвать значеніе кн. Голицына. Въ послѣдніе годы своего царствованія императоръ Александръ, утомленный правленіемъ, разочарованный въ своихъ идеалахъ и надеждахъ, нравственно усталый, все больше и больше поддавался вліяніямъ Аракчеева; но это вліяніе ограничивалось еще довѣренностью императора къ тремъ лицамъ, въ управленіи которыхъ были три важныя части—финансы, военное управленіе, и министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Это были графъ Гурьевъ, кн. П. М. Волконскій и кн. А. Н. Голицынъ. Первый долженъ былъ передать свое мѣсто Канкрину; второй замѣненъ былъ въ званіи начальника главнаго штаба Дибичемъ. Противъ князя Голицына дѣйствовать было труднѣе, потому что онъ пользовался особымъ и давнишнимъ довѣріемъ императора; притомъ, Аракчееву трудно было приступиться къ нему и по той причинѣ, что онъ ничего не разумѣлъ ни въ просвѣщеніи, ни въ духовныхъ дѣлахъ. Но Аракчеевъ съумѣлъ, по крайней мѣрѣ, найти себѣ помощниковъ, которые могли очень успѣшно служить его планамъ. Этими помощниками были: митрополитъ Серафимъ, архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій и Магницкій.

«Какъ послѣдовало это соединеніе — покрыто мракомъ неизвѣстности (говоритъ одинъ современникъ и свидѣтель многихъ событій). Оно тѣмъ болѣе удивительно, что всѣ сказанныя три лица пользовались благорасположеніемъ и милостями князя Голицына, а послѣдній, т. е. Магницкій, былъ осыпанъ его благодѣяніями...

«Митрополитъ, человѣкъ ума ограниченнаго, учености недальней, придерживавшійся старины, давно уже съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на первенство въ дѣлахъ духовныхъ лица свѣтскаго, на покровительство, оказываемое Голицынымъ представителямъ всѣхъ другихъ исповѣданій, на участіе ихъ въ библейскихъ обществахъ, на учрежденіе евангелическаго епископа (въ лицѣ г. Сигнеуса), на изданіе нѣкоторыхъ книгъ съ разрѣшенія министра.

«Архимандритъ Фотій, недоучившійся студентъ с.-петербургской академіи, былъ полудикій изступленный фанатикъ, совершенный старообрядецъ, еще болѣе не терпящій нововведеній и духовенства другихъ исповѣданій» [1]).

Разсказчикъ въ особенности изумляется неблагодарности Магницкаго, но отъ Магницкаго нельзя было конечно и ждать другого способа дѣйствій, и самъ Панаевъ, нѣсколько ниже, объясняетъ эту неблагодарность слѣдующимъ образомъ: «Предательство Магницкаго объяснить не трудно. Онъ постигалъ постепенно возрастающую силу Аракчеева, зналъ, что ему хотѣлось низвергнуть Голицына, видѣлъ, что мѣста графа Гурьева и кн. Волконскаго замѣщены людьми, хотя даровитыми, но незначительными по происхожденію, по чинамъ, по занимаемымъ предъ тѣмъ должностямъ, и могъ надѣяться, что Аракчеевъ, за оказанную услугу, возведетъ его въ званіе министра. Онъ однакожъ ошибся въ своемъ преступномъ разсчетѣ»... [2]).

Назвать ли этотъ союзъ «заговоромъ» или «соглашеніемъ», какъ предпочитаютъ другіе, это кажется все равно: это была во всякомъ случаѣ заранѣе обдуманная и подготовленная интрига, какъ можно видѣть по всему ходу дѣла. Какъ именно и кѣмъ составленъ былъ первоначальный планъ, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ: всего скорѣе онъ былъ дѣломъ Аракчеева, Магницкаго и Фотія. Митр. Серафимъ повидимому стоялъ въ сторонѣ отъ самой завязки дѣла, и вовлеченъ былъ только послѣ. Нѣкоторые полагаютъ, что и Фотій, этотъ «изступленный», «полупомѣшанный» фанатикъ (по словамъ того же Панаева) дѣйствовалъ по внутрен-

---

1) Зап. Панаева, въ В. Евр. 1867, т. IV, стр. 79—80.

2) Тамъ же, стр. 84.

нему убѣжденію и прирожденной нетерпимости, былъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, а не прямымъ соучастникомъ въ самомъ планѣ интриги. Мы предоставимъ читателю судить по дальнѣйшему разсказу, насколько можно приписать дѣйствія Фотія въ этомъ дѣлѣ одному чистому убѣжденію, — намъ эта чистота кажется сомнительной; — но относительно Серафима слѣдуетъ, кажется, принять, что его роль, по крайней мѣрѣ въ началѣ дѣла, была болѣе страдательная. По своимъ понятіямъ, онъ не сходился съ Голицынымъ, но самъ едва ли былъ бы способенъ придумать и исполнить интригу, въ которой ему пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ. Источникомъ его дѣйствій была крайняя слабость и безхарактерность. Онъ только послѣ крайнихъ колебаній, почти противъ воли далъ союзникамъ свою поддержку въ началѣ дѣла, и потомъ не вдругъ уступалъ ихъ настояніямъ; правда, онъ наконецъ уступилъ совсѣмъ. — Другіе отзывы о личныхъ свойствахъ митр. Серафима довольно согласны съ приведенной выше характеристикой [1]).

О Фотіи существуютъ различныя мнѣнія. Многіе считаютъ его истиннымъ подвижникомъ, и полагаютъ, что въ немъ «Провидѣніе избрало для защиты православія орудіе, хотя тяжелое и не очень шлифованное, но чистое отъ мірской ржавчины». «Архим. Фотій былъ не лицемѣръ; онъ былъ постникъ и подвижникъ до излишества; грудь его была изранена въѣвшимися мѣдными веригами, которыя потомъ извлекли или вырѣзали врачи; его нельзя было купить и милліонами графини Орловой» (?). «О. Фотій, по своей дѣтской, семинарской простотѣ, не зналъ вовсе цѣны мірскихъ сокровищъ и принималъ жемчуги и яхонты, какъ принялъ бы блюдо земляники». Но по словамъ тогоже защитника Фотія, «никто не станетъ спорить, что онъ, какъ человѣкъ, погрѣшилъ *раболѣпствомъ Аракчееву*, слишкомъ восхваляя этого злонравнаго временщика» и т. д. [2]). Вигель, въ «Запискахъ», называетъ Фотія человѣкомъ грубо-чистосердечнымъ, умнымъ и дальновиднымъ [3]). Но въ томъ, что̀ извѣстно изъ его писаній и его дѣйствій, ума вовсе не видно; дальновидности его доставало только на нелѣпые доносы, и на готовность служить Аракчееву; «грубое чистосердечіе» его кажется бывало часто поддѣльное. При всей ревности къ православію, онъ имѣлъ и ту особенную «услуж-

---

1) Ср. Сушкова, стр. 54—55.

2) Р. Инвалидъ, 1868, № 192.

3) «Одинъ умный архимандритъ новгородскаго Юрьева монастыря, Фотій, съ грубымъ чистосердечіемъ соединяя большую дальновидность, сильный дружбой Аракчеева, преданностію и *золотомъ* графини Орловой-Чесменской, дерзнулъ быть душею заговора противъ него» (кн. Голицына). Зап., III, ч. VI, стр. 52.

ливость», по которой самая защита православія была имъ сдѣлана тогда, когда это понадобилось по соображеніямъ, совершенно чуждымъ православію,—по заказу патрона и по данному знаку [1]). Наконецъ, что касается «фанатизма и обскурантизма», отъ обвиненія въ которыхъ старается оправдать его упомянутый выше защитникъ, то эти свойства, конечно, нѣтъ никакой возможности отнять у юрьевскаго архимандрита: читатель убѣдится въ этомъ изъ послѣдующихъ данныхъ. Его логики не одобряетъ даже писатель, какъ авторъ «Обзора русской духовной литературы», питающій впрочемъ большое уваженіе къ дѣяніямъ Фотія [2]).

Для положительной характеристики Фотія недостаетъ еще полнаго изданія его записокъ. Г. Сушковъ, читавшій ихъ, нашелъ въ нихъ—«и молитвы и клеветы, и ханжество и буйство, и самонадѣянность и лжесмиреніе» [3]). Этому немудрено повѣрить.

Объ его отношеніяхъ къ кн. Голицыну г. Сушковъ, вѣроятно довольно справедливо, говоритъ, что Фотій ненавидѣлъ Голицына, завидуя Филарету, съ которымъ Голицынъ былъ въ тѣсной дружбѣ. Это объясненіе кажется намъ весьма правдоподобнымъ. Фотій былъ самолюбивый фанатикъ; репутаціей суроваго аскета онъ пріобрѣлъ себѣ множество поклонниковъ, между прочимъ въ высшемъ обществѣ. У него не было средствъ ни ума, ни образованія, чтобы играть какую-нибудь иную роль, а между тѣмъ ему, кажется, именно хотѣлось играть роль въ дѣлахъ церкви; тонъ, въ которомъ онъ писалъ свои записки къ императору Александру, едва ли не выдаетъ этой самолюбивой затѣи Фотія. Филаретъ въ то время именно пріобрѣталъ такое господствующее положеніе, и по личнымъ талантамъ, и по связямъ съ Голицынымъ. Фотій думалъ съ своей стороны выиграть черезъ Арак-

---

[1]) Ср. о Фотіѣ у Сушкова.—*Eynard*, II, p. 355—360, между прочимъ говоритъ (со словъ русскихъ, сообщавшихъ ему свѣдѣнія): «Toujours plus avide de satisfaire sa haine contre le prince Galitzin, il (Аракчеевъ) cherchait à lui opposer un adversaire hardi parce qu'il n'aurait rien à perdre, mais assez complaisant pour s'inspirer des conseils d'un patron; il choisit Photius. Aussi intrigant qu'obstiné Photius se montra digne d'un tel protecteur», etc. Укажемъ еще одну подробность. Современники разсказываютъ, съ выраженіемъ крайняго негодованія, что въ день похоронъ старой любовницы Аракчеева, Настасьи (письма которой напечаталъ недавно «Русскій Архивъ»), которая была убита ненавидѣвшею ее прислугой и за которую Аракчеевъ мстилъ страшнымъ истязаніемъ своей дворни,—«Фотій въ надгробной рѣчи утѣшалъ Аракчеева *предвѣстіемъ*, что зарѣзанная поступила въ сонмъ *великомучениць*» (!!).

[2]) «Говорить, что сужденія Фотія о сочиненіяхъ и сочинителяхъ (обличаемаго имъ мистицизма) вездѣ были логически вѣрны и отчетливы, значило бы *оскорблять правду*». Обзоръ, кн. 2, стр. 233. О степени его развитія достаточно говорятъ записки, писанныя имъ къ имп. Александру, о которыхъ мы упомянемъ дальше.

[3]) Сушк., стр. 105.

чеева. Изувѣрство, соотвѣтствовавшее степени его развитія, самолюбіе, усиливаемое недостаткомъ образованія, и наконецъ достаточный запасъ энергіи или дерзости, вмѣстѣ съ угодливостью сильнымъ, кажется, опредѣляютъ роль его въ этой исторіи....

Въ началѣ 1824 года, союзники кажется уже рѣшили и самый способъ дѣйствій. Еще въ мартѣ этого года до людей, близкихъ къ кн. Голицыну или Библейскому Обществу, дошли слухи и подозрѣнія, что противъ кн. Голицына составленъ заговоръ упомянутыми четырьмя лицами, что они для рѣшительнаго удара ждутъ только выхода одной книги пастора Госнера, которая переводилась на русскій языкъ, какъ говорили, по желанію Голицына. Кн. Голицынъ въ это время, повидимому, и не подозрѣвалъ о грозившей ему опасности [1]).

Прежде всего поручено было, кажется, начать рѣшительныя дѣйствія Фотію. Онъ долженъ былъ попробовать надъ кн. Голицынымъ силу своего краснорѣчія и своихъ заклятій. Дѣло разсказывается съ нѣкоторыми варіантами [2]).

Фотій въ запискахъ разсказываетъ съ своей точки зрѣнія такъ. Кн. Голицынъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля (1824) пришелъ къ Фотію. Между ними произошелъ будто бы такой разговоръ: Фотій «умолялъ» кн. Голицына остановить революціонныя книги, изданныя въ теченіе его министерства, или доложить объ нихъ императору. Кн. Голицынъ будто бы отвѣчалъ: «что же мнѣ теперь дѣлать? Всѣ университеты и учебныя заведенія *сформированы уже для революціи*» (!!).

— Но ты, какъ оберъ-прокуроръ, сперва, а теперь министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, могъ бы исправить.

— Не я, а государь виноватъ, — отвѣчалъ, по разсказу Фотія, Голицынъ: — онъ, будучи такого же духа, *желалъ сего* (!!).

— Но я тебя увѣряю, что можешь еще остановить.

— Поздно уже остановить, все уже *въ большой силѣ* (!!).

Черезъ нѣсколько дней, 25 апрѣля, кн. Голицынъ пожелалъ

---

[1]) Такъ объ этомъ говорилъ Панаеву тогда же И. И. Ястребцовъ, извѣстный своимъ переводомъ Массильона; онъ состоялъ сначала при кн. Голицынѣ, въ это время управлялъ дѣлами коммиссіи духовныхъ училищъ, и съ 1819 г. былъ директоромъ въ петербургскомъ комитетѣ Библейскаго Общества. — Такія же подозрѣнія передавалъ ему свящ. Маловъ, также бывшій директоромъ библ. комитета. Вѣстн. Европы, 1867, т. IV, стр. 82.

[2]) Хронологическая послѣдовательность этихъ событій еще недостаточно ясна по извѣстнымъ теперь документамъ, и мы принимаемъ порядокъ ихъ приблизительно. Записки Фотія, изъ которыхъ мы беремъ здѣсь свѣдѣнія, изданы пока только въ отрывкахъ «Чтенія М. Общ. Ист. и Др.» 1868, I, Смѣсь, стр. 262—273; другой отрывокъ въ «Чтеніяхъ М. Общ. любителей духовн. просвѣщ.» М. 1868, мы указывали выше.

еще видѣться съ Фотіемъ; а по другимъ свѣдѣніямъ, Фотій именно пригласилъ его къ графинѣ Орловой-Чесменской, гдѣ его ожидала напередъ подготовленная сцена. Фотій стоялъ у святыхъ иконъ, съ запасными дарами, съ раскрытой Библіей на налоѣ. Фотій не далъ князю благословенія и, указывая Библію, требовалъ отъ него покаянія и отреченія отъ лукавыхъ лжепророковъ подобныхъ Госнеру, и грозилъ ему страшнымъ судомъ. «Со злобою отвратился князь, побѣжалъ вонъ безъ благословенія, хлопнувъ дверьми. Фотій же, отворивъ двери, воззвалъ громко: ««Если ты не покаешься, что зла надѣлалъ церкви и государству, тайно и явно, и сполна не откроешь царю, — не узришь царствія небеснаго и внидешь во адъ»»!

Такъ разсказываетъ Фотій. По другимъ свѣдѣніямъ, его послѣднія слова были нѣсколько безцеремоннѣе.

Шишковъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что Фотій долгое время (около двухъ лѣтъ или больше, какъ это указываетъ и самъ Фотій) былъ въ связи и въ сношеніяхъ съ кн. Голицынымъ, «въ намѣреніи, какъ *сказываютъ*, отвратить его отъ покровительства тѣмъ ересямъ и зловреднымъ книгамъ, какія, чрезъ внушенія иностранныхъ миссіонеровъ, по ходатайству его выпускаются къ поколебанію нашей вѣры». Когда это не удалось, онъ рѣшился «употребить надъ нимъ духовную строгость»,—для чего и устроена была вышеописанная сцена. Шишковъ положительно говоритъ: «съ симъ намѣреніемъ пригласилъ *онъ* (Фотій) его (кн. Голицына) въ домъ графини Орловой, гдѣ поставя налой и положа на немъ евангеліе и крестъ, *приготовился* его встрѣтить»... Когда князь Голицынъ, разсердившись на требованія Фотія, спросилъ его, какое право имѣетъ онъ говорить съ нимъ такимъ повелительнымъ голосомъ, Фотій сталъ грозить ему проклятіемъ. «Князь послѣ словъ сихъ вспыхнулъ гнѣвомъ и сказалъ ему: «увидишь, кто изъ насъ кого преодолѣетъ», съ великимъ смущеніемъ побѣжалъ изъ горницы. Фотій въ слѣдъ ему кричалъ: *анаѳема! да будешь ты проклятъ»* [1]).

Эта послѣдняя версія, конечно, вѣрнѣе. Да и изъ того, какъ передаетъ Фотій свой первый разговоръ съ кн. Голицынымъ, достаточно видно, что въ *этой* формѣ разговоръ происходить не могъ: князь Голицынъ не могъ же сказать о себѣ, что онъ «формировалъ революцію».

Что сцена была заготовлена впередъ по плану союза, заключеннаго противъ кн. Голицына, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться.

---

[1]) Зап. Шишкова, стр. 96—97.

Какъ бы то ни было, Фотій, предавши кн. Голицына анаѳемѣ (на что, конечно, не имѣлъ никакого права), устроилъ скандальную сцену, послѣ которой должна была произойти рѣшительная борьба. Онъ не терялъ времени: онъ описалъ происшедшую сцену и въ тотъ же день представилъ описаніе императору Александру — вѣроятно при содѣйствіи гр. Орловой или Аракчеева. По словамъ Шишкова, «вскорѣ государь позвалъ Фотія къ себѣ, и хотя сначала выговаривалъ съ гнѣвомъ за такой его поступокъ, находя оный не токмо не приличнымъ, но и несообразнымъ съ христіанскою покорностію, однакожъ, по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи, отпустилъ его безъ гнѣва» [1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ проклятія кн. Голицына, Фотій представилъ императору Александру особенную подробную записку, въ которой излагалъ съ своей точки зрѣнія опасности, грозившія вѣрѣ и государству отъ революціонныхъ замысловъ кн. Голицына и его партіи. Устроивая сцену съ кн. Голицынымъ, Фотій, повидимому, надѣялся, что обратитъ кн. Голицына однимъ своимъ краснорѣчіемъ или, настращавши его анаѳемой и адомъ, заставитъ его самого отказаться отъ министерства; когда это ему не удалось, записка должна была довершить начатое.

Эта записка Фотія, первое формальное обвиненіе противъ Библейскаго Общества и кн. Голицына, есть верхъ безсмысленнаго и безсовѣстнаго доноса. По словамъ Фотія, Россіи и всему свѣту грозитъ страшная опасность отъ какихъ-то *иллюминатовъ*, общество которыхъ «всячески старается къ 1836 году [2]) сдѣлать приготовленія» къ учрежденію единаго царства Христова: въ это время по ихъ замыслу «всѣ царства, церкви, религіи, гражданскіе законы и всякое устройство должны быть уничтожены» (!!) и должна начаться новая религія. Глава общества преобразователей, или *филадельфійской* церкви [3]), въ Россіи есть Кошелевъ, иллюминатъ и заклятый врагъ церкви и го-

---

[1]) Зап., стр. 97. Въ запискахъ Фотія (Чтен., стр. 269) указано вообще пять случаевъ бесѣды его съ импер. Александромъ «о дѣлахъ вѣры и отечества», въ Петербургѣ: 1822 г., 5 іюня; 1824, 20 апрѣля, 14 іюня и 6 августа; 1825, 12 февраля, и разъ въ Юрьевскомъ монастырѣ 1825, 5 іюля.—Но если, какъ слѣдуетъ по Шишкову, настоящая бесѣда происходила послѣ сцены съ Голицынымъ (описанной у Фотія подъ 25 апрѣля), то 20-е число поставлено здѣсь невѣрно; или же невѣрно 25-е. — Подъ 29-мъ апрѣля поставлены у Фотія записка и письмо къ импер. Александру, о которыхъ рѣчь идетъ ниже. Другая записка упомянута еще подъ 12 апрѣля, но въ какой связи находятся эти разновременныя записки, намъ неясно.

[2]) Указаніе этого года взято изъ мистическихъ мечтаній Юнга Штиллинга въ «Побѣдной Повѣсти».

[3]) Объясненіе этой филадельфійской церкви мы приводили выше, изъ предисловія Лабзина къ «Жизни Штиллинга».

сударства [1]). Онъ прельстилъ Голицына *подъ видомъ набожности* приготовить все для ниспроверженія самодержавія и вѣры. Для смѣшенія всѣхъ религій, и чтобы духовенство не мѣшало, введено министерство духовныхъ дѣлъ, и министру подчинены православные рядомъ съ жидами и магометанами. Для удобнѣйшаго распространенія новаго ученія устроено Библейское Общество, основатели котораго — методисты, «которыхъ и римская и лютеранская церковь называютъ отступниками отъ вѣры» [2]). Въ пособіе Обществу издаются вредныя книги, которыя Голицынъ распространяетъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, свѣтскимъ и духовнымъ; для тайны сношеній онъ беретъ себѣ и почтовое вѣдомство. Попечители въ университетахъ, директоры въ министерствѣ посажены изъ единомышленниковъ [3]). «Не находя въ русскомъ духовенствѣ усердныхъ орудій», вызвали изъ Германіи Госнера, Фесслера, «который хуже Пугачова» [4]), приняли подъ покровительство Лабзина, Татаринову, Крюднеръ, Линделя [5]) и пр., «и еще какого-то попа еретика для сего отыскали... и онъ составляетъ ложное пророчество, которое поправляетъ Кошелевъ» (?). «Чтобы правительство не вдругъ усмотрѣло», зло посѣвается въ отдаленныхъ мѣстахъ, на Дону, въ Сарептѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ [6]) и пр. Подъ вѣдѣніемъ министерства дѣйствуютъ типографіи (!) и цензура; есть единомышленники и здѣсь: «Гречъ первый злодѣй съ сей стороны и Тимковскій» [7]). Бываетъ и тайное печатаніе. Духъ реформы и революціи распространяется такъ, что многихъ приводитъ въ ужасъ. «Дабы унизить слово Божіе,

---

[1]) О враждѣ Фотія къ Р. А. Кошелеву, не разъ упомянутому нами ученику Сенъ-Мартена, ср. Сушк., стр. 106.

[2]) Эту самую фразу мы встрѣтимъ дальше и въ обвиненіяхъ Шишкова.

[3]) Здѣсь перечислены: Руничъ, Оболенскій, Карнѣевъ, арх. Ѳеофилъ (въ Одессѣ), Тургеневъ, Поповъ, — но *не названъ* Магницкій.

[4]) Фесслеръ вызванъ былъ не Голицынымъ, а Сперанскимъ, и еще задолго до основанія Библ. Общества.

[5]) Замѣтимъ, что къ этому времени импер. Александръ былъ уже холоденъ къ г-жѣ Крюднеръ; Линдль былъ давно высланъ, и Лабзинъ — также, послѣдній по поводу, постороннему для Библ. Общества и его литературной дѣятельности.

[6]) Это относится, кажется, къ нѣкоторымъ раскольничьимъ движеніямъ этого времени, которыя были приписаны дѣйствіямъ Библ. Общества; о нихъ мы упомянемъ дальше.

[7]) Гречъ былъ въ связяхъ съ Библ. Обществомъ, между прочимъ и какъ типографщикъ, печатавшій библейскія и мистическія книжки. Тимковскій — цензоръ, памятный литературѣ необузданностью краснаго карандаша и, вмѣстѣ съ Бируковымъ, пропускавшій, въ угоду начальству, мистическія книги. — Гречъ въ свое время слылъ за ужаснаго либерала. Благонамѣренные люди, въ родѣ Воейкова, благодарили Промыслъ Божій, что онъ не приводилъ имъ «проповѣдывать, какъ Гречъ, свободу и равенство». Въ письмѣ 1824 года; Библ. Записки 1858, стр. 262.

которое въ церквахъ съ благоговѣніемъ читается, *предписано* продавать его даже въ аптекахъ съ микстурами и склянками».

Но этимъ еще не кончилось. Въ упомянутой личной бесѣдѣ съ Фотіемъ, императоръ, повидимому, предложилъ ему прямой вопросъ: какъ остановить ту революцію, которая, по словамъ Фотія, такъ неминуемо грозила Россіи. Фотій, кажется, ссылался на необходимость особеннаго божественнаго откровенія, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ; и черезъ нѣсколько времени, въ особомъ письмѣ къ императору (поставленномъ въ запискахъ подъ тѣмъ же 29 апрѣля), онъ разрѣшаетъ вопросъ, получивши нужное откровеніе. Начавъ письмо напыщеннымъ славословіемъ императора и заявивъ о себѣ, что онъ, Фотій, рабъ его и служитель святой церкви, служитъ Богу и ему вѣрой и правдой, по закону Божію и гражданскому, по любви евангельской (!) и по присягѣ, Фотій продолжаетъ: «...На вопросъ твой: *какъ пособить, дабы остановить революцію?* молился Господу Богу, и *вотъ что открыто* (!), *только дѣлать немедленно* (!!). Способъ весь планъ уничтожить вдругъ, тихо и счастливо, есть таковъ: 1) министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ извѣстной особы [1]). 2) Библейское Общество уничтожить, подъ тѣмъ предлогомъ [2]), что уже много напечатано Библій, и онѣ теперь *не нужны*. 3) Синоду быть по прежнему, и *духовенству надзирать* при случаяхъ *за просвѣщеніемъ*, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ. 4) Кошелева отдалить, Госнера *выгнать*, Феслера *выгнать* и методистовъ *выгнать*, хотя главныхъ. *Провидѣніе* Божіе теперь ничего болѣе дѣлать *не открыло* (!). Повелѣніе *Божіе* я возвѣстилъ, исполнить же въ тебѣ состоитъ»... Дальше: «Отъ 1812 года до сего 1824 года прошло *ровно 12 лѣтъ* (?). Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію: да побѣдитъ онъ и духовнаго Наполеона лицемъ твоимъ, коего можешь, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты одною чертою пера».

Шишковъ, разсказавъ о сценѣ Фотія съ кн. Голицынымъ и разговорѣ Фотія съ императоромъ, замѣчаетъ, что «въ тоже время подоспѣло Госнеровское дѣло». Оно подоспѣло слѣдующимъ образомъ. Мы замѣтили выше, что союзники ожидали только окончанія книги Госнера, выходившей тогда въ русскомъ переводѣ, чтобы приступить къ своимъ дѣйствіямъ: эта книга должна была доставить имъ оружіе противъ кн. Голицына. Го-

---

[1]) Т. е. министерство просвѣщенія и почтовое вѣдомство также отнять у князя Голицына.

[2]) *Предлогъ*, какъ видимъ, также былъ *открытъ свыше!*

снеръ, какъ прежде Линдль, свободно проповѣдовалъ въ Петербургѣ, при покровительствѣ Голицына, и имѣлъ не мало приверженцевъ даже между православными. «Слушателями ихъ — разсказываетъ Гречъ — были отчасти вѣрующіе и убѣжденные, но не находившіе достойной духовной пищи въ поученіяхъ пасторовъ протестантскихъ и православныхъ священниковъ, но большая часть ихъ ходила на эти поученія изъ угодливости покровителю ихъ Голицыну.... *Магницкій*, Руничъ, Кавелинъ, Поповъ, Пезаровіусъ (основатель «Инвалида»), кн. К. А. Ливенъ, Адеркасъ, директоръ петровской школы Шубертъ, Сѣровъ, окружали ихъ каѳедры, вздыхали, плакали, становились на колѣни».... Религіозный либерализмъ этихъ проповѣдниковъ былъ ненавистенъ настоящимъ католикамъ, которые считали ихъ предателями и еретиками; православное духовенство тѣмъ больше должно было не терпѣть ихъ, что они увлекали овецъ и изъ его паствы.

Въ 1823—24 г. Госнеръ издалъ по-нѣмецки книгу, заключавшую толкованія Новаго Завѣта, подъ названіемъ: «Духъ жизни и ученія Іисуса Христа». Книга была одобрена къ печати фонъ-Поломъ, однимъ изъ библейскихъ дѣятелей и почитателемъ Госнера [1]). Другой почитатель его, отставной генералъ-маіоръ Брискорнъ, вздумалъ перевести книгу на русскій языкъ и, при помощи нѣсколькихъ сотрудниковъ, началъ изданіе; но онъ умеръ въ томъ же 1823 году, и продолженіе изданія взялъ на себя Госнеръ, а В. М. Поповъ взялся кончить переводъ. Цензоръ Бируковъ одобрилъ книгу къ печати, кажется, даже не читавши ея.

Между тѣмъ, Магницкій передался Аракчееву и придумалъ воспользоваться книгой Госнера противъ кн. Голицына, надѣясь легко отыскать въ ней безбожіе и революцію. Дѣло устроивалось по способу, который былъ уже разъ употребленъ, во время раздоровъ митр. Амвросія и Филарета съ Ѳеофилактомъ [2]). Надо было выкрасть изъ типографіи отпечатанные листы и предварить выходъ книги донесеніемъ императору. Въ типографію Греча, гдѣ печаталась книга, подсылали шпіоновъ, старались подкупить мальчиковъ, чтобы получить желаемые листки. Наконецъ, помогъ нѣкто Степановъ, чиновникъ 5-го класса. Узнали, что Брискорнъ давалъ корректурные листы книги одному доктору, также любителю Госнера. Степановъ притворился больнымъ, пригласилъ къ себѣ этого доктора, успѣлъ выманить у него нѣсколько корректурныхъ листовъ, ссылаясь на тяжкіе грѣхи и желаніе усладить

[1]) Фонъ-Поль впослѣдствіи былъ директоромъ канц. мин. внутр. дѣлъ при Блудовѣ.

[2]) «Р. Вѣстн.», 1868 г. № 4, 510—511.

себя духовной пищей. Получивъ листки, Степановъ тотчасъ же свезъ ихъ оберъ-полиціймейстеру, а этотъ передалъ ихъ Магницкому, которому, конечно, и принадлежалъ весь планъ дѣйствій. Магницкій немедленно отыскалъ въ листкахъ богохульство и безбожіе и передалъ дѣло Аракчееву. Добывъ корректуру, желали обыть также нѣсколько экземпляровъ отпечатанныхъ листовъ, чтобы предъявленіемъ ихъ подтвердить придуманную (конечно, тѣмъ же Магницкимъ) ложь, будто бы книга была уже въ большомъ количествѣ распространена въ публикѣ [1]). Кромѣ корректурныхъ листковъ, выкраденъ былъ, кажется, и полный отпечатанный экземпляръ.

Тогда былъ выдвинутъ митр. Серафимъ. Аракчеевъ и его кліенты насильно заставили митрополита отправиться во дворецъ, гдѣ онъ долженъ былъ лично представить императору весь вредъ, проистекающій для православія отъ кн. Голицына, или «открыть ему всѣ козни враговъ церкви и отечества, хитро предъ нимъ дотолѣ скрываемыя», — какъ говоритъ объ этомъ современный историкъ этой партіи [2]). По разсказамъ близкихъ свидѣтелей дѣла, Серафимъ только послѣ долгихъ увѣщаній, просьбъ, и послѣ долгаго колебанія рѣшился отправиться во дворецъ. Время для этого, какъ говорятъ, нарочно было выбрано необыкновенное, — шесть часовъ вечера, чтобы этой самой необычайностью встревожить императора. Митрополитъ три раза садился въ карету, чтобы ѣхать во дворецъ, и три раза возвращался. «Наконецъ, въ третій разъ до кареты провожали его Павловъ (синодскій чиновникъ, изъ враждебной Голицыну партіи), Фотій и Орловъ, и своими руками усадили его въ нее; Павловъ захлопнулъ дверцы кареты, сказалъ кучеру, чтобы онъ не останавливался до Зимняго дворца, и крикнулъ: пошелъ!» Не обошлось при этомъ и безъ Магницкаго. Разсказываютъ, что Магницкій ѣхалъ вслѣдъ за каретою на дрожкахъ, и когда замѣчалъ, что кучеръ, по приказанію изъ кареты, заворачиваетъ въ сторону, приказывалъ отъ себя ѣхать прямо ко дворцу [3]).

---

[1]) Эта исторія подробно разсказывается въ напечатанномъ недавно отрывкѣ изъ Записокъ Греча, Р. Арх. 1868 г., ст. 1403 и слѣд.

[2]) См. чрезвычайно любопытную «Записку о Крамолахъ враговъ Россіи», въ Р. Арх. 1868 г., ст. 1387.

[3]) Р. Арх. 1868 г., ст. 1390. Въ Зап. Панаева, Вѣстн. Евр. стр. 84, передается по разсказамъ самого Магницкаго, что онъ вслѣдъ за митрополитомъ отправился на Адмиралтейскій бульваръ и прошелъ къ подъѣзду дворца, гдѣ уже столпилось довольно народа, привлеченнаго каретой митрополита. Магницкій хотѣлъ видѣть, съ какимъ лицомъ выйдетъ изъ дворца митрополитъ,—съ веселымъ или печальнымъ. По довольному лицу его Магницкій увидѣлъ, что дѣло идетъ хорошо, и тотчасъ отправился въ Невскій монастырь поздравить его съ успѣхомъ.

Подробности разговора митр. Серафима съ императоромъ до сихъ поръ мало извѣстны. Упомянутый выше современный историкъ, авторъ «Записки о крамолахъ», передаетъ его слѣдующимъ образомъ: «Митрополитъ Серафимъ со святымъ дерзновеніемъ древнихъ пророковъ, предсталъ лицу императора..... Онъ, снявъ съ головы своей бѣлый клобукъ, положилъ его къ ногамъ императора и съ твердостію сказалъ: не приму его, доколѣ не услышу изъ устъ вашего величества царскаго слова, что министерство духовныхъ дѣлъ уничтожится и святѣйшему синоду возвратятся прежнія права его, и что министромъ народнаго просвѣщенія поставленъ будетъ другой, а вредныя книги истребятся. Въ несомнѣнное доказательство гибельныхъ для церкви и отечества дѣйствій министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, митрополитъ представилъ императору книгу Госнера о Евангеліи Матѳея [1]), которая оканчивалась печатаніемъ; раскрылъ въ ней тѣ мѣста, которыя показывали дерзкое возстаніе сочинителя не только противъ русскаго православія и самодержавія, но даже противъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Убѣжденный доказательствами Серафима, императоръ, подавая ему клобукъ его, сказалъ: Преосвященный, примите вашъ клобукъ, который вы достойно носите; а ваши святыя и патріотическія представленія будутъ исполнены» [2]).

Такимъ образомъ пущены были въ ходъ всѣ средства: скандальное проклятіе, обращеніе къ императору о спасеніи церкви, самые необузданные доносы и, наконецъ, выкраденная книга, какъ corpus delicti. Дѣйствіе оказалось очень скоро.

Прежде всего послѣдовало высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи книги Госнера. Это разсмотрѣніе поручено было адмиралу и президенту россійской академіи А. С. Шишкову и министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому [3]). Впрочемъ, Ланской

---

[1]) «О Евангеліи отъ Матѳея»—было второе частное заглавіе книги Госнера, или заглавіе 1-го тома. Общаго заглавнаго листа, вѣроятно, еще не успѣли напечатать.

[2]) Варіантъ разсказа у Панаева, стр. 84. Г. Сухомлиновъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г., кн. I, стр. 7, примѣч., упоминаетъ объ этомъ разговорѣ по извѣстіямъ лица, слышавшаго разсказъ о немъ митр. Филарета, но самаго разсказа не приводитъ. Переданный нами текстъ, вѣроятно, нѣсколько прикрашиваетъ «святое дерзновеніе» Серафима. Въ подобныхъ встрѣчахъ онъ былъ вообще робокъ (ср. «Обзоръ» Филарета Черниг., стр. 246), и крайняя нерѣшимость его отправиться во дворецъ, не показываетъ твердости. Какъ мало были извѣстны подробности этого событія, можно судить по тому, что Шишковъ, такъ много ревновавшій по дѣлу Госнера, не зналъ, какимъ образомъ доведено было до свѣдѣнія императора Александра объ этой книгѣ. (Зап., стр. 119).

[3]) Зап. Шишкова, 119. По Зап. Фотія, высочайшее повелѣніе отнесено опять къ 25-му апрѣля («Чтенія», стр. 266). Панаевъ говоритъ о «комитетѣ», къ которому при-

только подписалъ докладъ, составленный Шишковымъ. Первыя распоряженія послѣдовали очень скоро: той же весной Госнеръ былъ высланъ за границу, книгу велѣно было сжечь,—всѣ лица, прикосновенныя къ изданію, переводчики (въ особенности В. М. Поповъ), два цензора (фонъ-Поль и Бируковъ), типографщики (Край и Гречъ) отданы были подъ судъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были первыя мѣры противъ Библейскаго Общества. 15 мая, кн. Голицынъ пересталъ быть министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, и президентомъ Общества. Министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами, однихъ *иностранныхъ исповѣданій*, сдѣланъ былъ Шишковъ; но православная часть отошла къ синодальному оберъ-прокурору; доклады же синода должны были представляться черезъ Аракчеева. Президентомъ Библейскаго Общества сталъ митрополитъ Серафимъ, — и хотя въ высочайшемъ рескриптѣ, опредѣлявшемъ это назначеніе, сказано было, чтобы доклады по Обществу вносимы были къ императору черезъ посредство кн. Голицына, — но это, кажется, съ самаго начала осталось только фразой ему въ утѣшеніе. Доклады Серафима по Обществу были уже вскорѣ такого свойства, что кн. Голицыну невозможно было вносить ихъ.

Общество пока еще продолжало существовать, но это существованіе — съ предсѣдателемъ, участвовавшимъ въ низверженіи кн. Голицына въ союзѣ съ Фотіемъ—было слишкомъ натянутое и не могло длиться долго....

Новый министръ народнаго просвѣщенія и главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій систематически и съ жаромъ принялся за искореленіе того, что̀ дѣлалось прежнимъ министерствомъ, за уничтоженіе Библейскаго Общества и его зловредныхъ тенденцій. Несчастье было только въ томъ, что ревность Шишкова задѣла при этомъ и самое просвѣщеніе, которое онъ долженъ бы былъ устроивать.... Люди, надѣявшіеся, что съ Шишковымъ пойдутъ лучше дѣла просвѣщенія и литературы, должны были разочароваться.

Шишковъ, конечно, не участвовалъ въ заговорѣ противъ Голицына, — онъ былъ слишкомъ прямодушенъ и наивенъ, — но его ревность противъ голицынскаго вольнодумства была такъ усердна, его старость и простодушіе такъ велики, что Аракчеевъ не могъ

числяетъ и гр. Милорадовича; но послѣдній, въ качествѣ генералъ-губернатора, производилъ только полицейское дознаніе.

найти лучшаго исполнителя своихъ желаній и лучшаго человѣка для вакантнаго министерства [1]). Для самого Шишкова назначеніе его было совершенно неожиданно. Но, разъ назначенный, онъ началъ дѣйствовать съ великой ревностью, — въ полной покорности у Аракчеева, не оправдавши упомянутыхъ ожиданій и не внушивши къ себѣ уваженія....

Отзывы современниковъ достаточно рисуютъ положеніе дѣла: по выраженію одного изъ нихъ, Шишковъ былъ только «трупъ, гальванизированный Магницкимъ [2])», и это фигурное сравненіе довольно вѣрно. Магницкій овладѣлъ имъ совершенно, и Шишковъ даже не подумалъ о той роли, какую игралъ Магницкій при его предшественникѣ! [3]) Онъ понялъ его только тогда, когда самъ нѣсколько разъ былъ также нагло и грубо обманутъ.

Первымъ дѣломъ, привлекшимъ особенное вниманіе Шишкова, было госнеровское, которое началось еще до вступленія его въ министерство и окончилось уже при имп. Николаѣ.

Книга Госнера называлась: «Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi, in Betrachtungen und Bemerkungen über das ganze Neue Testament. Erster Band. Matthäus und Marcus [4])», т. е. «Духъ жизни и ученія Іисуса Христа, въ размышленіяхъ и замѣчаніяхъ о всемъ Новомъ Завѣтѣ». Въ русскомъ переводѣ, безъ заглавнаго листа, книга называлась: «О Евангеліи отъ Матѳея». Шишковъ, которому вмѣстѣ съ Ланскимъ поручено было разсмотрѣть ее, 20-го мая читалъ уже свой отзывъ о книгѣ въ комитетѣ министровъ. Общій смыслъ этой книги представленъ былъ имъ въ слѣдующихъ словахъ: «По внимательномъ разсмотрѣніи сей книги оказывается, что въ толкованіи евангельскихъ текстовъ вездѣ *подъ видомъ наставленія* въ вѣрѣ, *внушаются противныя ей правила*, основанныя на *ложныхъ* умствованіяхъ, *смѣшанныхъ* однако съ *истинными* и *скрытыхъ* подъ оными, дабы сею *хитростію омрачить* умъ читателя или слушателя и понемногу *отводить* его отъ *Вѣры* своей, отъ должностей мирнаго гражданина и отъ всѣхъ *обязанностей* къ небесному и земному *царю*».

Все это онъ старается подтвердить въ своемъ разборѣ [5]).

---

[1]) Зап. Вигеля III, VI, 53. «Изъ четырехъ министровъ троимъ,—военному, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ,—было за семьдесятъ лѣтъ, а четвертому, министру просвѣщенія, около восьмидесяти. Сія геронтократія должна была нравиться Аракчееву своимъ безсиліемъ и покорностію».

[2]) Ibid. VII, 5.

[3]) Зап. Панаева, В. Евр. 1867, т. IV, стр. 88, примѣч.

[4]) Печатано, по указанію Шишкова (стр. 30), въ Петербургѣ, 1824, у Края. Другое изданіе было, кажется, сдѣлано Госнеромъ въ Лейпцигѣ, 1824.

[5]) Записки, стр. 30—49.

Не останавливаясь на этомъ разборѣ, замѣтимъ только, что онъ написанъ совершенно въ томъ же духѣ, какъ переданная нами выше книга Станевича или доносъ Фотія: тоже злостное перетолкованіе самыхъ обыкновенныхъ мистическихъ выраженій, такое же желаніе видѣть подъ этими выраженіями скрытый революціонный смыслъ. Шишковъ могъ бы, конечно, указывать на протестантскій характеръ книги Госнера, могъ бы находить неумѣстными подобныя изданія на русскомъ языкѣ, указать въ книгѣ преувеличенное резонерство, — и это была бы часто правда. Но онъ этимъ не довольствовался, и выдавалъ Госнера за хитраго безбожника и революціонера, подкапывающаго алтари и престолы. Это было уже нелѣпо. Странно было бы думать въ самомъ дѣлѣ, чтобы Госнеръ, самъ фанатикъ въ своемъ родѣ, былъ какимъ-нибудь злонамѣреннымъ безбожникомъ, старающимся подрывать религію. На дѣлѣ это былъ совершенно искренній піэтистъ, только перехитрившій свои умствованія по поводу историческихъ сказаній и нравственныхъ ученій Евангелія: его книга (судя по выпискамъ Шишкова) была не умна, въ иныхъ случаяхъ пожалуй довольно нелѣпа и безвкусна, но революціонной называть ее смѣшно[1]). Но Шишковъ былъ именно убѣжденъ въ этомъ и, понятно, что даже въ самыхъ рутинныхъ фразахъ обыкновенныхъ проповѣдническихъ наставленій онъ сталъ находить тайный возмутительный смыслъ[2]), а нѣсколькихъ выраженій, не важныхъ вовсе въ сущности, но слишкомъ неосторожно раціоналистическихъ и протестантскихъ для книги, выходившей на русскомъ языкѣ, достаточно было Шишкову, чтобы указывать въ книгѣ Госнера несомнѣнное стремленіе «къ возмущенію народа противъ православія и престоловъ».

---

[1]) Это замѣтилъ тогда даже неопытный въ богословіи Папаевъ, которому Шишковъ прочелъ однажды отрывокъ изъ своего разбора (Зап. Пан., стр. 87). Впрочемъ мы не имѣли въ рукахъ подлинника и не можемъ съ точностью судить о характерѣ изложенія въ книгѣ Госнера; видно только, что цитаты, вырываемыя Шишковымъ изъ контекста, очень натянуты.

[2]) Напримѣръ, у Госнера сказано: «Предубѣжденіе объ особенномъ уваженіи къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ, нерѣдко совращаетъ человѣка съ истиннаго и прямаго пути и помрачаетъ его зрѣніе такъ, что онъ не видитъ уже болѣе яснаго свѣта Евангелія». Шишковъ: «Что такое предубѣжденіе къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ? Кто такія сіи лица? *Не угодники ли Божіи* (!), которыхъ мы за добродѣтели ихъ почитаемъ? *Не земныя ли власти*, которымъ мы для соблюденія общаго спокойствія и порядка, повинуемся и уважаемъ ихъ? Почему же должное къ нимъ уваженіе есть предубѣжденіе несовмѣстное съ христіанствомъ?» и проч. Но Госнеръ объ этомъ вовсе и не говоритъ, и Шишковъ подставляетъ ему свои собственныя толкованія. У Госнера дальше идетъ рѣчь просто о житейскихъ разсчетахъ и внѣшнемъ блескѣ, которые не должны отвращать человѣка отъ исполненія его христіанскихъ обязанностей, о необходимости смиренія и т. п.

Въ концѣ своего разбора онъ предлагалъ уже общія мѣры для искорененія опаснаго зла, распространившагося въ послѣдніе годы и грозившаго государству. Онъ предлагалъ учредить высшій цензурный комитетъ изъ нѣсколькихъ духовныхъ и государственныхъ особъ, которому, кромѣ цензуры книгъ русскихъ и привозныхъ иностранныхъ, принадлежало бы и наблюденіе за преподаваніемъ во всѣхъ *университетахъ* и училищахъ:.... «Надлежитъ строго смотрѣть, чтобъ профессоры и учители преподавали науки *по извѣстнымъ книгамъ*, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ коихъ они часто обучаютъ учениковъ не общимъ, но *собственнымъ своимъ* правиламъ и мыслямъ (!)». «Всѣ другія мѣры (указанныя имъ выше: высылка частныхъ лицъ, наказаніе цензоровъ и т. п.) окажутся недостаточными». Кромѣ того, должно быть строго изслѣдовано все зло, происшедшее отъ прежняго духа, не только въ столицахъ, но и въ *отдаленнѣйшихъ краяхъ* Россіи. Наконецъ, вѣроятно въ образчикъ этого «строгаго изслѣдованія», Шишковъ выписываетъ изъ Франкфуртской газеты извѣстіе (присланное изъ Петербурга) о томъ, что Фесслеръ, лютеранскій супер-интендентъ въ Саратовѣ, объѣзжалъ недавно свой округъ, гдѣ заключается больше 600,000 нѣмецкихъ колонистовъ, — и восклицаетъ: «Таковыя обширныя порученія иностраннымъ проповѣдникамъ и учителямъ, *изгнаннымъ* изъ ихъ отечества, или по крайней мѣрѣ признаваемымъ за людей *худыхъ правилъ*, и *можетъ быть нарочно посылаемымъ* къ намъ для разрушенія мира и тишины, необходимо долженствовали, какъ и *слышно*, произвесть не малые плоды посѣяніемъ въ простомъ народѣ всякихъ ересей и буйства (!!)». Онъ требовалъ строжайшихъ мѣръ къ потушенію этого огня, «безпрестанно поджигаемаго иностранцами», и который, по его мнѣнію, легко могъ стать «неугасимымъ [1])».

Такимъ образомъ общее представленіе Шишкова объ этихъ предметахъ было того же свойства, какъ у Фотія: ему тоже мерещились какіе-то неизвѣстные враги (у Фотія «иллюминаты»), которые нарочно присылаютъ въ Россію возмутителей для уни-

[1]) Главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій не зналъ,— что Фесслера никто не присылалъ и не выгонялъ изъ-за границы, а что его вызвали сами русскіе, именно Сперанскій; что Фесслеръ ничего не разсѣвалъ въ русскомъ народѣ, а просто объѣзжалъ свою лютеранскую паству, т. е. нѣмецкихъ колонистовъ, къ которымъ русское правительство назначило его суперъ-интендентомъ, и которымъ нужно же было свое церковное управленіе. Шишковъ не знаетъ ничего этого и, между тѣмъ, самоувѣренно забрасываетъ инсинуаціями Фесслера, человѣка очень почтеннаго, и приписываетъ ему *худыя* правила, не только не имѣя понятія о *правилахъ* Фесслера, но кажется не разумѣя и того, какія вообще бываютъ правила лютеранина.

чтоженія въ ней вѣры и престола. Понятно, что сюда онъ причислялъ и все Библейское Общество, и въ этомъ также совершенно соглашаясь съ Фотіемъ; но, на первое время, онъ пока еще умалчивалъ объ этомъ....

Въ комитетѣ министровъ, куда Шишковъ и Ланской представили свой разборъ, повидимому или мало интересовались внимательнымъ изслѣдованіемъ этого случая, или впередъ соображались съ предполагаемымъ на ту минуту нѣвыгоднымъ мнѣніемъ императора объ этомъ дѣлѣ, или тамъ вообще господствовали тѣже мнѣнія, только «члены комитета всѣ безъ изъятія утвердили мнѣніе» Шишкова и Ланского [1]). Вслѣдствіе того императоръ и повелѣлъ выслать Госнера за границу, книгу его сжечь, а тѣхъ, кто хотѣлъ издать ее по-русски, отдать подъ судъ.

Первое слѣдствіе произведено было оберъ-полиціймейстеромъ, причемъ В. М. Поповъ былъ «изобличенъ въ поправленіи книги своею рукою», — потому что нашлось, что *нѣсколько листковъ* перевода было исправлено Поповымъ. Отъ оберъ-полиціймейстера дѣло перешло въ сенатъ....

Между тѣмъ Госнеръ былъ уже въ Берлинѣ. Хотя онъ прибылъ туда изгнанникомъ,—разсказываетъ его біографъ Бетманъ-Голльвегъ, знавшій его еще въ тѣ времена [2]), — но министръ Альтенштейнъ отклонилъ всякія преслѣдованія. «Мы нашли въ этомъ любимомъ нами человѣкѣ немалую перемѣну. Вмѣсто нѣжной сердечности и мягкости, которая заставила одного высокопоставленнаго друга сказать, что онъ хоть сейчасъ можетъ явиться ко двору, подъ вліяніемъ суровыхъ испытаній въ немъ выказывалась бо̀льшая мѣра духа,.... но и *болѣе грубая форма.* Глубоко пораженный печалью насильственной разлуки съ любимой общиной, онъ походилъ на медвѣдицу, у которой отняли дѣтенышей. Въ чертахъ его можно было прочесть: никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ (Гал. VI, 17). Прежде всего ему нужно было спокойствіе.... Но дѣйствовать, особенно для его петербургскихъ дѣтей, скоро стало для него потребностью». Поэтому Госнеръ отправился въ Лейпцигъ, гдѣ, при содѣйствіи своего пріятеля, книгопродавца Таухница, сталъ издавать благочестивыя книжки. «Въ это время составлены были и еще напечатанныя (въ 1858), драгоцѣнныя Goldkörner, предназначенныя вполнѣ для петербуржцевъ».

Выписанное нами мѣсто можетъ дать образчикъ того, какъ должны были относиться къ Госнеру его тогдашніе почитатели

---

[1]) Записки, стр. 119.
[2]) Joh. Gossner, стр. 21—22.

въ Берлинѣ или Лейпцигѣ, и въ Петербургѣ. Госнеръ дѣйствительно пересылалъ въ Петербургъ свои поученія, вѣроятно эти самыя Goldkörner; полиція или доносъ услѣдили ихъ, и это дало Шишкову новый поводъ вооружиться противъ заразы[1]).

19-го сентября, Шишковъ писалъ Аракчееву, что генералъ-губернаторъ Милорадовичъ и оберъ-полиціймейстеръ сообщили ему нѣмецкіе стихи съ нотами, присланные въ Петербургъ отъ Госнера, и въ которыхъ Шишковъ видѣлъ неслыханное злочестіе, предательство Іудино и хитрость змія, прельстившаго Адама. Въ приведенныхъ имъ цитатахъ[2]) опять нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ выраженія печали о разлукѣ и ободреній перенести преслѣдованіе, что было естественно при тогдашнемъ положеніи Госнера и его петербургскихъ друзей. Этихъ стиховъ прислано было, по словамъ оберъ-полиціймейстера, до сорока экземпляровъ. Нѣсколько позже, Шишковъ доносилъ объ этомъ и императору: «Госнерово *осиротѣлое стадо*, какъ онъ самъ въ присланной сюда пѣсенкѣ своей пишетъ, продолжаетъ свои собранія. Татаринова тожъ по прежнему представляетъ жрицу, между вакханками, и *Поповъ*, какъ слышу, всякой день у ней бываетъ. Если противъ сихъ сборищъ по домамъ не возьмутся строгія мѣры, то я не знаю, до какой степени онѣ распространятся»[3]).

Во всемъ этомъ Шишкову мерещилась революція. О Татариновой мы уже упоминали. Что касается наконецъ Попова, то, по словамъ Вигеля, это былъ «кроткій изувѣръ, смирный, простой человѣкъ, котораго однакожъ именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія[4])». Впрочемъ, особыхъ злодѣяній за

---

[1]) Читателю, можетъ быть, не безъинтересна будетъ дальнѣйшая судьба этого человѣка. Въ Лейпцигѣ Госнеръ пробылъ около двухъ лѣтъ. Полиція и здѣсь не оставила его въ покоѣ; она усумнилась въ его пропагандѣ и предложила ему свои вопросы. Въ его благочестивыхъ тенденціяхъ была значительная доля раціонализма, и стремленіе къ практическому христіанству, которыми ему кажется хотѣлось уподобиться христіанамъ первобытной церкви. Но, конечно, это не былъ человѣкъ, такой опасный для цѣлости алтарей и престоловъ, какъ считалъ Шишковъ и отчасти, кажется, лейпцигская полиція. На вопросъ полиціи въ Лейпцигѣ: какого онъ исповѣданія? онъ отвѣчалъ: что онъ христіанинъ; но полиція не удовольствовалась и спрашивала дальше: католикъ ли онъ, лютеранинъ и т. д. Госнеръ замѣтилъ въ отвѣтъ, что «теперь онъ по крайней мѣрѣ оффиціальнымъ путемъ узнаетъ, что въ христіанствѣ недостаточно быть христіаниномъ». Впослѣдствіи, этотъ первобытный христіанинъ окончательно поселился въ Берлинѣ и сталъ формально лютеранскимъ проповѣдникомъ. Онъ и здѣсь имѣлъ много почитателей въ піэтистическихъ кружкахъ, и вводилъ практическую религіозность, основывая благотворительныя общества, школы для малолѣтнихъ дѣтей и кромѣ того цѣлое миссіонерское заведеніе для обращенія язычниковъ.

[2]) Зап., стр. 26—29.

[3]) Зап., стр. 67.

[4]) Зап. Вигеля, III, V, 67.

нимъ не было, кромѣ того, что онъ участвовалъ въ переводѣ книги Госнера и слишкомъ былъ приверженъ къ обрядамъ Татариновской религіи, къ которымъ послѣ сталъ принуждать своихъ дочерей. Шишковъ преслѣдовалъ Попова съ особеннымъ ожесточеніемъ, и это понятно: это былъ человѣкъ очень близкій къ кн. Голицыну, одинъ изъ главныхъ вожаковъ библейскаго дѣла, и это его преступленіе увеличивалось еще тѣмъ, что онъ былъ лицомъ оффиціальнымъ, директоромъ департамента въ министерствѣ просвѣщенія, — хотя, по словамъ Вигеля, онъ этимъ департаментомъ занимался мало, и слѣд. тѣмъ меньше компрометтировалъ свое оффиціальное положеніе. Шишковъ называетъ его [1]) «ревностнымъ старателемъ промѣнять церковь нашу на протестантскую, гернгутерскую или какую-либо иную, и который въ библейскихъ обществахъ представлялъ послѣ министра своего лице первенствующее въ синодѣ свѣтско-духовной особы». Въ особое преступленіе онъ ставитъ Попову еще то, что тотъ, между прочимъ, ѣздилъ за границу, подъ предлогомъ болѣзни, а на самомъ дѣлѣ,—говоритъ Шишковъ, — для совѣщаній съ англійскими методистами. Теперь, хотя онъ и отданъ былъ подъ судъ и вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ устраненъ изъ Библейскаго Общества, но Голицынъ перевелъ его въ оставленный ему Почтовый департаментъ, — «со всѣми прежними выгодами (замѣчаетъ Шишковъ) и даже съ тайными нѣкоторымъ лицамъ внушеніями, чтобъ на судѣ старались его оправдать» [2]). Это еще увеличивало досаду Шишкова.

Сенатское производство этого дѣла извѣстно теперь по двумъ напечатаннымъ мнѣніямъ сенаторовъ Муравьева-Апостола и Сумарокова [3]). Эти мнѣнія весьма характеристичны и представляютъ взгляды обѣихъ сторонъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Обвиненіе противъ Попова собрано было въ три пункта: 1) что онъ не только поправлялъ своей рукой книгу Госнера, но въ томъ же духѣ излагалъ (въ книгѣ) и свои мысли; 2) что, зная о заключеніи правительства относительно Госнера и его сочиненіи, позволилъ себѣ въ отзывѣ полиціймейстеру, какъ будто въ *охужденіе* этого заключенія, говорить о книгѣ, что она хорошаго духа, а о Госнерѣ, что онъ человѣкъ истинно христіанскихъ правилъ и образа мыслей; и въ особенности 3) что въ качествѣ директора департамента въ министерствѣ, которому подчинены цензоры, ему не слѣдовало поправлять никакихъ сочи-

---

[1]) Стр. 97.

[2]) Зап., стр. 98.

[3]) Чтенія Моск. Общ. 1859, кн. 4, Смѣсь, стр. 37—48.

ній или переводовъ, а что своимъ участіемъ и покровительствомъ Госнеру онъ ввелъ цензоровъ въ заблужденіе, такъ-что они приняли къ разсмотрѣнію книгу, не подлежавшую гражданской цензурѣ, и вѣроятно по этому своему вліянію «одобрилъ оную къ напечатанію», т. е. получилъ это одобреніе.

Поповъ отвѣчалъ на эти обвиненія, что самъ отъ себя онъ въ книгѣ ничего не писалъ, а только поправлялъ нечистый слогъ перевода; относительно 2-го пункта, онъ ссылался на подлинный свой отзывъ оберъ-полиціймейстеру, гдѣ никакого охужденія нѣтъ, а только говорится, какъ онъ думалъ о Госнерѣ и его книгѣ тогда, когда дѣлался ея переводъ; наконецъ говорилъ, что самое печатаніе книги началось въ то время, когда онъ былъ за границей, что Госнеръ проповѣдовалъ публично при большомъ стеченіи слушателей (такъ что Поповъ могъ не считать его такимъ зловреднымъ человѣкомъ, какъ теперь говорили), и что цензоры не знали о его поправкѣ, такъ что не было и его вліянія на одобреніе книги. Все это потомъ оказалось справедливо [1]).

Но обвиняющая сторона тѣмъ не менѣе изображала Попова величайшимъ преступникомъ и выставляла обвиненіе самымъ рѣзкимъ образомъ.

Дѣло первоначально разбиралось въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента, потомъ, по разногласію членовъ, перешло въ общее собраніе. Здѣсь ревностнымъ обвинителемъ Попова явился сенаторъ Сумароковъ. «Голосъ» Сумарокова, по отзыву Шишкова «весьма благонамѣренный и справедливый» [2]), долженъ былъ совершенно приходиться къ его вкусу, потому что понятія, которыми руководился этотъ сенаторъ, были понятія самого Шишкова и Фотія. Не приводя его инкриминацій, только повторяющихъ и усиливающихъ первоначальное обвиненіе, мы остановимся на тѣхъ общихъ основаніяхъ, которыми онъ мотивируетъ свое мнѣніе. Эти общія понятія чрезвычайно любопытны, какъ образчикъ мнѣній партіи, спорившей противъ Библейскаго Общества, и также конечно мнѣній значительной части тогдашней публики [3]). Сумароковъ начинаетъ ab ovo, историческимъ обзоромъ того зла, котораго послѣднимъ пунктомъ былъ переводъ книги Госнера. Дѣло идетъ издалека:

«Въ самомъ концѣ XVII и въ теченіи XVIII столѣтія *пока-*

---

[1]) Ср. также въ Зап. Греча, Р. Арх. 1868, стр. 1405.

[2]) Зап., стр. 92.

[3]) Впрочемъ, также и нынѣшней. Авторъ «Обзора русской дух. литературы» (кн. 2, стр. 234) говоритъ, что отзывъ сенатора Сумарокова есть «энергическій и *дѣльно* составленный».

зилась въ одномъ изъ полуденныхъ государствъ (?) *стая людей*, явно порицавшихъ правовѣріе. Одни изъ нихъ были зараженные въ душахъ богоотступники, другіе слѣпые, безразсудные подражатели новизнѣ, мечтавшіе тѣмъ придать себѣ нѣкое отличіе, большая же изъ нихъ часть взалкала потрясеніе вѣры употребить въ свою пользу и испровергнуть власти, и чтобы, освободясь изъ толпы народной (?) предстать на поприще почестей къ управленію заблудшими, всѣ они развратили умы, подготовили страшныя послѣдствія.

«Отродилась революція, сокрушился престолъ владыки, провозгласилось уставомъ безвѣріе, и рѣки человѣческой крови, рѣки слезъ страдальцевъ-жертвъ угасили тотъ пагубный пожаръ.

«Совсѣмъ тѣмъ зароненныя искры все тлились подъ пепломъ, вспыхивали по мѣстамъ, и потребны были брани, вооруженія къ усмиренію бунтующихъ послѣдователей».

Это зараженное поколѣніе исчезло наконецъ съ лица земли, но на смѣну его явились новые *бичи человѣчества*, которые продолжали начатое уже другими средствами. «Они, надѣвъ на себя благовидныя личины, стали уже проповѣдывать, лжеучить, дабы, *подъ предлогомъ святости*, убить, истребить святость. Глаголы ихъ казались быть основанными на священныхъ преданіяхъ, слогъ дышалъ смиренномудріемъ, христіанскими правилами, но, минуя цвѣтность словъ, прямый ихъ смыслъ отрыгалъ тоже самое ухищреніе, тѣ же пагубные подкопы. *Чудовища* для своей *корысти* искали лишить согражданъ истиннаго душъ услажденія, единственной опоры въ семъ мірѣ». Появились соблазнительныя книги, читатели «упитывались чернымъ ядомъ», умножились расколы. Наконецъ, правительства во многихъ странахъ (?) «постигли ковы, обозрѣли гнѣзда изверговъ» и рѣшили очистить «прокаженныя» училища, изгнать вредныхъ наставниковъ, и тогда «апостаты» старались вторгнуться въ нашу твердо стоящую имперію. «Уже изувѣры устроивали страшные свои *вертепы*, уже мелькала и у насъ зарница нечестія, но, благодаря Провидѣнію, мудрыми мѣрами нашего государя императора изощренныя стрѣлы отразились на самихъ искусителей», т. е. книга Госнера была сожжена, а сочинитель высланъ. «Теперь достигли мы до искомаго корня, и съ сего-то мѣста начинается судъ г. Попову».

На такой дикой путаницѣ понятій и фактовъ основывали эти люди свой *судъ*. Сумароковъ не сомнѣвается, что книга предназначалась къ «очевидному низложенію христіанства» и «съ содроганіемъ только» указываетъ нѣкоторыя ея страницы. Онъ соглашается допустить, что Поповъ участвовалъ въ этомъ преступленіи безъ злого умысла, но въ такомъ важномъ дѣлѣ Поповъ,

по мнѣнію сенатора, все-таки долженъ отвѣчать и за ошибку. Въ заключеніе Сумароковъ указываетъ, что̀ опредѣляютъ наши законы за подобныя вины. Онъ приводитъ Уложеніе, Воинскій Уставъ, Морской Уставъ, разные указы съ 1683 и до 1800 года,— гдѣ за хулу на Господа І. Х., Богородицу и т. д., за «легкомысленіе въ богохуленіи», за «слышаніе богохуленія, безъ извѣта объ ономъ», за «молчаніе о тѣхъ, кто, запершись, пишетъ, и отъ того послѣдуетъ какое повреждение Е. И. В. чести» и т. п., назначается сожженіе, лишеніе живота или пожитковъ, гнаніе шпицрутеномъ, отсылка въ сенатъ за карауломъ и т. д. «Вотъ приличные законы», — восклицаетъ сенаторъ Сумароковъ; но впрочемъ онъ принималъ въ соображеніе «дѣйствія къ прекращенію пагубнаго лжеученія» и не настаивалъ на особомъ усиленіи того наказанія, которое было уже постановлено въ приговорѣ 5-го департамента [1]).

Такимъ образомъ Попову приходилась трудная задача: расплачиваться за все, что̀ только не нравилось противной партіи въ прежнемъ порядкѣ вещей. Вооружаясь на лжеученіе и «низложеніе христіанства», обвинители конечно имѣли въ виду и всю дѣятельность кн. Голицына и библейскихъ обществъ; и свойство настроенія этихъ обвинителей достаточно указывается тѣмъ, какіе *приличные* законы они отыскали на такіе случаи въ Уложеніи, Морскомъ Уставѣ (!) и указахъ 1683 года. Но при всемъ озлобленіи, эти обвинители были достаточные трусы и лицемѣры, чтобы говорить о дѣлѣ яснѣе и ближе: они не осмѣливались припоминать, когда и какъ началось и дѣйствовало то направленіе идей, которое они представляли въ такомъ ужасномъ свѣтѣ, и въ которомъ книга Госнера была только однимъ, далеко не самымъ важнымъ явленіемъ; они не осмѣливались припоминать, кѣмъ и какъ былъ призванъ и принятъ въ Петербургѣ Госнеръ, кто поощрялъ могущественнѣе всего библейскія общества, какъ стояли они еще недавно во мнѣніи того самаго правительства, «мудрыя мѣры» котораго (изгнаніе Госнера и т. д.) они теперь восхваляли. Они предпочитали умолчать обо всемъ этомъ и храбрились теперь надъ Поповымъ... Шишкову надо по крайней мѣрѣ отдать справедливость, что онъ высказывалъ свои мнѣнія ясно во всемъ ихъ объемѣ, и напр. убѣждалъ императора Александра признать открыто свое прежнее *заблужденіе*...

Иного рода было мнѣніе Муравьева-Апостола. Останавливаясь прямо на сущности обвиненій, онъ говорилъ, что 1) послѣ рачительнаго сличенія перевода съ подлинникомъ, онъ нашелъ, что

---

[1]) Въ чемъ состояло это наказаніе, по извѣстнымъ теперь свѣдѣніямъ не видно.

Поповъ дѣйствительно поправлялъ только слогъ перевода, не измѣняя смысла подлинника и ничего къ нему не прибавляя, и если онъ и написалъ «цѣлыя страницы» на полѣ перевода, то потому только, что иначе невозможно было исправить германизмовъ переводчика; и что въ сущности переводъ—буквальный, сколько это возможно по свойствамъ русскаго языка. Кромѣ того тетрадь перевода, исправленная Поповымъ, *еще не была* въ рукахъ цензора, и все исправленное Поповымъ мѣсто такъ не велико, что составляетъ едва 57-ю долю всѣхъ отпечатанныхъ листовъ; 2) что въ отзывѣ оберъ-полиціймейстеру Поповъ говорилъ въ *прошедшемъ* времени, что почиталъ Госнера человѣкомъ христіанскихъ правилъ въ *то* время, и слѣд. этимъ выраженіемъ нисколько не охуждаетъ нынѣшняго заключенія правительства; 3) относительно *вѣроятнаго* вліянія его на цензоровъ Муравьевъ-Апостолъ говорилъ, что судъ не можетъ утверждаться на такихъ предположеніяхъ и вѣроятіяхъ, когда идетъ дѣло о судьбѣ человѣка. Муравьевъ именно указывалъ тѣ факты, что Поповъ еще въ мартѣ 1823 года выѣхалъ изъ Петербурга больной и тогда вовсе не зналъ о книгѣ Госнера; что рукопись пропущена была цензурой въ маѣ, а къ сентябрю 1823, когда Поповъ вернулся изъ-за границы, ея было уже отпечатано больше 50 листовъ; и если даже не дать ему вѣры въ томъ, что онъ не зналъ о книгѣ, то во всякомъ случаѣ онъ первыхъ листовъ книги не поправлялъ, и эти первые листы, и именно больше 50 листовъ, были отпечатаны въ его отсутствіе, а поправленная имъ тетрадь (въ концѣ книги) еще не была въ рукахъ цензора, и слѣд. Поповъ не могъ оказывать на него вліянія. Притомъ цензоръ Бируковъ, привлеченный къ отвѣтственности, предпочелъ истину своей безопасности и объявилъ, что со стороны Попова не имѣлъ никакихъ внушеній ни за, ни противъ книги. Относительно того, что Поповъ, по своему должностному положенію, не долженъ былъ браться за подобное дѣло, Муравьевъ-Апостолъ говорилъ, что не знаетъ закона, который бы запрещалъ директорамъ народнаго просвѣщенія такія занятія. Наконецъ, если просвѣщенные министры, разсматривавшіе книгу, находили, что цензора можно оправдать тѣмъ, что онъ «могъ не имѣть достаточнаго проницанія во вредъ, прикрытый въ книгѣ мнимою пользою наставленія въ вѣрѣ и просвѣщеніи», то этого проницанія также могъ не имѣть и директоръ; что можетъ оправдывать одного, можетъ оправдывать и другого. Точно также, ставя «директора» вмѣсто «цензора», Муравьевъ-Апостолъ продолжаетъ выписку изъ мнѣнія министровъ (т. е. Шишкова и Ланскаго): «*публичное проповѣданіе* и *печата-*

ніе книгъ сихъ [1]) въ здѣшней столицѣ могли отвлечь *директора* отъ сомнѣнія; и еслибъ онъ увидѣлъ что-либо сомнительное, то опасался бы изъявить сомнѣніе, при явномъ покровительствѣ и благорасположеніи къ симъ сочинителямъ и переводчикамъ». Муравьевъ-Апостолъ заключалъ, что такъ какъ ничто не подтверждаетъ взведенныхъ на Попова обвиненій, то законъ запрещаетъ считать его умышленнымъ преступникомъ; но относительно самаго поступка Попова, т. е. поправленія перевода книги Госнера, Муравьевъ полагалъ, что «не пріемля въ уваженіе господствовавшаго тогда духа въ нашей литературѣ», Поповъ долженъ быть однако признанъ неспособнымъ занимать то служебное мѣсто, какое ему принадлежало.

Этотъ судъ въ общемъ собраніи сената происходилъ уже въ маѣ 1825 года, но Шишковъ еще не успокоивался, и съ такимъ же рвеніемъ напалъ теперь на Муравьева-Апостола, который, по его мнѣнію, защищалъ враговъ вѣры, престола и отечества: о виновности Попова, по его мнѣнію, не могло быть рѣчи, когда комитетъ министровъ нашелъ книгу Госнера и «согласныя съ нею проповѣдыванія» зловредными и когда, съ утвержденія его величества, книга сожжена и Госнеръ высланъ. Юридическія понятія Шишкова не уступали богословскимъ и литературнымъ.

Такимъ образомъ дѣло Попова все еще оставалось пунктомъ борьбы между враждебными партіями. У Голицына, хотя и удаленнаго со сцены, было много вліянія, и много друзей, раздѣлявшихъ его мнѣнія, и главное—сохранилось расположеніе императора Александра. Шишковъ разсказываетъ, что партія Голицына еще до суда принимала мѣры, чтобы пріобрѣсти оправданіе Попова, и одинъ сенаторъ сказывалъ Шишкову, что Тургеневъ (А. И.) и нѣкоторые другіе нарочно пріѣзжали къ нему и уговаривали пристать къ тѣмъ, которые оправдываютъ Попова, а въ противномъ случаѣ «грозили» даже худыми послѣдствіями [2]). Въ обществѣ дѣло Госнера и спорныя мнѣнія двухъ сенаторовъ произвели различное впечатлѣніе: о мнѣніи Сумарокова, сообщаетъ Шишковъ, многіе говорили «съ нѣкоторымъ кощунствомъ» (т. е., конечно, смѣялись надъ его несомнѣнными нелѣпостями); мнѣніе Муравьева-Апостола «превозносили похвалами» (оно и дѣйствительно было очень здравое); мѣры, принимаемыя противъ книгъ и людей, называли инквизиціей; въ сенатѣ къ Муравьеву пристала большая часть сенаторовъ [3]).

---

[1]) Т. е. мистическихъ и распространявшихъ новую религіозность, какъ книга Госнера.

[2]) Стр. 112.

[3]) Стр. 93, 101.

Даже при дворѣ многіе защищали Госнера, а обвиненія Шишкова ставили ему «въ злорѣчіе и фанатизмъ». Отголосокъ мнѣній публики мы найдемъ и въ запискахъ Греча [1]). Онъ говоритъ о мнѣніи Муравьева-Апостола: «Разсмотрѣвъ и обсудивъ дѣло со вниманіемъ и чистою совѣстью, онъ написалъ свое рѣшительное и основанное на здравомъ смыслѣ и на законахъ мнѣніе, въ которомъ доказывалъ несправедливость обвиненія и невинность прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, особенно Попова, подлежавшаго непосредственному суду сената... Докладная записка о дѣлѣ была напечатана и разошлась въ публикѣ. *Изумленіе* и *негодованіе* было всеобщее. Дошло и до государя».

Верхомъ сокрушенія для Шишкова было то, что онъ не находилъ и въ самомъ императорѣ поддержки своимъ усерднымъ хлопотамъ о спасеніи государства и вѣры отъ Госнера и Попова. Еще при первыхъ его докладахъ, разсказываетъ Шишковъ [2]), императоръ говорилъ ему о Поповѣ съ похвалою (дѣло тогда уже началось) и, повидимому, принималъ въ немъ большое участіе. Шишковъ жалуется на это и вообще на измѣнчивость мнѣній императора, связывавшую его собственное усердіе противъ враговъ вѣры и отечества. Онъ доходитъ даже до строгихъ осужденій.

«Истина — говоритъ Шишковъ — долго не могла возгремѣть противъ гласа лжи», т. е. при прежнемъ министерствѣ; теперь онъ считалъ обстоятельства иными. Образъ мыслей императора измѣнился: «ибо возмущенія, происходившія въ Испаніи, въ Неаполѣ, и пребываніе государя императора въ Австріи перемѣнили во многомъ образъ мыслей его. Онъ пересталъ помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи, подъ именемъ высокихъ таинствъ разрушавшей всѣ связи обществъ, и другихъ *подобныхъ сему* мечтаніяхъ [3]). Случай, подавшій поводъ къ перемѣнѣ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, казалось, открылъ ему злонамѣренность тѣхъ правилъ, которымъ доселѣ послѣдовалъ онъ съ такою ревностью. Благосклонное вниманіе его ко всѣмъ моимъ представленіямъ и кроткое выслушиваніе всѣхъ моихъ вопіяній противъ учрежденій и книгъ, имъ самимъ вводимыхъ и одобряемыхъ, подавали мнѣ надежду, что поддерживаемый силою гласа и твердостію воли Его, могу я благоуспѣшно дѣйствовать, исторгая сѣмена лжеученій и препятствуя возрастать имъ. Но вскорѣ уви-

---

[1]) Р. Арх. 1868, ст. 1411.

[2]) Зап. 101.

[3]) Эти выраженія характеризуютъ, между прочимъ, собственныя понятія Шишкова о томъ, въ чемъ состояли прежнія мнѣнія и желанія императора Александра.

дѣлъ я, что всѣ мои надежды были тщетны. Привязанность или какъ бы нѣкая страсть его къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться, такъ что, казалось, онъ самъ съ собою борясь увлекался попеременно то тѣми, то другими мыслями. Очевидность доказательствъ и сильныя мои настоянія принуждали его согласиться на предпріемлемыя мною мѣры, но онъ разрушалъ ихъ *тайнымъ образомъ*». Шишковъ приводитъ примѣры этихъ колебаній императора. Такъ, отдавъ Попова подъ судъ, онъ уговаривалъ Милорадовича, чтобы тотъ постарался оправдать его. Тоже повторилось и въ слѣдующемъ случаѣ. По вступленіи въ министерство, Шишковъ представлялъ императору о назначеніи того же самаго сенатора Муравьева-Апостола въ попечители московскаго университета; но императоръ отозвался о немъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ; тѣмъ не менѣе, по просьбѣ Шишкова, онъ согласился на опредѣленіе его членомъ въ главное правленіе училищъ. Потомъ Шишковъ узналъ Муравьева ближе, и оказалось, что онъ вовсе не подходилъ къ его вкусамъ, и когда однажды императоръ спросилъ его, доволенъ ли онъ вновь опредѣленными имъ членами правленія училищъ, Шишковъ сказалъ, что Муравьевымъ весьма недоволенъ.—«А! подхватилъ онъ; не говорилъ-ли я тебѣ? Теперь ты повѣришь, что я не солгалъ». «Таковъ былъ—разсказываетъ Шишковъ—разговоръ нашъ тогда, когда ему (т. е. императору Александру) письменная моя съ симъ сенаторомъ распря [1]) была уже извѣстна. Ктожъ послѣ сего повѣритъ, что онъ тихимъ образомъ призывалъ къ себѣ Муравьева и благодарилъ за поданный имъ въ сенатѣ голосъ!» [2]).

На дѣлѣ, это происходило, кажется, проще. Мы упоминали выше, что дѣло было извѣстно въ публикѣ; докладная записка разошлась по рукамъ, и возбуждала «изумленіе и негодованіе». Гречъ разсказываетъ, что когда толки дошли и до государя, то онъ встревожился и хотѣлъ узнать правду; но не желалъ сдѣлать этого явно, конечно, чтобы не подать повода къ новымъ толкамъ. Поэтому онъ дѣйствительно желалъ видѣть Муравьева-Апостола не оффиціально, и они, какъ будто невзначай, встрѣтились въ одной аллеѣ на Каменномъ Острову. Императоръ заговорилъ о сенатѣ и производившихся тогда дѣлахъ. Муравьевъ, между прочимъ, назвалъ дѣло Попова. «Императоръ пожелалъ

---

[1]) Мнѣніе Муравьева-Апостола о дѣлѣ Попова и возраженія, написанныя Шишковымъ, о чемъ мы упомянемъ далѣе.

[2]) Зап. Шишк., стр. 110 — 113.

узнать подробности, и Муравьевъ разсказалъ все откровенно, смѣло и справедливо. Александръ поблагодарилъ его, но *не измѣнилъ своего мнѣнія»*.

Единственнымъ вѣрнымъ прибѣжищемъ оставался у Шишкова графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Онъ писалъ къ нему обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, просилъ совѣтовъ и помощи, жаловался на неуспѣшный ходъ дѣла и съ прискорбіемъ говорилъ о своемъ безсиліи уничтожить «злѣйшее покушеніе па церковь, престолъ и отечество». «Мнѣ извѣстно было — замѣчаетъ Шишковъ—что графъ Аракчеевъ *всегда* письма мои къ нему *показывалъ* его величеству» [1]).

Изъ сената дѣло Попова поступило въ государственный совѣтъ. Здѣсь Шишковъ представилъ подробное опроверженіе мнѣнія Муравьева-Апостола. Онъ самъ читалъ его, и при чтеніи ему казалось, что всѣ были съ нимъ согласны, потому что никто не дѣлалъ возраженій; но когда стали собирать голоса, то оказалось, что и здѣсь, какъ въ сенатѣ, многіе члены совѣта были на сторонѣ Муравьева—«иные по собственному своему въ томъ участію, а другіе по расчисленію, что выгоднѣе держаться сильнѣйшей стороны» [2]). Мнѣнія раздѣлились пополамъ.

Шишковъ опять пишетъ къ императору, опять повторяетъ прежнія жалобы и зловѣщія предсказанія, прибавляетъ новые примѣры зловреднаго «духа времени». Но дѣло не измѣнялось и нерѣшеннымъ перешло въ слѣдующее царствованіе. Шишковъ обратился съ тѣми же жалобами и предостереженіями (15 января 1826 года) и къ императору Николаю [3]); но и на этотъ разъ его патріотическія заботы остались безплодны: «письмо сіе—замѣчаетъ онъ—не имѣло успѣха: Поповъ былъ оправданъ и награжденъ, а Муравьевъ-Апостолъ, по желанію его, отпущенъ милостиво въ чужіе краи» [4]).

---

[1]) Стр. 97.

[2]) Стр. 103—104, 113. Шишковъ особенно изумляется тому, что за Муравьева были даже Милорадовичъ, Васильчиковъ, Мордвиновъ. Его опроверженіе противъ Муравьева, читанное въ госуд. совѣтѣ, находится въ Зап., стр. 135—149.

[3]) Письмо къ имп. Николаю, въ Зап., стр. 118 — 123.

[4]) Поповъ, впрочемъ, не уцѣлѣлъ впослѣдствіи. Когда Татаринова, еще при императорѣ Александрѣ, была выслана изъ Инженернаго замка, она устроилась на дачѣ по царскосельской дорогѣ. Секта, въ которой Поповъ продолжалъ быть ревностнымъ адептомъ, пріобрѣтала послѣдователей, въ числѣ которыхъ извѣстенъ былъ Дубовицкій, человѣкъ очень богатый (отецъ покойнаго президента мед.-хирург. академіи). Наконецъ, жалобы дочерей Попова на тиранское обращеніе отца, принуждавшаго ихъ присоединиться къ сектѣ, открыли правительству ея существованіе. Татаринова и Дубовицкій разосланы были по монастырямъ; Поповъ сосланъ былъ въ Зилантовскій монастырь близъ Казани (В. Евр. 1867, т. IV, стр. 85). Въ «Сборникѣ» г. Кельсіева напе-

Такъ кончилось это дѣло. Оно любопытно не столько само по себѣ, — потому что самая книга Госнера, переведенная при участіи Попова, была не лучше и не хуже множества другихъ произведеній мистической литературы, католическаго и протестантскаго толка, переведенныхъ въ то время,—сколько потому, что въ немъ характеристически отразилось смутное состояніе общественныхъ и правительственныхъ тенденцій того времени. Историку, который ищетъ въ жизни движенія идей и между спорящими сторонами отдаетъ сочувствіе той, которая носитъ въ себѣ залогъ дальнѣйшаго развитія, мудрено выбрать здѣсь сочувственную сторону. И библейскіе дѣятели и ихъ противники могли выставлять свои логическія основанія, но на дѣлѣ обѣ стороны доходили до самыхъ странныхъ крайностей и самыхъ дикихъ нарушеній здраваго смысла: фанатизмъ и мистика Лабзина или Попова выходили ничѣмъ не лучше и не хуже фанатизма Фотія, и литературныя гоненія, произведенныя кн. Голицынымъ, совершенно равняются гоненіямъ, какія производилъ Шишковъ; Магницкій могъ быть, и былъ, одинаково другомъ и того и другого.

Дальнѣйшія дѣйствія противниковъ Библейскаго Общества убѣждаютъ въ этомъ еще больше.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(См. стр. 255)

Рукописи, о которыхъ мы упоминали въ текстѣ, находятся въ Публ. Библіотекѣ, по каталогу III, F. 45—46.

Первая, на 133 листахъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, заключающихъ въ себѣ полемику противъ масонско-библейскаго мистицизма. Статьи эти слѣдующія:

Л. 1—49. *Примѣчанія на книгу: «Наставленіе ищущимъ премудрости»*. Эта книга, какъ то указываетъ и авторъ этихъ «Примѣчаній», имѣетъ и другое заглавіе, именно: «Пастырское Посланіе къ истиннымъ и справедливымъ философамъ древней системы». Это есть переводъ книги: Hirten-Brief an die wahren und ächten Freymäurer alten Systems, 5785 (т. е. 1785), составляющей одну изъ главнѣйшихъ *орденскихъ* книгъ розенкрейцерства. Въ старыхъ рукописяхъ существуетъ не одинъ ея переводъ. Подъ именемъ «Наставленія» и пр. она была переведена или издана Лабзинымъ, Спб. 1806.—Авторъ «Примѣчаній» сурово обличаетъ и эту книгу и масонство; онъ называетъ каменьщиковъ «матеріалистами», «поругателями истинной вѣры», приписываетъ имъ революціонные умыслы и въ заключеніе предаетъ ихъ анаѳемѣ.

чатана «адамитская» пѣсня, съ именемъ этого Попова и Татариновой. Имя Попова привязывается къ происхожденію секты «скакуновъ», основанной на пріемахъ, подобныхъ тому, какъ было въ сектѣ Татариновой.

об. л. 49—96. *Безпристрастное мнѣніе православнаго христіанина о Сіонскомъ Вѣстникѣ 1817 года.* Авторъ приходитъ къ заключенію, что «Сіонскій Вѣстникъ, не взирая на обольстительное имя его, есть сочиненіе душепагубное, зловредное, злоумышленное и постыдное для временъ нашихъ.»

об. л. 96—116. *О книгопечатаніи.* Т. е. о печатаніи духовно-мистическихъ книгъ, которыя авторъ находитъ зловредными. По уставу 1804 г., эти книги должны бы издаваться не иначе, какъ съ разрѣшенія духовной цензуры; между тѣмъ, въ 1813—1816 годахъ много подобныхъ книгъ было напечатано по разрѣшенію одной гражданской цензуры. Эти книги—слѣдующія: «Жизнь Штиллинга», «Побѣдная Повѣсть», «Таинство Креста», «Объ истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей», «Мученики» (Шатобріана), «Вліяніе истиннаго свободнаго каменьщичества» (Плуменека), «Письма къ другу объ орденѣ свободныхъ каменьщиковъ», «Путь ко Христу» (Як. Бема) — всѣ эти книги впослѣдствіи и были формально запрещены, по стараніямъ Шишкова и митр. Серафима; на нѣкоторыя изъ этихъ книгъ доносилъ уже и Степанъ Смирновъ

об. л. 116—128. Статья безъ заглавія; на заглавномъ листѣ обозначено такъ: «Письмо о словѣ какого-то губернатора.» Дѣло идетъ о рѣчи одного губернатора, произнесенной при открытіи отдѣленія Библейскаго Общества. Авторъ негодуетъ, разсматривая, «что́ свѣтская особа провозглашаетъ съ каѳедры о предметахъ вѣры», и опять находитъ въ этомъ каменьщическія заблужденія, которыя и обличаетъ.

л. 129—133. *Слово на новый 1821 годъ.* Начин. «Естьли жизнь для насъ безцѣнное благо, естьли засыпая подъ сѣнію ночи съ радостію ждемъ утра» и проч.

Вся книга проникнута одной мыслью и наполнена полемикой противъ мистико-масонскаго вольнодумства.

Вторая рукопись, на 148 листахъ, заключаетъ въ себѣ одно сочиненіе (безъ сомнѣнія, того же самаго писателя, которому принадлежитъ и предыдущій сборникъ) подъ заглавіемъ:

Отозваніе души моей на книгу: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова».

Это «Воззваніе», о которомъ намъ придется упоминать дальше, было переведено однимъ изъ библейскихъ дѣятелей, названнымъ выше И. И. Ястребцовымъ, Спб. 1820, и было потомъ одной изъ наиболѣе обвиняемыхъ и преслѣдуемыхъ книгъ библейскаго мистицизма. Авторъ «Отозванія» отзывается на нее съ крайнимъ ожесточеніемъ. Книга «Воззваніе» названа переводомъ съ французскаго подлинника 1790 г., но первое изданіе ея указывается гораздо раньше, именно въ 1727 году. Критикъ сомнѣвается въ этомъ и находитъ, что предувѣдомленіе книги какъ будто писалъ не французъ, «а нѣкіе иной націи и притомъ позже того времени, нежели въ какомъ сказуется быть изданіе французскаго подлинника издателями онаго»,—потому что, по словамъ этихъ издателей, книга, вышедшая первоначально будто бы въ 1727 году, удивительнымъ образомъ предсказывала событія французской революціи. А по мнѣнію критика, этого сказать было нельзя въ 1790 г., потому что революція произошла только въ 1792.

По мнѣнію критика, книга заключаетъ въ себѣ прямое воззваніе къ революціи и продолжаетъ дѣло Вольтера. Она оскорбляетъ русское благочестіе: она призываетъ къ какой-то новой религіи послѣднихъ временъ, возставая противъ старой, т. е. противъ истиннаго христіанства, и вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ погубить цѣлыя царства въ случаѣ сопротивленія этой новой вѣрѣ послѣднихъ временъ.

Между прочимъ, критикъ приводитъ изъ «Воззванія» (стр. 114) одну фразу,

гдѣ находитъ открытое нападеніе на христіанскую религію, и выразивъ свое негодованіе, прибавляетъ: «Невольно приходятъ на мысль оныя слова Сіонскаго Вѣстника 1817 года: ««Тотъ кого нетерпѣливость влечетъ ударить ножемъ, да, молится: Господи, даруй сердцу моему твое терпѣніе! Будемъ, братья, ждать, пока Господь насъ на то воззоветъ, какъ воззвалъ Илію на побіеніе Вааловыхъ жрецовъ»» (Сіон. Вѣстн. 1817 года книжк. 4, стран. 44, строк. 3; стран. 45 строк 19. 20)».

Это мѣсто изъ «Сіонскаго Вѣстника» (въ статьѣ: «Бдите и молитеся»), по обычаю подобнаго рода комментаторовъ вырванное изъ контекста, не разъ подавало его противникамъ поводъ къ самымъ ужаснымъ обвиненіямъ. См. напр. въ отрывкахъ изъ Зап. Фотія, въ «Чтеніяхъ» 1868, кн. I, Смѣсь, стр. 263.

На л. 56 рукописи находятся: *Ученія новой вѣры послѣднихъ временъ, представленныя книгою «Воззваніе къ человѣкамъ»*, въ 33 пунктахъ. Критикъ выбираетъ изъ нея, по своему, зловредныя положенія мистической религіи, и затѣмъ—

На об. л. 59 идетъ по пунктамъ обличеніе, озаглавленное такъ: *Пагубы гангрены послѣднихъ временъ* (т. е. упомянутыя положенія) и рядомъ, en regard,— *Врачеванія отъ тука дому Божія,* слѣдующія до конца рукописи.

Въ заключеніе, говоритъ авторъ, «замѣтимъ, что дерзости крамольниковъ (т. е. библейскихъ мистиковъ) не должны нарушать довѣренности подданныхъ къ правительствамъ, хотя сіе-то и есть главнѣйшій предметъ вводителей странныхъ новизнъ, стремящихся къ разрушенію настоящаго порядка вещей. Предлежащія власти не имѣютъ потребы поддерживать ученіе богоотступничества и разврата, которое во-первыхъ устремляетъ стрѣлы свои именно на ихъ личность: ибо отступниковъ отъ всякаго закона, внемлющихъ точію необузданности сердецъ своихъ, кто и что удержитъ въ предѣлахъ повиновенія и вѣрности властямъ предержащимъ?

«И такъ вопли крамольниковъ и соблазны отступниковъ совершенно приписуя собственному ихъ самовольству, дерзаемъ во имя Господа Іисуса Христа надѣяться, что онъ, Богъ-Слово, во плоти пришедшій и ими толико поругаемый, яко державный побѣдитель ада, положитъ вскорѣ конецъ ихъ неистовствамъ.....

«А ты, Владычица вселенныя, божественная и препрославленная Вѣра отецъ нашихъ! Яви не обинуяся язвы на руку твоею, ими же уязвлена еси въ дому возлюбленнаго твоего россійскаго Израиля (Захар. гл. 13, ст. 6); яви язвы твои благодатному взору перворoccнаго сына твоего вѣнчаннаго и превознесеннаго, благочестивѣйшаго Вѣнценосца Россіи! Онъ державнымъ маніемъ своимъ упразднитъ стрѣлы супостатовъ твоихъ и утвердитъ колеблемыя огражденія Сіона твоего!»

Въ концѣ приписка: «Положено начало сему сочиненію 16-го августа 1820 года, въ день празднества Нерукотворенному образу Господа нашего Іисуса Христа, а окончано сіе сочиненіе того же года ноября 8-го дня, въ день Архистратига Михаила. Кто яко Богъ!»—Затѣмъ: «Переписано сіе 1823 года и Богу слава».

Обличенія написаны вообще въ томъ же духѣ, какъ всѣ другія, писанныя противниками Библейскаго Общества и его мистики: образчиковъ читатель найдетъ достаточно въ текстѣ. Эти обличенія (можетъ быть Фотіевы) любопытны, какъ предшествіе дальнѣйшихъ, уже оффиціальныхъ, нападеній на Библейское Общество и мистическую литературу, поднятыхъ Шишковымъ и митр. Серафимомъ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.*)

ЯМБЫ БАРБЬЕ

I.

СОБАЧІЙ ПИРЪ.

(Писано въ августѣ 1830 г.)

I.

Ложился солнца лучъ по городскимъ громадамъ
И плиты улицъ тяжкимъ зноемъ жегъ;
Подъ звонъ колоколовъ свистѣли пули градомъ
И рвали воздухъ вдоль и поперегъ.
Какъ въ морѣ валъ кипитъ, лучамъ покорный луннымъ,
Шумѣлъ народъ мятежною толпой,—
И пушекъ голосамъ зловѣщимъ и чугуннымъ
Пѣснь Марсельезы вторила порой.
Средь узкихъ улицъ здѣсь и тамъ мелькали
Мундиры, каски и штыки солдатъ,
И чернь, подъ рубищемъ храня сердца изъ стали,
Встрѣчала смерть на грудахъ баррикадъ;
Тамъ люди, сжавъ ружье рукой отъ крови склизкой,
Патронъ скусивши задымлённымъ ртомъ,
Что̀ издавать привыкъ лишь крики брани низкой,
Взывали: граждане, умремъ!

II.

Гдѣ-жъ были вы, тогда въ кокардахъ разноцвѣтныхъ,
Въ батистѣ тонкомъ, родины сыны,
Вожди бульварные, герои битвъ паркетныхъ,
Чьи лица женской красотой полны?
Чтò дѣлали вы въ день, когда средь страшной сѣчи
Святая «сволочь», бѣдняки, народъ
Подъ сабли и штыки, подъ пули и картечи,
Презрѣвши смерть, бросалися впередъ?
Въ тотъ день, когда Парижъ былъ полонъ чудесами,
Смотря тайкомъ на зрѣлище борьбы,
Отъ страха блѣдные, съ заткнутыми ушами,
Дрожали вы, какъ подлые рабы!

III.

О, это потому, что Вольность не маркиза,
Одна изъ тѣхъ великосвѣтскихъ дамъ,
Что падаютъ безъ чувствъ отъ каждаго каприза
И пудрятся, чтобъ свѣжесть дать щекамъ!
Нѣтъ, это женщина съ могучими сосцами,
Съ громовой рѣчью, съ грубою красой,
Съ огнемъ въ глàзахъ, проворными шагами
Ходящая предъ шумною толпой.
Ей любъ народа крикъ и вопль кровавой схватки,
И барабановъ боевой раскатъ,
И запахъ пороха, и битвы безпорядки,
И въ мракѣ ночи воющій набатъ!
Она лишь съ тѣмъ предастся сладострастью,
Тому простретъ объятія любви,
Кто черни сынъ родной, кто полонъ мощной властью,
Кто обойметъ ее рукой въ крови!

IV.

Дитя Бастиліи, топча ногою троны,
Горячей дѣвой къ намъ пришла она
И весь народъ пять лѣтъ, любовью распаленный,
Съ ней тѣшился безъ отдыха и сна!

Но ей наскучило быть грубыхъ ласкъ приманкой
    И сбросила она подъ громъ побѣдъ
Фригійскій свой колпакъ и стала маркитанткой,
    Любовницей капрала въ двадцать лѣтъ!
И вотъ теперь она, прекрасная, нагая
    Съ трехцвѣтнымъ шарфомъ, къ намъ опять пришла,
И слезы бѣдняковъ несчастныхъ отирая,
    Въ ихъ души силу прежнюю влила.
Въ три дня ея рукой низвергнута корона
    И брошена къ народу съ высоты,
Въ три дня раздавлено величье трона
    Подъ грудой мостовой плиты!

V.

И чтожъ? — О, стыдъ! — Парижъ великій и свободный,
    Парижъ, столь чудный въ гнѣвѣ роковомъ
Въ тотъ бурный день, когда грозы народный
    Надъ властью грянулъ безпощадный громъ;
Парижъ съ священными минувшаго гробами,
    Съ великолѣпіемъ печальныхъ похоронъ,
Со взрытой мостовой, съ пробитыми стѣнами —
    Подобіемъ изорванныхъ знаменъ;
Парижъ, обвитый лаврами свободы,
    Кому дивится съ завистію міръ,
Предъ кѣмъ съ почтеніемъ склоняются народы,
    Чье имя чтутъ какъ дорогой кумиръ, —
Увы! онъ нынѣ сталъ зловонной грязи стокомъ,
    Вертепомъ зла безстыднаго онъ сталъ,
Куда всѣхъ мерзостей чернѣющимъ потокомъ
    Сливается разврата мутный валъ;
Салонныхъ шаркуновъ онъ сдѣлался притономъ:
    Къ пустымъ чинамъ и почестямъ жадна —
Толпа ихъ бѣгаетъ изъ двери въ дверь съ поклономъ,
    Чтобъ выпросить обрывокъ галуна!
Торгуя честію и тѣша черни страсти,
    Въ немъ нагло ходитъ алчности порокъ,
И каждая рука лохмотьевъ павшей власти
    Окровавленный тащитъ клокъ!

VI.

Такъ издыхающій далеко отъ берлоги,
Сраженъ свинцомъ безжалостнымъ стрѣлка,
Лежитъ кабанъ; подъ жгучимъ солнцемъ ноги
Онъ вытянулъ и пѣна съ языка
Струится съ кровію.... Ужъ онъ не рветъ капкана,
Онъ замеръ въ немъ.... вздрогнулъ послѣдній разъ
И умеръ, пасть открывъ кровавую какъ рана....
И вотъ труба побѣдно раздалась:
Тогда, какъ волнъ ряды, собакъ свирѣпыхъ стая
Рванулась вдругъ и слышенъ тамъ и тутъ
Въ долинѣ рѣзкій гулъ ихъ смѣшаннаго лая,
Какъ будто псы пронзительно зовутъ:
Пойдемъ, пойдемъ! Кабанъ лежитъ сраженный въ полѣ,
Теперь насталъ побѣды жданный мигъ,
Насъ цѣпь охотника не сдерживаетъ болѣ,
Онъ нашъ, онъ нашъ! точите острый клыкъ!
И бросившись на трупъ въ порывѣ алчной злобы,
И когтемъ и клыкомъ готовая терзать,
Вся свора роется внутри его утробы
И каждый песъ спѣшитъ кусокъ урвать;
Чтобъ встрѣтившись потомъ на псарнѣ съ самкой жадной,
Открывъ въ крови дымящуюся пасть,
Ей бросить кость, издавши вой злорадный:
«Вотъ и моя въ добычѣ часть!»

В. Буренинъ.

ГРАФЪ МИРАБО

И

ЕГО ОТНОШЕНІЯ КО ДВОРУ.

(По новымъ извѣстіямъ).

Mémoires de Malouet, publiés par son petit-fils le baron Malouet, 2 vols. Didier. Paris. 1868.

Correspondances entre le comte de Mirabeau et le comte de la Marck, pendant les années 1789, 1790 et 1791. 3 vols. Paris. 1851.

Какъ ни громадна литература, возбужденная большою французскою революціею, но самое историческое слѣдствіе надъ этою эпохою не окончено до сихъ поръ, свидѣтели далеко еще не всѣ выслушаны, и къ числу такихъ новыхъ свидѣтелей нужно отнести Малуэ. Появившіеся недавно въ свѣтъ его «Мемуары», изданные внукомъ автора, и въ достовѣрности которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, — представляютъ собою весьма наглядное изображеніе, и весьма отчетливое, одной изъ любопытнѣйшихъ сторонъ, и вмѣстѣ мало освѣщенныхъ, общаго положенія дѣлъ во Франціи, въ послѣдній моментъ паденія стараго порядка. Малуэ, не думая въ своихъ мемуарахъ изобразить всего послѣдовательнаго хода революціи, сосредоточился главнымъ образомъ надъ разъясненіемъ потомству той задачи, которая составляла предметъ его собственной дѣятельности, въ бурный періодъ борьбы королевской прерогативы съ требованіями перваго національнаго

собранія (конституанты). Задача Малуэ состояла въ примиреніи, въ соглашеніи двухъ борющихся сторонъ, и она нѣсколько разъ видоизмѣнялась сообразно съ воззрѣніями Малуэ на данныя обстоятельства, въ свою очередь столь быстро измѣнявшіяся въ то время.

Основанная въ началѣ на надеждѣ взаимныхъ уступокъ, особенно со стороны роялизма, эта задача сводилась въ концѣ на боязливое стремленіе охранить роялизмъ отъ совершеннаго паденія, избавить самую династію отъ опасности. Въ высшей степени интереснымъ и поучительнымъ является обстоятельное ознакомленіе съ тѣмъ, какія средства предполагалось употребить для такихъ цѣлей, какія мѣры имѣлись въ виду и чрезъ какихъ людей искали ихъ осуществленія. Малуэ объяснитъ намъ, насколько еще возможно было сохраненіе стараго порядка, насколько зависѣло отъ его собственныхъ ошибокъ совершившееся паденіе, или насколько оно лежала въ сущности самыхъ обстоятельствъ, самаго содержанія той эпохи. Свидѣтельство Малуэ въ данномъ случаѣ является особенно интереснымъ: Малуэ нельзя заподозрить въ отсутствіи искренности — а это, конечно, главное условіе для свидѣтеля. Малуэ поражаетъ своей скромностью. Вопреки многимъ другимъ, писавшимъ о своей дѣятельности въ революціи и восхвалявшимъ свои неоцѣненныя заслуги, — Малуэ заботится не столько о себѣ и о томъ, какого мнѣнія будутъ о немъ, сколько о разъясненіи всего предпринятаго имъ сообща съ другими, съ цѣлью спасенія бурбонской монархіи. Изъ этого ясно, что Малуэ не думаетъ, подобно многимъ другимъ, хитрить и скрывать свое тайное участіе въ замыслахъ двора и его приверженцевъ; — онъ не носится неумѣстно съ именемъ свободы въ смыслѣ тогдашнихъ революціонеровъ; онъ прямо и наивно объявляетъ, что для него свобода являлась мыслимою и возможною только подъ ферулою бурбонской монархіи. Короче, Малуэ сознавалъ, что не ему выпала главная роль;—онъ желалъ спасенія монархіи, и, не бывъ самъ поставленъ въ положеніе спасающаго, онъ искалъ ей спасителей.

Съ другой стороны, онъ никогда не разыгрывалъ роли популярнаго революціонера, подобно Лафайету и другимъ; поэтому и въ мемуарахъ онъ можетъ говорить искренно и прямо, не оправдываясь ни въ чемъ, не обходя щекотливыхъ положеній и вопросовъ. — «Такъ какъ вполнѣ извѣстно — говоритъ онъ (т. I, стр. 297), что я не принадлежалъ ни къ какой интригѣ, ни къ какой партіи, что у меня было, можетъ быть, болѣе, чѣмъ у другихъ, путей къ наблюденію,—то я смѣю считать свое свидѣтельство имѣющимъ значеніе и не боюсь противоставить его

всему тому, что̀ я читалъ и слышалъ, всякимъ ложнымъ догадкамъ, лживымъ увѣреніямъ и бурнымъ страстямъ».

На первомъ планѣ, почти съ перваго же момента дѣятельности предпринятой Малуэ — является человѣкъ, неожиданно идущій ему на встрѣчу. Человѣкъ этотъ — Мирабо, загадочная личность котораго получаетъ совершенно новый свѣтъ при чтеніи мемуаровъ, — и наводитъ на цѣлый рядъ размышленій въ вопросѣ о паденіи бурбонской монархіи.

Загадочность, противорѣчія въ личности Мирабо вовсе не разрѣшаются еще тѣмъ, получалъ ли онъ деньги отъ двора и былъ ли онъ подкупленъ, продался ли онъ двору? Съ строгой точки зрѣнія, приговоръ исторіи произнесенъ надъ нимъ: человѣкъ, являвшійся адвокатомъ свободы, строгимъ противникомъ ея враговъ, въ то же время обращался къ видимому центру ея антагонистовъ и торговался келейнымъ образомъ. Изъ какихъ бы видовъ онъ ни поступалъ такъ, все же онъ одинаково осужденъ обѣими сторонами, какъ одинаково обманутыми. Но, помимо того представляется вопросъ иной важности, для сужденія объ общемъ положеніи этого перваго періода и разыгрывавшейся драмы; и въ вопросѣ этомъ двѣ стороны. Одна, относящаяся болѣе къ самой личности Мирабо и заключающаяся въ разъясненіи, насколько было искренне предложеніе Мирабо двору своихъ услугъ, насколько онъ дѣйствительно считалъ благомъ для Франціи служеніе двору и измѣну чрезъ то своему первому служенію свободѣ? Говоря иными словами, — насколько онъ былъ истинно преданъ благу своей страны и въ чемъ видѣлъ онъ такое благо? Отъ разрѣшенія этой стороны вопроса зависитъ сужденіе о честности, о политической нравственности и политическомъ геніѣ человѣка, безспорно, игравшаго громадную роль въ катастрофѣ, наполнявшаго молвою о себѣ не только всю Францію, но и всю Европу.

Другая сторона вопроса, тѣсно связанная съ первой, — насколько мѣры, предложенныя Мирабо къ спасенію отъ катастрофы — были возможны и дѣйствительны? Важность этого разъясненія указана выше. Мы здѣсь же можемъ заранѣе сказать, что эта послѣдняя сторона разрѣшается легче, нежели первая. Мы вполнѣ можемъ судить теперь о бывшей полезности или непригодности извѣстныхъ, предлагавшихся мѣръ, и мы все еще, не смотря на всевозможные новые документы, не можемъ утверждать вполнѣ положительно и опредѣленно о характерѣ посредничества Мирабо. Сомнѣніе и противорѣчія, очевидно, имѣвшія большое мѣсто и значеніе въ самой его личности, прорываются невольно въ историческое сужденіе о немъ. Тѣмъ не менѣе,

рядомъ съ опубликованной въ 1851 году перепиской Мирабо съ графомъ Ламаркомъ — записки Малуэ представляютъ одинъ изъ документовъ наиболѣе полно очерчивающихъ шаткую, полную колебанія роль Мирабо въ революціи.

I.

По своей бурной, страстной природѣ Мирабо былъ созданъ для борьбы. Его положеніе въ семьѣ, его отношенія къ отцу, строгому фамильному автократу старыхъ временъ, должны были сформировать и закалить его строптивый, непокорный нравъ. Живой и смѣлый, умный и буйный, онъ вызвалъ въ одномъ изъ заботившихся о немъ старцахъ очень оригинальную характеристику: «Этотъ юноша, господинъ аббатъ — чертовски живой; но онъ добрый юноша, у котораго ума столько же, сколько у трехъ тысячъ чертей, и, parbleu, это человѣкъ весьма смѣлый».

Отецъ полагалъ, что любитъ сына и именно потому неумолимо преслѣдовалъ его. Юношу наказывали за его самовольныя продѣлки, за его стремленіе къ независимости — ссылками и заточеніемъ; а онъ увозилъ изъ ссылки чужихъ женъ, укрывался въ вольную Голландію съ своей знаменитою Софіей и пробовалъ въ изгнаніи, каково бываетъ существовать труженическою, зарабатывающею себя жизнью. Его писанія и переводы, — для заработка — не пропали даромъ; онъ научился еще болѣе владѣть перомъ и языкомъ, которыми впослѣдствіи столь грозно платилъ своимъ врагамъ. И его долгое заключеніе въ крѣпости Винсенской не прошло даромъ. Далеко не все время посвящалъ онъ страстнымъ письмамъ своей Софіи; это тѣмъ болѣе вѣрно, что, какъ оказалось, самыя письма часто заимствовались влюбленнымъ узникомъ изъ разныхъ книжекъ.

Такимъ образомъ, насильственное одиночество давало ему много времени на размышленіе, и невольно должно было сосредоточивать его мысли на тѣхъ предметахъ, которые являлись ему причинами, источникомъ его произвольнаго заключенія. Въ его краснорѣчивомъ протестѣ противъ административнаго произвола, слышится голосъ человѣка слишкомъ прочувствовавшаго на себѣ, на своей личности все невыразимое оскорбленіе, всю жгучую обиду насилія; оттого-то этотъ протестъ и производилъ по всей Европѣ громадное впечатлѣніе, и былъ тяжелымъ камнемъ, брошеннымъ въ обличенное зданіе стараго порядка.

«Когда Богъ создалъ людей, онъ хотѣлъ, чтобъ они существовали; мы не можемъ существовать иначе, какъ удовлетворяя по-

требностямъ, которыя вложилъ въ насъ Творецъ нашего бытія; физическія способности, полученныя нами отъ него, очевидно, назначены для удовлетворенія нашимъ потребностямъ, а нашъ разумъ — для помощи этой работѣ, самопринадлежность, собственность нашей личности, — служитъ къ тому необходимымъ орудіемъ, потому-то эта собственность неотъемлема и священна; ее нельзя похитить, или лишить насъ ея, безъ уничтоженія насъ: покуситься на это право, значитъ покуситься на нашу жизнь, которую Богъ беретъ отъ насъ, когда ему угодно, чтобъ мы лишились ея. Такимъ образомъ, законъ собственности или, что тоже самое, законъ свободы есть законъ божественный». (Des lettres de cachet).

Гоненіе на Мирабо и его борьба перенеслись съ семейной среды на арену дворянской касты, не хотѣвшей терпѣть въ своей средѣ свободолюбиваго оратора. Только Мирабо отплатилъ своей кастѣ гораздо жестче, чѣмъ своей семьѣ. Каста не знала, какого врага раздражала; а Мирабо, становясь все смѣлѣй и рѣзче на неуклонномъ пути своей непрестанной борьбы, только окончательно увидѣлъ всю немощь, всю затхлость своей касты, и, отрѣшившись отъ нея, явился на созванные Генеральные Штаты въ качествѣ представителя третьяго сословія, — общинъ, служившихъ въ то время выраженіемъ народной воли и требованій. И первое, грозное заявленіе этой воли — возвратить самой странѣ право устроивать свою судьбу, — первый торжественный протестъ въ собраніи противъ произвола роялизма сказался громовымъ голосомъ Мирабо [1]).

Но если часто передовые люди томятся медленностью событій, не идущихъ съ достаточной быстротой впередъ по пути ихъ надеждъ и желаній, то съ другой стороны, когда наступаютъ исключительныя, разрушительныя и въ то же время творческія эпохи, — то событія, совершающіяся въ нихъ, оставляютъ далеко позади себя даже тѣхъ, которые жаждали и призывали ихъ, которые служили ихъ подготовкѣ, но которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могли представить себѣ въ конкретномъ, жизненномъ выраженіи того, о чемъ они мечтали въ идеальной формѣ. Это жиз-

---

[1]) Въ королевскомъ засѣданіи Собранія, 23-го іюня 1789 года, когда послѣ ухода короля церемоніймейстеръ Горезе явился съ требованіемъ, чтобъ собраніе разошлось, Мирабо отвѣчалъ: «Идите сказать тѣмъ, кто послалъ васъ, что мы собраны здѣсь по волѣ народа, и что мы не разойдемся иначе, какъ разогнанные штыками!» Слова эти были часто ошибочно измѣняемы въ выраженіяхъ: «Идите объявить *вашему господину*, т. е. Лудовику XVI-му», какъ будто бы Мирабо хотѣлъ противопоставить волю народа волѣ короля. Но это не болѣе, какъ риторическое украшеніе, и Мирабо, бывъ монархистомъ, не думалъ произносить подобной фразы.

ненное выраженіе пугаетъ самые сильные умы своей новизной, своимъ негаданнымъ теченіемъ: бурное и своевольное,—оно идетъ иначе и даже въ разрѣзъ съ предполагавшимся въ умѣ плавнымъ и мирнымъ теченіемъ. — Такое размышленіе должно примѣнить къ весьма многимъ, къ большей части быстро смѣнявшихся дѣятелей французской революціи.

Поворотъ, отступленіе назадъ, такъ сказать психологическая реакція свойственна большей части актеровъ великой драмы. Такъ было съ Неккеромъ и Лафайетомъ прежде всего; такъ было съ друзьями Малуэ — каковъ Мунье, и съ самимъ Малуэ; такъ позже то же явленіе повторяется съ ярымъ въ началѣ Барнавомъ и его единомышленниками — либеральными конституціонистами; также произошло позже съ жирондистами, — то же наконецъ должно было постигнуть неутомимаго соперника ихъ, — Робеспьера и его сподвижниковъ. Всѣ они устаютъ, останавливаются въ недоумѣніи предъ своимъ дѣломъ; всѣми ими охватываетъ въ извѣстную минуту дрожь и овладѣваетъ ужасъ, — подобно тому, какъ случилось съ главнымъ, почти автоматическимъ прокуроромъ гильотины, — съ публичнымъ обвинителемъ Фукье - Тенвилемъ, когда онъ осклабился и зашатался, увидя предъ собою, при переходѣ моста чрезъ Сену, окровавленныя тѣни казненныхъ имъ! — Можетъ быть, было бы вѣрно видѣть причину такого явленія—въ неопредѣленности, въ мало сознанной ясности ихъ общей задачи; — мы ограничиваемся указаніемъ на фактъ и, обращаясь къ Мирабо, находимъ и въ немъ слишкомъ громкое подтвержденіе такой реакціонной перемѣны въ отношеніи къ революціи и ея ходу.

Появленіе голодной толпы женщинъ въ Версали 5-го и 6-го октября 1789 г., вторженіе ихъ въ залу національнаго собранія и въ залы дворца — повело къ пріобрѣтенію королевской фамиліей двухъ знаменитыхъ адвокатовъ предъ разъяреннымъ народомъ: народъ увидѣлъ на балконѣ Лафайета, цѣлующаго руку оскорбленной Маріи-Антуанеты; женщины услышали суровый голосъ Мирабо, попрекавшаго ихъ за шумъ и вторженіе. — Первая встрѣча лицомъ къ лицу съ массою, съ народомъ въ дѣйствительности, а не въ мечтаніи, сильно пошатнула краснорѣчиваго трибуна. Не смотря на то, что народная толпа такъ же терпѣливо выслушала брань своего любимца, какъ и простодушно умилилась галантности Лафайета, — Мирабо, повидимому, почувствовалъ сильный страхъ предъ неожиданнымъ появленіемъ незванной депутаціи изъ самого народа. Современники и историки приписываютъ Мирабо большую политическую прозорливость: «Мирабо — говоритъ Малуэ, — былъ, можетъ быть, единственнымъ

человѣкомъ, которому революція представлялась съ самого начала въ ея истинномъ смыслѣ: въ смыслѣ полнаго, общаго переворота». А такого переворота Мирабо вовсе не желалъ. Въ то время, предъ тѣми людьми еще не было того опыта, который они же сами завѣщали слѣдующимъ поколѣніямъ,—революція въ то время была явленіемъ небывалымъ, потому что, не смотря на иллюзіи нѣкоторыхъ англомановъ, очевидно было только одно,—что революція на континентѣ, и прежде всего во Франціи, пойдетъ другимъ путемъ, чѣмъ въ Англіи за вѣкъ передъ тѣмъ [1]), и этотъ-то иной путь, полный неизвѣстности, устрашалъ даже такіе сильные умы и такія страстныя бурныя натуры, какъ Мирабо.

Мирабо, какъ и другіе, въ первые годы революціи жаждалъ свободы, но подъ нею разумѣлось освобожденіе отъ административнаго произвола и поставленіе, на мѣсто его, представительства, легальности, опредѣленнаго узаконенія всѣхъ мѣръ и всего вмѣшательства власти, чрезъ избирательное представительство. Но въ такомъ стремленіи не было и тѣни борьбы противъ самого принципа королевской власти, и тѣмъ людямъ свобода не представлялась иначе, какъ въ связи съ королевской властью, подъ ея сѣнью и покровомъ. Только позже, при упорствѣ двора, при тѣхъ открытыхъ и тайныхъ поступкахъ его, которые считались самими партизанами его за ошибки, усложнявшія сохраненіе королевской неприкосновенности, стали образовываться и искать сплоченія различныхъ партій, на которыя раздробились депутаты.

Между двумя крайними партіями, между людьми, которые видѣли гибель феодальнаго роялизма въ малѣйшей уступкѣ требованіямъ національнаго представительства, и между людьми, которые стали считать неизбѣжнымъ и необходимымъ полное паденіе феодальнаго роялизма, даже въ конституціонной формѣ,—стояли среднія партіи, партія конституціонистовъ, льстившихъ себя надеждою склонить роялизмъ на искреннее принятіе своихъ конституціонныхъ началъ, и партія людей разочаровавшихся въ своихъ мечтаніяхъ о мирно шествующей свободѣ и готовыхъ употребить рѣшительно всякія мѣры для того, чтобъ спасти династію и ея прерогативы, чтобъ повернуть движеніе обратно, чтобъ произвести искусственно *контръ-революцію*. А для этого требовалось заставить народъ забыть все недовѣріе, вызванное дворомъ, возбудить къ нему вѣру и исключительную надежду на него, вза-

---

[1]) Въ этомъ сознается даже Малуэ: «Je ne voyais dans l'histoire d'aucun peuple rien d'analogue à ce qui se préparait... (I, 294).

мѣнъ возлагавшейся народомъ на національное собраніе, которое слѣдовало бы представить въ невыгодномъ свѣтѣ разрушителя и виновника всѣхъ народныхъ бѣдъ.

Къ злополучнымъ и неблагонадежнымъ качествамъ этой послѣдней партіи относилось, конечно, то неудобство, что къ ней примыкали люди безъ всякихъ принциповъ, предлагавшіе просто свое участіе и служеніе за минутныя почетныя отличія, или денежныя вознагражденія. И съ такой партіей связаны имена Малуэ и Мирабо. Мы можемъ основательно думать, что самыя грозныя выходки съ трибуны собранія совершались Мирабо, столько же вслѣдствіе несдержаннаго темперамента, сколько и вслѣдствіе систематическаго намѣренія устрашить дворъ, подѣйствовать на короля и окружающихъ его совѣтниковъ способомъ устрашенія, для вызова уступокъ либерализму. Точно также въ соображеніе Мирабо могло входить исканіе и пріобрѣтеніе своими грозными рѣчами популярности: популярность должна была придавать его личности блескъ и силу, къ которой дворъ отнесся бы съ уваженіемъ, съ которой дворъ нашелъ бы полезнымъ считаться. На такія предположенія наводитъ насъ все поведеніе Мирабо уже въ первое время; позже могли прибавиться другія побужденія у Мирабо, и объ нихъ рѣчь впереди. Теперь же остановимся на весьма любопытномъ разсказѣ Малуэ о первой попыткѣ Мирабо къ сближенію съ властью и къ союзному дѣйствію.

Разсказъ относится къ іюню 89 г., за нѣсколько времени до торжественной клятвы въ залѣ Мяча (serment du jeu de Paume). Къ Малуэ явились съ визитомъ два женевца, секретари Мирабо, изъ которыхъ одинъ Дюмонъ—извѣстенъ интересными воспоминаніями о Мирабо [1]), и выразили ему желаніе Мирабо повидаться для серьезнаго дѣла. Малуэ не любилъ буйнаго оратора; онъ считалъ его причастнымъ ко всѣмъ конспираціямъ и коznямъ противъ спокойствія власти, которое для Малуэ означало тоже самое, что и вообще общественное спокойствіе. Малуэ былъ немало удивленъ такимъ шагомъ къ сближенію и рѣшился повидаться съ Мирабо на нейтральной почвѣ, въ квартирѣ Дюмона. Еще болѣе возрасло удивленіе Малуэ, когда предъ нимъ предсталъ самъ Мирабо и, сразу приступивъ къ дѣлу, заговорилъ неожиданнымъ для Малуэ языкомъ. «Ваши мнѣнія — пояснялъ Мирабо свое поведеніе—которыя болѣе близки къ моимъ чѣмъ вы думаете, побуждаютъ меня къ моему поступку. Я знаю, что вы одинъ изъ благоразумныхъ друзей свободы, и я самъ такой же; вы устрашены тѣми бурями, которыя собираются надъ нами,

---

1) *Dumont.* Souvenirs sur Mirabeau.

и я самъ не менѣе васъ; между нами находится не одна горячая голова, не одинъ опасный человѣкъ. Въ первыхъ двухъ сословіяхъ, въ аристократіи, все, что владѣетъ умомъ, лишено вмѣстѣ съ тѣмъ всякаго здраваго смысла; а между глупцами я знаю многихъ, способныхъ бросить огонь въ порохъ. Надо рѣшить и знать, перенесутъ ли монархъ и монархія бурю, которая готовится, или же, сдѣланныя ошибки и тѣ, которыя, конечно, будутъ сдѣланы еще — поглотятъ насъ всѣхъ?»

Цѣлью свиданія была просьба къ Малуэ объ устройствѣ совѣщанія между Мирабо и двумя главными министрами — Неккеромъ и Монмореномъ: «Я не люблю ни того, ни другого—объяснялъ Мирабо прямо—но это для меня все равно, лишь бы мы могли понять другъ друга. Я желаю знать ихъ намѣренія; у нихъ долженъ быть цѣлый планъ принятія или оппозиціи извѣстнымъ началамъ, и если такой планъ разуменъ для монархичеекаго порядка, я обязуюсь поддерживать его всѣми средствами и всѣмъ вліяніемъ моимъ, чтобъ помѣшать вторженію демократіи, которая напираетъ на насъ... Намъ не нужно болѣе общихъ фразъ; я требую отъ министровъ опредѣленнаго плана дѣйствій; иначе, если они хотятъ шутить съ нами и провести насъ, они всегда найдутъ насъ готовыми къ борьбѣ».

Конференцію съ министрами было устроить не совсѣмъ легко. Они считали Мирабо политическимъ интриганомъ, для котораго нѣтъ ничего святого, ни своего обѣщанія, ни даже министерскаго сана, который способенъ только осмѣять ихъ и не окажетъ никакой помощи. Напыщенное тщеславіе и самообожаніе Неккера не хотѣло признать силы въ комъ-либо другомъ; онъ воображалъ себя призваннымъ спасителемъ монархіи даже и тогда, когда встрѣтился лицомъ къ лицу съ представителями общественныхъ требованій, удовлетворенія которымъ бурбонская монархія не хотѣла и не могла дать. Обольщенный мнимымъ, эфемернымъ успѣхомъ своихъ искусственныхъ займовъ, Неккеръ воображалъ, что съумѣетъ справиться съ генеральными штатами и устроить ихъ по своему, разными искусственными продѣлками, въ которыхъ онъ могъ доходить до крайне смѣшного и нелѣпаго. Такъ, чтобъ удержать депутатовъ трехъ сословій отъ безразличнаго соединенія, котораго требовало третье сословіе, и отъ котораго отказывались первыя два, Неккеръ хотѣлъ прибѣгнуть къ извѣстному разрушенію громадной залы, въ которой могли свободно помѣститься всѣ три сословія и множество зрителей; такъ, позже, въ нерѣшительности, какъ поступить съ штатами, разогнать ли ихъ прямо или употребить средства для подчиненія ихъ безусловной волѣ двора—придумывается такая жал-

кая мѣра, какъ закрытіе залы (20-го іюня 89 г.), подъ предлогомъ необходимаго приготовленія для убранства залы, для королевскаго сеанса, назначеннаго на 23-е іюня. А именно это приготовленіе едва не повело къ тому, что королевскаго сеанса вовсе не понадобилось бы! Оскорбленные насиліемъ депутаты укрылись отъ дождя въ старинной залѣ игры Мяча (jeu de Paume) и произнесли знаменитую клятву—не расходиться до установленія свободной конституціи во Франціи, въ силу народнаго порученія, обязавшаго ихъ, при избраніи въ депутаты, благоустройствомъ страны.

Понятно, что люди, обрекавшіе себя на изобрѣтенія жалкихъ преградъ для остановки шедшей имъ на встрѣчу могучей силы, не могли быть способны трезво отнестись къ новому положенію вещей, признать въ немъ явленіе въ высшей степени серьезное, требующее къ себѣ и отношенія серьезнаго, и широкаго пониманія. Въ то время, какъ Неккеръ полагался самоувѣренно на свои обычные пріемы, которые никогда не представляли изъ себя цѣлостной системы, Мирабо считалъ необходимымъ установленіе положительной опредѣленности во взаимныхъ отношеніяхъ между властью, оказавшеюся несостоятельною и представительствомъ, заявлявшимъ себя требовательнымъ, не смотря на свою разрозненность и неясное сознаніе: чего именно и въ какой формѣ можетъ оно требовать отъ высшей власти.

Теперь, зная прошедшее, мы могли бы сказать, что въ сущности конечно никакой планъ, никакое опредѣленное поведеніе, никакая система реорганизаціи сверху, при скромной помощи представительства не были возможны, и феодальная монархія была осуждена на паденіе своей собственной немощью. Но тогда, при началѣ генеральныхъ штатовъ, разъ, что иниціатива являлась офиціяльною, власть тѣмъ самымъ принимала на себя самое всю отвѣтственность за дальнѣйшее веденіе дѣла, и требованіе Мирабо опредѣленности и извѣстности казалось столь же трезвымъ и реальнымъ, сколь ложною и тщетною надежда Неккера съумѣть господствовать надо всѣмъ, при помощи тѣхъ или другихъ случайныхъ мѣръ.

Въ 8 часовъ утра 11 іюня, Мирабо всходилъ по лѣстницѣ главнаго министра. Неккеръ встрѣтилъ Мирабо съ своей обычной аффектаціей, съ своей величаво-натянутой осанкой. Они поклонились молча и измѣрили другъ друга. Мирабо приступилъ прямо и просто къ дѣлу: «Г. Малуэ увѣрилъ меня, что вы поняли и сочувствуете побужденію того объясненія, которое я желаю имѣть съ вами». — «Г. Малуэ — прервалъ его Неккеръ своимъ искусственно вѣжливымъ голосомъ, — г. Малуэ сказалъ мнѣ, что

вы хотите сдѣлать мнѣ предложенія: какія это *предложенія*»? Холодный и вопросительный тонъ, самое слово «предложенія», которое звучало металлическимъ смысломъ, — взорвали Мирабо. Онъ всталъ быстро съ мѣста, едва сдерживая свой гнѣвъ, свое оскорбленіе, и произнесъ министру въ поученіе свой лаконическій отвѣтъ: «Мое *предложеніе* состоитъ въ томъ, чтобъ пожелать вамъ добраго утра». И съ этими словами повернулся и оставилъ министра, изумленнаго неожиданнымъ и быстрымъ исходомъ объясненія. Не менѣе лаконично было сообщеніе Мирабо объ этомъ свиданіи Малуэ: еще разгоряченный, весь красный отъ негодованія, Мирабо перелѣзъ въ собраніи черезъ скамью и, подойдя къ Малуэ, проговорилъ: «Вашъ Неккеръ — дуракъ, онъ еще узнаетъ обо мнѣ (Votre homme est un sot, il aura de mes nouvelles)...»

Такъ кончилась первая попытка къ сближенію. Ея неудачѣ умѣренные роялисты, каковымъ былъ тогда Малуэ, приписываютъ неизмѣримое зло въ дѣлѣ паденія монархіи. «Напрасно — говоритъ Малуэ — Неккеръ имѣлъ простоту полагать, что Мирабо является къ нему за полученіемъ нѣсколькихъ тысячъ ливровъ для исполненія его приказаній. Мирабо не былъ человѣкомъ, который сталъ бы продаваться подло и пошло. Онъ любилъ свободу столько же по интересу, по разсчету, сколько и по страсти».

II.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ первой попытки, и обстоятельства измѣнились. Мы пополнимъ свѣдѣнія Малуэ другими источниками, изъ которыхъ узнаемъ, что Мирабо очень удачно перемѣнилъ свою тактику, и вмѣсто того, чтобъ стать сообщникомъ министровъ, рѣшился вступить въ прямое сношеніе съ королемъ, стать его тайнымъ совѣтникомъ, посредствомъ корреспонденціи и помощи одного изъ приближенныхъ при дворѣ.

Въ сентябрѣ того же 89 года, Мирабо явился разъ рано утромъ къ графу Ламарку [1]) съ весьма озабоченнымъ видомъ:

«Другъ мой, отъ васъ зависитъ оказать мнѣ большую услугу. Я не знаю, что дѣлать, у меня нѣтъ ни гроша, одолжите мнѣ сколько-нибудь». Ламаркъ отдалъ ему бывшіе у него 50 золо-

---

[1]) Извѣстный до 1790 г. подъ именемъ графа Ламарка, а потомъ принявшій наслѣдственный титулъ князя д'Аренберга; онъ умеръ только въ 1833 г. и завѣщалъ своему другу, Бакуру, свою знаменитую корреспонденцію съ Мирабо, которою мы и пользуемся здѣсь.

тыхъ. Мирабо былъ очень благодаренъ: «Я не знаю когда я ихъ вамъ отдамъ; я еще и думать не успѣлъ о наслѣдствѣ отца, а ужъ родные затѣваютъ процессъ со мной». Этими нѣсколькими словами опредѣлялось все финансовое положеніе Мирабо, вѣчно съ большими требованіями, съ неумѣніемъ ограничиваться скромной жизнью, съ увлеченіемъ роскошью, пиршествомъ и нѣгою, и потому вѣчно попадавшаго въ нужду и долги. Этою ли сценою, или другими разговорами былъ наведенъ Ламаркъ на мысль воспользоваться Мирабо для служенія двору и его цѣлямъ, — во всякомъ случаѣ Ламаркъ, пользовавшійся благосклонностью королевы, указалъ Маріи Антуанетѣ на возможность полезнаго пріобрѣтенія. «О, воскликнула гордая австрійка, — я надѣюсь, мы никогда не будемъ столь несчастны, чтобъ быть вынужденными тяжелою крайностію — обратиться за помощью къ Мирабо».

Но событія 5 и 6 октября пошатнули отношенія всѣхъ другъ къ другу; — съ одной стороны гордости и спѣсивости королевы нанесенъ былъ жестокій ударъ въѣздомъ плѣнницей въ Парижъ, по хотѣнію и настоянію голодной толпы; съ другой стороны, пошатнулась въ тѣ дни смѣлость Мирабо; онъ увидѣлъ впереди кровавую гибель многихъ; октябрьскія сцены явились ему прообразомъ народнаго мщенія и негодованія, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, соединиться съ королевской фамиліей, съ цѣлью, при ея помощи, подъ ея прикрытіемъ провести свои планы, сводившіеся въ то время на уничтоженіе произвола и его орудій, на ограниченіе королевской власти опредѣленнымъ закономъ, на уничтоженіе феодальныхъ привилегій и сословныхъ злоупотребленій. Въ этомъ видѣлъ Мирабо весь предметъ, все содержаніе революціи. Позже онъ измѣнилъ и такому взгляду, и его политика, какъ увидимъ, сосредоточилась только на удержаніи отъ паденія бурбонской династіи какими бы то ни было средствами, цѣною какихъ бы то ни было покушеній на завоеванія, добытыя свободою съ его же помощью. Если восклицаніе Маріи Антуанеты было гордое и надменное при тогдашнихъ обстоятельствахъ, то пророчество, вызванное у Мирабо тѣми же обстоятельствами, было тѣмъ болѣе мрачно и трагично, чѣмъ скорѣе суждено было ему сбыться: «О чемъ думаютъ эти люди, — говорилъ взволнованный Мирабо устрашенному Ламарку, — неужели они не видятъ, какъ земля ускользаетъ изъ-подъ ихъ ногъ, какъ подводятся мины подъ нихъ? Все потеряно! и король и королева погибнутъ, вы увидите это; и чернь будетъ бить ихъ трупы! и мы всѣ погибнемъ».

Мирабо добился, наконецъ, того, что его, повидимому, захотѣли слушать. Пятнадцатаго октября 1789 г. онъ адресуетъ

прямо королю свою первую записку, по поводу тревогъ и безпокойствъ, возбужденныхъ въ королевской фамиліи 5-мъ и 6-мъ октября. Въ этой запискѣ Мирабо настаивалъ на необходимости для королевской фамиліи оставаться въ самой Франціи, и не укрываться въ какое-либо укрѣпленіе подъ защиту иностранныхъ штыковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, не считая Парижъ безопаснымъ, онъ предлагалъ королю удалиться въ Руанъ, призвать къ себѣ національное собраніе, и въ торжественной прокламаціи объявить себя рѣшительнымъ врагомъ деспотизма и вѣковыхъ злоупотребленій, признавая за народомъ политическія права и утверждая начала новой конституціи. Главная же мысль, проведенная чрезъ всю записку, заключалась въ совѣтѣ королю соединиться, во что бы то ни стало, прямо и непосредственно съ народомъ, чтобъ опереться на преданность народа, для уничтоженія всѣхъ непокорныхъ партій, назойливаго дворянства и корыстолюбиваго духовенства. Подобный совѣтъ, конечно, имѣлъ въ виду вовсе не безотносительное благо народа, а прежде всего снисканіе и возвращеніе роялизму прежней силы; въ этомъ совѣтѣ уже крылся зародышъ того новаго макіавелизма, который Мирабо мастерски изобразилъ позже, предлагая его монархіи. Но, въ то время люди были неопытны, и, по справедливому заключенію Кине, Лудовикъ XVI-й не умѣлъ пользоваться тѣми пріемами и способами, съ которыми такъ искусно управлялись властелины послѣдующаго времени, мудрые кровавымъ опытомъ французскаго переворота.

Дворъ отвергъ предложеніе Мирабо, совѣщанія на этомъ и порвались и возобновились только позже, нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Сношенія происходили теперь чрезъ министровъ, но на этотъ разъ вполнѣ удачно: Неккеръ не игралъ уже важной роли, министръ Монморенъ встрѣтился съ Мирабо у ихъ общаго друга Ламарка, и чрезъ него шли слѣдующія за тѣмъ сообщенія и посланія къ королю. Вторая записка относится къ маю 1790 г. Но сколь быстро шли событія, можно судить потому, что въ этотъ разъ Мирабо уже не навязывалъ совѣта, — у него сами просили помощи и ободренія; онъ чувствовалъ это, и голосъ его становился тверже, хоть не надолго. «Желаніе возстановить монархію на прежнихъ началахъ, разрушенныхъ революціей, представило бы предпріятіе свыше человѣческихъ силъ.... Контръ-революція была бы столь же опасною и неполитичною, какъ и преступною».... Мирабо объявляетъ, что онъ вовсе не намѣренъ защищать невозможнаго, и то, чего онъ хочетъ — это измѣненія, возрожденія монархіи, для того, «чтобъ достигнуть формы правленія болѣе или менѣе подобной той, которая возвела Англію

на апогею ея могущества и славы». Желая склонить короля къ своему воззрѣнію, Мирабо указываетъ ему выгоды, пріобрѣтенныя монархической властью при помощи революціи: «До нынѣшней революціи власть королевская была несовершенною, ибо не была основана на законахъ; недостаточною и неполною, ибо опиралась болѣе на вооруженную силу, чѣмъ на общественное мнѣніе; шаткою, ибо революція, всегда готовая вспыхнуть, была способна ниспровергнуть ее. Король былъ принужденъ жаловать дворянство, договариваться съ духовенствомъ, входить въ соглашенія съ парламентами, надѣлять дворъ щедротами; у него было не болѣе, какъ и теперь, абсолютной власти, которая вообще нигдѣ не существуетъ.... Король одинъ постановлялъ налоги: и то было однимъ изъ затрудненій, однимъ изъ источниковъ распри между нимъ и народомъ. Развѣ онъ будетъ менѣе могущественъ, когда будетъ даровать народу благодѣянія въ отвѣтъ на преданность?... Установляя отвѣтственность министровъ, національное собраніе освятило непогрѣшимость короля.... Цѣлыя царствованія абсолютнаго правленія не сдѣлали бы столь много для королевской власти, сколько этотъ одинъ годъ свободы».

Скоро представился Мирабо случай убѣдить короля на фактѣ въ преданности своего служенія. Въ національномъ собраніи шелъ вопросъ, вѣчный вопросъ, тревожный вопросъ, и до сихъ поръ остающійся во Франціи самымъ существеннымъ вопросомъ въ распрѣ между стремленіями власти къ произволу и стремленіями страны къ обезпеченному спокойствію,—вопросъ о правѣ войны и мира: кому принадлежитъ это право, кто рѣшаетъ за страну, будетъ ли она ввергнута въ бѣдственное кровопролитіе или оставлена идти ненарушимо путемъ мирнаго всесторонняго развитія? Для французовъ тотъ вопросъ означалъ особый, опредѣленный смыслъ, въ тѣсной связи съ великою борьбой эпохи: для французовъ оставленіе иниціативы войны въ королевскихъ прерогативахъ—равнялась гибели добытыхъ вольностей, закланію революціи.

Пятьдесятъ тысячъ народу толпилось вокругъ Тюльери, на Вандомской площади, на улицѣ Сентъ-Оноре,—въ лихорадочномъ ожиданіи рѣшенія собранія. Глухой ропотъ вылетѣлъ изъ собранія и пронесся по тысячной толпѣ, и потомъ быстро смѣнился въ озлобленный гулъ и въ яростные крики негодованія: Мирабо, народный любимецъ, «нашъ графъ Мирабо», какъ звали его женщины, Мирабо отвергнутый, выброшенный изъ своей среды и поднятый, вскормленный и возвеличенный революціею, за служеніе свободѣ, Мирабо торжественно «предалъ ее», и предалъ ее «какъ Іуда», думая, что она и сама не замѣтитъ этого! Игра

оказалась опасною! Мирабо еще не кончилъ своего адвокатства въ пользу феодальнаго роялизма, за удержаніе иниціативы войны за королемъ, какъ уже въ отвѣтъ ему неслись съ улицы угрозы — веревки и пистолеты! «Открытіе великаго предательства графа Мирабо» —кричали на другое утро мальчишки и разносчики брошюръ и памфлетовъ. Мирабо сохранилъ, однако, спокойствіе, и къ этому случаю относятся его знаменитыя слова: «Мнѣ не надо было этого урока, чтобъ знать, какъ близко отъ Капитолія до Тарпейской скалы!»

III.

Съ Мирабо произошло то, что происходитъ въ большей части подобныхъ случаевъ. Разъ вступивъ на скользкій путь, онъ все болѣе сталъ утрачивать ясное пониманіе и общаго положенія и своего личнаго; онъ все ошибочнѣе сталъ относиться къ общественной силѣ, къ силѣ общественнаго движенія, и къ своей личной силѣ,—къ силѣ своего вліянія на общее положеніе дѣлъ. Онъ выигралъ дѣло роялизма въ національномъ собраніи, въ вопросѣ о войнѣ, и забылъ, какое пораженіе наносилъ себѣ въ общественномъ мнѣніи, въ средѣ собранія, въ народной молвѣ. Онъ перенесъ свои соображенія и помыслы на иную арену, на арену двора и министерства, и утратилъ истинное мѣрило силы въ революціи. Такое увлеченіе и ослѣпленіе съ его стороны тѣмъ болѣе было неосновательно, что даже дворъ и династическіе представители его,—люди, которые никогда не помышляли о народѣ и о его значеніи, которые никогда не принимали въ разсчетъ народнаго элемента въ борьбѣ, которые, слѣдовательно могли остановиться на Мирабо, какъ на силѣ, вслѣдствіе его побѣды въ собраніи, тѣ люди вовсе не увлекались имъ до конца и вовсе не отдавали своей судьбы довѣрчиво въ его руки. Крайне характеристично рисуетъ это взаимное отношеніе двухъ сторонъ, сошедшихся на тайный союзъ—свиданіе Мирабо съ Маріей Антуанетой. Они встрѣтились (3-го іюля 1790 г.) тайно отъ любопытныхъ взоровъ и злыхъ языковъ въ великолѣпномъ саду Сенъ-Клу (St.-Cloud), въ одномъ изъ его отдаленныхъ угловъ, въ уединенной бесѣдкѣ. Странное, полное смущенія свиданіе! Могли ли они думать о возможности тайной встрѣчи,—она, которая долго считала его скрытымъ участникомъ октябрьскихъ сценъ [1]); онъ, который громилъ династію въ своихъ филиппикахъ

[1]) Мирабо дѣйствительно содѣйствовалъ, въ большей или меньшей степени, воз-

противъ двора! Время измѣнило положеніе и свело ихъ для обсужденія общей взаимной безопасности. Измѣнило время и ихъ самихъ. Ей всего тридцать пять лѣтъ, но уже волосы бѣлѣютъ сѣдиною: болѣзнь унесла у нея ребенка, въ то время какъ иная болѣзнь уносила ея корону; ея стройный высокій станъ не погнулся еще и не сбросилъ съ себя, какъ позже, пышнаго наряда, но въ ея поступи уже болѣе сдержанности, чѣмъ надменности; беззаботное выраженіе ея смѣлаго лица помрачилось слѣдами тревожныхъ думъ; въ ея гордой рѣчи слышится срывающаяся нота оскорбленнаго достоинства и едва скрытаго уничиженія; ея глаза, полные тяжелой мысли и борющагося чувства, вовсе не сухи, а только осушены, и не одна безсонная ночь выпала имъ на долю въ этотъ годъ и не одинъ кружевной платокъ смочили они! Но врядъ-ли когда даже въ этотъ годъ смотрѣли эти глаза вокругъ себя съ такимъ удивленіемъ, какъ теперь, на фигуру, стоявшую предъ ними. Полная, исполинская фигура Мирабо, къ изумленію самой Маріи-Антуанеты, не внушала ей ужаса и страха, а даже внушила бы ей сожалѣніе, если бы она могла вглядѣться въ нее пристальнѣе и еслибъ знала его раньше. Въ этомъ лицѣ, испещренномъ и обезображенномъ оспою, — будто нарочно помѣтившею нѣсколькихъ главныхъ вождей революціи [1], — вовсе нѣтъ и признака злобы, напротивъ много доброты и вызывающаго рас-

бужденію въ народѣ ненависти къ королевѣ. Когда, наканунѣ октябрьскихъ сценъ, въ Собраніи поднялся шумъ изъ-за разсказа Петіона о пиршествѣ національной и королевской гвардіи въ Версалѣ, на которомъ присутствовала сама королева съ ребенкомъ, и поощряла офицеровъ и солдатъ въ заявленіяхъ вѣрности королю, смѣшанныхъ съ насмѣшками и угрозами противъ національнаго собранія, Мирабо поддержалъ Петіона, бросивъ обвиненіе прямо въ Марію Антуанету: онъ вызывался подписать показаніе и представить доказательства, если собраніе декретируетъ, что никакое лице въ королевствѣ, кто бы оно ни было, *кромѣ одного короля*, не пользуется неприкосновенностью. Позже, парижскій судъ *Шатле* хотѣлъ преслѣдовать Мирабо, вмѣстѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ (отцемъ Луи-Филиппа I) какъ тайныхъ зачинщиковъ октябрьскаго возмущенія. Но въ изслѣдованіи суда, напечатанномъ и опубликованномъ, не оказалось никакихъ обвинительныхъ уликъ и данныхъ противъ Мирабо и герцога. Собраніе отказало суду въ преслѣдованіи, и Мирабо разразился въ свою очередь въ обвиненіяхъ противъ суда, противъ интриги привилегированныхъ классовъ, противъ ихъ мщенія, и грозился судомъ исторіи: «вотъ гдѣ весь секретъ этого адскаго дѣлопроизводства, и таковымъ будетъ онъ изображенъ въ исторіи самымъ справедливымъ и самымъ безпощаднымъ мщеніемъ». Позже, когда Мирабо вступилъ въ сношенія съ Ламаркомъ, и когда Ламаркъ однажды напоминалъ ему, какъ королевѣ трудно отдѣлаться отъ подозрѣнія его въ бывшемъ заговорѣ противъ нея, «онъ измѣнился въ лицѣ, онъ вдругъ пожелтѣлъ и позеленѣлъ и принялъ страшно дикое выраженіе. Ужасъ, который онъ почувствовалъ при такомъ подозрѣніи, былъ поразителенъ.» (Correspondance, I, 148).

[1] Мирабо, Робеспіеръ, Дантонъ.

положеніе; мутный сѣрый цвѣтъ, которымъ болѣзнь покрыла это лице, еще болѣе уничтожаетъ смѣлость или дерзость, казавшуюся въ немъ прежде; въ самыхъ глазахъ трудно прочесть что-нибудь опредѣленное,—воспаленіе, доставшееся ему почти единственнымъ фамильнымъ наслѣдствомъ—раздуло ихъ и налило кровью: а опавшія щеки и высокій морщинистый лобъ, на который нависли длинныя, черныя кудри, говорятъ о безсонныхъ ночахъ, подѣленныхъ между общественными тревогами и обдумываніемъ своей роли въ нихъ, и между томленіемъ и этихъ тревогъ и своихъ южныхъ страстей въ неоплатныхъ оргіяхъ.

Въ эту минуту, когда Мирабо стоялъ предъ Антуанетою,—самозванное воплощеніе непонятой революціи предъ никогда не хотѣвшею признать силы и смысла дѣйствительной революціи—въ немъ было ничего отталкивающаго для нея, они долго говорили другъ съ другомъ, и что̀ говорили — осталось тайной, только извѣстенъ финалъ, по которому можно судить о всемъ свиданіи. Уходя, Мирабо обратился почтительно къ королевѣ съ неожиданной просьбой: «Государыня, когда ваша августѣйшая мать удостоивала кого-либо изъ своихъ подданныхъ чести ея присутствія, то никогда не отпускала его, не давъ поцѣловать своей руки». Королева протянула свою руку, и Мирабо, наклонившись и поцѣловавъ ее, поднялъ гордо голову и самоувѣренно воскликнулъ: «Государыня, монархія спасена»! А Марія-Антуанета писала одному изъ своихъ довѣренныхъ въ Германію, что дворъ пользуется услугами Мирабо, но что въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего серьезнаго, и потому не разъ повторяла: «Я все же убѣждена, что погибну только послѣ него». Въ этихъ послѣднихъ словахъ, если и была тѣнь личнаго довѣрія къ искренности Мирабо, то во всякомъ случаѣ въ концѣ концовъ оставалась мысль и о погибели.

Оставляя въ сторонѣ всю наивность, всю увѣренность Мирабо въ свои силы «спасти монархію,» какъ будто отъ одного человѣка могъ зависѣть весь ходъ событій, мы напомнимъ о всемъ дальнѣйшемъ поведеніи Мирабо и о тѣхъ средствахъ его, которыя должны были вести къ спасенію монархіи.

Вступая въ окончательный союзъ съ дворомъ, Мирабо не хотѣлъ, не считалъ нужнымъ жечь свои корабли,—свою популярность, свою роль грознаго оратора свободы. Борьба между противорѣчіями его инстинктовъ и его политическихъ отношеній продолжала совершаться и вѣроятно была мучительна для него самого. Мирабо чувствовалъ въ себѣ ораторскую силу [1]); три-

---

[1]) Ce penchant pour les effets éloquents était le funeste ennemi que j'avais sans

буна возбуждала его творчество; присутствіе толпы волновало его страстную натуру, раздражавшуюся при всякомъ противорѣчіи, шло ли оно съ правой или съ лѣвой стороны въ собраніи. Его нетерпѣливой раздражительностью, связанною съ рѣдко покидавшей его увѣренностью, если не въ силу свою, то въ свое впечатлѣніе, производимое имъ—вызывалось не одно восклицаніе, подобное знаменитому: «Молчать, тридцать голосовъ!» (Silence aux trente vois). Это восклицаніе было обращено къ лѣвой, крайней сторонѣ собранія, съ намѣреніемъ изобличить ея численную ничтожность. Но ничуть не менѣе, а гораздо болѣе рѣзко и сурово обращался Мирабо къ правой сторонѣ, и это было вполнѣ понятно. Правая сторона заключала въ себѣ рьяныхъ роялистовъ, которые, бывъ, по извѣстной поговоркѣ, plus royalistes que le roi,—только портили и въ конецъ губили дѣло спасенія монархіи, составлявшее предметъ всѣхъ усилій и помысловъ Мирабо.

Одинъ изъ наиболѣе памятныхъ и видныхъ случаевъ такого отношенія Мирабо къ правой сторонѣ, происходилъ въ октябрѣ 1790, по поводу трехцвѣтнаго національнаго знамени—при разборѣ въ собраніи возмущенія моряковъ въ Брестѣ.—Правая сторона, въ лицѣ Казалеса и другихъ, требовала сохраненія во флотѣ бѣлаго знамени, «ибо съ нимъ связаны славнѣйшія воспоминанія». Мирабо молчалъ нѣсколько дней; даже К. Демуленъ помѣтилъ это въ своемъ журналѣ (les Révolutions de France et de Brabant) и острилъ на Мирабо свое ѣдкое перо: «Гдѣ же ты былъ въ это время, Мирабо»? Поднялся наконецъ съ своего мѣста Мирабо—и разразился грозными укоризнами ультра-роялистамъ: «Здѣсь смѣютъ говорить вамъ самимъ, предъ лицомъ народа, который васъ слышитъ, что существуютъ древніе предразсудки, которые надо почитать; какъ будто ваша и народная слава не заключается именно въ уничтоженіи тѣхъ предразсудковъ!.. Однимъ словомъ, предъ вами смѣютъ холодно и спокойно говорить рѣчи, которыя, обстоятельно разобранныя, означаютъ: мы считаемъ себя достаточно сильными, чтобъ воздвигнуть бѣлый цвѣтъ, т. е. *цвѣтъ контръ-революціи*, на мѣсто ненавистныхъ цвѣтовъ свободы. Это замѣчаніе, конечно, любопытно, но его результатъ не страшенъ. Конечно, они слишкомъ много вообразили! Вѣрьте мнѣ, не убаюкивайтесь столь опасной надеждой, потому что пробужденіе было бы быстро и ужасно!»

Можно себѣ представить, какое грустное впечатлѣніе произ-

---

cesse à combattre en lui. Il ne pouvait se détacher des engagements qu'il avait pris en public au nom de cette liberté séduisante et illusoire qui lui avait fourni de si beaux mouvements oratoires. (Correspondance I, 208).

вела эта демократическая выходка Мирабо при дворѣ. Люди, хотѣвшіе разсчитывать на помощь Мирабо, снова терялись въ недоумѣніяхъ и боязни, — что̀ означаетъ его поведеніе, и не хочетъ ли онъ играть ими вмѣсто того, чтобъ предоставить имъ играть собою? — Даже вѣрный адвокатъ бурнаго союзника, Ламаркъ явился къ своему другу съ упреками, и между ними произошло очень непріятное объясненіе. Мирабо на этотъ разъ упорно защищалъ свой поступокъ и горячился не на шутку, и это тѣмъ болѣе было серьезно, что обыкновенно въ своихъ сношеніяхъ съ Ламаркомъ онъ былъ очень мягокъ. «Во многихъ обстоятельствахъ — вспоминаетъ самъ Ламаркъ — когда я былъ раздраженъ его революціоннымъ языкомъ на трибунѣ, я горячился и нападалъ на него очень рѣзко. И у него тогда лились слезы, какъ у ребенка и онъ безъ всякаго униженія высказывалъ свое раскаяніе съ такой искренностью, что нельзя было бы не вѣрить [1])». Въ этотъ же разъ личное объясненіе, вѣроятно, порвалось на крупныхъ словахъ, потому что Мирабо счелъ нужнымъ продолжать объясненіе письменно (22 октября 1790 г.), и этому мы обязаны сохраненіемъ одной изъ самыхъ интересныхъ страницъ для сужденія о нашемъ героѣ.

Письмо начиналось съ упрека въ томъ, что Ламаркъ судилъ о своемъ другѣ по отзывамъ и навѣтамъ другихъ. «Дорогой графъ! Я заслужилъ отъ васъ, чтобъ вы меня судили только по своему собственному мнѣнію. Вчера, я вовсе не былъ демагогомъ, напротивъ того, я былъ великимъ гражданиномъ и можетъ быть искуснымъ ораторомъ. Какъ! эти пошлые наглецы (ces stupides coquins), опьяненные совершенно случайнымъ успѣхомъ, предлагаютъ вамъ не болѣе не менѣе какъ контръ-революцію, и они воображаютъ, что я не буду громить ихъ! По правдѣ, мой другъ, я вовсе не имѣю охоты отдать кому то ни было мою честь, и двору — мою голову... Я честный гражданинъ, который прежде всего любитъ славу, честь и свободу; господа, тянущіе насъ назадъ всегда встрѣтятъ меня готовымъ бичевать ихъ. Вчера я могъ сдѣлать, чтобъ они были избиты на смерть; и если они будутъ продолжать идти по той же дорогѣ, то заставятъ меня желать того, хотя бы то было для спасенія небольшого числа честныхъ людей изъ нихъ. Однимъ словомъ, я человѣкъ, стоящій за возстановленіе порядка, но не за возстановленіе стараго порядка.

---

[1]) Correspondance I, 108. «Нужно—прибавляетъ Ламаркъ — было состоять съ подобнымъ человѣкомъ въ столь частыхъ и интимныхъ отношеніяхъ, каковы были наши, чтобъ узнать все, что мысль заключаетъ въ себѣ наиболѣе возвышеннаго и сердце наиболѣе привлекательнаго.»

У васъ есть легкій способъ выйти изъ затруднительнаго положенія (о которомъ вы мнѣ говорили и которое я не вполнѣ понимаю, — это показать мое письмо [1]). Vale et me ame».

Ламаркъ дѣйствительно показалъ это письмо архіепископу тулузскому и тотъ возвратилъ обратно, выражая весь свой ужасъ при чтеніи его, говоря о смѣлости, которою надо обладать для продолженія отношеній съ подобнымъ фантастомъ и демагогомъ! Всему этому случаю придана была такая важность, что даже королева, которая намѣревалась еще разъ свидѣться съ Мирабо, рѣшительно отказалась отъ своего намѣренія, не смотря на желаніе Мирабо. А Мирабо, не желая разрыва, возвращался къ болѣе умѣренному тону, увѣрялъ короля, что всѣ его дѣйствія и слова клонятся только къ поддержанію и защитѣ монархической власти, и потомъ снова колебалъ довѣріе и согласіе, бросаясь въ бурный бой съ своими закоснѣлыми врагами правой стороны, дразнившими его и не понимавшими или не хотѣвшими признать его роли.

— Какъ же мы можемъ вѣрить такому человѣку и его дѣйствіямъ? восклицалъ въ ужасѣ архіепископъ тулузскій.

— Нужно умѣть лавировать въ бурѣ, когда нѣтъ достатка въ силахъ и когда силу приходится замѣнять ловкостью, это одно изъ моихъ главныхъ положеній, основанныхъ единственно на наблюденіи человѣческихъ вещей, потому что иначе оно совершенно и до конца противно и моему характеру и моей природѣ. — Такъ объяснялъ двору свою борьбу Мирабо, невольно сознаваясь въ трудности и неблаговидности своего положенія.— «И другое мое мнѣніе—продолжаетъ онъ — для того, чтобъ добыть право вступить съ успѣхомъ въ споръ, въ видахъ защиты *истинныхъ интересовъ* трона, — я долженъ предварительно приготовить народъ слушать мой голосъ безъ недовѣрія; я долженъ отдалить отъ моей личности всякое сомнѣніе, я долженъ считаться между вѣрнѣйшими друзьями народа, и съ этой точки зрѣнія моя популярность должна представляться двору не предметомъ страха, а наоборотъ, одною изъ его вѣрнѣйшихъ поддержекъ.»

Увѣреніе это двора въ своемъ исключительномъ стремленіи служить ему, Мирабо представлялъ по случаю новой бури, разразившейся въ собраніи 13-го ноября 1790 года. Ультра-роялистъ и феодалъ, герцогъ Кастри вызвалъ на дуэль одного изъ братьевъ Ламетовъ, и ранилъ Ламета. Толпа хотѣла отмстить

---

[1]) Затрудненіе Ламарка заключалось въ его неловкомъ положеніи предъ озлобленнымъ дворомъ, гдѣ онъ являлся главнымъ посредникомъ и другомъ Мирабо.

ему за своего любимца и разнести его дворецъ. Правая сторона тотчасъ же подняла дѣло въ національномъ собраніи, и среди разгара спора столкнулись между собой Мирабо и оставленный нами немного въ сторонѣ Малуэ. Разсказъ о происшедшемъ столкновеніи передаетъ самъ Малуэ во II-мъ томѣ вышедшихъ мемуаровъ. Въ то время, какъ поступокъ народа, хотѣвшаго выразить свое негодованіе противъ ультра-роялистовъ за ихъ юнкерское разрѣшеніе спора съ либеральными представителями, — въ то время, какъ этотъ поступокъ находилъ себѣ одобряющихъ защитниковъ, — Малуэ, въ качествѣ представителя умѣренныхъ конституціонистовъ, бросился къ трибунѣ, чтобъ требовать кары виновниковъ непристойной расправы; на трибунѣ онъ столкнулся съ Мирабо.—«Я вошелъ на трибуну, чтобъ говорить въ томъ же духѣ какъ вы—(обратился Мирабо къ Малуэ); я—въ негодованіи; вамъ не безъизвѣстно, что я пользуюсь большей благосклонностію собранія, чѣмъ вы, уступите мнѣ ваше право». Малуэ уступилъ ему слово только по обѣщаніи Мирабо «потребовать справедливости противъ бунтовщиковъ».—На-бѣду Малуэ, его пріятели оказали ему медвѣжью услугу: видя, что онъ оживленно говоритъ съ Мирабо, они рѣшились защищать своего представителя и съ ихъ скамей поднялся ревъ и крики: «Долой! долой злодѣя!» (à bas le scélérat). Мирабо вспыхнулъ при такой брани, и забывъ свое обѣщаніе, обратилъ всю ярость свою на правую сторону, обвиняя ее самоё въ возмущеніи, едва упоминая о нападеніи на домъ Кастри и требуя очереднаго порядка (ordre du jour), что̀ и было декретировано. «Я оставался,—говоритъ Малуэ,—на трибунѣ, когда Мирабо кончилъ, я сказалъ ему: то, что̀ вы сдѣлали—отвратительно; вы не сдержали своего слова»!—«Вы правы, отвѣчалъ онъ мнѣ, мнѣ очень совѣстно, но обвиняйте въ томъ вашихъ господъ: вы слышали ихъ!»

Разсказывая про эту сцену, Малуэ упускаетъ изъ виду одно обстоятельство, выставляющее предъ нами на видъ двойственную роль Мирабо, сообразно съ указанной выше цѣлью его — пріобрѣсти довѣріе народа, но только для успѣшнаго служенія королю. Правая сторона, среди своей разъяренности и воплей, лѣвая въ нетерпѣливомъ ожиданіи исхода спора,—не замѣтили, какъ Мирабо, защищая народъ, провозглашалъ свою монархическую преданность [1]). «Какимъ образомъ — гремѣлъ Мирабо, — какимъ образомъ народъ будетъ повиноваться закону, когда его законо-

---

[1]) Самъ Мирабо, въ тайныхъ объясненіяхъ, обращалъ вниманіе и ставилъ себѣ въ заслугу свои двуличныя рѣчи: Il faisait valoir... ses différentes déclarations royalistes dont il avait parsemé ses philippiques. *Malouet*, т. II, стр. 12.

датели безпрестанно попираютъ ногами основныя правила общественнаго порядка? Знаете-ли вы, что̀ народъ отвѣчалъ сегодня одному изъ командующихъ военной силой, когда тотъ предъ домомъ герцога Кастри, говорилъ объ уваженіи къ закону? Слушайте же отвѣтъ народа, во всей его энергической простотѣ: «Почему — говорилъ онъ — сами депутаты не уважаютъ законъ»? Говорите же, что могъ бы возразить наиболѣе разъяренный изъ васъ? Если вы припоминаете все что̀ виновно, взвѣсьте и все то, что̀ извиняетъ. Знаете ли вы, что этотъ народъ въ своемъ гнѣвѣ на человѣка, на котораго онъ смотритъ какъ на врага одного изъ своихъ полезнѣйшихъ друзей, знаете ли вы, что среди разрушенія (никто не можетъ сказать — среди *разграбленія* вещей этого осужденнаго дома), народъ религіозно остановился предъ ликомъ монарха? что портретъ главы націи, верховнаго исполнителя закона, былъ, въ тѣ минуты великодушнаго негодованія, предметомъ народнаго благоговѣнія и неусыпныхъ заботъ?»....

IV.

Скоро, однако, и самъ Малуэ убѣдился, что Мирабо готовъ стоять за королевскую прерогативу, и это повело къ новому сближенію между ними, и на этотъ разъ, при посредствѣ министра, — Монморена. Дѣло шло снова о попыткѣ вывести изъ затрудненія и спасти монархію и династію. Насколько считалось, извѣстной партіею людей, важною новая попытка, видно изъ словъ Малуэ, съ которыми онъ приступаетъ къ разсказу о ней [1]). «Я далъ теперь отчетъ въ послѣдней, важной попыткѣ, сдѣланной, чтобъ помѣшать совершенному разрушенію монархіи. Самый злой ея врагъ, повидимому,—человѣкъ, имя котораго смѣшано со всѣми крайностями, со всѣми факціями, и который не есть ни наиболѣе виновный, ни чистый человѣкъ революціи, Мирабо, силою таланта и интригъ, сталъ ея героемъ».

Въ засѣданіи собранія 11 февраля 1791 г. Малуэ подали записку отъ Мирабо: «Я уже давно держусь вашего образа мыслей, болѣе нежели вы думаете; я хочу наконецъ доказать вамъ это. Есть ли у васъ какое-нибудь возраженіе противъ совѣщанія, которое я предлагаю вамъ у одного изъ вашихъ друзей, г. Монморена, завтра въ 10 часовъ вечера»? Малуэ отвѣтилъ согласіемъ и въ тотъ же день, наканунѣ свиданія, поспѣшилъ справиться у Монморена о свойствѣ и серьезности новыхъ от-

---

[1]) II-й томъ, глава XV,—*Смерть Мирабо.*

ношеній. Министръ вручилъ Малуэ одну длинную записку (меморіумъ) Мирабо, которая, извѣстная королю и вполнѣ одобренная имъ — представляла цѣлый планъ, предложенный Мирабо, для спасенія монархіи.

Малуэ былъ пораженъ, прежде всего, строгостью, съ которой Мирабо судилъ всѣ партіи, «кромѣ *нашей*, обвинявшейся только въ неумѣлости». Онъ ярко начертилъ всѣ противорѣчія и безсмыслія, творившіяся, по его мнѣнію, всѣми сторонами, и не щадилъ въ своей критикѣ ни двора, ни духовенства, ни дворянства, ни партіи, считавшейся народною; всюду онъ видѣлъ глупость, тщеславіе и невѣжество, непониманіе обстоятельствъ рѣшительно всѣми классами націи и всѣми ея представителями. И рядомъ съ этимъ, объясняя свое значеніе и свою роль, онъ напоминалъ о своей готовности, съ самаго начала, сблизиться съ дворомъ (свиданіе съ Неккеромъ), указывая на свои частыя роялистскія заявленія съ трибуны, на необходимость личной защиты отъ нападковъ недобросовѣстныхъ враговъ, и наконецъ выставлялъ еще «то побужденіе своего поведенія, которое честность осуждаетъ, но которымъ не всегда гнушались политики всѣхъ временъ [1])»: оно заключалось въ томъ, чтобъ вызвать окончательное всеобщее разстройство и безпорядокъ для того, чтобъ заставить всѣхъ желать *возвращенія порядка*, и чрезъ то уничтожить все созданное въ революціонномъ смыслѣ. Затѣмъ, планъ его состоялъ въ слѣдующемъ: распущеніе конституанты, по требованію департаментовъ; выборъ депутатовъ между людьми наиболѣе благоразумными въ столицѣ и провинціи; новое созданіе конституціи, широкая, полная исполнительная власть въ рукахъ короля, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго должны находиться департаменты, муниципалитеты и національныя гвардіи; королю же возвращается абсолютное *veto* (наложеніе запрета на рѣшенія собранія) и право отсрочки и распущенія штатовъ; затѣмъ слѣдовала отвѣтственность министровъ и исключительное допущеніе въ національное собраніе собственниковъ, безъ возмездія. Благодѣянія, которыя сулились подобными измѣненіями, выражались въ немногихъ словахъ: изъ имущества духовенства бралась третья часть для покрытія національнаго долга; всему обществу обѣщалось уничтоженіе произвольныхъ арестовъ (lettres de cachet), а народу — уничтоженіе обременительныхъ привилегій! И все это въ то время, когда даже самая крѣпость, хоронившая въ себѣ произвольно заключенныхъ — Бастилія, была давно разрушена народомъ, и когда феодальныя привилегіи и имущество духовен-

---

[1]) Слова Малуэ.

ства давно уже были обречены національнымъ собраніемъ на конфискацію и уничтоженіе.

Мѣры для исполненія подобнаго плана предлагались, по свидѣтельству Малуэ, очень незамысловатыя. Все было основано на выборѣ 5 — 6-ти лицъ, преданныхъ интересамъ монархіи, и пользующихся полнымъ довѣріемъ короля; а уже эти шесть лицъ должны были назначать повсюду, во всѣ департаменты, округи и кантоны, ловкихъ коммиссаровъ, «составлявшихъ главный рычагъ машины», и долженствовавшихъ дѣйствовать по самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ инструкціямъ. Имѣлось въ виду составленіе списка всѣхъ разумныхъ и просвѣщенныхъ лицъ во всѣхъ департаментахъ; учрежденіе во всѣхъ департаментахъ «коммиссій безопасности», которыя были бы составлены изъ людей способныхъ печатать записки о положеніи дѣлъ, объ ошибкахъ собранія, о средствахъ къ поправленію всего. И наконецъ полагалось, во что бы то ни стало и какой бы цѣны ни стоило, измѣнить постепенно, чтобъ не было сразу замѣтно, духъ и тонъ двухъ-трехъ журналовъ, наиболѣе пользовавшихся общимъ довѣріемъ и вниманіемъ. Поводомъ и началомъ для выполненія всего плана переворота должно было послужить предложеніе Мирабо въ собраніи объ изслѣдованіи общаго состоянія націи, о всѣхъ безпорядкахъ и общемъ разстройствѣ, и о приведеніи въ порядокъ и исполненіе всѣхъ конституціонныхъ декретовъ, не подверженныхъ пересмотру. Отсюда Мирабо надѣялся перейти къ требованію всеобщаго, полнаго пересмотра всѣхъ декретовъ и всѣхъ дѣйствій собранія, а это, въ свою очередь, при тайномъ предварительномъ сговорѣ депутатовъ, на которыхъ можно было положиться, должно было повести къ окончательному распущенію конституанты, вслѣдствіе обнаруженія ея дѣйствій въ невыгодномъ свѣтѣ и вызваннаго негодованія на нее.

Таково было содержаніе записки, переданной министромъ г. Малуэ; и любопытно то, что Малуэ прямо называетъ проектъ Мирабо—*проектомъ контръ-революціи*, и при этомъ вполнѣ искренно признается, что «эта записка ему очень понравилась, не превзойдя однако его ожиданія»; а между тѣмъ Мирабо никогда не хотѣлъ сознаться, что его дѣйствія имѣютъ цѣлью контръ-революцію, и на его языкѣ цѣль его обозначалась «союзомъ революціи или свободы съ роялизмомъ».

Слова и выраженія получаютъ здѣсь большое значеніе. Не было ничего естественнѣе, какъ желаніе дворомъ контръ-революціи; но выставлять своей цѣлью союзъ свободы и роялизма и потомъ ошибиться въ ея достиженіи,—было со стороны Мирабо опрометчивой и плохой услугой роялизму; если такова была дѣй-

ствительная его цѣль, и если она не удалась при томъ умѣ, который за нимъ всѣ признавали, при его талантахъ, энергіи и смѣлости — значитъ самая цѣль была невозможною, — и должны были пасть всѣ надежды на мирное существованіе свободы рядомъ съ феодальнымъ роялизмомъ, и взаимное отношеніе между двумя системами — между старою и новою, могло выражаться, къ общему страху и печали, только въ непримиримой враждѣ и ожесточенной борьбѣ, — борьбѣ за существованіе того или другого начала. Дальнѣйшія событія показали, что если борьба была тяжела и опасна для тѣхъ началъ, въ которыхъ искала себѣ выраженія свобода, то съ другой стороны, борьба была въ конецъ гибельна для феодально-абсолютистскаго порядка. Въ такой постановкѣ вопроса, полнаго тяжелыхъ послѣдствій для роялизма, Мирабо былъ тѣмъ болѣе неостороженъ и виноватъ, что въ сущности онъ не могъ не сознавать истиннаго положенія дѣлъ, и только самообольщеніе и упрямство заставляли его настаивать на различіи своихъ плановъ отъ общихъ плановъ контръ-революціи, о которыхъ мечтали люди, какъ Малуэ и ему подобные.

Если бы планъ Мирабо, изображенный по разсказу Малуэ, не былъ достаточенъ для высказаннаго здѣсь обвиненія Мирабо, то другая записка Мирабо, не находящаяся у Малуэ и не включающая въ себѣ того, что̀ приведено у Малуэ—вполнѣ свидѣтельствуетъ, что Мирабо шелъ къ полной и совершенной *контръ-революціи*. Мы говоримъ о 47-й запискѣ, помѣщенной въ изданіи корреспонденціи Мирабо съ Ламаркомъ и помѣченной 23 декабря 1790 [1]). Здѣсь Мирабо прямо предлагаетъ двору устройство цѣлаго тайнаго заговора противъ національнаго представительства и противъ всей французской націи. Все представительство, вся нація должна быть оплетена желѣзными сѣтями заговора, который будетъ дѣйствовать въ видахъ двора, при помощи нѣсколькихъ, такъ сказать, заготовительныхъ мастерскихъ (ateliers)! Фантасмагорія, конспираціонная утопія Мирабо, осѣненная покровительствомъ и иниціативою династическихъ представителей роялизма — создастъ своеобразную мастерскую полиціи, мастерскую корреспонденціи, мастерскую прессы; эти мастерскія будутъ имѣть всюду свои тайныя вѣтви, всюду будутъ ихъ эмиссары подъ скромнымъ именемъ «путешественниковъ», всюду будутъ тѣ эмиссары вносить раздоръ и разладъ, отовсюду будутъ они слать свои соображенія въ центральныя мастерскія для того, чтобъ тамъ распорядились какимъ образомъ, при помощи какой мастерской, — при по-

---

[1]) Aperçu de la situation de la France et des moyens de concilier la liberté publique avec l'autorité royale.

мощи ли мастерской полиціи, т. е. шпіоновъ и агентовъ, при помощи ли мастерской прессы, т. е. подкупленной журналистики и продажныхъ составителей книжекъ, или же наконецъ при помощи мастерской корреспонденціи, т. е. тайной переписки — должно вліять заговорное общество на тѣ или другіе элементы для возбужденія общаго недовольства, общаго разстройства, которое выразилось бы ничѣмъ инымъ, какъ гражданской войной.

Вотъ какими средствами думалъ Мирабо спасать монархію! Чрезъ 80 лѣтъ послѣ происшедшихъ событій, читая подобное сказаніе, не знаешь чему удивляться: жалкой наивности или дерзкой смѣлости автора подобнаго изображенія, грубой несостоятельности или преступному вѣроломству? Могъ ли Мирабо не сознавать, какъ безпощадно оскорблялись имъ обѣ враждебныя стороны? онъ не задумывался ввергнуть всю страну въ кровопролитный хаосъ, связанный съ потерею всякой надежды на возможность лучшаго быта, съ утратою даже уже добытыхъ ею правъ и гарантій отъ произвола; и въ тоже время, идя на такое покушеніе на цѣлую страну, во имя провозглашаемаго имъ спасенія монархіи, т. е. точнѣе феодальнаго, средневѣкового роялизма, онъ произносилъ самый страшный смертный приговоръ этой монархіи. Признавая неизбѣжность, необходимость дѣйствовать тайнымъ путемъ и заговорными средствами, онъ тѣмъ самымъ признавалъ полнѣйшую несостоятельность, немощь бурбонской монархіи, приглашалъ ее подать въ отставку, отказаться отъ своихъ офиціальныхъ мѣръ и пріемовъ и прибѣгнуть къ заговору противъ того общества, огражденіе котораго составляло сущность и причинность самаго существованія роялизма.

Не меньшая несостоятельность оказывалась и съ другой точки зрѣнія. Еслибъ предположить, что Мирабо искренно не желалъ контръ-революціи и предлагалъ ее, самъ не понимая того, что̀ предлагаетъ, и желалъ все же примиренія двухъ враждебныхъ лагерей въ *конституціонализмъ*,—то и тогда поведеніе Мирабо представляется неосновательнымъ. Мирабо могъ быть правъ, считая въ тотъ моментъ, что своевременное принятіе конституціонализма могло бы еще надолго отдалить паденіе бурбонской монархіи и, во всякомъ случаѣ, значительно уменьшить кровавую обстановку переворота и спасти отъ гибели династію; но и тогда врядъ ли онъ могъ бы вѣрить въ искреннюю готовность двора принять конституціонализмъ. При дворѣ не понимали конституціонализма, да и не хотѣли понимать, и большей частью относились къ нему враждебно и боязливо. Даже вѣрный другъ Мирабо, Ламаркъ, отзывался о конституціонныхъ стремленіяхъ Мирабо, какъ о невозможной мечтѣ: — «Этотъ человѣкъ, не смотря

на свои монархическія чувства, и даже аристократическія, повидимому, не предвидѣлъ, что его теорія, осуществленная въ дѣйствительности, неминуемо потопила бы тронъ въ разливѣ демократіи». Тотъ же Ламаркъ характеризуетъ состояніе короля въ нѣсколькихъ словахъ: — «Король лишенъ всякой энергіи. Г. Монморенъ сказалъ мнѣ надняхъ съ грустью, что когда онъ говоритъ королю про его дѣла и его положеніе, то онъ имѣетъ видъ, какъ будто бы ему говорили о дѣлахъ, касающихся китайской имперіи». Точно также и самъ Малуэ разсказываетъ о беззаботности короля еще при началѣ революціонной бури; и отъ такой-то беззаботности, связанной съ нѣкоторыми привычками, зависѣла, можетъ быть, судьба монархіи или, во всякомъ случаѣ, династіи. Случай, о которомъ передаетъ Малуэ, относится къ августу 89-го года. Малуэ, вмѣстѣ съ другими единомышленниками, въ согласіи съ Монмореномъ и Неккеромъ, пришли къ мысли о необходимости перенесенія собранія куда-нибудь подальше отъ Парижа; они надѣялись, что король согласится на ихъ предложеніе, и тогда всѣ избавятся отъ ужасающей возможности такихъ сценъ, которыя дѣйствительно произошли немного позже, въ октябрѣ. Медлить въ рѣшеніи нельзя было ни одного дня; въ то время событія шли быстро, и круто мѣняли общее положеніе дѣлъ. Въ назначенный день совѣта министровъ дѣло должно было быть доложено, но король возвратился съ охоты очень усталый и отложилъ совѣтъ до другого дня. Министры, однако, успѣли добиться отъ короля аудіенціи и возвратились отъ него съ вытянутыми лицами. Король изволилъ спать во все время совѣщанія, потомъ открылъ глаза, произнесъ роковое *«нѣтъ»*, что означало нежеланіе оставить Версаль, и этимъ кончились всѣ великіе планы!

Вотъ при какихъ условіяхъ думалъ вести дѣло Мирабо; мы можемъ прибавить къ этому только, что судя по нѣкоторымъ письмамъ и разнымъ рѣчамъ Мирабо, можно заключить, что онъ не всегда увлекался, что онъ не разъ сознавалъ всю немощь, всю недоброжелательность и неискренность той обстановки, въ которой обрекалъ себя дѣйствовать, — и подобное сознаніе, конечно, приводило его въ трагическое состояніе, полное обиднаго негодованія и накипѣвшей желчи. Со времени бывшаго свиданія Мирабо съ королевой, они почти помѣнялись ролями, и если королева стала часто забывать объ опасности, то Мирабо началъ чаще понимать возможность гибели, и потому-то, между прочимъ, прибѣгалъ къ своимъ легкомысленнымъ проектамъ, ища всюду исхода. Другіе его сподвижники въ спасеніи монархіи были большими оптимистами; Мирабо же оста-

вался оптимистомъ только по отношенію къ своей личной силѣ; здѣсь имъ овладѣло полное самообольщеніе; себя и себя одного онъ считалъ всесильнымъ еще для всякаго поворота и переворота, и этимъ тоже объясняется та дерзкая увѣренность въ успѣшности своего предпріятія, которую мы видимъ въ его проектахъ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ Мирабо обольщеніе его личностью дѣлили всѣ его сподвижники, всѣ умѣренные либералы, стремившіеся прежде къ свободѣ, а потомъ, устрашенные ея бурными проявленіями, сосредоточившіеся на спасеніи бурбонской монархіи. Подтвержденіе тому мы наглядно увидимъ, возвращаясь къ разсказу Малуэ о происходившемъ свиданіи у Монморена. Оно продолжалось съ 10-ти часовъ вечера до 2-хъ утра. Мирабо былъ взволнованъ и измученъ; смертельная болѣзнь очевидно ломила его организмъ; воспаленные глаза горѣли кровью. «Онъ былъ страшенъ, но никогда еще не видалъ я его съ большей энергіей и никогда не слышалъ его болѣе краснорѣчивымъ».

— Теперь нѣтъ времени — говорилъ онъ Малуэ — соображать неудобства. Если вы не удовлетворены тѣмъ, что̀ я предлагаю, дѣлайте лучше, но дѣлайте скорѣе; потому что мы не можемъ существовать долго. Въ ожиданіи, мы погибнемъ отъ истощенія или отъ насильственной смерти. Чѣмъ болѣе вы настаиваете на злѣ, которое существуетъ, тѣмъ настоятельнѣе потребно исправленіе. Оспариваете ли вы мои средства? Назовите тогда того, который, съ такой же волей какъ я, находится въ лучшемъ положеніи для дѣйствованія. *Вся здоровая часть народа и даже часть сволочи* (une portion de la canaille) *со мною.* Пусть меня подозрѣваютъ, пусть обвиняютъ меня въ продажности двору; что̀ мнѣ за дѣло! Никто не повѣритъ, чтобъ я продалъ двору свободу моей страны, что я готовлю своей странѣ оковы! Я скажу имъ, да, я скажу: Вы видѣли меня въ вашихъ рядахъ, ратующимъ противъ тираніи, и противъ нея сражаюсь я и теперь; но что касается законной власти, конституціонной монархіи, опекательной власти монархіи — я всегда сохранилъ за собой право и обязанность защищать ихъ. Помните, что я только одинъ изъ всей этой патріотической шайки могу говорить такимъ образомъ, не представляя измѣны. Я никогда не принималъ на себя ни ихъ романа, ни ихъ метафизики, ни ихъ безполезныхъ преступленій».

Малуэ признается, что голосъ Мирабо, гремѣвшій какъ на трибунѣ, оживленные жесты, обиліе и вѣрность мыслей электрически подѣйствовали на него самого и унесли всѣ его сомнѣнія и предубѣжденія. «Да, воскликнулъ Малуэ, вы сами поправляете лучше, чѣмъ кто бы то ни было, зло, которое вы причинили.» —

Мирабо поднялъ въ волненіи голову и отрицательно покачалъ ее. «Нѣтъ, произнесъ онъ, нѣтъ, я не сдѣлалъ своевольно зла; я подвергся игу обстоятельствъ, въ которыхъ я очутился не по моей волѣ. Великое зло, которое совершено, принадлежитъ всѣмъ, кромѣ преступленій, принадлежащихъ нѣкоторымъ»...

На этомъ свиданіе должно было порваться. «Нашъ интересный разговоръ продолжился бы до утра, еслибы мы не видѣли, что Мирабо истощенъ отъ усталости; онъ весь былъ покрытъ потомъ, лихорадка мучила его, и онъ не могъ болѣе говорить... Мы разстались съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, и слѣдующее совѣщаніе было отложено на недѣлю, потому что Мирабо нуждался, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколькихъ дняхъ отдыха: онъ настолько нуждался, что на другой же день слегъ въ постель, и уже болѣе не могъ оправиться»....

V.

Свиданіе происходило въ половинѣ февраля; а черезъ полтора мѣсяца послѣ того Мирабо не стало. Но прежде, чѣмъ сойти съ бурной сцены, на которой онъ до конца оставался главнымъ актеромъ и въ тайной и въ явной своей роли, онъ долженъ былъ испытать еще страшное пораженіе. Въ тотъ моментъ власть, сила и вліяніе выпали не только изъ рукъ двора, они ускользали и изъ рукъ національнаго собранія. Страшными людьми представлялись тогда якобинцы благоразумнымъ гражданамъ. «Общее зрѣлище ихъ производило страшное впечатлѣніе и иностранцы ужасались ихъ»—говоритъ Неккеръ. И секретарь Мирабо, Дюмонъ, указывая на ихъ силу, честитъ ихъ несносными и буйными крамольниками. Они не останавливались ни предъ какими крайними мѣрами, и не задумывались сбросить съ пьедестала кого бы то ни было изъ ими же возведенныхъ на него любимцевъ. Мирабо напрасно стремился сохранить относительно ихъ свою независимость; напрасно онъ выказывалъ, что не принадлежитъ къ нимъ и не хочетъ подчиняться имъ; когда дѣло доходило до порицанія его въ самомъ клубѣ, онъ былъ на лицо и покупалъ снисхожденіе ихъ краснорѣчивымъ высказываніемъ своей привязанности къ клубу: «Я останусь между вами, пока вы не изгоните меня остракизмомъ».

Нечего и говорить, какъ трудно было Мирабо и какъ неловко было ему улаживать дѣла съ дворомъ вслѣдствіе сношеній съ якобинцами. Дворъ былъ назойливъ и требователенъ, и Мирабо не разъ стоило многихъ усилій увѣрить придворную подо-

зрительность въ необходимости связей съ клубомъ. Но уже въ ноябрѣ 90 г., мѣсто Мирабо въ клубѣ пошатнулось, въ тотъ самый моментъ, когда онъ былъ его президентомъ. Твердымъ, медленнымъ шагомъ шелъ на смѣщеніе его Робеспьеръ [1]), — зеленый и молчаливый, подозрительный и завистливый. Камиль-Дюмуленъ оповѣщалъ въ печати неудачу Мирабо въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ: «Мирабо не зналъ, что еслибъ идолопоклонство было дозволено народу, то только предъ добродѣтелью».

28-ое февраля 91 года—было днемъ окончательнаго пораженія Мирабо. Въ собраніи шли дебаты о законѣ объ эмиграціи. Трудная задача предстояла Мирабо; онъ несъ на себѣ непосильную, неблагодарную ношу своей популярности; въ то время, какъ другіе могли избирать благую долю и молчать, отъ Мирабо требовалось высказыванье, его слова ждали друзья для поддержки, враги — для нападенія. Мирабо высказался наконецъ за свободное право эмиграціи и противъ него поднялась цѣлая злобная буря, посыпались удручающія обвиненія, сразу способныя разрушить все его вліяніе — о подкупѣ, о служеніи двору; для его враговъ ясно было, что онъ говоритъ за эмиграціонное право, чтобъ открыть легальную дорогу придворнымъ интригамъ; — тетки короля не даромъ вздумали эмигрировать! Но Мирабо бился до конца, не уступая ни шагу, и смѣло шелъ на встрѣчу положенію. Не успѣвъ отдохнуть, измученный лихорадкою, онъ спѣшилъ изъ собранія прямо въ Якобинскій клубъ, и здѣсь, среди непроходимой толпы, онъ былъ встрѣченъ въ упоръ привѣтствіемъ Дюпорта: «Врата свободы не далеко отъ васъ!» и единственныя зловѣщія рукоплесканія предостерегали Мирабо отъ пропасти, въ которую онъ бросилъ свою славу и свое вліяніе, хотя якобинцы и не знали, что уже было слишкомъ поздно, что для Мирабо не было возврата! Но и на этотъ разъ Мирабо собралъ свои послѣднія силы и потрясъ своимъ краснорѣчіемъ суровыхъ якобинцевъ; отдѣльныя рукоплесканія раздались въ похвалу ему, и среди нихъ онъ покинулъ клубъ, — этотъ памятникъ его силы и его униженія—для того, чтобъ болѣе никогда не возвращаться. Въ этотъ послѣдній разъ, онъ не обольщался своимъ успѣхомъ, онъ не даромъ сказалъ своей сестрѣ: «Я произнесъ себѣ смертный приговоръ. Я пропалъ. Они убьютъ меня.» Не даромъ жаловался онъ даже Ламарку на свою печальную участь, на уси-

---

[1]) Въ то время шелъ вопросъ о національной гвардіи, и Робеспьеръ возставалъ противъ раздѣленія гражданъ на активныхъ и пассивныхъ, желая признанія за всѣми одинаковаго права носить оружіе и быть въ національной гвардіи. Мирабо былъ противъ такого демократическаго начала.

леніе якобинцевъ, вслѣдствіе его отстраненія и соединенія между собой другихъ вожаковъ. И Мирабо былъ осужденъ выслушивать утѣшенія отъ Ламарка.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Здоровье Мирабо быстро уносилось тревожною, сладострастною жизнью; болѣзнь безпощадно ломила его. 27-го марта, не смотря на полное истощеніе, Мирабо счелъ нужнымъ отправиться въ собраніе, изъ побужденій дружбы къ Ламарку, для того, чтобъ защищать его интересы въ предполагавшемся новомъ законодательствѣ о рудникахъ. Въ послѣдній разъ собраніе рѣзко огласилось рѣчью Мирабо, и въ послѣдній разъ собраніе покорилось силѣ его убѣдительности и краснорѣчія. —«Ваше дѣло выиграно, сказалъ онъ Ламарку, возвратившись изъ собранія, а я умираю.» И онъ слегъ въ постель окончательно и началась страшная мучительная агонія, длившаяся нѣсколько дней. Весь Парижъ смутился, когда пронеслась вѣсть объ опасности, въ которой находится Мирабо. Цѣлыя толпы смѣнялись безъустанно у его дверей; самъ Якобинскій клубъ растрогался и послалъ къ нему торжественную депутацію съ Барнавомъ во главѣ. Мысли о революціи, о монархіи не покидали его среди мученій. «О, я еще много заботъ далъ бы Питу, еслибъ жилъ!».... «Я уношу съ собою въ гробъ трауръ о кончинѣ монархіи; послѣ моей смерти, мятежники подѣлятъ межъ собой ея останки.... Что это, крикнулъ онъ, услышавъ внезапный пушечный выстрѣлъ! развѣ уже пришло погребеніе Ахилла?.... Другъ мой, обратился онъ къ своему доктору и другу, извѣстному Кабанису, я умру теперь. Мнѣ болѣе ничего не остается дѣлать, какъ окружить себя цвѣтами, и пусть музыка проводитъ меня на сонъ, отъ котораго не просыпаются....»

Послѣднія титаническія страданія охватили изнеможенное тѣло; онъ не могъ болѣе говорить, онъ попросилъ знакомъ бумагу и карандашъ, и дрожащая рука начертила: «Спать» — то была просьба объ опіумѣ. Онъ умеръ 2-го апрѣля въ $8^1/_2$ ч. утра. Пронесся слухъ объ отравленіи его; было произведено вскрытіе тѣла, и дѣло оставлено неразъясненнымъ, хотя пріемный сынъ Мирабо утверждаетъ, что всѣ доктора нашли въ трупѣ несомнѣнные признаки яда. 3-го апрѣля, національное собраніе, по просьбѣ парижскаго департамента, декретировало, чтобъ церковь св. Женевьевы (Пантеонъ) была посвящена праху великихъ людей, и чтобъ на ея дверяхъ была начертана надпись: «Великимъ людямъ, благодарное отечество.»

Громадная, небывалая процессія провожала Мирабо на его новое жилище, отведенное ему національнымъ представительствомъ; весь Якобинскій клубъ, все собраніе сопровождало трупъ «ве-

ликаго революціонера» до самаго Пантеона. У гроба человѣка, вызывавшаго бури въ собраніи, мирились враги, и Сіесъ протягивалъ руку Ламету. Только одинъ человѣкъ, одинъ депутатъ собранія отказался присутствовать при похоронной процессіи — будущій меръ Парижа, будущій жирондистъ *Петіонъ*, прахъ котораго былъ обреченъ не на славу Пантеона, а на съѣденіе волкамъ. Говорятъ, Петіонъ сказалъ, что читалъ планъ заговора, писанный рукою Мирабо. Еслибъ Петіонъ вздумалъ явиться на похороны и вмѣсто произнесенной похвальной рѣчи выразилъ свое сомнѣніе въ величіи и честности Мирабо, толпа народа могла бы устроить два погребенія за-разъ, т. е. разорвать Петіона на куски....

VI.

Прошло три года съ того дня. Цѣлыя рѣки крови пролились напрасно и безполезно; партіи топились въ той крови одна за другой; гильотина рубила безъ разбору и интригу и дряхлость, и силу и надежду Франціи. Погибли конституціоналисты, и сметенъ бурбонскій тронъ. Сбылось предсказаніе Мирабо: «Я совершенно увѣренъ, что она (Марія Антуанета) не сохранитъ своей жизни, если не сохранитъ своей короны!» Погибли жирондисты съ другой героиней—Маріей Роланъ; близка была наконецъ и гибель якобинцевъ; красный терроръ мечталъ о своей справедливости и неподкупности и, неудовлетворенный живыми жертвами, обратился къ мертвымъ: осенью 94-го года совершилась иная процессія отъ Пантеона, странная, суровая процессія—прахъ Мирабо былъ изгнанъ изъ Пантеона и брошенъ на кладбище, въ предмѣстьи Сенъ-Марсо. Кара, постигшая останки Мирабо, была вызвана открытіемъ подкупа, измѣною революціи, служеніемъ двору и продажнымъ заговоромъ противъ націи! Два слова въ заключеніи будутъ достаточны для того или другого сужденія о продажности. Уже въ октябрѣ 89-го г. Ламаркъ уговаривалъ Мирабо принять деньги: «Примите! Ваши враги принуждены будутъ болѣе считаться съ вами. Ваши дѣла не будутъ болѣе мѣшать вамъ мелкими затрудненіями; тогда вы весь будете тѣмъ, чѣмъ вы должны быть по своему содержанію, т. е. превосходнѣе всѣхъ другихъ.» Мирабо колебался, но черезъ двѣ недѣли послѣ увѣщанія друга, жаловался ему на смѣшную присылку Лафайета, не хватающую на уплату долга Ламарку и на необходимое перемѣщеніе.

Бо́льшихъ показаній въ «Корреспонденціи» искать напрасно; но при этомъ не лишне будетъ напомнить читателю, какъ самъ Мирабо относился къ характеру переписки: дѣло въ томъ, что

онъ придавалъ ей большое значеніе; онъ часто возвращался къ мысли о необходимости сбереженія переписки для потомства, чтобъ по ней оно могло судить о его величіи и геніальности, и о его искреннемъ служеніи дѣлу союза между свободой и роялизмомъ; и только иногда ему являлось желаніе сожженія переписки. Понятно отсюда, что Мирабо могъ оставаться въ письмахъ и запискахъ вовсе не искреннимъ и довѣрчивымъ, а политикомъ и дипломатомъ.... Другое показаніе мы находимъ у Малуэ. Онъ разсказываетъ свое объясненіе съ Монмореномъ о подкупѣ Мирабо. Въ ящичкѣ, изъ котораго Монморенъ, при свиданіи съ Малуэ, досталъ планъ Мирабо, находились его письма и вмѣстѣ съ тѣмъ вексель для Мирабо отъ короля въ два милліона, для врученія по выполненіи плана. Вексель этотъ уменьшилъ довѣріе Малуэ, и онъ сталъ распрашивать министра, самъ ли Мирабо просилъ денегъ въ награду за услугу, потому что «еслибъ въ обращеніи Мирабо на истинный путь былъ только денежный разсчетъ, то я не представлялъ себѣ возможнымъ поддержаніе его популярности. Уже и безъ того стали замѣчать его большіе расходы и роскошь, и какъ могъ бы онъ избѣгнуть подозрѣній, розысковъ и обличеній якобинцевъ?»

Монморенъ объяснилъ Малуэ, что король самъ, по собственному влеченію, послѣ прочтенія проекта, написалъ вексель въ два милліона, съ тѣмъ, чтобъ министръ сохранилъ его, пока дѣла примутъ дѣйствительно лучшій оборотъ. Король обѣщалъ въ то же время Мирабо полное довѣріе и выражалъ надежду, что онъ съумѣетъ поправить зло. Мирабо былъ очень радъ услышать о расположеніи къ нему короля; но векселя ему министръ не показалъ, а только сказалъ, что онъ можетъ надѣяться на блестящее выраженіе благодарности его величества, «и безъ всякаго разговора между мной и имъ о деньгахъ, я приказалъ доставлять ему десять тысячъ франковъ въ мѣсяцъ.» Уже изъ этого получается понятіе о человѣкѣ, которому министръ позволяетъ себѣ безъ спору посылать ежемѣсячную плату. Панегиристы Мирабо говорятъ, что подобныя деньги требовались вовсе не для его личной жизни, а для его тайныхъ дѣйствій въ видахъ спасенія монархіи. Но даже Малуэ былъ болѣе взыскателенъ и проницателенъ, и не остановился предъ лаконическимъ объясненіемъ министра, а прямо высказалъ ему подозрѣніе, что Мирабо было заплачено за проведеніе нѣкоторыхъ декретовъ, какъ напр. о правѣ войны и мира и т. п., и министръ призналъ справедливость подозрѣній, оправдывая Мирабо тѣмъ, что «то̀, что̀ мы дали ему, онъ не требовалъ отъ насъ; низость и неблаговидность торга, которыя вы предполагаете, не существуютъ.»

На этомъ поясненіи мы можемъ остановиться. Роль Мирабо, не смотря на всю краткость нашего бѣглаго очерка, — довольно ясна, и каждый самъ легко можетъ вывести о ней то или другое заключеніе. Она была во всякомъ случаѣ мрачна и безполезна, если не вполнѣ вредна для обѣихъ враждовавшихъ сторонъ. Неудачная попытка Мирабо, пресѣченная смертью, повергла въ уныніе самыхъ преданныхъ слугъ монархіи; Монморенъ утратилъ всякую вѣру въ спасеніе и твердилъ, что всѣмъ предстоитъ гибель. Люди, какъ Малуэ, стали искать новыхъ спасителей и въ своей растерянности, при утратѣ всякаго спокойствія и яснаго сознанія, прибѣгали къ такимъ траги-комическимъ изобрѣтеніямъ какимъ явился вызовъ изъ Марселя стараго аббата Райналя (знаменитаго своей философской исторіей Индіи,) и исторія съ его увѣщевательнымъ посланіемъ національному собранію, чтобъ оно опомнилось и преклонилось предъ вѣковымъ старымъ порядкомъ. Страшные крики раздались въ собраніи при чтеніи посланій: «Наглость! Мщеніе!» И не менѣе страшенъ былъ призывъ Робеспьера къ успокоенію: «Я умоляю собраніе успокоиться.... Посмотрите, какъ враги свободы, не смѣя нападать на нее прямо, должны употребить хитрость. Несчастные идутъ отыскивать у порога могилы почтеннаго старца, и злоупотребляя его слабостью, заставляютъ его отречься отъ своихъ воззрѣній и отъ тѣхъ началъ, которыя создали его славу». Мы можемъ только избавить и дворъ и всю партію стараго порядка отъ такого упрека Робеспьера: отъисканіе Райналя и выставленіе его на посмѣяніе принадлежатъ исключительно одному Малуэ, добросовѣстность котораго не задумывается сама признаться въ томъ.

Какимъ образомъ враги двора—конституціоналисты, и во главѣ ихъ Барнава, внезапно захотѣли, въ свою очередь, явиться спасителями бурбонской монархіи, какъ дворъ и его героиня, стойкая и отважная Марія-Антуанета, даже и въ этомъ случаѣ, не хотѣла поступиться ни однимъ изъ своихъ воззрѣній и уступить, что̀ бы то ни было, требованіямъ времени и мольбамъ ея новыхъ, обманувшихся союзниковъ—все это относится къ другому періоду кровавой драмы, и, можетъ быть, намъ представится еще случай говорить объ этомъ особо.

И. Н.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

ВО

ФРАНЦІИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

ОКТАВЪ ФЕЛЬЕ И АЛЕКСАНДРЪ ДЮМА.

III.

Переходя отъ Сарду и Барьера къ другимъ современнымъ представителямъ драматическаго искусства во Франціи, мы, собственно, должны были бы говорить о такомъ писателѣ, какъ Октавъ Фелье, не болѣе какъ мимоходомъ, потому что онъ стоитъ особнякомъ, не отдавшись вполнѣ господствующему направленію реализма, а колеблясь между нимъ и своею первою юношескою наклонностью — романтическою школою. Когда Октавъ Фелье выступилъ на литературную сцену, романтическая школа только-что сошла съ нее. Она пришиблена была внезапно, въ полномъ цвѣтѣ жизни, во всей силѣ ея молодости. Но, все же ея могила была еще свѣжа, цвѣты, брошенные на нее, не успѣли еще засохнуть, воздухъ былъ полонъ еще романтизмомъ, и его невольно вдохнулъ въ себя и Фелье. На талантъ, въ которомъ чувствительность, даже сантиментальность играетъ такую большую роль, какъ у Фелье, нѣтъ болѣе могущественнаго вліянія, какъ первыя впе-

---

*) См. выше, т. V, стр. 806—844.

чатлѣнія юности, какъ видъ той среды, въ которой проходятъ молодые годы жизни: его воображеніе невольно пропитывается всѣмъ тѣмъ, что̀ его окружаетъ, что̀ онъ видитъ и слышитъ. Вліяніе на Фелье было двойственное. Съ одной стороны, литературная атмосфера полна была фантастическими образами Жоржа Санда, Альфреда де-Мюссе; они вносили съ собою какой-то потокъ страсти, увлеченія, они не довольны были мелкими волненіями ежедневной жизни, они чувствовали необходимость возвыситься надъ нею, и всѣмъ тѣломъ и всею душею отдавались области воображенія, пламенной фантазіи, гдѣ они забывали все то, что̀ звалось ими буржуазнымъ долгомъ, буржуазною нравственностью и добродѣтелью. Въ томъ мірѣ, гдѣ они летали, страсть была идоломъ, которому приносилась въ жертву вся жизнь, она всегда была побѣдительницею, всегда торжествовала надъ всѣми своими врагами, всѣ герои были пропитаны ею и дѣйствовали только сообразно съ нею. Реальная жизнь была для нихъ только аксесуаромъ фантазіи. Авторъ «Роллы» и «Намуны» воспламенялъ воображеніе Фелье, разгорячалъ показывавшуюся въ немъ страсть, увлекалъ его красотою своихъ формъ и образовъ. Его молодость жаждала насладиться этою нѣгою забытья, ему тоже хотѣлось отдаться этимъ страстнымъ и чувственнымъ мечтаніямъ. Октавъ Фелье не могъ не втягивать въ себя струю этого горячаго воздуха, и врядъ ли онъ совсѣмъ не отдался бы фантастическому направленію, если бы рядомъ съ этимъ вліяніемъ не было другого вліянія того круга, въ которомъ онъ родился и который былъ свидѣтелемъ его первыхъ артистическихъ шаговъ. Кругъ, гдѣ выросъ и развился Фелье, принадлежалъ провинціальной буржуазіи, перемѣшанной съ деревенскимъ дворянствомъ, и съ тою полузнатью, которая спряталась въ своихъ удаленныхъ отъ центра за̀мкахъ. Жизнь въ этомъ кругу была совершенною противоположностью тѣмъ фантастическимъ представленіямъ, которыя рисовались воображенію очень еще молодого автора; она текла мирно, спокойно, безъ всѣхъ тѣхъ волненій, порывовъ, пропастей, подвертывавшихся на каждомъ шагу героямъ романовъ Санда, и разсказовъ, маленькихъ комедій и поэмъ Альфреда де-Мюссе. Онъ видѣлъ на каждомъ шагу и слышалъ кругомъ себя слова: долгъ, обязанность, святость разъ даннаго обѣщанія, борьба не на жизнь, а на смерть противъ пагубнаго увлеченія страсти; въ его ушахъ звучала хвала тѣмъ, которые ее побѣждали, и проклятія тѣмъ, которые уступали ей. Такое двойное вліяніе, съ одной стороны фантастической литературной атмосферы и съ другой очень положительной буржуазной, не могло не отозваться на произведеніяхъ Октава Фелье,

и нигдѣ оно такъ сильно не сказывается, какъ на его первой манерѣ. Къ этой первой манерѣ относятся всѣ небольшія комедіи, всѣ тѣ небольшія вещи, которыя составляютъ его «Scènes et Proverbes», а ко второй принадлежатъ его крупныя и лучшія пьесы, какъ «Dalila» и «Montjoye». Когда на сценѣ появились его первыя маленькія, но граціозныя произведенія, публика сейчасъ увидѣла, что молодой авторъ далеко не самостоятеленъ, что въ немъ живетъ и дышетъ другой писатель, и не кто иной, какъ авторъ стольнихъ талантливыхъ пьесъ: «On ne badine pas avec l'amour», «Caprices de Marianne», «Fantasio» и т. д., однимъ словомъ Альфредъ де-Мюссе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если всякій былъ пораженъ сходствомъ формы, стараніемъ подражать во всей внѣшней обстановкѣ сцены, копированіемъ изящнаго разговорнаго языка, то не трудно было все-таки видѣть, что внутреннее содержаніе, канва этихъ вещей совершенно другая, чѣмъ у автора «Ночей». Въ нѣсколько лѣтъ цѣлый градъ крошечныхъ сценъ Октава Фелье посыпался на различные театры, между которыми нѣсколько пьесъ имѣли довольно большой успѣхъ. Неудача съ «Bourgeois de Rome», «Palma», «Vieillesse de Richelieu»; полууспѣхъ «Echec et Mat» —были совершенно вознаграждены рукоплесканіями, которыхъ удостоились «la Partie de Dames», «la Clé d'or», «le Village», «le Pour et le Contre», «la Crise», «le Cheveu Blanc» и т. д. и т. д., все очень легкія, граціозныя и изящныя по формѣ произведенія. Внѣшнее сходство этихъ произведеній было до того велико съ комедіями Мюссе, что Октавъ Фелье получилъ имя Мюссе, но только съ прибавленіемъ «des familles». Названіе было придумано не дурно, потому что, въ самомъ дѣлѣ, его произведенія были какъ бы нарочно созданы для того, чтобы вечеромъ, за чайнымъ столомъ, ихъ можно было читать въ семейномъ кружкѣ, чтобы они производили успокоивающее впечатлѣніе, оставляли по себѣ мягкое, нѣжное воспоминаніе, чтобы они не безпокоили ночью молодую женщину горячими образами, не разшевеливали бы ея усыпленныхъ чувствъ и не возбуждали, какъ это дѣлаютъ пьесы Мюссе, ея затаенныхъ страстей.

Какъ у Мюссе все было направлено къ торжеству страсти, такъ у Фелье все клонится къ ея уничтоженію и побѣдѣ долга. Онъ заимствовалъ у романтической школы элегантность формы, любовь къ оригинальнымъ образамъ, отвращеніе къ тому, что зовется вульгарностію, стремленіе не столько говорить разуму, сколько сердцу, затрогивать фантазію человѣка, и всѣ подобныя заимствованія онъ перенесъ и вложилъ въ тѣсную рамку тихой семейной жизни. Ограничившись тѣмъ кругомъ,

въ которомъ онъ выросъ, тѣми нравами и привычками, которыя онъ встрѣчалъ въ немъ, онъ, неизбѣжно, долженъ былъ обрѣзать крылья своего воображенія, и вмѣсто того, чтобы погрузиться въ бездну страстей и сдѣлаться живописцемъ всего того, что̀ общество зоветъ «незаконнымъ», онъ сдѣлался изящнымъ ваятелемъ всего провинціальнаго міра, съ его честной и тупой буржуазіей, съ его обществомъ хорошаго тона, съ его гордыми владѣльцами и прекрасными владѣтельницами старыхъ замковъ. Поэтому, прежде всего, онъ сдѣлался любимцемъ этого слоя общества, которое стало баловать его, какъ свое собственное дитя; да и какъ ему было не баловать его, когда Октавъ Фелье едва ли не первый съ такимъ умѣньемъ сталъ увѣрять его, что въ ихъ жизни есть столько же волненій, столько же поэзіи, столько же фантастической прелести, какъ и въ той бурной заоблачной средѣ, которую показывалъ имъ Мюссе. На произведенія послѣдняго общество, выростившее Фелье, смотрѣло съ наружнымъ негодованіемъ и скрытою завистью, и конечно не разъ говорило про себя тайно: «да, это̀ вотъ жизнь, это молодость, а мы что̀, мы только умѣемъ спокойно и уныло влачить нашу юность». Произведенія же Фелье точно отгадали эту тайную мысль, и общество обрадовалось, когда услышало, что и въ его жизни есть всѣ тѣже ощущенія, только болѣе чистыя, болѣе благородныя, болѣе подходящія ко всей его жизненной обстановкѣ. Онъ имѣлъ въ этомъ мірѣ быстрый успѣхъ, потому что «овладѣлъ искусствомъ—говоритъ Sainte-Beuve—превратить супружество въ интригу, волокитство: пикантная манера, и можетъ быть единственная, чтобы придать ему снова свѣжесть, жизнь, упоительный запахъ». Онъ ввелъ въ брачныя отношенія все кокетство, встрѣчающееся между любовникомъ и любовницею, и, главное, такое тонкое, невинное кокетство, что трудно даже допустить мысль, чтобы этотъ мужъ и эта жена были въ дѣйствительности хоть разъ въ своей жизни мужемъ и женою. Желая рисовать опредѣленный міръ, понятно, что онъ долженъ былъ болѣе остановиться на изученіи, если не вообще человѣческаго сердца, то по крайней мѣрѣ сердца воспроизводимаго имъ общества; внося фантазію, всегда умѣренно - элегантную, въ людскія отношенія, онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ ихъ наблюдать, и въ этомъ сказывается также разница между Мюссе и его подражателемъ. Мюссе не стѣснялся ничѣмъ, онъ говорилъ, что онъ знаетъ «свое человѣческое сердце», и что до другихъ, слѣдовательно, ему нѣтъ дѣла; онъ былъ болѣе чѣмъ кто нибудь другой субъективнымъ поэтомъ. Фелье не могъ сказать того же, потому что выводимые имъ образы онъ бралъ не изъ своего воображенія, а

изъ окружавшей его среды, и фантазію вводилъ только въ ихъ отношенія между собою. Въ этомъ есть и выгода и невыгода. Въ созданіяхъ Мюссе, часто лишенныхъ всякой реальности, выброшенной изъ всѣхъ условій обыкновенной жизни, не стѣсненныхъ никакими преградами дѣйствительности, мы находимъ прелесть поэтическихъ, чисто идеальныхъ образовъ; въ произведеніяхъ же Фелье, претендующихъ на изображеніе дѣйствительной жизни, мы обязаны, и онъ самъ велитъ намъ искать будничную правду, но въ сущности же, если мы и находимъ въ его лицахъ, взятыхъ изъ жизни, болѣе правды чѣмъ въ поэтическихъ фигурахъ Мюссе, который вовсе и не знаетъ ее, то, тѣмъ не менѣе, правда у Октава Фелье, благодаря фантазіи, окутывающей его лица, настолько же похожа на правду реальной жизни, насколько фигурка, сдѣланная изъ сахара, похожа на настоящаго живого человѣка. Такому впечатлѣнію помогаетъ утрированіе того, что онъ заимствовалъ хорошаго изъ романтической школы; какъ его пристрастіе и любовь къ красивой литературной формѣ очень часто заставляетъ его забывать естественность и простоту, такъ точно отвращеніе его къ вульгарному языку, къ вульгарнымъ манерамъ и даже къ вульгарнымъ людямъ принуждаетъ его переходить въ противоположную сторону и вдаваться въ аффектацію чувствъ, въ искусственность языка, натяжку въ манерахъ и въ созданіе полулюдей, полукуколъ.

Не выходя изъ этой среды, живя ея интересами, не заглядывая далѣе за предѣлы маленькой жизни, Октавъ Фелье долженъ былъ внести съ собою огромный запасъ оптимизма. Его вездѣ такъ хорошо принимали, всѣ такъ мило и добродушно улыбались, что ему не могло прійти въ голову что такая жизнь есть только самое ничтожное исключеніе, а совсѣмъ не общее правило. Поэтому его первыя составившіяся понятія, мнѣнія и убѣжденія, имѣющія такое огромное вліяніе на произведенія человѣка, были всѣ самаго яркаго розоваго цвѣта, и онѣ должны были быть еще укрѣплены его первыми шагами на пути артистической дѣятельности. Съ самаго начала, его юношескія произведенія имѣли въ обществѣ успѣхъ, и когда слухъ о немъ долетѣлъ до него изъ Парижа въ провинцію, то врядъ ли даже онъ могъ быть имъ удивленъ. Вопросъ: да какъ же могло быть иначе? безъ всякаго въ немъ самолюбія—совершенно естественно долженъ былъ явиться въ его головѣ. Въ жизни, говорилъ онъ себѣ, вѣдь все такъ хорошо! Это оптимистическое къ ней отношеніе со всею яркостью бросается въ глаза во всѣхъ его произведеніяхъ первой манеры, и нужно сказать правду, она очень гармонируетъ съ его нѣжными, тонкими, граціозными эскизами полубуржуазной, полуари-

стократической среды. Не смотря однако ни на какія достоинства его «Scènes et Proverbes», если бы даже они были написаны еще болѣе изящнымъ языкомъ, если бы въ нихъ было еще болѣе тонкаго анализа великосвѣтскихъ не то серьезныхъ, не то шуточныхъ чувствъ, если бы на нихъ еще болѣе рѣзко лежала печать вкуса и таланта автора, ни въ какомъ случаѣ однако они не дали бы ему достаточнаго права, чтобъ быть записаннымъ въ число первоклассныхъ современныхъ писателей. Правда, что тогда, когда кто-нибудь говорилъ о мѣстѣ, занимаемомъ въ литературномъ мірѣ Октавомъ Фелье, всегда думали не объ однихъ только его литературно-сценическихъ произведеніяхъ первой манеры, но также и объ его нѣсколькихъ романахъ, какъ «Bellah» «la Petite Comtesse» и т. д., имѣвшихъ въ обществѣ большой успѣхъ; но мы, разсматривая исключительно драматурговъ, не могли бы принять во вниманіе его дѣятельности по другимъ отраслямъ искусства. Къ счастью, Октавъ Фелье не остановился на своей первой манерѣ, ему удалось откинуть ее, расширить свою задачу и, въ концѣ концовъ, сдѣлаться болѣе серьезнымъ драматическимъ писателемъ, продолжая оставаться талантливымъ романистомъ.

Пріѣхавъ изъ провинціи въ Парижъ, попавъ сразу въ центръ человѣческой дѣятельности, дурной или хорошей, прійдя въ столкновеніе съ бо̀льшимъ кругомъ людей, и съ бо̀льшими интересами, чѣмъ онъ находилъ въ отдаленныхъ за̀мкахъ, естественно, что Октавъ Фелье не могъ скоро не замѣтить, что его «Scènes et Proverbes» были не чѣмъ инымъ, какъ милою и доказывавшею талантъ забавою, которая не могла оставить по себѣ никакого слѣда въ этомъ страшномъ круговоротѣ полной парижской жизни. Онъ отлично понялъ, что для того, чтобы здѣсь пріобрѣсти себѣ имя, нужно затронуть, и глубоко затронуть какую-нибудь серьезную сторону жизни, нужно задаться болѣе важною задачею, чѣмъ изображеніе ссоръ и примиреній маркизъ и графинь съ ихъ мужьями; ему должно было сдѣлаться ясно, что для того, чтобы попасть въ желаемый имъ рядъ драматурговъ, ему нельзя было остаться при его узкомъ кругозорѣ, съ его давно принятымъ и освященнымъ кодексомъ нравственности, съ его боязнію отнестись какъ-нибудь иначе, чѣмъ съ укоромъ къ человѣческой страсти, къ сильнымъ порывамъ души. Когда онъ пробуетъ писать большую драму «Rédemption», прилагая къ ней тѣ же воззрѣнія, тотъ же блѣдный идеалъ, который онъ заимствовалъ у своей неразвитой и тѣсной провинціальной среды, ту же манеру своихъ первыхъ пьесокъ, драма его падаетъ, и въ этомъ паденіи онъ долженъ обвинять только себя. Онъ убѣж-

дается, что то, что̀ можетъ быть мило и граціозно въ маленькой сценѣ, становится скучно, вяло, какъ только дѣйствіе продолжается болѣе четверти часа. Для драмы нужны серьёзные и сильные характеры, серьёзныя и сильныя положенія, нужна большая, широкая жизнь, затрогивающія душу столкновенія, а не тѣ бури въ маленькихъ рюмочкахъ, которыя онъ описывалъ въ своихъ «Сценахъ». Огромнымъ, гигантскимъ шагомъ послѣ его первыхъ произведеній была драма «Dalila», которою начинается его вторая манера.

Какой тяжелый вздохъ долженъ былъ вырваться у автора «Scènes et Proverbes» въ ту минуту, когда онъ рѣшился приняться за «Dalila». Кажется цѣлая пропасть отдѣляетъ теперь Октава Фелье отъ того времени, когда онъ писалъ свои разсказы и сцены; повязка упала съ его глазъ, и онъ увидѣлъ, что въ жизни не все одинъ розовый цвѣтъ. Онъ смотритъ теперь трезво на міръ, онъ откинулъ свой оптимизмъ, и понялъ, что бури бываютъ не только въ изящныхъ хрустальныхъ бокалахъ, а что они свирѣпствуютъ и въ томъ безконечномъ океанѣ, который носитъ имя: человѣческія страсти. Къ нимъ не пристала бы его грація и нѣжность, они требуютъ для воспроизведенія себя твердости, энергіи, силы, и Октавъ Фелье, по счастью, нашелъ все это затаеннымъ внутри себя. Онъ открылъ этотъ кладъ и показалъ, что онъ способенъ затрогивать самыя высокія и раздирательныя струны человѣческаго сердца, нарисовавъ намъ цѣльные характеры Карніоли и Леоноры, двухъ героевъ его «Dalila». Онъ взялъ свой сюжетъ, свою главную героиню изъ того же міра, въ которомъ онъ такъ привыкъ вращаться, но освѣтилъ совершенно противоположнымъ свѣтомъ. До сихъ поръ онъ странствовалъ только по великолѣпнымъ и чиннымъ гостиннымъ, гдѣ встрѣчалъ всегда нѣжныя и добродѣтельныя созданія, которымъ не иначе протягивалъ свою руку, какъ обтянутую перчаткою «gris-perle», теперь онъ попалъ въ салонъ, стѣны котораго могли бы разсказать о тысячи перипетіяхъ, и гдѣ подъ мягкою улыбкою женщина скрываетъ хищность гіены. Во всѣхъ сценахъ, представляющихъ намъ еще почти юношу, но юношу полнаго таланта, почти геніальности, композитора Росвейна, нѣжно любящаго дочь своего учителя Серторіуса, отъ которой отрываетъ его покровитель Карніоли, устрашенный, что семейное счастье убьетъ талантъ отысканнаго имъ генія; онъ отрываетъ его, чтобы бросить его въ страстныя объятія своей бывшей любовницы, принцессы Леоноры; во всѣхъ сценахъ, въ которыхъ онъ представилъ намъ, какъ эта неумолимая богиня зла сначала привлекаетъ, влюбляетъ въ себя эту талантливую

натуру, играетъ имъ какъ кошка мышкой, покамѣстъ она не выжала изъ него всего сока, и не бросаетъ его полуумирающаго, чтобы насладиться новою связью съ какимъ-то пѣвцомъ, во всѣхъ этихъ сценахъ коварства, истинной любви, разлито столько страсти, столько драматичности и силы, что съ трудомъ вѣрится, чтобы авторъ «Dalila» былъ тотъ самый нѣжный и модный писатель, имя котораго подписано подъ «Scènes et Proverbes». Быть можетъ и тутъ въ основаніи пьесы лежитъ, какъ во всѣхъ остальныхъ его вещахъ, нравственная сентенція, хотя бы въ такомъ родѣ, что для развитія таланта необходима спокойная, честная любовь, семейная жизнь, и что талантъ разбивается, когда онъ попадаетъ на бурное, полное страсти чувство; но такая мораль, если она и была въ головѣ автора, настолько скрыта, что она нисколько не колетъ намъ глаза. Она не выходитъ наружу въ нравственныхъ тирадахъ, горячихъ проповѣдяхъ самого автора, который имѣлъ счастіе оставить своихъ дѣйствующихъ лицъ свободными, не вмѣшиваясь ни въ ихъ слова, ни въ ихъ поступки. Во всѣхъ характерахъ, выведенныхъ въ «Dalila», за исключеніемъ, можетъ быть, артиста Росвейна, который слишкомъ блѣденъ и слишкомъ много терзается, нельзя не удивляться ихъ выдержанности, силѣ и даже оригинальности. Если Марта, это любящее созданіе, умирающая съ горя, потерявъ своего Росвейна, и все-таки благословляющая его, если она очевидно напоминаетъ собою Миньону, Маргариту, если она признаетъ ихъ за своихъ старшихъ сестеръ, если ея отецъ, старикъ Серторіусъ, напоминаетъ нѣсколько этихъ старыхъ дѣтей-музыкантовъ, для которыхъ вся жизнь—одни звуки, и которыхъ мы встрѣчали уже довольно часто на сценѣ, но за то характеръ Леоноры, этотъ типъ рѣшительной, надменной красавицы, чувствующей свою волшебную власть, основанной на жестокости, вѣроломствѣ, на соблазнительныхъ прелестяхъ, которыми она такъ искусно пользуется, принадлежитъ вполнѣ Октаву Фелье. Леонора, это воплощеніе холодной, разсчитанной страсти, которой она отдается совершенно сознательно, сохраняя полную свѣжесть головы, она ни передъ чѣмъ не остановится, лишь бы утолить свою жажду животныхъ наслажденій, она пожертвуетъ не только одною такою натурою, какъ Росвейнъ, но она двадцать такихъ броситъ на добычу смерти, лишь бы наслажденіе ея было полнѣе. Съ какимъ мастерствомъ, съ какимъ умѣньемъ мучитъ Росвейна эта аристократка чистой крови; не одна Аспазія позавидовала бы ей. Насколько сильно созданъ типъ Леоноры, настолько же твердо начерченъ другой типъ — Карніоли, этого музыкальнаго мецената. Для него все трынъ-трава, онъ не знаетъ въ жизни пре-

пятствій, его ничего никогда глубоко не задѣвало, онъ ни надъ чѣмъ никогда серьёзно не задумывался; любовь для него только интрига, препровожденіе времени, веселье, забава; истинное чувство — глупая сантиментальность, способная убить все живое, всякій талантъ. Это какой-то демонъ, вырвавшійся изъ ада, честный, искренній, неспособный съ умысломъ сдѣлать ничего дурного, но только заставляющій дрожать передъ своимъ веселымъ, сатанинскимъ смѣхомъ. Октавъ Фелье долженъ былъ сдѣлать надъ своимъ талантомъ страшное насиліе, онъ долженъ былъ вооружиться геройскимъ мужествомъ, чтобы создать эти два прекрасные типа. Эта драма была бы вполнѣ замѣчательнымъ произведеніемъ, еслибы молодой Росвейнъ, Серторіусъ и его дочь Марта были бы по выдержкѣ одинаковой силы съ Леонорой и Карніоли; не награди онъ ихъ нѣсколькими банальными добродѣтелями, не снабди онъ ихъ условною нравственностью, не поставь онъ ихъ иногда въ академическія позы, имъ нельзя было бы сдѣлать никакихъ упрековъ. Рука Октава Фелье ни разу не дрожала, когда онъ писалъ эту драму; скрѣпя сердце и съ тяжело доставшимся ему спокойствіемъ, онъ смотрѣлъ на возраставшую борьбу страстей, въ которой погибъ дорогой ему образъ Марты и симпатичный Росвейна и восторжествовалъ ненавистный ему порокъ, воплотившійся въ Леонорѣ; онъ заглянулъ въ самыя сокровенныя тайники ея сердца, и пробѣжавшая по немъ дрожь прорвалась только въ голосѣ Росвейна. Глядя на живыя фигуры Карніоли и Леоноры, кто захочетъ упрекать Фелье за нѣкоторыя сантиментальныя мѣста его пьесы, остатки его первой манеры; вдохновеніе, проходящее черезъ всю драму, настоящая страсть, брошенная въ дѣйствіе и небывалая до сихъ поръ въ немъ сила, искупаютъ такого рода слабости. Романтическая струя, пропущенная въ пьесу, и отъ которой не могъ удержаться Фелье, не портитъ общаго впечатлѣнія, напротивъ, она даетъ даже ей теплоту, какую-то лихорадочную дрожь, переходящую въ зрителя, и недопускаетъ автора вдаться въ излишнюю подробность при изображеніи, легко поддающейся утрировкѣ, страсти Леоноры и Росвейна. Изящный, изысканный языкъ Октава Фелье какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ внѣшнимъ приличіемъ и даже величіемъ Леоноры, и бросаетъ еще бо̀льшій свѣтъ на ту бездну, ко̀торая отдѣляетъ въ ней то, что̀ только кажется и что̀ есть на самомъ дѣлѣ.

Его первая проба отбросить свою первую манеру была настолько удачна, что, казалось, ему не было бы надобности опять обращаться къ ней; разъ, что онъ сдѣлалъ шагъ къ реализму и разъ, что этотъ шагъ былъ успѣшенъ, онъ не долженъ

бы былъ возвращаться къ только-что покинутому мѣсту. Но привычка — вторая натура, и потому Октавъ Фелье, въ слѣдующей своей пьесѣ, вырѣзанной изъ романа, опять болѣе или менѣе вернулся на прежнюю дорогу. Не смотря на очень большой успѣхъ «Le roman d'un jeune homme pauvre», эта пьеса несравненно слабѣе, чѣмъ «Dalila». Кромѣ нѣкоторыхъ удачныхъ сценъ въ первомъ и второмъ актѣ, все остальное — декламація, сантиментальность, неестественныя положенія, невыдержанные характеры и высокія нравственныя сентенціи. То̀, что̀ объяснено, развито въ романѣ, безъ сомнѣнія болѣе интересномъ, чѣмъ пьеса, то тутъ сжато, скомкано, фантастично. Если «Le roman d'un jeune homme pauvre» имѣлъ такой большой успѣхъ, то для насъ рѣшительно остается загадкой, отчего провалилась другая его пьеса «la Belle au bois dormant», безъ сомнѣнія, нисколько не уступающая, по достоинству, первой. Мы не станемъ останавливаться и на ней, потому что въ ней точно также, какъ и въ предъидущей пьесѣ, нѣтъ ни одного новаго положенія, ни одной самостоятельной мысли, ни одного оригинальнаго характера. Она принадлежитъ къ тому разряду пьесъ, о которыхъ мы упоминали, говоря о Сарду, именно: тенденціозная пьеса съ цѣлію примиренія двухъ лагерей буржуазіи и аристократіи, съ главнымъ героемъ инженеромъ и т. д. и т. д., однимъ словомъ, знакомая пѣсня.

Другое произведеніе, стоящее на-ряду съ «Dalila» и заслуживающее полнаго вниманія, это: «Montjoye». Въ этой комедіи онъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ, чтобы приблизиться къ реальному направленію остальныхъ драматурговъ, и шагъ этотъ былъ такъ великъ, что въ этой пьесѣ, или, вѣрнѣе, въ первыхъ четырехъ актахъ, онъ совершенно слился съ ними. Какой тернистый путь разрушенныхъ иллюзій долженъ былъ пройти авторъ «la Crise,» «le Pour et le Contre» и т. п., чтобы создать живую фигуру Montjoye! Montjoye — это совершенный, законченный типъ современнаго человѣка торжествующей партіи. Онъ не остановится ни передъ чѣмъ, для него хороши всѣ средства, чтобы достигнуть только своей цѣли, которая сводится къ двумъ пунктамъ: богатство и вліяніе. Montjoye, это—воплощеніе самаго тупого эгоизма, презирающаго все и всѣхъ, и, безъ сомнѣнія, такого рода эгоизмъ даетъ большую силу человѣку. У него передъ глазами всегда живой примѣръ, какъ тѣ люди, которые, по выраженію Montjoye, находятся «dans le bleu», что̀ значитъ въ переводѣ—люди, посвятившіе свою жизнь безкорыстному служенію обществу, жертвовавшіе ему всѣмъ, что̀ у нихъ было дорогого и близкаго, предпочитавшіе общественную пользу своей

личной выгодѣ,—какъ эти люди были раздавлены, побиты, уничтожены тѣми, которые ставили свое личное благосостояніе выше всего остального міра. «Эти раздавленные люди, говоритъ Montjoye, внушили мнѣ самое глубокое презрѣніе, и я рѣшился во что бы то ни стало не быть имъ подобнымъ», или иначе: «Я видѣлъ, что честные люди гибли въ борьбѣ и оставались ни при чемъ, мерзавцы торжествовали, и я предпочелъ быть лучше въ числѣ торжествующихъ, а не побѣжденныхъ». Такова теорія Montjoye, и онъ не замедлилъ приложить ее къ практикѣ. Онъ строитъ свое громадное состояніе на мошенничествѣ, разоряя своего друга и компаньона, который пускаетъ себѣ пулю въ лобъ; онъ обманываетъ женщину, обѣщая на ней жениться; она бѣжитъ изъ дому своихъ родителей, и онъ не женится, чтобы всегда держать ее въ зависимости и подъ страхомъ, что онъ ее броситъ, а общество, принявъ его сторону, закидаетъ ее каменьями; онъ не хочетъ усыновить своихъ дѣтей, чтобы не быть связаннымъ передъ ними закономъ и всегда быть свободнымъ распорядиться своимъ состояніемъ такъ или иначе; однимъ словомъ, основнымъ его правиломъ служитъ презрѣніе ко всему, что̀ не клонится къ его личной выгодѣ. Характеръ этого человѣка, отъ начала до конца четвертаго акта, выдержанъ съ замѣчательною силою, ни на одну секунду онъ не слабѣетъ, никогда не говоритъ ни одного слова, которое не было бы согласно съ его характеромъ, всегда онъ одинъ и тотъ же, ничто его не можетъ тронуть, заставить разчувствоваться, и въ самую трудную минуту своей жизни, когда всѣ его покидаютъ, когда обманъ, надувательство его относительно застрѣлившагося друга выходятъ наружу; когда женщина, жившая съ нимъ двадцать лѣтъ, наконецъ выведенная изъ терпѣнія его оскорбленіями, бросаетъ его; когда дочь, сынъ уходятъ вмѣстѣ съ матерью; когда онъ остается одинъ съ своею мошенническою жизнію, у него вырывается изъ груди одинъ крикъ: «все это вздоръ, будемъ человѣкомъ». Октавъ Фелье до того боится въ этой пьесѣ своей наклонности къ сантиментальности, онъ такъ опасается вдаться въ излишнія черты, что нѣкоторыя сцены даже носятъ на себѣ отпечатокъ большей или меньшей сухости, недостатокъ, никогда не встрѣчавшійся у Фелье. Онъ не могъ избѣгнуть въ этой пьесѣ еще одного недостатка, это—сравнительной съ самимъ Montjoye слабости и блѣдности всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Характеръ Montjoye до того поглощаетъ собою всѣ остальные, что кажется, въ пьесѣ есть только одно дѣйствующее лицо. Помимо этихъ недостатковъ, четыре акта Montjoye вполнѣ хороши, дѣйствіе идетъ быстро, одно событіе слѣдуетъ за другимъ, столкновенія возра-

стаютъ и не допускаютъ никакой растянутости; по всей пьесѣ проходитъ большая сила, спрятанная подъ самою изящною формою, грубые и жесткіе удары наносятся рукою въ лайковой перчаткѣ. Сила эта не сказывается въ одной какой-нибудь выходкѣ или тирадѣ, нѣтъ, она равномѣрно распредѣлена по всѣмъ положеніямъ драмы. Пятый актъ долженъ быть совершенно исключенъ, какъ, впрочемъ, и въ большинствѣ современныхъ французскихъ пьесъ. Тутъ авторъ совершенно уничтожаетъ всякую послѣдовательность, всякую выдержанность главнаго героя пьесы, Montjoye, который съ руками и ногами отдается сладенькому сантиментальничанью. Пятый актъ—это торжество Фелье первой манеры, возвращеніе къ розовому цвѣту, къ самому неумѣстному оптимизму, отъ котораго ему такъ тяжело было отдѣлаться. Безъ него, типъ Montjoye полонъ; казалось бы, что онъ созданъ желѣзною рукою, и, безъ сомнѣнія, этотъ характеръ, вмѣстѣ съ двумя другими характерами Леоноры и Карніоли, останутся навсегда главною заслугою Октава Фелье. Такъ какъ на всѣ вообще произведенія Октава Фелье общество привыкло смотрѣть больше какъ на защиту того или другого нравственнаго тезиса, то и въ этотъ разъ оно спросило, противъ чего направлена пьеса, кого хотѣлъ наказать авторъ типомъ Montjoye? Отвѣтъ былъ одинъ: вотъ что значитъ быть человѣкомъ безъ принциповъ! и эти слова произносились тѣмъ высшимъ, торжествующимъ обществомъ, какъ бы въ укоръ тѣмъ, которые не раздѣляютъ только ихъ предразсудковъ. Эти послѣдніе, въ свою очередь, могли отвѣтить этому обществу словами: да, вотъ что значитъ быть человѣкомъ безъ принциповъ, но принциповъ-то именно нѣтъ у васъ, потому люди, подобные Montjoye, у васъ попадаются сплошь и рядомъ; еслибы у насъ не было принциповъ, мы вѣроятно не были бы въ числѣ побѣжденныхъ. Въ своемъ глазу вы не видите бревна, а у насъ подмѣчаете маленькую спицу! Замѣтимъ мимоходомъ, что Октавъ Фелье вообще любитъ героевъ, подобныхъ Montjoye, Camors — герою его послѣдняго и надѣлавшаго столько шума романа «Monsieur de Camors», изъ которыхъ можно было бы вывести мораль: «вотъ что значитъ быть человѣкомъ безъ принциповъ»! Къ несчастью, только онъ никакъ не попадаетъ на указаніе принциповъ, безъ которыхъ въ самомъ дѣлѣ нельзя обойтись, а ограничивается требованіемъ такихъ, безъ которыхъ человѣкъ можетъ отлично и очень честно прожить свою жизнь.

Въ заключеніе мы можемъ спросить: отчего, не смотря на безспорный талантъ Октава Фелье, не смотря на большой успѣхъ нѣкоторыхъ его произведеній, онъ остается исключительнымъ лю-

бимцемъ только высшаго буржуазнаго и элегантнаго аристократическаго общества, и отчего въ массѣ вообще образованнаго общества онъ не пользуется популярностью, и пьесы его никогда не вызываютъ такого любопытства и такихъ горячихъ споровъ, какъ пьесы Барьера, Сарду, Ожье́ и Александра Дюма? Отвѣтъ простъ, причина ясна; у него есть и талантъ и большое искусство, но онъ не имѣетъ дара выбирать именно тѣ вопросы, которые захватывали бы все общество за живое; въ его драмахъ нѣтъ никогда того животрепещущаго интереса, той жилки, электризующей все общество, и которая такъ свойственна другимъ талантамъ, какъ Эмиль Ожье, не говоря уже объ Александрѣ Дюма, къ которому мы теперь и обратимся.

IV.

Пока всѣ остальные драматурги колебались между различными школами и направленіями, пока они бросались, какъ изъ огня въ полымя, изъ области романтизма въ область «здраваго смысла», одинъ Александръ Дюма смѣло и безъ боязни вышелъ на дорогу реализма. То, что̀ теперь преобладаетъ, то, что̀ теперь проникло и обняло всѣ роды сценическаго искусства, тогда не имѣло себѣ еще ни одного защитника, несмотря на то, что почва была приготовлена и зародышъ долженъ былъ выйти уже на свѣтъ божій. Эмиль Ожье, Октавъ Фелье и даже Барьеръ открещивались и отрекались отъ реализма, и какъ одинъ писалъ «la Ciguë» и «L'Aventurière», такъ другой набрасывалъ «Scènes et Proverbes», а третій сочинялъ самыя невозможныя мелодрамы и фарсы. Среди этой общей распутицы, среди неизвѣстности и колебанія, выступилъ на сцену очень молодой писатель съ однимъ изъ самыхъ тогда громкихъ именъ — именемъ своего отца Александра Дюма, и съ перваго же раза отказался отъ всѣхъ прежнихъ родовъ, отъ всѣхъ старыхъ направленій и безъ всякаго желанія создать новую школу, сталъ работать для театра съ одною мыслію: всегда и во всемъ уважать и соблюдать правду, и искать ее не въ древнемъ классическомъ мірѣ, не въ мірѣ своей фантазіи, а заимствовать ее изъ того, что̀ даетъ окружающая его среда, что̀ бросаетъ ему въ глаза дѣйствительность.

Состояніе французскаго общества неминуемо толкало Александра Дюма на эту дорогу; только изображеніемъ дѣйствительности можно было привлечь его вниманіе, отъ всего остального оно отворачивалось, какъ бы говоря: довольно мы мечтали и въ нашей политической и въ нашей соціальной жизни, пора и пе-

рестать, а то мы домечтаемся не только до 52 года, но до чего нибудь и получше! Время, въ которое началъ писать Александръ Дюма, было самое невыгодное не только въ политическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Общество, разгромленное нѣсколькими революціями, распалось какъ бы на касты, сомкнулось и такъ съежилось, что едва-едва только подавало признаки жизни. Общественная жизнь образованныхъ слоевъ точно уничтожилась, блестящіе салоны, собиравшіе въ себя всѣ знаменитости, всѣ громкія имена литературы, науки, искусствъ, пропали. Парижъ пересталъ созывать со всего міра представителей цивилизаціи, и вмѣсто нихъ заманилъ къ себѣ представителей разгула, веселья, грубаго разврата. Но если пропали эти центры образованности, ума, остроумія, куда привлекали такъ тѣ женщины, которыя ведутъ свою родословную отъ M-me de Sevigné и продолжаютъ свой родъ въ замѣчательномъ рядѣ фигуръ M-me de Longueville, de Sablé, de Chevreuse, du Chatelet, du Deffand, Rolland и M-me de Stall, то не пропала та молодежь, тотъ кругъ артистовъ, художниковъ, начинающихъ писателей, жаждущихъ общества, нуждающихся въ немъ и отыскивающихъ его во что бы то ни стало. Общество не можетъ быть живо, когда оно лишено женскаго элемента, и потому когда свѣтскія, образованныя женщины ушли въ свою внутреннюю, семейную жизнь и отказались отъ всякой общественной роли, тогда на мѣсто ихъ должны были явиться другія женщины, модель которыхъ слѣдуетъ искать не въ M-me de Sevigné и M-me Rolland, а развѣ только, и то на очень далекомъ разстояніи, въ какой-нибудь M-me de Pompadour. Такъ и случилось. Когда всѣ образованные кружки, всѣ дѣятельные центры, составляющіе именно общественную жизнь, пропали, когда всѣ тѣ, которые были еще слишкомъ молоды, чтобы сосредоточиться только въ самихъ себѣ, стали искать себѣ общества и въ потьмахъ не находили его, тогда они, мало-по-малу, сами составили его себѣ и власть надъ нимъ передали, за неимѣніемъ другихъ, тѣмъ женщинамъ, которыя какъ нельзя лучше воспользовались своею ролью, чтобы упрочить свое могущество. Фаланга ихъ все росла и росла, съ каждымъ годомъ онѣ прилагаютъ все большія старанія, чтобы стереть и смѣшаться съ порядочными женщинами, которыя, въ свою очередь, тоже сдѣлали не одинъ шагъ, чтобы съ ними слиться. Этотъ громадный, не игравшій до сихъ поръ никогда такой роли, классъ падшихъ, продажныхъ женщинъ даетъ цѣлому обществу какой-то особенный отпечатокъ, на который драматургъ не могъ не обратить вниманія. Закрыть притворно глаза и дѣлать видъ, что не видишь, какимъ новымъ элемен-

томъ обогатилось общество, походило бы только на неумѣстную игру въ жмурки, и потому драматическій писатель не могъ и не долженъ былъ упустить этотъ элементъ, не закричавъ имѣющимъ уши: «ей, берегитесь, тутъ есть новый феноменъ, новая соціальная опасность!» Александръ Дюма сдѣлалъ этотъ классъ своимъ драматическимъ достояніемъ, и въ недавно вышедшемъ первомъ томѣ полнаго собранія его театра [1]), онъ, въ предисловіи къ своей пьесѣ «la Dame aux Camélias» съ большою силою, энергіею и, главное, откровенностью, объясняетъ, какія причины побудили его обратиться къ этому вопросу, сдѣлать изъ него основаніе почти всѣхъ, и безъ исключенія всѣхъ лучшихъ его пьесъ, и почему онъ отнесся къ падшимъ женщинамъ съ такимъ человѣколюбіемъ и мягкостью. Предисловіе это, могущее насъ руководить при оцѣнкѣ всей его дѣятельности, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться нѣсколько минутъ.

Первый вопросъ, который дѣлаетъ себѣ Дюма, заключается въ томъ: имѣлъ ли онъ или нѣтъ, нравственно, право бросить свѣтъ на этотъ классъ женщинъ и представить ихъ на сценѣ? «Разумѣется да, отвѣчаетъ онъ, я имѣлъ это право. Всѣ классы общества принадлежатъ театру, и главнымъ образомъ тѣ, которые, въ переходныя эпохи, вдругъ появляются на поверхности общества и придаютъ ему какой-то исключительный характеръ. Въ эти классы необходимо нужно зачислить женщинъ на содержаніи, которыя имѣютъ неоспоримое вліяніе на современные нравы». Другой совершенно вопросъ, какъ долженъ былъ онъ отнестись къ этому явленію, долженъ ли онъ былъ превратиться въ общественнаго карателя, въ какого-то Юпитера громовержца, какъ многіе требовали отъ него и продолжаютъ требовать, или онъ имѣлъ основаніе быть безпристрастнымъ и часто требовать имъ прощенья? Для Александра Дюма этотъ вопросъ не представляетъ сомнѣнія, онъ доказалъ это всѣми своими произведеніями, и потому онъ никого не долженъ былъ удивить, высказывая прямо, что всегда будетъ горячимъ адвокатомъ этого класса женщинъ, потому что зло, имъ изображаемое, должно найти себѣ извиненіе въ нищетѣ, голодѣ, отсутствіи образованія, въ дурныхъ примѣрахъ, въ фатальной наслѣдственности порока, въ общественномъ эгоизмѣ, наконецъ въ этомъ вѣчномъ аргументѣ—любви. Та, которая уступаетъ пороку, заслуживаетъ поэтому гораздо болѣе общественной помощи, сожалѣнія, нежели наказанія и проклятія. «Ея преступленіе, говоритъ Дюма, есть наше преступленіе, и мы не можемъ быть хо-

---

[1]) Théatre complet, 1-r vol. 1868. Ed. Michel Lévy.

рошими судьями тамъ, гдѣ мы оказались такими дурными совѣтниками.» Вся вина падшей женщины заключается въ одномъ: она продается. Одного этого слова слишкомъ достаточно, чтобы «непродающееся» общество бросило въ нее камнемъ. Но нужно въ самомъ дѣлѣ знать, что̀ значитъ это слово: непродающееся? Продается или нѣтъ та дѣвушка, которая принадлежитъ хорошему дому, имѣетъ достаточно, чтобы жить внѣ бѣдности, и которая выходитъ замужъ за старика, старшаго ее вдвое, втрое, человѣка могущаго быть ея отцемъ или даже дѣдомъ, только потому, что у этого старца въ подвалахъ лежатъ милліоны? Нисколько; она сдѣлала прекрасную партію, и общество ее носитъ на рукахъ. Продается или нѣтъ тотъ юноша, который, вмѣсто того, чтобы работать, предпочитаетъ получить наличными деньгами за свое аристократическое имя нѣсколько милліоновъ отъ дѣвушки, на которой онъ женится безъ любви, безъ увлеченія, часто презирая ея плебейское происхожденіе? Нисколько; это дѣлается сплошь и рядомъ и общество ничего не находитъ сказать противъ этого. Между тѣмъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, какая причина руководила поступкомъ дѣвушки или молодого человѣка? Одна — деньги. Очевидно, что этотъ процессъ есть не что иное, какъ продажа, и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда такую точно продажу дѣлаетъ несчастная дѣвушка, у которой часто на рукахъ старуха мать, маленькіе братья или сестры, тогда её тотчасъ записываютъ въ полицію и она теряетъ даже свое имя — человѣка. Поступки той и другой тожественны, причина другая, но весь міръ въ пользу послѣдней, и между тѣмъ, одна окружается общественнымъ уваженіемъ, другая клеймится позоромъ. Если въ одномъ случаѣ деньги даютъ право на почетъ, то въ другомъ онѣ, по крайней мѣрѣ, должны давать право на прощеніе. Но зачѣмъ же ей продаваться, возражаетъ «непродающееся» общество, она можетъ работать, она можетъ своимъ трудомъ содержать и себя и семейство, а остаться все-таки честною женщиною? Не всегда сплошь и рядомъ женщина не находитъ себѣ работы, женскій рынокъ слишкомъ великъ, предложенія больше чѣмъ спроса, а ей во что̀ бы то ни стало нужны деньги потому, что даромъ хлѣба нигдѣ не даютъ, а милостыни она просить не хочетъ, и тяжело и мало, нѣсколькихъ су недостаточно. Но, предполагая даже, что она нашла работу, предполагая даже, что она рѣшилась бороться, работать по ночамъ скорѣе, чѣмъ продаться, что̀ она выигрываетъ? Кусокъ хлѣба, нѣсколько картофелинъ, да по праздникамъ тонкую, какъ листъ бумаги, пластинку говядины, и больше ничего, кромѣ развѣ еще болѣзни и затѣмъ въ перспективѣ смерть въ негостепріимной

больницѣ. Нѣтъ, отвѣтятъ на это, не только это, но, что̀ гораздо важнѣе, она будетъ пользоваться всеобщимъ людскимъ уваженіемъ. Кто не знаетъ, на что̀ сводится такъ называемое людское уваженіе; его можно измѣрить, если подслушать отвѣтъ любой порядочной матери или порядочнаго отца своему сыну, который захотѣлъ бы жениться на такой пользующейся уваженіемъ работницѣ: «Сдѣлай изъ нея свою любовницу, скажутъ они, но зачѣмъ быть сумашедшимъ и дѣлать ее своею женою.» Другого уваженія она никогда не добьется. Всякая женщина, рѣшающаяся продавать себя, знаетъ это все очень хорошо, часто она прошла и черезъ честный трудъ и черезъ честную любовь, и вынесла одно изъ своего опыта жизни: ея трудъ привелъ ее въ госпиталь, ея любовь оставила ей въ воспоминаніе безполезнаго ребенка на груди, отецъ котораго разъѣзжаетъ въ коляскѣ, запряженной парой рысаковъ. Что̀ можетъ возразить такой женщинѣ моралистъ, упрекающій ее за паденіе? Станетъ ли онъ продолжать свое бичеваніе, обвиняя въ погибели эту женщину, или онъ обратится съ укоромъ къ цѣлому обществу породившему это зло, и съ горечью скажетъ ему, какъ говоритъ Александръ Дюма: «Когда народъ на каждомъ шагу взываетъ революцію 89 года, когда онъ хочетъ справедливости, свободы, равенства, не только для самого себя, но и для другихъ народовъ; когда нація, которая нашла возможность заставить прозвать себя самою смѣлою, рыцарскою, самою остроумною изъ всѣхъ націй, настолько лицемѣрна, настолько подла и настолько тупоумна, чтобы допустить, чтобы тысячи молодыхъ дѣвушекъ, красивыхъ, здоровыхъ, изъ которыхъ можно было бы сдѣлать разумныхъ помощницъ, вѣрныхъ супругъ, плодородныхъ матерей, сдѣлались бы годны только на то, чтобы быть презрѣнными, опасными и безплодными развратными женщинами,—этотъ народъ заслуживаетъ, чтобы проституція совершенно поглотила его, и это именно то, что̀ случится.» Чего же удивляться, если женщины, безъ образованія, безъ воспитанія, женщины, не слышавшія никогда, что̀ такое добро и зло, часто не зная, гдѣ выпросить себѣ кусокъ хлѣба, разъ, что онѣ попали на эту дорогу, дѣлаютъ все на свѣтѣ, пользуются всѣми орудіями, чтобы вылѣзть на верхъ, вздохнуть свободнѣе и отомстить всѣмъ тѣмъ, которые съ презрѣніемъ относятся къ нимъ. Разумѣется, онѣ не задумываясь, безъ всякаго сожалѣнія, увлекаютъ и соблазняютъ мужей, сыновей, отцовъ, растраиваютъ ихъ семейныя отношенія, разоряютъ ихъ до конца, и потомъ, выжавъ изъ нихъ весь сокъ, бросаютъ какъ апельсинныя корки. Онѣ сдѣлались мало-по-малу особеннымъ классомъ, получили могущество, и вмѣсто того, чтобы

укрывать въ тишинѣ свой стыдъ, онѣ, съ понятною совершенно наглостью, вывѣшиваютъ его на-показъ, какъ яркое знамя. Онѣ оттѣснили честныхъ женщинъ, которыя, не чувствуя за собою достаточно силы бороться съ ними на своей почвѣ, оставаясь въ своемъ кругу, перенесли борьбу на ихъ дорогу и столкнулись съ ними въ общей свалкѣ. Онѣ стали соперничать съ ними въ роскоши, издержкахъ, эксцентрическихъ выходкахъ, такъ, что скоро оба враждующіе лагеря имѣли «не только однѣ и тѣ же туалеты, но имѣли тотъ же языкъ, тѣ же танцы, тѣ же похожденія, тѣ же любовныя интриги, скажемъ даже, одинаковыя спеціальности.» Какъ одна спрашиваетъ: сколько ты мнѣ дашь за такой-то срокъ за недѣлю, за мѣсяцъ, за годъ, такъ другая дѣлаетъ первый вопросъ, когда ей говорятъ о женихѣ: сколько у него дохода? Въ томъ и въ другомъ случаѣ, весь вопросъ заключается въ деньгахъ, тутъ и тамъ мы видимъ одно: торгъ. Какъ женщина, отдавшаяся въ первый разъ по любви, и обманутая, ищетъ вознагражденія въ деньгахъ, богатствѣ, такъ женщина, отдавшись въ первый разъ за деньги, ищетъ сплошь и рядомъ послѣ брака вознагражденія въ новой любви. Въ чемъ ищетъ себѣ извиненія послѣдняя? Въ увлеченіи, въ страсти, въ истинной любви, подъ которою очень часто скрывается скука, тоска, любопытство, бездѣлье, желаніе сильныхъ ощущеній, однимъ словомъ, причины скорѣе осуждающія ее, чѣмъ извиняющія. Между тѣмъ продажная женщина приводитъ для своего оправданія, дѣйствительно много прощающія извиненія: невѣжество, недостатокъ воспитанія, дурные примѣры, отсутствіе всякихъ принциповъ, о которыхъ ей не отъ кого было слышать. И не смотря на все различіе между этими двумя родами причинъ, общество отдѣляетъ такія двѣ женщины цѣлою непроходимою бездною, нечего говорить, въ пользу которой изъ двухъ, и безъ сомнѣнія оно смотритъ, какъ на безумца, на того, который посмѣетъ между ними провести параллель. Не воюя противъ общества, которое заставляетъ смотрѣть на свои вѣковые предразсудки, какъ на вѣчные законы, и принуждаетъ гнуть передъ ними всѣ шеи, не соглашаясь даже, можетъ быть и противъ совѣсти, съ Александромъ Дюма, мы не можемъ не указать на его рѣшительныя слова: «Я не вижу различія между женщиною, которая внѣ брака отдается другому человѣку ради забавы своего тѣла, и тою, которая отдается, чтобы пропитать и рядить себя, исключая развѣ того, что одна располагаетъ только собою, никого не обманываетъ, въ то время, какъ другая нарушаетъ произнесенную клятву, обманываетъ своего мужа, компрометтируетъ своихъ дѣтей и играетъ легкомысленно въ дѣтоубійство. «Это не есть — говоритъ Але-

ксандръ Дюма — вопросъ кринолина и роскоши, это вопросъ соціальный. Давно уже женщина жалуется, кричитъ, зоветъ себѣ на помощь. Никто не отвѣтилъ ей. Она совершаетъ теперь свою революцію, при бѣломъ днѣ, съ помощью орудій, полученныхъ ею отъ природы,—хитрости и красоты. Она переворотила алтарь, чтобы сдѣлать изъ него альковъ. Она замѣнила бога какою-то позолоченною гильотиною и казнитъ человѣка среди смѣха и пляски.» Разъ только, что кто-нибудь приписываетъ извѣстное зло не какой нибудь мѣстной причинѣ, не какому нибудь одному лицу, не винѣ того или другого, а видитъ въ общественномъ бѣдствіи тайный, глубокій корень, вырвать который не зависитъ отъ воли одного человѣка, — тогда понятно, что всякое личное обвиненіе кажется ему мелкимъ, недостойнымъ и несправедливымъ.

Какое лучшее возраженіе могъ сдѣлать Александръ Дюма всѣмъ тѣмъ, которые обвиняли его, что онъ, защищая падшую женщину, покровительствуетъ разврату, какъ сказавъ всѣмъ своимъ противникамъ: вы клеймите раскаленнымъ желѣзомъ падшихъ женщинъ, потому что полагаете, что причина зла лежитъ въ нихъ самихъ; вы думаете спасти общество, извергая проклятіе надъ его частью, не подозрѣвая вовсе, что не часть виновата въ томъ, что цѣлое дурно, а цѣлое преступно въ этой гнилой части,—взгляните глубже, расширьте вашъ взглядъ и вы увидите, что дѣло идетъ вовсе не о нѣсколькихъ тысячахъ погибшихъ созданій, а о цѣломъ соціальномъ вопросѣ; что вы должны заботиться не объ исправленіи общества, а объ его спасеніи, для котораго нужны не ваши горячія проповѣди и анаѳемы пороку, а иное устройство, иныя условія труда, который создастъ и другую нравственность. Зданіе, въ которомъ до сихъ поръ жила женщина, сгнило, нужно строить другое, въ которомъ было бы мѣсто не только для ея обязанностей, но и для ея правъ. Иначе «мы дойдемъ, говоритъ Александръ Дюма, до всемірной проституціи.» Ничто ее не останавливаетъ, все, напротивъ, ей помогаетъ, начиная отъ самого верха и кончая послѣднимъ полицейскимъ служителемъ, который ничѣмъ не отвѣчаетъ за брошенную женщину, за брошеннаго ребенка. Зачѣмъ вы кричите, — такъ можно резюмировать слова Дюма — противъ проституціи, когда вы сами потакаете ей? Понимаете ли, что̀ вы дѣлаете, когда вы обязываете каждаго человѣка отъ 18 до 28 лѣтъ, время военной службы и три года до начала ея, не жениться ни подъ какимъ предлогомъ? Вы идете противъ природы, которая, не разсчитывая на конскрипцію, устроила такъ, что человѣкъ именно въ эти годы своей полной силы долженъ былъ бы

производить людей на свѣтъ, а не уничтожать ихъ. Не позволяя жениться, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не оскопляя всѣхъ подвергнутыхъ военной службѣ, само правительство должно было позаботиться о томъ, чтобы устроить мѣсто для отлива неизбѣжной эротической страсти молодыхъ и сильныхъ натуръ. Оно и позаботилось, устроивъ «законную» проституцію. Нужно отдать справедливость Дюма, онъ смотритъ прямо въ лицо пороку, и ничто не способно заставить его, какъ отвернуться самого, такъ и отвернуть глаза другихъ. Онъ не боится обвиненія въ цинизмѣ, онъ примиряется съ самою грубою рѣчью, когда дѣло идетъ объ указаніи всей публикѣ того зла, противъ котораго онъ борется, и когда онъ хочетъ уяснить ту человѣческую мысль, которая кроется въ его произведеніяхъ. Вы создаете проституцію, говоритъ онъ правительству, потому, что «за небольшую сумму, которая идетъ отъ 10 франковъ и до 4 су, каждый человѣкъ, военный или нѣтъ, можетъ имѣть тѣло живой женщины, которую онъ вовсе не знаетъ, на все время необходимое для его потребности, для его удовольствія, для его страсти, для его скотскаго чувства. (Посмотрите прямо, что за уродливость!). Эта женщина записана въ префектурѣ; она имѣетъ номеръ, она подчинена извѣстнымъ полицейскимъ правиламъ. О ея душѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Если она дѣлается матерью, то, вслѣдствіе какой-нибудь случайности, она имѣетъ въ своемъ распоряженіи госпиталь или дѣтоубійство; но физіологи и статистики говорятъ, что проституція порождаетъ безплодіе.» И рядомъ съ этимъ Александръ Дюма прибавляетъ: «А нравственность, стыдливость, и всѣ добродѣтели, которыя вы проповѣдуете въ вашихъ храмахъ, въ вашихъ собраніяхъ, и которыя вы хотите насъ заставить проповѣдывать даже на сценѣ,—значитъ это правда, что надъ всѣмъ этимъ вы только смѣетесь?» Изъ его словъ очевидно слѣдуетъ одно, что если женщина будетъ оставлена въ такомъ положеніи, если само государство будетъ покровительствовать проституціи, организуя ее для своей арміи, то общество неминуемо будетъ доведено до крайняго паденія. Чтобы остановить разложеніе, нужно торопиться выйти изъ такого анормальнаго состоянія, нужно рѣшиться высвободить женщину изъ ея оковъ, дать ей другое соціальное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ она находится, нужно, чтобы она не имѣла необходимости для своего существованія обращаться къ разврату, или къ смерти, если хочетъ сохранить свою честность. Какія же для этого средства?

Александръ Дюма превращается даже иногда изъ драматурга въ общественнаго реформатора и предлагаетъ нѣкоторыя мѣры для болѣе человѣческаго устройства судьбы женщины. Мѣры эти,

хотя онъ за нихъ и не стоитъ, соглашаясь на всякія другія, лишь бы добиться тѣхъ же результатовъ, заключаются въ организаціи національныхъ мастерскихъ, и строгомъ наказаніи пятью и десятью годами тюремнаго заключенія всякаго человѣка, разъ что будетъ доказано, что онъ растлилъ дѣвушку или имѣлъ отъ нея ребенка. Первую мѣру онъ формулируетъ такимъ образомъ: Каждая дѣвушка пятнадцати лѣтъ должна будетъ доказать, что она имѣетъ средства къ существованію, или въ доходѣ или въ какомъ-нибудь ремеслѣ. «Та, которая не будетъ имѣть ихъ, если она обучена ремеслу, будетъ имѣть право работать въ мастерскихъ государства, которыя будутъ трудовыми казармами, и которыя никогда не будутъ стоить также дорого какъ армія, потому что онѣ будутъ что́-нибудь приносить. Если дѣвушка не будетъ знать никакого ремесла, она войдетъ въ мастерскую какъ ученица вмѣсто того, чтобы войти, какъ работница». Другую свою мѣру строгаго наказанія онъ ставитъ подъ защиту слѣдующихъ словъ: «Фактъ добровольнаго произведенія на свѣтъ одного изъ себѣ подобныхъ, безъ всякой гарантіи нравственности, воспитанія и матеріальныхъ средствъ, представляетъ по отношенію къ обществу болѣе важное преступленіе, нежели ночное воровство, со взломомъ и равное убійству. Дать жизнь—въ извѣстныхъ условіяхъ есть большее варварство, чѣмъ дать смерть».

Александръ Дюма въ первый разъ выступилъ на драматическую сцену, пятнадцать лѣтъ назадъ, съ пьесою «La Dame aux Camélias», которая своимъ успѣхомъ тотчасъ выдвинула его впередъ. Успѣхъ этой пьесы объясняется гораздо легче ея содержаніемъ, нежели дѣйствительными достоинствами драмы. Публику увлекла фигура Маргариты Готье, не смотря на то, что она была для нея далеко не нова. Падшая женщина, перерожденная любовью, имѣла уже два образа, и два прекрасныхъ образа, именно Манонъ Леско и Маріонъ де-Лормъ, но эти два созданія были до того идеальны, до того возвышенны надъ обыкновенною жизнію, что Маргарита Готье, далеко не лишенная поэтичности, представляла, по сравненію съ двумя своими старшими сестрами, настолько реальный типъ, что казалось, будто бы онъ никогда не былъ выведенъ на сценѣ. Пьеса эта имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе въ исторіи французскаго театра, какъ грань, отъ которой начинается и новое направленіе, воспроизводимое на сценѣ. Направленіе это—реализмъ, а новый элементъ—женщина, принадлежащая къ полу-свѣту, который сдѣлалъ въ первый разъ рѣшительное вторженіе, утвердился, и породилъ собою цѣлую область драматической литературы. Въ какихъ образахъ не являлась съ тѣхъ поръ на сцену падшая женщина!

то она была украшена ореоломъ истинной любви и страсти, то она представлена была покрытая грязью, то она умирала какъ прощенная Магдалина, вызывая кругомъ сожалѣніе, слезы, рыданія, то она умирала какъ преступница, убитая какъ гада. Тысячи превращеній въ ея судьбѣ на театрѣ, ни одинъ драматургъ, чувствовавшій въ себѣ силу, не проходилъ мимо безъ того, чтобы не сдѣлать изъ нея своей возвеличенной или униженной героини. Если бы «La Dame aux Camélias» не имѣла вовсе никакихъ достоинствъ, то одного того факта, что Дюма почувствовалъ инстинктомъ, что пришло время вывести на сцену этотъ классъ, одного того, что онъ понялъ, какую ему суждено играть роль, и того, что его пьеса стоитъ первою въ тысячѣ драмъ, посвященныхъ этому новому общественному элементу, было бы слишкомъ довольно для перваго дебюта Александра Дюма́. Помимо этого трудно, чтобы кто-нибудь рѣшился сказать, что она лишена всякихъ достоинствъ, не смотря на то, что самъ Дюма говоритъ, что это единственная его пьеса, написанная безъ любви и уваженія къ искусству, состряпанная всего въ восемь дней, гораздо больше вслѣдствіе денежной необходимости, чѣмъ святого вдохновенія [1]). Въ этой пьесѣ, чтобы ни говорилъ самъ авторъ, очень сильно сказался его талантъ, и именно та сторона, въ которой ему такъ упорно отказываютъ. Въ этой пьесѣ менѣе всего сухости, той неестественной сдержанности, которая, къ сожалѣнію, попадается довольно часто, и слишкомъ рѣзко бросается въ глаза въ нѣкоторыхъ другихъ его произведеніяхъ. Мы находимъ тутъ, наоборотъ, мягкость, теплоту, рѣзкость, на которую далеко не щедръ Дюма, но которую, тѣмъ не менѣе, мы встрѣчаемъ у него вовсе не въ послѣдній разъ. Когда аббату Прево или Виктору Гюго хочется тронуть читателя или зрителя, когда они желаютъ вырвать у него слезы, они ничѣмъ не стѣснены, они уносятъ его въ свой фантастическій міръ горя и несчастія, они переносятъ свою героиню за океанъ, бросаютъ ее въ пустыни, хоронятъ ее въ чужой, непривѣтной землѣ, заставляютъ присутствовать при казни любовника, при его страданіяхъ, дѣлаютъ все и, главное, могутъ все дѣлать, чтобы надорвать сердце публики. Положеніе реалиста во сто разъ труднѣе, онъ прикованъ къ дѣйствительной жизни, онъ боится хотя бы на одну черту переступить границу случающагося, опасаясь заслужить упрекъ: это невѣроятно. Зритель въ сто разъ снисходительнѣе къ міру фантазіи, чѣмъ къ міру дѣйствительности, потому что въ одномъ онъ часто по совѣсти признаетъ себя некомпетентнымъ судьею, въ

---

[1]) Au lecteur—Théatre complet.

другомъ онъ считаетъ, что все ему понятно, и что онъ все способенъ цѣнить. Передъ зрителями идетъ сцена, развивается какое-нибудь положеніе, которое понятно одному, потому что онъ или самъ испыталъ его или былъ его свидѣтелемъ, и непонятна другому, потому что онъ никогда не слышалъ о немъ; одинъ махаетъ головою и говоритъ—прекрасно, другой разводитъ руками и говоритъ: это вздоръ, поэтому задача реалистическаго произведенія крайне тяжела, оно должно тронуть публику, пропустить электрическій токъ, такимъ образомъ, чтобы онъ одинаково отозвался во всѣхъ мѣстахъ разношерстой залы и вмѣстѣ съ тѣмъ ни на одну минуту не вдаться въ такое положеніе, которое показалось бы невозможнымъ кому-нибудь изъ присутствующихъ въ ней. Александръ Дюма достигъ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей первой пьесы. Не переходя область дѣйствительной жизни, не вдаваясь въ фантазію, онъ тронулъ зрителя и показалъ большое чувство во всѣхъ тѣхъ сценахъ, гдѣ онъ рисуетъ эту несчастную женщину, брошенную всѣми, именно въ тотъ моментъ, когда она старается сдѣлаться честною; страданіе, слабость, горе нашли въ немъ такое искреннее, неподдѣльное сочувствіе, что онъ съумѣлъ размягчить сердце не одного строгаго судьи, изображая ихъ олицетворенными въ фигурѣ Маргариты Готье, старающейся искупить свое прошедшее безконечною любовью въ настоящемъ. Онъ возбуждаетъ къ ней въ зрителяхъ сожалѣніе, онъ вырываетъ у нихъ прощеніе, чего, разумѣется, онъ никогда бы не достигъ, если бы его душу не согрѣвало самое теплое чувство, въ которомъ отказываютъ всѣ тѣ, которые упрекаютъ его въ сухости и кричатъ противъ безнравственности пьесы. Признавая, что въ этой пьесѣ сказались нѣкоторыя изъ хорошихъ сторонъ его таланта, нельзя не признать, что тутъ же обрисовались и нѣкоторые изъ недостатковъ, которые попадаются во всѣхъ почти его произведеніяхъ. Безъ сомнѣнія, большія, длинныя разсужденія, къ которымъ такъ склонны всѣ вообще его дѣйствующія лица, нигдѣ такъ не неумѣстны, какъ на языкѣ Маргариты Готье, этой любящей и страдающей женщины, но тѣмъ не менѣе лишенной всякаго образованія и потому неспособной къ такой логичности мысли, къ такому ясному пониманію вещей. Она совершенно права, когда говоритъ: «Мы кажемся счастливыми и намъ завидуютъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ любовниковъ, которые разоряются, но не для насъ, какъ они говорятъ, а ради своего тщеславія. Мы стоимъ первыми въ ихъ самолюбіи и послѣдними въ ихъ уваженіи.... Все кругомъ насъ—одно разореніе, стыдъ и ложь...» Всѣ эти слова безукоризненно вѣрны, они могли вырваться изъ груди Маргариты, но не такъ хорошо сгруппирован-

ными, не такъ хорошо вдѣланными въ искусную рѣчь. Говоря о недостаткахъ пьесы, конечно, слѣдовало бы сказать и о томъ, что Александръ Дюма не потрудился указать, какъ развилась эта страсть, какъ произошелъ процессъ перерожденія, а это совершенно позволительно требовать отъ автора. Если бы онъ взялъ готовое положеніе, еслибы въ первомъ актѣ мы бы уже видѣли эту женщину полною любви, тогда нельзя спрашивать у драматурга, какъ это случилось; но тутъ въ первомъ актѣ мы видимъ одну женщину, во второмъ совершенно другую, и потому любопытство, что̀ случилось съ нашей знакомой въ антрактѣ, совершенно законно. Точно также справедливо будетъ сдѣланъ ему упрекъ, что онъ обратился къ такому мелодраматическому средству, какъ чахотка Маргариты. Этимъ самымъ онъ лишилъ свою мысль той силы, которую она имѣла бы, еслибы сочувствіе было вызвано одною любовію героини безъ примѣси болѣзни. Ея нравственное состояніе, ея страданіе отъ разбитой любви, уничтоженной, забрызганной грязью, должно было бы быть начерчено болѣе ярко, съ большею подробностью и глубиною, но за то тогда никто бы не могъ сказать—что не Маргарита Готье, не любовь ея, не ея «мнимыя» страданія вызываютъ сочувствіе и слезы публики, а только ея кашель, ея смертельная болѣзнь. Если сознаніе самого Дюма въ слабости своей пьесы должно обезоружить всякаго критика, настаивающаго на недостаткахъ, то оно все-таки не мѣшаетъ отдать справедливость тѣмъ не многимъ достоинствамъ, которыя есть въ «La Dame aux Camélias». Эти достоинства сходятся на мысль, теплоту чувства и на двѣ-три сцены, полныя поэтической страсти, которую мы находимъ лучше выраженною въ его второй пьесѣ, стоящей по достоинству выше первой, хотя и не имѣвшей такого успѣха, а именно, «Diane de Lys». Въ то время, когда появилась эта драма, успѣхъ «la Dame aux Camélias» еще продолжался, хотя и продолжался рикошетомъ. На той же сценѣ, гдѣ нѣсколько мѣсяцовъ назадъ умирала Маргарита Готье, умиралъ теперь юноша полный таланта, Рафаэль Дидье, жертва другой падшей женщины Марко̀, которая выведена была не для чего иного какъ для обвиненія Маргариты, какъ будто бы Регана или Ганфилья могутъ бросать тѣнь на Корделію, оттого только, что онѣ сестры. Главное достоинство «la Dame aux Camélias» заключалось и въ томъ, что она дотронулась до больного мѣста французскаго общества, и какъ живое и мѣткое слово, она не могла не вызвать самаго страстнаго противорѣчія. Какъ, вскрикнулъ Барьеръ, вы утверждаете, что эти женщины способны любить, способны жертвовать собою, что въ

нихъ не погибла всякая человѣчность, вы имѣете духу курить ѳиміамъ тому классу, который составляетъ язву, бичъ, горе и стыдъ нашего общества, вы дѣлаетесь льстецомъ разврата и грязи! Знайте же, что тѣ ангелы, которыхъ вы рисуете, не что иное, какъ гіены, виперы, онѣ способны только на то, чтобы убить всякое хорошее чувство, задушить всякую мысль, уничтожить умъ, талантъ, геній, онѣ отравляютъ самый чистый, кристальный ручей, ихъ нужно отмѣтить желѣзомъ, раскаленнымъ желѣзомъ! Съ потрясенными нервами, съ пѣною у рта, по своему обыкновенію, вылилъ авторъ «les Parisiens» всю свою злобу и негодованіе въ пьесѣ, служащей, какъ pendant къ «la Dame aux Camélias» и вызванной исключительно ею. Барьеръ былъ бы пораженъ, уничтоженъ, если бы кто-нибудь тогда сказалъ ему, что его «les Filles de marbre» стоятъ ниже, не только по исполненію, но и по своему нравственному значенію, чѣмъ пьеса Дюма, что этотъ глубоко проникъ въ общественную рану, между тѣмъ, какъ онъ остался на поверхности, что у того есть мысль, въ то время, какъ у него ея нѣтъ. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ сказать Барьеръ своею драмою? что публичныя женщины погрязли въ развратѣ, что у нихъ нѣтъ обыкновенно возвышенныхъ чувствъ, что у нихъ нѣтъ ни честныхъ правилъ, ни благородныхъ стремленій? Да кто же этого не зналъ, откуда имъ и быть, когда общество, вмѣсто того, чтобы научить ихъ различать добро и зло, научило ихъ только и принудило торговать собою. Кто болѣе правъ изъ трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, Марко̀ ли, эта женщина на содержаніи, которая съ 16-ти, можетъ быть 15-ти лѣтъ была втянута въ это ремесло, которая привыкла къ разгульной жизни, уничтожающей всякій слѣдъ сердца, всякое чувство, не умѣющая можетъ быть читать, Марко̀, рѣшившаяся тѣмъ не менѣе провести нѣсколько мѣсяцевъ въ уединеніи съ своимъ влюбленнымъ Дидье, и говорящая ему теперь: «Развѣ это моя вина, что я скучаю? Уединеніе, мечтанія, солнце... и опять тоже солнце, тоже уединеніе и тѣже мечтанія; можно погибнуть съ тоски. Я здѣсь въ тюрьмѣ и вы тоже....» Какъ понять Рафаеля Дидье, этого пламеннаго юношу, предлагающаго женщинѣ, которая не любитъ его, женщинѣ, пріученной къ роскоши, бѣжать съ нимъ, бѣднякомъ, бросить Парижъ, Францію и сдѣлать изъ ихъ «счастія» «новую родину» и какъ онъ, человѣкъ съ талантомъ, съ образованіемъ не понимаетъ урока, который даетъ ему Марко, и не слушается ее, когда ему говорятъ: отчего вы больше не дѣлаете статуй, дѣлайте ихъ, занимайтесь, работайте! Кто не чувствуетъ, что Desgenais, этотъ Альцестъ Барьера, дѣлающій въ этой пьесѣ свое

первое появленіе, говоритъ самыя банальныя мѣста, вскрикивая: «Женщины, какъ Марко, усыпляютъ душу, которую онѣ наполняютъ; онѣ прогоняютъ самые благородные инстинкты, онѣ уничтожаютъ божественныя вдохновенія»? Барьеръ откровенно бросаетъ камень въ огородъ Александра Дюма, когда заставляетъ говорить своего Діогена: «Я больше не Desgenais, я зовусь Разумомъ... Такія женщины демоны для такихъ людей, какъ ты (Рафаель Дидье)... И этихъ женщинъ воспѣвали, восхваляли, поэтизировали, честное слово, можно умереть со смѣха... довольно это длится. Пора уходить въ тѣнь, сторонитесь съ вашими каретами! Мѣсто честнымъ женщинамъ, которыя ходятъ пѣшкомъ»! Я ни воспѣвалъ, ни поэтизировалъ, могъ бы отвѣтить ему Дюма, женщинъ подобныхъ Марко, не моя вина, что вы не поняли моей пьесы. Между тѣмъ, чтобы восхвалять ихъ и тѣмъ, чтобы вызвать къ нимъ сожалѣніе и сказать: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не погибло еще все человѣческое, онѣ способны чувствовать и любить, вырвите этихъ женщинъ и не давайте другимъ, невиннымъ еще, падать такъ низко; между этими двумя манерами смотрѣть на вещи есть большая разница, и вся въ пользу Дюма. Но, нападая за мотивъ «les Filles de marbre» на Барьера, мы не можемъ не отдать ему справедливости, что главная фигура пьесы, Марко, написана съ большою силою, твердостью, характеръ ея выдержанъ до конца, она также умна, какъ Desgenais, если еще не умнѣе, и разумѣется Дидье не что иное, какъ ребенокъ по сравненію съ нею; она характеризуетъ его, говоря: «Ахъ, послушайте Рафаель, вы просто смѣшны»! что̀ значитъ: принимайте меня такъ, какъ я есть, или убирайтесь и оставьте меня въ покоѣ! Ни «la Dame aux Camélias», ни «les Filles de marbre» далеко не исчерпали, разумѣется, этого богатаго сюжета: класса падшихъ женщинъ, и мы могли бы посмотрѣть теперь, что̀ за лепту принесъ въ свою очередь Эмиль Ожье; но лучше прежде сказать о другихъ пьесахъ Александра Дюма, имѣющаго способность почти всегда вызывать себѣ, если не такіе рѣзкіе отвѣты, какой далъ ему Барьеръ, то по крайней мѣрѣ, пьесы, продолжающія какъ бы и развивающія тронутый имъ сюжетъ.

Взявъ въ «La Dame aux Camélias» падшую женщину въ самомъ низкомъ слоѣ общества, онъ взялъ теперь въ «Diane de Lys» въ самомъ высшемъ, аристократическомъ кругѣ, и старался показать въ прекрасно задуманномъ характерѣ Діаны, что̀ ведетъ къ гибели свѣтскую женщину, которая не можетъ найти себѣ извиненія во всемъ томъ, въ чемъ находила его Маргарита Готье; какіе бы упреки ни вызывала эта драма, на какія

неестественности мы бы ни натыкались, въ этой пьесѣ есть одно драгоцѣнное достоинство, искупающее всѣ недостатки. Достоинство это заключается въ типѣ Діаны, который рисуетъ собою не одинъ какой-нибудь исключительный характеръ, а служитъ представителемъ цѣлой огромной женской среды, незнающей никакого истиннаго горя, никакихъ различныхъ бѣдствій, не испытывающей никакихъ несчастій, но страдающей однимъ зломъ — это скукой и бездѣльемъ. Очевидно, Александръ Дюма долженъ былъ спросить себя, откуда происходитъ это громадное количество любовныхъ интригъ, откуда является въ женщинахъ эта легкость къ измѣнѣ своему мужу, эти ежедневныя «паденія», и онъ долженъ былъ отвѣтить себѣ, что причина ихъ лежитъ вовсе не въ истинной любви, на которую постоянно сваливаютъ женщины всѣ свои несчастія, не въ настоящей страсти, которая такъ рѣдка, а просто въ отсутствіи образованія, въ невѣжествѣ, не позволяющемъ женщинѣ искать себѣ другого выхода изъ пустоты, какъ въ любовной связи, убивающей незанятое время. Ді-Что, кажется, нужно Діанѣ, чего ей недостаетъ, въ своей жизни она не испытала ни горя, ни несчастія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, она скучаетъ, хандритъ, ей все чего-то хочется, она чего-то добивается, находясь во власти тысячи безотчетныхъ желаній, мечтаній, стремленій. При такомъ лихорадочномъ, неестественномъ состояніи не трудно предсказать, какой врагъ долженъ погубить ее, и какой въ самомъ дѣлѣ и губитъ ее. Бездѣлье и скука, вотъ что нужно ей было побѣдить. Сколько женщинъ должны были узнать въ Diane de Lys свой портретъ и сколько еще узнаютъ его. Слово: «я скучаю» заставляетъ Діану отправляться на свиданіе съ человѣкомъ, котораго она вовсе не любитъ, правда, она не одна, она ѣдетъ съ подругою, но тѣмъ не менѣе первый шагъ сдѣланъ: она узнала дорогу. Это слово заставляетъ ее принимать къ себѣ въ первомъ часу ночи одного молодого человѣка, о которомъ она слышала много интереснаго; она принимаетъ его безъ того, чтобы какая-нибудь дурная мысль прошла у ней въ головѣ, такъ, просто, безъ всякой причины, отъ скуки. Этотъ человѣкъ сказалъ ей нѣсколько не банальныхъ фразъ, высказалъ нѣсколько мыслей, которыхъ она не слышала въ своемъ свѣтѣ, онъ показалъ чувство и этого часового разговора достаточно, чтобы она влюбилась... благодаря скукѣ. Она до того ясно это показываетъ, она такъ не сознаетъ своего положенія, что этотъ человѣкъ съ перваго раза говоритъ ей: «Я васъ понялъ въ одну минуту; я понялъ, что ваша праздная душа оставляетъ все дѣлать вашему уму», который не перестаетъ работать ни на одну минуту, но который, къ несчастію, для такихъ женщинъ не на-

ходитъ въ самомъ себѣ никакой здоровой пищи. Разъ, что она достигла своего, разъ, что она напала на такое ощущеніе, которое заставляетъ ее забывать своего главнаго врага, она болѣе ничего не помнитъ, она вся отдается страсти, которая дожидалась только, чтобы хлынуть наружу; на все, что ей говоритъ ея подруга, на всѣ совѣты, увѣщанія, она отвѣчаетъ однимъ: «ты сумасшедшая»! это вѣчное слово на губахъ женщины въ ту минуту, когда замѣшивается въ дѣло страсть. Сколько силы, оригинальности, смѣлости показываетъ Diane de Lys въ минуты борьбы съ своимъ мужемъ и со свѣтомъ изъ-за своей любви. Тутъ, безъ сомнѣнія, типъ Діаны возвышается надъ обыкновенными свѣтскими женщинами. Она отдается своей страсти вся, безъ разсчета, всѣмъ жертвуетъ, все забываетъ, кромѣ своего чувства! она идеализирована, она опоэтизирована. Свѣтская женщина, но не Diane de Lys, которая точно также разыскиваетъ, бредитъ сильными ощущеніями, натыкаясь очень скоро разумѣется на человѣка, всегда готоваго удовлетворить ея требованію, тотчасъ послѣ того, что первый пылъ ея страсти проходитъ съ первымъ поцѣлуемъ, быстро вспоминаетъ и о всемъ томъ, чѣмъ часъ тому назадъ она хотѣла жертвовать. Мужъ, свѣтъ, молва, положеніе въ обществѣ все опять получаетъ въ ея глазахъ цѣну и она начинаетъ раскаяваться въ сдѣланномъ шагѣ.... отсюда проистекаетъ ложь, обманъ, недостойный дѣлежъ между мужемъ и любовникомъ, однимъ словомъ все то, что называется паденіемъ женщины, и что ставитъ ее на ту же доску, гдѣ написано имя и несчастной Маргариты Готье и наглой Марко. Если начало, источникъ страсти Діаны такой же, какъ у массы свѣтскихъ женщинъ, т. е. скука и бездѣлье, то за то страсть находитъ въ ней исключительную натуру. Діана, это еще идеалъ женщины современнаго свѣтскаго общества, она, по крайней мѣрѣ, умѣетъ любить и умѣетъ жертвовать своей страсти всѣмъ, что̀ у нея есть, всею своею жизнію. Что̀ же хотѣлъ сказать своею драмою Александръ Дюма, какая мысль была у него, когда онъ наказываетъ Діану смертью ея любовника, умирающаго отъ руки ея-мужа? Не думаетъ ли онъ исключить изъ жизни любовь, страсть, незаконную связь и т. д.? Нѣтъ, онъ не хочетъ ничего этого, онъ только желаетъ, чтобы эта любовь не имѣла бы своимъ основаніемъ скуку, чтобы эта страсть не была въ зародышѣ бездѣльемъ, чтобы незаконная связь не давала мужу право убивать любовника *по закону* [1]. Что онъ не врагъ истинной любви, будь она

---

[1]) Французскій кодексъ предоставляетъ мужу право, если онъ найдетъ жену свою вмѣстѣ съ любовникомъ и застанетъ ихъ въ минуту преступленія, убить и того и дру-

двадцать разъ незаконна по правиламъ общества, онъ это ясно высказываетъ въ предисловіи къ «la Dame aux Camélias»: «Я не отрицаю, чтобы внѣ брака не было тѣхъ непреодолимыхъ фатальныхъ страстей, съ которыми не могутъ бороться никакіе законы, которыхъ не могутъ побѣдить никакія разсужденія, которыя уносятъ тѣхъ, которые находятся въ ихъ власти не только за свѣтскія правила, но за границы земли. Эти страсти въ самихъ себѣ носятъ свои катастрофы, свое наказаніе, свою славу, свое прощеніе. Онѣ берутъ всю жизнь своихъ жертвъ..... Любовь на этой степени почти равняется добродѣтели. Но я говорю только о той ходячей любви, которая разъѣзжаетъ въ каретѣ на балы, спектакли, которая смѣется пока она продолжается и жалуется послѣ, которая черезъ нѣсколько времени снова возобновляется и которая подъ двойною формою — проституціи, прелюбодѣянія — подкапываетъ мало-по-малу семейство, какъ крысы подкапываютъ домъ безъ того, чтобы замѣчали жильцы.» Онъ хочетъ еще и того, чтобы женщина, въ которой, если эта случайно зародившаяся любовь, эта первоначальная простая интрига, благодаря сильному характеру, привилегированной натурѣ, переходитъ въ истинную страсть, въ настоящую любовь, чтобы эта женщина имѣла возможность соединиться навсегда съ своимъ любовникомъ, безъ того, чтобы онъ подвергался каждую минуту своей жизни опасности быть законно убитымъ ея мужемъ. Однимъ словомъ онъ требуетъ развода [1]) Въ «Demi-Monde» одно названіе достаточно ясно говоритъ, къ какому міру принадлежатъ главныя дѣйствующія лица пьесы. Александръ Дюма не покинулъ и тутъ темной среды падшихъ женщинъ. Какъ въ «la Dame aux Camélias», онъ нарисовалъ паденіе являющееся результатомъ нищеты, голода и невѣжества, какъ въ «Diane de Lys» онъ представилъ его какъ послѣдствіе пустоты и бездѣлья скучающихъ свѣтскихъ женщинъ, такъ въ «Demi-Monde» онъ изобразилъ едва ли не самое отвратительное паденіе, такъ какъ оно проистекаетъ изъ грязнаго источника: алчности, страсти къ роскоши, блеску, который онѣ рѣшаются покупать не только продажей себя, но обманомъ, мошенничествомъ, словомъ всѣми правдами и неправдами, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, хотя бы нужно было даже жертвовать человѣческою жизнію. Какъ въ одномъ случаѣ онъ нарисовалъ женщину, вырванную изъ самаго низшаго класса общества, какъ

гого. Поэтому, когда мужъ Діаны въ 4 актѣ застаетъ ее съ любовникомъ, онъ говоритъ ему: «Я даю вамъ честное слово, что если еще разъ я найду васъ около моей жены въ тѣхъ же условіяхъ какъ теперь, то я воспользуюсь правомъ предоставленнымъ мнѣ закономъ и убью васъ.»

[1]) A propos de la Dame aux Camélias—Théatre complet. p. 47.

въ другомъ самаго высшаго, великосвѣтскаго, такъ теперь представилъ онъ женщинъ не принадлежащихъ собственно ни къ какому классу, а составляющихъ особенный слой, никуда плотно не прилегающій, а постоянно находящійся въ брожееніи. «Женщины, окружающія васъ, говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, объясняя другому, въ какого рода міръ онъ попалъ, всѣ имѣютъ какую-нибудь ошибку въ своемъ прошломъ, какое-нибудь пятно на своемъ имени, онѣ жмутся другъ къ другу, чтобы оно меньше было замѣтно, и съ тѣмъ же происхожденіемъ, съ тою же внѣшностью, съ тѣми же предразсудками, какъ и свѣтскія женщины, онѣ не принадлежатъ къ обществу и составляютъ то, что мы называемъ полу-свѣтомъ, который не есть ни аристократія, ни буржуазія, но который двигается какъ пловучій островъ на парижскомъ океанѣ, и который созываетъ, собираетъ, принимаетъ все, что падаетъ, все, что эмигрируетъ, все, что спасается съ одного изъ двухъ материковъ, не считая случайно попадающихся, потерпѣвшихъ крушеніе, и которые являются неизвѣстно откуда».

Ни одна изъ пьесъ Александра Дюма не имѣла такого большого и притомъ такого законнаго успѣха, какъ «Demi-Monde». Самые заклятые враги реализма сложили свое оружіе и признали комедію Дюма однимъ изъ лучшихъ произведеній современнаго драматическаго искусства. Успѣху этому, безъ сомнѣнія, сильно помогло то удивленіе, которое вызвала эта пьеса у общества. Оно не могло прійти въ себя въ первую минуту, и должно было спрашивать другъ у друга, откуда взялъ авторъ этотъ новый для него міръ, гдѣ онъ откопалъ этихъ женщинъ, этотъ цѣлый слой, потерянный въ парижскомъ населеніи, слой, который дышетъ и живетъ одною ложью, въ языкѣ, въ нравахъ, во всей обстановкѣ, который сегодня богатъ, завтра нищенствуетъ, потомъ опять богатѣетъ, и который подъ наружнымъ блескомъ часто скрываетъ чуть не лохмотья? Какъ, когда, въ какую эпоху, всякій долженъ былъ задавать себѣ вопросъ, образовался этотъ странный, особенный міръ, живущій подъ кодексомъ обмана и хитрости? Дѣло въ томъ, что никто до Александра Дюма не указывалъ на него обществу, онъ первый напалъ на него, проникъ въ самыя сокровенныя его тайны и во всей наготѣ передалъ его главные типы. Удивленіе было тѣмъ больше, что никто ни на минуту не могъ сказать: это неправда, этого міра не существуетъ. Всѣ напротивъ чувствовали, что тутъ одна только правда, и кромѣ нея ничего нѣтъ. Выведенныя лица «Demi-Monde» такъ живы, такъ натуральны, что никакое воображеніе не могло ихъ выдумать. Манеры, нравы, слова, жесты, все такъ кидалось въ глаза своею отталкивающею истиною, что нужно было бы приписать

автору слишкомъ большую честь, допуская, что этотъ міръ доставленъ Александру Дюма воображеніемъ. Нѣтъ, онъ подслушалъ и подсмотрѣлъ, онъ записалъ въ свою памятную книжку всѣ выраженія, всѣ фразы, счертилъ всѣ позы, всѣ взгляды, и потомъ только сильною рукою связалъ это все однимъ крѣпкимъ узломъ. Но наблюдательность у Дюма — она точно пропадаетъ или по крайней мѣрѣ много теряетъ своей силы, когда онъ направляетъ ее на другой слой, на другую часть общества, а не на классъ падшихъ женщинъ въ различныхъ его проявленіяхъ. Изъ этого слоя общества онъ сдѣлалъ какъ бы свою спеціальность, и хотя онъ достигъ въ ней огромнаго мастерства, но тѣмъ не менѣе для такого большого таланта, какимъ обладаетъ Дюма, этого еще мало, онъ не долженъ былъ бы довольствоваться своимъ заколдованнымъ кругомъ, и долженъ бы напрячь всѣ свои усилія, чтобы съ успѣхомъ переступить его черту. Тѣ нѣсколько попытокъ, которыя онъ дѣлалъ, были удачны только на половину, и онъ, вмѣсто того, чтобы упорствовать и добиться,—что̀, безъ сомнѣнія, въ его средствахъ,—предпочелъ снова возвратиться къ своему любимому міру. Задача, цѣль истиннаго драматурга должна быть изображеніе общества вообще, а не отдѣльной какой-нибудь его частицы, искусство не должно подчиниться этому господствующему стремленію XIX-го вѣка, все съуживать, все спеціализировать, потому что иначе оно изсушитъ его и лишитъ всякой жизни. Дѣлая Александру Дюма упрекъ, что онъ ограничиваетъ свою дѣятельность однимъ замкнутымъ кругомъ, и что онъ посвящаетъ себя разработкѣ одного только вопроса, нужно сказать все-таки, что на этомъ пути онъ не встрѣчаетъ себѣ соперниковъ, и что врядъ ли можно съ бо̀льшимъ знаніемъ, ловкостью и талантомъ изображать тотъ классъ женщинъ, въ которомъ онъ встрѣтилъ такіе сильные и оригинальные характеры, какъ характеръ баронессы d'Ange. Изъ всего театра Дюма едва ли эта фигура не есть самая выдающаяся по законченности и цѣльности характера, и не самая интересная по своей новизнѣ. Баронесса д'Анжъ представляетъ собою типъ интригантки и куртизантки, прикрывающейся наружнымъ приличіемъ, типъ женщины, въ которой есть какая-то дьявольская сила, таскающая ее для достиженія своей цѣли, черезъ какія бы средства ни нужно было для этого пройти. Она съ молоду видѣла кругомъ себя успѣхъ обмана и наглости, и потому рѣшилась хорошо воспользоваться урокомъ, и точно также, благодаря ряду гнусныхъ поступковъ, добиться себѣ имени, почести и уваженія. Время, эпоха нашла въ ней достойную ученицу, и она заимствовала отъ нея всѣ пороки, отбросивъ въ сторону то хоро-

шее, что̀ существуетъ въ обществѣ помимо всякой воли, и что̀ никакая сила не въ состояніи уничтожить. Баронесса д'Анжъ— это вполнѣ созрѣвшій нарывъ, но не лопающійся сразу, а распускающій свой гной мало-по-малу, при каждомъ удобномъ случаѣ. Типъ этотъ никогда прежде не существовалъ, онъ только, что успѣлъ сформироваться, какъ Александръ Дюма подмѣтилъ его. Онъ ничего къ нему не прибавилъ своего, потому что къ такому типу нечего прибавлять, онъ какъ нельзя болѣе цѣленъ, и каждая лишняя черта, какъ бы она ни была ничтожна, испортила бы только его, сдѣлала бы фальшивымъ. Онъ только насквозь проникся имъ, изучилъ его малѣйшее движеніе, самую тайную мысль и перевелъ его на сцену во всей его природной красотѣ, которая тутъ представляется исполинскимъ нравственнымъ уродствомъ. Эта женщина живетъ, нѣтъ ни одного слова, ни одного жеста, который можно было бы упрекнуть въ нереальности. Она даетъ собою возможно полное олицетвореніе зла, закутаннаго въ мантію, украденной у его побѣжденнаго врага. Откуда, что, когда, какъ она появилась на свѣтъ, — этого никто не знаетъ, не знаетъ даже самъ Ал. Дюма, онъ нашелъ ее уже хитрою любовницею одного маркиза, у котораго она успѣла выманить состояніе въ 15, 20 тысячъ франковъ годового дохода. Съ этой минуты, заимствовавъ чужое имя и фальшивый титулъ, она рѣшается пролѣзть на самый верхъ общества. Тутъ-то она развиваетъ всю свою силу, показываетъ свои когти и удивляетъ всѣхъ своими геніальными наполеоновскими стратегическими планами. Она бьетъ все и всѣхъ, разбиваетъ и уничтожаетъ враговъ, торжествуетъ на всѣхъ пунктахъ, и тогда, когда, кажется, наступаетъ великая минута осуществленія ея плановъ, когда осталось сдѣлать одинъ шагъ, — вдругъ разгромъ Ватерлоо. Какую сочную картину далъ своему обществу Дюма, представивъ баронессу d'Ange, окруженною обществомъ ея пріятельницъ, M-me de Santis и M-me de Vernières. Когда попадаешь въ этотъ міръ и слушаешь ихъ разговоры, когда глазъ начинаетъ ясно различать, сколько лжи во всей ихъ атмосферѣ, сколько вѣроломства въ ихъ взглядахъ, сколько напрасныхъ усилій, тотчасъ же опровергаемыхъ ими самими, чтобы прослыть за честныхъ женщинъ, какъ на всемъ отзывается какой-то смрадъ, какъ все завѣшано блестящими лохмотьями, которыя позволяютъ сквозь дыры видѣть дѣйствительность, тогда слово «полусвѣтъ» невольно навертывается на губы. Да, это полусвѣтъ, это тотъ классъ, который созданъ послѣдними двадцатью годами, это настоящій, существующій общественный слой, который не могъ быть выдуманъ авторомъ «Demi-Monde». Еслибы мужскіе характеры отвѣ-

чали по силѣ женскимъ, тогда трудно было бы найти въ этой пьесѣ серьёзные недостатки. Конечно, типъ Olivier Jalin, человѣка, ясно понимающаго всѣ плутни «полусвѣта», всѣ его продѣлки, вертящагося здѣсь, потому что, какъ онъ самъ говоритъ, «это побочное общество очень пріятно для молодыхъ людей», такъ какъ тутъ собираются замужнія женщины безъ мужей, человѣка безъ всякихъ нравственныхъ стремленій, а просто честнаго малаго, еще болѣе удаченъ, чѣмъ всѣ остальные герои Дюма, но тѣмъ не менѣе, этого недостаточно, чтобы гармонировать съ такими законченными типами, какъ баронесса d'Ange и M-me de Santis. Вообще нужно сдѣлать общее замѣчаніе, относящееся ко всѣмъ произведеніямъ Дюма, что у него преимущественно, чтобы не сказать исключительно, удаются женскіе характеры, и насколько эти типичны, сильны, своеобразны, вырваны какъ бы изъ жизни, настолько же мужскіе характеры слабы, блѣдны, безжизненны и банальны. Что̀ можно противопоставить его Маргаритѣ Готье, Діанѣ, д'Анжъ? едва набросанные и какъ бы затушеванные ими образы Армана Дюваля и Поля Обри—двухъ героевъ «la Dame aux Camélias» и «Diane de Lys». Въ послѣдующихъ его пьесахъ мы находимъ всегда тотъ же недостатокъ: дисгармонію между женскими и мужскими типами. Если женскіе характеры Дюма требовали бы иногда большей глубины, бо̀льшаго анализа, разработки, то все-таки концепція того или другого типа всегда хороша; мужскіе же характеры не только не бываютъ хорошо выполнены, но рѣдко даже удачно задуманы. Вотъ отчего, говоря о его пьесахъ, мы вынуждены ограничиваться разборомъ женскихъ типовъ. Помимо этого общаго недостатка всѣмъ произведеніямъ Александра Дюма, «Demi-Monde» почти не заслуживаетъ никакого упрека. Главные характеры, драматическія положенія, языкъ дѣйствующихъ лицъ,—все, какъ нельзя болѣе, отвѣчаетъ другъ другу, какъ нельзя болѣе вѣрно и мастерски подмѣчено.

Пьесы Александра Дюма многіе сравнивали иногда съ геометрическими теоремами, которыя онъ начинаетъ доказывать съ первой сцены перваго акта, и которымъ онъ даетъ рѣшеніе въ послѣднихъ словахъ послѣдняго дѣйствія. Если въ этомъ сравненіи есть, безъ сомнѣнія, много преувеличеннаго, то въ немъ все-таки есть и доля правды, а этого нельзя, кажется, особенно ставить въ вину автору «Demi-Monde». Кто не предпочтетъ этой ясности, строгой послѣдовательности въ разговорахъ, въ поступкахъ, въ сценахъ, въ цѣломъ ходѣ пьесы, которая отъ начала и до конца ведется въ виду одной мысли, — разбросанность, несвязность, сопоставленіе сценъ, неизвѣстно для чего при-

плетенныхъ, что̀ такъ часто встрѣчается даже въ произведеніяхъ хорошихъ и талантливыхъ драматурговъ? Въ пьесахъ Дюма мы встрѣчаемъ, благодаря этой логикѣ, одно достоинство, которое мы рѣдко находимъ у другихъ современныхъ драматурговъ; въ большинствѣ его пьесъ послѣдній актъ связанъ съ первымъ, его нельзя ни отбросить, ни измѣнить, онъ не является случайной придѣлкой, нужной только для того, чтобы закончить какъ-нибудь пьесу. Къ нему все направлено, все приготовляется для него, сюда стекаются всѣ событія, онъ резюмируетъ положенія, характеры, мысль пьесы. Чтобъ придумать новый конецъ, нужно придумать новое начало, новую середину и т. д., однимъ словомъ, нужно передѣлать цѣлую пьесу; между тѣмъ у всѣхъ другихъ, что̀ мы видимъ? не говоря уже о Сарду, Барьерѣ, Октавѣ Фелье, у которыхъ они никуда не годны, даже у Эмиля Ожье, главный недостатокъ заключается большей частью въ послѣднихъ актахъ, не клеющихся до такой степени со всей пьесой, и до того ложныхъ по отношенію къ ходу цѣлой пьесы, что часто послѣ тридцати, сорока представленій, онъ беретъ назадъ свою драму или комедію и пишетъ новое заключеніе. Такъ было съ его «Contagion», такъ случилось теперь съ послѣдней его пьесой «Paul Forestier». Такого рода процедура доказываетъ, разумѣется, одно, что вся пьеса не бралась въ головѣ съ одного раза, что въ ней нѣтъ мысли, которая пронизывала бы ее отъ начала до конца. Но это не единственная заслуга, которую логика оказываетъ Александру Дюма. Благодаря ей, всѣ драматическія положенія получаютъ необыкновенную ясность, они наглядно группируются около одной главной мысли пьесы, она придаетъ всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ удивительную опредѣленность, которая не позволяетъ смѣшивать одну фигуру съ другою; каждой она налагаетъ свою оригинальную печать. Рядомъ съ этимъ, безднѣ положеній логика придаетъ большую силу, рельефность, вытекающихъ изъ прямоты и простоты, съ которою рисуетъ ихъ Дюма. Самые большіе удары, самые сильные толчки авторъ даетъ безъ всякихъ приготовленій и церемоній, однимъ какимъ-нибудь словомъ, падающимъ съ его губъ. Въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ, въ самыя тяжелыя и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительныя минуты, когда невольно спрашиваешь себя, какъ можетъ изъ нихъ выбраться авторъ съ успѣхомъ, когда все, кажется, клонится къ тому, чтобы онъ залѣзъ въ такой густой лѣсъ, изъ котораго нѣтъ выхода, Александръ Дюма приводитъ маленькое логическое разсужденіе, вкладываетъ иногда два-три слова, ясныхъ какъ день, въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ, и при помощи такого удачнаго маневра однимъ ударомъ разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ.

Да, разсѣкаетъ, другого слова мы не можемъ употребить, потому что Александръ Дюма, разъ что логика подсказала ему, что то или другое должно быть такъ и не иначе, не останавливается больше, не колеблется, какъ поступить, не спрашиваетъ себя, приметъ-ли такое рѣшеніе публика или нѣтъ, а идетъ прямо къ своей цѣли, и безъ замѣшательства разрѣшаетъ свою задачу. Общество апплодируетъ—хорошо; нѣтъ,—у Александра Дюма всегда на языкѣ вертятся слова: тѣмъ хуже для тебя! Но если логика часто помогаетъ Александру Дюма, то иногда также она и вредитъ ему, и вредитъ именно каждый разъ въ тѣхъ сценахъ, въ которыхъ главную роль должно играть чувство. Эта опредѣленность, строгая послѣдовательность не даютъ ему развиваться и высказаться, чувство стѣсняется этою сжатою фразою, этою точностью языка, которая не позволяетъ зрителю пополнять впечатлѣніе извѣстной сцены своимъ собственнымъ воображеніемъ. Александръ Дюма не допускаетъ никакого сомнѣнія, каждое слово имѣетъ свой смыслъ, не позволяющій толковать его иначе, что̀, разумѣется, придаетъ чувству извѣстную холодность. Чувство требуетъ свободы, ширины, которою оно, правда, иногда пользуется, чтобы перейти въ сантиментальничанье и лиризмъ, и потому разъ, что его подчиняютъ строгому и суровому языку, оно съеживается, стушевывается и перестаетъ трогать людей, что и заставляетъ подозрѣвать въ авторѣ, который такимъ образомъ обращается съ чувствомъ, нѣкоторую сухость и черствость сердца и ума. Вотъ почему въ тѣхъ пьесахъ, гдѣ чувство должно имѣть большое значеніе, логика — это преобладающее качество Дюма, мѣшаетъ ему и дѣлаетъ все произведеніе натянутымъ и холоднымъ, какъ это можно видѣть въ «le Fils naturel». Тамъ же, гдѣ чувство, какъ въ «Demi-Monde», стоитъ совершенно на второстепенномъ планѣ и гдѣ оно даже было бы неумѣстно, тамъ оно помогаетъ Дюма создать въ полномъ смыслѣ слова хорошее произведеніе. Не слѣдуетъ думать, чтобы точность, мѣшающая развитію чувства, сколько-нибудь мѣшала жизненности его языка, напротивъ, мы не знаемъ никого изъ современныхъ драматурговъ, у кого въ діалогахъ было бы больше остроумія и соли; ни на одно мгновеніе онъ не ослабѣваетъ, не блѣднѣетъ, умъ его никогда не изсякаетъ въ немъ, искусство его почти-что доведено до конца. Понятно, что когда всѣ эти качества соединяются въ одной пьесѣ, то она должна очень близко приближаться къ тому, что зовется замѣчательнымъ произведеніемъ. Французское общество такъ и смотритъ на «Demi-Monde», которому принадлежитъ еще и та честь, что она заставила написать Ожье двѣ пьесы: «Le mariage d'Olympe» и «les Lionnes pauvres». Одна изъ

нихъ служитъ какъ бы началомъ «Полусвѣта», другая продолженіемъ. Въ одной Ожье спросилъ себя, откуда же берутся баронессы d'Ange, какъ онѣ рождаются, какой классъ поставляетъ ихъ? И въ «les Lionnes pauvres» онъ прекрасно отвѣтилъ на это, нарисовавъ въ Séraphine Pommeau женщину, которая, благодаря своей страсти къ роскоши, къ великолѣпнымъ туалетамъ, къ вѣчнымъ выѣздамъ, баламъ и театрамъ, и не находя возможности удовлетворить эту страсть тѣмъ честнымъ, но небольшимъ состояніемъ, которое даетъ ей трудъ мужа, начинаетъ дѣлать долги, брать въ кредитъ, давать векселя, и когда видитъ приближеніе скандала, когда отъ нея требуютъ уплаты, она ищетъ денегъ, новаго дохода и находитъ его, уступая «любви» и дѣлаясь любовницею какого-нибудь господина. Въ другой пьесѣ Ожье сдѣлалъ себѣ вопросъ, что̀ сталось бы съ баронессой d'Ange, еслибы она не натолкнулась на Ватерлоо, а успѣла бы въ своихъ планахъ и вышла бы замужъ за честнаго человѣка и попала бы въ честное семейство? Результатомъ этого вопроса была очень смѣлая и хорошая драма «le Mariage d'Olympe», въ которой онъ находитъ, что еслибы даже баронесса d'Ange или Olympe и успѣли въ своихъ цѣляхъ, то только на свою бѣду, потому что въ честномъ кругу ихъ ожидало бы разочарованіе, безвыходная тоска и безцвѣтная жизнь, которая кончилась бы тѣмъ, что ихъ развращенная натура взяла бы верхъ надъ ихъ желаніемъ казаться «порядочными женщинами», и онѣ, силою своей испорченности, были бы снова сброшены въ пропасть. Обѣ эти пьесы, написанныя съ большою силою, отвагою и смѣлостію и съ обычнымъ талантомъ Ожье, должны быть поставлены въ заслугу Дюма и его «Полусвѣту.

Послѣ «Demi-Monde», въ драматической дѣятельности Александра Дюма, проходитъ, если не со всѣмъ темная, то во всякомъ случаѣ довольно темная полоса. Изъ всѣхъ послѣдующихъ его пьесъ, какъ: «la Question d'Argent», «le Père prodigue», «le Fils naturel», ни одна не имѣла большого успѣха, и хотя, конечно, онѣ не лишены достоинствъ и въ нихъ попадаются иногда очень сильныя положенія, прекрасные эскизы нравовъ, мѣткія, типическія черты характеровъ, и не рѣдко богатая мысль, тѣмъ не менѣе, они не имѣютъ той цѣльности и законченности, которая сдѣлалась для Александра Дюма обязательною послѣ его «Полу-Свѣта». «Le fils naturel» долженъ былъ показать автору «Diane de Lys», насколько неудобно строить всю пьесу на одномъ законѣ и дѣлать его не только главнымъ, но почти и исключительнымъ своимъ орудіемъ. Совершенно соглашаясь, что законъ и, главное, дурной законъ, можетъ давать очень

часто поводъ къ самимъ драматическимъ положеніямъ, которымъ очень удачно воспользовался самъ же Дюма въ своей «Diane de Lys», и которымъ еще болѣе удачно пользовался Бальзакъ, показавшій первый, какія драмы порождаютъ законы, нужно все-таки сказать, что закону нельзя жертвовать ни изображеніемъ характеровъ, ни борьбою страстей. Въ «le Fils naturel» они совершенно пожертвованы, главное вниманіе обращено вовсе не на игру страстей, которыя возбуждаетъ законъ, а просто на тѣ странныя положенія, въ которыя онъ ставитъ людей. Эта темная полоса, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ, исчезла, наконецъ, годъ тому назадъ, когда на свѣтъ появилось новое произведеніе Дюма, достойное занять мѣсто рядомъ съ «Полусвѣтомъ». Сколько разъ и кто не дѣлалъ упрека Александру Дюма, что въ цѣломъ рядѣ жесткихъ типовъ, которые вывелъ онъ на сцену, нѣтъ ни одного, на который онъ указалъ какъ на большее или меньшее приближеніе къ своему идеалу. Онъ отвѣтилъ на этотъ упрекъ, написавъ «les Idées de M-me Aubray», пьесу, въ которой, рядомъ съ тѣми достоинствами, которыя мы видѣли въ «Demi-monde», мы снова встрѣчаемъ еще одно, давно забытое и заброшенное Александромъ Дюма,—это поэтичность двухъ характеровъ M-me Aubray и Жанины. M-me Aubray представляетъ собою совершенно новый типъ въ театрѣ Дюма, типъ женщинъ, рѣдко попадающихся въ обществѣ, даже можетъ быть типъ одной только женщины — собственнаго идеала автора. Жанину же мы болѣе или менѣе знаемъ, она есть только видоизмѣненіе Маргариты Готье послѣднихъ актовъ, однимъ словомъ, это безсознательно падшая женщина, перерожденая любовью. Съ какою ловкостью, съ какимъ знаніемъ, съ какою увѣренностію въ своемъ талантѣ вошелъ онъ опять въ свою первую и обычную тему — женскій вопросъ, и съ какимъ мастерствомъ написалъ онъ фигуру Жанины и ея спасительницы M-me Aubray. Что̀ за типъ этой женщины, какъ опредѣлить ея характеръ? Въ ней есть одна отличительная черта, изъ которой проистекаетъ все остальное—это огромная, безконечная любовь ко всему человѣчеству. Чтобы ни попадалось ей на этой дорогѣ, чтобы ни преграждало ей путь къ совершенію добра, она все отталкиваетъ, всѣмъ пренебрегаетъ, ей нѣтъ дѣла ни до условной морали общества, ни до мнѣній и предразсудковъ свѣта, ни до законовъ, ни до всего установленнаго, разъ что ей кажется оно дурно. У ней есть своя мораль, свои мнѣнія, свои законы, которые она находитъ готовыми въ своемъ умѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей добродѣтели, въ своей безконечной симпатіи ко всему страждущему, ко всему несчастному, въ своей твердой рѣшительности спасать погибаю-

щихъ и поднимать тѣхъ, которые упали. Александръ Дюма даетъ такое опредѣленіе M-me Aubray, вкладывая его въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ: M-me Aubray, это честная женщина въ самомъ широкомъ и самомъ благородномъ значеніи этого слова. У нея есть одинъ недостатокъ: «она не совсѣмъ принадлежитъ этому свѣту, она слишкомъ вѣритъ въ добро», и, можетъ быть, къ нему можно прибавить еще одинъ, она черезъчуръ увѣрена въ своей собственной силѣ. Ей мало того, что она подаетъ руку помощи всякому, кто нуждается въ ней, она сама отыскиваетъ несчастныхъ, и ей нѣтъ высшаго блаженства, какъ возвратить къ истинной жизни тѣхъ, которые отклонились отъ нея. Въ ней живетъ какая-то лихорадка добра, ей хочется дѣйствовать и дѣйствовать, она на все готова, всѣмъ хочетъ жертвовать ему, «пусть, вскрикиваетъ она, явится борьба—я жду ее, призываю, и какія испытанія, какіе бы примѣры, какихъ бы жертвъ ни потребовали мои сумасшедшія идеи, я дамъ одни и совершу другія». Она не признаетъ, что люди могутъ быть злы, что они бываютъ преступны, ея философія сердца сходится съ самою высокою философіею разума, когда она говоритъ: «Въ мірѣ есть только больные, слѣпые или безумные. Когда кто-нибудь дѣлаетъ зло, то дѣлаетъ его безъ преднамѣренія, а по увлеченію. Люди думаютъ, что дорога болѣе пріятна на лѣво, чѣмъ на право, берутъ на лѣво, и когда попадаютъ на тернистую дорогу или въ грязь, тогда зовутъ на помощь,—и обязанность тѣхъ, которые стоятъ на хорошемъ пути, посвятить себя, чтобы спасти другого». Она не только сама отдается спасенію людей, ей этого мало, она хочетъ, чтобы и другіе спасали ихъ. Какое большее поле для своей дѣятельности она могла найти, какъ возрожденіе падшихъ женщинъ? она отдается ему всею душею, и нужно слышать, съ какою страстью проповѣдуетъ она, что честный человѣкъ не только можетъ, но долженъ жениться на женщинѣ, которая пала, но у которой есть сила, рѣшительность подняться и сдѣлаться честною. Чтò изъ того, что на ея прошедшемъ лежитъ пятно, что у нея былъ любовникъ, что она имѣетъ отъ него ребенка, когда теперь, въ эту минуту, она сдѣлалась честною! Съ какою силою она уговариваетъ человѣка жениться на этой женщинѣ, что только женитьбой онъ можетъ загладить свое прошедшее поведеніе, по отношенію къ женщинамъ, изъ которыхъ не одну можетъ быть онъ поставилъ въ такое же положеніе, какъ эту. «А, говоритъ она, то, чтò для васъ зовется шалостью, для женщины, потому только, что она женщина, то самое зовется преступленіемъ». Отчего же не жениться, чтò можетъ остановить честнаго человѣка? Мнѣніе свѣта, ошибка въ

прошломъ, другой человѣкъ, который стѣсняетъ, воспоминаніе, которое жжетъ? «Имѣйте силу дѣлать добро, какъ вы имѣли силу дѣлать зло, и я вамъ говорю, что честные люди будутъ на вашей сторонѣ». Съ какимъ восторгомъ въ эти минуты, когда она съ жаромъ это проповѣдуетъ, сынъ ея, воспитанный въ тѣхъ же принципахъ, какъ и она, глотаетъ и наслаждается ея словами. Она не подозрѣваетъ, что падшая женщина, на которой она хочетъ женить другого, любима ея собственнымъ сыномъ, и что черезъ нѣсколько часовъ онъ придетъ къ ней и скажетъ: я женюсь на ней! Вотъ, когда пришла та борьба, которую она такъ страстно желала и призывала съ такою увѣренностью! Она поражена, она не можетъ прійти въ себя, она слабѣетъ, начинаетъ сомнѣваться въ себѣ, въ своихъ принципахъ и убѣжденіяхъ, она отказывается на минуту отъ всего своего прошлаго, ея теорія расходится съ практикой, но хорошая, исключительная натура беретъ свое, ея любовь къ человѣчеству торжествуетъ надъ всѣмъ остальнымъ, и она вскрикиваетъ: женись на ней! Нужно было много смѣлости, чтобы произнести это слово: женись! будь оно сказано кѣмъ другимъ, а не такимъ авторитетнымъ именемъ, какъ имя Александра Дюма, оно, вѣроятно, вызвало бы такую насмѣшку, что общество освистало бы пьесу. Эта комедія именно имѣетъ то большое достоинство, что, помимо изображенія нравовъ, она поучаетъ общество, она рисуетъ ему идеалъ, которому оно должно изъ всѣхъ силъ стараться подражать. Никакая другая эпоха такъ не нуждается въ распространеніи широкихъ и хорошихъ идей, какъ та, которую переживаетъ современная Франція. Драматическое искусство умалило бы свое значеніе, еслибы оно отказалось давать, помимо картины и образчиковъ нравовъ, отъ своего другого высокаго назначенія — поученія общества, народа, съ которымъ оно находится въ прямомъ сношеніи, въ самой непосредственной связи. Ихъ ничто не раздѣляетъ, между ними нѣтъ никакихъ преградъ. Мысль, идея, поученіе прямо сообщается съ массою, и если они не способны исправить отдѣльное лицо, то они имѣютъ власть надъ цѣлымъ обществомъ; не уничтожая индивидуальнаго зла, театръ останавливаетъ его заразу. Разбирая главныхъ современныхъ драматурговъ, мы всегда спрашивали у нихъ одного—идеала, потому что въ немъ главнымъ образомъ скрывается поучительная сторона драматическаго искусства. У однихъ, какъ у Сарду, мы его вовсе не нашли, у другихъ, какъ у Барьера и Ожье— мы нашли его скрытымъ, разбросаннымъ, укрывающимся въ самихъ авторахъ, которые говорятъ иногда за своихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ M-me Aubray Александръ Дюма представилъ

положительный идеалъ современной женщины, и если однимъ онъ кажется слишкомъ неземнымъ, другимъ—недостаточнымъ, неполнымъ и неудовлетворительнымъ, то это все-таки не уменьшаетъ его заслугу. Онъ представилъ его такъ, какъ онъ его понимаетъ, и французское общество будетъ счастливо, для него настанетъ золотой вѣкъ, когда французскія женщины приблизятся къ такому идеалу и будутъ больше походить на M-me Aubray, чѣмъ на M-me Бенуатонъ. Не говоря о другихъ достоинствахъ «les Idées de M-me Aubray», потому что намъ пришлось бы повторять то, что̀ мы уже говорили по поводу другихъ пьесъ, скажемъ только, что и въ этой комедіи, какъ и во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ Александра Дюма, надъ всѣми его хорошими качествами, надъ всѣми его достоинствами безспорно возвышается одно, и самое лучшее, это глубокая любовь и высокое уваженіе къ своему искусству. Онъ не пишетъ произведеніе какъ попало, лишь бы оно имѣло успѣхъ, онъ не эксплуатируетъ свою славу, онъ обращается съ нимъ съ тою нѣжностью и страстью, съ которою долженъ обходиться съ своимъ дѣтищемъ каждый истинный артистъ; онъ долго носится съ нимъ, прежде чѣмъ выпуститъ его изъ своихъ рукъ, онъ изучаетъ каждый характеръ, каждую черту его, онъ ищетъ и придумываетъ новыя и простыя положенія, онъ, какъ никто, обработываетъ свой стиль и оставляетъ время созрѣть и окончательно сложиться въ головѣ своему плану. Если Александръ Дюма не даетъ еще болѣе замѣчательныхъ произведеній, то во всякомъ случаѣ не потому, чтобы онъ съ недостаточнымъ уваженіемъ и любовію обращался съ своимъ богомъ. Искусство, въ свою очередь, не осталось у него въ долгу, оно наградило его большою популярностью, которую онъ употребляетъ на то, чтобы съ пользою служить обществу.

Закончивъ обзоръ главныхъ современныхъ драматурговъ, мы не станемъ дѣлать никакихъ заключеній. Конечно, мы не встрѣчаемъ въ современной Франціи ни Шекспира, ни Кальдерона, ни Шиллера, ни Мольера; но при общемъ положеніи страны, нужно удивляться не тому, что въ странѣ нѣтъ геніевъ, а гораздо скорѣе другому, что тамъ все же не вымерли серьезные таланты, какихъ можно пожелать другимъ литературамъ. Во Франціи само общество находится въ переходной эпохѣ, а время переходныхъ эпохъ никогда еще не было временемъ полнаго процвѣтанія литературы и искусствъ.

Евг. Утинъ.

ДВА МѢСЯЦА

въ

СЕРБІИ.

(Изъ путевыхъ воспоминаній.)

I.

На Дунаѣ.—Отъ Пешта до Бѣлграда.—Оговорка автора.—«Сербія»—Каница.—Сербскія сочиненія о Сербіи.

Изъ Пешта я отправился на пароходѣ внизъ по Дунаю.

Все помѣщеніе нашего парохода дѣлилось на двѣ равныя половины, между двумя весьма неровными частями его пассажировъ: кормовую половину его занималъ 1-й классъ, въ которомъ было не больше 10 персонъ, а носовую—2-й и 3-й классы, въ которыхъ было по крайней мѣрѣ сто человѣкъ. Между обѣими половинами не существовало никакой перегородки, но, изображенные на бортахъ по серединѣ, указательные пальцы обращали вниманіе каждаго на грозную надпись, что—кто изъ низшаго класса перейдетъ эту грань, тотъ заплатитъ за 1-й. Оба низшіе класса имѣютъ въ своемъ распоряженіи рубку (общую каюту на палубѣ), которая разгорожена на два отдѣленія стѣнкой, и помѣщеніе на трапѣ (т. е. платформѣ надъ рубкой), которое также раздѣлено, но только перилами, такъ что переходить изъ одного отдѣленія въ другое весьма легко, и никакая надпись того не воспрещаетъ. По палубѣ можно только прохаживаться, потому что скамеекъ нѣтъ, но и прохаживаться трудно, такъ какъ вся она загромождена грузомъ, по преимуществу бочками и боченками съ пивомъ, отправляемымъ въ значительномъ количествѣ изъ Австріи въ Сербію. Второй классъ передъ третьимъ имѣетъ то преимущество, что владѣетъ еще каютой внизу: это общій залъ, въ которомъ вдоль стѣнъ разставлены

скамейки, длинные столы и нѣсколько складныхъ стульевъ. Здѣсь вы можете сидѣть только тогда, когда спросите чего-нибудь ѣсть или пить; иначе вы все время должны толочься на ногахъ, если не успѣли заблаговременно захватить мѣстечко. Сѣсть на полъ невозможно, потому, вопервыхъ, что васъ затопчутъ (такъ много людей), а во вторыхъ, потому что онъ весь загаженъ, чѣмъ только возможно, такъ что палуба волжскаго парохода, сравнительно съ нимъ, все равно, что полъ любой гостиной. Сюда же для кормленія допускается и третій классъ. Итакъ, въ сущности разница между вторымъ и третьимъ классомъ состоитъ только въ томъ, что въ одномъ вы платите 10 гульд. (6 р. сер.), а въ другомъ 6 гульд. (3 р. 60 к.). Конечно, разсчетъ былъ бы заплатить только 6 гульд.; вы однако 3-го класса не получите: онъ существуетъ только для солдатъ и рабочихъ; но и послѣдніе большею частью не получаютъ билетовъ 3-го класса: и такимъ образомъ большинство, волей-неволей, платитъ за 2-й классъ, который отъ того набивается биткомъ.

За то какая роскошь въ первомъ классѣ! Мягкость бархата и блескъ золота! Намъ привелось побывать тамъ, когда пароходъ на всемъ ходу налетѣлъ на мель. Чтобъ поднять носъ, нужно было загрузить корму, и вотъ въ этихъ видахъ, насъ всѣхъ, въ видѣ живого груза, перегнали въ первый классъ. Цѣль была тотчасъ достигнута: масса перетянула корму, носъ поднялся, и пароходъ сначала поползъ назадъ, потомъ ходомъ двинулся впередъ, а масса опять отправилась въ свое тѣсное, грязное помѣщенье.

Еслибъ пароходъ сѣлъ на мель кормой, что также случается, хоть гораздо рѣже, тогда завезли бы якорь, и таже масса, работая воротомъ, двинула бы пароходъ впередъ. Чтоже это за масса, которая, какъ машина въ рукахъ мастера, тамъ гдѣ не помогаютъ обыкновенныя средства, служитъ двигателемъ впередъ и назадъ? Что касается той массы, къ которой временно принадлежалъ и я, ѣхавши вмѣстѣ на пароходѣ, то она представляла собою, по большей части, избытокъ чернорабочихъ силъ западной Европы, преимущественно Австріи и еще спеціальнѣе—части ея, Богеміи. Это были фабричные и ремесленники разныхъ родовъ. Между прочимъ, тутъ была одна партія слесарей, состоявшая изъ 27 человѣкъ и отправлявшаяся на оружейный заводъ въ Бухарестъ; большинство ея составляли чехи. Другіе также отправлялись на разные заводы въ Молдавію, Валахію, Сербію и въ турецкія земли.

Это были все люди молодые, весьма порядочно и чисто одѣтые, умѣющіе держать себя съ достоинствомъ и безъ всякихъ угловатыхъ манеръ. По наружному виду они напоминаютъ нашу учащуюся молодежь, да и по духу это что-то близкое къ студенчеству. И не удивительно: за границей студенчество и работники стоятъ такъ близко одинъ

къ другому, что всѣ почти демонстраціи и разнаго рода исторіетки съ политическимъ оттѣнкомъ они устраиваютъ вмѣстѣ, а въ 48 г. они такимъ образомъ, дѣйствуя за одно, сочинили цѣлую исторію. Нѣкоторые изъ этихъ рабочихъ учились въ технологическомъ институтѣ, а иные немного слушали лекціи въ университетѣ, но по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, большею частію по недостатку средствъ, должны были въ первый же годъ окончить свою ученую карьеру и искать заработка. Пѣніе, разсказы разнаго рода, анекдоты, декламація и иногда представленіе какой-нибудь сцены двоими, троими, продолжались почти всю дорогу. Особенно пріятно было это общество ночью, когда спать рѣшительно не было никакой возможности по недостатку мѣста, и оставалось одно—стараться какъ-нибудь убить время. Всѣ почти они знакомы съ гимнастикой и потому у всѣхъ хорошо развита мышечная система. Любо было смотрѣть на этотъ народъ свѣжій, крѣпкій физически, бодрый и веселый духомъ, работящій и дѣятельный, но странно было подумать, что это все лишніе, ненужные люди, что отечество ихъ гонитъ, и они должны искать заработка на чужой сторонѣ. При этомъ невольно приходитъ мнѣ на память чешская земля, гдѣ мнѣ встрѣтились громадныя панскія имѣнія, въ которыхъ одного лѣсу, валяющагося и на мѣстѣ согнивающаго, цѣлыя массы, множество луговъ, прудовъ и пустопорожнихъ мѣстъ, которыя особенно поражаютъ своею пустынностью, находясь рядомъ съ густо заселенными и до послѣдняго клочка обработанными землями сельскихъ и городскихъ общинъ; такихъ имѣній тамъ много, и все-таки народу тѣсно, ему негдѣ и нечѣмъ жить: и онъ расползается по цѣлому свѣту, ища клочка земли и работы. Такъ неточны слова—*лишній, ненужный человѣкъ.*

Были тутъ прасолы, торгующіе свиньями и рогатымъ скотомъ, скупщики хлѣба, ѣдущіе въ Сербію и Дунайскія Княжества, и лѣсопромышленники, отправляющіеся въ Боснію. Интересную личность представлялъ средняго роста кряжистый банатскій цыганъ, почему-то называвшій себя римляниномъ. Онъ нагуливаетъ рогатую скотину, сбываетъ ее въ Пештѣ, Вѣнѣ и въ Италіи, и получаетъ отъ того большіе барыши. Ему видимо хотѣлось похвастаться, и съ этой цѣлью онъ то и дѣло вынималъ изъ кармана бумажникъ, набитый ассигнаціями, и порядочный мѣшечекъ съ червонцами, потомъ онъ кликалъ всѣхъ, не хочетъ ли кто поиграть съ нимъ въ карты; когда охотника не находилось, тогда онъ подсѣлъ къ ѣхавшему тутъже еврею съ рыжеватыми локонами и бородкой: то предлагалъ ему показать за деньги какой-то фокусъ на картахъ, то просилъ его размѣнять золото на ассигнаціи или ассигнаціи на золото. Послѣдняя операція сильно занимала еврея: онъ приносилъ уже шкатулочку, отпиралъ её и доставалъ деньги; но цыганъ шутилъ надъ нимъ, хотѣлъ только подра-

знить, предлагалъ совершенно не подходящія условія. Еврей видѣлъ это, сердился и, заложивши руки назадъ, отходилъ прочь, и ходилъ такъ, будто не обращая никакого вниманія на предложенія цыгана, но черезъ нѣсколько времени подходилъ опять и начиналась прежняя исторія. Эта сцена долго занимала публику.

Тутъ же ѣхали два серба, бѣлградскіе торговцы, въ общеевропейскомъ костюмѣ, и съ красными фесками на головахъ. Они все время держались особнякомъ и дѣлали какіе-то разсчеты. Познакомившись со мной, много говорили мнѣ о народномъ войскѣ, а за обѣдомъ очень претендовали на то, что всѣ кушанья были безъ краснаго перцу.

Среди этого, болѣе или менѣе однообразнаго общества, рѣзко выдѣлялась необыкновенная фигура граничара [1]). Высокій ростъ, широкія плечи, длинные, спускающіеся почти до груди русые усы, красная чалма на головѣ, за широкимъ поясомъ ножъ такой длины, что человѣку средняго роста былъ бы до колѣнъ, все это придавало ему необыкновенный и грозный видъ; но этому совершенно противорѣчило то добродушіе, которое въ крупныхъ чертахъ его почти мѣдно-краснаго лица выражалось спокойнымъ взглядомъ и улыбкой, съ какой онъ смотрѣлъ на оглядывающую его съ ногъ до головы мелкую публику. Его завербовалъ одинъ мадьяръ, посадилъ за столъ, поилъ виномъ и, то и дѣло чокаясь, кричалъ: «эльенъ мадьяръ,» «живіо србъ!»

Относительно народности численный перевѣсъ былъ на сторонѣ славянъ — сербовъ, хорватовъ, словаковъ и чеховъ; по языку преобладали нѣмцы, а импонирующимъ элементомъ былъ мадьярскій. Замѣчательно, что нѣмецъ и еврей, свысока третирующіе славянина, весьма смиренно держатся передъ мадьяромъ, одѣваются въ его костюмъ, стараются говорить по-мадьярски и называютъ себя венграми. Все это разнохарактерное населеніе отправлялось эксплуатировать еще малоисчерпанныя богатства Балканскаго полуострова.

Оставимъ, наконецъ, людей и обратимся къ неодушевленной природѣ, въ которой также совершаются свои жизненные процессы, которая также вѣчно къ чему то стремится, вѣчно борется, вѣчно создаетъ и разрушаетъ.

Начало марта. Передъ нами Дунай въ полномъ разливѣ.

Если вы воспитывались на книжкахъ, то вѣрно въ часы досуга съ увлеченіемъ читали повѣсти, сказки и баллады Пушкина и Жуковскаго; вѣрно, когда-нибудь, то помирали со смѣху, то замирали отъ

---

[1]) Такъ называются сербы и хорваты, живущіе на южной австрійской границѣ, которые прежде обороняли эти границы отъ турокъ, а теперь составляютъ даровое войско, среднее нѣчто между нашими казаками и военными поселеніями.

страху, читая Гоголя, смотря по тому, вводилъ ли онъ васъ въ обыденную жизнь съ ея мелкими страстями и смѣшными сторонами, или уносилъ въ міръ мрачной фантазіи, въ міръ чудесъ и страшныхъ привидѣній. И при названіи Дуная вамъ, конечно, вспомнится Ундина, то веселая и рѣзвая, какъ чистая струя горнаго потока, то задумчиво-печальная и строго-серьезная; вспомнится и мирный уголокъ рыбака, и страшный Струй, и храбрый, но суевѣрный рыцарь Гунобрандъ и злая Бертольда. Но, скажу вамъ, исторія Ундины относится не къ той части Дуная, она относится къ той части его, гдѣ стоитъ за̀мокъ Рингштетенъ, гораздо выше Вѣны, гдѣ множество рыцарскихъ за̀мковъ; а здѣсь, т. е. внизъ отъ Пешта, я видѣлъ всего только одинъ за̀мокъ; да и строить ихъ здѣсь негдѣ, потому что нѣтъ такихъ, какъ тамъ, высокихъ горъ и неприступныхъ скалъ, на которыхъ древніе рыцари любили громоздить свои разбойничьи гнѣзда.

Совсѣмъ другія воспоминанія являются у того, кто выросъ посреди народа. Ему припоминается русскій хороводъ. Взявшись за руки, дѣвушки и молодцы становятся въ кругъ и запѣваютъ: «Посадили молодца, посадили удальца»—и въ средину круга вступаетъ парень, садится на скамейку и начинается лицедѣйствіе, т. е. исполненіе того, что̀ поется. Молодецъ роняетъ шляпу, проситъ кого-нибудь изъ дѣвушекъ поднять, но никто не хочетъ; онъ плачетъ и уходитъ. На его мѣсто является другой, третій и т. д., покуда не явится такой, который былъ бы имъ по сердцу, и тогда одна изъ дѣвушекъ поднимаетъ шляпу, надѣваетъ ему на голову, а пожалуй, тутъ же они и поцѣлуются, и начнутъ плясать въ рединѣ. Во все время припѣваютъ: *«Ой Дунай, сынъ Ивановичъ Дунай!»* Эта пѣсня пѣлась, въ годы моего дѣтства, въ южной части саратовской губерніи; теперь она уже тамъ не поется. Есть другія пѣсни съ припѣвомъ *«Веселый Дунай»*, и эти поются по цѣлой Россіи, по крайней мѣрѣ, я знаю отъ Саратова до Казани. Есть еще одна свадебная малороссійская пѣсня, въ которой недавно вышедшая замужъ молодица, тоскуя въ мужниной семьѣ, идетъ къ *«тихому Дунаю»*, расчесываетъ надъ нимъ свои русыя косы и проситъ живущую тутъ сѣрую утицу поклониться отцу, матери и сказать имъ, какъ тоскуетъ ихъ дочь на чужой сторонѣ.

Кромѣ этихъ отрывковъ изъ народныхъ воспоминаній, есть цѣлыя сказанія о Дунаѣ въ сѣверно-русскихъ былинахъ, въ которыхъ онъ является русскимъ богатыремъ, вмѣстѣ съ Добрыней Никитичемъ, Алёшей Поповичемъ, Чурилой Пленковичемъ и др. Почему же русскій народъ въ своихъ самыхъ древнихъ пѣсняхъ, не поетъ ни про Волгу, ни про Донъ, ни про Днѣпръ, а по сю пору поетъ про Дунай, и разнесъ воспоминанія объ немъ по цѣлому обширному русскому царству, на сотни и тысячи верстъ, можетъ быть, до береговъ Великаго океана? На это отвѣчаютъ намъ наивныя сказанія несторовой лѣто-

писи. Въ ней говорится, что славяне когда-то жили на Дунаѣ, откуда были вытѣснены какими-то нашельниками, волохами. Съ тѣхъ поръ, стало быть, и ведутся эти воспоминанія.

Покуда мы предаемся воспоминаніямъ и справляемся съ исторіей, Дунай все несется и прибываетъ. Вода уже не помѣщается въ своемъ руслѣ; она рвется вонъ, ища простора; но правый берегъ — высокій и крутой—отбрасываетъ ее въ сторону, и она всею массой устремляется на лѣвый, низменный берегъ, топитъ его и обваливаетъ, или сама дѣлится на рукава и потоки, которые, встрѣчаясь, крутятся въ видѣ воронки и вмѣстѣ несутся, издавая глухое рокотаніе. Все пространство представляетъ или множество острововъ, или сплошной разливъ. На островахъ и по незатопленному берегу стоятъ голыя, безъ листьевъ деревья, и сквозь этотъ прозрачный береговой лѣсъ, вы видите дальше ровное, безконечное пространство, не отдѣляющееся отъ горизонта ни стѣною горъ, ни темною каймою лѣса, только кое-гдѣ виднѣется шпицъ колокольни, дающій знать о существованіи селенія. Иногда, неподалеку отъ берега, между деревьями, смѣшиваясь съ ихъ сѣрымъ фономъ, попадаются такія же сѣренькія избёнки, кое-какъ слѣпленныя изъ бревенъ, обмазанныя глиной и покрытыя крупною кукурузною соломой. Около копошатся люди, двигаясь туда и сюда и, повидимому, что-то дѣлая: одинъ тащитъ какое-то бревно, другой возится у телѣги. Все это движется медленно, какъ будто не успѣло еще очнуться послѣ долгой спячки; а иной просто, ничего не дѣлая, сидитъ на берегу и, повидимому, безъ всякой мысли глядитъ на проходящіе передъ нимъ суда и пароходы, беззаботно покуривая свою маленькую, на короткомъ чубукѣ, трубочку. На немъ бѣлый съ черными кантами по швамъ кафтанъ, на груди однобортный жилетъ со множествомъ въ одинъ рядъ кругленькихъ металлическихъ пуговокъ, изъ-подъ жилета выпущена бѣлая рубашка и бѣлые же портяные штаны, на ногахъ поршни (въ родѣ башмаковъ изъ сыромятной кожи, безъ твердыхъ подошвъ), на головѣ черная шляпа съ широкими полями, изъ-подъ которой спускаются на плеча темные волосы. Мадьяръ это или сербъ—трудно угадать. Рядомъ съ этимъ человѣкомъ, съ такимъ же беззаботнымъ видомъ стоитъ корова, медленно пережевывающая жвачку, и надо всей этой безжизненной картиной разстилается сѣрое мокрое небо. Дождь не падаетъ каплями, а въ видѣ мокраго воздуха проникаетъ вездѣ: онъ забирается подъ зонтикъ, который вы напрасно распускаете надъ собою, и залѣзаетъ за шею подъ пальто, какъ вы ни стараетесь застегнуть его плотнѣе.

Странная здѣсь весна. Она начинается рано, съ наступленіемъ февраля: снѣгу, кромѣ горъ, нигдѣ не видать; рѣки разливаются; земля хочетъ зазеленѣть, на деревьяхъ почка надулась и пытается лопнуть и развернуться, но все это цѣпенѣетъ, будто чего-то боится и

не смѣетъ. И періодъ такого оцѣпенѣнія длится иногда цѣлыхъ два мѣсяца. Какая разница съ нашей весной, которая начинается поздно, въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, но совершаетъ свое дѣло быстро: тепло разомъ достигаетъ 20° Реом., и горячіе лучи солнца безжалостно гонятъ снѣгъ съ лица земли; вы всюду слышите гремячіе потоки, видите, какъ наливаются рѣки и лиманы, едва освободившіеся изъ-подъ зимняго гнета, земля дышетъ паромъ и быстро застилается зеленью; вы видите, какъ вмѣстѣ съ играющею водою, вмѣстѣ съ дымящеюся землею также играетъ, дрожитъ и волнуется воздухъ; слышите надъ собою мягкую трель жаворонка, который не летитъ еще въ безконечную высь, какъ будто жалѣя разстаться съ теплою землей; съ радостнымъ блеяньемъ и мычаньемъ выходитъ на поле стадо, ища свѣжаго корма; горячо хватается человѣкъ за работу, которую должно совершить въ двѣ-три недѣли, потому что наша весна не ждетъ: она оканчивается скоро и тогда настаетъ жаркое, сухое лѣто.

Сколько разъ, я думаю, всякому изъ насъ приводилось видѣть наши жалкія избушки, едва укрытыя, почти свалившіяся на бокъ; сколько есть на Руси селеній, которыя представляютъ собою группу какихъ-то сѣрыхъ, безобразныхъ кучъ. Тамъ онѣ будто на своемъ мѣстѣ и насъ не поражаетъ ихъ видъ; но попавши за границу, мы забываемъ ихъ, и, встрѣчая гдѣ-нибудь на пути, не привѣтствуемъ, какъ нѣчто знакомое, родное, а съ какимъ-то недоумѣньемъ смотримъ на нихъ, не понимая, какъ они могли попасть сюда, и спрашиваемъ, что́ это за постройки, не рѣшаясь назвать ихъ домами, чтобъ не подать другимъ повода думать, что у насъ живутъ въ такихъ жалкихъ лачугахъ. Съ такимъ почти чувствомъ и съ такимъ вопросомъ обратился я къ своему сосѣду, стоя на палубѣ и глядя на эти избушки, тамъ-сямъ попадающіяся по лѣвому берегу Дуная. «Это *танья* или *салашъ*» — отвѣтилъ мнѣ господинъ въ венгеркѣ, обложенной шнуркомъ, опушенной чернымъ барашкомъ, въ высокихъ сапогахъ съ узкими лакированной кожи голенищами, въ которыя впрятаны были узкія въ обтяжку брюки; на головѣ у него чернаго барашка шапочка; смуглое съ кругловатымъ носомъ лицо опушено было густою, но короткою черною бородою; усы были закручены кверху, маленькіе уши нѣсколько оттопырены. Это былъ типъ мадьяра мирнаго свойства и сообщительнаго нрава, съ которымъ легко было вступить въ разговоръ при посредствѣ нѣмецкаго языка. Я дѣлаю эти замѣчанія, потому что въ Пештѣ мнѣ попадались личности, которыя, когда я обращался къ нимъ по-нѣмецки, отвѣчали мнѣ по-мадьярски и, судя по мимикѣ, въ тонѣ весьма недружелюбномъ. Это впрочемъ крайности. Со многими мнѣ приводилось сходиться совершенно по-пріятельски, и я увѣренъ, что всѣ ихъ эксцентрическія

выходки противъ славянства непремѣнно прекратятся, когда одержитъ верхъ истинно либеральная партія; а та, которая господствуетъ теперь, полу-бюрократическая, полу-боярская и еще нѣкоторыхъ оттѣнковъ, о которыхъ теперь не мѣсто говорить, не имѣетъ будущности. — Итакъ, бесѣдуя на пароходѣ съ мадьяромъ, я узналъ, что ниже Пешта по лѣвую сторону Дуная начинается уже извѣстная венгерская низменная равнина, которая туземцами называется *альфельдъ*, и на этомъ альфёльдѣ разбросаны *таньи* или *салаши*, отвѣчающіе нашимъ хуторамъ и зимовникамъ, какихъ множество вы найдете у насъ по Дону, по низовьямъ Волги, въ южной и Новой-Россіи. Обширность участковъ заставляетъ хозяевъ заводить эти легкія постройки, въ которыхъ они живутъ во время уборки хлѣба и сѣна, и оставляютъ на зиму не нужную при домѣ скотину. Тутъ у мадьяра и гумно, на которомъ онъ тотчасъ же, какъ только сожнетъ, обмолачиваетъ весь свой хлѣбъ; тутъ и склады сѣна и соломы, чѣмъ онъ зимою кормитъ всю свою скотину. Лѣтомъ почти все семейство, кромѣ самыхъ старыхъ, слабыхъ и малыхъ, живетъ въ этой таньѣ; а на зиму остается кто-нибудь изъ сыновей, которые наблюдаютъ въ этомъ случаѣ очередь, или дѣло поручаетъ надежному работнику подъ наблюденіемъ кого-нибудь изъ членовъ семьи. Разсказы этого господина о мѣстности, о способѣ хозяйства и о характерѣ мадьяръ напомнили мнѣ наши приволжскія и придонскія степи. Я почувствовалъ это сходство еще больше, когда читалъ книгу Дица: «Венгерское сельское хозяйство.» Въ одномъ мѣстѣ напр., онъ характеризуетъ мадьяра такими чертами, въ которыхъ вы совершенно узнаете русскаго человѣка: «Онъ не знаетъ средины; въ немъ замѣчательна склонность къ крайностямъ: онъ или совершаетъ разомъ громадный трудъ, или предается совершенному бездѣйствію. Это совершенно гармонируетъ съ громадными селами, за которыми простираются на цѣлыя мили *пусты* съ громадными рѣками, рядомъ съ совершенно безводными степями; съ необыкновенной роскошью и изобиліемъ одного растенія при совершенномъ отсутствіи и недостаткѣ другого» [1]). Или вотъ его характеристика мѣстности: [2]). «Великая равнина Венгріи, во всѣхъ своихъ явленіяхъ, на иностранца производитъ впечатлѣніе, въ которомъ чувство какой-то неловкости смѣшивается съ ощущеніемъ величія природы. Эта громадность, можно сказать, безконечность, производящая на насъ подавляющее впечатлѣніе, составляетъ для туземцевъ всю прелесть его альфельда. Массивность здѣсь преобладаетъ надъ разчлененіемъ и разнообразіемъ видовъ.» Тоже самое онъ почувствовалъ бы конечно и въ русскомъ альфельдѣ, въ нашихъ степяхъ. Многія замѣчанія Дица о хозяйствѣ и торговлѣ

[1]) *Ditz*, Die Ungarische Landwirtschaft. 1867, стр. 75.
[2]) Тамъ-же, стр. 62.

Венгріи буквально примѣнимы къ нашимъ краямъ. Это придаетъ еще больше интереса его книгѣ, полной очень важныхъ свѣдѣній и статистическихъ данныхъ.

Сходство придунайскихъ странъ съ поволжьемъ и Дономъ не ограничивается общимъ характеромъ мѣстности и нѣсколькими частными явленіями, которыя вызваны этими мѣстными условіями; они совершенно сходны и по той экономической задачѣ, которую выполняютъ по отношенію въ западной Европѣ.

Если Россію отдѣлить отъ остальной Европы, тогда придунайская равнина, съ окружающими ее горными кряжами и возвышенными странами въ западной Европѣ, составитъ то ядро, ту континентальную часть ея, къ которой остальныя относятся, какъ придатки. Такому естественному положенію вполнѣ соотвѣтствуетъ и экономическое: эти страны по преимуществу кормятъ Европу хлѣбомъ и мясомъ. Дунай въ этомъ случаѣ играетъ въ западной Европѣ точно такую-же роль какую Волга въ восточной, составляя главный путь, съ тѣмъ однако преимуществомъ, что вслѣдствіе климатическихъ условій онъ открытъ для судоходства несравненно бо́льшее время, чѣмъ Волга. Еще особенность его та, что въ то время, какъ на Волгѣ, рядомъ съ большими торговыми пунктами, каковы Саратовъ, Самара, Нижній и Рыбинскъ, возникаетъ множество мелкихъ пристаней, которыя также растутъ, на Дунаѣ вся торговая дѣятельность, особенно въ послѣднее время, сосредоточивается почти въ одномъ Пештѣ, что́ придаетъ ему громадное значеніе во всѣхъ отношеніяхъ, такъ-что онъ становится опаснымъ соперникомъ Вѣны. Надобно при этомъ замѣтить, что на Дунаѣ и его притокахъ до сихъ поръ сдѣлано чрезвычайно мало для того, чтобъ усилить ихъ торгово-экономическую дѣятельность, и причина этого заключается въ политическихъ условіяхъ: именно въ парализующемъ вліяніи двухъ уродливыхъ монархій—австрійской и турецкой, которыя, стѣсняя народное развитіе, ослабляютъ духъ предпріимчивости и самодѣятельности. Отдѣленіе придунайскихъ княжествъ отъ Турціи и та доля самостоятельности, которую оттянули у Австріи венгерскія земли, успѣли уже оказать нѣкоторое благопріятное вліяніе. Довершить это дѣло можетъ только полная политическая самостоятельность ихъ, свободныя, основанныя на автономіи отдѣльныхъ частей, учрежденія и вполнѣ дружественныя, преслѣдующія однѣ и тѣже культурныя и экономическія цѣли, отношенія всѣхъ прилежащихъ къ этой области земель. Въ рукахъ мадьяръ находится теперь рѣшеніе весьма важнаго вопроса: конституировать венгерское королевство совершенно на новыхъ началахъ, т. е. на началахъ личной и національной свободы и территоріальной автономіи, или продолжить, конечно на весьма короткое время, исторію австрійской имперіи, и подвергнуть свое королевство, подобно ей, политическому разложенію. Въ первомъ случаѣ

это государство сдѣлается сильнымъ конкуррентомъ Россіи и будетъ импонировать въ цѣлой западной Европѣ; въ послѣднемъ должно будетъ передать эту роль другому, болѣе юному государству, именно тому, которое дастъ больше гарантій свободному развитію, и въ этомъ отношеніи, какъ по физическому положенію, такъ и по политическимъ комбинаціямъ; такую великую задачу могло бы выполнить княжество Сербія.

Впрочемъ, я захожу, кажется, совершенно въ чужую область, въ область политики, тогда какъ задача путешественника только наблюдать и описывать. И мнѣ хочется обратить вниманіе еще на одну особенность Дуная, напоминающую мой родной край, на его пловучія мельницы. Устройство ихъ такое: берутся двѣ большія лодки, которыя ставятся по теченію параллельно одна другой, на разстояніи 5 — 6 аршинъ и укрѣпляются цѣпями на якоряхъ неподвижно; между ними кладется валъ, на которомъ устроено маховое или водяное колесо, весьма широкое; на одной изъ лодокъ, которая по-больше, устраивается снасть, то-есть зубчатое колесо на одномъ валу съ водянымъ, приводящее въ движеніе шестерню, а шестерня эта вертитъ находящіяся на одной съ нею оси жернова; подъ жерновами ставится ковшъ, изъ котораго на нихъ падаетъ зерно, надъ всею снастью строится анбаръ, и мельница готова. Такихъ мельницъ множество на Дунаѣ и на Савѣ, и точно такого же устройства множество и на Дону, гдѣ онѣ называются *байдаками*.

Я кончилъ и, оглядываясь назадъ, невольно задаю самому себѣ вопросъ: что́ же извлечетъ для себя читатель изъ моихъ поверхностныхъ наблюденій, безсвязныхъ замѣтокъ и впечатлѣній, перемѣшанныхъ съ воспоминаніями, мечтами и личными соображеніями? и что́ я могу, наконецъ, обѣщать, предлагая свои статьи о Сербіи? Конечно, не больше того, что́ сказалъ о Дунаѣ, поэтому я и началъ съ предисловія, по которому читатель могъ бы судить, чего ожидать отъ слѣдующихъ статей, и впередъ рѣшить, читать ихъ или не читать. Говорю откровенно: двухмѣсячное пребываніе въ Бѣлградѣ и менѣе чѣмъ четырехнедѣльное путешествіе по внутренности Сербіи дало мнѣ только самое поверхностное понятіе о странѣ и народѣ, оно указало мнѣ только на нѣкоторые предметы и задало нѣкоторые вопросы, требующіе изученія и разрѣшенія или по крайней мѣрѣ болѣе серьезнаго обдумыванія и множества справокъ, что́ можетъ быть, удастся мнѣ впослѣдствіи. Теперь же предлагаю просто краткія путевыя наблюденія и замѣтки, которыя пишу подъ живыми, такъ сказать, неостывшими еще впечатлѣніями. Цѣль моя единственно обратить вниманіе на тѣ предметы и стороны народной жизни, которые попадались мнѣ и могли быть пропущены другими, затронуть какой-нибудь вопросъ, бросить другой свѣтъ, — не стѣсняясь ни системой, ни опредѣленнымъ содер-

жаніемъ. Можетъ быть, въ этихъ статьяхъ больше выкажется субъективность автора, чѣмъ самый предметъ; можетъ быть, въ нихъ слишкомъ ярко будетъ выступать взглядъ національный и мѣстный.... Все это можетъ быть, но одно то, что я не скрываю своей субъективности, избавляетъ читателя отъ заблужденія. Я старался обозрѣть все, что́ возможно, не хотѣлъ пропустить ни одного предмета, какъ бы онъ ни былъ далекъ отъ моихъ личныхъ цѣлей и воззрѣній; но не ручаюсь, что весьма часто пропускалъ факты крупные, и напротивъ, отмѣчалъ самые мелкіе и ничтожные, которые имѣли какое-нибудь соотношеніе съ моимъ субъективнымъ настроеніемъ, съ той средой и съ той мѣстностію, которой я весь принадлежу. Отрѣшившись, насколько возможно, отъ всякой тенденціи и предубѣжденія, я смѣло могу сказать, что относился ко всему безпристрастно, старался передать каждое явленіе со всевозможною точностію, но оцѣнивалъ ихъ конечно съ своей точки зрѣнія, которая легко опредѣляется сама собою, потому, повторяю, что я её не скрываю.

Полное, всестороннее изученіе и изображеніе страны и народа возможно только для туземца или для того иностранца, который по крайней мѣрѣ не одинъ годъ жилъ въ той странѣ и среди того народа, и отнюдь невозможно для путешественника, который пробылъ всего нѣсколько мѣсяцевъ и бо́льшую часть странъ видѣлъ мимоходомъ. Туземцу не нужно оріентироваться въ своей странѣ, онъ знаетъ тамъ все, какъ въ своей комнатѣ, знаетъ, гдѣ что́ можетъ найти, гдѣ что́ взять. Посторонняго наблюдателя встрѣчаетъ множество случайностей, которыхъ онъ никакъ не могъ предвидѣть и которыя ставятъ его въ затрудненіе; а сколько обычныхъ встрѣчъ, разспросовъ, пытаній должно пройти прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу! Въ каждомъ городѣ и селѣ вы повторяете одну и туже процедуру знакомствъ, рекомендацій, объясненій, разнаго рода неизбѣжныхъ церемоній, отъ которыхъ зависитъ ваше путешествіе; сколько должны переслушать разсказовъ, совершенно вамъ не интересныхъ единственно изъ деликатности, чтобъ не оскорбить чужого самолюбія; а между тѣмъ все это требуетъ времени, котораго у васъ весьма мало. Все это васъ страшно утомляетъ, путаетъ, развлекаетъ и совершенно притупляетъ способность наблюдать. Туземецъ этого рода неудобствъ не знаетъ. — Но за то изученія мѣстныхъ памятниковъ и произведеній искусствъ и литературы, собираніе разныхъ статистическихъ данныхъ,—все это опять несравненно доступнѣе для туземца.

Такимъ образомъ, я прихожу къ тому выводу, что путешественникъ-иностранецъ, принимающійся за полное и систематическое описаніе страны, гдѣ есть свои ученые и путешественники, берется не за свое дѣло. Онъ можетъ только пользоваться тѣми данными, которыя ему представляетъ туземная наука и литература, и весь этотъ матеріалъ

переработывать въ томъ объемѣ и направленіи, въ какомъ это необходимо для его спеціальной цѣли или для его собственнаго отечества, выбирать факты и освѣщать ихъ своимъ свѣтомъ сообразно съ его тенденціями и субъективными воззрѣніями. Такого рода путешествіе имѣетъ характеръ спеціальный и субъективный; въ немъ вы или отыскиваете извѣстнаго только рода явленія, которыя нужны лично вамъ или вашему отечеству, и которыя совершенно не имѣютъ значенія для туземца, или изъ своеобразнаго наблюденія дѣлаете свои собственные выводы, до которыхъ туземецъ не могъ дойти. Однимъ словомъ, иностранецъ путешествуетъ для себя и для своего народа. Это однако не исключаетъ возможности, что подобныя описанія иностранцевъ часто могутъ открывать вещи, неизвѣстныя туземцамъ, и всегда помогаютъ имъ видѣть свою жизнь съ той именно стороны, которая имъ недоступна. «Кто входитъ въ комнату со двора, тотъ чувствуетъ тотчасъ, какая въ ней температура и воздухъ. А кто сидитъ тамъ уже давно, тотъ этого не чувствуетъ, хотя бы со статистическою точностію зналъ, сколько положено въ печку дровъ и сколько открывалось окно для вентиляціи»—Дицъ говоритъ между прочимъ.

Предлагая свои замѣтки и наблюденія о Сербіи, такъ сказать субъективное описаніе ея, для желающихъ познакомиться съ нею ближе и основательнѣе, я намѣренъ указать здѣсь на тѣ сочиненія, которыя вышли въ нынѣшнемъ и прошломъ году и вѣроятно еще мало извѣстны нашему читающему обществу. Первое мѣсто по объему и по впередъ составившейся репутаціи занимаетъ сочиненіе иностранца, именно Ф. Каница: «Сербія—Историко-этнографическіе этюды во время путешествія съ 1859 — 1868 г., съ 40 иллюстраціями, 20 картинами и одною картою». Это весьма роскошно изданная и очень объемистая книга въ 744 страницы въ большую осьмушку.

Г. Каницъ извѣстенъ уже своими сочиненіями: «Византійскіе памятники», «Болгарскіе отрывки», «Путешествіе по южной Сербіи и южной Болгаріи» и другими статьями о болгарахъ и сербахъ, помѣщавшимися въ разныхъ изданіяхъ, изъ которыхъ мнѣ извѣстны статьи его въ «Gartenlaube» и въ «Вѣнскомъ обозрѣніи». Всѣ эти труды въ свое время обратили на себя вниманіе просвѣщенной публики, которая оцѣнила ихъ и ожидала съ нетерпѣніемъ обѣщаннаго авторомъ обширнаго сочиненія о Сербіи.

На сторонѣ этого сочиненія всѣ преимущества: во-первыхъ Каницъ, появляясь съ нимъ послѣ всѣхъ, имѣя возможность воспользоваться всѣми указаніями, даже ошибками своихъ предшественниковъ; во-вторыхъ, никто не путешествовалъ по Сербіи такъ много, какъ онъ, и врядъ ли другіе располагали тѣми средствами, какія были у него въ рукахъ; наконецъ, онъ много подготовлялся къ этому труду отдѣльными монографіями, и Сербію избралъ спеціальною цѣлію своихъ изслѣдованій.

Дѣйствительно, взглянувъ на объемъ и пробѣжавъ оглавленіе, мы впередъ готовы признать, что, каковы бы ни были внутреннія достоинства этой книги, относительно полноты содержанія, она должна удовлетворить даже самымъ строгимъ требованіямъ.

Обратимъ вниманіе прежде всего на задачу, которую поставилъ себѣ авторъ въ своемъ сочиненіи, и на объемъ его, чтобъ читатель зналъ, что̀ онъ можетъ въ немъ найти; потомъ на тѣ средства, которыми авторъ располагалъ, чтобъ имѣть понятіе о его важности и такимъ образомъ оцѣнить его достоинство сравнительно съ другими, и наконецъ, для ознакомленія съ выполненіемъ, приведемъ нѣсколько мѣстъ, изъ которыхъ можно бы было видѣть его личный взглядъ и отношеніе къ предмету, обусловливающія тотъ свѣтъ, въ какомъ онъ изображаетъ Сербію.

Авторъ отчасти выполняетъ это самъ въ своемъ предисловіи, которымъ поэтому мы и воспользуемся, чтобъ какъ-нибудь не стать по отношенію къ нему на ложную точку зрѣнія и не быть къ нему несправедливыми.

Указавъ на то, что въ послѣднее время всѣ обращаютъ большое вниманіе на Сербію, авторъ говоритъ: «Важная роль, которая выпала маленькому сербскому государству на иллирійскомъ треугольникѣ, такимъ образомъ вполнѣ оправдываетъ то великое участіе, съ какимъ образованный міръ слѣдитъ за его соціальнымъ и политическимъ развитіемъ. Но, въ то время, какъ классическая почва Греціи, благодаря многимъ ревностнымъ фанатикамъ и ученымъ, была изучена со всѣхъ сторонъ—по сю пору нѣтъ обширнаго изображенія Сербіи и ея жителей, ея исторіи и памятниковъ, ея народной и городской жизни, равно какъ развитія ея соціальныхъ, политическихъ, церковныхъ и военныхъ отношеній.» Прилагая такой обширный масштабъ къ трудамъ своихъ предшественниковъ, въ особенности къ сочиненіямъ Убичини и Дентона, авторъ конечно не удовлетворяется ими. «Главною цѣлью этихъ публикацій — говоритъ онъ — было подогрѣть участіе Англіи и Франціи къ христіанамъ на европейскомъ Востокѣ, и они ее выполнили. Однако послѣ, равно какъ и прежде ихъ появленія богатая будущностью почва Сербіи съ ея мало извѣстными отношеніями, полными оригинальности и способности къ образованію, требуетъ глубокаго историко-этнографическаго изслѣдованія.»

Задавшись такою громадною задачею, онъ написалъ обширное сочиненіе, о которомъ самъ говоритъ такъ: «Одинъ взглядъ на оглавленіе этого произведенія показываетъ уже, въ какомъ обширномъ размѣрѣ авторъ слѣдовалъ этому призванію. Ни одинъ изъ 17-ми округовъ этой страны не остался непосѣщеннымъ мною, а нѣкоторые въ разные годы я объѣхалъ по нѣскольку разъ.—Я искалъ сербскій народъ въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ, наблюдалъ его характеръ,

его нравы и обычаи, подслушивалъ его сказанія и пѣсни и изучалъ его соціально-политическія отношенія.» Такія же ученыя путешествія по австрійской Сербіи, по Герцеговинѣ, Черногоріи и Болгаріи дали ему возможность, путемъ сравненія, найти по возможности точный масштабъ для измѣренія успѣховъ сербскаго народа въ культурѣ, для опредѣленія его стремленій и надеждъ въ будущемъ. Наконецъ, авторъ съ торжествомъ говоритъ: «Разрѣшеніе вопроса о сербскихъ крѣпостяхъ, послѣдовавшее въ то время, когда печаталась эта книга, *удовлетворительно говоритъ въ пользу высказанныхъ въ ней взглядовъ.* Предлагаемое произведеніе содержитъ постепенно созрѣвшіе плоды многократныхъ путешествій по Сербіи съ 1859 по 1867 г.»

Конечно, г. Каницъ не имѣетъ претензіи на всеобъемлющій широкій взглядъ Гумбольдта; но тѣмъ не менѣе онъ совмѣстилъ въ себѣ чрезвычайно многостороннія качества: историка, филолога, натуралиста, политика, стратега, художника и т. д. и написалъ, такъ сказать, цѣлый микрокосмъ. Почерпнулъ онъ также кое-что и изъ устъ народа; но эти народныя произведенія, передаваемыя не въ оригиналѣ, а въ нѣмецкомъ переводѣ и при томъ видоизмѣненныя субъективностію автора, совершенно теряютъ свой народный колоритъ и чрезъ то лишаются своего истиннаго смысла и значенія. Если смотрѣть, что въ его книгѣ преслѣдовалась не столько ученая цѣль, сколько популяризація въ нѣмецкой публикѣ и проведеніе извѣстной идеи тенденціи, тогда и въ этомъ случаѣ мы отказываемся отъ всякихъ требованій. Къ числу такихъ неудачныхъ, но тѣмъ не менѣе интересныхъ передачъ, относится сказаніе о царѣ Траянѣ, которое авторъ передаетъ словами сербскаго разсказчика при самыхъ развалинахъ, такъ называемаго Траянова-града, въ западной Сербіи. Вотъ онъ: «Много столѣтій тому назадъ, этою землею владѣли латиняне, и въ то время тамъ наверху жилъ ихъ царь Траянъ. Онъ былъ сильный государь и владѣлъ также швабскою землею. На Савѣ въ Митровицѣ была у него любовница, которую онъ посѣщалъ днемъ. Замѣтьте, я говорю — *днемъ*, а вы знаете, что туда далекій путь. Но для него это было легко, потому что онъ имѣлъ три головы и крылья. Однако непріятели однажды захватили его въ Митровицѣ у любовницы. Раннимъ утромъ они заперли двери и отворили только въ полдень; царю Траяну пришлось очень плохо; потому что, когда онъ кинулся летѣть, его восковыя крылья отъ солнечнаго жара растопились, и такимъ образомъ онъ погибъ.» Здѣсь вы не видите ни тѣхъ подробностей, съ какими народъ обыкновенно передаетъ свои сказанія, ни того чарующаго, волшебнаго колорита, который сербъ придаетъ даже разсказамъ о современныхъ событіяхъ. Этотъ голый, давно извѣстный миѳъ, сложившійся на основаніи какой-то были, ничего не выигрываетъ отъ того, что авторъ влагаетъ его въ уста народнаго разсказчика.

Вообще надобно замѣтить, что г. Каницу не удается изображеніе живыхъ предметовъ; онъ оказывается совершенно несостоятельнымъ тамъ, гдѣ нельзя ограничиться однимъ сухимъ описаніемъ внѣшняго очертанія, гдѣ требуется выразить ту жизнь, тотъ внутренній процессъ, который совершается подъ внѣшнею оболочкой и придаетъ предмету то особенное выраженіе, которые мы называемъ характеромъ и физіономіей. Даже рисунки его не помогаютъ тексту. Они до того безхарактерны, что вы узнаете въ нихъ сербовъ единственно по тексту и по костюмамъ. На одномъ, напр., рисункѣ, представляющемъ группу поселянъ и священника, при освященіи яствъ во время праздника «славы», онъ придалъ всѣмъ такое выраженіе лицъ и положеніе корпуса, какого они никогда не принимаютъ. Вы въ этихъ лицахъ можете видѣть японцевъ, или пожалуй нѣмецко-католическій клиръ, съ выраженіемъ умиленія въ лицахъ и смиренія въ цѣлой позѣ, но отнюдь не сербовъ. Не смотря на подробное описаніе народнаго костюма, жилищъ, домашней утвари, обычаевъ, обрядовъ и сценъ изъ народной жизни, вы не находите въ цѣлой книгѣ именно того, чего ищете и что̀ повидимому имѣлъ въ виду и авторъ — не находите изображенія народа, какъ живущаго и дѣйствующаго организма. Это, можно сказать, описательная анатомія: вы видите кости и мускулы, но не видите ихъ связи и движенія.

Нельзя не замѣтить и не пожалѣть, что авторъ, имѣя чрезвычайно обширное поле для наблюденій, но только не передаетъ ихъ съ возможною живостію, но имѣетъ особенную способность или наклонность выставлять наблюдаемыя явленія въ ложномъ свѣтѣ и придавать имъ ложное толкованіе. Для образчика наблюдательности и воззрѣній автора, наудачу отыщемъ по оглавленію во 2 отд. въ концѣ 1 главы рубрику: «Сербское правило — *ничему не удивляться* (nil admirari)» на стр. 66. Авторъ отправляется изъ Бѣлграда на пароходѣ вверхъ по Савѣ въ г. Шабацъ. Между обществомъ было нѣсколько солдатъ, которые отправлялись домой въ отпускъ. Они съ любопытствомъ смотрятъ на машину, а авторъ съ неменьшимъ любопытствомъ наблюдаетъ ихъ. «Разсматривая внимательно и съ удивленіемъ, эти *дѣти природы* — говоритъ авторъ — по правильному подниманью и опусканью цилиндровъ хотятъ постигнуть движущую ихъ таинственную силу. Иной изъ нихъ воображаетъ, что онъ постигъ все, и уже задумалъ создать что-нибудь подобное, а можетъ быть еще лучше. Въ Шабацѣ послѣ показывали мнѣ модель лодки съ остроумнымъ механизмомъ, который долженъ замѣнить собою паровую машину. Это было изобрѣтеніе человѣка, который никогда не учился техникѣ. Характеристично же, что сербъ, полный самоувѣренности, воображаетъ, что онъ даже въ совершенно чуждой ему области можетъ все сдѣлать, можетъ всѣмъ быть. «Ничему не удивляться»—его девизъ. Появленіе

самоучекъ тамъ, гдѣ мало средствъ для того, чтобъ научиться чему-нибудь, попытка простого человѣка произвести усовершенствованія и открытія въ области техники и другихъ наукъ, все это такъ повсемѣстно и обще, что не составляетъ особенной черты сербскаго народа; а между тѣмъ отсюда авторъ дѣлаетъ нелишенное нѣкоторой ироніи замѣчаніе о сербской самоувѣренности.

Дѣйствительно, сербъ самоувѣренъ, но не въ этомъ видна его самоувѣренность, и онъ имѣетъ на это право. Сербъ увѣренъ, что онъ все долженъ самъ себѣ добыть, самъ все сдѣлать, что ему нечего ждать помощи ни отъ нѣмцевъ, ни отъ другого кого-нибудь, и потому дѣйствуетъ самостоятельно, не терпитъ посторонняго вмѣшательства въ его дѣло, которое всегда было только ко вреду его; не выноситъ опеки, подъ которой никогда и не жилъ. Увѣренный въ себѣ, разумно разсчитавши и измѣривши свои силы, сербъ выступаетъ на всякій подвигъ смѣло и рѣшительно. Это свидѣтельствуетъ вся его жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишился своихъ царей и деспотовъ. Въ силу этой самоувѣренности онъ возставалъ противъ своихъ враговъ, при всякомъ благопріятномъ случаѣ, и при этомъ не искалъ чужой помощи, а выдвигалъ героевъ изъ своей собственной среды—Чернаго Георга, Милоша и другихъ борцовъ свободы. Этого г. Каницъ не замѣтилъ. И мало-ли чего онъ не замѣтилъ?...

Г. Каницъ ни на минуту не можетъ забыть о томъ громадномъ разстояніи, которое находится между нимъ, человѣкомъ высшей цивилизаціи, и полуварварскимъ сербомъ. Онъ смотритъ слишкомъ свысока, и потому именно не видитъ весьма много вещей или видитъ ихъ въ туманѣ; а иногда какая-то фата-моргана заставляетъ его видѣть все въ обратномъ положеніи. Возьмемъ опять для примѣра, на выдержку, изъ 3-го отд. XIV г. подъ заглавіемъ: «Въ домѣ сельскаго кмета (старшины).—Довольство и счастье», стр. 165: «Я не могъ отказать себѣ въ желаніи бросить взглядъ на домъ кмета, самаго богатаго человѣка въ Магличѣ (селеніе). Я приглашаю любезнаго читателя слѣдовать за мною въ это большое пространство — комнатой его нельзя назвать, потому что здѣсь все вмѣстѣ, и кухня, и кладовая. Больше, чѣмъ всякое описаніе, говоритъ оно о томъ довольствѣ этихъ бѣдныхъ, горныхъ жителей, указываетъ ту степень, которую *по нашимъ понятіямъ* занимаютъ эти *добрые люди* на лѣстницѣ просвѣщенія и соціальнаго земного счастія. И однако эти люди счастливы и любятъ эту скудную груду, на которой судьбѣ угодно было, чтобъ они родились. Сопровождая игрой на гуслѣ, поютъ они о своемъ прошедшемъ, о бываломъ величіи ихъ отечества. Они любятъ своего князя и отъ него *ожидаютъ національнаго возрожденія своей жизни.* По истинѣ, въ то время всякій нѣмецъ позавидовалъ бы имъ въ этомъ пунктѣ ихъ довѣрія».

Тонъ снисходительности и сантиментальнаго умиленія на счетъ ограниченности потребностей бѣдняка и сознаніе своей высоты предъ полудикимъ сербомъ такъ и пробиваются въ каждой фразѣ, и оттого проистекаетъ ложь, будто сербъ такъ глупъ, что всѣмъ доволенъ и считаетъ себя счастливымъ. Недавно, бывши въ той самой мѣстности, я напротивъ слышалъ только жалобы и недовольство. Да и вообще я не встрѣчалъ у сербовъ глупо-довольныхъ физіономій. Отличительная черта сербскаго характера серьезность, доходящая въ нѣкоторыхъ субъектахъ до суровости, и не дающая постороннему человѣку подмѣтить ни счастья, ни горя. Сербъ не скрытенъ, но и не сообщителенъ. А что касается низкой степени государственности этого народа, то какимъ образомъ онъ могъ усвоить идею *національнаго возрожденія*, о которой говоритъ авторъ? И какимъ образомъ объяснить то, что въ этотъ самый годъ, когда вышла книга г. Каница, собраніе этихъ дикарей вотировало за отвѣтственность министровъ, за расширеніе своихъ правъ, за судъ присяжныхъ, за свободу печати и изъявило недовольство и недовѣріе прежнему правительству, въ числѣ главныхъ его представителей министра внутреннихъ дѣлъ и министра юстиціи, тогда, какъ г. Каницъ этому правительству во всей книгѣ расточаетъ похвалы? Въ комъ же послѣ этого больше политическаго смысла и кто больше развитъ?

Не пускаясь въ дальнѣйшій разборъ частностей книга Каница потому, что для этого потребовалось бы слишкомъ много писанія, что не входитъ въ мой планъ, я долженъ сдѣлать еще два-три замѣчанія.

Величайшій грѣхъ на свою душу принялъ г. Каницъ, написавши цѣлую главу о сербской литературѣ, съ которою онъ также мало знакомъ, какъ (я не хочу дѣлать никакого обиднаго для него сравненія) и съ народною жизнью.

Не говоря уже о томъ, что это литературное обозрѣніе представляетъ только реестръ именъ авторовъ и названій ихъ сочиненій, при чемъ каждому почти имени, въ видѣ снисходительной любезности, придается какой-нибудь ничего не опредѣляющій эпитетъ,—онъ взводитъ на новую сербскую литературу такую клевету, которой никакъ нельзя извинить — сдѣлана ли она вообще по слабости человѣческой, т. е. изъ лицепріятія, или по какимъ-нибудь другимъ видамъ и соображеніямъ, нельзя извинить, потому что льстя слишкомъ безсовѣстно одному, онъ оскорбляетъ тѣмъ другого, и этотъ другой въ данномъ случаѣ — весь сербскій народъ.

Привожу здѣсь эту клевету буквально, во всей наготѣ: «Какъ основатель сербской политической журнальной прессы *въ европейскомъ смыслѣ*, здѣсь съ похвалой долженъ быть упомянутъ г. Милошъ-Поповичъ (рожд. въ Новомъ-Саду [1]). До начала его многосторонней

[1]) Примѣч. Каница, а въ другихъ случаяхъ мои.

литературной дѣятельности, оффиціальная мѣстная газета, редакцію которой онъ принялъ въ 1841 году и съ небольшими перерывами продолжалъ до 1861 года, представляла реперторіумъ оффиціальныхъ извѣстій и самыхъ обыкновенныхъ замѣтокъ. Не смотря на постоянную борьбу (противъ кого?) и разнаго рода гоненія, (т. е. презрѣнія со стороны честныхъ людей: участь общая всѣмъ доносчикамъ) его жизнь постоянно направлена была на облагороженіе и укрѣпленіе національной идеи. Князь Михаилъ, вступивши на престолъ, далъ возможность основать оффиціозный органъ, который тогда представилъ свободное поле для публицистской дѣятельности Поповича. При содѣйствіи болѣе молодой силы, хорошо извѣстнаго въ публицистскихъ кругахъ своими литературными трудами доктора Розена, «Видовданъ» дѣятельностью этихъ обоихъ писателей поставленъ былъ на степень органа, который могъ бы сдѣлать честь періодической литературѣ государствъ, стоящихъ на гораздо высшей степени развитія, чѣмъ Сербія» (стр. 705—6). Другими словами: если такой журналъ другимъ государствамъ, гораздо болѣе развитымъ, чѣмъ Сербія, дѣлаетъ честь, то Сербія ниже этой чести, ниже его уровня, слѣдовательно, не стоитъ его. Лесть г. Каница господамъ Поповичу и Розену, съ которыми онъ, повидимому, раздѣляетъ одну душу,—его личное дѣло; но унизить сербскій народъ до того, чтобъ надъ уровнемъ его духовнаго развитія поставить «Видовданъ», который былъ органомъ Николы Христича, бывшаго на несчастіе Сербіи ея первымъ министромъ и на гибель покойнаго князя его самымъ довѣреннымъ лицомъ, того самого, который угнеталъ прессу, гналъ просвѣщеніе, преслѣдовалъ все, что̀ было честно и благородно, выше всего ставя самую гнусную, держащуюся на подкупахъ и шпіонствѣ, полицейскую систему, и наконецъ былъ главнымъ виновникомъ постыдной катастрофы—имя котораго омерзѣло всѣмъ, отъ простолюдина и до образованнаго, — поставить на такую высоту «Видовданъ», который, какъ паразитъ, существовалъ только правительственною субсидіей и былъ, такъ сказать, прибѣжищемъ *юродивыхъ и убогихъ духомъ*, — это тяжелая обида сербскому народу.

Что г. Каницъ совершалъ свои путешествія по Сербіи и другимъ славянскимъ землямъ вовсе не съ ученой цѣлью,—это видно на каждой страницѣ его книги, а какія именно тенденціи и воззрѣнія руководили имъ, это онъ самъ объясняетъ въ своемъ предисловіи такъ: «Восточный вопросъ и его разрѣшеніе, часто отодвигаемый на заднiй планъ, чтобъ потомъ еще сильнѣе выступить впередъ, въ настоящее время составляетъ самый горячій вопросъ дня. Періодически повторяющіяся возстанія на греческихъ островахъ и на Балканѣ, въ Босніи и Албаніи, кровавыя битвы въ Черныхъ Горахъ, бомбардированіе мирныхъ городовъ, низведеніе князей съ престоловъ и возведеніе представляютъ отдѣльныя вспышки того горючаго матеріала, который на-

полняетъ востокъ нашей части свѣта, и окончательное воспламененіе котораго угрожаетъ ей страшнымъ потрясеніемъ. Рядомъ съ фаталистическимъ, вѣрующимъ въ неотразимость рѣшеній судьбы османліемъ, райя пробуетъ уже свои силы, готовясь на послѣдній бой. Греки, албанцы, романы, сербы и болгары, послѣ много-вѣковой политической смерти, ходомъ исторіи призванные къ новой жизни, все болѣе выдвигаются впередъ. Пестрая мозаика изъ національностей, религій, политическихъ преданій и различныхъ *нелѣпыхъ стремленій* выступаютъ передъ удивленнымъ зрителемъ. *Какъ ихъ оцѣнить, соединить, политически организовать? Какая исполинская задача для нашей политической дѣятельности, для дипломаціи,—и меча»!*

Слова эти, конечно, не нуждаются въ поясненіяхъ, и высказанная въ нихъ тенденція проводится по всему сочиненію. Зная, такимъ образомъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло и какая цѣль г. Каница, мы можемъ при строгой критикѣ воспользоваться его книгой, какъ матеріаломъ, но не больше; переводить же ее на другой какой-нибудь языкъ не стóитъ, и потому примѣчаніе, что «право перевода на иностранные языки авторъ удерживаетъ за собою» совершенно лишнее.

Считаемъ долгомъ замѣтить, что лучшую часть въ сочиненіи Каница составляютъ историческія замѣтки по поводу различныхъ историческихъ памятниковъ, поэтому описаніе восточной Сербіи, богатой этими памятниками, чрезвычайно интересно; «двѣ главы — *о романахъ* и *о цинцирахъ (македоно-влахахъ)*,— составленныя по другимъ сочиненіямъ и освѣщенныя собственными наблюденіями автора, представляютъ законченные отдѣльные этюды, вполнѣ удовлетворяющіе читателя. Въ нихъ видна даже неподдѣльная симпатія автора къ описываемымъ предметамъ, которой вы напрасно будете искать въ изображеніи сербской народной жизни.

Обращаясь къ новѣйшей туземной литературѣ, прежде всего обратимъ вниманіе на вышедшія въ нынѣшнемъ году вторымъ изданіемъ «Путевыя письма о Сербіи изъ всѣхъ странъ Сербіи» Миличевича, который, въ качествѣ секретаря министерства просвѣщенія, каждый годъ разъѣзжаетъ по Сербіи, осматривая училища. Понятно, что ему представляется возможность изучить сербскую жизнь весьма близко, и потому сочиненіе его для насъ имѣетъ большой интересъ. Дѣйствительно, его небольшая книжечка представляетъ весьма много наблюденій и любопытныхъ замѣчаній. Многія черты изъ жизни народа, изъ его соціальныхъ и экономическихъ отношеній, его умственнаго и нравственнаго состоянія, характеристики нѣкоторыхъ типовъ и историческихъ личностей, разные эпизоды изъ исторіи края, — схвачены и представлены весьма удачно; въ немъ найдете много данныхъ отно-

сительно училищъ и народонаселенія, и вообще, не смотря на отсутствіе системы, сочиненіе это захватываетъ сербскую жизнь довольно всесторонне. Одно только можно замѣтить: авторъ впередъ поставилъ себѣ задачу показать, что при настоящемъ правительствѣ Сербія значительно подвинулась впередъ, что прежде все было не хорошо, а теперь благоденствіе народа идетъ прогрессивно. Эта тенденція выдается такъ рѣзко, что невольно относишься къ нему съ недовѣріемъ, потому что, задавшись такою мыслію впередъ, авторъ дѣлается одностороннимъ: желая представить все въ лучшемъ свѣтѣ, онъ не видитъ, или скорѣе, не хочетъ видѣть другую, темную сторону. При повѣркѣ дѣйствительно оказывается много натяжекъ, и отъ того, въ цѣломъ, сочиненіе его получаетъ отпечатокъ полуоффиціальнаго доклада, что не совсѣмъ пріятно дѣйствуетъ на читателя.

Описательная часть страдаетъ также нѣкоторою оффиціальностію, напоминаетъ сухіе учебники географіи: какъ ни точно говоритъ онъ, откуда и какъ течетъ рѣка, какіе ея притоки, насколько срезовъ дѣлится окружье и сколько жителей, вы все-таки не получаете характеристики страны, ея физіономіи.

Съ характеромъ болѣе спеціальнымъ является другое сочиненіе того же автора: «Жизнь сербскаго поселянина»[1]. Это описаніе внутренней, домашней жизни сербскаго народа: раздѣленіе временъ дня и года и сообразное съ тѣмъ распредѣленіе сельскихъ занятій, посты и праздники и соединенныя съ ними торжества, обычаи и повѣрья, описаніе свадебныхъ обрядовъ, костюма и жилища; наконецъ разные суевѣрные обряды, молитвы и заговоры отъ разныхъ болѣзней и въ разныхъ случаяхъ жизни. Вездѣ обозначено къ какой мѣстности относится то или другое явленіе народной жизни. Вмѣстѣ съ «пѣснями» и «сказками» — изданными Вукомъ Стеф. Караджичемъ — сочиненіе это представляетъ весьма важный матеріалъ для изученія народной жизни.

Вообще, въ послѣднее время, сербы стали обращать большое вниманіе на свое отечество и принялись за серьезное изученіе его во всѣхъ отношеніяхъ. Въ то время, какъ «Гласникъ», журналъ «Сербскаго Ученаго Общества» въ Бѣлградѣ, собираетъ и разработываетъ матеріалы для исторіи, географіи и этнографіи Сербіи, естественное отдѣленіе бѣлградскаго лицея поставило себѣ задачу—изучить Сербію со стороны естествознанія. Съ этой цѣлью профессора, пользуясь лѣтними феріями, совершаютъ свои экскурсіи, и результаты ихъ представляютъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ и журнальныхъ статьяхъ. Между ними особенно важны труды профессора Панчича по части зоологіи и ботаники. Недовольствуясь ученою дѣятельностью профессоровъ, ли-

[1] Въ «Гласникѣ» 1867 г. кн. V, стр. 79—208 и отдѣльное изд. 1868 г.

цей призвалъ къ этой дѣятельности своихъ воспитанниковъ. Съ этой цѣлью опредѣлено, чтобъ каждый третій годъ воспитанники высшаго курса отправлялись внутрь Сербіи для естественно-научныхъ изслѣдованій, подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ. Такихъ экспедицій до сихъ поръ было три. Первая была въ 1856 г. по западной сухой границѣ, вторая 1859 г. внизъ по Дунаю, и третья 1863 [1]). Что́ сдѣлала первая экспедиція, неизвѣстно; вторая помѣстила свои извѣстія въ «Сербскихъ Новинахъ» 1859 г., а работы третьей изданы въ прошломъ (1867 году) «Сербской Омладиной» въ отдѣльной книжкѣ, подъ заглавіемъ: «Путешествіе воспитанниковъ лицея естествовѣдѣнія по Сербіи въ 1863 г.»

Не говоря уже о томъ, какую огромную пользу приносятъ эти экспедиціи воспитанникамъ въ учебномъ отношеніи, открывая имъ возможность на практикѣ провѣрять и повтореніемъ еще болѣе укрѣплять свои теоретическія свѣдѣнія, пріучая ихъ къ ученымъ пріемамъ и наблюденіямъ, онѣ поднимаютъ ихъ нравственный и, такъ сказать, гражданскій уровень, давая возможность внести долю своей самостоятельной, личной дѣятельности на пользу своего отечества. Эта молодежъ, предаваясь своимъ ученымъ студіямъ, имѣетъ въ виду не личную карьеру, не теплое мѣстечко и корыстную службу, а успѣхъ науки и пользу своего отечества. «Задачу нашу и цѣлой омладины—говорятъ воспитанники лицея — составляетъ изученіе нашего отечества, чтобъ мы его больше полюбили и, познакомившись съ его положеніемъ, могли бы всегда быть ему полезными. Правда, наша молодежъ отправляется въ Вѣну, Парижъ, Швейцарію, — того требуютъ интересы нашего общества. Мы же здѣсь преслѣдуемъ интересъ государственный и говоримъ: Сербія есть самая близкая намъ страна, которую мы должны прежде всего узнать, тогда намъ уже легко будетъ познакомиться и съ остальнымъ свѣтомъ. *Неужели мы вѣчно будемъ чужими въ своемъ домѣ»* [2])?!...

Ничто не можетъ такъ парализовать дѣятельность человѣка, какъ горькое сознаніе, что онъ *въ своемъ домѣ чужой;* и напротивъ ничто такъ не поощряетъ его, какъ убѣжденіе, что и его посильный малый трудъ имѣетъ свою цѣну и значеніе на ряду съ трудами тѣхъ, которые считаются главными органами народной жизни. «Наше правительство — продолжаютъ они — скоро увидитъ, какъ полезны эти научныя экспедиціи, потому что до сихъ поръ ни одна изъ нихъ не осталась безъ пользы для науки. А молодежъ, преданная своему правительству, не будетъ щадить труда, чтобъ и время отдыха употреблять

---

[1]) Слѣдовало быть 1862 г., но вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ отложена; все равно, какъ и въ нынѣшнемъ году не состоялась вслѣдствіе происшествія 29 мая.

[2]) Пут. лиц. пит., стр. 172.

на пользу науки, путешествуя по нашему отечеству и знакомясь съ нашею землею» [1]).

Какъ поняли свою научную задачу молодые ученые путешественники, это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ ихъ предисловія: «До сихъ поръ Сербія нашему обществу извѣстна была со стороны естествознанія только по сочиненіямъ иностранцевъ: Ами Буэ, барона Гердера и другихъ, которые меньше писали. Но хотя и ими оказана большая услуга нашей почти несуществующей по этой отрасли наукѣ, однако отъ этихъ работъ иностранцевъ не можетъ быть такой пользы народной литературѣ и народу, какую могли бы принести своими трудами домашніе дѣятели, которые соприкасаются со своимъ народомъ и со своею землею даже въ самыхъ мелкихъ частностяхъ».

Вотъ къ какимъ серьезнымъ взглядамъ и цѣлямъ пришла сербская молодежь, именно вслѣдствіе того, что правительство открыло поприще и ихъ самостоятельной дѣятельности. Не можемъ, наконецъ, не указать еще на очень важную сторону подобныхъ экспедицій, на сближеніе науки и образованности съ невѣжествомъ и простотою, на проведеніе тѣхъ началъ, которыми живетъ просвѣщенное общество, въ неосвѣщенную знаніемъ и наукой массу. Эту миссію взаимнаго сближенія, конечно, никто не въ состояніи такъ выполнить, какъ молодежь, чуждая общественныхъ предразсудковъ, мягкая, снисходительная и любящая человѣчество, не по его заслугамъ и разнымъ достоинствамъ, а просто по чувству гуманности, неутомимая и одушевленная сознаніемъ своего высокаго назначенія. Сербская «Омладина» стоитъ именно въ такихъ отношеніяхъ къ своему народу, который въ нее больше вѣруетъ, чѣмъ въ свое чиновное начальство. Бюрократія старалась всѣми средствами очернить и оподозрить передъ народомъ его молодежь, этотъ единственно способный къ прогрессу элементъ государственной и народной жизни; но эти усилія остались безуспѣшными. Въ послѣднее время сближеніе это стало еще сильнѣе, а наконецъ и само правительство сознало, повидимому, что у молодежи сила и будущность, и смотритъ теперь на омладину, какъ на связующее звѣно между собою и народомъ. Только отъ этого тройственнаго союза — правительства, подъ которымъ мы разумѣемъ совокупность лицъ, имѣющихъ власть, образованной молодежи и народомъ, подъ которымъ мы здѣсь разумѣемъ необразованную массу, можно ожидать правильнаго развитія и успѣховъ страны въ гражданской жизни и просвѣщеніи.

Обращаясь къ вышеупомянутому сочиненію, можемъ сказать, что оно, не смотря на его малый объемъ и скромную задачу, удовлетворяетъ читателя вполнѣ, давая ему точное физическое описаніе страны и оживляя его свѣдѣніями по этнографіи, исторіи и нелишенными

---

[1]) Тамъ же.

интереса путевыми приключеніями. Они не оставляли безъ вниманія ни одного предмета: черты народнаго быта, замѣчательное по чему-нибудь зданіе, древняя надпись, особенности нарѣчія, физіономіи и образа жизни народа, все было наблюдаемо съ такимъ вниманіемъ и безпристрастіемъ, какое вы встрѣтите у весьма немногихъ. Отсутствіе какой-бы то ни было тенденціи, кромѣ чисто научнаго и общечеловѣческаго интереса, составляетъ одно изъ важныхъ его достоинствъ, недостающихъ другимъ сочиненіямъ подобнаго рода. И въ тоже время оно далеко отъ индиферентизма, напротивъ, въ немъ все обнаруживаетъ въ наблюдателяхъ весьма горячее участіе къ описываемымъ предметамъ и явленіямъ. «Мы обошли нѣсколько округовъ нашего отечества, наблюдали землю, производство, народъ» — въ этихъ словахъ авторовъ резюмировано все содержаніе ихъ книжекъ въ 173 стр. in—8°.

Я не могу здѣсь перечислить всѣхъ статей, помѣщавшихся въ последнее время въ разныхъ сербскихъ періодическихъ изданіяхъ, преслѣдующихъ туже цѣль, т. е. всестороннее изученіе Сербіи: замѣчу только, что это стремленіе къ болѣе полному и широкому изученію своего отечества во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ характеристическую черту въ современномъ направленіи сербской литературы. Прежнее историческое и археологическое направленіе начинаетъ уступать направленію болѣе реальному; теперь на первый планъ выходятъ естественныя богатства, экономическія и соціальныя отношенія, все то, отъ чего зависитъ матеріальное и нравственное развитіе народа.

Однимъ словомъ, кто хочетъ познакомиться съ сербскимъ народомъ и съ современною народною жизнію, не путешествуя, тотъ пусть читаетъ сочиненія самихъ сербовъ, а не иностранныхъ путешественниковъ. Иностранцы большее вниманіе обращаютъ на памятники прошлаго, на нѣмую природу, а не на народъ, войти въ жизнь котораго они не имѣютъ ни охоты, ни способности. Они на всѣ явленія народной жизни смотрятъ издалека и свысока, схватываютъ ихъ поверхностно и даютъ имъ толкованіе по своему вкусу или по своимъ субъективнымъ воззрѣніямъ, а часто подъ сильнымъ наитіемъ какой-нибудь политической тенденціи. И такою тенденціозностію въ особенности отличается сочиненіе Каница, которое однако, въ тоже время, есть самое полное сочиненіе о Сербіи.

Предлагая этотъ краткій отчетъ о новѣйшихъ сочиненіяхъ о Сербіи, я имѣлъ въ виду не строгую ихъ критику и полную оцѣнку, а хотѣлъ только дать извѣстіе о томъ, что̀ въ послѣднее время по этой части явилось, и по возможности опредѣлить ихъ характеръ и точку зрѣнія, чтобъ читатель зналъ такимъ образомъ, какъ къ нимъ относиться.

П. РОВИНСКІЙ.

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го ноября, 1868.

Внутреннее обозрѣніе.

Реакціонныя похоти по крестьянскому дѣлу. — «Своеволіе, пьянство» народа и стремленіе къ переселенію. — Общій результатъ хода освобожденія. — Двоякая мѣрка при оцѣнкѣ народныхъ движеній. — Переселеніе и крѣпостное право. — Мѣры, предлагаемыя Н. П. Колюпановымъ. — Положеніе о земельномъ надѣлѣ бессарабскихъ царанъ. — За кѣмъ теперь очередь? — Крестьянскій вопросъ въ остзейскомъ краѣ, и «Окраины Россіи» г. Самарина. — Исторія правительственныхъ мѣръ и нынѣшніе ихъ результаты. — Обезземеленіе крестьянъ.

«Мы должны предостерегать; мы должны говорить съ почтительною твердостію.... воротитесь, воротитесь назадъ.... Надо передѣлать.... да... передѣлать все сдѣланное.... И девятнадцатое февраля—насколько это возможно». Такія слова вложилъ нашъ художникъ-писатель въ уста «молодого генерала», ораторствующаго о пользахъ отечества, въ Баденъ-Баденѣ. Что мысль, выраженная въ этихъ словахъ—не вымыселъ, что она схвачена живьемъ изъ числа наличныхъ мыслей, обращающихся въ нашей дѣйствительности и даже могущихъ имѣть на нее нѣкоторое вліяніе — намъ нѣтъ надобности завѣрять читателя.

Конечно, мысль эта можетъ формулироваться такъ открыто только въ интимномъ кружкѣ; внѣ его она заявляется неиначе, какъ подъ разными болѣе или менѣе либеральными предлогами и мягкими формами или, по меньшей мѣрѣ, высказывается не такъ точно, расплавляется въ потокѣ общихъ разсужденій о распущенности народа, съ добавкомъ плачевныхъ примѣровъ изъ исторіи западной Европы. Такъ, въ прежнемъ петербургскомъ земскомъ собраніи съ нѣкоторою торжественностью напоминалось однимъ членомъ объ ужасахъ французской революціи. Такъ, въ періодической печати легко найти цѣлый рядъ сѣтованій на разстройство, какому подверглось все наше народное хозяйство, на пьянство, своеволіе и разореніе народа, на примѣръ послѣдняго времени, будтобы неоспоримо доказывающій, что народъ не дозрѣлъ до

сознательной воли и т. д. Пьянство и наклонность къ переселенію приводятся тутъ въ числѣ существенныхъ доказательствъ. Въ заключеніе доказывается необходимость «ограничительныхъ» мѣръ, которыя всѣ сводятся къ возстановленію, въ какомъ бы то ни было видѣ, опеки одного сословія надъ другимъ.

Намъ кажется не совсѣмъ практично поступаютъ тѣ органы печати, которые относятся къ подобнымъ внушеніямъ свысока, какъ къ вздорнымъ попыткамъ ничтожнаго будто бы кружкà, какъ къ тщетнымъ проявленіямъ единичной злобы, безсильной противъ великаго, осуществленнаго дѣла освобожденія. Правда, мнѣніе, высказанное печатно, само по себѣ еще невсегда представляетъ силу. Въ настоящемъ случаѣ мы далеки отъ того, чтобы предположить за печатными заявленіями такого рода правильно-организованную партію, всѣ члены которой приняли на себя обязательство всегда и вездѣ отстаивать свою программу. Мы, напротивъ, убѣждены, что большинство предполагаемыхъ членовъ этой партіи, если бы ихъ вызвать на объясненіе не только въ одиночку, но и въ собраніи, рѣшительно уклонились бы отъ искренней манифестаціи тургеневскаго «молодого генерала».

Но все это нисколько не успокоиваетъ насъ насчетъ возможности существованія въ самомъ дѣлѣ стараній о передѣлкѣ по программѣ «возвращенія назадъ», стараній именно *партіи*, хотя и не организованной, но дѣйствительной, даже единственной *реальной* партіи, какая у насъ существуетъ. Чтобы знать это, не надо быть непремѣнно въ Петербургѣ. Можно не знать никого изъ людей, которые составляютъ эту неорганизованную, но дѣятельную партію, и все-таки быть убѣждену въ ея существованіи. Дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ есть прямой интересъ, способный сгруппировать вокругъ себя партію, партія непремѣнно явится. Міромъ общественнымъ управляютъ общіе законы природы.

Игнорировать эту партію или относиться къ ней съ небреженіемъ побѣдителя, опирающагося на совершившійся фактъ, общественному мнѣнію не слѣдуетъ. Во-первыхъ, фактъ еще только совершается, побѣда еще не полна, а во-вторыхъ, одно изъ главныхъ стратегическихъ правилъ—никогда не презирать силу врага, уступившаго поле. Чѣмъ лучше онъ скрылся, тѣмъ онъ опаснѣе; смотрите, онъ можетъ быть близокъ, сидитъ въ засадѣ и готовится ударить вамъ въ тылъ. Скрытые его маневры, тайные подходы—они-то именно и опасны. Ежедневно, ежечасно онъ дѣлаетъ свое дѣло. Чѣмъ меньше стройности въ его движеніяхъ, тѣмъ менѣе они кажутся подозрительны; чѣмъ меньше сговору, тѣмъ поразительнѣе единодушіе.

Въ борьбѣ общественныхъ стремленій, изъ которыхъ одно одержало побѣду и выразилось въ законѣ, а другому осталось только спрятаться подъ законъ и подтачивать втайнѣ его основы,—надо прежде

всего стараться вытѣснить противника въ открытое поле, добиться того, что̀ англичане называютъ a fair play. Недостаточно обзывать своихъ противниковъ презрительно крѣпостниками, слѣдуетъ отнимать у нихъ всѣ предлоги, въ которые они прячутся какъ въ засады, не оставлять имъ ни одного притворнаго аргумента, но тѣснить ихъ прямо на главное поле борьбы. Пусть крѣпостники выступятъ открыто со своею истинной мыслью. Пусть они не прячутся за пьянство и страсть къ переселенію въ народѣ, и не скромничаютъ съ стыдливыми *частными* мѣрами, какія они предлагаютъ. Пусть они доведены будутъ до сознанія, что имъ нужны не одна, не двѣ детальныя мѣры, а цѣлая совокупность мѣръ такихъ, которыя, въ связи одна съ другой, составили бы фактическую отмѣну личной свободы и земельнаго обезпеченія крестьянъ, отмѣну духа, сущности 19-го февраля 1861 г., какъ въ томъ признавался «молодой генералъ» въ Баденѣ. Тогда они не будутъ опасны. Въ одной изъ предшествующихъ хроникъ мы имѣли случай разбирать пресловутый вопросъ о пьянствѣ и старались доказать, что прискорбные результаты въ этомъ отношеніи, если и падаютъ на отвѣтственность рабочаго люда, то явились вовсе не какъ послѣдствія освобожденія, и что именно въ волѣ и въ школѣ вся надежда на исправленіе. Мы говорили и о мѣрахъ, которыми можно было бы содѣйствовать перемѣнѣ къ лучшему, и безъ всякой фальшивой застѣнчивости либеральничанья, допускали необходимость опеки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы отрицали всякую возможность опеки сословной, и даже отъ усиленія опеки правительственной не ожидали многого.

На этотъ разъ, мы обратимся къ вопросу о переселеніи крестьянъ, такъ какъ въ сильномъ стремленіи къ переселенію, охватившемъ нѣкоторыя мѣстности, крѣпостники находятъ новое орудіе, чтобы подтачивать кредитъ всей мѣры освобожденія. Самый вопросъ о правѣ переселенія связанъ съ вопросомъ о правѣ отказа крестьянъ отъ надѣла, о правѣ выхода изъ общества, объ общинѣ и круговой порукѣ. Эти вопросы разсмотрѣны, въ ихъ взаимной связи, въ статьѣ г. Колюпанова, помѣщенной въ нашей октябрьской книгѣ. Къ его статьѣ мы должны теперь возвратиться, какъ потому, что она даетъ намъ нѣсколько фактовъ для доказательства нашего мнѣнія, такъ и потому, что съ нѣкоторыми выраженными въ ней взглядами мы согласиться не можемъ, и оговоркою, помѣщенною при печатаніи этой статьи, предоставили себѣ право возраженія нашему уважаемому сотруднику.

Но прежде всего, поставимъ вопросъ какъ можно болѣе общимъ и прямымъ образомъ, въ виду тѣхъ нареканій, которыми стараются вызвать разочарованіе, какъ исходную точку реакціи.

Оправдалъ ли, въ обширномъ смыслѣ, ходъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, державный починъ этого дѣла и надежды мыслящихъ и безпристрастныхъ людей? Всякіе нападки съ боку и недоговоренныя

сѣтованія мы вправѣ считать самопризнаніемъ обвинителей въ безсиліи ихъ аргументаціи. Если они сознаютъ свое дѣло раціонально-правымъ, то имъ слѣдуетъ ставить тезисъ именно въ видѣ того общаго вопроса, который мы только-что предложили. Неоспоримо, что если все дѣло повело къ результатамъ неблагопріятнымъ, то они должны были отразиться прежде всего на немъ самомъ. Въ дѣлѣ освобожденія, правительство опредѣлило условія, установило правила и сроки. Но затѣмъ, осуществленіе этого дѣла въ дѣйствительности, въ жизни выпало все-таки на долю самого народа. Теперь, если вы будете доказывать, что, напримѣръ, пьянство развилось послѣ объявленія свободы, то этимъ вы все-таки ничего не докажете относительно главнаго вопроса. Останется все-таки несомнѣннымъ, что народъ, который съумѣлъ спокойно принять реформу всего своего быта и смогъ исполнить всѣ постановленныя условія для этого чрезвычайнаго, великаго напряженія, способенъ къ самостоятельности и въ обыкновенной гражданской жизни.

Мы имѣемъ полное право отрицать утвержденіе крѣпостниковъ, что крестьяне, вслѣдствіе освобожденія, стали своевольны и лѣнивы во вседневной жизни, такъ какъ мы видимъ, что сознательнаго своеволія они не проявили въ такихъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ оно могло бы даже показаться до нѣкоторой степени естественнымъ. Высказалъ ли, напримѣръ, гдѣ народъ мщеніе, для котораго вѣка собирали въ его сердцѣ поводы и основанія? Мы имѣемъ право не вѣрить, что крестьяне проявляютъ во вседневной жизни поголовную, неизлѣчимую лѣнь, такъ какъ мы знаемъ, что они исправно несутъ исключительныя тягости выкупа, наложенныя на нихъ великою реформою.

Еслибы въ крестьянахъ преобладали тѣ качества (несовмѣстныя съ гражданскою полноправностью), которыя взводятъ на нихъ реакціонеры, то прежде всего самый процессъ освобожденія не удался бы; попытка къ освобожденію произвела бы только путаницу.

Между тѣмъ, мы видѣли совершенно противоположное. Самый процессъ освобожденія, съ участіемъ этого народа, пошелъ такъ правильно и удачно, какъ будто вѣками совершалось то, что здѣсь дѣлалось годами. Если же народъ показалъ въ этомъ великомъ напряженіи отсутствіе тѣхъ качествъ, которыя приписываются, какъ преобладающія черты его вседневной дѣятельности, то мы имѣемъ полное право не вѣрить тѣмъ, кто оброненными щепками хочетъ доказать неспособность плотника, построившаго избу.

Полная состоятельность, выказанная крестьянами въ самомъ дѣлѣ освобожденія доказывается лучше всего цифрами. Возьмемъ цифры выкупныхъ платежей, поступившихъ съ крестьянъ-собственниковъ, за первую половину 1867 года, когда на народномъ хозяйствѣ еще не сказывался

неурожай, дошедшій въ прошломъ году на большомъ пространствѣ до размѣровъ народнаго бѣдствія, и потому, разумѣется, нарушившій правильность всѣхъ экономическихъ отправленій. Цифры первой половины 1867 года мы можемъ принять за нормальныя.

Изъ этихъ цифръ, помѣщенныхъ въ «Указателѣ правительственныхъ распоряженій по министерству фанансовъ», заимствуемъ общіе результаты:

Окладъ съ крестьянъ-собственниковъ по 46 губерніямъ (съ бывшихъ крѣпостныхъ, а также и удѣльныхъ крестьянъ) за 1-ю половину 1867 года исчисленъ былъ въ . . .	12.405,038
Поступило въ дѣйствительности	11.925,703
Недополучено	479,335

Принявъ круглую цифру 480 т. р., увидимъ, что недоборъ составилъ ровно 4% всего оклада.

Выкупные платежи поступали, разумѣется, неравномѣрно по разнымъ мѣстностямъ, что̀ зависѣло отъ разности экономическихъ обстоятельствъ. Но оффиціальныя цифры доказываютъ, между прочимъ, что бывшіе крѣпостные крестьяне, гдѣ могли, вносили даже больше противъ оклада. Въ двадцати губерніяхъ внесено 714,119 р. сверхъ оклада, а крестьяне удѣльные внесли даже въ общей сложности болѣе чѣмъ исчислено было съ нихъ по окладу, именно по 46 губерніямъ поступленіе отъ нихъ превысило окладъ на 26,778 р. (въ общемъ счетѣ этотъ излишекъ нами зачисленъ и уменьшаетъ процентъ общаго недобора).

Въ статьѣ г. Колюпанова мы находимъ указанія на факты, не менѣе краснорѣчиво свидѣтельствующіе, что крестьяне, гдѣ могутъ, стремятся къ улучшенію своего быта и пользуются для этого именно освобожденіемъ. «Въ черноземныхъ и степныхъ губерніяхъ—говоритъ г. Колюпановъ»—какъ въ восточной, такъ и въ западной и въ югозападной полосѣ, общій выводъ таковъ: цѣны за сдачу земель повысились, повысились также вообще цѣны на хлѣбъ и земледѣльческіе продукты, а цѣны *на наемъ рабочихъ* значительно упали. Эти два факта рядомъ неопровержимо доказываютъ, что прежнее отвращеніе крестьянъ къ земледѣлію, напоминавшему имъ барщину и крѣпостное владѣніе—прошло». Въ другомъ мѣстѣ, онъ указываетъ на чрезвычайно важный и, какъ онъ говоритъ, повсемѣстный фактъ, что мелкое дворянское землевладѣніе вездѣ переходитъ въ руки другихъ сословій, и *преимущественно* крестьянъ; въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, почти вся мелкая помѣщичья собственность перешла къ *крестьянамъ*.

Не краснорѣчивы ли эти факты?! Они свидѣтельствуютъ, что дѣло освобожденія совершается правильно, и освобождаемые крестьяне, гдѣ

могутъ, не только «не разоряются огуломъ», какъ утверждаютъ наши крѣпостники, но напротивъ, являются завоевательнымъ, прогрессивнымъ экономическимъ элементомъ. Да и можетъ ли быть иначе? Возможно ли, чтобы люди, когда имъ представляется возможность улучшить свое положеніе, въ большинствѣ увлекались какою-то фатальною силою прямо въ противную сторону? Факты, на которые мы указали, необходимо допустить уже по одному умозрѣнію; тутъ и доказательства, въ сущности, не нужны. Да мы и не потребовали бы ихъ, если бы рѣчь была о какой угодно странѣ, кромѣ Россіи. Мы всѣ очень хорошо знаемъ, что французскій крѣстьянинъ, ставъ изъ taillable et corvéable à merci земельнымъ собственникомъ, не спился и не разорился. Едва ли сами наши крѣпостники рѣшатся утверждать, что въ Ирландіи, если будутъ даны льготы мелкимъ съемщикамъ земли, сельскимъ рабочимъ, если за ними законъ обезпечитъ пользованіе производимыми ими на почвѣ улучшеніями и долгосрочные контракты, которые охраняли бы ихъ отъ опасенія быть завтра согнанными съ поля, на которомъ они работаютъ, — то въ Ирландіи народъ пропьется и эмиграція изъ нея приметъ усиленные размѣры. Едва ли сами крѣпостники рѣшатся преподнесть такую нелѣпость нашей публикѣ, уже потому, что они не найдутъ въ англійской публицистикѣ ни одного голоса, на который могли бы сослаться въ подтвержденіе такой уродливой ипотезы.

Отчего же она возможна по отношенію къ Россіи? Не оттого ли только, что истиннаго, простого, человѣческаго довѣрія въ насъ къ своему народу, къ самимъ себѣ нѣтъ; что у насъ постоянно двоякіе вѣсы для взвѣшиванія своего и иностраннаго и что мы свое непремѣнно или захвалимъ, преувеличимъ, или же согласимся признать чѣмъ-то особенно низкимъ, согласимся, напримѣръ, что наши крестьяне составляютъ особую породу, къ которой непримѣнимы законы, управляющіе дѣятельностью всего человѣчества?

Повторяемъ, кому приходило объяснять громадную цифру ежегодной эмиграціи изъ Ирландіи—неизлѣчимою природною наклонностью ирландцевъ къ кочевой жизни, къ бродяжничеству, неспособностью ихъ къ гражданской самостоятельности, наконецъ, хотя бы невѣжествомъ?

Между тѣмъ, когда у насъ, вслѣдствіе прошлогодняго неурожая въ нѣсколькихъ губерніяхъ проявилось неудержимое стремленіе къ переселенію, — то крѣпостники не преминули и это обстоятельство вставить, какъ лишнюю строфу, въ свою іеремiаду о грозящей намъ погибели.

Стремленіе къ переселенію, въ самомъ дѣлѣ, проявилось очень сильно во многихъ мѣстностяхъ; тамъ крестьяне осаждали волостныя конторы съ требованіемъ паспортовъ и, подъ видомъ отправленія на заработки, уходили искать себѣ новой осѣдлости. Манили переселенцевъ

особенно губерніи юго-восточныя, самарская, астраханская, оренбургская. Въ иныхъ мѣстахъ власти принуждены были принять мѣры для «обратнаго водворенія на родинѣ» переселенцевъ, собиравшихся въ далекія страны.

Если повѣрить инымъ людямъ, то въ русскомъ человѣкѣ не могутъ дѣйствовать причины и побужденія общечеловѣческія. Никто не сомнѣвается у насъ, что эмиграцію изъ Ирландіи и Германіи долженъ объяснять голодъ или, по крайней мѣрѣ, недостатокъ въ продовольствіи, недостатокъ земли и заработковъ. Но натура русскаго человѣка какъ будто сложена не изъ обыкновенныхъ нуждъ и соотвѣтственныхъ имъ стремленій, а только изъ такъ-называемыхъ *характеристическихъ чертъ*. Характеристическія черты русскаго крестьянина извѣстно-де какія: невѣжество, наклонность къ пьянству и буйству. Когда онъ дѣйствуетъ, то побуждается-де только этими свойствами своей натуры. Нѣмецъ бѣжитъ изъ Нассау потому, что тамъ ему дѣлать нечего, и стало быть нечего и ѣсть; ирландецъ бѣжитъ въ Америку потому, что у него на родинѣ нѣсколько лѣтъ не уродился картофель, но русскій крестьянинъ бѣжитъ потому что, по невѣжеству, неправильно понялъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ, самый этотъ циркуляръ, очевидно, былъ вызванъ предвидѣніемъ вѣроятности переселеній и имѣлъ цѣлью напомнить о томъ, какія условія противопоставляетъ переселенію Положеніе 19-го февраля.

Нѣтъ сомнѣнія, что ближайшимъ поводомъ стремленія къ переселенію былъ именно неурожай, голодъ. Въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ бѣдствіемъ, стремленіе это выразилось особенно сильно. Что крестьяне при этомъ большею частью даже не отдавали себѣ яснаго отчета, куда они пойдутъ—это понятно, но и это зависѣло не столько отъ невѣжества, сколько отъ крайности положенія, отъ такой крайности, отъ которой и самый высоко-цивилизованный, хотя и доморощенный тори, на мѣстѣ мужика, бѣжалъ бы безъ оглядки и безъ справокъ съ положеніями.

Газета «Москва» приводитъ слѣдующее мѣсто изъ донесенія порѣчьскаго исправника:

«Вслѣдствіе затруднительнаго въ настоящемъ году положенія по продовольствію крестьянъ государственныхъ имуществъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда, верховской, кастлинской, лоинской и иньковской волостей, крестьяне *одиночки*, обремененные семействами, распродали на покупку продовольствія скотъ и другое имущество; не удовлетворивъ же этимъ своихъ нуждъ по продовольствію, приступили къ распродажѣ засѣяннаго хлѣба, построекъ, и всего остальнаго своего хозяйства, и подъ предлогомъ заработковъ, забираютъ свои семейства съ цѣлью переселиться въ другія губерніи....»

Смоленскій вице-губернаторъ пишетъ, что крестьяне, которыхъ онъ пріѣхалъ отговаривать отъ переселенія, рѣшительно объявляли ему,

что на мѣстѣ они съ семействами умрутъ съ голоду и что, если ихъ на пути къ переселенію посадятъ въ тюрьму, то такъ будетъ лучше. Наконецъ, тотъ же порѣчьскій исправникъ доносилъ: «Въ Порѣчьѣ можно пріобрѣсти въ настоящую пору покупкою не болѣе 100 четвертей ржи». Понятно, что въ такомъ положеніи, и безъ невѣжества, не станешь справляться съ статистическими свѣдѣніями о Самарской губерніи.

Конечно, не одна эта, ближайшая и временная причина вызываетъ среди крестьянства, въ разныхъ мѣстностяхъ, стремленіе къ переселенію. Но это стремленіе къ переселенію въ русскомъ крестьянствѣ менѣе всего можетъ служить аргументомъ именно для приверженцовъ возстановленія чего-нибудь, въ родѣ крѣпостной опеки. Пусть они вспомнятъ, чѣмъ было вызвано громадное переселеніе, населившее новороссійскій край. Оно было вызвано именно крѣпостнымъ правомъ, и новороссійскій край заселился бѣглыми.

Мало того. Если потребность въ переселеніи долго еще будетъ сказываться въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, если даже необходимо облегчить этой потребности исходъ, то и въ этомъ едва ли не главную вину несетъ на себѣ опять-таки крѣпостное право. Развѣ можно сказать, что распредѣленіе населенія по Россіи, въ томъ видѣ, какъ его застало 19-е февраля, было результатомъ свободнаго, естественнаго дѣйствія экономическихъ законовъ?

Нѣтъ, въ распредѣленіи населенія по Россіи и въ особенности именно по губерніямъ сѣвернымъ и восточнымъ, съ почвою неблагодарною, участвовала совершенно посторонняя, внѣшняя сила—крѣпостная власть владѣльцевъ. И вотъ, эта-то доля нераціональности, неестественности въ распредѣленіи населенія и будетъ сказываться еще долгое время стремленіемъ къ переселенію съ почвы бѣдной на болѣе плодородную, съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ крестьяне держались насильно, въ прикрѣпленіи къ фабрикамъ, въ иныя мѣста, пока не убудетъ изъ фабричныхъ округовъ часть населенія, и не возвысится, вслѣдствіе того, заработная плата.

Вопросъ о переселеніи возвращаетъ насъ къ статьѣ г. Колюпанова, по поводу которой мы предоставили себѣ сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Г. Колюпановъ является защитникомъ права переселенія «въ извѣстной мѣрѣ», и хочетъ согласить Положеніе, созданное 19-го февраля, съ этой потребностью.

Съ основной мыслью, которую авторъ проводитъ, нельзя не согласиться; за указаніе имъ неточностей въ томъ положеніи, которое предоставится временно-обязаннымъ крестьянамъ съ 1870 года, слѣдуетъ быть благодарными ему. Намъ предстояло бы просто оговориться насчетъ нѣсколькихъ частныхъ его воззрѣній и ограничиться этимъ, если бы намъ не казалось, что отчасти сущность предлагаемыхъ авто-

ромъ мѣръ могла бы привесть къ результатамъ, несогласнымъ съ тою либеральною цѣлью, на которую онъ указываетъ.

При составленіи Положенія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній вовсе пропущенъ былъ вопросъ о правѣ крестьянъ отказываться отъ земли послѣ первыхъ 9-ти лѣтъ цѣлымъ обществомъ, а для отдѣльныхъ лицъ право это оговорено и условія, его ограничивающія—не особенно трудно исполнимы. Г. Колюпановъ представляетъ въ своей статьѣ полный текстъ новыхъ постановленій, которыми право отказа отъ земли и соединенное съ нимъ право переселенія предоставлялось бы обществамъ. Но нельзя не замѣтить, что условіе, поставляемое авторомъ пользованію такимъ правомъ, именно предварительное пріобрѣтеніе въ другомъ мѣстѣ количества земли на все общество по высшему надѣлу (почему же именно по высшему?), дѣлаетъ невѣроятнымъ примѣненіе самого права. Мысль отказаться отъ нынѣшняго надѣла, переселиться въ другое мѣсто, является именно вслѣдствіе непроизводительности отведенной крестьянамъ земли и тягости недоимокъ; можетъ ли общество въ такомъ положеніи думать о покупкѣ земли на весь свой составъ въ другомъ мѣстѣ? Неизбѣжность этого возраженія не могла не представиться самому автору, и въ самомъ дѣлѣ представилась ему. Въ виду такого возраженія, онъ объясняетъ, что значеніе его системы заключается въ томъ, что она даетъ *исходъ* недоимщикамъ, сидящимъ на безплодной почвѣ, а для человѣка очень важно, прибавляетъ авторъ, уже и одно то, когда ему извѣстенъ какой либо «исходъ» изъ «безвыходнаго» положенія». Хотя исходъ, указанный выше, и похожъ нѣсколько на то, какъ еслибы человѣку бѣдному, живущему въ сырой и темной квартирѣ, указывали на возможность улучшить свое положеніе наймомъ квартиры сухой и свѣтлой, но не будемъ оспоривать безусловно возможности отдѣльныхъ случаевъ исхода по системѣ, рекомендуемой авторомъ, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ тутъ же поясняетъ, его система предполагаетъ еще основаніе съ этой цѣлью правительственныхъ крестьянскихъ банковъ. Не будемъ останавливаться и на очевидномъ фактѣ, что, такимъ образомъ, дѣло сводится въ сущности къ основанію банковъ, къ устройству крестьянскаго кредита, что́ уже совсѣмъ другой вопросъ. Но насъ занимаетъ преимущественно главный результатъ, какой можетъ имѣть система, предлагаемая авторомъ для удовлетворенія признаваемой имъ самимъ потребности въ переселеніи, — независимо отъ открытія крестьянамъ доступа къ государственному или земскому кредиту.

Предлагаемую имъ редакцію закона, г. Колюпановъ считаетъ облегченіемъ права переселенія вообще потому, во-первыхъ, что она простирается и на крестьянъ-собственниковъ, а не только на временно-обязанныхъ, которымъ однимъ предоставлено нынѣ право отказа отъ земли; во-вторыхъ, потому, что она предоставляетъ такое

право цѣлымъ обществамъ. Но между *правомъ* и возможностью имъ воспользоваться, т. е. тѣми результатами, какихъ можно ожидать отъ дарованія права на дѣлѣ,—есть разница. Нѣтъ сомнѣнія, во-первыхъ, что крестьяне—собственники не такъ легко поднимутся съ надѣловъ, за которые уже внесли часть платежей; нѣтъ сомнѣнія также, что временно-обязаннымъ крестьянамъ нелегко будетъ закупать земли на цѣлое общество, тѣмъ болѣе, что переселиться пожелали бы именно недоимщики. Затѣмъ остается одинъ, вполнѣ ясный и очень положительный новый фактъ, вводимый въ положеніе: безусловное запрещеніе отказа отъ земли отдѣльныхъ лицъ. Г. Колюпановъ, какъ видно, не хочетъ допустить такого единичнаго переселенія даже съ единодушнаго согласія общества; онъ допускаетъ такое переселеніе только съ условіемъ, чтобы отдѣльный хозяинъ, желающій отказаться отъ земли, вносилъ полное вознагражденіе владѣльцу.

Но не трудно убѣдиться, что въ этомъ измѣненіи заключалось бы такое стѣсненіе переселенія — стѣсненіе собственно въ пользу владѣльцевъ—что оно болѣе чѣмъ уравновѣшивало бы остальныя, льготныя измѣненія, предлагаемыя авторомъ. Это измѣненіе стѣснило бы переселеніе именно въ томъ пунктѣ, гдѣ оно представляется наиболѣе реально-возможнымъ. Такимъ образомъ, расширяя условія переселенія въ правѣ, въ теоріи, предлагаемая система стѣснила бы его въ дѣйствительности.

Почему авторъ не хочетъ оставить права переселенія для отдѣльныхъ лицъ съ согласія двухъ третей общества? Такое условіе вполнѣ устранило бы осуществленіе того парадокса, котораго онъ опасается, именно, что въ одиночку изъ общества выйдутъ всѣ или почти всѣ.

Въ предлагаемомъ стѣсненіи едва ли у автора, мимо его воли, не играла главную роль слѣдующая причина: предоставленіе права отказа отъ земли отдѣльнымъ лицамъ «нарушаетъ совершенно несправедливо и односторонне интересы владѣльца». Въ самомъ дѣлѣ, не мудрено, что помѣщики смотрятъ на 19 февраля 1870 года именно съ этой точки: ну что, какъ отъ насъ уйдутъ самые лучшіе, т. е. зажиточные крестьяне, которые теперь, силою круговой поруки, обезпечиваютъ исправное поступленіе нашего дохода? Интересы землевладѣльцевъ почтенны, но едва ли они одни могутъ служить основаніемъ для направленія дальнѣйшаго хода освобожденія. Вѣдь по этой логикѣ можно было и не начинать всего дѣла, такъ какъ оно очевидно нарушало, и притомъ «совершенно односторонне», интересы землевладѣльцевъ.

Наши фабриканты также не могутъ не взирать съ нѣкоторымъ опасеніемъ на 19 февраля 1870 года, и на переселеніе, именно потому, что фабрики и существуютъ преимущественно въ мѣстностяхъ, гдѣ почва бѣдна, гдѣ земля не можетъ обезпечить крестьянина, а

потому онъ и остается фабричнымъ рабочимъ, состоящимъ всецѣло въ рукахъ фабриканта. Понятно, что право отказа отъ земли, облегченіе переселенія не можетъ быть пріятно и фабрикантамъ. Мы понимаемъ, какую логическую связь авторъ находитъ между «свободою въ извѣстной степени переселенія» и «необходимостью въ извѣстной степени протекціонизма». Но мы не сомнѣваемся также, что фабриканты были бы довольны, если бы къ «протекціонизму въ извѣстной степени» еще присоединилась такая степень свободы переселенія, при которой оно въ теоріи представлялось бы облегченнымъ, а на дѣлѣ было бы затруднено.

Что касается самаго протекціонизма, то это здѣсь, все-таки, совершенно посторонній вопросъ. Интересы фабрикантовъ почтенны настолько же, какъ и интересы землевладѣльцевъ, но какъ послѣдніе не были приняты за безусловное препятствіе *свободы труда*, такъ и первые не должны бы считаться безусловнымъ препятствіемъ *свободы торговли*, которая подняла бы и наше земледѣліе, и благосостояніе потребляющей массы, то-есть всего народа, да и насъ избавила бы отъ торговаго крѣпостного права, защищаемаго протекціонистами.

Вотъ соображенія, которыя, какъ намъ кажется, почтенный нашъ сотрудникъ упустилъ изъ виду въ своемъ тщательномъ и въ высшей степени дѣльномъ изслѣдованіи.

Великое дѣло освобожденія еще далеко не кончилось у насъ, ни во времени, но въ пространствѣ. Во времени — по всей Россіи, гдѣ предстоитъ близкій срокъ новаго измѣненія отношеній, изслѣдованнаго г. Колюпановымъ; въ пространствѣ—на немногихъ *окраинахъ* Россіи, которыхъ еще не касалась благотворная мѣра передачи хоть части почвы изъ рукъ рентьеровъ въ руки рабочихъ.

Новый шагъ въ этомъ смыслѣ сдѣлало недавно законодательство, распространивъ великую реформу на царанъ, т. е. сельскихъ рабочихъ въ Бессарабіи. Бессарабскіе поселяне de jure пользовались личною свободою; въ Бессарабіи есть поселяне владѣющіе землей; они называются резеши. Царанами же называются собственно безземельные поселяне, живущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, монастырей, экономій духовнаго вѣдомства, и у самихъ резешей, въ качествѣ батраковъ. Въ силу новаго положенія, царанинъ будетъ уже хозяиномъ на томъ участкѣ земли, которымъ пользуется и можетъ выкупить его.

Положеніе царанъ доселѣ было самое печальное. Барщина, безземельность и сверхъ того—кабала у евреевъ-ростовщиковъ тяготѣли надъ ними еще болѣе, чѣмъ надъ крестьянами нашего западнаго края. Въ Молдавіи евреи вообще составляютъ элементъ не только многочисленный, но очень сильный; въ ихъ рукахъ и помѣщики, и крестьяне. Еврейскій вопросъ въ Молдавіи имѣетъ спеціальное значеніе. Гражданское уравненіе евреевъ тамъ потому именно встрѣчаетъ

такую сильную оппозицію, что при немъ всѣ земли молдавскихъ бояръ въ непродолжительномъ времени очутились бы въ рукахъ евреевъ.

Въ нашей части Бессарабіи крестьяне были совершенно беззащитны подъ гнетомъ какъ владѣльцевъ, такъ и евреевъ. Въ первомъ отношеніи положеніе ихъ теперь улучшается, но во второмъ—остается въ прежнемъ видѣ. Едва ли здѣсь не выпадаетъ на обязанность правительственной опеки приведеніе въ извѣстность нынѣшнихъ долговъ царанъ евреямъ и опредѣленіе порядка погашенія ихъ. Но это, конечно, не предупредило бы дальнѣйшее закабаленіе поселянъ ростовщиками, если бы въ дополненіе къ такой мѣрѣ не было найдено возможнымъ организовать для крестьянъ менѣе тягостный и разорительный кредитъ.

Русская общественная реформа, надѣленіе землею рабочихъ ее обработывающихъ, распространилось на царство польское, на Грузію, на Бессарабію. Неужели же она, эта великая идея нынѣшняго времени, остановится, какъ безсильная волна, передъ пергаментными привилегіями горсти людей на одной изъ окраинъ Россіи? Прибалтійскій край—единственный теперь во всей русской имперіи—остается замкнутымъ, неприступнымъ для величайшей мысли, какую выработала русская исторія. Очередь за нимъ.

Мы не намѣрены разбирать теперь такъ-называемаго нѣмецкаго вопроса въ Россіи; признаемся, онъ даже далеко не кажется намъ важнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что государственный языкъ для всѣхъ мѣстностей Россіи долженъ быть общій; нѣтъ сомнѣнія, что всѣ граждане русскаго государства должны знать его языкъ. Наконецъ, не подлежитъ также сомнѣнію, что русскому правительству нѣтъ никакого разсчета, ни обязанности помогать остзейскимъ нѣмцамъ въ германизаціи эстовъ и латышей.

Но все это не важно въ сравненіи съ настоятельнымъ, неизбѣжнымъ вопросомъ: неужели именно тамъ, гдѣ русскій элементъ встрѣчаетъ враждебное и успѣшное противодѣйствіе со стороны дѣйствительно высшей культуры, онъ будетъ лишенъ могущественнѣйшаго, главнаго культурнаго начала, имъ выработаннаго? Введеніе въ остзейскій край судебной реформы приготовляется, но о предположеніи ввесть наконецъ и въ этотъ уголъ Россіи реформу земельную не слышно.

Неужели же мы, въ противорѣчіе обновленной жизни всего государства, оставимъ «Мекленбургъ въ Курляндіи», какъ выразился одинъ нѣмецкій публицистъ, и пребудемъ здѣсь на вѣки связаны «страннымъ запретомъ нами самими па себя положеннымъ»—по выраженію другого русскаго публициста, автора «Окраинъ Россіи».

Въ книгѣ г. Самарина есть положенія недоказанныя и полемическій

характеръ ея требуетъ осторожнаго обращенія съ его выводами [1]; но положеніе крестьянъ въ остзейскомъ краѣ и результаты, къ какимъ привели правительственныя начинанія въ пользу остзейскаго крестьянства, изложены въ ней документально и представляютъ достаточно данныхъ для выводовъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Начинанія правительства привели, подъ вліяніемъ мѣстныхъ «обстоятельствъ» къ положенію, прямо противоположному тому смыслу, въ какомъ была направлена великая реформа въ остальныхъ областяхъ Россіи. Дѣло шло не къ надѣлу крестьянъ землею, а именно къ обезземеленію ихъ; не къ регулированію ихъ обязанностей, т. е. повинностей и оброковъ, а именно къ предоставленію этого дѣла на полный произволъ сильнѣйшей стороны. Результатъ тотъ, что крестьянинъ не только не огражденъ отъ произвола, но поставленъ подъ двойной гнетъ средневѣковаго «принципа произвола» и новѣйшаго принципа «конкурренціи труда». Оба эти, разновременные принципы помогаютъ одинъ другому и производятъ въ остзейскомъ краю явленіе, которое, поистинѣ, слѣдуетъ признать чудовищнымъ, когда его сопоставить съ основною мыслью новѣйшаго русскаго законодательства. Изъ всего этого возможенъ только одинъ выводъ: необходимость рѣшительной, радикальной реформы положенія крестьянъ въ остзейскомъ краѣ и порученіе этого дѣла особому, русскому учредительному комитету.

Послѣднее условіе необходимо потому, что мѣстное дворянство доказало долгимъ и вполнѣ убѣдительнымъ опытомъ, что всякое начинаніе правительства въ этомъ смыслѣ, пройдя чрезъ плотную туземную привилегированную среду, произведетъ результаты прямо противоположные основной своей мысли. Ждать тутъ нечего. Не войны ли съ Пруссіею ожидать, чтобы приняться *тогда* за крестьянское дѣло въ балтійскихъ провинціяхъ?

Остзейское дворянство и его публицисты то и дѣло ссылаются на мѣстныя привилегіи. Отчего же они никогда не ссылаются на введенное въ Эстляндіи и Лифляндіи шведскимъ правительствомъ положе-

[1]) Мы не будемъ спорить съ г. Самаринымъ и потому, что насъ могутъ смѣшать съ фалангой его возражателей, въ родѣ автора «Письма» къ г. Самарину, изданнаго на дняхъ въ Баденѣ, на французскомъ языкѣ: «Lettre á M-r J. Samarine, sur ses brochures: «Окраины Россіи». Baden-Baden. 6 сентября, 1868 г.» Вотъ образчикъ баронской полемики: «Vous n'ignorez point, Monsieur, que dans les provinces (Baltiques), comme dans beaucoup d'autres localités, les institutions judiciaires nationales russes passent pour mauvaises grâce aux personèl qui les fait marcher» etc. Авторъ, по видимому игнорируетъ всю нашу судебную реформу, или, быть можетъ, имѣетъ въ виду нѣкоторыя назначенія въ судебныя должности, напоминающія ту эпоху, когда, напр. директорами гимназій дѣлались отставные капитаны и майоры,—но и это не давало бы ему права говорить неуважительно о самомъ учрежденіи.

ніе, которое опредѣляло для крестьянъ неотъемлемость наслѣдственнаго пользованія землею? Но нѣтъ: это положеніе пришло въ забвеніе. «Право забвенія» — вотъ стало-быть особый видъ историческаго права, какъ его понимаютъ привилегированные остзейцы. Не худо бы, если бы и русское правительство воспользовалось этимъ «коррективомъ» историческаго права, по отношенію именно къ остзейскимъ сословнымъ привилегіямъ.

Еще въ началѣ царствованія императора Александра I, правительство убѣдилось, что упадокъ остзейскихъ крестьянъ произошолъ именно отъ неисполненія этого, шведскаго, положенія, и возобновило его въ главныхъ чертахъ. Такимъ образомъ, вопросъ былъ поставленъ правильно, именно на почвѣ обезпеченія крестьянъ наслѣдственнымъ пользованіемъ землею. Но впослѣдствіи, къ концу царствованія Александра I, остзейскимъ привилегистамъ удалось, подъ предлогомъ «большей» уступки, именно признанія *личной* свободы крестьянъ, провесть отмѣну истиннаго для нихъ обезпеченія—права наслѣдственнаго пользованія землею. Отмѣнено было также и всякое ограниченіе закономъ размѣра крестьянской барщины. Итакъ, крестьянинъ сталъ «свободенъ», будучи поставленъ подъ неопредѣленную, произвольную барщину.

Только волненія, бывшія въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда остзейское крестьянство ухватилось, какъ за спасительную доску, за переходъ въ православіе, и привилегіи были поддержаны жестокими экзекуціями, правительство убѣдилось въ невыносимости положенія этого несчастнаго народа и, въ 1845 году, ограничило размѣръ барщины высшею нормою. Затѣмъ, вопросъ объ устройствѣ быта остзейскихъ крестьянъ разрѣшился въ Лифляндіи введеннымъ въ видѣ опыта на 6 лѣтъ, въ 1849 году, проектомъ, которымъ разрѣшалось помѣщикамъ прирѣзать къ ихъ мызнымъ землямъ около трети земли крестьянской. При составленіи этого проекта признано было совершенно невозможнымъ когда-либо опредѣлить размѣръ повинностей на основаніи поземельной оцѣнки потому именно, что «Лифляндія слишкомъ обширна и имѣетъ слишкомъ разносвойственную почву».

„Иными словами — говоритъ г. Самаринъ—наше правительство не только не разрѣшило, но заявило себя навсегда несостоятельнымъ когда-либо разрѣшить въ *одной* губерніи ту задачу, которая, въ XVII вѣкѣ была разрѣшена правительствомъ шведскимъ, была разрѣшена или разрѣшалась почти по всей Германіи, наконецъ, спустя девять лѣтъ была возбуждена нашимъ же правительствомъ въ примѣненіи *къ цѣлой Россіи* и разрѣшена имъ спустя двѣнадцать лѣтъ“.

Здѣсь особенно замѣчательна та оговорка, которою правительство стѣснило себя и въ будущемъ, устраняя навсегда установленіе нормы повинностей на основаніи оцѣнки. Въ этомъ самоограниченіи, прави-

тельству конечно не нужномъ, слишкомъ ясно проглядываетъ чья-то заботливость, и вмѣстѣ отражается все вліяніе привилегированной балтійской среды на самыя законоположенія, и не малый интересъ въ книгѣ г. Самарина представляетъ дѣятельность спеціальнаго комитета по остзейскимъ дѣламъ, въ Петербургѣ, комитета, чрезъ который проходили при прошломъ царствованіи законоположенія, вводимыя въ балтійскомъ краю въ видѣ опыта, помимо государственнаго совѣта.

И вотъ, дальнѣйшія законоположенія остались вѣрны началамъ проекта 1849 года. Однако въ 1860 году, въ Лифляндіи былъ возстановленъ maximum для барщины. Въ Эстляндіи «онъ былъ поднятъ до такой высоты — какъ выражается г. Самаринъ — что ея не было физической возможности достигнуть.»

Но рядомъ съ этими постановленіями шли постановленія, которыми предоставлялись помѣщикамъ новыя льготы для отрѣзыванія частей крестьянской земли въ 1856 г. въ Эстляндіи, а въ 1865 году— на Эзелѣ. Итакъ, дѣло обезземеленія крестьянъ здѣсь могло подвигаться безпрепятственно. Въ Курляндіи, между тѣмъ, не было установлено максимума повинностей, а обезземеленіе крестьянъ втеченіи послѣднихъ лѣтъ пятнадцати совершалось тамъ въ громадныхъ размѣрахъ.

Общественное устройство въ крестьянскомъ сословіи остзейскаго края представляетъ идеалъ для нашихъ ревнителей сословной опеки. Устройство это, опредѣленное положеніемъ 19-го февраля 1866 года, составляетъ успѣхъ, въ сравненіи съ прошлымъ, но каково же было это прошлое, когда и теперь волостная власть подчинена *наблюденію* власти вотчинной, помѣщичьей, которая аппелируетъ на первую ко власти полицейско-административной, всецѣло зависящей отъ дворянства по выборамъ. Мало того, вотчинная, помѣщичья власть имѣетъ право и непосредственно принимать всѣ полицейскія мѣры въ небытность волостного старшины. А волостной старшина, понятно, не можетъ *быть* въ одно время вездѣ. Отмѣна почти произвольнаго «обращенія съ палкою» помѣщиковъ, произведенная этимъ положеніемъ, благодѣтельна, спору нѣтъ. Но почему же за нѣмецкимъ помѣщикомъ сохранена гораздо бо́льшая степень власти надъ крестьяниномъ, чѣмъ за помѣщикомъ русскимъ? Не потому ли, что остзейскій крестьянинъ считается «свободнымъ» уже полвѣка, но свободнымъ умереть съ голоду?

Во всѣхъ вопросахъ, касающихся остзейскаго края, прежде чѣмъ перейдешь къ дѣлу, надо заняться съ вопросомъ-призракомъ, съ вопросомъ о «привилегіяхъ». Быть можетъ и намъ слѣдовало бы заняться здѣсь этимъ вопросомъ-призракомъ по поводу вопроса крестьянскаго, вопроса вопіющей реальности. Нѣмецкіе публицисты заимствовали изъ программы Деака выраженіе «билатеральное обязатель-

ство» и принципъ facio ut facias, за которымъ не трудно угадать modus conjunctivus: Si non — non. Но какъ бы ни была странна претензія выставлять привилегіи остзейскаго дворянства, условно сохраненныя правительствомъ, — въ видѣ государственнаго права, Landesverfassung, — страннѣе всего ставить эти пресловутыя «права» на дорогѣ крестьянскаго вопроса, послѣ того, какъ онъ уже разъ десятокъ былъ рѣшаемъ различнымъ образомъ. Redivivae virginitatis pacta!

Иностранное обозрѣніе.

Послѣднія 60 лѣтъ испанской исторіи и 45 ея революцій. — Сравненіе аранжуецкаго pronunciamento 1808 г. съ настоящимъ. — Кортесы 1812 года и Фердинандъ VII, отецъ Изабеллы. — Возстаніе 1820 года и Ріэго. — Прагматическая санкція и Донъ-Карлосъ. — Регентство Маріи Христины. — Pronunciamento Эспартеро и его регентство. — Изабелла II и революція 1854 г. — 18-ое сентября, и три его дѣйствующія лица: Примъ, Серрано и Олозаго. — Трудности временного правительства. — Прогрессъ въ международныхъ отношеніяхъ Европы, и международная политика въ испанскихъ дѣлахъ.

Заканчивая наше послѣднее обозрѣніе извѣстіемъ о революціи въ Испаніи, мы выражали сомнѣніе и задавали себѣ вопросъ, будетъ ли новое pronunciamento похоже на всѣ остальныя, ограничится ли оно опять смѣной одного министерства другимъ, нѣкоторыми болѣе или менѣе либеральными уступками, или на этотъ разъ начатое движеніе самымъ радикальнымъ образомъ измѣнитъ положеніе дѣлъ на Пиренейскомъ полуостровѣ? Подобныя сомнѣнія и вопросы были крайне законны: не даромъ же говорится cosas de Espana; онѣ оправдывались исторіею послѣднихъ семидесяти годовъ въ этой несчастной странѣ. Начиная съ возстанія въ небольшомъ городкѣ Аранжуецѣ въ 1808 году, имѣвшемъ своимъ результатомъ отреченіе Карла IV въ пользу его сына Фердинанда VII, едва ли съ той поры и до настоящей минуты проходило пять, шесть лѣтъ безъ того, чтобы въ Кадиксѣ или Саррагосѣ, Мадридѣ или Барцелонѣ не разъигрывалась одноактная комедія, носившая всегда имя pronunciamento.

Мы не случайно упомянули дворцовую революцію Аранжуеца. Только припомнивъ этотъ безконечный рядъ всевозможныхъ попытокъ какъ со стороны либеральной партіи, такъ и со стороны консервативной, — однихъ, чтобы добиться порядка болѣе согласнаго съ выработанными началами XIX вѣка, другихъ, чтобы не отказаться отъ произвола и абсолютизма, завѣщаннаго испанскимъ Бурбонамъ Лудовикомъ XIV, только воскресивъ въ своей памяти смутную эпоху двухъ послѣднихъ царствованій, мы поймемъ вполнѣ, какъ неизбѣжно было, и почти необходимо, для спасенія Испаніи, низверженіе Изабеллы II.

Нельзя не подмѣтить нѣкотораго сходства между событіями и дѣйствовавшими лицами перваго pronunciamento съ событіями и лицами нынѣшняго, стоившаго Бурбонамъ ихъ послѣдняго трона. По характеру, уму и роли Карлъ IV, внукъ Филиппа V, перваго Бурбона въ Испаніи, которымъ наградилъ ее Людовикъ XIV, очень близко подходитъ къ Францвску д'Ассизу—мужу Изабеллы II, которая точно старалась подражать въ своей жизни Маріи-Луизѣ—главной виновницѣ аранжуецской катастрофы. Какъ теперь, такъ и въ концѣ прошлаго столѣтія и началѣ нашего, Испанія находилась подъ однимъ изъ самыхъ невыносимыхъ правительствъ. Интересы народа стояли на самомъ заднемъ планѣ, и только личныя выгоды королевы и ея фаворитовъ, и ихъ общіе капризы принимались въ разсчетъ при управленіи страною. У Маріи-Луизы были такіе же вкусы, какъ и у Изабеллы; ее точно также, какъ и эту послѣднюю, окружали фигуры, дѣлавшія невыносимою жизнь ея и мужу Карлу IV, и всѣмъ тѣмъ, которые какимъ-нибудь образомъ соприкасались съ дворомъ, а къ двору ближе всѣхъ обыкновенно стоитъ и до послѣдней минуты стояла въ Испаніи армія съ ея начальниками, генералами, офицерами и т. д. и т. д. Около 1808 года Испаніею управлялъ почти-что явный любовникъ королевы Годоа (Godoy) и власть, данная ему развратной Маріей-Луизой была такова, что онъ притѣснялъ не только однихъ придворныхъ, но простиралъ свое нецеремонное обращеніе и на самого короля и на его сына и наслѣдника Фердинанда. Фердинанду не трудно было воспользоваться не только общею ненавистью къ королевскому любовнику, но также и тѣмъ бѣдственнымъ положеніемъ, которое навлечено было на монархію Филиппа II войною съ французскою республикою, чтобы отнять престолъ у своего отца Карла IV, который, собственно говоря, и не сидѣлъ на немъ. Но за нѣсколько мѣсяцевъ еще до возстанія въ Аранжуецѣ, Фердинандъ былъ арестованъ за участіе въ заговорѣ для сверженія Карла IV, и выпущенъ только тогда, когда выдалъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ и соучастниковъ. Однако ни арестъ, ни преслѣдованія множества лицъ не помогли королевѣ и ея любовнику Годоа; катастрофа, случившаяся въ Аранжуецѣ, начавшая собою въ Испаніи рядъ революціонныхъ вспышекъ XIX столѣтія, низвергла короля, королеву и могущественнаго «Prince de la Paix». Карлъ IV долженъ былъ отказаться отъ короны, и его сынъ Фердинандъ вступилъ на престолъ. Съ перваго же дня своего вступленія онъ выказалъ себя какъ самый недостойный потомокъ гордаго Людовика XIV. Вмѣсто того, чтобы смѣло стать во главѣ преданнаго династіи народа, и повести его противъ вступленія въ сѣверную Испанію Наполеона, Фердинандъ отправился къ нему на поклонъ въ Байонну, гдѣ засталъ также и своего отца и свою мать. Карлъ IV Бурбонъ жаловался плебею-императору Бонапарту на своего сына и про-

силъ его о возстановленіи его на престолъ. «Властитель міра» рѣшилъ иначе. Онъ приказалъ Фердинанду возвратить корону Карлу IV, а этого послѣдняго принудилъ отказаться отъ нея въ пользу своего брата Іосифа Бонапарте. Фердинандъ VII склонилъ покорно свою голову и отправился въ ссылку въ одинъ изъ французскихъ городовъ и оттуда слалъ поздравленія новому королю Испаніи Іосифу I. Въ то самое время, когда Фердинандъ VII давалъ цѣлому свѣту доказательство своей ничтожности, испанскій народъ убѣждалъ Европу, что отвага и геройство не погибли въ странѣ Сида. Въ 1808 году начинается славная война за независимость, во время которой вся Испанія встала какъ одинъ человѣкъ, чтобы не допустить только чужеземнагo господства. Нѣсколько лѣтъ къ ряду безплодно дрался Наполеонъ и его войска противъ испанскаго народа, никакія битвы, никакія побѣды не смущали его и не заставляли падать его духомъ. Онъ крѣпъ, онъ росъ въ этой боробѣ съ великаномъ, и какъ доказательства его быстраго развитія и обновленія должны служить кортесы, это собраніе депутатовъ, которые начертали знаменитую конституцію 1812 года. Дикая, завоевательная война французовъ періода имперіи не мѣшала однако испанскому народу заимствовать у тѣхъ же французовъ, только періода Республики, всѣ тѣ великія начала, которыя провозглашены были въ національномъ собраніи. Конституція 1812 года до сихъ поръ является такимъ недосягаемымъ идеаломъ, какимъ-то историческимъ миѳомъ, который на секунду озарилъ яркимъ лучемъ свободы геройски защищавшуюся страну. Великодушіе и преданность династіи были таковы, что кортесы, составившіе самую либеральную изъ конституцій, не воспользовались отсутствіемъ Фердинанда VII и не пожелали лишить его престола. Онъ оставался незанятымъ и дожидался возвращенія Фердинанда. Путеводная звѣзда Наполеона закатилась, и онъ, чувствуя уже свою слабость и невозможность продолжать оспоривать у испанцевъ ихъ права, отпустилъ Фердинанда, который и не замедлилъ явиться въ Испанію.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Наполеонъ палъ, островъ Эльба замѣнилъ ему обширную имперію, революціонный духъ вызвалъ реакцію, легитимизмъ врывался черезъ всѣ поры политическаго тѣла Европы. Фердинандъ VII почувствовалъ возможность возвратиться къ затхлой политикѣ своихъ отцовъ, и нарушеніемъ конституціи 1812 года и самымъ деспотическимъ правленіемъ отблагодарилъ испанскій народъ за претерпѣнныя имъ бѣдствія, за перенесенныя страданія и добровольныя жертвы кровавой пятилѣтней войны не только за независимость, но и за спасеніе Бурбонской династіи. Но не долго продолжалось торжество Фердинанда, нашлось много такихъ, которые не могли и не хотѣли примириться съ его абсолютнымъ правленіемъ, и въ этомъ числѣ нѣсколько генераловъ, начальниковъ арміи, пропитав-

шихся идеями французскаго переворота. Составился заговоръ, преимущественно военный, и хотя нѣкоторые изъ генераловъ-заговорщиковъ были арестованы, тѣмъ не менѣе остался одинъ, который поднялъ въ Кадиксѣ знамя бунта, и за тѣмъ быстро взволновалъ всю Андалузію. Имя этого генерала осталось однимъ изъ самыхъ популярныхъ въ Испаніи — его звали Ріэго. Онъ провозгласилъ конституцію 1812 года, заставилъ согласиться на нее Фердинанда VII, давшаго свое согласіе съ цѣлью какъ можно скорѣе нарушить его. 1820-й годъ обѣщалъ быть снова годомъ возрожденія и освобожденія отъ деспотическаго правительства, но тѣ, которые совершили революцію, разсчитывали безъ возможнаго вмѣшательства Франціи эпохи реставраціи. Случилось наоборотъ, Фердинандъ VII Бурбонъ обратился за помощью къ другому Бурбону Лудовику XVIII, который послалъ для его защиты, въ 1823 году, герцога Ангулемскаго—будущаго короля Франціи Карла X. Абсолютизмъ еще разъ торжествовалъ. Фердинандъ VII уничтожилъ опять либеральную конституцію, войска революціи были разсѣяны французскою арміею, и народный вождь Ріэго сложилъ свою голову на эшафотѣ. Но имя его не умерло, оно сохранилось и навсегда сохранится въ потомствѣ, благодаря сочиненному имъ революціонному гимну — этой марсельезѣ испанскаго народа. Гимнъ Ріэго—самый популярный изъ испанскихъ гимновъ. Напрасно однако призывалъ Фердинандъ VII чужеземную помощь для борьбы противъ своего народа, напрасно посылалъ онъ умирать на эшафотъ лучшихъ людей Испаніи—ему не суждено было пользоваться спокойно своею безграничною властью. Не имѣя въ живыхъ никого отъ своихъ первыхъ трехъ женъ, и видя беременною свою четвертую жену Марію-Христину, онъ поспѣшилъ обнародовать рѣшеніе кортесовъ 1789 г., которое хранилось до сихъ поръ въ архивахъ, для всѣхъ оставаясь тайнымъ, рѣшеніе, по которому отмѣнялся салическій законъ, исключавшій изъ престолонаслѣдія женщинъ. Законъ этотъ былъ внесенъ въ Испанію въ 1713 году первымъ Бурбонскимъ королемъ Филиппомъ V, и отмѣненъ по настоянію Карла IV, который, видя слабое здоровье Фердинанда и его брата, и опасаясь, что мужская линія пресѣчется, желалъ обезпечить престолъ за своею дочерью. Когда же здоровье принца Астурійскаго, Фердинанда, поправилось, всѣ забыли и думать о рѣшеніи кортесовъ 1789 года. Фердинандъ VII теперь вспомнилъ о немъ и въ 1830 году обнародовалъ его. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ у него родилась дочь Изабелла. Съ этой минуты въ Испаніи начинается движеніе, которое проходитъ почти черезъ все царствованіе Изабеллы, и даже до сихъ поръ имѣетъ много сторонниковъ — движеніе карлистовъ. Братъ Фердинанда VII Донъ-Карлосъ, питавшій все время надежду украсить себя короной, и видя, что съ рожденіемъ Изабеллы эта надежда законнымъ путемъ до-

стигнуть власти рушилась, нашелъ себѣ партизановъ, объявилъ рѣшеніе кортесовъ, уничтожавшее салическій законъ, незаконнымъ и поднялъ возстаніе за свои права. Фердинандъ VII, разслабленный болѣзнію, согласился снова признать его права въ ущербъ своей дочери, но потомъ, поправившись, снова возвратился къ своему первому рѣшенію. Среди этой двойной борьбы съ либеральной партіей съ одной стороны, и съ карлистами съ другой, умеръ Фердинандъ VII, никѣмъ не помянутый добромъ, и на испанскій тронъ, 29 сентября 1833 года, вступила трехлѣтняя Изабелла II. Ея мать, Марія Христина, приняла регенство. Если царствованіе Фердинанда VII было полно политическихъ безурядицъ и волненій, то какими же тогда словами можно охарактеризовать эту несчастную эпоху регентства и за тѣмъ эти длинные, полные смутъ годы правленія Изабеллы II? Не вдаваясь въ частности, которыя увлекли бы насъ слишкомъ далеко, едва ли есть какая-нибудь возможность начертить нѣсколькими линіями то бѣдственное положеніе страны, которое явилось результатомъ грубаго, невѣжественнаго, деспотическаго правленія Изабеллы, любившей окружать себя исключительно фаворитами, интриганами и іезуитами. И только минутами, секундами либерализмъ того или другого лица, того или другого генерала вносилъ отъ времени до времени мимолетные лучи свѣта въ этотъ непроницаемый мракъ абсолютизма и клерикализма. Съ самой первой минуты вступленія на престолъ Изабеллы и регентства ея матери, Маріи-Христины, на сѣверѣ Испаніи загорѣлась гражданская война между карлистами и защитниками Изабеллы, война безостановочно продолжавшаяся до 1839 года, когда возстаніе карлистовъ было подавлено молодымъ еще генераломъ Эспартеро, и самъ Донъ-Карлосъ принужденъ имъ былъ навсегда покинуть Испанію. Но гражданская война между партизанами Донъ-Карлоса и партизанами Изабеллы на предохраняла страну отъ другой, еще можетъ быть болѣе упорной, войны между одною военною партіею и другою, между всегда готовымъ къ реакціи правительствомъ и небольшою группою людей, не забывшихъ конституціи 1812 года. Во время возстанія карлистовъ побѣда надъ ними правительства всегда ознаменовывалась усиленіемъ реакціи, уничтоженіемъ тѣхъ или другихъ вольностей, а пораженіе его всегда сопровождалось дарованіемъ болѣе либеральной конституціи, какъ напр. въ 1837 году, когда возвращена была, но не на долго, конституція 1812 года. Въ этой борьбѣ съ карлистами выступили на сцену всѣ тѣ дѣйствующія лица, которыя во все царствованіе Изабеллы, въ продолженіи 35 лѣтъ, не переставали по очереди играть роль то побѣдителей, то побѣжденныхъ въ безконечномъ ряду дворцовыхъ революцій. Эспартеро, Нарваэцъ, О'Доннель, Олозага, Примъ, Серрано—вотъ имена, изъ которыхъ нѣкоторыя сошли уже съ исторической сцены, а другія и до сихъ поръ

продолжаютъ играть на ней главную роль. Всѣ подобныя дворцовыя революціи совершались тѣмъ или другимъ генераломъ при помощи того или другого полка, и торжествующій смѣнялъ обыкновенно побѣжденнаго въ роли перваго министра, и какъ одинъ велъ за собою рядъ реакціонерныхъ мѣръ, такъ другой—рядъ либеральныхъ. Народъ большею частію оставался пассивнымъ зрителемъ этихъ частныхъ военно-дворцовыхъ переворотовъ, и только можетъ быть два-три раза примѣръ войска дѣйствовалъ и на другихъ жителей, и они принимали въ движеніи участіе, хотя и второстепенное. Такъ возстала, напр., вся Барцелона и весь Мадридъ въ 1841 году, вызванные крутымъ правленіемъ Маріи-Христины, которая принуждена была бѣжать, оставивъ регентство Эспартеро, который, въ свою очередь, не позже какъ черезъ два года, т. е. 1843 году, принужденъ былъ бѣжать въ Англію, уступая снова свое мѣсто Нарваэцу и Маріи-Христинѣ. Каждые два, три года слѣдовало новое pronunciamento, которое своимъ raison d'être имѣло ни больше ни меньше какъ личный вкусъ королевы, желавшей имѣть около себя такого или другого фаворита, или просто сознаніе одного изъ военныхъ начальниковъ, что онъ имѣетъ достаточно силы и значенія въ арміи, чтобы импонировать свою волю правительству. Всѣ эти распри однако не оставались безъ пагубнаго вліянія на страну, которая молча и терпѣливо переносила бѣдствія безпутнаго правительства. Она стремилась видѣть регенство Маріи-Христины поскорѣе оконченнымъ, приписывая ему все зло, и неизвѣстно отчего возлагала самыя сладкія надежды на Изабеллу. Въ 1843 году, послѣ двухлѣтняго регентства Эспартеро, подкопаннаго интригами королевы-матери и нѣсколькихъ генераловъ, Изабелла была объявлена совершеннолѣтнею. Ей не было еще 14 лѣтъ. Но сколько бы ни объявляли разумъ 14-ти-лѣтняго ребенка достаточно созрѣлымъ, чтобы управлять государствомъ, дѣвочка этихъ лѣтъ болѣе способна играть куклами, чѣмъ людьми. Населеніе было право, когда оно продолжало во всѣхъ своихъ бѣдахъ обвинять не королеву, а ту, которая снова стала за нее управлять—Марію-Христину. Изабелла же вызывала повсюду только любовь и сочувствіе. Но недолго пользовалась она популярностью. Выйдя замужъ за своего двоюроднаго брата Франциска д'Ассиза, послѣ большого шума и тысячи затрудненій, которыми забавлялись кабинеты западной Европы, сдѣлавъ изъ ея брака важный вопросъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ вопроса объ испанскихъ бракахъ, такъ какъ дѣло тутъ шло не только о ея бракѣ, но и о бракѣ ея младшей сестры, вышедшей замужъ, къ счастью Луи-Филиппа и гордаго своею удачною политикою его министра Гизо, за герцога Монпансье — сына короля французовъ, королева Изабелла скоро приняла правленіе въ свои руки. Съ этой минуты всѣ грѣхи стали справедливо скопляться на головѣ молодой, но уже не безвинной королевы. Инстинкты ея матери слиш-

комъ рано проявились въ королевѣ. Вмѣстѣ съ позоромъ, которымъ она покрыла свое правленіе, она покрыла имъ и своего несчастнаго и вмѣстѣ ограниченнаго мужа. Ни таланты человѣка, ни его государственная опытность, никакія способности не были причинами быстраго возвышенія того или другого генерала, а только его личныя физическія качества, да покровительство какой-нибудь ханжи-кликуши или какого-нибудь брата Лойолы, которыми окружила себя молодая королева. Искать въ ея политикѣ какого-нибудь строгаго плана, какой-нибудь одной линіи, нѣтъ никакой возможности, такъ какъ она слишкомъ подчинялась ея капризамъ, но тѣмъ не менѣе мы видимъ, что тѣ минуты въ ея правленіи, которыя были относительно большею частью господствовавшаго абсолютизма, до извѣстной степени либеральны, вызывались какъ и при Фердинандѣ VII и Маріи-Христинѣ исключительно необходимостью. Не перечисляя тѣхъ мелкихъ вспышекъ, маленькихъ pronunciamiento, въ которыхъ положительно теряешься, такъ быстро онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ, нужно упомянуть одно крупное движеніе, случившееся въ 1854 году и бывшее результатомъ самаго крутого, деспотическаго поворота во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства. Революція 1854 года была похожа на начало нынѣшней; тогда, точно также какъ и теперь, реакція неслась на всѣхъ парахъ, грозя унести на своемъ ходу и самихъ машинистовъ; подозрѣніе, недовѣріе, преслѣдованія простирались не только на враговъ абсолютизма, но и на прежнихъ защитниковъ его, попавшихъ только на время въ немилость; нѣсколько генераловъ были сосланы, пресса почти уничтожена, кортесы разогнаны, не только политическія, но даже чисто-гражданскія и муниципальныя вольности потерпѣли страшный ударъ. На всѣ эти свирѣпыя и ничѣмъ не вызванныя мѣры, армія отвѣтила крикомъ негодованія, возстаніе вспыхнуло и во главѣ его стали генералы О'Доннель, Росъ-де-Олано, Дулче, Серрано и нѣкоторые другіе. Революція торжествовала уже во многихъ мѣстахъ, предводители ея призывали къ возстанію всю Испанію, народное движеніе стало распространяться въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ Андалузія, Каталонія, династіи угрожалъ уже рѣшительный ударъ; Марія Христина бѣжала во Францію, и вѣроятно королева должна бы была послѣдовать за нею, если бы она не обратилась съ мольбою къ Эспартеро, чтобы онъ спасъ ее и инфанту. Эспартеро вмѣстѣ съ О'Доннелемъ составили кабинетъ, кортесы были созваны и занялись составленіемъ еще новой конституціи, разумѣется, болѣе либеральной. Къ несчастью, урокъ 1854 года не оставилъ глубокаго слѣда въ умѣ королевы, и не прошло и двухъ лѣтъ, какъ партія реакціи снова возвысила свою голову, и новая реакція вызвала опять новое pronunciamento.

Какъ ни часто случались и послѣ 1854 года подобныя военныя революціи въ Испаніи, они оставались безплодны для страны, и скорѣе

даже имѣли бѣдственное вліяніе, потому что постоянно держали ее въ какомъ-то тревожномъ, лихорадочномъ состояніи, никто не могъ быть увѣренъ, что́ будетъ завтра, страна нравственно была подчинена военному элементу и зависѣла отъ расположенія и вліянія того или другого генерала. Значеніе каждаго изъ нихъ едва ли есть возможность опредѣлить, нельзя сказать почти ни про одного изъ нихъ, что такой-то либераленъ, такой-то реакціонеръ, потому что всѣ они, смотря по обстоятельствамъ и личнымъ разсчетамъ, дѣлались то красными, то черными. Одна партія только никогда не измѣняла своему посту, это клерикальная партія іезуитовъ, которая постоянно стремилась и въ послѣднее время совершенно съумѣла поставить Испанію въ полную зависимость отъ двора святого отца въ Римѣ. При такомъ ненормальномъ положеніи дѣлъ, роль и значеніе Испаніи въ Европѣ съ каждымъ днемъ становились всѣ ничтожнѣе, и та страна, которая три вѣка тому назадъ управляла еще чуть не цѣлымъ міромъ, теперь находилась во всеобщемъ презрѣніи. Подъ гнетомъ абсолютнаго правительства и подъ еще бо̀льшимъ гнетомъ полновластнаго католичества, казалось бы, что и въ нравственномъ положеніи страны должно было бы оказаться такое же паденіе, какъ и въ политическомъ. Очевидно, что испанцы поняли наконецъ, гдѣ кроется причина всѣхъ бѣдъ: сорокъ пять революцій, отъ 1808 до 1868, дали имъ нѣкоторую опытность. Дѣйствительно, никогда со времени войны за независимость весь народъ не былъ воодушевляемъ такою страстью, такою готовностью къ перенесенію всевозможныхъ жертвъ, лишь бы помочь преобразованію страны. Какъ популярно, какъ желанно было это возстаніе, можно видѣть изъ того, какою любовью, почти обожаніемъ пользуются два главные его герои, Примъ и Серрано, и въ особенности первый. Конечно, этому помогаетъ вся прежняя жизнь Прима, изъ которой горячее воображеніе южнаго народа дѣлаетъ какую-то эпопею. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ и во всѣхъ переворотахъ своего несчастнаго отечества: сначала онъ принялъ участіе въ войнѣ противъ карлистовъ, потомъ сталъ на сторону Маріи-Христины, ведя дворцовую войну противъ Эспартеро, который обвинилъ его въ возмущеніи Саррагосы и приговорилъ къ тюремному заключенію. Приму удалось бѣжать во Францію и оттуда онъ продолжалъ свою аттаку противъ регентства Эспартеро, и когда этотъ послѣдній палъ, онъ снова вернулся въ Испанію. Министерство Нарваэца его удовлетворяло также мало какъ и регентство Эспартеро, и какъ противъ послѣдняго онъ старался поднять Каталонію, такъ и противъ перваго онъ уже приготовлялъ pronunciamento, когда внезапно былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Послѣ шести мѣсяцевъ заключенія ему удалось ускользнуть за границу и девять лѣтъ сряду онъ скитался по свѣту, отъискивая себѣ какое-нибудь дѣло. Онъ нашелъ его, когда загорѣлась

война между Турціей и Россіей, онъ бросился въ 1853 году въ Турцію и принималъ самое дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ. Въ турецкомъ лагерѣ онъ узналъ о революціи, случившейся въ Испаніи въ 1854 году, и тотчасъ же поспѣшилъ вернуться на свою родину. Тутъ до 1859 года, когда Испанія стала воевать съ Марокко, онъ продолжалъ принимать участіе въ мелкой борьбѣ между различными военными партіями. Въ 1859 г., онъ отправился въ Марокко, и тамъ доказалъ свои военныя способности своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ веденіи войны. За сраженіе при Марабутѣ онъ получилъ титулъ маркиза de Castillejos и въ 1861 году сдѣланъ испанскимъ грандомъ. Въ этомъ же году онъ былъ посланъ какъ начальникъ экспедиціоннаго корпуса въ Мексико, и тамъ, увидѣвъ съ одной стороны всѣ трудности борьбы противъ мексиканцевъ, съ другой стремленіе французскаго корпуса къ преобладанію, онъ сдѣлалъ крайне ловкое отступленіе, объявивъ, что не намѣренъ продолжать войны, и громко протестовалъ противъ нарушенія независимости Мексико, за которое такъ дорого заплатило французское правительство. Выказавъ такимъ образомъ и свои способности какъ военачальникъ и свою политическую проницательность какъ государственный человѣкъ, онъ вернулся въ Испанію, въ которой реакція усиливалась съ каждымъ днемъ. Его либерализмъ привелъ его къ изгнанію, онъ оставилъ Испанію съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться туда при другихъ обстоятельствахъ, и живя во Франціи и въ Англіи, дѣятельно работалъ надъ приготовленіемъ революціи. Попытка его произвести возстаніе въ 1866 году не увѣнчалась успѣхомъ, онъ снова бѣжалъ за границу, откуда и вернулся 18-го сентября, провозглашая при своемъ вступленіи въ Кадиксъ низверженіе династіи Бурбоновъ.—Жизнь Серрано была несравненно спокойнѣе, въ ней мало такого, что̀ бы говорило народной фантазіи, онъ меньше заставлялъ о себѣ толковать, а потому вѣроятно и пользуется меньшею популярностью, чѣмъ Примъ. Онъ началъ свое поприще въ войнѣ за независимость, потомъ продолжалъ отличаться въ войнѣ противъ карлистовъ и затѣмъ перешелъ, какъ и другіе генералы, въ дворцовую войну интригъ. Онъ былъ во главѣ того pronunciamento въ Барселонѣ, которое объявило, что регентство Эспартеро окончено, и что самъ онъ лишается всѣхъ своихъ достоинствъ. Въ 1846 году имя его сдѣлалось слишкомъ извѣстно, благодаря тому обстоятельству, что молодая королева, только-что вышедшая замужъ, слишкомъ приблизила къ себѣ молодого, красиваго и храбраго генерала, что̀ сдѣлало гласнымъ раздоръ между ею и королемъ. Онъ сдѣлался первымъ министромъ, и только тогда, когда общественное мнѣніе слишкомъ громко заговорило противъ его близости къ королевѣ, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, Нарваэцъ сталъ очевидно одолѣвать его въ расположеніи Изабеллы, онъ перешелъ на сторону прогрессистовъ,

вызвалъ изъ ссылки Эспартеро и Олозагу, и затѣмъ скоро уступилъ министерство Нарваэцу. Замѣшанный въ возстаніи Саррагосы, которое предшествовало революціи 1854 года, онъ былъ сосланъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился и сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ либерализма. Съ тѣхъ поръ и до настоящей минуты, когда онъ побѣдителемъ возвратился изъ ссылки съ Канарскихъ островъ, онъ никогда не переставалъ принадлежать къ лагерю прогрессистовъ, и даже послѣ смерти О'Доннеля, сдѣлался его главою. Самое большое достоинство этихъ двухъ генераловъ, ставшихъ во главѣ возстанія, безспорно то, что они выказываютъ крайнюю умѣренность ихъ власти. Ни тотъ ни другой не спѣшили поскорѣе захватить ее въ свои руки, они даже держались первые дни въ сторонѣ отъ нея, не торопились войти въ Мадридъ, и тогда, когда они поставлены были во главѣ временного правительства, они не замедлили обратиться къ престарѣлому и больному герцогу Эспартеро, чтобы онъ сдѣлался президентомъ его. Когда Эспартеро отказался, извиняясь болѣзнію и выказывая свое полное сочувствіе революціи, они стали просить Олозагу, одного изъ самыхъ знаменитыхъ ораторовъ партіи прогрессистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ немногихъ гражданскихъ министровъ, которые были въ царствованіе Изабеллы.—Олозага сдѣлался министромъ послѣ паденія Эспартеро въ 1843 году, если вѣрить тому разсказу, который приводитъ Гизо въ одномъ изъ томовъ своихъ мемуаровъ, объясняя причину паденія его министерства, то Олозага долженъ быть крайне смѣлымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ. Разсказываютъ, что когда Олозаго увидѣлъ, что въ кортесахъ большинство обратилось противъ него, онъ явился къ королевѣ и просилъ ее подписать декретъ о распущеніи кортесовъ.—Что это? спросила королева, когда Олозаго давалъ ей подписывать какую-то бумагу.—Распущеніе кортесовъ, отвѣчалъ Олозаго.—Я боюсь это подписать, вскрикнула королева. Олозаго настаивалъ, королева сопротивлялась, и наконецъ встала, чтобы выйти изъ комнаты. Олозаго бросился и заперъ дверь на замокъ; тогда королева кинулась въ другую дверь, но Олозаго еще разъ предупредилъ ее, такъ что волею-неволею она должна была остаться въ комнатѣ. Королева возвратилась къ своему столу и сѣла, скрестивъ себѣ руки. Олозага подошелъ къ ней, обвилъ ее своими руками и произнесъ улыбаясь: «О! ваше величество подпишетъ». — Она отвѣтила отрицательно, и тогда онъ съ силою взялъ ея руку и вложивъ ей перо, произнесъ: необходимо, чтобы ваше величество подписали. Она испугалась и подписала. Таково еще одно изъ дѣйствующихъ лицъ, которому суждено играть видную роль въ дѣлѣ преобразованія страны. Если Олозага и отказался участвовать въ томъ тріумвиратѣ, который Примъ и Серрано думали устроить на первое время, то это все-таки не доказываетъ, чтобы

онъ думалъ или желалъ вовсе отстранить себя отъ политической дѣятельности. Напротивъ, онъ уже оставилъ Парижъ и возвратился въ Мадридъ, гдѣ и на его долю выпала часть овацій, тріумфальныхъ арокъ, торжествъ, рукоплесканій и виватовъ, которыми щедро были награждены Серрано и Примъ. За отсутствіемъ Эспартеро и Олозаги, министерство было составлено изъ нѣсколькихъ другихъ лицъ, всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ партіи прогрессистовъ, и если въ спискѣ временныхъ министровъ нѣтъ ни одного человѣка, принадлежащаго къ крайней демократической партіи, если въ немъ не встрѣчаются такія имена, какъ Мадоза, Ривера или маркиза Орензе, то вовсе не потому, чтобы они не желали принимать участія или не желали бы ихъ. Они занимаютъ другіе посты, не менѣе важные, какъ напр., мера города Мадрида, президента и вице-президента юнты и т. д. Вообще нужно сказать, что среди людей, стоящихъ во главѣ правленія господствуетъ полное единство, и если существуетъ разногласіе относительно нѣкоторыхъ, крайне ложныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о формѣ правленія, то всѣ члены новаго правительтва не перестаютъ давать увѣренія, что какъ люди одной партіи, такъ и люди другой подчиняются въ этомъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ голосу народному, рѣшенію учредительныхъ кортесовъ. «Между нами всѣми существуетъ полное единство»—вотъ фраза, которую уже много разъ высказывали и Примъ и Серрано въ своихъ рѣчахъ, которыя они произносили и въ Мадридѣ и въ Кадиксѣ и въ Барцелонѣ и Саррагосѣ; даже въ одной изъ своихъ рѣчей Серрано пошелъ дальше и высказалъ свое желаніе, чтобы образовалось министерство Риверо-Олозага. Желаніе это должно быть, кажется, раздѣляемо всѣми, кто только желаетъ, чтобы въ Испаніи окончилась наконецъ эпоха преобладанія, если даже не господства, военнаго элемента, пагубнаго для всякой страны. Примъ, точно также какъ и Серрано, въ каждой рѣчи настаиваетъ на единствѣ, какъ на главной гарантіи успѣха революціи, какъ на ея краеугольномъ камнѣ. Они всѣ видѣли у своихъ сосѣдей, чѣмъ кончается дѣло, когда несогласіе и вражда другъ противъ друга врываются въ ходъ революціи. «Все временно, говорилъ Примъ, пока не прозвучитъ послѣднее слово, произнесенное могущественнымъ голосомъ цѣлаго народа. Тогда исчезнутъ различія, партіи перестанутъ существовать, онѣ будутъ имѣть одно имя — большая либеральная партія! она привела Испанію къ высшей славѣ — приведетъ и къ вѣчной свободѣ. Разъединеніе причиняетъ смерть....»

Слова Прима, его увѣщанія имѣютъ для испанской націи тѣмъ большее значеніе, что программа временного правительства весьма широко и глубоко измѣняетъ основы общественной жизни; дурныя инстинкты реакціонеровъ будутъ очень довольны посѣять раздоръ въ минуту кризиса. Но тѣмъ не менѣе, провозглашеніе религіозной сво-

боды рядомъ съ пріобрѣтеніемъ права всеобщей подачи голосовъ, составляютъ два огромныя достоянія нынѣшней испанской революціи, и энергическое приведеніе въ исполненіе, приложеніе къ жизни и того и другого останутся большою заслугою временного правительства. Рядомъ съ этими крупными мѣрами, принятыми правительствомъ, и вызвавшими такой восторгъ во всей Испаніи, оно дѣятельно продолжаетъ работать, замѣщая старыхъ людей новыми, заботясь о доставленіи работъ народу, и главное, декретируя свободу преподаванія. Народное образованіе въ Испаніи находилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи, такъ что страну эту справедливо называли одною изъ самыхъ невѣжественныхъ земель западной Европы. Помимо того, что процентъ учащихся относительно населенія крайне ничтоженъ, по сравненію съ другими цивилизованными націями, и на всю Испанію въ 1860 году (съ тѣхъ поръ дѣла не измѣнились) считалось всего 24,353 народныя школы, которыя имѣли 1,101,000 учениковъ, школы эти почти исключительно находились въ рукахъ католическаго духовенства, не столько заботившагося о наученіи читать и писать, сколько «о спасеніи ихъ душъ». Результатомъ такого состоянія народнаго образованія было то, что на 16 милліоновъ жителей едва можно насчитать около четырехъ милліоновъ грамотныхъ. Понятно поэтому, что временное правительство, провозгласившая прежде всего общую подачу голосовъ, провозгласило тоже и свободу преподаванія, безъ котораго немыслимо разумное пользованіе политическими правами. Безъ сомнѣнія, возрожденная Испанія провозгласитъ также начало обязательнаго и дарового образованія. Правительство, юнты, которыя теперь уже замѣняются правильными муниципалитетами, не забываетъ въ своей лихорадочной дѣятельности никого, оно не ограничивается реформами на европейскомъ полуостровѣ, оно заботится и о своихъ колоніяхъ, которыя, при первой вѣсти о революціи въ метрополіи, поспѣшили послать увѣреніе, что все, что произошло тутъ, одобряется и тамъ. На-дняхъ въ Мадридѣ происходило многолюдное собраніе подъ предсѣдательствомъ Олозаги, въ которомъ обсуждался вопросъ объ уничтоженіи существующаго еще невольничества въ испанскихъ колоніяхъ. Собраніе постановило сдѣлать правительству предложеніе объ объявленіи свободными, тѣхъ дѣтей, которые родились послѣ 18 сентября 1868 года, т. е. со дня провозглашенія революціи. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что правительство декретируетъ это желаніе испанскаго народа.

Но счастливы были бы народы, если бы въ тѣ великія минуты, когда они чувствуютъ въ себѣ пробужденіе всей своей силы, всей энергіи,— предоставленныя имъ средства отвѣчали бы рѣшимости ихъ уничтожить все старое и создать все новое. На бѣду оно не совсѣмъ такъ. Съ прошедшимъ нельзя разстаться такъ легко, оно опутываетъ народъ,

и долго мѣшаетъ его свободному развитію. Двадцать разъ народъ спотыкается, двадцать разъ падаетъ онъ и снова подымается, прежде чѣмъ удастся ему окончательно разрушить ту стѣну, которая, казалось, должна пасть отъ перваго дуновенія вѣтра свободы. Стѣна, которая защищала въ Испаніи деспотизмъ отъ противоположной ему формы, очень толста, и напрасно сталъ бы обманывать себя народъ, что ему стоитъ только привстать, чтобы враги его скрылись подъ землю: оно далеко не такъ, народъ долженъ отвѣчать и всегда до сихъ поръ отвѣчалъ за всѣ тѣ насилія, совершавшіяся надъ свободнымъ развитіемъ его жизни, которыя онъ безмолвно переносилъ цѣлые вѣка. Нѣтъ ни одной стороны, которая не была бы заражена прошедшимъ Испаніи, все находится въ страшномъ запущеніи и растлѣніи, ко всему почти приходится прилагать героическія средства для исцѣленія. Образованіе, торговля, земледѣліе, промышленность, фабричное производство, все это для своего оживленія потребуетъ слишкомъ значительныхъ средствъ, которыми въ данную минуту Испанія такъ бѣдна. Всѣ источники народнаго богатства были парализованы исчезнувшимъ правительствомъ, такъ что экономическое положеніе страны должно сдѣлаться одною не изъ послѣднихъ заботъ новаго правительства. Состояніе близкое къ голоду въ прошедшемъ году, и страшная засуха нынѣшняго лѣта, служатъ предвозвѣстниками тяжелой зимы, которая, при совершенно пустой казнѣ, оставленной правительствомъ Бурбоновъ, можетъ породить тысячу затрудненій, въ которыхъ новое правительство будетъ ничуть не повинно. Теперь уже въ Мадридѣ число рабочихъ значительно увеличилось, такъ что временное правительство нашло себя вынужденнымъ немедленно начать работы, для доставленія жизненныхъ средствъ рабочимъ, опредѣливъ каждому изъ нихъ по 7½ реаловъ въ сутки. Рядомъ съ этимъ, какъ ни бѣдственно финансовое состояніе страны, оно временно должно будетъ еще ухудшиться, благодаря принятымъ уже мѣрамъ, необходимымъ для лучшаго будущаго, но тяжелымъ для настоящаго, какъ отмѣна нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинъ, пониженіе тарифа, предпринятыя работы въ нѣкоторыхъ городахъ Испаніи, и т. д. и т. д. Правда, благодаря революціи, нѣкоторыя расходныя статьи испанскаго бюджета будутъ значительно облегчены, и теперь уже высчитываютъ тѣ 500 милліоновъ реаловъ, отъ которыхъ избавленъ будетъ народъ, какъ отъ самой непроизводительной платы. Эти 500 милліоновъ шли на всякаго рода пансіоны, и главнымъ образомъ, лицамъ духовнаго вѣдомства, на помощь Риму въ видѣ ежегодныхъ пожертвованій церкви св. Петра и св. Іоанна Латеранскаго, на содержаніе папскаго нунція, на пенсіи тѣмъ монахамъ и монахинямъ, монастыри которыхъ были закрыты и, наконецъ, главнымъ образомъ на значительный liste civile.

Въ виду всѣхъ этихъ трудностей, съ которыми придется скоро бо-

роться, нужно желать—и временное правительство, безъ сомнѣнія, понимаетъ это какъ нельзя лучше—чтобы оно было замѣнено окончательнымъ, прочнымъ порядкомъ, который не далъ бы возможности и времени всѣмъ старымъ, вымершимъ нравственно, но не вымершимъ физически, партіямъ снова подымать свою голову, пытаясь поселять въ странѣ раздоръ и смятеніе. Но самая эта замѣна временного постояннымъ представляетъ, какъ оказывается, вовсе не самое послѣднее изъ затрудненій. Какая форма правленія должна замѣнить собою тотъ абсолютный порядокъ, который нѣсколько вѣковъ уже какъ тяготѣлъ надъ Испаніей? Передовые люди Испаніи, стоящіе во главѣ совершающейся революціи, раздѣляются здѣсь на два лагеря, одинаково готовые жертвовать своимъ убѣжденіемъ для блага націи. На знамени одного изъ нихъ написана конституціонная монархія, на знамени другого: федеральная республика. Защитниками первой являются прогрессисты, приверженцами второй—демократическая партія. Первыя двѣ-три недѣли послѣ сверженія бурбонской династіи, вопросъ о будущей формѣ правленія оставался въ тѣни, никто кажется не желалъ высказывать своего мнѣнія, всѣ довольствовались тѣмъ, что̀ сдѣлано, и на вопросъ—кто замѣнитъ изгнанную Изабеллу, всякій спѣшилъ отвѣчать: это рѣшитъ нація и ея представители—учредительные кортесы. Но тѣ, которые отвѣчали подобнымъ образомъ, забывали, что именно и они составляютъ націю, что если каждый изъ нихъ, взятый въ отдѣльности, не въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ, то не въ состояніи будутъ отвѣтить и учредительные кортесы, которымъ не на кого уже больше ссылаться. Наконецъ, прошли первые часы восторга, и мало-по-малу, очень тихо, но все-таки всѣ стали высказываться. Первый примѣръ подалъ Примъ, написавъ въ одномъ опубликованномъ письмѣ, что, при помощи учредительнаго собранія, онъ надѣется, что Испанія «достигнетъ до обладанія политическаго идеала современной Испаніи, то есть до обладанія настоящей конституціонной монархіи, построенной на самыхъ широкихъ либеральныхъ основаніяхъ, которыя способны только выносить такого рода правительство». За Примомъ слѣдовали и другіе. Высказался въ такомъ же духѣ и Серрано, и Олоцаго и еще нѣкоторые, которыхъ голосъ слышнѣе другихъ. Вслѣдъ за ними стала говорить и пресса; но во всѣхъ журналахъ, чтобы они ни защищали—монархію или республику, общій тонъ крайне умѣренъ, они разсуждаютъ объ этомъ вопросѣ безъ слѣпой страсти, безъ ожесточенія, какъ это всегда дѣлали ихъ сосѣди, заканчивая каждый разъ словами: мы подчинимся волѣ націи! Эти же самыя слова произносятся и предводителями революціи, которые въ дѣлахъ своихъ уже не разъ говорили: мы защищаемъ конституціонную монархію, мы находимъ, что она имѣетъ больше корней, больше задатковъ въ странѣ;

но если нація рѣшитъ иначе, если она выскажется за республику, мы, забывъ наше первое убѣжденіе, будемъ трудиться для ея торжества.

Мы не станемъ дѣлать никакихъ соображеній относительно того вопроса, какой кандидатъ имѣетъ болѣе шансовъ, какой имѣетъ менѣе, какой совсѣмъ не имѣетъ, потому что подобныя соображенія въ настоящемъ случаѣ были бы совершенно безплодны, да притомъ строго говоря, даже мало и интереса кто войдетъ на престолъ, такой принцъ или другой, разъ, что существуетъ увѣренность, что если и будетъ уже монархія, то она будетъ строго конституціонная, въ смыслѣ монархіи англійской или даже итальянской, но никакъ ни въ какомъ другомъ. Изъ всѣхъ выставленныхъ кандидатовъ, начиная съ одиннадцатилѣтняго сына Изабеллы II, принца астурійскаго, молодого Донъ-Карлоса, герцога Монпансье, орлеанскаго принца, Альфреда англійскаго, принца Амедея итальянскаго, принца Наполеона французскаго, серьезнаго вниманія заслуживаетъ одна только кандидатура— именно короля португальскаго или отца его Фердинанда. Португальская кандидатура заслуживаетъ, разумѣется, вниманія, не потому, что тотъ или другой изъ португальскихъ принцовъ пользуется извѣстными качествами и добродѣтелями, а только потому, что съ именемъ, какъ короля португальскаго Дона-Луи, такъ и съ именемъ Дона-Фердинанда соединяется серьезная идея, именно сліянія Испаніи съ Португаліей, идея иберійскаго единства.

Всѣ европейскія правительства, одни выражая искреннюю радость и сочувствіе случившемуся перевороту, другіе скрывая тщательно свою злобу, ожесточеніе и страхъ передъ революціоннымъ движеніемъ испанскаго народа, громко проповѣдуютъ въ одинъ голосъ полное невмѣшательство во внутреннія дѣла Испаніи.

Нельзя не признать, что значительный прогрессъ сдѣланъ въ послѣднія нѣсколько лѣтъ въ международныхъ отношеніяхъ. Верховная власть цѣлаго народа стала повсемѣстно признаваться, и никто болѣе не рискуетъ утверждать, или оспаривать, чтобы онъ не имѣлъ права устроивать свои внутреннія дѣла такъ, какъ ему кажется лучше. Случись испанская революція нѣсколько лѣтъ тому назадъ, кто знаетъ, какъ бы отвѣтили абсолютныя правительства на крикъ народа: долой Бурбоновъ! кто можетъ отвѣчать, что на поляхъ Андалузіи или Каталоніи не были бы пролиты цѣлыя рѣки крови за народную независимость, за право націи рѣшать свою участь по своему произволу. Цѣлые года прошли бы прежде, чѣмъ новый порядокъ вещей былъ бы признанъ другими правительствами, и то послѣ тысячи всевозможныхъ дипломатическихъ усилій и уловокъ.

Самая близкая къ Испаніи держава — Франція, и потому правительство ея, разсчитывавшее на тѣсную связь съ собою Бурбоновъ, естественно, опечалено ихъ изгнаніемъ. Оффиціальные органы, какъ

ни стараются скрыть свое озлобленіе, не могутъ не быть въ негодованіи при видѣ революціи, затронувшей нѣкоторыя политическія комбинаціи владыки Франціи. Помимо же оказанной ею помѣхи, правительственныя лица во Франціи, долгимъ опытомъ убѣдившіяся въ легкомысліи французскаго народа и въ его необычайной подвижности, не могутъ смотрѣть спокойно на революцію испанцевъ, которая служитъ самымъ горькимъ упрекомъ французской націи, и разумѣется, опасаются заразительности этой повальной болѣзни.

Рядомъ съ оффиціальною прессою стоитъ тутъ и клерикальная, съ которою сдѣлались отчаянныя судороги при первомъ слухѣ о революціи въ католической Испаніи, и о крушеніи того трона, который такъ недавно еще заслужилъ отъ папы золотую розу, какъ символъ невинности. На помощь, на помощь! кричала она Наполеону III, и требовала отъ него, чтобы онъ далъ новую Ментану.

Италія представляетъ картину совершенно противоположную Франціи; тутъ, начиная отъ самыхъ радикальныхъ органовъ и до самыхъ оффиціальныхъ, всѣ поютъ въ одинъ голосъ, торжествуя испанскую революцію. Юная Италія какъ нельзя лучше понимаетъ, что съ паденіемъ Бурбоновъ у нея сдѣлалось однимъ старымъ врагомъ меньше, и что въ обновленной Испаніи она найдетъ себѣ, вмѣсто вражды, дружбу и опору противъ тѣхъ, которые препятствуютъ довершенію ея единства. Насколько французское императорское правительство потеряло, настолько же выигралъ итальянскій народъ; какъ прежде Испаніею стращали итальянское правительство, такъ это послѣднее можетъ стращать теперь французское. Точно такую же радость, какъ и Италія, испытываетъ и Пруссія, на которой, какъ часто утверждаетъ она сама, лежитъ святая миссія объединенія Германіи. Испанскія дѣла направили вниманіе ея недоброжелателей въ другую сторону и служатъ ей ручательствомъ, что Франція, имѣя въ своемъ тылу испанскую революцію, не посмѣетъ начать противъ нея наступательной войны. Испанія развязываетъ ей руки въ ея южно-германской политикѣ, какъ же не радоваться ей изгнанію Изабеллы.

Англія, вся поглощенная своими внутренними дѣлами, предстоящими выборами, съ жаромъ слѣдящая за каждымъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Дизраэли или Гладстона, только урывками отвлекаетъ свое вниманіе отъ краснорѣчивыхъ рѣчей главы оппозиціи, увлекающаго Англію на рѣшительный и самый прямой путь къ господству демократіи, тѣмъ не менѣе посылаетъ свой привѣтъ Испаніи, даже въ знакъ искренней дружбы предлагаетъ ей одного изъ своихъ принцевъ — подарокъ, отъ котораго Испанія вѣроятно убережется.

Если Англія настолько поглощена своими дѣлами, что ей некогда какъ слѣдуетъ слѣдить за Испаніей, то, что же сказать про Австрію, на которую снова стали рушиться одна бѣда за другою. Она можетъ

быть и не слышала, что̀ произошло на Пиринейскомъ полуостровѣ, до такой степени ее оглушили удары, направленные на нее поляками и чехами. Отъ этихъ ударовъ у нея потемнѣло въ глазахъ, и она, можетъ быть, не прійдя еще въ сознаніе, рѣшилась на печальную всегда мѣру, какими бы обстоятельствами она ни была вызвана—на объявленіе осаднаго положенія Праги и ея окрестностей. Она не подаетъ своего голоса въ испанскихъ дѣлахъ, на рукахъ у нея слишкомъ много своихъ заботъ; прошло навсегда то время, когда Испанія и Австрія были соединены почти одною короною, прошло и то время, когда Австрія могла еще претендовать давать Испаніи въ короли своихъ герцоговъ. Австрія стоитъ теперь въ сторонѣ отъ движенія въ Испаніи, она почти не касается ее.

Есть еще одна страна, которая далеко стоитъ отъ Испаніи, страна, которая въ эту минуту страдаетъ самою страшною политическою горячкою, обуреваемая страстями двухъ противоположныхъ партій, но которая, не смотря на это, благодаря своимъ учрежденіямъ, политическому устройству, все-таки возвышается надъ старою Европою, и въ испанскомъ вопросѣ, какъ и во всякомъ другомъ, спѣшитъ дать ей урокъ и вмѣстѣ примѣръ. Мы разумѣемъ оффиціальное уже признаніе новаго правительства въ Испаніи Сѣверо-Американскими Штатами, которые, надо надѣяться, скоро возвѣстятъ намъ о торжествѣ генерала Гранта надъ Симуромъ,—въ этомъ спорѣ о президентствѣ между республиканскою партіею и прикрывающеюся либерализмомъ партіею рабовладѣльцевъ. Примѣръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, повидимому, не остался безъ вліянія: если вѣрить частнымъ извѣстіямъ иностранной прессы, то признаніе новаго правительства въ Испаніи Франціею, Англіею, Португаліею и Голландіею—есть уже совершившійся фактъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

10 (22) сентября*).

Въ одной изъ знаменитыхъ драмъ Карла Гуцкова: «Uriel Acosta», которая, появясь на сцену лѣтъ 25 (въ 1842 г.) тому назадъ, быстро обошла всѣ театры Германіи, вездѣ удовлетворяя, по своимъ просвѣ-

*) Мы должны извиниться передъ нашимъ почтеннымъ кореспондентомъ, что его статья, отправленная изъ Берлина 10 сентября, для октябрьской книги, печатается только въ ноябрьской. Но это одинъ изъ случаевъ, вполнѣ независящихъ отъ насъ. Мы, въ свое оправданіе, можемъ сохранить у себя одну обертку посылки съ почтовыми штемпелями, откуда явствуетъ, что рукопись, пересланная страховымъ письмомъ, была

тительнымъ и либеральнымъ стремленіямъ, тогдашнему настроенію общества, да и теперь, держась въ репертуарѣ до настоящаго времени—что служитъ превосходнымъ доказательствомъ ея художественнаго достоинства, — въ этой драмѣ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ, раввинъ Бенъ-Акиба, выражалъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, весь результатъ своей жизненной мудрости въ двухъ—трехъ словахъ: «Все это бывало и прежде». Эти слова стали съ тѣхъ поръ общимъ достояніемъ всей нѣмецкой націи, и нѣмцы до того часто употребляли ихъ впродолженіи слишкомъ 25-ти лѣтъ, что еслибъ каждый давалъ поэту по грошу за каждое пользованіе этою фразою, то Гуцковъ былъ бы теперь не сѣдымъ нѣмецкимъ поэтомъ въ бѣдности, а могъ бы самъ снисходительно смотрѣть даже на Ротшильда. Но, если подобная фраза пріобрѣтаетъ столь обширную и продолжительную популярность, то, значитъ, это—полновѣсная фраза, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она дѣйствительно соотвѣтствуетъ духу и характеру своего времени. Философическое смиреніе, въ ней заключающееся и напоминающее намъ о вѣчномъ круговоротѣ вещей, дѣйствительно соотвѣтствуетъ всего лучше, какъ успокоивающее и уравновѣшивающее средство, временамъ безпокойнымъ и бурнымъ. Если не всякому человѣку удавалось нападать на такія оригинальныя фразы, какъ поговорка раввина Бена-Акибы, то все-таки всякій можетъ вывесть изъ опыта своей жизни какое-нибудь правило, которое онъ считаетъ важнѣе и выше всѣхъ другихъ. «Греческіе мудрецы» тоже избирали по одному правилу; извѣстныхъ правилъ или девизовъ держались и средневѣковые рыцари; несомнѣнно, что и мудрецы и рыцари находили въ этихъ правилахъ твердую точку опоры относительно всего, что ихъ окружало, ихъ мѣрило, подъ которое они подводили всякій предметъ. При нѣкоторомъ упражненіи, человѣкъ легко доходитъ до того, что ему ничего не значитъ перешагнуть разомъ черезъ нѣсколько посредствующихъ звеньевъ, лишь бы воскликнуть съ торжествомъ: «что и требовалось доказать»! Если спросить теперь того, кто лѣтъ 20-ть наблюдаетъ надъ современною политическою и государственною жизнью, какое

принята Берлинскимъ почтамтомъ *10 сентября* (22 нов. ст.), помѣчена полученною въ С.-Петербургскомъ почтамтѣ *23 сентября* (!), и слѣдовательно могла попасть въ руки редакціи не ранѣе 25 сентября. Однимъ словомъ, страховое письмо шло *отъ Берлина до Петербурга* почти *двѣ недѣли*, не смотря на то, что почтовое разстояніе между этими городами не достигаетъ и двухъ сутокъ. Около 25-го числа печатаніе книгъ журнала всегда приходитъ уже къ окончанію, а потому настоящая корреспонденція по необходимости является мѣсяцемъ позже. Какимъ образомъ, при существованіи желѣзной дороги, Берлинъ иногда такъ далеко уходитъ отъ насъ, мы не можемъ себѣ объяснить, какъ мы не можемъ себѣ объяснить и многое другое; напр., почему удвоеніе платы за пересылки русскихъ журналовъ, 1869 года, совпадаетъ у насъ именно съ чрезвычайнымъ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ? — *Ред.*

онъ можетъ вывести послѣднее заключеніе относительно ея, то, безъ сомнѣнія, мы услышимъ, что самымъ выдающимся качествомъ послѣдняго періода является его забывчивость. Карлъ Фогтъ, въ своихъ лекціяхъ, никогда не упускаетъ случая упомянуть о томъ фактѣ (справедливомъ или нѣтъ—не знаю), что измѣреніе череповъ, собранныхъ съ тѣхъ старыхъ кладбищъ въ Парижѣ, на которыхъ, какъ извѣстно, хоронили однихъ лишь знатныхъ людей, доказало, что тогдашнее поколѣніе людей обладало меньшими мозгами, чѣмъ нынѣшнее, или, какъ онъ самъ выразительно восклицаетъ: «что бароны XII-го столѣтія имѣли меньше мозга, чѣмъ буржуа XIX-го вѣка». Но если мозгъ человѣческій дѣйствительно увеличился въ объемѣ, онъ могъ, однако, увеличиться не въ той мѣрѣ, насколько бы слѣдовало, судя по увеличившимся до крайней степени потребностямъ. При современномъ положеніи вещей и настроеніи людей, всякій *девизъ* имѣетъ непреодолимую силу до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ изъ моды, то-есть, пока не замѣнится другимъ. Девизомъ настоящаго времени служитъ: *самоуправленіе!* Когда, два мѣсяца тому назадъ, я писалъ вамъ на эту же тему, но въ примѣненіи лишь къ управленію въ городахъ,—въ то время замѣтны были только предвѣстники того движенія, которое совершается теперь по всей Пруссіи. Всѣ кричатъ о самоуправленіи. Оно должно стать панацеею противъ всѣхъ политическихъ бѣдствій и затрудненій, оно должно разомъ и навсегда устранить всѣ политическіе споры, возбуждавшіе одну партію противъ другой и безполезные для государства; оно должно создать ту основу для внутренняго развитія государства, мѣсто для которой подготовлено и расчищено событіями 1866 года. О самоуправленіи мечтаетъ консерваторъ, и самоуправленія же требуетъ либералъ. Всѣ дѣйствуютъ и говорятъ теперь такъ, какъ будто дѣло идетъ о какомъ-то новомъ открытіи, какъ будто всѣ они забыли, что споръ между бюрократіею и самоуправленіемъ длится съ самаго начала прусской исторіи, и что прогрессъ Пруссіи обусловливался то посредствомъ бюрократіи, то посредствомъ самодѣятельности народа. Въ соединеніи и правильномъ уравновѣшиваніи этихъ обѣихъ силъ и лежитъ будущность крупныхъ цивилизованныхъ государствъ, всякое же одностороннее развитіе котораго либо изъ этихъ элементовъ, какіе бы блестящіе результаты оно ни дало въ первое время своего преобразованія, всегда поведетъ за собою реакцію.

Не трудно объяснить, откуда взялось настоящее настроеніе въ Германіи. Всѣ кричатъ о самоуправленіи не оттого, однако, что въ нынѣшней Пруссіи ощутительно стало излишнее преобладаніе бюрократіи, а оттого, что результаты историческихъ изслѣдованій объ Англіи и Франціи проникаютъ въ общество все шире и глубже. Относительно Англіи, несомнѣнно высокое значеніе ея самоуправленія доказано Гнейстомъ до того убѣдительно, что за величіемъ этого самоуправле-

нія несправедливо стушевалось важное значеніе *политическихъ* учрежденій Англіи. Относительно Франціи, лучшіе изъ молодыхъ писателей единодушно утверждаютъ, что ее можетъ спасти не политическая революція, но лишь ограниченіе централизаціи, разросшейся до невѣроятныхъ размѣровъ. Извѣстный историкъ Трейчке (Treitschke) изобразилъ, въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Preussische Jahrbücher», необыкновенно оживленную картину этой централизаціи и направленнаго противъ нея движенія. Онъ увѣряетъ, что переходъ къ парламентарному образу правленія во Франціи былъ бы въ настоящее время шагомъ назадъ. Неволя Франціи была бы только закрѣплена парламентомъ. Во всѣхъ своихъ политическихъ переворотахъ, французское государство двигалось въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ, выходъ изъ котораго возможенъ лишь путемъ преобразованій, идущихъ снизу. Мысль о самоуправленіи подвергалась осмѣянію, какъ химера, даже во время іюльской монархіи; теперь, напротивъ, децентрализація стала уже лозунгомъ громадной школы публицистовъ. Подъ вліяніемъ централизаціи вся жизнь тянется въ столицу, которая несоразмѣрно растетъ насчетъ провинцій. Въ департаментѣ Сены издерживается цѣлая треть государственныхъ доходовъ. Вся сѣть желѣзныхъ дорогъ въ государствѣ создана главнымъ образомъ для Парижа; одинъ взглядъ на карту желѣзныхъ дорогъ во Франціи лишаетъ бюрократію возможности представить себѣ такого француза, который не могъ бы побывать въ Парижѣ. Здѣсь нѣтъ политической аристократіи, пользующейся уваженіемъ въ народѣ; генеральные совѣты департаментовъ имѣютъ право налагать, для покрытія мѣстныхъ нуждъ, не болѣе четырехъ процентовъ, общинные совѣты въ городахъ и селахъ засѣдаютъ не гласно и могутъ быть уничтожены или распущены правительствомъ во всякую данную минуту. Во французскомъ среднемъ сословіи нѣтъ твердой воли и серьезнаго желанія управлять своими общественными дѣлами. Всѣ они гонятся лишь за ленточкою почетнаго легіона, жалованьемъ въ разныхъ вѣдомствахъ; всѣ бѣгутъ прочь отъ почетныхъ должностей въ судѣ присяжныхъ, національной гвардіи, общинахъ. Но самымъ сильнымъ препятствіемъ къ самоуправленію во Франціи служитъ господство четвертаго сословія. Демократизованныя массы рѣдко цѣнятъ общинную свободу, все участіе ихъ въ которой проявляется лишь мимолетно, во время общихъ выборовъ, — обыкновенно онѣ повинуются гораздо охотнѣе наемнымъ чиновникамъ, которые находятся, повидимому, внѣ сословныхъ распрей, чѣмъ почетному чиновнику изъ имущихъ классовъ. Трейчке полагаетъ поэтому, весьма справедливо, что объ уничтоженіи бюрократической системы во Франціи и думать нечего, и что нужно лишь постараться объ ограниченіи ея всемогущества. Самоуправленіе нельзя ввести однимъ почеркомъ пера; тамъ, гдѣ оно въ духѣ народа, истребить его можно лишь мало-по-

малу,—также точно, гдѣ оно не въ духѣ народа, войти въ него оно можетъ лишь шагъ за шагомъ. Въ политикѣ теперь, какъ въ естественныхъ наукахъ, пріобрѣло право гражданства то основное положеніе, что формализмъ законовъ противорѣчитъ всякому развитію. Теперь мы понимаемъ уже, что нельзя обходиться ни съ отдѣльными личностями ни съ народомъ по разъ заведенному порядку, что, напротивъ, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ желаютъ достигнуть какого-нибудь успѣха необходимо разъяснить и оцѣнить по достоинству особенныя свойства лицъ или народа. Нѣтъ ничего ни безусловно хорошаго, ни безусловно безполезнаго. Въ каждомъ человѣческомъ учрежденіи есть свои преимущества и недостатки, и приверженность къ первымъ не должна, въ нашихъ глазахъ, замѣнять собою послѣднихъ. Это можно сказать и о двухъ главныхъ системахъ управленія, а именно, бюрократической и коллегіальной.

Обѣ системы имѣютъ своихъ защитниковъ и противниковъ. Коллегіальная система, говоритъ Пёцль (Pözl), представляетъ прежде всего то преимущество надъ бюрократическою, при всѣхъ другихъ равныхъ обстоятельствахъ, что данный предметъ обсуждается ею многостороннѣе и приводится въ дѣйствіе, поэтому, основательнѣе. Другое преимущество ея заключается въ томъ, что дѣятельность отдѣльнаго чиновника, какъ члена коллегіи, подлежитъ здѣсь, по самой природѣ вещей, болѣе дѣйствительному контролю, что произволъ его или пристрастіе заключено въ болѣе узкую рамку, и что, наконецъ, неспособность лицъ не можетъ принести такого огромнаго вреда, какъ тамъ, гдѣ оно облечено исключительною властью. Далѣе, и самыя рѣшенія одного и того же бюро въ коллегіальной системѣ, по одинаковымъ дѣламъ, не могутъ быть столь противорѣчивыми, какъ случается въ бюрократической системѣ, гдѣ при каждой смѣнѣ чиновника является возможность и новаго способа веденія дѣлъ; въ коллегіи развиваются и поддерживаются преданія. Но вмѣстѣ съ этимъ преимуществомъ, въ коллегіальной системѣ есть немало важныхъ недостатковъ. Изъ нихъ прежде всего бросается въ глаза замедленіе хода дѣлъ,—коллегія всегда препятствуетъ быстрому и энергическому исполненію дѣлъ. Она ослабляетъ, сверхъ того, отвѣтственность отдѣльныхъ чиновниковъ, а это значительно вредитъ дѣятельности самого учрежденія, такъ какъ общая отвѣтственность со многими другими лицами далеко не служитъ такимъ импульсомъ къ дѣятельности, какъ отвѣтственность личная. Наконецъ, при коллегіальной системѣ, на производство всякаго дѣла тратится гораздо больше времени и силъ, чѣмъ это въ дѣйствительности нужно, и она, поэтому, оказывается дороже системы личнаго чиновничества. Обыкновенно господствующая правительствующая система опредѣляется духомъ и сущностью государственнаго уложенія, при чемъ коллегіальная система идетъ всегда объ руку

съ представительными политическими учрежденіями, а бюрократическая связана съ самодержавнымъ началомъ,—Велькеръ различаетъ, поэтому представительную коллегіальную систему отъ самодержавно-бюрократической. Въ Германіи, съ древнѣйшихъ временъ, преобладаетъ представительно-коллегіяльная система, господствующая въ Англіи до настоящаго времени; всѣ ограниченія ея въ Германіи состоялись отчасти подъ вліяніемъ римскаго права и воспитанныхъ на этомъ правѣ юристовъ, но еще болѣе, вслѣдствіе превращенія средневѣковаго государства въ новѣйшее, что́ произошло въ теченіи XVIII вѣка. Недостатокъ средневѣковаго государства заключался въ томъ, что тогда *правили слишкомъ мало*; въ новомъ государствѣ правятъ не мало, но *слишкомъ много*, и въ него прокрадываются, поэтому, всѣ дурныя стороны бюрократіи. Какъ во всякомъ сложномъ веденіи дѣлъ въ частной жизни, такъ и въ управленіи государствомъ, говоритъ одинъ изъ умѣреннѣйшихъ критиковъ, Братеръ, необходимо соблюдать опредѣленныя формальности. Но бюрократія отличается отъ *здраваго* порядка вещей лишь тѣмъ, что въ ней дѣло приносится въ жертву формѣ, и форма считается сама по себѣ дѣломъ, между тѣмъ, какъ въ послѣднемъ дѣлу всегда придаютъ его настоящее значеніе и соблюдаютъ форму лишь для пользы дѣла. Извѣстный юристъ Пухта разсказываетъ, въ своей автобіографіи, слѣдующее происшествіе въ Анспахѣ, во время управленія маркграфа бранденбургскаго, весьма хорошо характеризующее то, что́ слѣдуетъ разумѣть подъ здравымъ бюрократическимъ порядкомъ вещей. Правительственному совѣтнику, назначенному для испытанія юридическихъ кандидатовъ, пришлось экзаменовать молодого человѣка, пользовавшагося хорошею репутаціею въ наукахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне робкаго и застѣнчиваго. Когда этотъ кандидатъ посѣтилъ совѣтника, за день до экзамена, экзаменаторъ вступилъ съ юношею въ дружескую бесѣду о личныхъ отношеніяхъ молодого человѣка и сталъ распрашивать о ходѣ его частныхъ занятій, отъ которыхъ они незамѣтно перешли, при помощи разсказовъ экзаменатора о своей собственной университетской жизни, къ преніямъ объ отдѣльныхъ предметахъ права и о юридическихъ наукахъ вообще. Кандидатъ давалъ отвѣты довѣрчиво и рѣшительно, и разговоръ между нимъ и совѣтникомъ продолжался до тѣхъ поръ, пока послѣдній, наконецъ, не замѣтилъ, къ крайнему изумленію молодого человѣка, что экзаменъ уже оконченъ и притомъ весьма благополучно. Въ бюрократическихъ учрежденіяхъ нынѣшняго управленія подобныя уклоненія отъ формы (чѣмъ, впрочемъ, можно было и злоупотреблять) не имѣютъ мѣста.

Когда бюрократическое управленіе встрѣчается съ сопротивленіемъ, противодѣйствующимъ давленію его излишне-правительствующей дѣятельности, то оно стремится разбить это сопротивленіе тѣмъ, что на-

чинаетъ править *еще больше.* Когда оно старается усовершенствовать свои учрежденія, то весь прогрессъ его заключается въ усиленіи формальной службы. Когда чиновники утомляются подъ давленіемъ этихъ усиленныхъ требованій, то оно стремится достигнуть своего путемъ многочисленныхъ контролей, и тѣмъ подымаетъ свои требованія еще выше. Вторымъ признакомъ бюрократіи служитъ кастовое отчужденіе отъ гражданскаго общества. Государство привлекаетъ къ себѣ чиновниковъ отовсюду, изъ всѣхъ состояній и сословій; оно даетъ одни и тѣ же мѣста всѣмъ сыновьямъ дворянъ, разночинцевъ и крестьянъ. При здравомъ порядкѣ вещей, это обстоятельство облегчаетъ чиновникамъ исполненіе ихъ обязанностей, такъ какъ имъ легко тогда удовлетворять просьбамъ людей всѣхъ сословій. Другое дѣло бываетъ при господствѣ бюрократическаго духа; чиновникъ-бюрократъ считаетъ себя особымъ сословіемъ, поставленнымъ внѣ остальнаго общества и не имѣющаго съ другими сословіями никакихъ равныхъ интересовъ, и у него нѣтъ, поэтому, и стремленія служить ихъ общему благу, — между нимъ и остальнымъ обществомъ невозможна тогда ни малѣйшая естественная связь.

Весьма остроумное сужденіе о бюрократіи и о средствахъ, необходимыхъ для уничтоженія ея недостатковъ, высказано было еще въ 1848 году, то-есть, прежде обнародованія замѣчательныхъ, по своимъ руководящимъ, свѣтлымъ идеямъ изученій Гнейста, о конституціи и самоуправленіи въ Англіи; — я говорю о сочиненіи Фридриха Ромера (Rohmer): «Deutschlands alte und neue Bureaucratie» (старая и новая бюрократія въ Германіи). Бюрократія, говоритъ этотъ писатель, только тогда достигнетъ полнаго господства, когда во главѣ управленія будутъ находиться или личности, ей самой принадлежащія, или чиновники безъ всякихъ государственныхъ способностей, и готовые терпѣть ее. Господство бюрократіи невозможно прервать посредствомъ тѣхъ или другихъ преобразованій существующихъ учрежденій, такъ какъ всѣ новыя учрежденія, вошедшія въ жизнь при бюрократическомъ строѣ государства, сами тотчасъ становятся бюрократическими. Даже самыя широкія конституціонныя гарантіи подлежатъ той же участи, такъ какъ ни одно конституціонное собраніе не можетъ ни управлять само по себѣ, ни господствовать надъ духомъ управленія. Это зло можетъ быть ослаблено посредствомъ ограниченія государственной власти кругомъ такихъ отправленій, которыя дѣйствительно подлежатъ ея вѣдѣнію, и установленіемъ той доли самоуправленія, которая соотвѣтствуетъ данной степени просвѣщенія народа. Освободить государственную жизнь вполнѣ отъ бюрократіи возможно при всякомъ образѣ правленія, но не иначе, какъ посредствомъ передачи высшаго управленія въ руки государственныхъ людей, ибо такая верховная власть *уничтожаетъ* бюрократію, *подымая* значеніе человѣка. Когда государ-

ственные люди стоятъ у кормила правленія, тогда чиновникъ пріобрѣтаетъ то, чего никогда не даетъ бюрократія,—то-есть, увѣренность въ томъ, что все способное можетъ достигнуть принадлежащаго ему мѣста, и что есть возможность излагать правду высшему начальству и даже разсчитывать на его сочувствіе. Чиновникъ знаетъ тогда, что онъ дѣйствительно полезное лицо, что онъ не осужденъ уже на работу Данаидъ переливать безконечные потоки чернилъ черезъ слои безжизненныхъ резолюцій, но что его труды дѣйствительно достигаютъ цѣли и приносятъ пользу обществу.

Въ этомъ взглядѣ на бюрократію, среди большой правды есть и ложное. Учрежденіе, требующее для хорошаго отправленія своихъ обязанностей, чтобы во главѣ его находился государственный человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—такое учрежденіе, само по себѣ, негодно, такъ какъ въ дѣйствительности мы можемъ разсчитывать лишь на людей съ средними способностями. Если же требуется непремѣнно геній, то за эпохою блеска и совершенства послѣдуетъ неизбѣжно эпоха упадка. Однимъ изъ неоспоримыхъ примѣровъ этого рода представляется эпоха Фридриха Великаго, такъ какъ подъ его руководствомъ прусское уложеніе и управленіе (онъ стоялъ во главѣ обоихъ) стали въ Европѣ образцовыми; но исчезъ *его духъ*, и все образцовое оказалось до того слабымъ и жалкимъ, что, впродолженіи одного поколѣнія послѣ смерти великаго короля, все его государство вполнѣ *сгнило*.

Есть еще другія средства устранить бюрократическій духъ, въ злѣйшемъ смыслѣ этого слова, изъ чиновническаго быта. Во-первыхъ, увѣренность въ прочности своего положенія;—она возбуждаетъ въ человѣкѣ такое чувство чести, которое отзывается весьма выгодно на всякомъ званіи. Съ окончанія войны за освобожденіе и до 1848 года, впродолженіи тѣхъ 30-ти лѣтъ, чиновничество въ Пруссіи было—все. Даже армія, которая положительно занимала первое мѣсто, отступила назадъ передъ чиновничествомъ. Чиновникъ считалъ себя первою властью въ государствѣ, и сословное чувство развилось въ немъ до крайности. Получая умѣренное жалованье (которое удовлетворяло въ тѣ времена лучше нынѣшняго повышеннаго жалованья, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ повышеніемъ повысилась цѣнность денегъ), чиновникъ находилъ утѣшеніе во внѣшнемъ почетномъ положеніи. Большинство чиновниковъ было далеко не раболѣпно; всѣ они трудились изъ уваженія къ своему званію. Матеріалистическій духъ былъ тогда еще мало распространенъ въ Пруссіи. Погоня за богатствомъ еще не начиналась; нынѣшнее искусство набивать карманы относится къ тогдашнему, такъ какъ желѣзно-дорожное сообщеніе къ почтовому доброго стараго времени. Еще съ тѣхъ поръ чиновничество питаетъ глубокое отвращеніе къ военному сословію. Долгій миръ заставилъ

забыть, на что необходима армія; чиновники считали ее совершенно безполезнымъ бременемъ, и дай имъ полную волю, они отмѣнили бы ее окончательно. Но наступилъ 1848 годъ, когда сложилась поговорка: «противъ демократовъ помогутъ лишь солдаты»—«Gegen Democraten—helfen nur Soldaten!» Революція была быстро подавлена, но миръ въ Европѣ возстановленъ не былъ; армія все увеличивалась, да увеличивалась—чиновники почувствовали себя, наконецъ, обиженными и бросились отчасти въ оппозицію, между тѣмъ какъ правительство, чтобы уничтожить эту оппозицію, прибѣгло къ цѣлому ряду мѣръ, посредствомъ которыхъ независимость и самостоятельность чиновничества подверглась разрушенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезло и главнѣйшее преимущество прежняго чиновничества — его энергическое сословное чувство чести.

Въ вышеприведенномъ опредѣленіи Ромера было упомянуто, что бюрократія только тогда достигаетъ господства, когда во главѣ управленія находится лицо, ей самой принадлежащее. Въ Англіи этого никогда не бываетъ, такъ какъ тамъ министры почти никогда не бываютъ спеціалистами въ дѣлахъ государственнаго управленія. Одинъ лишь лордъ-канцлеръ, который избирается обыкновенно изъ числа знаменитыхъ юристовъ, составляетъ исключеніе изъ этого правила. Другія вѣдомства поручаются лицамъ, заслужившимъ министерское мѣсто своими рѣчами въ парламентѣ. Эти начальники должны, поэтому, предоставить дѣйствительное управленіе дѣлами своимъ секретарямъ и другимъ постояннымъ чиновникамъ. Сами они заняли лишь руководящія положенія по дѣламъ управленія. Такимъ образомъ, рутина управленія никогда не нарушается въ Англіи; даже перемѣна партій въ кабинетѣ тоже не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на управляющихъ чиновниковъ. Съ замѣною одного министерства другимъ, на это послѣднее переходитъ лишь право замѣщать вакантныя должности, потому что всѣ политическія партіи въ Англіи питаютъ столь глубокое уваженіе къ потребностямъ управленія, что не прибѣгаютъ къ смѣнѣ чиновниковъ изъ-за личныхъ политическихъ убѣжденій, какъ это постоянно случается въ Соединенныхъ Штатахъ, къ крайнему вреду для государства. Относительно политическихъ партій, англійскую правительственную машину—говоритъ Фишель — слѣдуетъ представлять себѣ въ видѣ твердаго, мѣднаго пьедестала, на который можно ставить того или другого руководствующаго министра.

Въ нынѣшнемъ прусскомъ министерствѣ существуетъ отчасти такое же отношеніе, и графъ Бисмаркъ лично склоняется въ пользу англійскаго порядка вещей. Такъ какъ онъ вообще стремится къ тому, чтобы вызвать аристократію къ политической жизни, то онъ не можетъ не находить удобнымъ такого положенія кабинета, при которомъ министры вступали бы въ свои мѣста прямо съ парламентскихъ

скамеекъ. Онъ уже не разъ отпускалъ въ парламентѣ ядовитыя остроты насчетъ «тайныхъ совѣтниковъ» въ министерствахъ; между тѣмъ, эти совѣтники и составляютъ, какъ здѣсь, въ Берлинѣ, такъ и вездѣ, верхушку того твердаго пьедестала управленія, о которомъ сказано выше, и который въ большей или меньшей степени существуетъ повсюду. Самъ Бисмаркъ, какъ извѣстно, не продѣлывалъ чиновничьей карьеры, а министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ, столь мало знакомъ съ порядкомъ государственнаго управленія, что, разговаривая однажды, спустя долгое время послѣ вступленія въ министерство, съ предсѣдателемъ депутатовъ города Берлина, спросилъ его, большое ли получаетъ онъ жалованье. Онъ не зналъ даже того, что все городское представительство состоитъ изъ почетныхъ, неоплачиваемыхъ должностей!

Какъ бы то ни было, положеніе всего чиновничества въ государствѣ опредѣляется рѣшительнымъ образомъ двумя пунктами; во-первыхъ, объемомъ его отправленій, предѣломъ которыхъ должно служить самоуправленіе, и во-вторыхъ, прочностью положенія каждаго чиновника въ отдѣльности.

Поговорю сперва о первомъ пунктѣ. Такъ какъ въ прусскомъ законодательствѣ различіе между юстиціею и администраціею проведено довольно строго, то и различіе между судейскими и не-судейскими чиновниками почти становится принципіознымъ и рѣшительнымъ. Независимость судовъ требуетъ, чтобы администрація не имѣла на судейское сословіе такого сильнаго вліянія, какимъ пользуется она относительно другихъ чиновниковъ. Ибо независимость судовъ обусловливается не только исключеніемъ всякаго непосредственнаго вмѣшательства государства, особенно въ образѣ кабинетной юстиціи, въ отправленіи правосудія, но и тѣмъ еще, чтобы положеніе судьи было обезпечено противъ всякаго внѣшняго произвола. Поэтому-то прусское законодательство опредѣляетъ, что судьи должны назначаться пожизненно и могутъ быть удалены съ своихъ мѣстъ не иначе, какъ по судебному приговору, основанія котораго предусмотрѣны закономъ; даже временное удаленіе отъ должности или недобровольное перемѣщеніе на другую должность совершаются тоже не иначе, какъ по судебному приговору. Съ другой стороны, надъ не-судейскимъ чиновникомъ тяготѣетъ весьма значительная дисциплинарная власть правительства. Дисциплинарный законъ 21 іюля 1852 года опредѣляетъ, что погрѣшностями по службѣ слѣдуетъ считать неисполненіе обязанностей, возложенныхъ на чиновника его мѣстомъ, и такое поведеніе во время или внѣ службы, которое унижаетъ достоинство того довѣрія, уваженія и почтенія, которыя присвоены чиновническому званію. Это опредѣленіе, которое съ перваго взгляда можетъ показаться весьма благоразумнымъ и справедливымъ, сдѣлалось источникомъ обширнаго

политическаго преслѣдованія противъ всѣхъ почему-либо непріятныхъ правительству чиновниковъ, ибо его истолковали такимъ образомъ, что всякое оппозиціонное дѣйствіе чиновника противъ существующаго въ данное время министерства унижаетъ достоинство чиновника и лишаетъ его того почтенія, уваженія и довѣрія, которыя ему необходимы для исполненія обязанностей своего призванія. Подобное истолкованіе было бы, во всякомъ случаѣ, невозможно, еслибы законъ не сдѣлалъ просителя и судьею своего собственнаго дѣла. Дисциплинарный процессъ ведется сперва или въ провинціальныхъ вѣдомствахъ, къ которымъ причисленъ обвиняемый чиновникъ, или въ дисциплинарномъ судѣ, но противъ нихъ возможна всегда апелляція, которая въ концѣ концовъ доходитъ до государственнаго министерства. Такимъ образомъ, это министерство оказывается единственнымъ дисциплинарнымъ судьею чиновника, и оно можетъ всегда, если хочетъ, принудить чиновника, по крайней мѣрѣ, къ внѣшнему благоговѣнію передъ политическими убѣжденіями своей собственной партіи,—и это-то принужденіе и есть тотъ источникъ раболѣпія и лицемѣрія, который отравляетъ чиновничество и государственную жизнь до самаго корня. Въ этомъ отношеніи Пруссія, въ послѣднія 30 лѣтъ, значительно подвинулась назадъ, и главнымъ виновникомъ этого прискорбнаго положенія является консервативная партія, какъ бы нѣжно и красно ни говорила она про нѣмецкую самостоятельность и самоуправленіе. Сами консерваторы, между тѣмъ, старались перенесть сюда изъ Франціи всѣ учрежденія, которыя послужили тамъ основою самой строгой централизаціи, и стремились обратить каждаго чиновника въ безсильное орудіе въ рукахъ его начальства. Чиновничество этого рода способно, конечно, спокойно переходить изъ монархіи Луи-Филиппа въ республику, изъ республики въ имперію; несомнѣнно также, что такое чиновничество весьма удобно для господствующей партіи, но при немъ невозможно достигнуть прочнаго положенія вещей. Приниженіе чиновниковъ ведетъ за собою еще то неизбѣжное послѣдствіе, что лучшіе и талантливые молодые люди отказываются идти по этой неблагодарной стезѣ, а это обстоятельство тѣмъ ужаснѣе для Пруссіи, что она обращается къ кандидатамъ въ гражданскую службу съ такими широкими требованіями, какихъ не предъявляютъ нигдѣ. Чтобы занять высшую должность по юстиціи, необходимо сдать три экзамена: аускультаторскій, на рефендарія и на ассесора. Допущеніе къ первому изъ нихъ требуетъ уже гимназическаго курса и академическаго трехлѣтія. До третьяго экзамена проходитъ, по меньшей мѣрѣ, четыре года, впродолженіе которыхъ юристъ обязанъ проводить время въ практическихъ занятіяхъ при различныхъ судахъ. Выдержавъ третій, такъназываемый государственный экзаменъ (Staats - Examen), кандидатъ назначается въ судебные ассессоры, но это ассессорство долго еще не-

даетъ никакого жалованья. Тоже самое полагается и для тѣхъ юношей, которые посвящаютъ себя высшей административной службѣ. За симъ приходится держать экзаменъ на аускультатора, и потомъ въ этомъ новомъ званіи работать при какомъ-нибудь судѣ; выдержавъ затѣмъ экзаменъ на референдарія, они должны вступить въ то или другое правленіе, гдѣ они «практикуютъ» довольно долгое время и, наконецъ, сдаютъ третій экзаменъ. Безъ этихъ трехъ испытаній никто не можетъ достигнуть высокой карьеры, которая, впрочемъ, можетъ быть вовсе невысокою, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ кандидаты не подымаются выше окружного судьи или правительственнаго совѣтника (Regierungsrath). На третьемъ экзаменѣ проваливаются многіе; они становятся, однако, первыми кандидатами на второстепенныя должности перваго класса; простымъ кандидатомъ въ эти должности можетъ являться лишь тотъ, кто кончилъ курсъ гимназіи или высшаго училища. Изъ всего этого очевидно, что прусское «образованіе»—дѣло дѣйствительно серьезное, и что усилія ретроградовъ, желавшихъ прежде всего унизить уровень образованія въ народной школѣ, парализуются стремленіемъ, истекающимъ изъ внутренней сущности самого государства. Странно сказать, что то самое преобразованіе арміи, о которомъ столь много кричали, оказало образованію гораздо бóльшую услугу, чѣмъ весь вредъ, который могутъ оказать какія бы то ни было «ограниченныя» системы народнаго образованія. Ибо, если новая организація арміи фактически осуществляетъ общую воинскую повинность, такъ какъ все юношество, способное носить оружіе, можетъ быть ежегодно призываемо къ ружью, — за то вопросъ объ *однолѣтней* службѣ пріобрѣтаетъ колоссальную важность.

Однолѣтній волонтеръ (einjährig-Freiwillige) долженъ, по крайней мѣрѣ, быть воспитанникомъ перваго класса гимназіи или сдать соотвѣтствующій этому классу экзаменъ. По окончаніи его годовой службы, этотъ волонтеръ пріобрѣтаетъ унтеръ-офицерскій чинъ и получаетъ возможность, при помощи новаго, сравнительно легкаго экзамена, сдѣлаться офицеромъ, чтó весьма важно на случай войны, когда снова могутъ призвать его подъ знамена. Различіе между однолѣтнею службою и трехлѣтнею крайне важно само по себѣ при такой высокой степени культуры, какую мы находимъ въ Германіи. Различныя массы въ обществѣ съ каждымъ днемъ сливаются между собою все тѣснѣе и тѣснѣе, и если есть какая-нибудь возможность провесть между ними рѣзкую пограничную линію, то развѣ между однолѣтними волонтерами и обыкновенными рекрутами. Эта линія отдѣляетъ *высшіе* классы отъ *низшихъ*, повелѣвающихъ отъ повинующихся, ибо если волонтеръ пріучается сперва *повиноваться*, то онъ пріобрѣтаетъ за то право принадлежать къ числу повелѣвающихъ. И это различіе не основано ни на происхожденіи, ни на состояніи, но единственно и исключительно на

образованіи. Вотъ почему каждый юноша стремится теперь пріобрѣсть, по крайней мѣрѣ, ту степень образованности, которая даетъ ему право замѣнять трехлѣтній срокъ службы однолѣтнимъ; въ тоже самое время совершенствуются и школы,—всѣ онѣ стараются пріобрѣсть право выдавать своимъ ученикамъ такіе дипломы, которые могли бы сами по себѣ служить доказательствомъ тому, что предъявитель его достоинъ однолѣтней службы. Въ послѣднее время союзный канцлеръ уже распространилъ такую привилегію на нѣсколько сотъ школъ; сотни другихъ въ новыхъ прусскихъ провинціяхъ ждутъ, чтобы и на нихъ распространили то же право. При испытаніи волонтеровъ легко убѣдиться въ томъ, что уровень школьнаго образованія въ Пруссіи дѣйствительно выше, чѣмъ въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Требованія, которымъ подвергаются волонтеры въ Пруссіи, ниже тѣхъ, которые предъявляются волонтерамъ въ новыхъ провинціяхъ, и не смотря на то, значительный процентъ экзаменующихся все-таки проваливается, при чемъ обнаруживаются невѣроятные примѣры невѣжества.

Я нарочно показалъ эти свѣтлыя стороны прусскихъ учрежденій, чтобы, рисуя темныя стороны ихъ, не произнесть надъ ними несправедливаго приговора. Прусское государство особенно замѣчательно тѣмъ, что его вліяніе на всю Германію основано именно на томъ, что противорѣчія въ немъ рѣзко и сильно бьются другъ о друга, и что изъ ихъ взаимнаго тренія возникаетъ вѣрный и прочный прогрессъ. Независимость судейскаго сословія уже успѣла однажды преодолѣть сильное нападеніе. 29-го марта 1844 года, законодательное собраніе обнародовало законъ о судебныхъ и дисциплинарныхъ взысканіяхъ съ чиновниковъ;—этотъ законъ переносилъ значительное большинство всѣхъ проступковъ судей по службѣ въ число дисциплинарныхъ погрѣшностей, и установлялъ, сверхъ того, недобровольное перемѣщеніе судей и отставку съ пенсіею, то-есть удаленіе изъ должности безъ предварительнаго судебнаго приговора. Противъ этого закона возсталъ *одинъ* человѣкъ, судебный совѣтникъ (Gerichtsrath) въ городѣ Бреславлѣ, Гейнрихъ Симонъ, въ своемъ классическомъ сочиненіи: «Прусскіе судьи и законы 29-го марта 1844 года» (Die preussischen Richter und die Gesetze vom 29 März 1844). Хотя Симонъ и подвергся за свою книгу такимъ преслѣдованіямъ, которыя принудили его выйти въ отставку, однако онъ все-таки могъ найти удовлетвореніе въ томъ, что ненавистные законы встрѣтили повсюду самое упорное сопротивленіе, такъ что не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ ихъ пришлось отмѣнить. Книга Симона содержала въ себѣ не только ѣдкую критику упомянутыхъ законовъ, но и блестящія доказательства тому, что прусское судейское сословіе, пріобрѣтшее добрую славу подъ покровомъ полной независимости, непремѣнно падетъ и лишится своего высокаго достоинства подъ вліяніемъ новыхъ законовъ. Прусскіе правители всегда призна-

вали великую важность правосудія. Великій курфирстъ писалъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ, изданныхъ незадолго до его смерти, что «послѣ слова Божія, правосудіе есть наилучшій и драгоцѣннѣйшій клейнодъ всѣхъ странъ, и самая твердая опора царскаго престола». Фридрихъ Вильгельмъ I видѣлъ въ ней «основной столпъ государства». Фридрихъ Великій, занимавшійся впродолженіи всего своего царствованія преобразованіемъ юстиціи, признавалъ многократно необходимость независимости ея, однако, къ несчастію, часто позволялъ себѣ, увлекаясь горячностью своего темперамента, насильственное вмѣшательство въ обычное теченіе правосудія. Судьи, въ большинствѣ этихъ случаевъ, оказывали сопротивленіе, что̀ дѣлаетъ имъ великую честь. Разскажу здѣсь одинъ изъ превосходныхъ фактовъ судейскаго мужества. Король потребовалъ однажды, чтобы кредиторъ извѣстнаго дворянина, попавшаго вслѣдствіе мотовства подъ конкурсъ, давалъ своему должнику опредѣленную сумму на содержаніе. Не смотря на повторявшіеся нѣсколько разъ приказы, судъ медлилъ рѣшеніемъ, такъ какъ по закону подобная льгота дозволяется лишь лицамъ, попадающимъ подъ конкурсъ не за долги. Наконецъ король пожелалъ, чтобы министръ юстиціи Мюнхаузенъ призналъ, въ своемъ собственномъ министерскомъ рескриптѣ, состоятельность дворянина. Министръ отвѣчалъ, что изъ его рукъ, какъ главы всей юстиціи въ государствѣ, не можетъ выйти такой указъ, который противорѣчитъ всѣмъ законнымъ предписаніямъ. Затѣмъ послѣдовала слѣдующая королевская резолюція: «Мой любезный министръ юстиціи фонъ-Мюнхаузенъ—онъ весьма честный человѣкъ, но крайне грубый оселъ!» Мюнхаузенъ отвѣчалъ благодарственнымъ письмомъ. Сказавъ, что онъ всегда ожидалъ, что сердце короля обратится наконецъ въ пользу справедливости, министръ продолжаетъ такимъ образомъ: «Составитель королевской резолюціи употребилъ въ ней весьма непристойныя выраженія противъ перваго слуги короля, и я живу въ томъ убѣжденіи, что его величество сдѣлаетъ ему серьезный выговоръ за всѣ непристойности». Долго послѣ этого письма ждалъ Мюнхаузенъ приглашенія короля. Наконецъ, пришло приглашеніе присутствовать въ совѣтѣ министровъ. Увидѣвъ Мюнхаузена, король обратился къ нему съ словами: «Ну, любезный Мюнхаузенъ, я сказалъ моему секретарю!» Изъ этого факта съ Фридрихомъ Великимъ Симонъ прямо выводитъ то положеніе, что лучшія намѣренія и лучшіе законы, установляющіе свободную юстицію, не достигаютъ своей цѣли, если нѣтъ учрежденій, охраняющихъ правосудіе. Министры юстиціи: Мюллеръ (отецъ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія) и Уденъ (теперешній предсѣдатель верховнаго суда), слѣдовавшіе въ то время быстро другъ за другомъ, сдѣлали, на основаніи новыхъ законовъ, два выговора вольнодумному судьѣ и начали преслѣдовать его всевозможными мелочными придирками, вслѣдствіе

которыхъ онъ и подалъ въ отставку, написавъ послѣднему министру юстиціи письмо, исполненное благороднаго мужества. Объяснивъ всѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергался и изложивъ различіе между его взглядомъ и взглядомъ министра на положеніе судьи, Симонъ заключилъ свое посланіе слѣдующими словами, которыя служатъ теперь памятникомъ того духа, которымъ проникнуты были судьи въ прежней Пруссіи: «Итакъ, я выхожу въ отставку — писалъ онъ — потому что должность судейскаго чиновника не представляетъ мнѣ тѣхъ личныхъ правъ, которыхъ я ожидалъ; потому что положеніе судьи, обусловливаемое новыми законами и нынѣ господствующими воззрѣніями на государственную службу, противорѣчитъ независимости моего образа мыслей; потому что не всякій способенъ находить убѣжище отъ безпрестанныхъ оскорбленій въ одномъ лишь сознаніи справедливости своихъ поступковъ, потому что, во всѣхъ случаяхъ, когда глупо было бы надѣяться на перемѣну обстоятельствъ посредствомъ личныхъ страданій, никто не обязанъ наказывать самого себя, — и потому, наконецъ, что чиновническое званіе, при нынѣ господствующихъ обстоятельствахъ, измѣнить которыя я не въ силахъ, препятствуетъ мнѣ служить интересамъ общества. Я выхожу въ отставку какъ чиновникъ, чтобы остаться гражданиномъ, и я надѣюсь и въ будущемъ оказывать отечеству не меньше услугъ, какъ прежде. Я не сожалѣю о томъ, что принадлежалъ большую часть моей сознательной жизни къ прусскому судейскому сословію, и я не сожалѣю о моемъ побужденіи выйти изъ него. Моя оппозиція противъ этихъ законовъ основана на юридическихъ познаніяхъ, пріобрѣтенныхъ мною во время государственной службы, и эта оппозиція уже принесла хорошіе плоды, такъ какъ зародыши того чрезмѣрнаго вліянія администраціи на судей, которое заключено въ новыхъ законахъ, уже обнаружены и, осужденные общественнымъ мнѣніемъ страны, развиваться болѣе не могутъ; — поэтому, и самые законы, по моему твердому убѣжденію, будутъ отмѣнены раньше или позже. Такая выгода, купленная цѣною такъ-называемой карьеры одного единственнаго человѣка, достается странѣ весьма дешево и съ радостью уступается отдѣльною личностью».

Этотъ гордый духъ независимости и теперь еще не вымеръ въ судейскомъ сословіи, но постоянная борьба утомила, ослабила его, такъ что теперь все еще существуетъ опасность, о которой пророчески говорилъ Симонъ, 24-года тому назадъ, въ концѣ своей книги: «Эти законы не въ состояніи были ниспровергнуть разомъ независимость прусскихъ судей и независимость прусскаго правосудія, такъ какъ въ томъ-то и заключается важность такихъ дѣйствительно историческихъ учрежденій, какъ основанная у насъ впродолженіи многихъ поколѣній полная независимость правосудія, что они переходятъ наконецъ въ сознаніе народа и уже не нуждаются въ опорѣ, защитѣ закона; — дѣй-

ствительно, живое учрежденіе можетъ существовать долго послѣ того, какъ исчезнутъ всѣ его законныя основы. Но неисторическій новый законъ производитъ также, *мало по малу*, свое вліяніе, и въ концѣ концовъ окажется, что наше зданіе не можетъ продолжать свое существованіе безъ этой опоры. Оно падетъ, это до сихъ поръ благородное прусское судейское сословіе, которымъ гордился всякій пруссакъ. Недовѣрчивыя насмѣшки исчезнутъ скоро, когда прусскіе коллегіяльные суды поддадутся шопоту высшихъ вліяній, и когда развалины этого славнаго учрежденія низвергнутся на прусскій тронъ и на гражданскую свободу прусскаго народа».

Какъ бы то ни было, законодательство окружило независимость судейскаго сословія нѣкоторыми новыми гарантіями, но непрерывное стремленіе замѣстить всѣ высшія должности людьми консервативнаго образа мыслей, покровительство консерваторамъ и гоненіе либераловъ оказали страшное вліяніе, о которомъ только потому мало говорятъ, что говорить о немъ крайне непріятно. Между тѣмъ, всѣ партіи, даже умѣренные консерваторы, начинаютъ сознавать необходимость реформы. Съ большимъ тактомъ агитація послѣдняго времени обратила всѣ свои усилія на одинъ пунктъ, именно на освобожденіе юстиціи отъ цѣлаго ряда обязанностей, которыя слѣдовало бы возложить или на свободную адвокатуру, или на администрацію, или на самоуправленіе, какъ то развито весьма обстоятельно въ новой брошюрѣ Кардорфа: Präfectur oder Selbstverwaltung. Berlin 1868».

Если наши преобразователи и задались, повидимому, весьма широкими планами, то съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду того важнаго обстоятельства, что путь преобразованій облегчается постояннымъ развитіемъ общественныхъ отношеній. Объединеніе и сокращеніе дѣлъ въ вѣдомствахъ—справедливо говоритъ Летте—заключается главнымъ образомъ въ возможно большемъ ограниченіи бюрократической полипрагмазіи (многодѣланія) и связаннаго съ нею вмѣшательства въ личныя, семейныя и общественныя отношенія гражданъ. Еще недавно въ рукахъ ландратовъ и правленій находилась безполезная и вредная масса мельчайшихъ дѣлъ, которыя обусловливались отмѣненными теперь законами о цеховомъ устройствѣ ремеслъ, о барщинѣ и отлученіи отъ церкви, о переходѣ учениковъ отъ одного хозяина къ другому, объ евреяхъ, о дѣленіи страны на различные таможенные округа, о тарифахъ отдѣльныхъ провинцій, о паспортной системѣ и т. п. Но какое множество еще другихъ дѣлъ должно прекратиться при помощи успѣховъ политико-экономическихъ изслѣдованій, и съ распространеніемъ гражданской свободы! Пора уже уничтожить всѣ эти концессіи и диспенсаціи, контрольныя и опекунскія права!

Упомянувъ о ландратахъ, мнѣ нельзя не коснуться этого совершенно особаго, *прусскаго* учрежденія, и тѣмъ болѣе, что недавно

вышло особое сочиненіе объ этомъ предметѣ (Das Institut der Landräthe in Preussen. Historisch, juristisch und national-ökonomisch skizzirt. Berlin 1868, у книгопродавца Фридриха Корткампфа), авторъ котораго, Машеръ (Mascher), изложилъ свой предметъ во всѣхъ подробностяхъ. Подъ ландратомъ разумѣется высшій административный чиновникъ въ *округѣ* (Kreis), то-есть, въ низшей единицѣ или, говоря физіологическимъ языкомъ, въ клѣточкѣ правительственнаго организма. Дѣленіе государствъ на округа существуетъ въ дѣйствительности лишь съ 1815 года. Въ то время всю страну раздѣлили на 25 правительственныхъ областей (Bezirke), а эти послѣднія на одинъ исключительный округъ (Берлинъ) и на 322 ландратныхъ, изъ которыхъ шесть городскихъ, то-есть такіе города, которые составляютъ особые округа совокупно съ ихъ ближайшими окрестностями. Характеристическая особенность въ положеніи ландрата состоитъ въ томъ, что онъ, какъ слуга государства, какъ правительственный органъ, обязанъ исполнять всѣ требованія правительства, и что, съ другой стороны, по историческому значенію этой должности, долженъ служить посредникомъ между государствомъ и населеніемъ округа. Въ прежней Пруссіи ландратами назывались избиравшіеся мѣстными чинами (Stände) сочлены для взиманія налоговъ и веденія другихъ сословныхъ дѣлъ. Мало по малу эта должность обратилась въ чисто государственную, но такъ какъ лица, избиравшіяся въ нее по общему приговору мѣстныхъ чиновъ, изъ дворянъ-помѣщиковъ округа, отъ которыхъ требовался особый экзаменъ или доказанная опытность въ отправленіи какой-либо другой подобной должности, — то эти лица становились вмѣстѣ съ тѣмъ и представителями тѣхъ чиновъ, изъ среды которыхъ они выходили. Такъ какъ должность ландрата есть въ нѣкоторой степени микрокозмъ государственнаго управленія, и требуетъ отъ своего исполнителя почти идеальнаго всевѣдѣнія, то уже въ прошломъ столѣтіи она сдѣлалась разсадникомъ для высшихъ гражданскихъ должностей, и ландраты призывались на мѣста предсѣдателей въ коллегіяхъ (то-есть правительственныхъ вѣдомствахъ), и даже во главу управленія — на мѣста министровъ. Не смотря на высокую важность своей должности, ландраты получали весьма скудное содержаніе, такъ что еще въ 1806 году оно не превышало 300 талеровъ, и должность ландрата была, слѣдовательно, скорѣе почетная, чѣмъ наемная. Образованіе этаго института въ Пруссіи состоялось въ то время, когда въ другихъ государствахъ управленіе находилось въ рукахъ юристовъ, воспитанныхъ на римскомъ правѣ, и вліянію которыхъ главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать паденіе нѣмецкой имперіи. Всегда находились люди, зажиточные и независимые, которые не боялись принимать на себя трудныя и несносныя обязанности ландрата и которые, сверхъ того, обладали такими способностями, познаніями и здравымъ смысломъ,

что могли входить въ личныя дѣла жителей своего округа, и помогать имъ дѣломъ и словомъ. Это учрежденіе до того сильно укрѣпилось въ странѣ, что когда, въ 1812 году, либеральный государственный канцлеръ Гарденбергъ, преемникъ Штейна, задумалъ ввести новое окружно-общинное управленіе по французскому образцу, заключавшее въ себѣ весьма много хорошаго и проникнутое либеральнымъ духомъ, но которое отличалось вообще чисто бюрократическимъ характеромъ и ставило во главѣ округовъ государствомъ назначаемыхъ окружныхъ директоровъ, то его законъ встрѣтилъ въ обществѣ такія затрудненія, что не могъ осуществиться въ дѣйствительности. Во время французскихъ войнъ ландраты проявили много патріотизма и искусства въ управленіи, но высшей степени популярности достигли они въ промежуточный періодъ между окончаніемъ войны и революціею. Такъ какъ они сами должны обладать вотчиною (Rittergut) въ своемъ округѣ, то ихъ интересы сливаются отчасти съ интересами окружнаго населенія. Хорошо мѣстнымъ землевладѣльцамъ, хорошо и ландрату. Новое законодательство отмѣнило, существовавшее издавна, ограниченіе въ обладаніи вотчинными помѣстьями, что было исключительною привилегіею дворянскаго сословія, и распространило эту привилегію и на остальныхъ гражданъ, такъ что теперь ландраты могутъ быть и не изъ дворянъ, да они существуютъ и въ дѣйствительности. Когда революція 1848 года дала ходъ демократическому движенію, то противъ должности ландрата поднялась новая буря, такъ какъ въ глазахъ демократіи эта должность была дурна уже потому одному, что она отличается аристократическимъ и феодальнымъ характеромъ. Новѣйшая демократія требуетъ равенства. Если это отвлеченное понятіе довести до его послѣднихъ предѣловъ, то можно, конечно, и въ области государственныхъ наукъ достигнуть точности математической логики, но только при этой операціи тѣло лишится оживляющей его души и станетъ трупомъ, которое можетъ подлежать испытаніямъ подъ ножемъ анатоміи, но не поддастся законодательной мудрости государственнаго человѣка. Желая обратить должность ландрата въ чисто государственную, либерализмъ забылъ о томъ, что поземельная собственность — источникъ независимости. Въ независимости коренится свобода, которая не допуститъ себя ни до подчиненія сверху, ни до лести передъ чернью, которая и теперь, какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, кричитъ сегодня «Помоги ему, Богъ»!—а завтра: «Распни его!» Независимость, обусловливаемая имуществомъ, представляетъ за себя ту гарантію, что лицо, принимающее на себя почетную должность, не станетъ унижаться до жалкаго попрошайничества съ цѣлью пріобрѣсть лучшее жалованье или лучшее мѣсто, или раболѣпствовать передъ низшимъ и высшимъ, и не впадетъ, слѣдовательно, въ то состояніе грубости, праздности и безхарактерности, которое создаетъ политичес-

кихъ хамелеоновъ, не умѣющихъ держаться разъ принятаго положенія, но безпрестанно вращающихся то въ ту, то въ другую сторону, смотря по настроенію минуты, — а вѣдь въ такія колебанія впадаютъ часто весьма талантливые люди!

Революціонная буря не снесла учрежденія ландрата, но оно все-таки, по выраженію древняго поэта «угодило въ Сциллу, желая спастись отъ Харибды». Дисциплинарный законъ 21-го іюля 1852 года коснулся и ландратовъ, при чемъ всѣ ландраты получили отставку въ силу королевскаго приказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новый законъ поставилъ ландратовъ въ зависимость отъ всякой политической системы, господствующей въ министерствѣ, и превратилъ ихъ въ политическихъ чиновниковъ въ полномъ (французскомъ) значеніи этого слова. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, въ томъ, что они подверглись недовѣрію со стороны тѣхъ жителей въ округѣ, которые придерживаются противныхъ министерской партіи политическихъ убѣжденій. Поэтому-то, со времени введенія обновленныхъ ландратовъ, между ними и окружнымъ населеніемъ никогда не прекращались безпрестанные раздоры, которые доходятъ теперь до крайнихъ предѣловъ раздраженія, такъ какъ ландраты постоянно агитируютъ въ пользу правительствъ, во время выборовъ въ палату депутатовъ, въ сѣверо-германскій парламентъ и т. п. Имѣя въ виду всѣ эти несообразности, Летте требуетъ, чтобы основаніемъ реформы окружнаго управленія, которая должна сохранить должность ландрата, служила мысль дать ландрату нейтральное и безпристрастное въ политическомъ отношеніи положеніе относительно окружныхъ жителей. Уже старые преподаватели государственнаго права въ Пруссіи высказывались въ пользу того, что «чиновнику не слѣдуетъ отказываться отъ своихъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій передъ порогомъ своего департамента», а Штейнъ даже объявилъ, въ одной изъ инструкцій, данныхъ въ 1808 году всѣмъ правленіямъ, что «правленіе не должно унижать свои отношенія къ вѣрнымъ и честнымъ чиновникамъ до степени наемнаго контракта, или считать чиновниковъ прямо наемными людьми—что, напротивъ, оно должно помнить, что такъ какъ каждый чиновникъ обязанъ способствовать, смотря по должности, имъ занимаемой, охраненію и развитію общаго блага, то онъ есть членъ самой націи.»

Такія же прекрасныя мысли высказалъ недавно австрійскій министръ Гискра въ своемъ циркулярѣ къ намѣстникамъ и предсѣдателямъ земствъ (Landespräsidenten), которымъ онъ вмѣняетъ въ обязанность «уважать и оживлять, поддерживать, укрѣплять и вести къ успѣшнымъ результатамъ» автономію общинъ, основанную новымъ австрійскимъ закономъ. «Я признаю непростительнымъ поведеніе тѣхъ чиновниковъ,— говоритъ министръ въ другомъ мѣстѣ своего циркуляра—«которые примутъ завистливое или горделивое положеніе относительно органовъ

самоуправленія, и вмѣсто того, чтобы помогать имъ, станутъ подготовлять противъ нихъ разныя мелкія затрудненія. Государственный чиновникъ не долженъ полагать, что его авторитетъ сохраняется посредствомъ замкнутости и формализма. Это мнимый авторитетъ. Свое дѣйствительное достоинство чиновникъ можетъ сохранить и проявить лишь тогда, когда населеніе видитъ его работающимъ сообразно съ долгомъ службы и повиновеніемъ передъ закономъ, въ конституціонномъ духѣ. Понятны также всѣ требованія министра, когда онъ приказываетъ въ введеніи къ циркуляру: «наблюдать за тѣмъ, чтобы лица, являющіяся съ просьбами въ правительственныя вѣдомства, получали удовлетвореніе по возможности безъ всякой напрасной траты времени. Въ этомъ отношеніи особенно указываю я на то нарушеніе долга службы, которое случалось нерѣдко прежде, когда чиновники или просто изъ собственнаго удобства, или строго придерживаясь должностного времени, даже въ исполнительной службѣ, безцеремонно обращались съ временемъ приходившихъ къ нимъ крестьянъ. Я нашелъ далѣе, что часто весьма простыя правительственныя дѣла ведутся съ излишнею щепетильностью, при чемъ обнаруживается много формализма. Публика, всякій разъ, когда она нуждается въ помощи департаментовъ, должна встрѣтить въ нихъ вѣжливое обращеніе и быстрое производство дѣлъ, и слѣдуетъ положить конецъ тому порядку вещей, при которомъ гражданинъ справедливо опасается прибѣгать къ помощи департаментовъ, несмотря на то, что онъ имѣетъ естественное право на эту помощь.»

Такъ говоритъ Гискра. Къ несчастію, самые благонамѣренные и превосходно написанные циркуляры не заключаютъ въ себѣ всего, что необходимо. Чтобы эти циркуляры перешли въ жизнь, нужна не только добрая воля и сочувствіе чиновниковъ, но также сознаніе своихъ собственныхъ правъ со стороны гражданъ, иначе граждане не поймутъ чиновниковъ, а чиновники не съумѣютъ принять приличнаго ихъ дѣятельности положенія въ государствѣ. Недавно въ Пруссіи былъ случай, который можетъ пояснить только-что сказанное;—случай этотъ оказалъ весьма глубокое впечатлѣніе на общество и заслуживаетъ названіе историческаго факта. Голова кенигсбергскаго купечества (эта должность, разумѣется, самоуправительная, почетная—безъ жалованья, каждая купеческая корпорація сама выбираетъ своего голову — Vorsteheramt) представилъ, какъ это дѣлается во всѣхъ корпораціяхъ этого рода, отчетъ о торговлѣ за 1867 годъ. Эти торговые отчеты даютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для полученія всѣхъ отраслей обмѣна. Кенигсбергскій голова коснулся въ своемъ отчетѣ и прошлогодняго голода восточной Пруссіи, при чемъ онъ жалуется на то, что правительственныя вѣдомства не обратили своевременнаго вниманія на его раннія предостереженія. Этотъ упрекъ палъ сперва, по извѣстному іерархическому порядку прусской администраціи, на оба мѣст-

ныя правленія, гдѣ свирѣпствовалъ голодъ — на кенигсбергское и на гумбиненское, затѣмъ онъ коснулся оберъ-предсѣдателя всей провинціи восточной Пруссіи (такъ какъ онъ служитъ предсѣдателемъ администраціи и въ Кенигсбергѣ), и наконецъ самаго министра внутреннихъ дѣлъ. Кенигсберское правленіе постаралось сложить съ себя вину, которую приписалъ ему голова, и утверждало, что оно нисколько не медлило своими мѣрами; оберъ-предсѣдатель, Эйхманнъ, просившійся уже прежде въ отставку по своей глубокой старости, тоже оправдывался весьма прилично; министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ защищать себя въ оффиціальныхъ органахъ. Все шло хорошо, и всѣ эти оправданія, тотчасъ обнародованныя и распространенныя газетами, были написаны въ вѣжливомъ тонѣ; одно лишь гумбиненское правленіе дозволило себѣ неприличныя выходки противъ купеческаго головы, — въ особомъ посланіи къ этому почтенному лицу правленіе обращается къ нему, точно учитель къ школьнику, и совѣтуетъ ему не вмѣшиваться ни въ какія дѣла, которыя до него не касаются. Голова не оставилъ этого посланія безъ отвѣта и высказалъ правленію такія вещи, о какихъ давно уже не говорили въ Пруссіи. Привожу здѣсь лишь слѣдующій отрывокъ изъ этого замѣчательнаго письма: «Королевское правленіе въ Гумбинненѣ—пишетъ голова—приняло въ своемъ посланіи такой тонъ, который живо напоминаетъ о томъ времени, когда ученіе объ ограниченности ума подданныхъ находилось въ полномъ цвѣтѣ, и когда всѣ, сидѣвшіе за зеленымъ столомъ, считали себя вполнѣ способными поучать и наставлять на путь истины. Но это время уже давно прошло, и если во внутреннемъ состояніи нашего государства и есть многое такое, что не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, то, во всякомъ случаѣ, мы достигли той истины, что непогрѣшимость правительственныхъ вѣдомствъ принадлежитъ къ истинамъ сомнительнымъ. Поэтому, мы откровенно объявляемъ королевскому правленію, что его посланіе, по нашему мнѣнію, не достигло своей цѣли ни по формѣ, ни по содержанію, что заключающіяся въ немъ попытки къ оправданію не касаются сущности дѣла, и что подробное перечисленіе его собственныхъ мѣръ доказываетъ лишь то, что правленіе дѣйствительно не знало ужасныхъ размѣровъ нужды.»

Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали, что за этимъ письмомъ послѣдуетъ что нибудь необыкновенное, но за нимъ ничего не послѣдовало, и только гумбинненское правленіе спокойно заявило, что оно не желаетъ продолжать споръ далѣе. Предсѣдатель правленія въ Гумбинненѣ, Маурахъ, получилъ потомъ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ для поправленія здоровья, и полагаютъ, что онъ уже не вернется на свой прежній постъ. Для полной оцѣнки этого дѣла необходимо знать, впрочемъ, что правительственныя мѣста въ Восточной Пруссіи были дѣйствительно неправы, ибо теперь уже не можетъ быть

никакого сомнѣнія въ томъ, что они встрѣтили голодъ далеко не съ достаточною энергіею,—депутаты этой провинціи представляютъ, въ слѣдующемъ съѣздѣ прусскаго парламента, неопровержимые доказательства и документы противъ правительственыхъ властей.

Въ своей майской корреспонденціи, я писалъ вамъ о новомъ сочиненіи боннскаго профессора Гюффера: «Отношеніе Австріи и Пруссіи къ французской революціи» (Hüffer—Oesterreich und Preussen gegenüber der französischen Revolution), въ которомъ есть попытка развить результатъ такъ называемыхъ «мало-нѣмецкихъ» (kleindeutschen) историческихъ изслѣдованій. Вліятельная историческая школа, въ рядахъ которой считаются такіе люди, какъ покойный Гейссеръ (Häusser), преждевременно сошедшій въ могилу, и Гейнрихъ Зибель (Sybel), давно уже поставила себѣ цѣлью доказать, что, даже въ самые печальные періоды прусской исторіи прусскіе государственные люди никогда не отступались вполнѣ отъ національной идеи. Плодотворнѣйшею областью для споровъ этого рода являлось постоянно отношеніе обѣихъ крупныхъ нѣмецкихъ державъ къ французской революціи, при чемъ Базельскій миръ служилъ всегда, до послѣднихъ изслѣдованій Гейссера, несмываемымъ пятномъ прусской политики. Гейссеръ доказалъ тогда, что Пруссія дѣйствовала подъ давленіемъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. Гюфферъ старался, напротивъ, оправдать Австрію (см. «Вѣстникъ Европы», іюнь, стр. 862). Гюфферу отвѣчалъ Зибель въ сочиненіи: «Австрія и Германія во время революціонной войны» (Oesterreich und Deutschland im Revolutionskrieg. Ergänzungsheft zur Geschichte der Revolutionszeit, 1789—95. Dusseldorf 1868). Весьма мягкое по своей формѣ сочиненіе Гюффера встрѣтило хорошій пріемъ даже со стороны національныхъ писателей въ Пруссіи, но Зибель не поддался уловкамъ Гюффера и, принявъ этотъ споръ горячо къ сердцу, обличилъ противника въ стремленіи возвеличить Австрію на счетъ Пруссіи. Вооружившись новыми историческими документами, Зибель доказываетъ теперь, что австрійскіе государственные люди того времени не разъ защищали въ словахъ общее національное дѣло, но они никогда не имѣли къ нему серьознаго сочувствія, и что, напротивъ, они предавали «имперію» (Reich) весьма хладнокровно. Переговоры, которые привели къ кампоформійскому миру, извѣстны въ своихъ главныхъ чертахъ. Австрія обезпечивала за собою прежде всего извѣстныя пріобрѣтенія и округленія въ Адріатическомъ морѣ, и обѣщала за то содѣйствовать присоединенію къ Франціи нѣкоторой части лѣваго берега Рейна. Австрія, въ этомъ случаѣ, трудилась въ своихъ исключительныхъ интересахъ, но, тѣмъ не менѣе, старалась придать дѣлу такой видъ, какъ будто она хлопочетъ объ интересахъ

нѣмецкаго государства. Она изъявляла желаніе поэтому, во время предварительныхъ переговоровъ, принять на себя обязанность, если Франція не примирится съ Германіею, выдвинуть свой контингентъ, но участвовать въ войнѣ онъ не хотѣлъ. Зибель вынесъ, сверхъ того, на свѣтъ до сихъ поръ никому неизвѣстную инструкцію австрійскаго министра Тугута, въ которой этотъ послѣдній, съ изумительною наивностью, высказываетъ, между прочимъ, такія вещи: «Но при редакціи такого договора, уполномоченные должны стараться придать ей такой оборотъ рѣчи, *чтобы* казалось, что Австрія *не только не оставляетъ имперію на произволъ судьбы*, но напротивъ, какъ бы даетъ новое доказательство своей вѣрности и своей точности въ исполненіи своихъ государственныхъ обязанностей».

Какъ бы то нибыло, всѣ эти разоблаченія не только не весьма назидательны, но, къ несчастію, и не поучительны вовсе, такъ какъ до сихъ поръ все еще нѣтъ никакого дѣйствительнаго средства подвесть дипломатію подъ надзоръ общественнаго мнѣнія; этотъ недостатокъ не замѣчается только тогда, когда подобные грѣхи становятся рѣшительно невозможными, благодаря сильно развитому національному чувству въ государствѣ. Въ Австріи подобное національное чувство никогда не существовало.

Въ беллетристической литературѣ я могъ бы указать на одну важную новость, но она уже перестала быть новостью для читателей «Вѣстника Европы,» такъ какъ они знаютъ о ней столько уже, сколько и я; я говорю о новомъ романѣ Ауэрбаха: «Дача на Рейнѣ», который, по увѣреніямъ всѣхъ, кто уже прочелъ его, есть самое лучшее произведеніе этого сочинителя сельскихъ разсказовъ. Судя по первымъ напечатаннымъ главамъ, онъ обѣщаетъ быть произведеніемъ весьма интереснымъ, богатымъ по содержанію, и касающимся высшихъ вопросовъ. Въ Германіи, этотъ романъ печатается сперва въ вѣнской газетѣ »Presse», которая пріобрѣла его за неслыханный въ Германіи гонорарій въ 12,000 талеровъ. Предшествовавшій романъ Ауэрбаха: «На высотѣ» былъ обнародованъ сперва тоже въ вѣнской газетѣ: «Neue Freie Presse», и принесъ ей такую значительную пользу, что во время печатанія его газета расходилась въ 15 тысячахъ экземплярахъ. Нынѣшній разъ редакція не сошлась съ авторомъ, и обѣ соперничествующія газеты даже обмѣнялись полемическими ударами по этому поводу. Газета «Presse», объявившая о своемъ пріобрѣтеніи нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не могла удержаться отъ нѣсколькихъ горделивыхъ замѣчаній относительно того, что Ауэрбахъ предпочелъ ее всѣмъ другимъ. «Neue Freie Presse», съ своей стороны, воздержалась отъ прямыхъ нападеній на Ауэрбаха, и утверждала только, что печатавшійся на ея столбцахъ романъ Шпильгагена: «In Reih' und Glied» понравился ея читателямъ гораздо лучше ауэрбаховскаго романа: «Auf der Höhe»

(На высотѣ), и что она, поэтому, и теперь украситъ столбцы своего фельетона новымъ романомъ Шпильгагена. Я далеко не сомнѣваюсь въ великомъ талантѣ Шпильгагена. Въ его «Загадочныхъ натурахъ» (Problematische Naturen) и «In Reih' und Glied», онъ берется за такія задачи, которыя ставятъ передъ всякимъ мыслящимъ человѣкомъ современное развитіе жизни. Онъ глубокій мыслитель, отлично образованъ, обладаетъ могучею фантазіею, которая придаетъ его романамъ высокій матеріяльный интересъ, онъ превосходный стилистъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ауэрбахъ превосходитъ его по силѣ поэтическаго духа, то есть, именно тѣмъ, что дѣлаетъ поэта. Поэтическій геній есть, правда, нѣчто неизмѣримое, но тѣмъ не менѣе онъ реаленъ. Самъ Шпильгагенъ высказался объ этомъ предметѣ въ своемъ превосходномъ очеркѣ о Гомерѣ, во второмъ только что появившемся томѣ его «Разныхъ сочиненій» («Vermischte Schriften», Berlin, у Отто Янке), нѣсколько дѣльныхъ мыслей. Изобразивъ вліяніе Гомера на міръ впродолженіи трехъ тысячелѣтій, которое прерывалось лишь во времена варварства, и указавъ на вновь оживленное почитаніе Гомера въ блестящій періодъ нѣмецкой литературы, слѣдовавшій за періодомъ безвкусія,—на почитаніе, которое оказывали пѣвцу Иліады и Одиссеи Гете и Шиллеръ, Шпильгагенъ старается приковать вниманіе читателя къ тому обстоятельству, что среди изумленія передъ поэтомъ древности выплываетъ наружу и чувство разочарованія, такъ какъ всѣ попытки подражать Гомеру показали только, что онъ неподражаемъ. Отчего это — спрашивали себя его почитатели и особенно Гете, — отчего къ этому древнему пѣвцу, при всемъ его величіи, нельзя даже приблизиться? каждая индивидуальная величина должна же подлежать какому-нибудь измѣренію, отчего же въ этомъ случаѣ, какъ бы мы ни принаравливались, мы постоянно попадаемъ въ нѣчто недостижимое, неизмѣримое, безконечное? Эти проблемы, неразрѣшенныя для поэтовъ, рѣшены однако въ кабинетѣ филолога. Фридрихъ Августъ Вольфъ (Wolff) не наслаждался Гомеромъ, подобно Гете, сидя на берегу Сициліи, однако онъ понялъ «что этотъ несравненный пѣвецъ, царь всѣхъ поэтовъ, былъ не кто иной, какъ самъ могущественный народъ, воспѣтый въ пѣснѣ. Такъ-то наконецъ (предоставляю вести рѣчь самому Шпильгагену, который въ политическомъ отношеніи придерживался демократическихъ убѣжденій) объяснилось чудо; теперь наконецъ узнали, почему, измѣряя эту величину масштабомъ индивидуальной силы отдѣльнаго поэта, приходили къ тому заключенію, что эта величина просто неизмѣримая, теперь наконецъ поняли прежде непонятное.. Поняли безконечное богатство словъ, неизмѣримую сокровищницу языка, собранныя въ гомеровыхъ сочиненіяхъ, и въ сравненіи съ которыми запасъ одного индивидуальнаго поэтическаго генія, будь онъ даже искуснѣйшимъ мастеромъ въ употребленіи и знаніи языка, оказывается

крайне скуднымъ. Понятнымъ становилось это изобиліе величественныхъ и прелестнѣйшихъ изобрѣтеній, когда припомнили, что въ немъ проявилъ себя цѣлый народъ, богатый духомъ и фантазіею. Понятною стала прежде всего та безусловная точность, съ какою предстаютъ передъ насъ тѣ образы, о которыхъ нельзя сказать (какъ о герояхъ нашихъ сказокъ), что они изобрѣтены, ибо они суть не что иное, какъ идеальные представители народа, облеченные самимъ же народомъ этою идеальною миссіею».

Отъ древнѣйшаго эпическаго поэта перейду разомъ къ новѣйшему, Германну Лингу (Lingg), который составилъ себѣ почетное имя своими лирическими стихотвореніями. Въ его широко задуманномъ эпосѣ: «Переселеніе народовъ» (Volkerwanderung), третья и послѣдняя часть котораго напечатана недавно на столбцахъ «Аугсбургской всеобщей газеты» (Ausburge Allgemeine Zeitung), Линггъ дошелъ до дѣйствительно тайнаго (такъ какъ публика все еще не поняла его) классика. Книгопродавецъ Котта (издающій Аугсбургскую газету) полагаетъ, вѣроятно, что если онъ можетъ издать Гете и Шиллера, то онъ можетъ и создать новаго классика, при чемъ онъ горячится не въ мѣру и иногда весьма комично, стараясь доказать въ своей газетѣ, что Линггъ дѣйствительно эпическій поэтъ. Легко понять, какъ жалки и безсильны подобныя усилія. Вообще говоря, Линггъ поэтъ весьма почтенный, но поэтъ рефлектирующій и романтическій, неспособный написать одной страницы, которая нашла бы отголосокъ въ народѣ. Что за дѣло нынѣшнему міру до переселенія народовъ? Что намъ за дѣло до той агоніи 4 или 5-ти столѣтій, впродолженіи которыхъ постоянно повторяются все однѣ и тѣ же ужасныя картины страданій, и на которыхъ только изрѣдка вырывается свѣтлый лучъ человѣческаго чувства? Можно изумляться *искусству* поэта, съумѣвшаго сдѣлать изъ подобной темы нѣчто сносное, можно изумляться смѣлымъ картинамъ, блестящимъ періодамъ, мастерскому употребленію языка, изящности паѳоса, но вы остаетесь все-таки равнодушнымъ до глубины души.

Съ послѣднихъ дней августа, въ залахъ зданія здѣшней академіи открыта ежегодная художественная выставка, и все, что въ Берлинѣ имѣетъ претензію на образованіе, стремится теперь побывать въ академіи. Прежде всего очевидно, что всѣ жалобы на преобладаніе матеріалитическихъ интересовъ въ обществѣ не имѣютъ никакихъ основаній, хотя живопись—самое матеріальное изъ всѣхъ художествъ. Во всякомъ случаѣ, пріятно видѣть, какъ многочисленная публика выходитъ изъ пошлостей вседневной жизни и развиваетъ свой вкусъ въ самосозерцаніи и оживленныхъ преніяхъ. Всего важнѣе то, что любознательность, заявленная публикою, не ограничивается одними сло-

вами, и это очевидно не только потому, что многія картины присланы на выставку изъ частныхъ галлерей, но и потому еще, что въ короткій промежутокъ времени со дня открытія выставки уже продано значительное число картинъ. Съ давнихъ поръ проявляютъ здѣшніе богатые бюргеры нѣкоторое рвеніе поддержать искусство, и это рвеніе принесло не малую пользу нашимъ художникамъ. Есть много частныхъ лицъ (купцовъ, банкировъ, фабрикантовъ), обладающихъ весьма порядочными картинными галлереями. Почти каждое богатое семейство считаетъ необходимымъ, по своему положенію въ обществѣ, пріобрѣсти хотя нѣсколько хорошихъ картинъ, что обходится въ нѣсколько тысячъ талеровъ. Если бы такое же (приблизительно) значеніе придавали хорошей библіотекѣ, то и писатели могли бы улучшить свое положеніе, хотя и теперь имъ жаловаться нечего, такъ какъ при возрастающемъ нынѣ значеніи фельетоновъ запросъ на романы почти преувеличиваетъ предложеніе.

По общему приговору, нынѣшняя выставка одна изъ лучшихъ, какія когда-либо бывали въ Берлинѣ, какъ по среднему уровню достоинства картинъ, такъ и по сравнительному числу замѣчательныхъ произведеній. Большихъ историческихъ картинъ мало, и нѣкотораго вниманія заслуживаютъ лишь тѣ, которыя имѣютъ предметомъ эпизоды изъ прусской исторіи. Семилѣтняя война остается и теперь героическою эпохою пруссаковъ, а Фридрихъ Великій — ихъ національнымъ героемъ. Въ нынѣшній разъ эпоха Фридриха послужила только для двухъ замѣчательныхъ художниковъ, Оскара Бегаса и Кампгаузена. Кампгаузенъ представляетъ Фридриха Великаго подлѣ трупа фельдмаршала Шверина, послѣ битвы въ монастырѣ Маргариты близъ Праги. Техника—мастерская, но фигура короля нѣсколько мала, и выраженіе лица недостаточно характеристично. Въ этомъ отношеніи побѣда остается за Оскаромъ Бегасомъ. По окончаніи семилѣтней войны король поѣхалъ, до пріѣзда въ столицу, въ Шарлоттенбургъ, гдѣ онъ приказалъ исполнить въ дворцовой капеллѣ «Te Deum» (Тебе Бога хвалимъ) Грауна, которую и прослушалъ самъ одинъ. Король изображенъ на картинѣ въ настоящую величину, сидящимъ на стулѣ; дѣйствіе обозначено изображеніемъ мѣста и двухъ пѣвцовъ. Художнику удалось вложить въ лице короля такое выраженіе, что въ немъ дѣйствительно открываешь цѣлое море мыслей, которыя должны были волновать короля въ подобную минуту.

Блейбтрей (Bleibtreu) изобразилъ переходъ на Альзенъ, изъ шлезвигъ-гольштейнской войны, весьма живописно, съ прелестными эффектами красокъ, но вся картина состоитъ изъ жанровъ. Картины изъ прошлой войны всѣ на одинъ образецъ: король съ неизбѣжною свитою изъ Бисмарка, Роона и Мольтке, руку монарха цѣлующій офицеръ, и т. п., или встрѣча наслѣднаго принца съ принцомъ Фридрихъ-

Карломъ въ сраженіи подъ Кёнигегрецомъ — повозможности вѣрная копія встрѣчи Блюхера съ Веллингтономъ въ день ватерлооской битвы, — вотъ всѣ сюжеты, намалеванные съ большими претензіями на достоинство и тщательною обстановкою, но вовсе не искусно.

Въ ландшафтной живописи, юная реалистическая школа, снабженная техникой въ совершенствѣ, пріобрѣла множество поклонниковъ. Блестящій представитель ея, Карлъ Шерресъ, изображаетъ сѣверные ландшафты въ такомъ стилѣ, который всего лучше опредѣляется, если мы скажемъ, что онъ даетъ намъ, по своей вѣрности и гладкости, *изображеніе природы въ зеркалѣ*. Часть глинистой улицы въ деревнѣ, въ которой каждый конскій слѣдъ продавилъ лужу, и каждое проѣхавшее колесо образовало полосу, лучъ, въ которомъ блестятъ дождевыя капли, густыя, мрачныя тучи, непремѣнно крестьянская изба, прудъ съ утками—вотъ его любимыя изображенія, которыя онъ исполняетъ съ изумительною вѣрностью и очаровательностью. Эдуардъ Гильдебрандъ, составляющій прямую противоположность реалистамъ, главное достоинство которыхъ заключается *въ настроеніи*, дѣйствуетъ на васъ красками; и нынѣшній разъ онъ далъ намъ нѣсколько смѣлыхъ очерковъ. Кромѣ двухъ картинъ, вся сила которыхъ заключается въ солнечномъ свѣтѣ, распространенномъ по всему ландшафту столь блестящими лучами, что трудно представить себѣ, откуда взялись краски на изображеніе ихъ, — Гильдебрандъ доставилъ еще картину: «Crossing the line», которая вся почти основана на эффектѣ красокъ. Онъ изображаетъ часть дальняго моря, почти безъ неба; въ срединѣ совершенно незначительный корабль съ тонкою мачтою и бѣлыми парусами, которыя блестятъ отъ солнечнаго свѣта такимъ же живымъ цвѣтомъ, какъ и бѣлая пѣна гребней высокихъ, ультра-марино-голубыхъ волнъ. Эти волны изображены синѣйшими изъ синихъ, и не смотря на то художникъ успѣлъ-таки представить и прозрачность воды. Нужно видѣть эту картину, чтобы вполнѣ оцѣнить ея техническую отдѣлку, которая, по мнѣнію многихъ, является самою вопіющею погрѣшностью противъ рутинныхъ требованій искусства.

Предметомъ оживленныхъ споровъ служитъ также картина Геннеберга (Henneberg): «Погоня за счастьемъ». Къ какому бы окончательному результату ни пришолъ критикъ-спеціалистъ объ этой картинѣ, самъ критикъ пріобрѣтетъ, по всей вѣроятности, всемірную извѣстность. Юноша, въ средневѣковой одеждѣ, далъ шпоры фыркающему подъ нимъ коню и мчится черезъ мостъ; при въѣздѣ на мостъ лежитъ женщина, которая, вѣроятно, раздавлена юношею, и черезъ которую онъ безпощадно промчался. Въ дикой скачкѣ, съ него слетѣла шапка, правая рука его вытянута далеко впередъ, и онъ, кажется, вотъ-вотъ захватитъ волшебное видѣніе, передъ нимъ парящее, но подъ передними ногами коня разобранъ мостъ и всадникъ летитъ,

безъ всякой надежды на спасеніе, въ зіяющую пропасть, а смерть, несущаяся возлѣ охотника за счастьемъ, радуется уже, оскаливъ зубы, новой добычѣ. О художественномъ произведеніи этой аллегоріи можно спорить сколько угодно, но если художникъ оказываетъ на людей такое сильное впечатлѣніе, какое производитъ здѣсь его картина, то ему нечего заботиться объ эстетическихъ категоріяхъ, посредствомъ которыхъ желаютъ отнять у его таланта право на жизнь и на дѣятельность.

Во внутренней политикѣ не произошло ничего особенно замѣчательнаго. Король почти безпрерывно разъѣзжалъ по государству, дѣлая смотры въ новыхъ провинціяхъ, министры перебывали въ отпускѣ. Всѣ готовятся уже къ будущимъ занятіямъ въ парламентѣ. Ходъ ихъ опредѣлится всего вѣрнѣе и очевиднѣе тѣмъ положеніемъ, которое приметъ правительство относительно либеральной партіи въ ея рѣзкихъ и, нельзя сказать, чтобы неудачныхъ нападкахъ на обоихъ министровъ, составляющихъ крайнюю правую сторону въ кабинетѣ: графа Эйленбурга, министра внутреннихъ дѣлъ, и Мюллера, министра народнаго просвѣщенія. Самъ графъ Бисмаркъ желаетъ, вѣроятно, удаленія обоихъ министровъ, но король питаетъ слишкомъ большое уваженіе къ этимъ лицамъ, сослужившимъ ему хорошую службу въ самыя тяжкія времена конституціонной борьбы, и ему трудно будетъ рѣшиться, безъ особенной крайней необходимости, дать имъ отставку.

Въ слѣдующемъ письмѣ, мнѣ, по всей вѣроятности, уже придется говорить о томъ, въ какую сторону рѣшительно повернулся этотъ министерскій вопросъ, останется-ли министерство о двухъ душахъ: одной либеральной, которая воплощается въ графѣ Бисмаркѣ, и другой реакціонерной, представителями которой служатъ выше упомянутые два министра, или всѣ члены министерства будутъ имѣть только одно сердце и одну душу. Пророчить то или другое я не стану, ибо я не желаю, чтобы ко мнѣ примѣнили латинскую пословицу:

Si tacuisses, philosophus mansisses!

К.

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Хроника общественной жизни.

Въ сокровищницѣ нашей народной ходячей мудрости, есть оригинальная поговорка: «Мягко стелетъ,—да жестко спать». Мы увѣрены, что даже Вл. В. Стасову не удалось бы разложить этотъ элементъ нашей народной практической философіи, въ той критической ретортѣ, жáра которой не выдержалъ самъ Илья Муромецъ. «Мягко стелетъ—да жестко спать»—мысль совершенно самобытная, продуктъ нашихъ мѣстныхъ, почвенныхъ свойствъ, и мы надѣемся, что г. Орестъ Миллеръ, обрушившійся Аяксомъ І-мъ на редакцію нашего журнала за напечатаніе труда В. В. Стасова о русскихъ былинахъ,—проститъ ее за то, что теперь эта же редакція позволяетъ мнѣ принять на себя защиту народности вышеупомянутой поговорки. Моя защита основывается на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною надъ ходомъ реформъ у насъ и у нашихъ западныхъ сосѣдей.

Возьмите примѣръ любой страны, въ которой вводится какая-нибудь важная реформа; что же вы видите? Вы видите, что партія, которой интересамъ угрожаетъ реформа, дѣйствительно всѣми силами противится ея введенію, отрицаетъ не только ея пользу, но и ея возможность. При этомъ, каждый изъ противниковъ реформы не только не стыдится своего нерасположенія къ ней, но, напротивъ, гордится имъ и громко провозглашаетъ его всегда и вездѣ, въ собраніяхъ своей партіи, на митингахъ, или въ одиночку, въ преніяхъ домашнихъ—все равно. Наконецъ, реформа проходитъ. Тогда партія побѣжденная покоряется, потому именно, что всякія дальнѣйшія попытки противъ совершившагося факта становятся безнадежными. Дѣло въ томъ, что осуществленіе реформы стоило слишкомъ большой борьбы, чтобы можно было надѣяться передѣлать сдѣланное; партія побѣдившая, которой успѣхъ достался плодомъ отчаянныхъ и долговременныхъ усилій, зорко блюдетъ за своимъ дѣломъ и не выпуститъ его изъ рукъ. Обмануть ее нѣтъ возможности, уговорить ее или испугать—нечего и думать, потому что всѣ эти средства были уже истощены въ предварительной борьбѣ.

Такимъ образомъ, въ Англіи, тори сдѣлали въ свое время все, что могли, чтобы воспрепятствовать пилевской отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ она прошла, слыхалъ ли кто-нибудь о попыткахъ съ торійской стороны къ уничтоженію этого дѣла на практикѣ, посредствомъ введенія ряда ограничительныхъ мѣръ? Напротивъ, тори даже открыто заявили, что отказываются отъ своего экономическаго знамени. Съ пораженіемъ протекціонизма *исчезла партія* протекціонистовъ.

Тори сдѣлали въ свое время все, что могли противъ парламентской реформы, предложенной Греемъ и Росселемъ. Но когда реформа эта была проведена, заявили ли они когда-нибудь, хотя бы намѣреніе, предложить рядъ такихъ дополненій, которые на практикѣ уничтожили бы смыслъ реформы? Нѣтъ. При обсужденіи послѣдней парламентской реформы, Дизраэли уступалъ шагъ за шагомъ, весь проектъ его былъ въ сущности не что иное, какъ отсрочка на неопредѣленное время всякаго сколько-нибудь значительнаго расширенія избирательнаго права. Когда у него стали вызывать уступку за уступкой, онъ всячески старался ограничить практическое значеніе этихъ уступокъ. Когда же, наконецъ, все это неудалось—онъ самъ сталъ приводить въ исполненіе то, чего онъ не хотѣлъ сдѣлать, но что его сдѣлать заставили. Подите теперь въ Англію и спросите у любого шопкипера, не замышляютъ ли лорды — торійской партіи, какъ нибудь исковеркать на дѣлѣ великую реформу, которая вошла въ законодательство и входитъ въ жизнь? Шопкиперъ засмѣется.

О революціонныхъ перемѣнахъ правленія, мы не говоримъ; тутъ остается всегда партія враждебная самому государству, даже и въ новой его формѣ.

Въ нашихъ реформахъ мы замѣчаемъ нѣчто своеобразное: «мягко стлать» всѣ любятъ; кого ни спроси, особенно если спросить при свидѣтеляхъ, въ собраніи, всѣ выражаютъ убѣжденіе, что слѣдуетъ «стлать **мягко**», потому что того требуетъ гуманность. У насъ — всѣ либералы; это одна изъ нашихъ бѣдъ; сами чиновники, чѣмъ суровѣе родъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, тѣмъ представляются либеральнѣе. У насъ бывали даже такіе случаи: одинъ изъ прежнихъ нашихъ министровъ финансовъ славился либеральными выходками насчетъ министерства военнаго; одинъ изъ прежнихъ морскихъ министровъ сочинилъ нѣсколько, извѣстныхъ всей Россіи, весьма либеральныхъ остротъ на счетъ предпріятій вѣдомства путей сообщенія, и т. д. въ безконечность. Заграницею, оффиціальный органъ нашего военнаго министерства считается и теперь чисто-радикальною газетой. Даже жандармъ, который везъ г. Кельсіева въ Петербургъ, проповѣдывалъ по дорогѣ столь либеральныя начала, что самъ г. Кельсіевъ не мало отъ него позаимствовался.

Что касается сословія землевладѣльцевъ, — то они — рѣшительно

всѣ либералы, потому что они именно, какъ извѣстно, представляютъ просвѣщенное сословіе.

Въ Россіи есть *только два человѣка*, которые были достаточно смѣлы, чтобы открыто объявить себя не-либералами; это гг. Скарятинъ и Аскоченскій. Оба они въ послѣднее время пострадали за твердость своихъ убѣжденій. Г. Аскоченскій, проповѣдующій совершенно логично «дьявольскую идею», пострадалъ потому, что у насъ даже миссіонеры захотѣли быть либеральны (въ смыслѣ libéralisme и въ смыслѣ libéralité).

Г. Скарятинъ пострадалъ потому, что смоленское сословіе землевладѣльцевъ хотѣло показать себя просвѣщеннымъ сословіемъ, показать свой либерализмъ. Вмѣсто того чтобы накормить обѣдами голодающихъ крестьянъ порѣчьскаго уѣзда, гг. смоляне предпочли не дать г. Скарятину пообѣдать спокойно. Послѣднее легче.

О, дайте намъ консерваторовъ, отчаянныхъ, неуступчивыхъ, но искреннихъ консерваторовъ. Такихъ, которые не «мямлили» бы либерально при введеніи реформы, но зато послѣ не подставляли бы ей ножку, такихъ, которые не хвалили бы калачъ, когда его только что показываютъ, но зато послѣ уже не пѣли бы на всѣ лады Донъ-Базиліо — сперва piano piano, terra a terra, и потомъ qual terribile tempesta, come un colpo di cannone — что калачъ этотъ испеченъ-молъ изъ такой муки, которая въ Боровичахъ «пріобрѣталась» для голодающихъ, и что калачъ этотъ необходимо подвергнуть на пересмотръ медицинскаго совѣта.

Дайте намъ консерваторовъ и возьмите въ обмѣнъ реакціонеровъ! Когда перестанутъ быть либералами *всѣ* въ Россіи, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ двухъ человѣкъ, можно будетъ сказать, есть ли у насъ либералы.

«Но» — скажутъ намъ — «будто крестьянская реформа прошла у насъ безъ сопротивленія, будто консервативные элементы не заявили себя во время самаго составленія проекта?» Хорошо, очень хорошо, отвѣтимъ мы; но нерасположеніе проявилось безконечно слабѣе, чѣмъ оно чувствовалось въ дѣйствительности. Желчь не была выкинута, потому именно, что это считалось не либеральнымъ; она только разлилась, а потому и дѣйствуетъ до сихъ поръ; до сихъ поръ лелѣются реакціонныя мечтанія.

Когда обнародована была судебная реформа, всѣ въ одинъ голосъ только расхваливали принципъ самостоятельности суда, принципъ общественной совѣсти въ присяжныхъ, принципъ гласности судопроизводства. Это нисколько не мѣшаетъ тому, что въ настоящее время какъ только состоится судебное рѣшеніе, которое сколько-нибудь подлежитъ оспариванію, тотчасъ раздается знаменитый концертъ la calunnia.

Послѣ памятнаго дѣла о Протопоповѣ, нанесшемъ обиду своему начальнику, «черный хоръ» этихъ maestri di musica disciplinaria начиналъ уже

Prender forza a poco, a poco
Scorrer già in ogni loco.

Усиленіе тона съ тѣхъ поръ продолжалось непрерывно, и хотя до завѣтнаго colpo di cannone еще не дошло, но очевидно идетъ къ нему.

А colpo di cannone состоялъ бы въ томъ, чтобы «институтъ присяжныхъ» если не отмѣнить совершенно, то природнять его въ правахъ и преимуществахъ съ какими нибудь другими институтами, напримѣръ съ институтомъ слѣпыхъ, или съ институтомъ глухонѣмыхъ. Выборъ не труденъ и за справками ходить не далеко. Первый помѣщается, по сосѣдству, на Литейной, не далеко отъ судебной палаты; второй — ближе къ кассаціонному департаменту.

«Черный хоръ» въ послѣдніе дни не преминулъ возопіять по поводу двухъ судебныхъ рѣшеній: по дѣлу г. Бильбасова, въ Петербургѣ, и по дѣлу г. Колзакова, въ Москвѣ. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ эти два дѣла сопоставляютъ и выводятъ изъ сопоставленія разныя необходимости, которыхъ сущность состоитъ въ томъ чтобы «на мягкой постели да было жестко спать». Ихъ сопоставляютъ не потому, чтобы полное оправданіе г. Бильбасова и строгое осужденіе полковника Колзакова были удивительны въ равной степени, но именно для того только, чтобы сказать за тѣмъ: что же это такое, *наконецъ?!*

Полное оправданіе г. Бильбасова удивило многихъ; онъ самъ былъ удивленъ и бросился обнимать своего защитника, хотя едва ли можно сказать, что защита г. Лохвицкаго была ловче, если позволено такъ выразиться—самыхъ обстоятельствъ этого дѣла. Что самъ г. Бильбасовъ—юристъ очень талантливый, объ этомъ даже г. прокуроръ счелъ нужнымъ упомянуть въ своей рѣчи. Что касается таланта г. Лохвицкаго, то онъ обнаружился во всемъ блескѣ. Изъ такихъ слабыхъ доводовъ, какіе имѣлись въ дѣлѣ, создать полный успѣхъ — для этого нужно имѣть больше чѣмъ адвокатскія способности, нужно имѣть въ нѣкоторомъ родѣ стратегическій геній. Матеріялъ, предлежавшій защитѣ былъ въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно слабъ. Показаніе двухъ свидѣтелей, что Дмоховскій не передавалъ Бильбасову нѣсколькихъ документовъ у Доминика, когда имѣлись въ виду согласныя показанія противъ Бильбасова десятка лицъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло — вотъ сильнѣйшій изъ этихъ слабыхъ доводовъ.

Оспариваніе того обстоятельства, что Бильбасовъ дѣйствительно велъ переговоры о возвращеніи г-жи Засѣцкой всего долга князя Гагарина, когда самъ князь Гагаринъ и его повѣренный съ одной стороны утверждали, что онъ велъ переговоры именно объ этомъ, и самъ подсудимый только замѣнилъ слово «переговоры» словомъ «разгово-

ри» — былъ также доводъ не особенно сильный. Прокуроръ, еслибы онъ былъ убѣжденъ въ виновности Бильбасова и въ такомъ убѣжденіи почерпалъ бы больше энергіи, чѣмъ сколько онъ выказалъ, могъ указать на то обстоятельство, что исходъ, какой давалъ самъ г. Бильбасовъ дѣлу, намекая на возможность виновности г. Дмоховскаго, былъ исходъ совершенно неудовлетворительный. Люди двухъ сторонъ, люди имѣвшіе между собой даже денежныя затрудненія, князь Гагаринъ, графъ Шуваловъ, г-жа Засѣцкая, баронъ Меллеръ-Закомельскій, надзиратель Юнгъ и всѣ стоявшіе у г. Засѣцкой, за перегородкой, свидѣтели второго ея объясненія съ г. Бильбасовымъ, по поводу неполученія капитала,—сдѣлали такія показанія, которыя представляли нѣчто цѣльное и независимо отъ того, что могъ сдѣлать г. Дмоховскій. По этимъ показаніямъ двухъ сторонъ, между которыми стачка немыслима, можно было вывесть заключеніе, что дѣло шло именно о капиталѣ, что росписка полученная графомъ Шуваловымъ была та, которую ему показывалъ г. Бильбасовъ, росписка, которой ложность обнаружена, что г. Бильбасовъ объявилъ намѣреніе самъ лично заплатить г-жѣ Засѣцкой 30.000 рублей другими документами, и что стало быть....

Вотъ что толкують иные. Но критикуя слабость рѣчи прокурора, всѣ признаютъ весьма талантливою защиту г. Лохвицкаго. Нельзя не замѣтить, что онъ съ большимъ искусствомъ воспользовался тѣмъ поводомъ, который ему подалъ прокуроръ, признавъ самымъ существеннымъ пунктомъ въ дѣлѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли передалъ Дмоховскій документы Бильбасову. Обстоятельство это можетъ быть очень существенно для г. Дмоховскаго, такъ какъ если невиновность г. Бильбасова основать главнымъ образомъ на томъ, что г. Дмоховскій документовъ ему не передалъ, то тогда логика требуетъ обвиненія самого г. Дмоховскаго.

Но для дѣла, во всей его общности, фактъ передачи или не передачи документовъ Бильбасову у Доминика совсѣмъ не самый существенный вопросъ. Мы уже показали выше, что и безъ него достаточно было матеріяла. Ловкость г. Лохвицкаго въ томъ и состояла, что онъ тотчасъ воспользовался промахами обвиненія, которое признало *самымъ существеннымъ* именно тотъ единственный во всемъ дѣлѣ фактъ, по которому Бильбасовъ имѣлъ за себя двоихъ свидѣтелей, а обвиненіе—ни одного, кромѣ Дмоховскаго, между тѣмъ, какъ по всѣмъ другимъ фактамъ, Бильбасовъ имѣлъ противъ себя многочисленныя свидѣтельства отъ лицъ самыхъ различныхъ по положенію, а въ свою пользу ни одного, кромѣ своего же кучера, да еще нѣсколькихъ разнорѣчій.

Правда, г. Лохвицкій, съ обычнымъ своимъ талантомъ, убѣждалъ присяжныхъ, что кучера всегда очень хорошо помнятъ тѣ мѣста, въ

которыя возятъ своихъ господъ. Но такъ какъ кучеръ, очевидно, барина своего помнитъ еще лучше, чѣмъ тѣ мѣста, въ какія онъ его возилъ, то этотъ аргументъ г. Лохвицкаго, какъ и всѣ прочіе его аргументы, *всѣ безъ исключенія*, кромѣ употребленія въ дѣло промаха прокурора, ничего не стоилъ.

Такъ какъ намъ пришлось говорить о г. Лохвицкомъ, то воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать замѣчаніе объ одной сторонѣ его краснорѣчія. Какъ извѣстно, во Франціи, откуда заимствованы наши судебныя учрежденія, адвокаты разбираютъ себѣ разныя спеціальности краснорѣчія. Есть адвокаты - спеціалисты цицероновскаго паѳоса, есть адвокаты - спеціалисты юмора, есть адвокаты ругательные, которыхъ берутъ, чтобы на всякій случай «отдѣлать» противную сторону, каковъ бы ни былъ исходъ процесса. Въ процессахъ, какіе велъ до сихъ поръ г. Лохвицкій, обнаружилось, что талантливый докторъ юриспруденціи избралъ себѣ спеціальность юмора. Юморъ— вещь, имѣющая свои достоинства. Даже въ ученыхъ статьяхъ г. Лохвицкаго, напримѣръ, въ его полемикѣ съ К. Д. Кавелинымъ, юморъ составляетъ украшеніе, безъ котораго онѣ много потеряли бы. Но въ уголовномъ дѣлѣ, во всякомъ судебномъ дѣлѣ, юморъ едва ли имѣетъ цѣнность, едва ли даже всегда бываетъ умѣстенъ. Сверхъ того, адвокатъ юмористическій стоитъ на скользкомъ склонѣ къ тому довольно низкому мѣсту, какое занимаетъ адвокатъ ругательный. Когда г. Лохвицкій сказалъ: «присяжнымъ предстоитъ рѣшить, стóитъ ли физіономія Дмоховскаго того чтобы въ нее вглядываться... впрочемъ, это— дѣло вкуса», то онъ очень хорошо зналъ, что говоритъ пустяки, но быть можетъ не сознавалъ, куда можетъ увлечь адвоката подобная наклонность. Думаемъ оказать почтенному доктору услугу, предупреждая его объ опасности, которой онъ не видитъ.

О послѣднихъ словахъ подсудимаго мы говорить не будемъ; что онъ ссылался на жену и дѣтей, и на воскресный день, и напоминалъ присяжнымъ, что они не только присяжные, но въ сущности и судьи, все это конечно не имѣло юридическаго значенія, но могло тронуть присяжныхъ. Слово человѣка въ такомъ положеніи нельзя подвергать критикѣ. Замѣтимъ только, что всѣ были удивлены, почему г. прокуроръ не счелъ нужнымъ воспользоваться своимъ правомъ опровергнуть защиту и воздержался отъ возраженія. Впрочемъ, такъ какъ талантливая защита г. Лохвицкаго поколебала въ присяжныхъ увѣренность въ виновности г. Бильбасова (увѣренность эту они могли почерпнуть изъ прежняго приговора, которымъ Бильбасовъ былъ признанъ виновнымъ), то общество должно преклониться передъ ихъ рѣшеніемъ и принять ихъ приговоръ «нѣтъ, невиновенъ», въ томъ смыслѣ, въ какомъ его испрашивалъ самъ защитникъ, а именно: «Въ присяжныхъ должно явиться сомнѣніе въ виновности Бильбасова, а

при этомъ сомнѣніи, они непремѣнно обязаны отвѣчать отрицательно, признать Бильбасова невиновнымъ; дѣло это чрезвычайно темное, а законъ требуетъ отъ присяжныхъ, чтобъ они произносили обвинительный приговоръ только тогда, когда виновность подсудимаго представляется положительно доказанною».

Теперь спрашивается вотъ что: послѣ того, какъ Россія вѣка прожила подъ судомъ закрытымъ, послѣ того, какъ административный судъ, судъ безъ участія присяжныхъ, наполнялъ города и веси российской имперіи лицами, оставленными въ сильномъ или сильнѣйшемъ подозрѣніи, можно ли возвышать голосъ противъ всего учрежденія присяжныхъ зато, что, не имѣя такого ресурса — оставлять въ подозрѣніи, — присужденные или осудить человѣка или освободить его отъ суда, они въ данномъ случаѣ не могли рѣшиться на первое, не повторили прежняго рѣшенія теперь, когда свидѣтельства, по прошествіи долгаго времени, уже не были такъ опредѣлительны, какъ въ первый разъ? Или лучше было при старомъ судѣ, когда виновные въ такомъ родѣ, въ какомъ представлялся г. Бильбасовъ, почти *всегда* ускользали отъ наказанія, а сверхъ того, въ иныхъ деревняхъ половина люда состояла «въ подозрѣніи», кто по обыкновенію въ поджогѣ, кто въ убійствѣ, кто въ пристанодержательствѣ, кто въ кражѣ?

А между тѣмъ, иные такъ *удивлены* исходомъ дѣла Бильбасова, что бросаютъ своимъ удивленіемъ, какъ булыжникомъ, въ самое учрежденіе присяжныхъ, до котораго мы — изволите-ли видѣть, еще не созрѣли.

Чему вы такъ удивляетесь, господа? Концу этого дѣла?! Право, въ немъ начало гораздо болѣе заслуживаетъ удивленія, чѣмъ конецъ. Начало его состояло въ томъ, что князь Гагаринъ и графъ Шуваловъ сочли возможнымъ и справедливымъ торговаться о томъ, въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ дѣйствительно возвратить сумму занятую и опредѣленную въ заемныхъ письмахъ. Я занимаю у васъ деньги и по прошествіи нѣкотораго времени предлагаю вамъ понизить сумму моего вамъ долга. Вы конечно не согласитесь. Тогда я буду угрожать вамъ, что начну съ вами дѣло за лихвенные проценты, такъ какъ вы получали съ меня по 10%, что по буквѣ закона признается лихвою. Однимъ словомъ, я съ угрозами буду требовать, чтобы вы согласились получить менѣе, чѣмъ я обязался, менѣе чѣмъ показано въ цифрѣ, которую я подписалъ своей баронскою и кавалерскою подписью, а еще лучше — своимъ человѣческимъ именемъ?

А вѣдь самое дѣло возникло, по показанію Дмоховскаго, ходатая по дѣлу князя Гагарина, собственно изъ того, что князь признавалъ справедливымъ заплатить по заемнымъ письмамъ не 30.000 р., какъ слѣдовало, а 22.000 р. И такъ, вотъ получивъ 200 тысячъ рублей, и имѣя благое желаніе расплатиться съ долгами, можно предлагать 22 т.

вмѣсто 30 т., и склонять кредитора къ сдѣлкѣ угрозою начать съ нимъ дѣло о лихвѣ. И какая же это лихва: 10 процентовъ! Но пусть была лихва, пусть деньги въ дѣйствительности были выданы не всѣ (это бываетъ; не знаемъ какъ было тутъ), всетаки нельзя не признать страннымъ, когда лицо считаетъ необязательнымъ для себя исполненіе тѣхъ условій, на которыхъ оно *брало деньги.*

Даже говорили про угрозы, къ которымъ прибѣгнулъ г. Дмоховскій, конечно, не безъ вѣдома кн. Гагарина и гр. Шувалова. Вѣдь не могли же они думать, что безъ сильнаго *побужденія* можно склонить кого-нибудь получить меньше, чѣмъ слѣдуетъ, напримѣръ, 22 т. р. вмѣсто 30 т. р., или выкупныя свидѣтельства вмѣсто денегъ, т. е. 70 или 75 коп. за рубль.

Вотъ это удивительно въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь здѣсь, пожалуй, гораздо болѣе выказывается оригинальность нашихъ нравовъ, чѣмъ въ увольненіи человѣка отъ наказанія присяжными по недоказанности его виновности. Не присяжныхъ дѣло *доказывать* виновность, а потому и ропщите не на нихъ въ томъ или другомъ случаѣ, а на тѣхъ, кто не имѣетъ достаточно средствъ къ обвиненію.

Оригинальность нашихъ нравовъ, гораздо болѣе замѣчательная, выказывается въ процессѣ полковника Колзакова въ Москвѣ, по продажѣ негодныхъ лошадей. Здѣсь, совсѣмъ не то, что въ дѣлѣ Бильбасова: здѣсь сомнѣній въ виновности подсудимаго никакихъ нѣтъ. Что на растрекавшихся копытахъ лошадей были сдѣланы склепки—не подлежитъ сомнѣнію; что лошади къ ѣздѣ негодны — также сомнѣнію не подлежитъ. Менѣе всего подлежитъ сомнѣнію то, что за негодныхъ лошадей г. Колзаковъ получилъ деньги исправно. Здѣсь, въ противность бильбасовскому примѣру, даже кучеръ показывалъ противъ своего бывшаго господина, показывалъ, что склепки онъ самъ замазывалъ по приказанію барина.

Итакъ, чему же удивляться въ приговорѣ присяжныхъ, чѣмъ присяжные виноваты, въ комъ обнаруживается «незрѣлость нашего общества» въ присяжныхъ ли, которыя обманъ назвали мошенничествомъ или въ г. Колзаковѣ, который «искусно» продавалъ лошадей?

— Да помилуйте, послѣ этого всѣ *всадники.....* То-то и есть! Но неужели же привычки конной площади облагораживаются званіемъ всадниковъ? Неужели правда, что на лошади, въ особенности, «не обманешь не продашь»?

О милые кавалерскіе обычаи родной старины! Неужели вы въ самомъ дѣлѣ осуждены исчезнуть? Неужели какіе-то присяжные и мировые судьи, gens de peu et de chicane, призваны истребить ту широкую развязность, которая на долги, на куплю и продажу смотритъ какъ на низкія детали, которыя нельзя же принимать á la lettre; въ кредиторѣ видитъ все еще Mr. Dimanche, и на продажу негод-

ныхъ, но благородныхъ животныхъ, честнымъ, но простымъ людямъ, какъ на честь, оказываемую послѣднимъ?

Не ясно ли, что необходимы *мѣры?* Не ясно ли, что изъ «мягкой постели» необходимо повыбить пухъ? А то вѣдь житья не будетъ иному кавалеру. И куда, къ какой безднѣ мы, такой дорогою, придемъ?! О, таинственные, грозные вопросы!

Между тѣмъ испанское временное правительство объявило народу что «порядокъ въ государствѣ долженъ быть созданъ на основаніи свободы религіи, свободы преподаванія, свободы печати и свободы сходокъ». Вотъ что значитъ растворить двери настежь: сколько вдругъ вопросовъ проскакиваетъ.

Да, у царствующаго вѣка въ прихожей толпится много просителей—вопросовъ. Но обыкновенно ихъ стараются впускать неиначе, какъ поодиначкѣ, и то только заслуженныхъ, такихъ, которымъ уже подписано рѣшеніе, и которые отъ перезрѣлости едва уже стоятъ на ногахъ. Въ прихожей тѣснота, ибо просители пропускаются въ залу ареопага съ осторожностью, а прибываютъ во множествѣ. Какая давка, какая суматоха происходитъ, когда какой-нибудь проситель помоложе, посильнѣе, проталкивается не въ очередь — трудно описать. Порою вся толпа начинаетъ ломиться въ дверь. Прорубить окно, и то уже считается великою перестройкою; представьте же какой эффектъ, когда настежъ разверзается дверь, и прихожая, на дѣлѣ, упраздняется....

Испанское правительство въ своемъ манифестѣ многократно употребляетъ слово «свобода» не потому только, что bis repetita placent. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, большинство вопросовъ, не въ одной Испаніи, а повсемѣстно, просятъ именно о *свободѣ* чего-нибудь, Напр. о свободѣ торговли, о свободѣ Кандіи, о свободѣ пѣть русскія оперы безъ разрѣшенія г. Стелловскаго и т. д. Но въ числѣ ихъ есть такой вопросъ, который, въ сущности, всѣмъ имъ—голова: это вопросъ о свободѣ, о самой свободѣ.

Что такое свобода? Вопросъ это метафизическій, но интересный. Не намъ отвѣчать на него. Мы только указываемъ, что вотъ и онъ все еще дожидается въ прихожей философовъ-публицистовъ.

Вопросъ этотъ интересовалъ насъ еще въ дѣтствѣ. Въ то время, правда, изъ всѣхъ различныхъ видовъ свободы у насъ существовала только «свобода въ обращеніи» съ мужикомъ. Но само слово всетаки существовало.

— «Г. Б...., спросили мы своего учителя: что есть свобода?

— «А то, отвѣчалъ онъ, что не спрашивай пустяковъ».

Подвизаясь далѣе на поприщѣ знанія, мы въ учебникахъ не находили объясненія слову «свобода». Попадалось иногда выраженіе: «всѣ ужасы анархіи»; но это, думалось намъ, конечно не то. «Всѣ ужасы анархіи», какъ мы видѣли изъ учебника исторіи, происходятъ тогда,

когда какое-нибудь обидчивое правительство, желая наказать непослушный народъ, возьметъ да уѣдетъ; тогда народъ остается на жертву всѣмъ ужасамъ анархіи.

Но свобода, казалось намъ, Богъ знаетъ почему, должно быть скорѣе что-нибудь хорошее, выпадающее человѣчеству не въ наказаніе, а совсѣмъ напротивъ. Вотъ, если народъ ведетъ себя дурно, бываетъ непочтителенъ, тогда приходятъ на него «бичъ божій», или всѣ ужасы анархіи. Ну, а когда народъ постоянно ведетъ себя хорошо, постоянно бываетъ почтителенъ, тогда что? Быть можетъ тогда-то онъ получаетъ эту таинственную вещь, свободу, съ надписью: «за благонравіе».

Но ребяческія догадки исчезли впослѣдствіи, въ жизни. И слово свобода утеряло для насъ свою таинственность, хотя все еще заключаетъ въ себѣ что-то такое, отчасти электрическое, отчасти неопредѣленное. Слово свобода весьма часто попадалось намъ въ программахъ партій и газетныхъ разсужденіяхъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь свобода не являлась одна, спокойная, величественно-задумчивая, въ томъ видѣ, какъ люди бываютъ у фотографовъ. Напротивъ, она постоянно суетилась и играла. Такъ, она играла въ чехарду съ порядкомъ: то «порядокъ, основанный на свободѣ», то «свобода, основанная на порядкѣ». Или она играла въ прятки со своеволіемъ: «свобода не есть своеволіе, тю-тю!» «своеволіе—не есть свобода; тю-тю!»

А потому мы отъ всей души были признательны г. Градовскому, благодаря которому вопросъ о свободѣ, о самой сущности свободы, наконецъ, былъ поставленъ на самомъ жертвенникѣ науки, на торжественной каѳедрѣ изъ краснаго дерева, въ большой залѣ университета.

Предметомъ диссертаціи докторанта былъ собственно «уѣздъ московскаго государства». Казалось бы, такой предметъ не необходимо наводитъ на мысли о сущности свободы. Но г. Градовскій возбудилъ его въ своей книгѣ, очевидно, изъ желанія послужить обществу. Г. Градовскій, какъ видно, изъ возникшей впослѣдствіи переписки—человѣкъ обидчивый. Но на насъ онъ не посѣтуетъ; мы выпишемъ его опредѣленіе буквально: «Слово *свобода* означаетъ *или* независимость лица отъ государства въ сферѣ его индивидуальной дѣятельности, *или* участіе гражданъ въ государственномъ управленіи». Еслибы здѣсь стоялъ просто союзъ *и*, вмѣсто *или... или*, то опредѣленіе было бы совершенно ясно, и никакого недоразумѣнія не могло бы произойти. Еслибы г. Градовскій сказалъ: «независимость лица.... *и* участіе гражданъ...», то во-первыхъ мы имѣли бы опредѣленіе свободы, во-вторыхъ, знали бы, какого принципа держится въ политическихъ наукахъ самъ докторантъ. Но «*или... или*» все испортило. Оно превратило приведенную фразу въ разграниченіе видовъ свободы, а опредѣленія свободы

не дало. Что есть разныя стороны или виды свободы: политическая, экономическая, религіозная, и проч., кто же этого не зналъ и стоило ли это доказывать? Всѣ мы знаемъ, что есть Сатурнъ—богъ-времени, Нептунъ богъ морей, Марсъ богъ войны, и т. д. очень много. Но потому-то мы и считаемъ ихъ идолами. А вотъ вы отвѣтьте на вопросъ: что есть Богъ? Тогда мы узнаемъ, какой вы держитесь вѣры.

Но г. Градовскій, самъ возбудивъ вопросъ о свободѣ, отнесся къ нему неискренно. Вотъ еслибы онъ съ самаго начала сказалъ, что свобода это — всѣ ужасы анархіи, тогда мы бы прекрасно поняли, предположивъ, что намъ извѣстно, чтó такое анархія. А то посудите, докторантъ утверждаетъ вотъ что: «Въ древности степень не только политической, но и всякой свободы гражданина опредѣлялась участіемъ его въ народномъ собраніи, въ судѣ и администраціи. Изъ политической свободы *вытекали* всѣ остальные ея виды. *Но* въ новомъ государствѣ для человѣка явилась возможность быть свободнымъ, не участвуя въ политической жизни страны; не участвуя въ земскомъ управленіи, не подавая голоса въ законодательствѣ и судѣ; современный гражданинъ можетъ быть свободенъ какъ отецъ, какъ промышленникъ, какъ членъ религіознаго общества, какъ писатель, ученый... «Но», которое мы поставили въ курсивѣ, даетъ намъ право вывесть изъ словъ докторанта такое заключеніе: *но* въ новомъ государствѣ возможна свобода личная безъ всякой гарантіи, кромѣ буквы тѣхъ законовъ, которые даютъ разныя позволенія. Что свобода сдѣлаться отцомъ мыслима безъ всякой государственной гарантіи, что свобода сдѣлаться ученымъ не нуждается въ такой гарантіи, это еще пожалуй можно доказывать. Напримѣръ, «Большая медвѣдица» рѣшительно доступна для изученія, безъ гарантіи. Впрочемъ, и тутъ, если вамъ надоѣла «Большая медвѣдица» и желательно посмотрѣть «Южный крестъ», а г. Пинаръ находитъ, что именно вамъ путешествіе за границу не можетъ принесть, кромѣ вреда, никакой пользы!

Что вы можете быть свободны, какъ писатель и какъ членъ религіознаго общества, не участвуя лично даже въ земскомъ управленіи— съ этимъ легко согласиться. Изъ всѣхъ писателей, участвовавшихъ въ здѣшней городской думѣ, извѣстенъ одинъ А. А. Краевскій. Но нѣтъ достаточнаго основанія утверждать, что А. А. Краевскій именно и есть самый свободный изъ нашихъ писателей. Полагаемъ, онъ самъ не принялъ бы такого названія. Но можетъ ли писатель быть дѣйствительно свободенъ въ такой странѣ, гдѣ, напримѣръ, выборнаго земскаго управленія—вовсе нѣтъ?

Г. Градовскій, въ печатномъ отвѣтѣ на одну рецензію проговорился яснѣе: «Новое общество пишетъ онъ, устроилось такъ, что въ немъ нѣтъ необходимости *непосредственно* участвовать въ политической жизни, для того, чтобы быть свободнымъ.» Мы полагаемъ, даже

членъ американскаго конгресса свободнѣе тогда, когда лежитъ у себя въ постели, чѣмъ когда непосредственно участвуетъ въ конгрессѣ.

Еще сильнѣе высказалъ свою мысль г. Градовскій, когда, на возраженіе профессора Андреевскаго относительно солидарности видовъ свободы, возразилъ нѣчто въ родѣ того, что такъ можно дойти до всѣхъ ужасовъ анархіи.

Итакъ, наконецъ, осенью 1868 года, въ петербургскомъ университетѣ, отъ доктора in petto услышали мы тотъ выводъ, который отвергался нѣкогда нашимъ недозрѣлымъ, нелогическимъ смысломъ въ дѣтствѣ.

Но что же сказалъ г. Градовскій о самомъ предметѣ своей диссертаціи, объ уѣздѣ московскаго государства? — Очень много. Въ книгѣ его страницъ болѣе четырехъсотъ. Но такъ какъ прочтеніе диссертаціи въ 400 стр. не можетъ не быть утомительно, то г. Градовскій употребилъ весьма ловкій маневръ, чтобы завлечь читателя: онъ прибѣгнулъ къ загадкѣ, и до самаго конца книги такъ и не говоритъ, что́ такое собственно былъ уѣздъ въ московскомъ государствѣ, какія были его границы, могло ли быть въ немъ нѣсколько городовъ или только одинъ городъ, однимъ словомъ, сказалъ объ уѣздѣ все что угодно, но не сказалъ что́ такое былъ уѣздъ, въ чемъ заключались его существенныя и опредѣлительныя черты. Это — ребусъ. Читатель, дойдя до послѣдней страницы, съ веселою улыбкою возбужденнаго любопытства заглядываетъ на обложку, думая найти тамъ «обѣщанное слово». Но тамъ стоитъ только цифра 2 рубля.

Въ напечатанномъ письмѣ своемъ, г. Градовскій говоритъ, что онъ очень благодаренъ г. Андреевскому за его возраженія. Это очень вѣроятно, такъ какъ возраженія г. Андреевскаго не помѣшали произнесенію факультетскаго «dignus est intrare». Но едва ли во время самаго диспута г. Градовскій чувствовалъ большую благодарность къ профессору за ту пытку, которой тотъ безжалостно подвергалъ его.

Здѣсь, для краткости и вмѣстѣ полноты описанія этого любопытнаго диспута, мы позволимъ себѣ отъ формы повѣствовательной перейти къ формѣ разговорной, ручаясь за вѣрность не выраженій, конечно, но смысла рѣчей.

Г. Градовскій. То-есть какъ—что́ такое уѣздъ?

Г. Андреевскій. Да такъ, просто, что же такое былъ уѣздъ въ московскомъ государствѣ? Я этого-то и не нахожу въ вашей диссертаціи.

Г. Градовскій. Какъ! Да я только и говорю объ уѣздѣ....

Г. Андреевскій. Вы говорите, но не объясняете въ чемъ именно состоялъ уѣздъ, чѣмъ онъ обусловливался.

Г. Градовскій. Однако, я право не понимаю....

Г. Андреевскій. Дѣло очень просто. Я знаю, напримѣръ, что́ та-

кое была волость, знаю, что было воеводство; ну, а уѣздъ московскаго государства былъ мнѣ до сихъ поръ не ясенъ. Вотъ я съ удовольствіемъ ожидалъ найти это объясненіе въ вашей диссертаціи, и его то и не нашелъ.

Г. Градовскій. Позвольте, когда я говорю объ уѣздѣ, когда я столько говорю о немъ.... Я право не понимаю, чего вы отъ меня хотите....

Г. Андреевскій. Хочу, чтобы вы объяснили то именно, чему вы посвятили ваше разсужденіе. Что составляло уѣздъ, что было въ уѣздѣ?

Г. Градовскій. Однакожъ, я право не понимаю....

Это былъ не диспутъ, это была хирургическая операція и на паціента жалко было смотрѣть. Хорошо, что второй оппонентъ, г. Михайловъ, занялся уже только наложеніемъ крахмальной перевязки, какъ и слѣдовало послѣ операціи.

Но этимъ дѣло не кончилось. Послѣ обычнаго вопроса, обращеннаго деканомъ къ публикѣ, позади г. декана поднялся частный оппонентъ, магистръ, имени мы не разслышали. Произошла слѣдующая сцена:

Магистръ N. Вы говорите въ вашемъ введеніи, что «единство религіи и языка должно быть осуществлено прежде всего въ законодательствѣ и государственномъ управленіи».... Вы говорите, какъ объ одной изъ задачъ новаго государства, объ «ассимилированіи различныхъ племенъ и языковъ».... Такія положенія идутъ совсѣмъ наперекоръ наукѣ въ ея современномъ развитіи.

Г. Градовскій. Какой наукѣ? Гдѣ ея представители?

Магистръ N. Да вотъ, хоть Милль....

Г. Градовскій. А знаете, что Милль говоритъ, между прочимъ, въ своей политической экономіи? Позвольте, это мѣсто у меня выписано....

Магистръ N. Да что тамъ искать! Не можетъ Милль говорить ничего подобнаго....

Г. Градовскій. Быть можетъ, кто-нибудь изъ членовъ факультета потрудится послать за книгою Милля, я вамъ сейчасъ бы нашелъ....

Магистръ N. И не зачѣмъ; Милль не можетъ говорить ничего для подкрѣпленія васъ....

Г. Градовскій. Однако, я знаю....

Магистръ N. Да ужъ я навѣрное лучше знаю Милля, чѣмъ вы. (Смѣхъ. Деканъ, повидимому, дѣлаетъ внушеніе оппоненту.)

Магистръ N. (продолжая). Ну и насчетъ національности.... (Деканъ прерываетъ оппонента какимъ-то неслышнымъ увѣщаніемъ.)

Магистръ N. (къ декану, громко). Да, я буду остороженъ.... Тутъ ничего такого нѣтъ.

Диспутъ вскорѣ кончается лишеніемъ магистра слова. Но того что́ онъ сказалъ, было достаточно для уясненія одной изъ сторонъ ученаго взгляда г. Градовскаго.

Третій оппонентъ выступилъ въ ту самую минуту, когда докторантъ, только-что испивъ воды, пряталъ графинъ обратно подъ каѳедру. Оппонентъ что-то робко сказалъ докторанту. Докторантъ не понялъ возраженія и обратился съ вопросомъ. Оказалось, что оппонентъ только просилъ у него воды, напиться. У каѳедры на минуту происходитъ снабженіе водою. Это было великодушно со стороны г. Градовскаго. Во-первыхъ, онъ не побоялся утолить жажду противника и тѣмъ придать ему новыя силы; во-вторыхъ, онъ не побоялся, что оппонентъ, испивая изъ того же стакана можетъ отгадать его мысль—что́ именно есть уѣздъ?—и за тѣмъ, сообщивъ ее во всеуслышаніе, лишитъ диссертацію всей ея пикантности.

Оглушительные аплодисменты раздались, особенно съ хоровъ, когда деканъ провозгласилъ паціента докторомъ. О господа! Вы рукоплескали г. Градовскому. Означала ли ваша демонстрація сочувствіе къ его взглядамъ? Или она означала, что вы даже и не знаете что́ такое демонстрація? Будемъ надѣяться, что вѣрно только послѣднее, и что «демонстрація въ храмѣ науки» вамъ столь же неизвѣстная вещь, какъ и «уѣздъ» московскаго государства.

Почти въ тоже самое время раздавались на другомъ берегу Невы рукоплесканія въ «храмѣ Ѳемиды», по поводу благополучнаго исхода процесса г. Бильбасова; но апплодировавшія, при напоминовеніи имъ закона, обратились въ бѣгство, забывъ калоши и пальто; принимаемъ послѣднее за порывъ раскаянія, и въ виду насморка и кашля, отъ котораго они могли пострадать, прогуливаясь безъ пальто осенью, произнесемъ надъ ними оправдательный приговоръ.

Есть другой «храмъ», гдѣ рукоплесканія составляютъ условіе жизни самого дѣла, и потому мы обратимъ свои наблюденія отъ университета и суда на театральную сцену, гдѣ аплодисментъ рисуетъ такъ часто и сцену, и партеръ.

На русской сценѣ появилась «Прекрасная Елена», пьеса не только иностранная, но еще спеціально-парижская, да и то спеціально d'un *certain* Paris. Быть можетъ, по общепринятому обычаю, намъ слѣдовало бы выразить прежде всего, въ похвалахъ, проникнутыхъ горькою ироніею, поздравленія нашему театру, который «созрѣлъ» до Belle Hélène, и ввернуть нѣсколько глубоко-публицистическихъ мыслей относительно развратныхъ старцевъ и вѣтрогонной молодежи, плѣняющейся подобными перезрѣлыми трюфелями «французской драматической кухни» (это — принятое у насъ выраженіе). Къ сожалѣнію, мы не понимаемъ, какое отношеніе можетъ имѣть къ публицистикѣ фарсъ и даже представленіе, разсчитанныя на не совсѣмъ возвышенныя че-

ловѣческія чувства. Мы знаемъ напримѣръ, что балетъ давно процвѣтаетъ въ Парижѣ и Лондонѣ, процвѣтаетъ и въ Петербургѣ, а въ городѣ Захолустьѣ не процвѣтаетъ; и все-таки, отказываемся произнести, на основаніи этого факта, сужденіе, что общественная зрѣлость и всякое человѣческое развитіе въ Захолустьѣ стоитъ выше, чѣмъ въ названныхъ городахъ, даже что нравы въ Захолустьѣ чище. Мы не думаемъ, что существованіе балета или оффенбаховскаго фарса несовмѣстно съ новыми судебными учрежденіями или можетъ повредить развитію самодѣятельности путемъ земства.

Относительно «воспитательнаго» назначенія театра мы также далеко не предаемся пылкимъ надеждамъ.

«Прекрасная Елена», какъ извѣстно, переведена на главные языки и пользуется огромною популярностью не въ одной Франціи, а вездѣ; даже степенные нѣмцы играютъ ее, и играютъ съ большимъ успѣхомъ. При такихъ данныхъ, какъ бы ни былъ пустъ этотъ фарсъ съ точки зрѣнія мысли серьезной, наблюдателю простой общественной жизни стóитъ заняться опредѣленіемъ составныхъ элементовъ этого успѣха. Постараемся дать возможно-полное опредѣленіе знаменитой пьесы Оффенбаха, Мельяка и Галеви.

«Прекрасная Елена», какъ и «Орфей въ аду», прежде всего пародія. Это пародія не простая, а такъ сказать двойная, пародія съ ироническимъ отношеніемъ авторовъ къ своимъ собственнымъ намѣреніямъ. Главная мысль—пародировать классическихъ боговъ и героевъ (боговъ въ «Орфеѣ», героевъ въ «Еленѣ»). На Западѣ, и особенно во Франціи и Англіи, гдѣ классицизмъ до сихъ поръ рѣшительно преобладаетъ чуть не въ первоначальномъ образованіи, боги Олимпа и герои Эллады близки всей массѣ публики, и ироническая обработка того самого матеріала, который въ школѣ представлялся вѣчнымъ идеаломъ красоты и величія—должна затрогивать публику за живое; тамъ, на Западѣ, въ этой пьесѣ видятъ не только глумленіе, но даже нѣкотораго рода кощунство — мотивъ, которымъ всегда легко производится эффектъ, мотивъ, который въ массѣ и особенно во французской массѣ всегда популяренъ. Въ обѣихъ этихъ пьесахъ, насмѣшка бьетъ и въ ту собственно таинственную, мистическую обстановку, которою окружало ханжество Олимпъ во всѣ времена, а въ «Еленѣ», сверхъ того, бьетъ и клерикальную касту, которая питалась насчетъ Олимпа, касту, съѣдавшую жертвоприношенія, неудобоваримыя для боговъ.

Но, смотря на эту пародію, вы скоро замѣчаете, что передъ вами не миѳологическіе боги, а герои парижскаго полусвѣта, что этотъ Олимпъ, собственно говоря—Монмартръ. Вы видите, что авторы сами глумятся надъ своими литературными намѣреніями, что въ прозѣ гг. Мельяка и Галеви ни одного слова нельзя понимать въ его прямомъ

значеніи, что даже когда они острятъ, то острятъ «нарочно», т. е. намѣренно-глупо.

Итакъ, тутъ происходитъ двойная, или если хотите, тройная пародія, и всему этому радуется, надъ всѣмъ этимъ хохочетъ веселая и блестящая музыка Оффенбаха, которая ко всѣмъ видамъ пародіи, внесеннымъ авторами либретто, прибавляетъ еще одинъ: пародію на серьезную оперу, со всѣми ея псевдо-торжественными и условно-страстными пріемами. Такъ въ шутовскомъ тріо послѣдняго акта, гдѣ требуютъ отъ Менелая жертвы, два вступительные такта взяты изъ знаменитаго тріо «Вильгельма Телля», гдѣ также требуется жертва. Наконецъ, ко всѣмъ этимъ элементамъ вѣрнаго успѣха, къ этой шутовской и сознательно глупой путаницѣ, авторы прибавили еще одинъ несомнѣннѣйшій элементъ успѣха: соблазнительную сцену, слишкомъ игривые намеки и тѣлодвиженія; составивъ olla podrida изъ всякихъ пикантныхъ насмѣшекъ, они посыпали это кушанье кайенскимъ перцомъ извѣстнаго свойства.

Вотъ что такое «Belle Hélène», въ сущности пустой фарсъ, но такой фарсъ, въ которомъ играютъ въ мячики авторитетами и вмѣстѣ льстятъ грубымъ чувствамъ. Могла ли такая пьеса не понравиться?

Она понравилась. Она понравится даже на александринскомъ театрѣ. Успѣхъ ея при первомъ представленіи, гдѣ составъ публики былъ обусловленъ высокимъ цензомъ, доказалъ, что исполненіе вышло недурно; успѣхъ при слѣдующихъ представленіяхъ обусловится именно только пикантностью низшаго разряда.

Вся остроумная сторона фарса, всѣ пародистическія намѣренія авторовъ частью пропадаютъ въ самой игрѣ русскихъ актеровъ, частью пропадаютъ даромъ для массы русской публики, для которой боги Олимпа и герои Эллады вовсе нефамильярные, старые знакомые, идеалы дѣтства, а просто индифферентныя сказочныя существа. Спеціально-парижская жизнь ей вовсе незнакома. Напримѣръ, сцена ссоры за игрою, которая скопирована съ извѣстной исторіи парижскаго полусвѣта, въ которой попались директоръ оперы Кальзадо и Гарсія, остается у насъ безъ смысла; послѣдній актъ, представляющій полусвѣтъ aux eaux—у насъ также ничего не значитъ. Остается веселость музыки Оффенбаха и привлекательность грубыхъ выходокъ. Вся пародія и весь chic улетучиваются.

Большинство публики шло на первое представленіе съ явнымъ намѣреніемъ полюбоваться, какъ-то россійскіе актеры будутъ уродовать парижскую пьесу. Публика обманулась. Переводъ оказался вовсе не такъ плохъ, какъ слѣдовало ожидать; актеры не всѣ преувеличивали пошлости, какъ то казалось неизбѣжнымъ. Сама «Прекрасная Елена», г-жа Лядова была очень мила. Оказалось даже, что поетъ она пріятно. Впрочемъ, что танцовщица пріятно поетъ—это всего менѣе уди-

вительно именно на Руси, гдѣ покойный Мартыновъ готовился въ балетмейстеры. Русскій «Парисъ» не уступалъ ни въ чемъ французскому «Парису».

Артистъ, игравшій Кальхаса, нѣсколько утрировалъ свою роль; онъ даже обращалъ иногда въ каррикатуру свой французскій образецъ. Вообще, эта роль на русской сценѣ теряетъ смыслъ, потому что греческій костюмъ, который одинъ могъ бы придать ей то значеніе, какое ей даетъ на французской сценѣ лысина — католическая тонзура Кальхаса — былъ бы неумѣстенъ.

Зато артистъ, представлявшій Ахилла, создалъ типъ мѣстный, близко знакомый намъ изъ *нашихъ* нравовъ, и очень хорошо проводилъ свою каррикатуру.

Въ заключеніе, ко всему ряду апплодиcментовъ, которымъ покрылась наша общественная жизнь въ прошедшемъ мѣсяцѣ, когда такъ усердно рукоплескали г. Градовскому, гг. Бильбасову и Лохвицкому, «Прекрасной Еленѣ», намъ слѣдовало бы перейти къ рукоплесканіямъ г. Оресту Миллеру въ засѣданіи отдѣленія Географическаго Общества, гдѣ нашъ ученый поражалъ Вл. В. Стасова за пораженіе, нанесенное имъ героямъ нашей древности, при чемъ, какъ читатели знаютъ, досталась и редакціи того журнала, которая осмѣлилась напечатать «Русскія Былины». Но все это можетъ отвлечь насъ отъ современнаго и перенести въ XVIII-ый вѣкъ, когда происходило нѣчто подобное между Ломоносовымъ и тоже Миллеромъ, съ тою только разницею, что Миллеръ XVIII-го вѣка игралъ обратную роль сравнительно съ Миллеромъ, нашимъ почтеннымъ современникомъ и нашимъ преслѣдователемъ.

—о—

НОВАЯ ПОЧТОВАЯ ТАКСА ПЕРЕСЫЛКИ ЖУРНАЛОВЪ.

Бóльшая или мéньшая плата за пересылку журналовъ и газетъ, по почтѣ, свидѣтельствуетъ о состояніи почтоваго дѣла въ каждой странѣ, о степени его развитія и успѣха, и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываетъ выгодное или невыгодное вліяніе на распространеніе образованія въ обществѣ, дѣлая чтеніе болѣе или менѣе доступнымъ. Само по себѣ это положеніе неоспоримо, и мы можемъ только затрудняться примѣненіемъ его къ новой мѣрѣ почтоваго вѣдомства, относительно измѣненія пересылочной платы за журналы и газеты съ 1869 года. Мы не говоримъ о томъ, что эта мѣра явилась довольно внезапно, когда многіе журналы и газеты объявили уже о подпискѣ на 1869 г. на

прежнемъ основанiи; что этой реформѣ, несравненно болѣе важной, нежели какъ то можно подумать съ перваго раза,—этой реформѣ не предшествовало, сколько намъ извѣстно, совѣщанiе съ экспертами и людьми, прямо заинтересованными въ этомъ дѣлѣ; все это мы оставляемъ въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что отсутствiе такого обыкновеннаго прiема обнаружится скоро на результатахъ, къ которымъ приведетъ новая мѣра. Весьма ошибаются тѣ, которые полагали бы, что дѣло кончится уменьшенiемъ запроса, т. е., въ настоящемъ случаѣ, уменьшенiемъ числа читающаго класса; могутъ даже найтись люди, которые не считаютъ такое обстоятельство большимъ зломъ. Эта мѣра, какъ мы увидимъ, должна нанести вредъ даже тѣмъ, которые разсматривали бы его исключительно съ точки зрѣнiя почтамтскихъ интересовъ. Мы, конечно, не поставлены наблюдать за послѣдними, но указываемъ на то, какъ на новое доказательство, что мѣра, предпринятая не практически, поражаетъ не только интересы тѣхъ, противъ кого она направлена, но даже и тѣхъ, которые направили ее.

Вотъ какъ было до сихъ поръ, и вотъ какъ будетъ съ 1869 года. До сихъ поръ, такса за пересылку журналовъ и газетъ, издаваемыхъ въ Россiи, была слѣдующая: 1) за журналы и газеты, выходящiе четыре, два или одинъ разъ въ мѣсяцъ, взималось 1 р. 50 к. съ полнаго годового экземпляра; 2) за журналы и газеты, выходящiе до 3 разъ въ недѣлю — 2 руб.; и 3) за ежедневныя газеты — 3 рубля. Съ 1869 г. всѣ журналы и газеты платятъ однообразно 20% съ подписной цѣны. Наприм., нашъ журналъ, выходя одинъ разъ въ мѣсяцъ, платилъ прежде 1 р. 50 к.; съ 1869 г., этотъ же журналъ, не увеличивая объема, т. е. почтоваго вѣса, ни сроковъ выпуска, т. е. числа разъ сдачи журнала въ почтамтѣ, другими словами, не увеличивая ни тяжести перевоза, ни работы по прiему книгъ, будетъ платить почтамту 2 р. 80 к.,—что и составитъ 20% съ подписной цѣны на журналъ безъ доставки, а именно 14 рублей.

Изъ самаго изложенiя факта видно, что Почтамтъ, при назначенiи прежней платы за пересылку журналовъ и газетъ руководился, весьма справедливо, чисто почтовыми данными: чѣмъ больше перiодическое изданiе представляетъ вѣсу, т. е. тяжести для перевозки, и чѣмъ чаще происходитъ его сдача, т. е. чѣмъ большей работы и рукъ онъ требуетъ въ Газетной Экспедицiи, тѣмъ выше пересылочная плата. Однимъ словомъ, это такое было рацiональное основанiе, противъ котораго нельзя ничего сказать, и на которомъ зиждется и до сихъ поръ вся остальная почтовая операцiя, въ отношенiи писемъ, посылокъ и т. д. Теперь принято другое основанiе, а именно, *подписная цѣна*: чѣмъ выше подписная цѣна, тѣмъ выше пересылочная плата. Для лицъ, не имѣющихъ понятiя о значенiи подписной цѣны, эта мѣра представляется съ перваго раза весьма справедливою и рацiональною; и оно было бы такъ, еслибы

подписная цѣна выражала степень дохода. Между тѣмъ подписная цѣна выражаетъ только *стоимость* изданія, т. е. величину расхода и соотвѣтствующее ему иногда качество матеріала. Представьте себѣ газету, которая не только не платитъ гонорарія своимъ сотрудникамъ, но иногда сама получаетъ гонорарій, или вся состоитъ изъ однихъ объявленій, за помѣщеніе которыхъ платятся редакціи деньги; и возьмите другую газету, которой фундаментальныя статьи обходятся ей очень дорого. Первая газета найдетъ возможнымъ объявить подписную цѣну въ 2 руб., а вторая едва возвратитъ затраченное при 12 руб. подписной цѣны. По новой системѣ, первая газета заплатитъ поэтому 40 коп. въ годъ за пересылку, какова бы ни была масса, пересылаемая ею, по своей тяжести, и сколько бы разъ она ни сдавала въ Почтамтъ свое изданіе; вторая газета заплатитъ 2 руб. 40 коп. не потому, чтобы она представляла бóльшій грузъ для перевозки или болѣе частую сдачу, но только потому, что ея подписная цѣна 12 рублей. Однимъ словомъ, Почтамтъ хочетъ принимать въ соображеніе, при назначеніи пересылочной цѣны, не то, чтó его дѣйствительно касается, именно тяжесть годового экземпляра и сроки сдачи, а то, чтó до него вовсе не касается, какъ наприм., подписная цѣна. Чтó бы сказали, еслибъ Почтамтъ назначилъ пересылочную плату соотвѣтственно шрифт и съ цицеро брали бы больше, чѣмъ съ корпуса или боргеза; а между тѣмъ такое основаніе было бы нисколько не хуже подписной цѣны: подписная цѣна столько же касается сущности почтовой операціи, какъ и шрифтъ. — Чтобы понять все значеніе новаго основанія, приложимъ его къ письменной корреспонденціи: до сихъ поръ Почтамтъ беретъ 10 к. съ лота, при пріемѣ письма; представьте себѣ распоряженіе—брать 20%, смотря по цензу, къ которому можетъ принадлежать податель письма. Или, напримѣръ, пересылку книгъ пріурочимъ къ объявленной на нихъ продажной цѣнѣ, какъ теперь сдѣлано съ журналами, и чтó же мы получимъ?! За пересылку извѣстнаго изданія «Les peuples de la Russie», цѣною въ 200 р., наприм. въ Гатчину, придется, считая по 20% съ подписной цѣны, 40 рублей серебромъ— сумма, достаточная почти для найма экстреннаго поѣзда для одного экземпляра. Года два тому назадъ, издавалась въ Петербургѣ газета, если не ошибаемся, «Коммиссіонеръ», наполненная одними объявленіями, за которыя издателю платилось, и потому возможно было раздавать ее на улицѣ даромъ; другими словами, подписная цѣна на эту газету равнялась *нулю*. Любопытно знать, какимъ образомъ Почтамтъ взялъ бы за пересылку этой газеты 20% съ нуля, и много ли онъ получилъ бы за свою операцію по разсылкѣ этой газеты? Не доказываетъ ли все это, что принципъ взиманія пересылочной платы, сообразно подписной суммѣ, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и что для Почтамта существуетъ одна правильная мѣра—вѣсъ и сроки сдачи?

Лучше всего справедливость этого обнаружилась на таксѣ относительно журналовъ. Газета ежедневная печатаетъ въ годъ около 700 листовъ, потому что каждый, такъ-называемый нумеръ газеты заключаетъ въ себѣ *два* печатныхъ листа, въ чемъ легко удостовѣриться, сложивъ нумеръ газеты на подобіе журнала: окажется въ нумерѣ 32 страницы, тогда какъ въ журнальномъ листѣ всего 16 страницъ. Газета сдаетъ свое изданіе 360 разъ въ годъ. Журналъ же печатаетъ въ годъ около 350 листовъ и сдаетъ 12 разъ въ годъ. Если предположить, что эти 350 листовъ, составляющихъ 12 книжекъ въ годъ, вѣсомъ около 25 фунтовъ, то годовой экземпляръ газеты вѣситъ 50 фунтовъ. Другими словами, газета даетъ Почтамту перевозной тяжести около пуда, а журналъ около полупуда; газета въ тридцать разъ чаще занимаетъ Экспедицію сдачею, и не смотря на то, по нынѣшнему принципу, газета платитъ за пересылку годового экземпляра 2 р. 40 к.; а журналъ, потому что онъ представляетъ вдвое менѣе тяжести и въ 30 разъ рѣже сдается въ почтамтъ—2 р. 80 коп. Вотъ къ чему приводитъ принципъ, если онъ утверждается людьми, полагающими, что подписная цѣна выражаетъ доходъ редакціи, и которые вовсе не подозрѣваютъ, что дешевое изданіе несравненно доходнѣе дорогого, по причинамъ объясненнымъ выше.

Какой же изъ всего этого выводъ? Новая система является налогомъ на чтеніе болѣе капитальныхъ изданій, конечно, помимо воли тѣхъ, которые составляли проектъ, но которые были увлечены новымъ принципомъ. Тѣ изданія, которыя выиграли отъ новой системы, какъ оказывается, не всѣ перемѣнили подписную цѣну съ пересылкой, слѣдовательно выигрышъ достался не въ руки публики, а редакцій: многія газеты, которыя стоили прежде съ пересылкою 16 руб., болѣе не платятъ 3 руб. за пересылку, но и не сбавляютъ цѣны: подписная цѣна ихъ 12 руб., съ которой онѣ платитъ 20% за пересылку, а съ пересылкою остались по прежнему 16 руб., какъ будто бы на пересылку приходится 4 руб., между тѣмъ какъ теперь взимается съ нихъ всего 2 р. 40 к. Однимъ словомъ, читатели газетъ остались обложенными какъ прежде, а читатели журналовъ должны уплачивать высшую пошлину. Но принялъ ли въ соображеніе почтамтъ, что при этомъ, нанеся вредъ читающей публикѣ, онъ нанесъ ударъ и собственнымъ средствамъ: цифра подписчиковъ на журналы ничтожна сравнительно съ цифрою газетныхъ подписчиковъ. На одного журнальнаго подписчика придется по крайней мѣрѣ 20 газетныхъ: Почтамтъ получитъ теперь $1\frac{1}{2}$ рубля больше прежняго съ одного журнальнаго подписчика и не досчитается 12 рублей съ двадцати подписчиковъ газетныхъ! По приблизительному вычисленію, недоборъ Почтамта долженъ теперь равняться 50.000 руб., не считая вообще уменьшенія подписки на журналы, такъ какъ они возвысились въ цѣнѣ; а увели-

ченія подписки на газеты нельзя предвидѣть, такъ какъ многія редакціи газетъ согласились платить Почтамту меньше, но подписную цѣну съ пересылкою удержали прежнюю.

Говоря такъ, мы вовсе не сожалѣемъ объ уменьшеніи почтовой таксы на газеты; но несправедливо приравнять полпуда пересылки къ цѣлому пуду, и не только приравнять, но взять за полпуда дороже чѣмъ за пудъ. Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы газеты могли сдѣлаться дешевле; это составляетъ предметъ нашихъ желаній, но мы не видимъ, почему изданія менѣе эфемерныя, какъ журналы, должны быть обложены высшимъ налогомъ. Мы не понимаемъ даже, почему въ наше время, когда желѣзныя дороги развились въ такомъ размѣрѣ, что перевозная плата понизилась на все, понадобилось возвышеніе платы на перевозку журналовъ. Неужели насъ хотятъ заставить пожалѣть о «телѣжной эпохѣ», когда Почтамтъ возилъ журналы за 1 р. 50 к. и не оставался въ накладѣ?! Большая часть нашихъ ежедневныхъ органовъ печати отозвались съ радостью о новой реформѣ, хотя не всѣ вспомнили при этомъ понизить цѣну съ пересылкою. Положимъ, изъ вышесказаннаго читатель пойметъ причину тѣхъ радостныхъ отзывовъ; но мы желали бы, чтобы почтовое начальство не придало особой цѣны тѣмъ отзывамъ и не видѣло въ нихъ доказательства совершенства новой системы. Невысокая пересылочная такса есть всегда лучшій знакъ хорошаго состоянія почтоваго дѣла, а постепенное ея пониженіе есть лучшее свидѣтельство о новыхъ его успѣхахъ. Налогъ на чтеніе хотя и не такъ непосредственно обременителенъ, какъ налогъ на хлѣбъ или соль, но результаты перваго въ глазахъ государственнаго человѣка не менѣе чувствительны для интеллигенціи страны, въ ходѣ которой прежде всего заинтересовано высшее Правительство. Нѣтъ сомнѣнія, такой важный законъ, какъ законъ объ измѣненіи таксы на журналы, былъ предварительно обсужденъ въ нашихъ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, и потомъ удостоился высочайшаго утвержденія; но въ настоящемъ случаѣ, мы хотѣли только показать, что хотя мотивъ закона о новой таксѣ могъ имѣть великодушную мысль обложить высшимъ сборомъ высшую подписную цѣну; но оказывается на дѣлѣ, что подписная цѣна выражаетъ собою не доходъ, а расходъ, и вслѣдствіе того почтамтъ долженъ, въ противность всякой ариѳметикѣ, утверждать, что полпуда тяжелѣе пуда, и находить, что 12 разъ пріема журнала дѣлаютъ больше работы, нежели 365 разъ. Можетъ быть, издавая такой законъ, ожидали отъ него благихъ результатовъ, но, какъ мы скоро увидимъ, онъ ограничится обремененіемъ читающаго міра, который у насъ и безъ того ограниченъ и числомъ, и средствами. Sapienti sat!

ТЕАТРЫ.

Начало театральнаго сезона.

Бенефисы гг. Горбунова, Малышева и Зуброва: «Воробушки», «Самодуръ», «Перемелется—мука будетъ», и «Сельская Школа».

Начало театральнаго сезона никогда не бываетъ особенно блистательно. Артисты точно не спѣлись еще и не вошли въ свои роли; новыя произведенія ждутъ болѣе оживленной минуты, разгара зимы, чтобы появиться на сцену; вездѣ и во всемъ чувствуется какая-то вялость, точно драматическая сцена не успѣла совсѣмъ пробудиться послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ лѣтняго сна. Мы не безъ умысла дѣлаемъ такое вступленіе, мы желаемъ, обманывая и себя и читателей, чтобы оно хоть сколько-нибудь ослабило, стушевало то неудовлетворенное чувство, отъ котораго мы не могли освободиться, почти каждый разъ, возвращаясь изъ русскаго театра. Русскій театръ, само-собою разумѣется, интересуетъ насъ и дорогъ намъ болѣе всѣхъ остальныхъ; съ него мы и начнемъ, къ нему мы, можетъ быть, будемъ и строже, чѣмъ къ другимъ сценамъ, какъ всегда бываешь къ тѣмъ, кого искренно любишь, кому искренно желаешь добра.

Прошло передъ нами нѣсколько новыхъ пьесъ, поставленныхъ для двухъ или трехъ бенефисовъ, прошло нѣсколько и старыхъ, изъ пьесъ репертуара, и прежде, чѣмъ обратиться къ первымъ, скажемъ хоть одно слово объ этихъ послѣднихъ. Репертуаръ составляется, если мы не ошибаемся, изъ пьесъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, изъ произведеній самыхъ талантливыхъ авторовъ, а тѣ пьесы, которыя имѣютъ только значеніе минуты, одного дня, написанныя на какую-нибудь идейку, бѣгавшую какъ ртуть по обществу, или на извѣстную тему, тенденцію, тѣ обречены, такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлается во всемъ мірѣ, на вѣчный сонъ и вѣчное забвеніе. Такія пьесы могутъ съ успѣхомъ быть играны мѣсяцъ, два, цѣлый сезонъ пожалуй, но никакимъ образомъ не должны попадать въ постоянный репертуаръ театра. Намъ совершенно невольно приходитъ это на умъ, когда на русской сценѣ, рядомъ съ такими безсмертными произведеніями репертуара, какъ «Горе отъ ума», «Ревизоръ»—рядомъ съ нашею главною драматическою силою—комедіями Островскаго и новымъ пріобрѣтеніемъ—историческою драмою, какъ «Смерть Іоанна Грознаго», мы видимъ, рядомъ съ этими относительными великанами, пьески, родившіяся какъ грибы послѣ дождя и исчезающія вмѣстѣ съ дождемъ.

Отъ «Горя отъ ума» въ томъ видѣ, какъ дается оно на сценѣ Александринскаго театра вѣетъ такою допотопною стариною, такою безжизненностью, что просто дѣлается страшно, и если не бѣжишь изъ театра, то только потому безсознательному чувству уваженія, которое съ молоду питаемъ мы къ имени автора. Ошиблись бы однако тѣ, которые бы отвѣтили нам: да что жъ тутъ удивительнаго, что «Горе отъ ума» на васъ дышетъ стариною, вѣдь въ самомъ дѣлѣ эта вещь устарѣла, она на тысячу верстъ отстоитъ отъ нашего времени, она имѣетъ значеніе только какъ историческій памятникъ. Нѣтъ, такое мнѣніе было бы невѣрно, и если мы вовсе не думаемъ да и не желаемъ утверждать, чтобы «Горе отъ ума» было совершенно современнымъ и сценическимъ произведеніемъ, то мы не думаемъ быть далеко отъ истины, говоря, что «Горе отъ ума» все-таки во сто разъ ближе къ намъ, чѣмъ многія изъ такъ называемыхъ современныхъ пьесъ, которыя обставляются съ такою тщательностью. Оно ближе намъ, потому что въ немъ есть та общечеловѣческая сторона, которая всегда нова, въ немъ есть то внутреннее содержаніе, которое всегда намъ будетъ близко, въ то время, какъ современныя пьесы, построенныя на одной внѣшности, на однихъ подмѣченныхъ фразахъ, но не на уловленныхъ характерахъ, годныя для нѣсколькихъ представленій, оставляютъ насъ совершенно холодными, какъ только минуетъ извѣстное повѣтріе. Если «Горе отъ ума» наводитъ на зрителей унылое расположеніе духа, то вовсе не потому, чтобы изображаемые тутъ нравы были такъ далеки отъ насъ, что стали намъ чудными и непонятными; нѣтъ, наши общественные нравы вовсе не сдѣлали такого сильнаго скачка, и почти все, въ чемъ тогда упрекалъ Чацкій, могъ бы онъ упрекать и теперь,—но только потому, что «Горе отъ ума» исполняется невыносимо. Мы рѣшительно не можемъ назвать ни единаго лица, кромѣ развѣ старика Сосницкаго, который сколько нибудь удовлетворилъ бы насъ. Мы не станемъ толочь воду, говоря о Скалозубѣ, Молчалинѣ, Фамусовѣ, потому что всѣ эти роли вовсе не подъ силу тѣмъ, которые ихъ играютъ, и вѣроятно они играютъ только потому, что другіе, какъ гг. Самойловъ и Васильевъ *не хотятъ* ихъ играть; но мы спросимъ только г. Нильскаго, которому нѣтъ возможности отказать въ талантѣ, зачѣмъ онъ не постарается вникнуть въ роль Чацкаго (онъ доказалъ то въ ролѣ Іоанна Грознаго), зачѣмъ онъ не создастъ его, зачѣмъ онъ читаетъ или отвѣчаетъ стихи, а не играетъ ихъ? Артистъ, у котораго есть талантъ, или вовсе не долженъ браться за роль, если онъ не чувствуетъ себя къ ней способнымъ, или ужъ если берется то не долженъ исполнять ее такъ, какъ г. Нильскій исполняетъ роль Чацкаго.

Говоря о мужскихъ роляхъ, порицая очень многое и многихъ, мы все-таки можемъ съ удовольствіемъ остановиться на нѣсколькихъ име-

нахъ; переходя же къ женскимъ, мы просто опускаемъ руки. Большая часть главныхъ ролей распредѣляется между госпожами Владиміровой и Струйской, и какъ ни грустно это сказать, ни одна изъ нихъ не можетъ удовлетворить мало-мальски эстетическому чувству. Госпожа Владимірова играетъ роль Софьи Павловны въ «Горѣ отъ ума», а госпожа Струйская роль жены Іоанна Грознаго—и та и другая, какъ нельзя болѣе не на мѣстѣ, обѣ портятъ пьесы, одна своею жеманною, однообразно-скучною игрою, другая своимъ поразительнымъ непониманіемъ маленькой исторической роли. Мы вовсе не нападаемъ ради удовольствія нападать, мы не критиковали бы постановки и исполненія хорошихъ русскихъ драматическихъ произведеній, если бы не думали, что они могутъ быть лучше, и несравненно лучше исполнены, если бы положеніе русскаго артиста было бы уравнено съ иностранными, и еслибы свободная конкурренція была допущена для театровъ, какъ напр., уже допущены частныя газеты рядомъ съ правительственными органами.

Но обратимся къ новымъ пьесамъ, которыя были поставлены въ бенефисы гг. Горбунова, Малышева и Зуброва, и постараемся воздать «каждому свое». «Воробушки», «Самодуръ», «Перемелется—мука будетъ», «Сельская Школа», таковы заглавія новыхъ четырехъ комедій. Слѣдуя порядку представленія ихъ, нужно начать, кажется, съ «Воробушекъ» и «Самодура». Хотя на афишкѣ и не выставлено, что «Воробушки» передѣланы съ французскаго, но тѣмъ не менѣе это извѣстно всѣмъ и каждому; ихъ заграничное происхожденіе, — нужно прежде всего отдать справедливость скромному автору, столь удачно передѣлавшему пьесу, и не выставившему свое имя,—нисколько не портитъ того пріятнаго впечатлѣнія, которое оставляетъ по себѣ эта милая комедія. Эпитетъ «милой», какъ нельзя болѣе подходитъ и къ сюжету, и къ дѣйствующимъ лицамъ и къ самому ходу «Воробушекъ». Если въ дѣйствительной жизни рѣдко встрѣчаются такія добродѣтельныя, милыя и симпатичныя натуры, какъ Николай Ильичъ Телятевъ, его безукоризненно добрая жена и его безукоризненно добрый сынъ, то за то сплошь и рядомъ попадаются такіе «кулаки», какъ Евстафій Сергѣевичъ Берендѣевъ, сводный братъ добряка Телятева. Вся комедія вертится около этихъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ прекрасно розыгранныхъ гг. Самойловымъ и Васильевымъ 2-мъ. Николай Ильичъ Телятевъ, какъ говоритъ самое имя его и какъ мы успѣли то сказать, представляетъ собою нѣсколько фантастическій типъ добряка, который ко всѣмъ имѣетъ безграничное довѣріе, но который, въ тоже время, терпѣть не можетъ этого имени добряка и постоянно старается увѣрить всѣхъ и каждаго, что онъ вовсе не добръ и не довѣрчивъ, что онъ строгъ и даже жестокъ. Онъ души не слышитъ въ своей женѣ, въ своемъ сынѣ, которые платятъ ему тою же

монетою, и только изрѣдка упрекаютъ его, что онъ черезъ чуръ уже слабъ. Противуположный ему типъ — его сводный братъ Берендѣевъ, какъ снѣгъ на голову падаетъ въ домъ Телятева и все переворачиваетъ вверхъ дномъ. Онъ забрасываетъ въ невинную душу своего сводгаго брата сѣмя сомнѣнія въ человѣческомъ родѣ, объясняетъ ему, что міръ состоитъ изъ двоякаго рода людей — тѣхъ, которые водятъ за носъ, и тѣхъ, которыхъ проводятъ, что онъ, Берендѣевъ, принадлежитъ къ первымъ, а тотъ къ послѣднимъ. Берендѣевъ проповѣдуетъ Телятеву, чтобы онъ никому не довѣрялъ, что весь свѣтъ состоитъ изъ однихъ мошенниковъ, что всякое доброе чувство, въ сущности, не доброе, что доброта—вздоръ, глупость, что нужно быть твердымъ и непреклоннымъ, и не оказывать ни малѣйшаго сочувствія чужому горю, чужимъ бѣдамъ, чужимъ несчастіямъ, потому что все это «стара штука», одинъ обманъ и надувательство. Берендѣеву удается такъ обработать Телятева, что этотъ, не смотря на страшныя мученія, которыя онъ испытываетъ отъ этого, становится подозрителенъ, недовѣрчивъ, скрытенъ, ревнивъ и глухъ къ несчастію другого до того, что отказался выручить изъ бѣды своего пріятеля Торстона, на дочери котораго хочетъ жениться его сынъ. Если бы на афишкѣ не стояло слово комедія, мы могли бы опасаться, что съ этой минуты начнетъ развиваться какая-нибудь страшная драма, въ которой только послѣ многихъ слезъ и всевозможныхъ бѣдъ герой былъ бы раздавленъ добродѣтелью, хотя и сильно потерпѣвшею въ бою; но тутъ не такъ. Лишь только подозрительность и недовѣріе Телятева достигаютъ своей апогеи, какъ начинается поворотъ въ другую сторону, именно къ счастливому окончанію и развязкѣ. Въ то время, какъ Берендѣевъ обработывалъ Телятева въ одну сторону, сынъ Берендѣева обращаетъ своего отца въ другую. Онъ рисуетъ своему отцу-деспоту, до какого положенія онъ довелъ его, какъ, благодаря своему мѣткому слову «стара штука», Берендѣевъ бросилъ его на ту широкую дорогу, на которой погибалъ не одинъ бѣдный сынъ богача-родителя. Берендѣевъ тронутъ разсказомъ сына, прощаетъ ему, платитъ за него всѣ долги и бросается ему на шею. Разумѣется, еслибы кто вздумалъ разбирать «Воробушекъ», какъ серьезную комедію, тотъ долженъ былъ напасть на такой оборотъ дѣла и на такое быстрое торжество добра надъ зломъ; но мы вѣдь съ самаго начала дали «Воробушкамъ» только эпитетъ «милой». Въ это самое время, когда съ Берендѣевымъ происходитъ превращеніе, распространяется слухъ, что Телятевъ разорился, и тогда всѣ тѣ, которыхъ онъ сталъ подозрѣвать, что они обманываютъ его, являются къ нему на помощь, подавая руку спасенія. Телятевъ тронутъ, уничтоженъ ихъ великодушіемъ, глубоко раскаявается въ своей перемѣнѣ и къ общему удовольствію и дѣйствующихъ лицъ «Воробушекъ», и всей публики, снова дѣлается

добрякомъ и снова начинаетъ проповѣдывать, что на всѣ человѣческія дѣла нужно смотрѣть сквозь пальцы, рискуя даже иногда и быть обманутымъ и проведеннымъ. Таково содержаніе этой комедіи, плавающей на розовой водѣ, но тѣмъ не менѣе, производящей далеко не дурное впечатлѣніе. Причина того, что оптимистическій взглядъ на жизнь автора «Воробушекъ» не дѣйствуетъ непріятно, можетъ быть, скрывается въ томъ, что онъ очевидно и не претендуетъ на строгую правду. Фальшивая нота въ этой пьесѣ берется такъ искренно, такъ непритворно, съ такимъ очевиднымъ умысломъ, что нельзя претендовать на автора, сказавшаго себѣ, принимаясь за перо: жизнь скверна, тяжела, каждый день, каждый часъ мы видимъ одно и тоже зрѣлище, какъ Берендѣевы торжествуютъ надъ Телятевыми, и какъ послѣдніе послѣ «опыта жизни» превращаются въ первыхъ и остаются на новой дорожкѣ, правда, усѣянной мошенничествами всякого рода, но за то въ сто кратъ болѣе выгодной; отчего же, хоть на-зло правдѣ, позабывъ ее, не отвести свою душу на сценѣ и не показать, какъ хорошо жилось бы людямъ, если бы торжествовали не Берендѣевы, а Телятевы. «Ложь, нелѣпость» скажутъ болѣе строгіе судьи, глядя на «Воробушекъ». «Иллюзія, розовая вода» произнесутъ болѣе снисходительные, «милая фантазія», скажемъ мы, выполненная безъ всякой вычурности и грубости. Помимо того, что концепція комедіи очень удачна, въ ней есть простота въ исполненіи, въ завязкѣ и развязкѣ, есть даже если не характеры, то намеки на нихъ, контуры двухъ типовъ, и за это одно уже нельзя не отозваться съ похвалою о «Воробушкахъ», этой комедіи, не чуждой водевиля. Безъ сомнѣнія, если бы «Воробушки» были исполнены дурно или даже посредственно, комедія эта не имѣла бы и половины того успѣха, которымъ она пользуется въ эту минуту. Но г. Самойловъ, въ роли Телятева, и г. Васильевъ 2, въ роли Берендѣева, были, какъ нельзя болѣе, хороши, и они участвовали по крайней мѣрѣ на половину въ успѣхѣ пьесы. Намекамъ они придали настоящій смыслъ, контурамъ они сообщили тѣло и рѣзко заставили выступить всѣ удачные, типичные штрихи автора. Въ этой же пьесѣ мы замѣтили одного молодого актера г. Сазонова, исполнявшаго роль Сергѣя, сына Берендѣева, который, безъ сомнѣнія, не лишенъ таланта. Онъ обладаетъ молодостью въ игрѣ, жаромъ, развязностью, которая иногда даже, и этого онъ долженъ какъ можно болѣе остерегаться, переходитъ въ распущенность. Его дикція очень пріятна, и если только онъ не перестанетъ трудиться, можно тогда надѣяться, что изъ него выйдетъ хорошій комикъ.

Вмѣстѣ съ «Воробушками» въ бенефисъ г. Горбунова шла его собственная пьеса «Самодуръ», названная картинами въ трехъ отдѣленіяхъ. Талантъ г. Горбунова, хотя и ограниченный своею спеціальностью, тѣмъ не менѣе очень симпатиченъ, и когда онъ писалъ свои сцены изъ на-

роднаго быта и разсказывалъ ихъ самъ на театрѣ, намъ кажется, что онъ былъ какъ нельзя болѣе на своей дорогѣ. Вотъ почему, смотря на «Самодура», уже большую пьесу, намъ было досадно, что онъ вышелъ изъ своей колеи, потому что «Самодуръ» вовсе не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, которыми обладаютъ его крошечныя сцены. Въ нихъ всегда есть и юморъ, и остроуміе, онѣ не утомляютъ васъ ни своею длиннотою, ни своимъ однообразіемъ, въ чемъ такъ грѣшитъ «Самодуръ». Въ сценахъ г. Горбуновъ является оригинальнымъ авторомъ, въ своемъ «Самодурѣ» только слабымъ подражателемъ А. Н. Островскаго, послѣ котораго никто, не внося совершенно новой какой-нибудь стороны, не долженъ затрогивать «области русскихъ самодуровъ», этой собственности автора «Грозы». Не будемъ, впрочемъ, долѣе останавливаться, на «Самодурѣ» г. Горбунова, ошибка въ грѣхъ не ставится — и надо надѣяться, что послѣ первой попытки, крайне неудачной, написать большую пьесу, г. Горбуновъ снова возвратится къ своимъ маленькимъ сценамъ, въ которыхъ, на русскомъ театрѣ, онъ не встрѣчаетъ себѣ соперниковъ.

Пьеса, поставленная послѣ «Воробушекъ» и «Самодура», называется «Перемелется — мука будетъ», и принадлежитъ, точно также, какъ и «Самодуръ», перу одного актера, именно одному изъ любимцевъ московской публики—г. Самарину. Если мы назвали «Самодура» крайне неудачной попыткой, то затрудняемся, какимъ безобиднымъ для г. Самарина терминомъ можемъ мы характеризовать его пьесу. Г. Самаринъ — талантливый артистъ, и намъ очень жаль, что онъ не захотѣлъ довольствоваться завиднымъ титуломъ хорошаго актера, и пожелалъ присоединить къ нему еще и званіе автора. Сохраняя репутацію г. Самарина и вмѣстѣ соблюдая выгоду читателей, мы не станемъ передавать сюжета «Перемелется—мука будетъ». Достаточно будетъ сказать, что комедія эта принадлежитъ къ тѣмъ безчисленнымъ тенденціознымъ пьесамъ, которыя терзаютъ зрителей безконечными монологами о работѣ, трудѣ, о честности, которыя показываютъ публикѣ все ту же юную дѣву, которая влюбляется въ учителя, и все того же учителя - плебея, влюбляющагося въ дѣвушку - аристократку. Родительская власть торжествуетъ, дѣва умираетъ въ чахоткѣ, юноша, разбитый любовью, ищетъ излѣченія въ работѣ, трудѣ, въ проповѣди честности и караніи порока. Вотъ содержаніе «Перемелется — мука будетъ» и всѣхъ подобныхъ пьесъ, которыя становится крайне трудно отличить одну отъ другой. Мы назвали эти пьесы тенденціозными и теперь чувствуемъ необходимость сдѣлать маленькое объясненіе. Читатель не долженъ думать, что когда говорится «тенденціозная», что тутъ всегда разумѣется тенденція въ одну сторону, именно тенденція либеральная, прогрессивная, отсвѣчивающая стремленія будущаго поколѣнія или того, чтó звалось или зовется молодымъ поко-

лѣніемъ. Нисколько. Тенденція во всѣхъ этихъ пьесахъ совершенно иная и даже довольно оригинальная: выставлять юношей, молодыхъ людей, всегда какими-то глупыми, почти идіотами, и очень часто даже людьми просто нечестными. Вотъ истинная тенденція всѣхъ этихъ скучныхъ, тоскливыхъ «гражданскихъ» пьесъ. Когда-то приведетъ Богъ отдѣлаться отъ этого театральнаго мусора, только запружающаго гнилью несчастную русскую сцену. Герои г. Самарина нисколько не отличаются отъ всѣхъ подобныхъ имъ героевъ. Юная дѣва, молодая графиня Шитвинская, влюбляется, ходитъ на свиданія и кашляетъ не хуже другихъ дѣвъ; ея отецъ-старикъ также уменъ, также добръ и также хорошо умѣетъ соблюдать свое собственное достоинство и жертвовать ему даже жизнію своей дочери, какъ и всѣ остальные ходульные представители стараго поколѣнія, и юноша - учитель, Рѣшетовъ, нисколько не умнѣе всѣхъ другихъ юношей ему подобныхъ. Но за то онъ великолѣпенъ, когда ночью, въ саду, во время свиданія при лунномъ освѣщеніи, съ дѣвушкою, которая его боготворитъ и которую онъ страстно любитъ, и, вдобавокъ еще, пойманный лакеемъ стараго графа, объясняетъ и долго толкуетъ ей о значеніи науки, о правдѣ, о знаніи! Нельзя не подивиться у г. Самарина глубокому пониманію человѣческаго сердца! Искренно пожелавъ г. Самарину отбросить далеко въ сторону желаніе сдѣлаться авторомъ и ограничиться именемъ, которое слишкомъ хорошо, чтобы имъ брезгать,—талантливаго и полезнаго актера, мы перейдемъ къ послѣдней изъ названныхъ нами пьесъ, именно къ «Сельской школѣ», шедшей въ бенефисъ г. Зуброва.

«Сельская школа» переведена съ итальянскаго и принадлежитъ перу Кастельвеккіо, автора, который не пользуется большою репутаціею даже въ Италіи. Мы не станемъ останавливаться на этой комедіи по двумъ причинамъ: во - первыхъ, это пьеса не оригинальная, и потому, поставленная на русской сценѣ, имѣетъ только половину интереса, а во - вторыхъ, — и это главное — пьеса не имѣетъ сама по себѣ никакихъ особенныхъ достоинствъ. Написанная въ минуту сліянія Италіи въ одно цѣлое, изгнанія австрійцевъ, въ минуту народнаго энтузіазма, когда все дышало радостью и счастьемъ, пьеса эта, основанная на политическомъ фактѣ, съ подкладкою изъ самой банальной любовной интриги, имѣла бы успѣхъ въ Италіи даже и тогда, когда въ ней не было бы ровно ничего, кромѣ одного крика: да здравствуетъ свобода! крика, который несовсѣмъ вѣрно переведенъ переводчикомъ: да здравствуетъ освобожденіе! Еще хорошо, что автору не вздумалось перевести такъ: да здравствуетъ улучшеніе быта Италіи! Если пьеса эта, написанная ради извѣстной минуты, могла нравиться въ свое время итальянцамъ, то спрашивается: какой интересъ представляетъ эта пьеса, поставленная на русской сценѣ? Ровно

никакого, кромѣ развѣ того, что показываетъ, до какой степени неразборчивы бываютъ у насъ переводчики. Мы далеки отъ того, чтобы имѣть вообще что-нибудь противъ переводныхъ пьесъ. Совершенно напротивъ, мы будемъ всегда только радоваться, когда увидимъ, что на русскую сцену ставятся серьезныя и хорошія пьесы, откуда бы онѣ къ намъ ни являлись, изъ Франціи или Англіи, Италіи или Германіи. Но ставить пьесы, не имѣющія никакого значенія, не отличающіяся никакими достоинствами, пьесы самаго банальнаго свойства—этого мы никогда не поймемъ, а всегда будемъ горько жалѣть и публику и еще болѣе тѣхъ талантливыхъ артистовъ, которые, какъ г. Самойловъ, даютъ себѣ трудъ не только разучивать, но создавать цѣлыя роли. Если мы это говоримъ по поводу «Сельской школы», то что́ же должны мы сказать, когда на сцену Александрийскаго театра ставятся такія переводныя произведенія, какъ «la Belle Hélène». Жалко и грустно! у насъ нѣтъ другихъ словъ, обидно и больно, что мы, не довольствуясь паденіемъ нашей собственной сцены, и у другихъ-то умѣемъ заимствовать только то, и интересоваться только тѣмъ, что̀ составляетъ и въ ихъ сферѣ искуства самую низкую и самую недостойную сторону, свидѣтельствующую не о томъ, что̀ въ эпохѣ есть хорошаго, а о томъ, что́ можетъ служить признакомъ ея паденія.

Поставленная на сцену Александринскаго театра, надо надѣяться, что «la Belle Hélène» сойдетъ со сцены Михайловскаго, который болѣе не нуждается въ Оффенбахѣ, чтобы привлекать къ себѣ публику. Михайловскій театръ пріобрѣлъ себѣ въ Маріи Делапортъ такой магнитъ, который не позволитъ ему оставаться пустымъ никогда, если только будетъ играть эта высокоталантливая артистка. Г-жа Делапортъ дебютировала въ умной пьесѣ Александра Дюма: «les Idées de M-me Aubray», и дебютировала въ ролѣ Жанины съ такимъ успѣхомъ и талантомъ, что мы не считаемъ себя въ правѣ говорить о ея игрѣ мимоходомъ; остановиться же на ея игрѣ и разобрать ее болѣе подробно мы предпочитаемъ въ другой разъ, когда увидимъ ее еще и въ другихъ роляхъ, хотя и не сомнѣваемся, что и во всѣхъ послѣдующихъ своихъ дебютахъ она выкажетъ себя тѣмъ же, чѣмъ и въ первый разъ, т. е. артисткою, для которой театръ не есть ремесло, а высокое и истинное призваніе.

в. т.

КРИТИКА

И

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОКТЯБРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Русскіе на Босфорѣ. Записки *Н. Н. Муравьева.* Москва. 1869. Стр. 459 и 692, съ указателемъ.

Біографическое извѣстіе о Н. Н. Муравьевѣ, помѣщенное издателями его записокъ, такъ коротко, что мы можемъ привести его въ цѣлости:

«Покойный ген.-ад. Н. Н. Муравьевъ (Карсскій) съ раннихъ лѣтъ постепенно велъ памятныя записки, въ видѣ дневника. Важнѣйшіе эпизоды своей служебной дѣятельности, на основаніи этого дневника, онъ распространялъ потомъ, въ свободное время, въ отдѣльныя большія сочиненія. Таково его «Путешествіе въ Туркменію и Хиву», изданное въ Москвѣ въ 1822 г.; таковъ еще не напечатанный обширный трудъ его объ осадѣ Карса въ 1855 году. Книга, нынѣ издаваемая, также есть распространенный дневникъ. Она была приготовлена къ печати самимъ авторомъ и не вышла въ свѣтъ при его жизни единственно потому, что встрѣтились внѣшнія препятствія. Здѣсь она напечатана съ подлинной рукописи, которая перешла во владѣніе къ зятю его, Г. А. Черткову».

1833-й годъ остался памятнымъ въ новѣйшей исторіи европейской дипломатіи: никогда ни прежде, ни послѣ, не была Оттоманская имперія такъ близка къ паденію, а слѣдовательно и восточный вопросъ такъ близокъ къ своему разрѣшенію. Въ 1849-мъ году, Австрія была въ положеніи весьма сходномъ, когда Венгрія угрожала ей погибелью, какъ Египетъ, возставшій противъ султана, угрожалъ въ 1833 году Турціи. Роль наша въ отношеніи Австріи и Турціи была одинакова; мы явились спасителями Турціи въ 1833 г., и спасителями Австріи въ 1848 г. Записки Н. Н. Муравьева, принимавшаго дѣятельное дипломатическое участіе въ примиреніи египетскаго паши Ибрагима съ султаномъ Махмудомъ, должны представлять и дѣйствительно представляютъ самый живой интересъ, увеличивающійся и близостью эпохи и самымъ безпристрастнымъ, спокойнымъ изложеніемъ автора-очевидца. Никто не могъ бы намъ, наприм., изложить съ такою ясностью и отчетливостью мотивы, руководившіе нашимъ правительствомъ заботиться о спасеніи Турціи, какъ именно Н. Н. Муравьевъ, бесѣдовавшій

лично съ государемъ, отправлявшимъ его въ октябрѣ 1832 года, съ цѣлью остановить движеніе Ибрагима-Паши, одерживавшаго на каждомъ шагу новыя побѣды, и вмѣстѣ успокоить султана, опасавшагося всякаго вмѣшательства съ нашей стороны. Изъ показаній автора видно, что всѣ окружавшіе Николая Павловича были противъ того, чтобы подавать помощь Турціи: «Онъ одинъ, и вопреки всеобщаго мнѣнія, увидѣлъ необходимость совершенно измѣнить относительно Турціи политическую систему, существовавшую со временъ Петра Великаго», т. е. вредить всѣми силами Турціи и наносить ей ударъ за ударомъ. Николай Павловичъ постигъ, что, послѣ Адріанопольскаго трактата, завоеваніе Турціи такимъ лицомъ, какъ Ибрагимъ-Паша, было бы не паденіемъ Турціи, а ея возрожденіемъ, и потому гр. Нессельроде передавалъ Н. Н. Муравьеву въ слѣдующихъ выраженіяхъ объясненіе новой политики Россіи въ восточномъ вопросѣ:

«Завоеваніе Турціи Мегметъ-Али-Пашею могло бы, съ возведеніемъ новаго лица на престолъ турецкій, возродить новыя силы въ семъ упадающемъ царствѣ и отвлечь вниманіе и силы наши отъ дѣлъ Европы (въ то время бельгійскій вопросъ волновалъ Западъ), и потому государя особенно занимало *удержаніе султана на колеблющемся престолѣ его*».

Такой характеръ новой политики дѣлалъ миссію Муравьева весьма деликатною; султанъ долженъ былъ знать только одинъ мотивъ нашего участія, а именно, что государь, по личнымъ наклонностямъ, «врагъ всякаго возмущенія и вѣрный другъ Султана», какъ было то написано въ письмѣ къ султану; Мегметъ-Али долженъ былъ видѣть въ нашемъ вмѣшательствѣ намѣреніе остаться вѣрными Адріанопольскому трактату. Прежде всего необходимъ былъ величайшій секретъ, чтобы дѣйствовать внезапно; но у насъ, по замѣчанію Н. Н. Муравьева, «въ столицѣ и министерствахъ ничего не можетъ остаться въ тайнѣ, и самыя важныя государственныя дѣла вскорѣ становятся извѣстными; всего болѣе надобно было опасаться отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, наполненнаго иноземцами.»

Наканунѣ отъѣзда, государь самъ лично принялъ Муравьева въ кабинетѣ, еще разъ словесно изложилъ ему содержаніе инструкціи, и въ заключеніе спросилъ, все ли Муравьеву вразумительно и не имѣетъ ли онъ что́ спросить у него лично. Отвѣтивъ утвердительно, Муравьевъ просилъ позволенія изложить государю мысли свои о средствахъ остановить египетскую армію, не приводя въ дѣйствіе нашихъ войскъ.

— «Какія, какія, говори! сказалъ государь, такъ записываетъ авторъ въ своихъ мемуарахъ свой памятный и въ высшей степени любопытный разговоръ съ Николаемъ Павловичемъ.

— «Можно склонить персіянъ къ войнѣ съ египтянами, — отвѣчалъ я, — и тѣмъ отвлечь вниманіе ихъ отъ Турціи, по крайней мѣрѣ дать султану оправиться.

— «У насъ нѣтъ въ правилахъ ссорить между собой *сосѣдей* своихъ».

Въ эту минуту, конечно, мы становились на другую точку зрѣнія и разсматривали Мегмета-Али не какъ мятежнаго подданнаго, возставшаго противъ султана, но какъ сосѣда. Однако Н. Н. Муравьевъ отвѣчалъ такимъ образомъ:

— «Это не было бы въ видѣ ссоры, Ваше Величество; я полагаю, что Персія, какъ дружественная держава, приняла бы съ признательностію предостереженіе такого рода; ибо, нѣтъ сомнѣнія, что Мегметъ-Али своими побѣдами пріобрѣтетъ сильное вліяніе и на сосѣдственныя области Персіи». Симъ возраженіемъ, — прибавляетъ Н. Н. Муравьевъ — думалъ я исправить непріятное впечатлѣніе, сдѣланное, казалось мнѣ, на мысли государя, совѣтомъ, поданнымъ, можетъ быть, не кстати.

— «Это справедливо, отвѣчалъ государь; Аббасъ-Мирза предлагалъ уже мнѣ свои услуги, но онъ теперь занятъ въ Хорассанѣ.»—Потомъ, повременивъ нѣсколько и обратившись опять къ посольству моему, онъ продолжалъ: «Тебѣ я поручаю дѣло сіе, какъ человѣку, на твердость котораго я совершенно полагаюсь; я бы не хотѣлъ посылать войскъ и желаю, чтобы распря ихъ кончилась. Султанъ Магмудъ корчитъ Петра Великаго, да неудачно.... Мнѣ очень выгодно, чтобъ онъ сидѣлъ на турецкомъ престолѣ. Онъ мнѣ нынѣ пожаловалъ свой портретъ, за что́ я ему крайне благодаренъ (сказалъ государь, смѣясь и кланяясь въ поясъ). Султанъ ко мнѣ очень милостивъ, и я хочу ему показать свою дружбу; надобно защитить Константинополь отъ нашествія Мегметъ-Али. Вся эта война не что иное, какъ послѣдствіе

возмутительнаго духа, овладѣвшаго нынѣ (въ 30-хъ годахъ) Европою и въ особенности Франціею. Самое завоеваніе Алжира есть дѣйствіе безпокойныхъ головъ, которыя къ тому склонили бѣднаго Карла X. Нынѣ онѣ далѣе распространили вліяніе свое и возбудили египетскую войну. Съ завоеваніемъ Царьграда (Мегметомъ-Али) мы будемъ имѣть въ сосѣдствѣ гнѣздо всѣхъ людей безпріютныхъ, безъ отечества, изгнанныхъ всѣми благоустроенными обществами. Люди сіи не могутъ оставаться въ покоѣ, они нынѣ окружаютъ Мегмета-Али-пашу, наполняютъ армію и флотъ его. Надобно низвергнуть этотъ новый зародышъ зла и безпорядка, надобно показать вліяніе мое въ дѣлахъ Востока...»

Продолжая развивать свои мысли, Николай Павловичъ замѣтилъ: «Помни же, какъ можно болѣе вселять турецкому султану довѣренности, а египетскому пашѣ страху; я еще хотѣлъ сообщить тебѣ одну вещь, которую ты долженъ хранить въ большой тайнѣ; когда у меня былъ, послѣ войны, съ посольствомъ Галиль-паша, мнѣ показалось изъ словъ его, что султанъ склоненъ къ принятію, въ случаѣ крайности, христіанской вѣры. Не говорю тебѣ о томъ, какъ о вещи рѣшенной; но мнѣ такъ казалось, и предваряю тебя на случай—еслибъ ты въ разговорахъ съ султаномъ услышалъ или замѣтилъ что либо подобное.... Конечно, трудно получить согласіе султана на участіе мое въ дѣлахъ его. Мнѣ также предлагали постороннее участіе, когда Польша взбунтовалась; но я не принялъ ничьихъ предложеній, и самъ управлялся. Если султанъ будетъ въ крайности, онъ, можетъ быть, и согласится на примиреніе, чего бы я однако на его мѣстѣ не сдѣлалъ; въ такомъ случаѣ избѣгай посредничества. Мнѣ недавно писалъ князь Эриванскій, что нынѣ, можетъ быть, настало время Турецкой имперіи раздѣлиться на два царства.»

Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ не могъ запомнить отъ слова до слова такой длинный разговоръ и цѣлыя рѣчи императора, обращенныя къ нему; это только одна литературная форма, къ которой прибѣгнулъ авторъ для выраженія главныхъ мыслей государя, въ первомъ лицѣ, какъ онъ слушалъ его лично. Но по всему видно, что авторъ не старался сочинить разговоръ и украсить его, а передавалъ слышанное по возможности тѣми же словами, какія удержались у него въ памяти. Подобными живыми сценами наполнены всѣ записки отъ начала до конца; личность графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова очерчена въ особенности ясно, и вообще для исторіи 30-хъ годовъ записки Н. Н Муравьева останутся всегда драгоцѣннымъ документомъ и свидѣтельствомъ человѣка весьма умнаго, образованнаго и писавшаго съ полнымъ авторитетомъ непосредственнаго наблюдателя.

Общественное воспитаніе въ Россіи, *Ѳ. Уманца.* Dresden, 1867.

Мы имѣли уже случай сдѣлать краткое библіографическое указаніе на книгу г. Уманца. Обращаемся къ ней еще разъ съ цѣлью остановиться на предметѣ ея подробнѣе. Предметъ ея заслуживаетъ, дѣйствительно, вниманія, не смотря на то, что о немъ было уже не мало толковъ въ русской литературѣ за послѣдніе годы. Кромѣ предисловія, объясняющаго цѣль книжки, содержаніе ея составляютъ статьи: I. Лицеи и университеты; II. Задача университетскихъ экзаменовъ; III. Церковь и воспитаніе (эта глава исключена цензурою); и IV. Уставъ гимназій и прогимназій 1864 года.

Книжка г. Уманца исполнена благихъ намѣреній; онъ скорбитъ о современномъ состояніи нашего общественнаго воспитанія, которое кажется ему (и справедливо) очень плохимъ и недостаточнымъ, и очень желаетъ успѣховъ этому воспитанію, отъ котораго зависитъ благо будущихъ поколѣній и цѣлой націи,—желаетъ этому воспитанію народнаго смысла и самобытности, въ которыхъ видитъ залогъ его прочности и процвѣтанія.

«Понятно,—говоритъ авторъ,—что всѣ предпринятыя въ послѣднее время преобразованія сдѣлаютъ свое дѣло только вполовину или вовсе ничего не сдѣлаютъ, если ихъ развитіе не найдетъ своей поддержки въ системѣ нашего общественнаго воспитанія. Слѣдовательно, начала децентрализаціи, самоуправленія и личной свободы, вносимыя теперь въ жизнь русскаго народа, должны вызвать соотвѣтствующія явленія и въ системѣ русскихъ учебныхъ заведеній. Въ противномъ случаѣ, или общественное воспитаніе будетъ идти въ разладъ съ требованіями общественной жизни, или самая благодѣтельная реформа заглохнетъ среди неспособнаго поддержать ее общества. Она должна заглохнуть, потому что «одинъ въ полѣ не воинъ».

«Итакъ, мы смотримъ на наши учебныя заведенія какъ на политическія учрежденія нашего отечества, которымъ ввѣрена будущность вносимыхъ въ современную русскую жизнь преобразованій, частные интересы безчисленнаго множества семействъ и вся судьба русскаго народа».

Послѣдніе выводы автора состоятъ въ слѣдующемъ:

«Мы неизбѣжно приходимъ къ такому заключенію: развитіе нашей педагогіи должно заключаться не въ подражаніи иностраннымъ образцамъ и не въ стараніи прислушаться къ ходячимъ мнѣніямъ Европы, но въ твердомъ и неуклонномъ стремленіи выработать *національную систему общественнаго воспитанія.*

«Не слѣдуетъ однако предрѣшать въ подробностяхъ вопросъ о томъ, въ чемъ должна заключаться эта народность нашего общественнаго воспитанія. Можно найти много частныхъ недостатковъ въ устройствѣ того или другого учебнаго заведенія, на многое можно смотрѣть съ произвольной точки. И потому нельзя сомнѣваться въ томъ, что для достиженія народности въ дѣлѣ воспитанія, недостаточно самыхъ подробныхъ и обдуманныхъ опредѣленій закона и самаго безукоризненнаго гуманизма, сочиняемыхъ въ кабинетѣ уставовъ. Было бы слишкомъ *не народно* создавать модель «народности» для русской школы...

«Но нашъ вѣковой историческій опытъ можетъ привести насъ къ одному, правда, не многосложному, но совершенно положительному выводу,—никакія педагогическія комбинаціи, никакія улучшенія въ обстановкѣ, преподаваніи и распредѣленіи уроковъ не могутъ замѣнить двухъ условій, существенно необходимыхъ для жизни русской школы: ея корпоративной самостоятельности подъ высшимъ контролемъ Земства и Государства и тѣснаго союза съ Православной Церковью. *Первое* возбудитъ въ ней струю свободной исторической жизни и неразлучнаго съ ней стремленія къ совершенствованію. Въ энергіи корпоративныхъ учрежденій заключается неистощимый запасъ народныхъ силъ, отвергаемыхъ до сихъ поръ, но готовыхъ сдѣлаться «главою угла». *Второе* не только сольетъ наше общественное воспитаніе со всей массой духовной жизни народа, но подниметъ его на уровень міроваго значенія, неотъемлемо принадлежащаго Восточному Исповѣданію. Оставаясь чисто русскимъ, наше общественное воспитаніе могло бы тогда опереться на великое историческое начало, сочетавшее (?) строгость религіознаго догмата съ свободой религіозной и политической и полное уваженіе церковнаго и государственнаго преданія съ широкими началами раціонализма (?).»

Въ этихъ заключительныхъ словахъ достаточно высказывается основная мысль автора, проходящая въ его книгѣ, хотя мы не можемъ сказать, чтобъ книга особенно доказательно вела къ этому выводу. Авторъ старается разъяснить, что русской школѣ нужна, во-первыхъ, корпоративная самостоятельность, подъ прямымъ вліяніемъ и контролемъ общественнаго мнѣнія; во-вторыхъ, союзъ свѣтскаго образованія съ духовнымъ. Но мы не найдемъ въ книгѣ аргументаціи, которая доказывала бы то и другое какимъ нибудь однимъ теоретическимъ принципомъ, и фактами изъ исторіи русскаго общества и его образованія. Значительная доля книги и всѣхъ аргументовъ автора заключается въ описаніи англійскаго школьнаго устройства, которое кажется автору высшимъ идеаломъ, достигнутымъ въ дѣлѣ общественнаго воспитанія. Англійская школа имѣетъ корпоративную автономію; она зависитъ отъ общественнаго мнѣнія и связана съ обществомъ; она находится въ тѣсномъ союзѣ съ духовенствомъ и церковью, поэтому она совершенно *народна*;—того же самаго желаетъ авторъ и для русской школы.

Въ послѣднихъ, приведенныхъ выше, словахъ его заключенія читатель замѣтитъ повтореніе довольно извѣстныхъ славянофильскихъ мотивовъ. Но и здѣсь эти мотивы также не ясны, какъ и въ подлинникѣ, у Кирѣевскаго и Хомякова: какимъ образомъ «историческое начало», указываемое авторомъ, сочетаваетъ въ себѣ *строгость догмата* съ религіозной и политической *свободой*, и сохраненіе *преданія* съ широкими началами *раціонализма*—мы совершенно не понимаемъ... Если автору это *желательно*, если бы онъ сказалъ, что ему хотѣлось бы имѣть въ *будущемъ* для русской школы мирное развитіе новыхъ идей, не подавляемое насильственно старыми, — его слова можно было бы понять, но такъ, какъ они говорятся теперь, въ ихъ положительной формѣ, какъ будто такое начало уже существуетъ,—

ни слова составляютъ кажется очень странное недоразумѣніе.

Между тѣмъ, авторъ понимаетъ ихъ именно въ этой положительной формѣ: въ этомъ убѣждаютъ слова его на другихъ страницахъ его книги. Авторъ думаетъ, что въ прошедшемъ русской исторіи уже *была* та форма школы, какой онъ желаетъ для русскаго общества въ настоящую минуту.—Вотъ какъ говоритъ онъ объ этомъ прошедшемъ:

«Вызванные политическими обстоятельствами, русскіе люди должны были не разъ принимать мѣры противъ католической пропаганды. Въ дѣятельности князей Острожскихъ, въ заботахъ объ устройствѣ школъ Петра Могилы и Петра Сагайдачнаго, въ болѣзненныхъ «писаніяхъ» Курбскаго, въ основаніи Заиконоспасской академіи, даже въ абсурдахъ Стоглава слышится *таже общественная потребность*, которая и въ настоящее время тревожитъ русское общество: намъ надо имѣть православное духовенство, которое могло бы стать въ уровень *общечеловѣческій истины, называемой восточнымъ испнвѣданіемъ,* надобенъ классъ людей, который могъ бы всей своей массой, а не исключительными личностями, поддержать передъ человѣчествомъ здравый смыслъ своего церковнаго устройства... Но *титаническая* работа нашихъ патріотовъ XVI и XVII вѣка осталась пока недоконченной»...

Авторъ разумѣетъ здѣсь, какъ видимъ, ту умственную дѣятельность, которая вызвана была необходимостью противодѣйствовать католичеству, въ западной и южной Руси въ XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ. Тогда основывались тѣ братства и тѣ школы, въ которыхъ авторъ видитъ проявленіе чисто народныхъ началъ общественнаго воспитанія, образчикъ той связи общественной образовательной дѣятельности съ духовными интересами народа, какой онъ желаетъ для настоящаго времени. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

....«Союзъ господствующей православной церкви съ русской школой и союзъ русской школы съ господствующей церковью составляетъ для насъ не роскошь, но существенную необходимость. Хаосъ и безпрестанныя перемѣны въ системѣ нашего общественнаго воспитанія начинаются съ того времени, когда XVIII-й вѣкъ *насильственно передѣлалъ наши древнія общеобразовательныя церковногражданскія школы*(?), служившія всѣмъ классамъ общества, въ двѣ параллельныя системы воспитанія: дворянскую и духовную. Общее недовольство этими обѣими системами воспитанія и безпрестанныя въ нихъ перемѣны ясно доказываютъ несостоятельность современнаго раздѣленія училищъ на свѣтскія и духовныя. Обѣ категоріи одинаково не достигаютъ общихъ цѣлей воспитанія и одинаково не народны»...

Историческое положеніе, высказанное въ этихъ словахъ, какъ нельзя болѣе произвольно. Автору нужно было, во что бы то ни стало чтобы XVIII-й вѣкъ, т. е. собственно реформа Петра, были виноваты и въ недостаткахъ нашего нынѣшняго общественнаго воспитанія, какъ считаются виноватыми во многомъ другомъ. Но, въ настоящемъ случаѣ, объясненіе выходитъ слишкомъ странно. Какія это были, до XVIII-го вѣка, наши *древнія общеобразовательныя* церковно-гражданскія школы, которыя будто бы насильственно передѣлывалъ XVIII-й вѣкъ? До-Петровская Русь, къ сожалѣнію, слишкомъ знаменита отсутствіемъ почти всякихъ школъ, и винить Русь Петровскую за уничтоженіе этихъ не существовавшихъ школъ можно только рѣшившись выставлять въ защиту своихъ фантазій историческія небывальщины. Подъ этими «древними общеобразовательными школами» авторъ очевидно можетъ разумѣть только школы юго-западной Руси, въ подражаніе которымъ основана была потомъ Заиконоспасская академія въ Москвѣ; но эти школы довольно мудрено приписать до-Петровской, т. е. Московской Руси. Эти школы основались независимо отъ Москвы, основались подъ самыми прямыми вліяніями латинской школы, существовавшей тогда въ Польшѣ и послужившей образцомъ для основателей Кіевской Академіи. Общественное значеніе этихъ учрежденій, ихъ «церковно-гражданскій» характеръ, точно также были результатомъ тѣхъ спеціальныхъ условій, какія представляла тогда жизнь юго-западной Руси въ ея тогдашнихъ обстоятельствахъ. Русь московская здѣсь опять не при чемъ, потому что въ ея школахъ (когда онѣ были переняты съ юга) этого «церковно-гражданскаго» характера уже далеко не было въ той степени, какъ это было въ самой Кіевской Академіи. Однимъ словомъ, выставлять эти юго-западныя школы «древней» принадлежностью собственной, т. е. московской

Руси XVI-XVII-го вѣка совершенно невозможно, тѣмъ больше еще, что въ Москвѣ даже прямо питали немалое недовѣріе къ юго-западной школѣ и сомнѣвались отчасти въ ея православіи. Конечно, и то и другое была Русь, но эти двѣ Руси были очень непохожи одна на другую, одна была уже нѣсколько тронута хотя схоластическимъ образованіемъ, другая не тронута нисколько, и сливать ихъ, говоря о XVII-мъ вѣкѣ, не позволяетъ здравый историческій смыслъ.

Что же сдѣлалъ съ этой школой (потому что другой до XVIII-го вѣка и не было) XVIII-й вѣкъ? Онъ съ ней не дѣлалъ ровно ничего. Когда по образцу юго-западной учредилась школа и въ Москвѣ, то эта школа еще въ томъ же XVII-мъ столѣтіи получила здѣсь характеръ нѣсколько отличный отъ того, какою была она на югѣ. Ея «общественный», «церковно-гражданскій» характеръ здѣсь былъ замѣтенъ гораздо меньше или даже не существовалъ вовсе; правда, за неимѣніемъ другихъ учебныхъ заведеній, въ этихъ школахъ учились и свѣтскіе люди, не предназначавшіе себя къ духовному званію, но тѣмъ не менѣе школа уже и въ это время,—независимо отъ какихъ нибудь новыхъ давленій XVIII-го вѣка, а просто вслѣдствіе привычныхъ московскихъ нравовъ, — стала пріобрѣтать тотъ исключительно церковный характеръ, который отличалъ потомъ духовныя академіи и семинаріи. Содержаніе того образованія, какое они давали, шло по преданію отъ XVII-го вѣка: въ этой «нашей древней», «общеобразовательной» школѣ, къ удивленію, стала безраздѣльно царствовать схоластическая латынь... Петръ Великій предоставилъ ей существовать, какъ она знаетъ, и *насилій*, на которыя жалуется г. Уманецъ, никто этой школѣ не дѣлалъ; но для Петра эта школа казалась, и совершенно справедливо, весьма недостаточной для «общественнаго воспитанія», потому что общественныя потребности, выражавшіяся дѣятельностью самого Петра, требовали совсѣмъ иныхъ, новыхъ знаній, о которыхъ эта школа не имѣла понятія.— Какъ потомъ упали эти духовныя заведенія— извѣстно; онѣ оставались неизмѣнно въ рукахъ того же духовенства, которому принадлежали еще съ XVII-го вѣка, и слѣд., отъ его доброй воли зависѣло устроивать ихъ такъ или иначе.

Такимъ образомъ, тотъ XVIII-й вѣкъ, который г. Уманецъ обвиняетъ въ «насильственной передѣлкѣ» нашей «древней» школы, ничего тутъ не дѣлалъ. Онъ просто увидѣлъ, что «древняя» школа не давала того, что было очень нужно по обстоятельствамъ общественнаго и государственнаго положенія, и рядомъ съ духовной, основалъ свою свѣтскую, реальную школу. Если свѣтская и духовная школа разошлись, то здѣсь виновато было не какое-нибудь зловредное удаленіе отъ народныхъ началъ, какъ должно слѣдовать по г. Уманцу, а неизбѣжная необходимость въ здравыхъ реальныхъ свѣдѣніяхъ, которыя въ свѣтской школѣ были все-таки ближе къ уровню тогдашней *науки*, чѣмъ семинарская и академическая схоластика.

До настоящей минуты, или, по крайней мѣрѣ, до очень недавняго времени, разладъ между свѣтскимъ и духовнымъ образованіемъ, указываемый авторомъ, главнымъ образомъ зависѣлъ отъ той же самой причины. Духовныя заведенія (внѣ своей богословской спеціальности, имъ исключительно принадлежащей) доставляли только самое ограниченное, часто крайне отсталое «общеобразовательное» воспитаніе, и это было, какъ мы замѣтили, не только въ нынѣшнемъ, но уже и въ прошломъ столѣтіи. Сближеніе, котораго требуетъ г. Уманецъ между свѣтской и духовной школой, для развитія *народнаго* воспитанія,—возможно только на томъ условіи, если духовныя училища оставятъ свою старую программу; свѣтскимъ уступать свою— было бы окончательнымъ паденіемъ всякой сколько-нибудь здравой школы...

Другія разсужденія г. Уманца также представляютъ много странныхъ недоразумѣній.

Онъ нѣсколько разъ заявляетъ свою антипатію, къ тѣмъ безпрестаннымъ передѣлкамъ и реформамъ, какимъ подвергается наше общественное воспитаніе, съ пренебреженіемъ отзывается о копированіи европейскихъ взглядовъ, которыми руководятся преобразователи. Но онъ едва ли достаточно серьезно и искренно вникнулъ въ это положеніе дѣла, и едва ли правильно оцѣнилъ тѣ стремленія, которыми вообще руководились и руководятся многіе, желающіе преобразованія русской школы... Притомъ, самъ авторъ также копируетъ европейскіе взгляды: его усердныя рекомендаціи англійскаго школьнаго устройства, по нашему мнѣнію, очень мало клеятся съ пламенными стре-

мленіями къ «народной русской школѣ, которыя наполняютъ его книгу.

Аттрибуты русской истинно «народной» школы,—какую мы можемъ пока представлять только въ идеальномъ будущемъ,—едва ли будутъ похожи на то, что̀ представляетъ англійская школа и что̀ рекомендуетъ г. Уманецъ.—Не останавливаясь на этомъ, слишкомъ обширномъ сюжетѣ, замѣтимъ, напр., только, что г. Уманецъ, пересчитывая достоинства англійской школы, по его мнѣнію, желательныя для русской, на многихъ страницахъ перебираетъ вопросъ о пресловутомъ классическомъ образованіи, которое кажется ему верхомъ педагогической мудрости, «художественнымъ» (!) ея созданіемъ. Мы не станемъ опровергать мнѣній автора объ этомъ предметѣ, уже достаточно набившемъ оскомину отечественной литературѣ, и замѣтимъ только, что англичане сами наскучили этимъ «художественнымъ» произведеніемъ педагогіи, и въ средѣ ихъ общества и самой воспитательной корпораціи въ послѣднее время поднялось много авторитетныхъ голосовъ противъ этого классицизма, въ которомъ они начинаютъ видѣть прямой ущербъ національному «капиталу»—разумѣя капиталъ умственный и нравственный, а затѣмъ также и матеріальный.—Эта защита классицизма для русскихъ гимназій нѣсколько запоздала у г. Уманца; уставъ гимназій и прогимназій 1864 г., по поводу котораго авторъ возстаетъ противъ реализма въ пользу классическаго образованія, подвергся уже новой передѣлкѣ, и классицизмъ господствуетъ нынѣ въ гимназіяхъ въ очень обильной дозѣ. Но мы все-таки думаемъ, что нашей педагогіи и г. Уманцу грозитъ опасность потерять здѣсь oleum et operam: истинно-классическое воспитаніе, въ томъ широкомъ объемѣ, въ какомъ понимаютъ его лучшія школы и лучшіе мыслители въ Германіи и Англіи,—и въ какомъ оно только и имѣетъ смыслъ,—это истинно-классическое воспитаніе есть слишкомъ нѣжный и слишкомъ тонкій плодъ европейской цивилизаціи, чтобы онъ могъ теперь, въ настоящую минуту, привиться на русской почвѣ. Въ русской жизни некуда дѣвать идей и стремленій, которыя должно сообщать истинно-классическое образованіе: для того, чтобы они могли послужить къ чему-нибудь, имъ нуженъ извѣстный просторъ, свобода мысли, литературное развитіе, которыми еще не можетъ похвалиться русское общество. Но,—какъ говоритъ самъ г. Уманецъ (стр. 2—8), «народная жизнь, послѣдовательная вообще, отличается неумолимой логикой въ дѣлѣ общественнаго воспитанія и потому на этомъ пути нельзя ошибаться безнаказанно»,—и русская школа дѣйствительно не могла усвоить себѣ настоящаго классицизма: во времена Уварова, этотъ классицизмъ, столь усердно распространяемый, въ массѣ, не принесъ иныхъ плодовъ, кромѣ плохого знанія греческихъ аористовъ...

Но, не смотря на эти и подобныя странности, въ книжкѣ г. Уманца есть замѣчанія чрезвычайно справедливыя, о томъ, что̀ нужно для «народной» русской школы, и этимъ замѣчаніямъ нельзя не сочувствовать. Таковы въ особенности мысли о необходимости автономіи, безъ которой дѣйствительно никогда не будетъ возможна вполнѣ здравая и истинно народная школа, заслуживающая подобнаго названія.

«Одно изъ самыхъ дурныхъ преданій нашей школьной администраціи — говоритъ г. Уманецъ — заключается въ привычкѣ *безпрестаннаго вмѣшательства* и перемѣнъ въ дѣлѣ народнаго образованія... Подъ гнетомъ *бюрократической инціативы* исчезаетъ иниціатива учебнаго заведенія и самая задача воспитанія превращается въ простое исполненіе бумагъ за нумерами. Такое учебное заведеніе можетъ отличиться на публичномъ экзаменѣ, блеснуть на ревизіи, но въ немъ никогда не найдется корпоративной силы, которая могла бы возбудить въ обществѣ неограниченное довѣріе къ своему духу, выработать хорошее преданіе, *пріобрѣсти нравствeнное вліяніе* на воспитанниковъ и освободиться отъ недостатковъ своего вѣка».

«Общественное воспитаніе только тогда можетъ влить въ націю освѣжающія силы здороваго молодого поколѣнія, когда школа развивается независимо отъ періодическаго колебанія народной жизни. Другими словами: народное воспитаніе, чтобы быть источникомъ народнаго самосовершенствованія, должно стоять независимо отъ хорошихъ и дурныхъ администрацій. Оно не должно подчиняться ни революціямъ, ни реакціямъ...»

«Существованіе самостоятельной школы до такой степени необходимо для нормальнаго развитія народной жизни, что, въ видахъ поддержанія этой самостоятельности, никогда нельзя сдѣлать слишкомъ много. Недостаточно одной только независимости по уставу, на клочкахъ

мертвой бумаги защищающей школы отъ внѣшняго наплыва случайныхъ преобразованій. Необходимо болѣе существенное — независимость матеріальная...»

Это о внѣшнемъ положеніи школы въ обществѣ. Объ ея внутреннемъ содержаніи, объ отношеніи ея къ народности, авторъ, между прочимъ, говоритъ:

«Чтобы быть органомъ народнаго самосовершенствованія, русская школа должна сроднить *каждое новое поколѣніе* со *всей* народной жизнью: ея страданіями и прирожденной исторической идеей, ея *славой и горемъ*. Она должна научить его понимать величіе судебъ русской земли, *даже* въ поучительномъ безобразіи нѣкоторыхъ ея свойствъ и историческихъ моментовъ...»

Во всемъ этомъ чрезвычайно много справедливаго, и эти желанія г. Уманца для русской школы конечно, очень, благія желанія. Но въ своей постановкѣ и опредѣленіи вопроса авторъ, кажется, не достаточно думалъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя предстоятъ и вѣроятно еще долго будутъ предстоять подобному развитію русской школы. Онъ думаетъ исправлять общество исправленіемъ школы; но онъ слишкомъ забываетъ, что самое исправленіе школы возможно только тогда, когда его допуститъ цѣлое состояніе общества.

Далѣе, опредѣляя свои основанія народной школы, авторъ понимаетъ ее такъ отвлеченно,— какъ она едва ли можетъ существовать въ жизни. Авторъ считаетъ крайне вредными для «высоко нравственнаго и художественнаго (?) назначенія» школы тѣ «минутные порывы», «отрывочныя направленія», которыя представляетъ общественная жизнь, хотя, по мнѣнію автора, эти минутные порывы и «могутъ сдѣлать много хорошаго на поприщѣ общественной дѣятельности, подъ знаменемъ противоположныхъ убѣжденій.» Авторъ думаетъ, что эти движенія общественной жизни не должны совсѣмъ касаться школы, потому что «цѣль учебнаго заведенія выше временныхъ цѣлей того или другаго поколѣнія», что школа должна «стоять выше своего вѣка», что «въ ней зачатокъ вѣковъ грядущихъ...»

Мы затрудняемся, какъ это понимать. Школа, конечно, готовитъ людей для будущаго (для «вѣковъ грядущихъ»—какъ выражается авторъ, — слишкомъ уже много), но какимъ образомъ она можетъ совсѣмъ уединяться отъ движенія жизни?—потому что «минутные порывы» и «отрывочныя направленія», конечно, составляютъ только эпизоды и отдѣльные шаги этого движенія. Кто же былъ бы въ состояніи дать школѣ такую отвлеченно-чистую и вполнѣ законченную программу, гдѣ бы она стала совсѣмъ независимою отъ общественныхъ движеній?

Исторія школы, напротивъ, находится въ слишкомъ тѣсной связи съ исторіей цѣлаго общественнаго просвѣщенія, и если это послѣднее стремится дѣйствовать на школу, и на оборотъ школа ищетъ сближенія съ умственными интересами и движеніемъ минуты, это совершенно хорошій признакъ ея жизненности. Авторъ, кажется, не разъяснилъ себѣ достаточно этого пункта: выражая приведенное выше свое желаніе, чтобы школа осталась совершенно свободна отъ «минутныхъ порывовъ» и «отрывочныхъ направленій», онъ кажется смущался тѣми неудовлетворительными свойствами, какія имѣютъ эти порывы и направленія въ русской жизни. Мы понимаемъ возможность смущаться этимъ; но пусть авторъ подумаетъ однако хорошенько — кто или что виновато въ неполнотѣ, неудовлетворительности, часто нелѣпости этихъ направленій и порывовъ: имѣли ли когда нибудь эти самыя направленія возможность правильнаго развитія и выраженія? Могли ли они достаточно высказаться? Не подвергались ли особенно тѣ порывы, которые стремились къ новому раціональному содержанію и реформѣ прежняго, — не подвергались ли они всевозможнымъ обвиненіямъ и клеветамъ? Невозможно спорить противъ того, что въ этихъ «порывахъ» и «направленіяхъ» русское общество еще слишкомъ молодо и что, увлекаясь ими, многіе впадаютъ въ большія ребячества и нелѣпости,—вслѣдствіе этой самой молодости и неопытности общества во всякихъ подобныхъ, т. е. общественныхъ интересахъ и предпріятіяхъ. Этими частными ребячествами и нелѣпостями у насъ постоянно и пользуются такъ-называемые консерваторы, чтобы клеветать и доносить на всякую новую мысль и новое стремленіе. Судя по его книгѣ, г. Уманецъ способенъ судить безпристрастно, и потому онъ, вѣроятно, согласится, что это дѣлалось и дѣлается не совсѣмъ справедливо. Если бы шелъ вопросъ объ относительномъ количествѣ нелѣпостей, которыя дѣлались обѣими сторонами, старой и новой, — то едва

ли можетъ быть вопросъ о томъ, на которой сторонѣ этихъ нелѣпостей больше. Извѣстно, притомъ, что крайности и безобразія старины и бываютъ именно виноваты въ томъ, что и оппозиція, представленная нынѣ новыми направленіями, сама впадаетъ въ преувеличенія и крайности. Но разница между ними бываетъ та, что недостатки старины освящаются временемъ и обычаемъ точно также, какъ и ея достоинства; и какіе бы аргументы ни выставлялись противъ этихъ недостатковъ новыми направленіями, всегда находятся защитники старины, которые будутъ вопіять о нарушеніи этого освященія. У насъ бывали систематическіе противники желѣзныхъ дорогъ; до сихъ поръ есть систематическіе противники освобожденія крестьянъ, гласнаго суда и т. д. и т. д.

Справедливо ли дѣлаетъ и г. Уманецъ, когда забываетъ обо всемъ этомъ невыгодномъ положеніи новыхъ «порывовъ» и «направленій», осуждая ихъ въ своей книгѣ. Имѣетъ ли онъ, напр., право говорить о «дешевомъ реализмѣ», когда на самомъ дѣлѣ, этотъ реализмъ, котораго желаетъ отъ нашей школы значительная часть общества, не успѣлъ даже имѣть ни достаточно времени, ни сколько-нибудь достаточнаго простора, чтобы быть примѣненнымъ въ школьномъ устройствѣ и преподаваніи? О «дешевомъ классицизмѣ» есть полная возможность говорить, потому что въ исторіи нашего просвѣщенія былъ уже цѣлый длинный административный періодъ, въ теченіе котораго этотъ классицизмъ игралъ большую роль въ русской школѣ. Но, конечно, критикъ русской школы въ настоящую минуту не имѣетъ еще никакого права свысока отзываться о реализмѣ, который до сихъ поръ еще не имѣлъ въ этой школѣ никакого дѣйствительнаго значенія; а смѣшивать его въ своемъ словоупотребленіи съ спеціализмомъ кадетскихъ корпусовъ, съ обученіемъ сахарному производству и т. п., какъ дѣлаетъ отчасти авторъ,—значитъ, имѣть очень неясное представленіе о томъ, чего хочетъ педагогическое направленіе, защищающее реализмъ...

Разставаясь съ книжкой г. Уманца, не можемъ еще разъ не пожалѣть, что авторъ, взявшись очевидно съ большой доброй волей за такой важный предметъ, какъ общественное воспитаніе, мало вникнулъ въ сущность положенія этого вопроса въ нашей общественной жизни и литературѣ; употребивши на это больше вниманія, онъ понялъ бы дѣло вѣрнѣе и принесъ бы больше пользы своимъ читателямъ.

Сочиненія Е. А. Баратынскаго Съ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, его письма и біографическими о немъ свѣдѣніями. Москва, 1869.

Баратынскій былъ однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ поэтовъ Пушкинской школы и Пушкинскаго кружка, и для читателей, интересующихся прошедшимъ русской поэзіи, изданіе его сочиненій должно быть пріятнымъ явленіемъ. Въ исторіи поэзіи Пушкинскаго кружка Баратынскій, безъ сомнѣнія, долженъ занять важное мѣсто, и его сочиненія доставятъ много разъясненій ея лучшихъ и ея слабыхъ сторонъ. Этюдъ о Баратынскомъ могъ бы имѣть немалый историческій интересъ, и мы ожидали-было встрѣтить таковой при новомъ изданіи...

Издатели настоящаго собранія, повидимому, прилагали къ своему дѣлу большое стараніе. Изданіе сдѣлано на хорошей бумагѣ, первыя буквы стихотвореній украшены виньетками (впрочемъ, только въ началѣ книги), корректура внимательна; «по примѣру изданій, появившихся въ послѣднее время», къ стихотвореніямъ приложено множество варіантовъ (отчасти важныхъ, но большею частью неважныхъ); приложенъ портретъ, — или впрочемъ не портретъ, а рисунокъ бюста, намъ кажется очень невыразительный и безжизненный, какъ всѣ рисунки съ бюстовъ...

Но мы очень пожалѣли, что издатели не обратили своихъ стараній на другую сторону дѣла, которая важнѣе бумаги, виньетокъ и, пожалуй, даже многихъ варіантовъ. Мы говоримъ о совершенномъ отсутствіи какой-нибудь характеристики литературной дѣятельности Баратынскаго, и о слишкомъ недостаточной біографіи. И тому и другому посвящено въ книгѣ десять страничекъ, и то пересыпанныхъ выписками изъ его стихотвореній; въ этомъ вся біографія. Правда, дальше слѣдуютъ письма Баратынскаго, изъ которыхъ читателю самому предоставляется извлекать что̀ ему угодно, — но намъ кажется, что долгъ издателей былъ бы дать читателю болѣе обстоятельную біографію поэта, которому сами они придаютъ, кажется, большую цѣну. Въ самой перепискѣ читатель принужденъ—на свой страхъ — разъяснять различныя буквы, которыми обозна-

чаются упоминаемыя въ письмахъ лица. Мы не знаемъ, стоятъ ли эти буквы въ самомъ подлинникѣ писемъ, или они поставлены издателями. Въ послѣднемъ случаѣ мы не можемъ отыскать никакого смысла въ этихъ умолчаніяхъ. Заставляя читателя самого соображать по этимъ письмамъ отношенія Баратынскаго, его связи съ тѣми или другими современниками, издатели ставятъ здѣсь читателю препятствія, полагаемъ, совершенно ненужныя. Они, напротивъ, обязаны были бы скорѣе сами сколько возможно разъяснить подобныя буквы, еслибы они находились въ подлинникѣ. Что извлечетъ читатель изъ такихъ, напримѣръ, данныхъ:

„Поцѣлуй за меня П..... и Р.... въ лобъ“ и проч. (въ письмѣ Дельвига).

„....Таково положеніе М..... и мое и большей части молодыхъ людей нашего времени“ (въ письмѣ Баратынскаго къ Н. В. Путятѣ).

Кто *М*.... и что съ нимъ случилось?

„.... Успѣлъ повидаться съ Р!.... и съ М.... (id.).

„Любезнаго Б....ва, нѣжнаго обожателя Ѳ. В. Б......на, благодарю за замѣчаніе (id.), и такъ далѣе.

Неужели издатели опасались назвать даже Ѳ. В. Булгарина?

Кромѣ того, въ письмахъ являются еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ точки, повидимому, не принадлежащія автору, а поставленныя издателями по ихъ видамъ,—напр. въ особенности на стр. 414. Если не ошибаемся, въ этихъ точкахъ должна идти рѣчь именно о такихъ вещахъ, отношеніе къ которымъ существенно опредѣляетъ взгляды корреспондентовъ. Послѣ этихъ точекъ идетъ нѣсколько очень неодобрительныхъ фразъ, относящихся къ декабристамъ. Въ томъже родѣ, кажется, точки на стр. 416, 417,— а можетъ быть еще и во многихъ другихъ мѣстахъ, не знаемъ.

Вѣроятно, по особымъ же видамъ издатели неупомянули совсѣмъ разсказовъ о той юношеской шалости въ Пажескомъ корпусѣ, которая имѣла такое вліяніе на дальнѣйшую судьбу Баратынскаго, и между прочимъ вызвала теплое заступничество Жуковскаго. Неужели издатели думали, что ребяческая шалость можетъ набросить какую-нибудь тѣнь на личность Баратынскаго? По крайней мѣрѣ, слѣдовало бы указать, гдѣ можно было бы читателю найти эти свѣдѣнія.

Наконецъ, если у издателей не нашлось возможности составить болѣе отчетливой біографіи, почему бы они не могли, по крайней мѣрѣ, собрать и указать біографическій матеріалъ, котораго они не могли разработать сами? Такія указанія были бы гораздо важнѣе, чѣмъ напр., очень многіе изъ собранныхъ издателями варіантовъ, занимающихъ цѣлые печатные листы.

Очень жаль, вообще, что издатели поняли такъ свою задачу въ этомъ собраніи сочиненій Баратынскаго. Они позаботились только объ однихъ варіантахъ, и въ этомъ отношеніи, — «по примѣру изданій, появлявшихся въ послѣднее время» — примѣнили къ Баратынскому способъ изданія, приложимый въ сущности только къ классическимъ первостепеннымъ писателямъ, и наполнили книгу варіантами, не позаботившись о болѣе существенныхъ принадлежностяхъ изданія. Намъ кажется, что и тѣ изданія, которыя служили образцомъ этому, слишкомъ преувеличиваютъ заботу о собираніи каждаго черноваго листка, который брошенъ былъ самимъ писателемъ въ корзину, но былъ спасенъ изъ нея для потомства какимъ-нибудь благодѣтельнымъ случаемъ. Такой листокъ можетъ быть «драгоцѣненъ», когда онъ принадлежитъ Пушкину или Лермонтову; но даже и въ такомъ случаѣ онъ «драгоцѣненъ» не всегда.

М. Стасюлевичъ.

ымыцкая степь Астраханской губерніи, по из- слѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи. Изд. Мин. госуд. имущ. Спб. 1868. Ц. 5 р.

Дѣло идетъ о пространствѣ земли, между Вол- й и Дономъ, занимающемъ 8 милліоновъ десятинъ, предѣлахъ котораго кочуетъ около 120.000 ъ обоего пола. По выраженію автора, эти 8 л. десятинъ европейской Россіи составляютъ очти неизвѣстную страну", состоявшую въ вѣ- ніи министерства государ. имуществъ. Въ 1860 г., нистерство назначило экспедицію для ознаком- нія съ этимъ краемъ, въ геологическомъ и литико-экономическомъ отношеніи. Предъ нами ерь результатъ занятій экспедиціи, представ- ющій много весьма любопытныхъ данныхъ; изда- богато снабжено картами, планами и рисун- ми. Къ сожалѣнію, экспедиція не могла (!) въ ссіи найти для себя натуралиста, какъ жалуют- на то издатели (см. стр. 5), и удобный случай изученію богатствъ природы Калмыцкой степи лъ потерянъ. Потому отсутствіе естественныхъ дѣній о краѣ составляетъ чувствительный не- статокъ изданія и вызываетъ печальныя мысли состояніи естествовѣдѣнія у насъ. Пусть обра- тъ на это вниманіе, кому то слѣдуетъ, и проч- ъ, какимъ образомъ экспедиція искала для себя туралиста, и какъ она не нашла никого. Это сьма любопытно и назидательно!

оруженныя силы Россіи. Соч. *Р. Фадѣева.* Мо- сква, 1868. Стр. 314. Ц. 1 р. 50 к.

Трудъ г. Фадѣева весьма извѣстенъ по первому изданію въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Нынѣ этотъ дъ является не только отдѣльною книгою, но ъ большими измѣненіями и дополненіями. Ав- ръ съумѣлъ сдѣлать общедоступнымъ предметъ себѣ весьма спеціальный, не пожертвовавъ ни- лько основательностью изслѣдованія и сужденія. имѣемъ въ виду познакомить читателей ближе содержаніемъ и выводами труда г. Фадѣева, а ому ограничимся теперь однимъ указаніемъ на выходъ въ свѣтъ.

рои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Исторія Греціи въ біографіяхъ, *Г. В. Штолля.* Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Г. Васильевскаго. Спб. 1868. Стр. 435. Ц. 2 р.

Это—первый томъ извѣстнаго сочиненія Штолля: сторія Греціи и Рима въ біографіяхъ". Какъ юстрація классиаго преподаванія исторіи, рус- переводъ Штолля будетъ, вѣроятно, принятъ благодарностью преподавателями, тѣмъ болѣе, онъ исполненъ довольно тщательно и добро- ѣстно. Можно жаловаться только на высокую ну книги переводной, въ составъ которой не одитъ авторскій трудъ; едва ли учащіеся и уча- назовутъ подобное изданіе общедоступнымъ, то слѣдовало бы желать книгѣ, предназначенной ключительно для класснаго употребленія.

Воспоминанія Слѣпаго. Путешествіе вокругъ свѣ- та *Жака-Араго.* Перев. Л. Муратова и Ф. Отто. Два тома. Москва, 1868. Стр. 449 и 400.

Жакъ Араго, братъ знаменитаго натуралиста Франсуа Араго, сдѣлалъ кругосвѣтное плаваніе, состоя при экспедиціи, въ качествѣ туриста и секретаря съ 600 франк. годового жалованья. Впослѣдствіи, лишившись зрѣнія, онъ продиктовалъ свои воспоминанія, въ высшей степени разнооб- разныя, и наполненныя интересными разсказами, драматическими приключеніями, историческими во- споминаніями и поэзіею. Въ особенности, зани- мательно его описаніе Новой Голландіи. Такое произведеніе, во всякомъ случаѣ, заслуживало бы лучшаго перевода и болѣе тщательнаго изданія: между тѣмъ, въ русскомъ переводѣ мы встрѣчаемъ чуть не на каждомъ шагу рѣдкія безсмыслицы въ родѣ слѣдующихъ: „Араго будетъ очень жалѣетъ", или: „Авторъ хотѣлъ захватить, то чѣмъ никто еще недѣлалъ (?) весь міръ мореплавателей". Трудно повѣрить, до чего можетъ доходить не- брежность изданія, а едва ли приведенныя безсмы- слицы можно отнести на счетъ переводчиковъ.

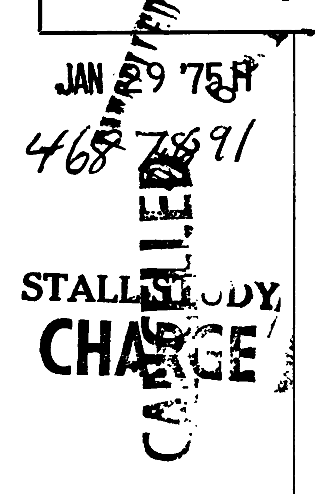
Сѣверный полюсъ и земля Ялмалъ. Путевыя запи- ски. Сочин. Ю. И. Кушелевскаго. Спб. 1868. Стр. 121. Ц. 2 р. 25 к.

Авторъ издаетъ свои замѣтки, сдѣланныя во время его пребыванія по службѣ въ Обдорскѣ въ 1852—54, и во время экспедицій на сѣверъ 1862—65 гг. Изданіе снабжено рисунками и рус- ско-самоѣдскимъ словаремъ. Авторъ самъ проситъ извинить его „за нецвѣтистое изложеніе" этихъ записокъ; но это не главный ихъ недостатокъ; болѣе важно то, что въ авторѣ незамѣтно пред- варительной подготовки, и потому его наблюденія надъ страною и людьми остались весьма поверх- ностны, а выводы и замѣтки — наивны.

Мѣсяцесловъ на 1869 годъ. Съ портретомъ ко- ролевы Эллиновъ Ольги Константиновны. Изда- ніе Имп. Академіи Наукъ. Ц. 1 р. въ папкѣ.

Академическій календарь поставилъ съ 1868 г. цѣлью снабжать свою общую часть публикаціею дан- ныхъ, источники которыхъ не всегда бываютъ до- ступны для другихъ. Такъ, въ 1868 г. были помѣщены таблицы государственнаго долга; въ нынѣшнемъ изданіи мы встрѣчаемъ таблицы, составленныя В. П. Безобразовымъ, объ исполненіи росписи за 1866 г., и таблицы внѣшней торговли, составленныя Ѳ. Г. Тернеромъ. Укажемъ также на статью Б. С. Якоби о единообразіи мѣръ, вѣсовъ и монетъ, цѣлый новый географическій отдѣлъ его же, и особую статью П. П. Нейгардта о движеніи населенія въ Петербургѣ. Къ числу недостатковъ мы отнесли бы составленіе некролога, который состоитъ поч- ти изъ указаній дня и года смерти лицъ, между тѣмъ, какъ не составило бы большого труда раз- вить этотъ отдѣлъ до фактическихъ біографій.

3 2044 019 213 636

JAN 29 '75 H
STALL STUDY
CHARGE
CANCELLED

